

Oriental Studies

2020. Т. 13. № 3

Journal of Oriental Studies
Volume 13, No. 3, 2020

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языки; литература и фольклор восточных народов

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Издается с 2008 г.

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2020
- © Коллектив авторов, 2020

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

*History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Language; Literature and Folklore of Oriental People*

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record ПИ No. ФС77-76487

Published six times a year.

Has been issued as a journal since 2008

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Office, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Правительство Монголии, Международная ассоциация монголоведов (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philol.), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

E.P. Bakaeva, Dr. Sc. (Hist.), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Kh. A. Amirkhanov, Corr. Member of the RAS, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- S. A. Arutyunov, Corr. Member of the RAS, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
M. M. Balzer, Ph. D. (Hist.), Georgetown University (Washington, USA);
A. Bareja-Starzynska, Ph. D. Habil., University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- L. Bold, Acad. of the Mongolian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
N. Ph. Bugay, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- A. A. Burykin, Dr. Sc. (Philol. and Hist.), Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian
Federation);
- Wei Jian, Dr. Sc. (Hist.), Renmin University of China (Beijing, China);
- Ts. Darieva, Dr. (Anthrop.), Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
A. V. Dybo, Corr. Member of the RAS, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
V. L. Klyaus, Dr. Sc. (Philol.), Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Yu. Konagaya, Dr. Prof., Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- I. V. Kulganek, Dr. Sc. (Philol.), Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
G. G. Matishov, Acad. of the RAS, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
I. Ph. Popova, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- A. G. Sitdikov, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
E. K. Skribnik, Dr. Sc. (Philol.), Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Na. Sukhbaatar, Dr. Sc. (Hist.), Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
V. V. Trepavlov, Dr. Sc. (Hist.), Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
T. Uyama, Prof., Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- N. V. Tsyrempilov, Dr. Sc. (Hist.), Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Chao Gejin, Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Chao Getu, Dr. Sc. (Philol.), Minzu University of China (Beijing, China);
- S. Chuluun, Acad. of the Mongolian Academy of Sciences, Government of Mongolia, International Association of
Mongol Studies (Ulaanbaatar, Mongolia);
- D. Schorkowitz, Ph. D. Habil. (History), Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
A. Yukiyasu, Ph. D. (Philol.), Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: Rayma G. Saryaeva

Translator: Sanal V. Dzhagrunov

Design and page layout: Dzhangar V. Tatninov

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<p><i>Люлина А. Г.</i> Ганден Пходранг: правительство Далай-ламы в XVIII в. . . . . 478</p> <p><i>Цыбенев Б. Д., Очиров Ц. С.</i> От политики «четырёх чисток» к созданию ревкомов в Хулун-Буире (к реконструкции событий начального этапа «культурной революции») . . . . . 493</p>	478 493
Отечественная история	<p><i>Сень Д. В.</i> Ногайская Кубань и проблемы внутривосточного развития Крымского ханства середины XVIII в. . . . . 506</p> <p><i>Исянгулов Ш. Н.</i> Смертность мусульманского населения Южного Урала в 1860–1910-е гг. (особенности половозрастной структуры) . . . . . 521</p> <p><i>Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.</i> Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. . . . . 533</p> <p><i>Орлова К. В.</i> Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в. . . . . 546</p> <p><i>Сабирова З. С.</i> Эпигенез средств массовой информации в Башкирской АССР в 1950–1980-е гг. . . . . 560</p>	506 521 533 546 560
Археология	<p><i>Кекеев Э. А.</i> Элистинский могильник: анализ взаиморасположения курганов и погребений бронзового века . . . . . 572</p> <p><i>Романов А. А.</i> Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.). . . . . 591</p> <p><i>Буратаев Е. Г.</i> Каменная зооморфная скульптура эпохи средневековья (по материалам волго-маньчских степей) . . . . . 606</p>	572 591 606
Источниковедение	<p><i>Мешезников А. В.</i> Новый фрагмент санскритской Саддхармапундарики-сутры из Хотана . . . . . 620</p> <p><i>Бичеев Б. А.</i> Два «Царя дхармы» одного текста наставлений . . . . . 629</p> <p><i>Ринчинов О. С.</i> Тибетское наследие в цифровом пространстве: подходы и реализации . . . . . 640</p> <p><i>Базаров А. А.</i> Перевод (адаптация) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский . . . . . 652</p>	620 629 640 652
Этнология и антропология	<p><i>Бакаева Э. П.</i> Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 . . . . . 661</p> <p><i>Бадмаева Н. В.</i> Опыт трудовой миграции сельских жителей Калмыкии (по результатам глубинных интервью) . . . . . 688</p>	661 688
Языкознание	<p><i>Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Корovina Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов Л. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В.</i> Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») . . . . . 696</p> <p><i>Муратова Р. Т.</i> Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения ал ‘алый, розовый’ в тюркских языках . . . . . 714</p> <p><i>Улаков М. З.</i> Дифференциальные и интегрирующие особенности лексемы ола/ала в тюркских языках (на материале узбекского и карачаево-балкарского языков) . . . . . 728</p> <p><i>Кошелюк Н. А.</i> Мансийский язык: история научного освоения . . . . . 743</p> <p><i>Ишкильддина Л. К.</i> Репрезентация гендера в лексической системе башкирского языка . . . . . 766</p>	696 714 728 743 766
Фольклористика	<p><i>Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Алимаа А.</i> Мотив «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосах монгольских народов . . . . . 779</p> <p><i>Мирзаева С. В.</i> О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова). . . . . 790</p>	779 790
Литературоведение	<p><i>Топалова Д. Ю.</i> Периодические издания калмыцкой эмиграции (на примере журнала «Мана зэнгэ» 1946–1947 годов) . . . . . 804</p>	804

CONTENTS

General History	<i>Lyulina A. G.</i> Ganden Phodrang: Government of the Dalai Lama in the 18 th Century	478
	<i>Tsybenov B. D., Ochirov Ts. S.</i> From the Policy of ‘Four Purges’ to the Creation of Revolutionary Committees in Hulunbuir: Reconstructing the Beginnings of China’s Cultural Revolution	493
National History	<i>Sen’ D. V.</i> Crimean Khanate in the Mid-18 th Century: Nogay Kuban and Problems of Internal Political Development	506
	<i>Isyangulov Sh. N.</i> Mortality Rates among Muslim Population of the Southern Urals, 1860s – 1910s: an Insight into the Gender and Age Structure	521
	<i>Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P.</i> Experience of Combating Epidemics in Kalmykia: a Case Study of the 1914 Plague Outbreak	533
	<i>Orlova K. V.</i> Kalmykia–Mongolia Cooperation: 1920s	546
	<i>Sabirova Z. R.</i> Epigenesis of Mass Media in the Bashkir ASSR: 1950s – 1980s	560
Archaeology	<i>Kekeev E. A.</i> Elista Burial Mound Site: Analyzing the Correlation between Early and Middle Bronze Age Mounds and Burials	572
	<i>Romanov A. A.</i> Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016 Revisited	591
	<i>Burataev E. G.</i> National Museum of Kalmykia: Geometric and Zoomorphic Stone Sculptures Revisited	606
Sources Studies	<i>Mesheznikov A. V.</i> New Fragment of Sanskrit Saddharmapūṇḍarīka Sūtra from Khotan	620
	<i>Bicheev B. A.</i> Two ‘Dharma Kings’ of One Didactic Text	629
	<i>Rinchinov O. S.</i> Tibetan Heritage in Digital Space: Approaches and Implementation	640
	<i>Bazarov A. A.</i> From Tibetan and Classical Mongolian into Buryat: Translating (Adapting) Buddhist Canonical Texts	652
Ethnology & Anthropology	<i>Bakaeva E. P.</i> Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2	661
	<i>Badmaeva N. V.</i> Labor Migration of Kalmykia’s Rural Residents: a Case Study of In-Depth Interviews	688
Linguistics	<i>Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Maltseva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheymovich A. V., Zimin M. M.</i> Some New Results in the Genealogical Classification of Turkic Dialects: ‘Cases of Affricates’	696
	<i>Muratova R. T.</i> Color Term <i>al</i> ‘Scarlet, Pink’ in Turkic Languages: Historical and Lexical-Semantic Development Revisited	714
	<i>Ulakov M. Z., Musukov B. A.</i> Differential and Integrating Features of the Lexeme <i>ola / ala</i> in Turkic Languages: a Case Study of the Uzbek and Karachay-Balkar Languages	728
	<i>Koshelyuk N. A.</i> Mansi Studies: from Origins to the Present	743
	<i>Ishkildina L. K.</i> Lexical System of the Bashkir Language: Representing Gender	766
Folklore Studies	<i>Khabunova E. E., Dampilova L. S., A. Alimaa.</i> The Motif of Heroic Duel (Combat) and Its Variation Row in Mongolic Epic Traditions	779
	<i>Mirzaeva S. V.</i> Don Kalmyks: the Folk Tradition of Riddle-Telling Revisited (a Case Study of I. Popov’s Materials)	790
Literary Studies	<i>Topalova D. Yu.</i> Periodicals of Émigré Kalmyks: a Case Study of Mana Zänge Journal, 1946–1947	804

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 478–492, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-478-492
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 35.08/930

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-478-492

Ганден Пходранг: правительство Далай-ламы в XVIII в.

Анастасия Геннадьевна Люлина¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация); Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, преподаватель

научный сотрудник

 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Люлина А. Г., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются структура и особенности традиционного правительства Тибета — Ганден Пходранг (*dGa'-ldan pho-brang*), основанного в 1642 г. Далай-ламой V Лобсанг Гьяцо (1617–1682) при поддержке хошутского Гуши-хана, в контексте взаимодействия с институтами цинского администрирования в XVIII в. Диархия, выраженная в принципе единения монашеского и светского управления (*Chos-srid*), стала основой политико-административного устройства тибетского государства и повлияла на характер взаимоотношений с соседними буддийскими странами и народами. Влияние цинской власти в регионе к концу XVIII в. возросло, что отразилось на формальных признаках, но не воздействовало на законы функционирования Ганден Пходранг. *Цель исследования* — проанализировать особенности устройства Ганден Пходранга на основе китайских и тибетских материалов и определить степень вовлеченности цинских институтов администрирования в структуру тибетского правительства в XVIII в. *Материалы и методы.* На данный момент тема Ганден Пходранга более подробно исследована в работах зарубежных тибетологов, в отечественной историографии она затрагивается преимущественно в рамках комплексных работ по истории Тибета разных периодов. Отдельное внимание уделяется Далай-ламам и Панчен-ламам, их взаимоотношениям с цинскими императорами, а также таким административным институтам Цин, как амбани, законодательные акты, жеребьевка посредством золотой урны. В работе использованы источники на китайском языке, фрагменты переводов тибетских источников на английском языке. В качестве методологической основы использованы конкретно-исторический и компаративистский подходы, а также проблемно-хронологический принцип. *Результаты.* В статье делается вывод об уникальном самостоятельном положении правительства Далай-ламы в XVIII в.

и особом, «двойственном», статусе и значении регентов-тулку в управлении. Актуальность темы определяется также характером международной полемики вокруг классификации социально-экономического устройства Тибета в средние века и его статуса по отношению к Китаю.

Ключевые слова: Тибет, Ганден Пходранг, тулку, Далай-лама, империя Цин, диархия, структура правительства

Благодарность. Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Для цитирования: Люлина А. Г. Ганден Пходранг: правительство Далай-ламы в XVIII в. // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 478-492. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-478-492

UDC 35.08/930

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-478-492

Ganden Phodrang: Government of the Dalai Lama in the 18th Century

Anastasiya G. Lyulina¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklouho-Maclay Str., Moscow 117198, Russian Federation); Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 104031, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Lecturer

Research Associate

 0000-0003-0634-8844. E-mail: alyulina88@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Lyulina A. G., 2020

Abstract. Introduction. The article examines the structure and features of Ganden Phodrang (Tib. *dGa'-ldan pho-brang*) — Tibetan traditional Government founded by the 5th Dalai Lama Lobsang Gyatso (1617–1682) in 1642 — in the context of interaction with institutions of the Qing administration in the 18th century. Diarchy based on the principles of unity of monastic and secular government (Tib. *Chos-srid*) became the basis of the political and legal system of the Tibetan state and was reflected in some specifics of relations with Buddhist countries and peoples. The influence of the Qing Empire in the region by the end of the 18th century increased, and that was traced in formal characteristics but did not affect the functioning laws of Ganden Phodrang. **Goals.** The paper reviews and analyzes the origins, structure and features of the Dalai Lama's traditional government Ganden Phodrang (1642–1959); identifies the main changes in the political structure of Tibet during the period of the greatest influence of the Qing government institutions in the 18th century; clarifies the position and role of the Dalai Lama as head of state, as well as the importance of regents and Qing *ambans* in governing the country. **Materials and Methods.** In addition to Qing sources, the article uses works by German and French Tibetan scholars (in English), as well as studies by Indian and Chinese Tibetologists. In Russian historiography, special attention is paid to the Dalai Lamas and Panchen Lamas, their relations with the Qing emperors, as well as to such administrative institutions of the Qing as *ambans*, legislative acts, and the Golden urn lot. Methodologically, the study employs historical and comparative approaches, and the problem-chronological principle. **Conclusions.** The article concludes that the Dalai Lama's Government was uniquely independent in the 18th century, and *tuлку* regents possessed special 'dual' status and significance. It is necessary to emphasize the importance of studying the topic in the context of international polemics around classification of the socioeconomic structure of Tibet in the Middle Ages, and its status in relation to China.

Keywords: Tibet, Ganden Phodrang, *tuлку*, Dalai Lama, Qing Empire, diarchy, Government structure
Acknowledgements. The reported study was supported (funded) by RUDN University Program 5-100.

For citation: Lyulina A. G. Ganden Phodrang: Government of the Dalai Lama in the 18th Century. *Oriental studies*. 2020. Vol. 13(3): 478–492. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-478-492

Введение

В истории Тибета 1720 год стал переломным в связи с возведением на трон Далай-ламы VII и нейтрализацией джунгарской угрозы при содействии маньчжурской армии. Цинское правительство использовало эту возможность для усиления своего влияния в регионе. Последующие тридцать лет Далай-лама оставался номинальным главой Тибета, но не управлял страной. Властные полномочия принадлежали Совету министров — Кашагу (*bka-bshag*) [Norbu 2001: 76].

Эскалация разногласий, борьба за власть и влияние в аристократических кругах Тибета стали одним из основных факторов восстаний (1724, 1750) и гражданских войн (1727–1728). Вероятно, неэффективность системы управления, принятой при участии цинской власти, была обусловлена попыткой разделить религию (в лице Далай-ламы) и политику (в лице Кашага) — две ветви власти, которые в Тибете традиционно были едины.

После восстания в Лхасе 1750 г. цинский император способствовал восстановлению прежнего правительства Ганден Пходранг, а также статуса и положения тибетского духовного лидера [Lü 2004: 93]. Значительные изменения коснулись обязанностей и функций цинских амбаней, был восстановлен институт регентства, позднее была утверждена процедура избрания высших тулку посредством золотой урны.

Цель работы — рассмотрев особенности тибетского традиционного правительства Далай-ламы Ганден Пходранг (1642–1959), проанализировать степень вовлеченности цинских и про-цинских институтов власти (таких как амбани и регенты-тулку) в его структуру в XVIII в.; уточнить положение и роль главы государства в лице Далай-ламы, а также значение регентов и цинских амбаней в управлении страной в указанный период.

Тема Ганден Пходранга в основном исследована в трудах европейских и американских тибетологов [Goldshtein 1968;

Schwieger 2015; Travers, Venturi 2018; и др.] с опорой на китайские и тибетские источники.

В Китае эта тема начала изучаться сравнительно недавно [Wang 1997; Lü 2004; Huang 2007], исследования базируются на материалах цинских источников, а также авторитетных трудах зарубежных тибетологов.

В отечественной историографии правительство Далай-ламы рассматривается в рамках комплексных исследований по истории Тибета, тибето-монгольских и тибето-цинских отношений [Беспрозванных 2005; Кычанов, Мельниченко 2005; Мартынов 1978; и др.], отдельные научные публикации посвящены институту амбаней, институту «золотой урны», законодательным актам, ключевым событиям и личностям. Особенности функционирования правительства Далай-ламы в условиях сосуществования с институтами цинской администрации в изучаемый период показывают его уникальность и самостоятельность, а их исследование позволит уточнить соответствующие положения в проблематике «тибетского вопроса».

Материалы исследования

В статье использованы цинские документы на китайском языке из сборника «Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд» [Qingdai yilai 1996], а также из «Сборника архивных документов и материалов по истории отношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времен правления династии Юань» [Yuan yilai 1994], доклады генерала Нянь Гэньяо цинскому императору [Nian Gengyao 1995], переводы Х. Ричардсона [Richardson 1962], статьи и переводы Й. Колмаш [Kolmaš 1992], Ю. Исихамы [Ishihama 2003], Дж. Дрейфуса [Dreyfus 1995], некоторых индийских [Rahul 1969; Sinha 1968] и тибетских [Shakabpa 1984; Cai Zhangjia 2014; Luobu 2011] исследователей, а также англо-тибетские словари [Glossary; Translation Tool].

Истоки и особенности института Ганден Пходранг

Ганден Пходранг (*dGa'-ldan pho-brang*)¹ — правительственная структура, учрежденная Далай-ламой V в 1642 г. в Лхасе при поддержке хошутского Гуши-хана (1582–1655)² и основанная на принципах *Chos-srid*. *Chos* с тибетского означает «Дхарма» («учение, нравственный закон»), *srid* — «Сансара» («круг бытия, закон мирской жизни»), то есть *Chos-srid* может трактоваться как два закона или порядка: закон дхармический, духовный и закон Сансары, мирской. Согласно индийскому тибетологу Нирмал Синха, выражение *Chhos-srid-gnyis-ldan* имеет значение «диархия, двуединство монашеского и светского элементов правления»³ [Sinha 1968: 13].

Китайские историки используют понятие 政教合 — («единая светско-духовная власть») [Wang 1997: 49].

Японская исследовательница Юмико Исихама трактует этот принцип в более общем смысле как «единение религии и политики» для характеристики «Буддийского правительства» (уточнение автора. — А. Л.) Тибета [Ishihama 2004: 15–30].

Согласно тибетским источникам, создателем «Буддийского правительства» был тибетский царь Сонгцен Гампо (604–650), который установил приоритет законов религии перед светскими законами [Ishihama 2004: 17–18]. Исследовав упоминания о «Буддийском правительстве» в маньчжурских, монгольских и тибетских источниках, Ю. Исихама отмечает, что это понятие неоднократно использовалось в переписке между Далай-ламой, Гуши-ханом и маньчжурскими правителями [Ishihama 2003: 157].

При распространении тибетского буддизма Гелуг среди монгольских народов (2-я половина XVI в.), появилось толкование «двух законов» как буддийского закона ламы-наставника и закона хана-Чакра-

вартина⁴. Так, в письмах, отправленных Тяньцзуном (1592–1643) Далай-ламе V и Гуши-хану, понятие 佛法 («буддийская доктрина, Дхарма») упоминается императором в призывах восстановления мира и воссоединения границ [Yuan yilai 1994: 220–222]. Великий Пятый в обращениях к цинским императорам и хошутским ханам использовал идею *Chos-srid* в контексте защиты традиций Гелуг. Эта идея (модель) стала точкой соприкосновения трех районов буддийского мира — Тибета, Монголии и империи Цин.

Диархичная модель *Chos-srid* стала основой политико-правовой системы тибетского общества, она отразилась в следующих особенностях государственного устройства Тибета 1642–1959 гг.

- Передача власти осуществлялась не по кровнородственному принципу, а по линии тулку (*sprul sku*, инкарнации) традиции Гелуг. Тулку, реинкарнированный лама, считается «физическим телом» Будды (санскр. *nirmānakāya*) и воплощением бодхисаттвы. С XIII–XIV вв. тулку-иерархи различных школ тибетского буддизма приглашались ко двору китайских императоров (монгольских ханов) в качестве наставников и получали покровительство в делах по управлению различными регионами Тибета⁵. Линия тулку Далай-лам, которые считаются воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, появилась благодаря религиозно-политическому союзу монгольского правителя Алтан-хана (1507–1582) и лидера Гелуг Сонома Гьяцо (1543–1588). Далай-лама V в свою очередь провозгласил традицию поиска и идентификации Панчен-лам, являющихся воплощением будды Амитабхи. В дальнейшем значение тулку в религиозной и политической жизни Тибета существенно возросло, а понятие приобрело системную трактовку. С XVIII в. тулку воспринимались как институт, комплекс традиций по идентификации

¹ Название «Ганден Пходранг» произошло от одноименной резиденции Далай-лам в лхасском монастыре Дрепунг, настоятелями которого они являлись. Позднее правительство переместилось в Поталу.

² Подробнее о роли Гуши-хана см.: [Luobu 2011].

³ Здесь и далее перевод наш. — А. Л.

⁴ Санскр. *cakra-vartin* — «тот, который поворачивает колесо (учения)», правитель.

⁵ Так, Пагба-лама, племянник Сакья Пандиты, стал духовным наставником Хубилая, основателя династии Юань (1271–1368), в то время как хан принял тибетский буддизм и объявил его государственной религией.

и признанию высших тибетских лам. Различные школы тибетского буддизма использовали этот институт в борьбе за власть и распространение своего учения в Тибете и за его пределами. Цинские императоры также опирались на различные линии инкарнации для воздействия на Ганден Пходранг.

- Далай-лама, тулку школы тибетского буддизма Гелуг, являлся лидером буддийской сангхи и верховным правителем Тибета⁶. Однако до начала XVII в. был известен титул «царя Тибета», светского соправителя Далай-ламы V, первым из которых стал хошутский Гуши-хан. В источнике по истории и хронологии Тибета «Пагсам-Джонсан» есть упоминание о «великих правителях», которые в XIII в. назначались Хубилай-ханом [Пагсам-Джонсан 1991: 36, 83]. При Далай-ламе V важное место в Ганден Пходранге занимал личный советник, регент, который назывался *дэси* (тиб. *sde srid*)⁷. Правительство продолжало функционировать после смерти Великого Пятого при регенте Санье Гьяцо и далее при Далай-ламе VI Цаньянг Гьяцо и ставленнике Лхавсан-хана Далай-ламе VII Нгаванг Еше Гьяцо. При необходимости светская власть делегировалась регенту (*дэси*) Далай-ламы, религиозная — Панчен-ламе [Dreyfus 1995: 122]. Панчен-лама возглавлял свое правительство в Ташилунпо, которое по своей структуре копировало Ганден Пходранг и создавало некий баланс при усилении позиций цинской администрации в регионе.
- Наличие соправителей, регентов и института Панчен-лам в системе государственного управления Тибета отражает диархичный характер *Chos-srid*. Распределение обязанностей между этими институтами власти происходило в зависимости от обстоятельств на том или ином историческом этапе. Нирмал Синха ви-

дит объяснение этой правительственной модели в том, что светский правитель нуждался в легитимации своей власти посредством религии, а религия в свою очередь нуждалась в покровительстве со стороны политической элиты [Sinha 1968: 13–27].

- В структуре Ганден Пходранга выделялись две ветви власти — религиозная и светская (Йикцанг и Кашаг, то есть совет монахов и совет министров). Два свода законов соответствовали совмещенным обязанностям чиновников-монахов и чиновников-мирян (*lha-sde* и *mi-sde*) [Richardson 1962: 140]. Дублирование административного аппарата было обусловлено огромной ролью монастырей и монашества, а также антикоррупционными и антисепаратистскими мерами [Беспрозванных 2008: 40].
- В XVII в. диархичная модель правительства *Chos-srid* интегрировалась в буддийские правительства Бутана, Ладакха и Сиккима. *Chos-srid* и порожденная ею форма межличностных отношений *mchod-yon* (духовный наставник – светский покровитель)⁸ стали основой религиозно-политических связей между буддийскими народами.
- Важно отметить исследование тибетолога А. Траверс, которая отмечает, что, несмотря на умиротворяющую и консолидирующую традицию буддизма, Ганден Пходранг располагал значительными экономическими и военными ресурсами и вел войны с соседними государствами и государственными образованиями [Travers 2015: 249–267].
- Административное деление Тибета было ориентировано на земельные вла-

⁸ Семантика *mchod-yon* восходит к объединению двух фраз: *mchod gnas*, что означает «священник, духовное лицо», и *yon bdag*, то есть «донор, даритель» [Ruegg 2003: 442]. Пагба-лама (1239–1289) использовал «чой-йон» применительно к тибето-монгольским отношениям: верховный лама становился религиозным советником и наставником императора, а император покровительствовал учению, защищал его интересы и являлся «милостынедателем». Подобные отношения существовали между лидерами других школ тибетского буддизма (оппозиционных Гелуг) и монгольскими покровителями — хошутами и джунгарами [Shakabpa 1984: 65–68].

⁶ За период существования Ганден Пходранга (1642–1959) можно отметить только два периода, когда политическая власть принадлежала светскому лицу — правление Полханэ и его сына (1727–1750) и регентство Шатра Ванчуг Гьялпо (1862–64) [Travers, Venturi 2018: 13].

⁷ Подробнее о регентстве в Тибете [Китинов, Люлина 2019; Люлина 2019].

дения крупнейших монастырей. Они были освобождены от налогов и получали государственные субсидии. При учреждении Ганден Пходранга часть монастырей других школ (особенно Карма Кагью) была преобразована в монастыри Гелуг. Важные события и решения обсуждались один раз в месяц на собрании настоятелей крупнейших монастырей (Ассамблея Цонду). Все монахи, исполняющие религиозные и административные обязанности, были подведомственны настоятелю и Ассамблее.

- Администрация монастырей всех школ в Тибете была автономной и следовала демократическим традициям [Choedon 1996: 26]. Крупнейшие монастыри фактически являлись «государством в государстве», а также имели множество «филиалов» по всему Тибету и в Индии [Мартьянов 1978: 188]. Представляя религиозную ветвь в правительстве, монашество выступало в качестве реальной политической силы.

Усиление цинской администрации

Со времени основания Ганден Пходранга и до середины XVIII в. влияние цинской империи в Тибете было довольно ограниченным. Регулярно отправляемые в Тибет цинские чиновники до 1728 г. имели лишь статус «наблюдателей» [He 1993: 12].

Джунгарская угроза, разногласия среди хошутских наследников и ситуация с идентификацией перерождения Далай-ламы V стали одними из основных факторов, привлечших внимание Цин к региону. После изгнания джунгар в 1720 г. и возведения на трон Далай-ламы Кэлсанг Гьяцо в Лхасе было организовано временное военное правительство. Генерал Нянь Гэньяо регулярно докладывал императору о ситуации в Тибете, в одном из его донесений предлагалось избрать регента для управления государственными делами, пока Далай-лама молод [Nian Gengyao 1995: 24].

Правитель западной области Нгари, Канченнэ (*Khang chen nas Bsod nams rgyal po*), был назначен главным министром Кашага, учрежденного в 1721 г. в составе четырех калонов (*bka'-blon*), светских министров. Поддержание порядка обеспечивалось небольшим цинским гарнизоном,

однако длительное пребывание маньчжурских войск на территории Тибета вызывало недовольство местной аристократии [Norbu 2001: 76].

Последующие Кукунорское восстание (1723–1724) и Гражданская война (1727–1728) были обусловлены разногласиями в Кашаге, стремлением хошутской аристократии вернуть себе наследие и титул Гуши-хана, а также постоянной угрозой со стороны джунгаров. Ситуация осложнялась отстранением Далай-ламы, который с 1728 г. до 1735 г. находился в гартарском монастыре.

Участие цинской власти имело целью показать, что император, руководствуясь принципом *mchod-yon*, является покровителем тибетского буддизма и Далай-ламы, стремится удержать Тибет в состоянии мира и спокойствия. В то же время междоусобные конфликты и отстранение Далай-ламы от управления могут рассматриваться как проявление традиционной китайской политики «разделяй и властвуй» (分而治之 *fēn ér zhì zhī*) [Lü 2004: 98]. «Умиротворение тибетцев» происходило с помощью военной силы, а императорский декрет разъяснял необходимость тех или иных ужесточающих мер, в Лхасу направлялись цинские чиновники. В 1728 г. главой правительства был назначен министр Полханэ (*Pho lha nas*, 1689–1747). Процинские реформы позволили на некоторое время урегулировать обстановку [Ya 1999: 115]. Однако после его смерти первым министром стал его сын Гьюрме Намгьял (*Gyur-med rnam-rgyal*), который придерживался антиманьчжурской политики. При нем в 1750 г. в Лхасе поднялось антицинское восстание, подавление которого носило уже известный характер восстановления порядка покровителем-императором. Временная деполитизация духовного главы привела к кризису в стране, показала неэффективность светского правления и необходимость реформирования правительства в соответствии с традиционными принципами *Chos-srid*. Правительство Далай-ламы Ганден Пходранг было восстановлено.

Структура Ганден Пходранг после 1751 г.

Основные изменения, касающиеся цинских управленческих институтов, были от-

ражены в декрете Цяньлуна 1751 г. «Уложение о ликвидации последствий бунта в Тибете в 13 статьях» и «Тибетском уложении из 29 статей» 1793 г. [Qingdai yilai 1996: 29, 52–55].

Должность дэси, титулы «царя» и «принца» Тибета были упразднены. Совет министров *Кашаг* теперь состоял из трех калонов, которые были светскими лицами и избирались пожизненно, и одного — монаха, который избирался на шесть лет. Далай-лама и амбань согласовывали кандидатуру на пост министра, после подтверждения императором калон назначался Далай-ламой и давал ему клятву верности. Должность и земельные наделы министров были наследственными [Komatsubara 2014: 205]. Недостатком структуры Кашага было отсутствие у калонов определенной сферы деятельности и области управления, все вопросы решались коллективно, что приводило к бюрократизации. Значительный штат составляли секретари и ассистенты калонов.

В ведении Кашага находились судебное, военное, финансовое министерства, а также образования и иностранных дел. На уровне министерств (кроме министерства финансов) сохранялось дублирование светских и монашеских должностей. Кашаг являлся высшей судебной инстанцией. Министерство было представлено судьями Лхасы (*mi dpon*), управляющими районов (*rdzong dpon*) и главой военного ведомства (*mda' dpon*) [Rahul 1969: 26].

Военные силы Тибета были в основном сосредоточены в Чамдо на границе с Цин, до 1751 г. под начальством четырех дапонов (*mda' dpon*): один находился в составе личной свиты Далай-ламы в Лхасе, остальные — в Цзане. После 1751 г. количество дапонов увеличилось, а тибетская армия стала регулярной, гарнизоны находились в Лхасе и Шигацзе. Главнокомандующим тибетской армией назначался один из калонов Кашага [Кычанов, Савицкий 1975: 139].

Финансовое министерство *Цзиканг* (*rtsis-khang*) было создано в 1642 г. Во время правления Далай-ламы VII оно было представлено четырьмя светскими чиновниками (*rtsis-dpon*) и напрямую подчинялось Кашагу. Для обучения чиновников этого министерства существовала специальная школа. Налоговая система в Тибете

строилась на основе натурального обмена [Rahul 1969: 30]. Основной частью финансового ведомства являлась Казна, состоявшая из трех отделений: Лабранг (*bla-brang*), Тэдэ Чагсо (*phyag mdzod*), Намсэ Кенсо (*nang mdzod*).

Лабранг, главная казна Ганден Пходранга, была официально учреждена Далай-ламой VII и находилась под наблюдением двух монахов и одного светского чиновника. Возникновение Лабранга восходит к Далай-ламе II Гедун Гьяцо, который получил монастырь Дрепунг в свое владение от правителя династии Пагмодру. Лабранг в XVII–XVIII вв. имел большой доход золотом из приисков Нгари и Кама, а также различными продуктами. Доходы от займов и налогов шли в основную казну и распределялись по министерствам. М. Голдштейн описывает Лабранг как сложную религиозно-политическую структуру, владеющую монастырями и значительным имуществом, передающимся по линии инкарнаций Далай-лам, при этом структура могла иметь «дочерние» Лабранги [Goldshtein 1973: 449–450].

Тэдэ Чагсо была личной казной Далай-ламы, часть доходов которой поступала от правительства, часть являлась личными подарками и подношениями иерарху.

Намсэ Кенсо была резервной казной, служила для финансирования исключительных событий и происшествий, как война и голод, стихийные бедствия. Она также могла предоставлять займы [Rahul 1969: 33].

Высшим органом религиозной власти являлся *Йикцанг* (*yig tshang*), который был представлен четырьмя монахами четвертого ранга и подчинялся Далай-ламе. Йикцанг контролировал связи между монастырями (за исключением Сэра, Ганден и Дрепунг) и ламами, занимался организацией религиозных диспутов, подготовкой указов Далай-ламы, его поездок и корреспонденции, поиском и интронизацией высших лам. Здесь хранились дипломы и печать Далай-ламы [Cai Zhangjia 2014: 110–111]. Функции этого ведомства не ограничивались религиозной сферой и были настолько разнообразны, что его также называют секретариатом Кашага. При Йикцанге функционировала школа для подготовки монахов к административной службе. Религиозная администрация возглавлялась *Chikhyab*

Khenpo, он мог присутствовать в Кашаге и имел высокий статус благодаря возможности личного общения с Далай-ламой⁹.

Ассамблея *Цонду* (*tshogs 'du*) являлась законодательной инстанцией и собиралась один-два раза в месяц. Цонду состояла из настоятелей монастырей Сэра, Дрепунг и Ганден, представителей различных линий инкарнаций, четырех цзипонов (*rtsis-dpon*) и четырех представителей Йикцанга. Коллективное решение передавалось из Ассамблеи Кашагу, который далее представлял его Далай-ламе. Роль Ассамблеи во всех вопросах внутренней и внешней политики была очень велика [Ardley 2003: 15]. В вопросах государственного и международного значения Далай-лама и правительство всегда консультировались с ламой-оракулом из монастыря Нечунг (*Nechung Gompa*). Считалось, что его предсказания порождены божественным даром [Rahul 1969: 28].

Региональная администрация была представлена правителями (*sde pa*) крупнейших районов Тибета: Цзан (Центральный Тибет, г. Шигадзе), Уй (г. Лхаса), Кам (Восточный Тибет, г. Чамдо), Нгари (Западный Тибет, г. Гарток). Более мелкие районы — дзонь возглавлялись двумя дзонпонами (*tsho dpon*) — светским чиновником и монахом, которые назначались Кашагом [Rahul 1969: 38].

Правительство осуществляло контроль не только посредством гражданского права, но и религиозного. Тибетцы могли направлять петиции не только в региональные и местные администрации, но и непосредственно Далай-ламе, а также имели возможность выражать свое согласие или несогласие с решениями правительства посредством публичных выступлений [Choedon 1996: 27].

Ганден Пходранг представлял собой уникальную религиозно-политическую структуру под главенством Далай-ламы, которая просуществовала без особых изменений до 1950-х гг. и была официально упразднена в 1959 г. после восстания в Лхасе и бегства Далай-ламы XIV в Индию. Положение цинских амбаней и инкарниро-

⁹ Его должность совмещала множество разных обязанностей, одной из которых был надзор за содержанием дворца Норбулинка (построен Далай-ламой VII как административный и религиозный центр), парками на территории Лхасы.

ванных регентов, значение которых возросло во второй половине XVIII в., необходимо рассмотреть отдельно, так как они представляли обособленные от Ганден Пходранга институты.

Амбани и регенты-тулку

Далай-лама, согласно Уложению 1751 г., возглавлял правительство совместно с *амбанем* (*am ban*) [Qingdai yilai 1996: 52–54]. Специальное ведомство цинских резидентов было учреждено Юнчжэном в 1728 г. в районах Уй и Цзан, оно копировало юаньский «Комиссариат по умиротворению окраин» (宣慰司 *xuānwèisī*). Главный амбань (駐藏大臣 *zhùzàng dàchén*) и его помощник (駐藏幫辦大臣 *zhùzàng bāngbàn dàchén*) вели отчеты о внутренних делах и внешних связях Тибета через Палату внешних сношений (Лифаньюань), они имели поддержку в виде гарнизонов в Лхасе и Чамдо.

Деятельность амбаней контролировалась Государственным военным советом (軍機處, *jūnjīchù*), в отношении экономики и транспортного сообщения обращались к администрации провинции Сычуань [Kolmaš 1992: 532]. После сокращения цинских гарнизонов в ведении амбаней оставалась почтовая служба между Чэнду и Лхасой.

Во второй половине XVIII в. амбани получили значительные полномочия и вместе с гарнизоном представляли отдельный институт цинской администрации. В историографии роль и положение амбаней в Тибете исследованы весьма глубоко, но выделяются различные подходы. Китайские историки считают институт удачной образцовой системой администрирования на окраинах империи Цин, благодаря которой Тибет впоследствии официально вошел в состав территории КНР. Исследователи Го Цин и Чжоу Цян называют амбаней одной из трех опор цинской власти в Тибете (三足鼎立 *sān zú dǐng lì*) вместе с Далай-ламой и Панчен-ламой [Guo Qing 1998: 55; Zhou Qiang 2011: 139].

Однако в тибетской и европейской историографии их фактическое положение и управленческие функции оспариваются. По версии Шакабпы амбани выступали не как соправители, наделенные властными полномочиями, а лишь как послы цинского им-

ператора при дворе Далай-ламы [Shakabpa 1984: 156]. Й. Колмаш, опираясь на цинские и тибетские источники, указывает на различия между статусом цинских резидентов в официальных документах и их фактическим положением [Kolmaš 1992: 603–604]. Амбани назначались из числа представителей монгольской и маньчжурской военной аристократии всего на 3 года, за которые необходимо было адаптироваться к климату высокогорья и условиям тибетоязычной среды, поэтому в решениях и докладах императору они часто опирались на сведения, предоставляемые калонами. Ван Лисюн в своей работе «Размышления о Тибете» говорил: «Тибетские местные дела были полностью оставлены на усмотрение Далай-ламы и министров Кашага... амбани были не только неспособны управлять, но и часто не были должным образом осведомлены. Эти обстоятельства уничижали положение специального представителя до простого названия...» [Wang 2002: 80].

Амбани являлись единственными представителями власти Цин в Тибете и не были инкорпорированы в структуру Ганден Пходранга, их ведомство было обособлено. Короткий срок пребывания в Лхасе не позволял должным образом разобраться в тонкостях управления. Цинские источники не содержат информации о тех или иных политико-экономических решениях или распоряжениях, принятых непосредственно амбанами. Они получили управленческие функции согласно указам императора, но не имели возможности их применить из-за неосведомленности и отсутствия должной подготовки, поэтому скорее оставались надзирателями и докладчиками, нежели руководителями; посредниками и проводниками во взаимодействии глав цинской империи и Тибета, нежели соправителями Далай-ламы.

Во время отсутствия Далай-ламы или периода его несовершеннолетия с 1757 г. Ассамблея назначала регента — *гьялцаба* (*rgyal tshab*) из числа инкарнаций высших лам монастырей Кунделинг (Kundeling), Теньелинг (Tenyeling), Цечолинг (Tsecholing), Цомолинг (Tsomoling), или других крупных монастырей Центрального Тибета, содержащих воспитанников из Дрепунга и Сэра [Rahul 1969: 31].

Поиск и назначение тулку на должность регента контролировались императором посредством амбаней. Одной из основных

функций *гьялцаба* было участие (вместе с Панчен-ламами) в процессе идентификации Далай-ламы. Регенты имели определенную власть и в светских делах, в отдельных случаях присутствовали на заседаниях Кашага, но в основном консультировались с Цонду. Они также имели свой Лабранг, который, однако, не был закреплен за определенной линией тулку. С 1757 г. было всего шесть линий инкарнации, из которых выбирали регента сроком на семь лет: Дэмо (Demo), Цемолинг (Tsemonling), Ретинг (Reting), Кунделинг (Kundeling), Диру (Ditru), Тактра (Taktra) [Goldshtein 1973: 448; Petech 1959: 387–394].

Первым тулку в этой должности стал утвержденный императором шестой Дэмо хутухту, относящийся к старейшей линии реинкарнации Гелуг. Л. Петех на основе цинских источников формулирует обязанности регента следующим образом: «регент избирался... для временного исполнения светских и дисциплинарных обязанностей... для опеки суверенитета Далай-ламы» [Petech 1972: 242].

Однако в сложные периоды кризисов, отсутствия Далай-ламы и тибето-непальского противостояния *гьялцаба* «управляли» Тибетом, их авторитет в кругах тибетской властной элиты был подкреплён титулами и обращениями, данными императором Цин (хутухту, номун-хан, джасак) [Китинов, Люлина 2019].

Фигура регента-тулку в системе Ганден Пходранга была обособлена и фактически представляла отдельный институт, находящийся над религиозной и светской ветвями власти, на одном уровне с Далай-ламой и амбанем. В то же время нельзя утверждать, что регенты в этот период являлись представителями цинской администрации в Тибете. Вероятно, поддерживаемый императором институт регентов, с одной стороны, позволял правительству Цин иметь доступ к системе реинкарнации высших тулку, с другой — восстановил и укрепил значение регента в целом в правительстве Далай-ламы, его роль в принятии решений по поиску, интронизации и сопровождению власти тибетского иерарха.

Регентская система, при которой кандидатуры выдвигались из числа тулку и назначались с санкции императора Цин (позже — республиканского правительства), просуществовала до 1950 г.

Ганден Пходранг и «тибетский вопрос»

После включения Тибета в состав КНР в качестве Тибетского автономного района (ТАР) в международном сообществе разгорелась полемика об историческом статусе Тибета и тибетского народа по отношению к Китаю имперского и республиканского периодов. Феномен «тибетского вопроса» заключается в том, что он рассматривается с китайской и тибетской точек зрения, а также международным сообществом по-разному, при этом небольшое внимание уделяется историческим политико-религиозным корням тибетского общества, его идентичности. Д. Дрейфус в своей работе «Право, государство и политическая идеология в Тибете» отмечает, что «...тибетцы видят в своей стране сложную, развитую цивилизацию со своими формами политических и правовых институтов, несправедливо получившую ярлыки «безгосударственного общества», обремененного «феодализмом»» [Dreyfus 1995: 118].

Тибет построил свою уникальную систему правительства, которая фактически стала опытом самоидентификации тибетского народа. Диархичная модель *Chos-srid* не имеет аналогов в современном мире (за исключением сильно измененной модели правительства Королевства Бутан). Функционирование Ганден Пходранга на протяжении четырех веков показывает устойчивость и гибкость этой модели в условиях цинского присутствия. Институты администрирования Цин в Тибете, которые были представлены амбаниями, «тибетскими уложениями» и позднее жеребьевкой из золотой урны (после 1793 г.) не были инкорпорированы в структуру Ганден Пходранга и опирались на сведения и решения представителей тибетского правительства. Цинский император получил возможность контролировать процедуру избрания высших тулку, однако это участие не было абсолютным [Huang 2007: 420–426].

На территории Тибета не взимались общеимперские налоги и отсутствовали цинские земельные владения [Кычанов, Мельниченко 2005: 200]. Эти обстоятельства, а также рассмотренные особенности тибетского правительства позволяют предположить, что значимость цинской администрации в управлении Тибетом оценивалась высоко в официальных документах скорее с целью легитимизации указанных инсти-

тутов, функции которых, в свою очередь, зависели от ситуации в Тибете и особенностей Ганден Пходранга.

Помимо основного содержания «тибетской вопрос» коррелирует с проблемой статуса Далай-ламы XIV в частности и преемственности института Далай-лам в целом. В будущем результат поисков реинкарнации Далай-ламы XIV может предопределить возрождение правительства Ганден Пходранг и новый статус Тибета в КНР. Ганден Пходранг перестал существовать после бегства Далай-ламы в Индию, но традиционное название сохранилось для обозначения резиденции иерарха. Например, резиденция Далай-ламы в монастыре Дрепунг Гоманг, построенном в 1969 г. в шт. Карнатака (юго-западная Индия), также именуется Ганден Пходранг (см. рис. 1). Далай-лама регулярно посещает монастырь для проведения диспутов и конференций.

Рис. 1. Вход в здание Ганден Пходранг. Монастырь Дрепунг Гоманг (Индия, шт. Карнатака). Фото Б. У. Китинова (2019 г.)

[Fig. 1. Entrance to the headquarters of Ganden Phodrang. Drepung Gomang Monastery. India, Karnataka. Courtesy of B. Kitinov (2019)]

Заключение

Структура управления Ганден Пходранга основывалась на особенностях диархичной модели *Chos-srid* и предполагала большое влияние религии, значительное участие монашества в решении государственных вопросов, когда главой государства формально являлся Далай-лама. Основные ведомства Ганден Пходранга (Кашаг, Цзиканг и Йикцанг) существовали еще со времен Далай-ламы V; во второй половине XVIII в. организация тибетского правительства была упорядочена при участии цинской администрации.

Основным направлением реформ после восстаний и Гражданской войны стала патронизация религиозной власти. Цинский император был заинтересован в сохранении высокого положения Далай-ламы и поддержке тибетского буддизма, что и обусловило характер изменений в Ганден Пходранге в конце XVIII в. Все основные департаменты восходили к Далай-ламе, главе государства, который в своих решениях опирался на авторитет ламы-оракула и заключений Ассамблеи. Из основных институциональных проявлений цинского административно-политического присутствия к концу XVIII в. следует выделить: амбаней с цинскими гарнизонами и подведомственной им почтовой службой, «тибетские уложения» и правовые акты «лифаньюань цзели», жеребьевку из золотой урны после 1793 г. На должность регента, при утверждении импе-

ратором, избирались *тулку*, представители авторитетных линий перерождений Гелуг. Расширение функций амбаней и создание института инкарнированных регентов были призваны упорядочить и контролировать систему выбора, назначения и функционирования руководства Тибета. В дальнейшем внимание к *тулку* и попытки контролировать процедуру их избрания позволили Цин усилить свои позиции в регионе. При этом регенты занимали исключительное положение, а институты цинского администрирования не были инкорпорированы в Ганден Пходранг и оставались обособленными в политико-правовой системе тибетского государства в XVIII в.

Несмотря на реформы, Ганден Пходранг сохранял социальную и политико-экономическую стабильность и культурную идентичность Тибета вплоть до 1950-х гг. Особенности функционирования Ганден Пходранга в XVIII в. являются доказательством высокой степени государственной идентичности тибетского народа. Исследование специфики правительства Далай-ламы в дальнейшем позволит внести коррективы в международную полемику вокруг «тибетского вопроса» и уточнить возможность использования таких понятий, как «теократическая монархия», «цинский протекторат», «феодализм и рабовладельческий строй», в отношении традиционного общественного и государственного устройства Тибета.

Литература

- Беспрозванных 2005 — *Беспрозванных Е. Л.* Тибето-китайские отношения в XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 120 с.
- Беспрозванных 2008 — *Беспрозванных Е. Л.* «Уложение китайской Палаты внешних сношений» о новых принципах управления Тибетом // *Вестник Волгоградского государственного университета.* 2008. № 2. С. 38–51.
- Китинов, Люлина 2019 — *Китинов Б. У., Люлина А. Г.* Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной // *Oriental Studies.* 2019. № 2. С. 164–173. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-164-173
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Кычанов, Савицкий 1975 — *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Люлина 2019 — *Люлина А. Г.* К вопросу о наименованиях регентов в Тибете XVII–XVIII вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов.* 2019. № 3. С. 202–211.
- Мартынов 1978 — *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- Пагсам-Джонсан 1991 — Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тибет. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991. 264 с.
- Ardley 2003 — *Ardley J.* The Tibetan Independence Movement: political, religious and Gandhian perspective. London, New York: Routledge Curzon, 2003. 224 p. (На англ. яз.)

- Cai Zhangjia 2014 — *Dao Wei Cai Zhangjia* (Дава Церинг). *Xizang Gangan Pozhang difang zhengquan de wenshu dang'an zhidu zongshu* (= Обзор официальных документов и архивов в период Ганден Пходранг) // *Zhongguo zangxue*. 2014. № 3. Pp. 107–112. (На кит. яз.)
- Norbu 2001 — *Dawa Norbu*. *China's Tibet Policy*. Richmond: Curzon Press, 2001. 470 p. (На англ. яз.)
- Dreyfus 1995 — *Dreyfus G.* Law, State, and Political Ideology in Tibet // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1995. Vol. 18. No. 1. Pp. 117–138. (На англ. яз.)
- Goldshtein 1968 — *Goldshtein M. C.* An Anthropological Study of the Tibetan Political System (doc. diss.). University of Washington. 1968. 266 p. (На англ. яз.)
- Goldshtein 1973 — *Goldshtein M. C.* The Circulation of Estates in Tibet: Reincarnation, Land and Politics // *The Journal of Asian Studies*. Cambridge, 1973. Vol. 32. No. 3. Pp. 445–455. (На англ. яз.)
- Glossary — Glossary for Tibetan Terms [электронный ресурс] // Tibetan Oral History Archive Project (Digital Online Web Archive). URL: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles-and-essays/glossary/> (дата обращения: 20.05.2020) (На англ. яз.)
- Guo 1998 — *Guo Qing*. *Lun Qingdai zhuzang dachen de lishi zuoyong* (= К вопросу об исторической роли института амбаней при династии Цин) // *Xizang yanjiu*. 1998. № 2. Pp. 55–61. (На кит. яз.)
- He 1993 — *He Wenxuan*. *Qingdai zhuzang dachen dashi ji* (= Хроника великих деяний амбаней в Тибете в период правления династии Цин). Beijing: *Zhongguo zangxue chubanshe*, 1993. 537 p. (На кит. яз.)
- Huang 2007 — *Huang Weizhong*. *Zangchuan fojiao de huofu zhuanshi zhidu* (= Система реинкарнации живых будд в тибетском буддизме) // *Zangchuan fojiao, huofu zhuanshi zhidu yanjiu lunwen ji* (= Сборник статей по изучению тибетского буддизма и системы реинкарнации тулку). Beijing: *Zhongguo zangxue chubanshe*, 2007. С. 420–437. (На кит. яз.)
- Ishihama 2003 — *Ishihama Y.* The Conceptual framework of the dGa'-ldan's war based on the beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktohuha bodogob I bithe, "Buddhist Government" in the Tibet-Mongol and Manchu Relationship // *Tibet and Her Neighbors: A History* / ed. Alex Mckey. London, 2003. Pp. 157–165. (На англ. яз.)
- Ishihama 2004 — *Ishihama Y.* The Notion of 'Buddhist Government' (chos-srid) Shared by Tibet, Mongol and Manchu in the early seventeenth century // *The Relationships between Religion and State (chos srid zung 'brel) in Traditional Tibet* / ed. Christopher Cüppers. Lumbini, 2004. Pp. 15–32. (На англ. яз.)
- Kolmaš 1992 — *Kolmaš J.* A Chronology of the Ambans of Tibet // *Tibetan Studies*. PIATS V. 1992. No. 2. Pp. 541–558. (На англ. яз.)
- Komatsubara 2014 — *Komatsubara Y.* The Political relationship between Tibet and the Qing Dynasty in the Latter Half of the Eighteenth Century and the Nineteenth Century: an Analysis How Bka'-blon was chosen // *Journal of Research Institute: Historical Development of the Tibetan Languages*. Meiji University, 2014. Vol. 51. Pp. 201–217. (На англ. яз.)
- Luobu 2011 — *Luobu*. *Qingchu Gandan pozhang zhengquan de xingzhi he diwei wenti zaitan* (= К вопросу о положении и особенностях Ганден Пходранг в период ранней Цин) // *Zhongguo zangxue*. 2011. № 1. Pp. 44–53. (На кит. яз.)
- Lü 2004 — *Lü Shengqi*. 1727–1728 nian wei Zang zhanzheng qianhou Qing Zhongyang de zhizang fangce (= Политика правительства Цин в Уй-Цзане накануне и после Гражданской войны 1727–1728 гг.) // *Minzu yanjiu*. 2004. № 1. Pp. 92–101. (На кит. яз.)
- Nian Gengyao 1995 — *Nian Gengyao* *manhan zouzhe yibian* (= Собрание донесений генерала Нянь Гэньяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык) [электронный ресурс]. Tianjin: *Tianjin guji chubanshe*, 1995. URL: <https://max.book118.com/html/2018/0323/158266855.shtm> (дата обращения: 12.05.2020) (На кит. яз.)
- Petech 1959 — *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // *T'oung Pao*, Second Series. Leiden: Brill, 1959. Vol. 47. Pp. 368–394. (На англ. яз.)
- Petech 1972 — *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: history of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p. (На англ. яз.)
- Qingdai yilai 1996 — *Qingdai yilai Zhongyang zhengfu dui Xizang de zhili yu huofu zhuanshi zhidu shiliao huiji* (= Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд. Сборник исторических материалов со времен Цин) / ed. Zhao XueNi, Chang WeiMin. Beijing: *Huawen chubanshe*, 1996. 546 с. (На кит. яз.)

- Rahul 1969 — *Rahul R.* The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p. (На англ. яз.)
- Richardson 1962 — *Richardson H.* Tibet and Its History. London: Oxford University Press, 1962. 308 p. (На англ. яз.)
- Ruegg 2003 — *Ruegg D. S.* Mchod yon, yon mchod and mchod gnas / yon gnas: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept // The History of Tibet. Ed. by Alex McKay. London, New York: Routledge Curzon, 2003. Vol. 2. Pp. 362–372.
- Shakabpa 1984 — *Shakabpa W. D.* Tibet. A Political History. New York: Potala Publications, 1984. 369 p. (На англ. яз.)
- Schwieger 2015 — *Schwieger P.* The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 342 p. (На англ. яз.)
- Sinha 1968 — *Sinha Nirmal C.* Chhos Srid Gnyis Ldan // Bulletin of Tibetology. 1968. Vol. 5. No. 3. Pp. 13–27. (На англ. яз.)
- Travers 2015 — *Travers A.* The Tibetan Army in the Ganden Phodrang in Various Legal Documents (17th – 20th Centuries) // Secular Law and Order in the Tibetan Highland / ed. Dieter Schuh. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies. 2015. Pp. 249–267 (На англ. яз.)
- Travers, Venturi 2018 — *Travers A., Venturi F.* Buddhism, Both the Means and the End of the Ganden Phodrang Army (1642–1959) // Cahiers d'Extrême Asie. 2018. Vol. 27. Pp. 13–22. (На англ. яз.)
- Ardley J. The Tibetan Independence Movement: Political, Religious and Gandhian Perspective. London, New York: Routledge Curzon, 2003. 224 p. (In Eng.)
- Besprozvannykh E. L. 'The Code of Chinese External Affairs Chamber': about new principles of Tibet management. *Science Journal of Volgograd State University*. 2008. No. 2. Pp. 38–51. (In Russ.)
- Besprozvannykh E. L. Tibet–China Relations: 17th–18th Centuries. Volgograd: Volgograd State University, 2005. 120 p. (In Russ.)
- Dao Wei Cai Zhangjia (Dava Tsering). Ganden Phodrang era: a review of official documents and archives. *Zhongguo zangxue*. 2014. No. 3. Pp. 107–112. (In Chin.)
- Dawa Norbu. China's Tibet Policy. Richmond: Curzon Press, 2001. 470 p. (In Eng.)
- Dijie Caidan (ed.) History of Relations between Local Authorities of Tibet and Chinese Central Government: Since the Yuan Era. Collected Archival Documents and Materials. Vol. 2. Beijing: China Tibetology Press, 1994. (In Chin.)
- Dreyfus G. Law, state, and political ideology in Tibet. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1995. Vol. 18. No. 1. Pp. 117–138. (In Eng.)
- Glossary for Tibetan Terms. On: Tibetan Oral History Archive Project (Digital Online Web Archive). Available at: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles->
- Translation Tool — THL Tibetan to English Translation Tool [электронный ресурс] // Version 3.3.0. The Tibetan & Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php> (дата обращения: 09.04.2020) (На англ. яз.)
- Wang 2002 — *Wang Lixiong*. Reflections on Tibet // New Left Review. 2002. No. 14. Pp. 79–111. (На англ. яз.)
- Wang 1997 — *Wang Xianjun*. Gandan pozhang zhengquan chuqi de zhengjiao heyi zhi (= Единая светско-духовная власть начального периода Ганден Пходранг) // Xizang minzu xueyuan xuebao. 1997. № 1. Pp. 49–57. (На кит. яз.)
- Ya 1999 — *Ya Hanzhang*. Dalai lama zhuan (= Биографии Далай-лам). Beijing: Huawen chubanshe, 1999. 389 p. (На кит. яз.)
- Choedon 1996 — *Yeshe Choedon*. Review of Socio-Political Development of Tibet (600–1950) // Bulletin of Tibetology. Gangtok-Sikkim. 1996. No. 1. Pp. 21–29. (На англ. яз.)
- Yuan yilai 1994 — *Yuan yilai Xizang difang yu Zhongyang zhengfu guanxi dang'an shiliao huibian* (= Сборник архивных документов и материалов по истории отношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времен правления династии Юань) / ed. Dijie Caidan. Beijing: Zhongguo zangxue chubanshe. 1994. Vol. 2. 724 p. (На кит. яз.)
- Zhou 2011 — *Zhou Qiang*. Cong “zhuzang dachen” zhidu kan Qingchao dui Xizang de tongzhi zhengce (= Политика династии Цин в Тибете в аспекте института амбаней) // Chongqing gongshang daxue. 2011. № 1. Pp. 138–141. (На кит. яз.)

- and-essays/glossary/ (accessed: May 20, 2020) (In Eng.)
- Goldstein M. C. An Anthropological Study of the Tibetan Political System. PhD thesis. University of Washington. 1968. 266 p. (In Eng.)
- Goldstein M. C. The circulation of estates in Tibet: reincarnation, land and politics. *The Journal of Asian Studies*. Cambridge, 1973. Vol. 32. No. 3. Pp. 445–455. (In Eng.)
- Guo Qing. Historical role of Qing ambans revisited. *Xizang yanjiu*. 1998. No. 2. Pp. 55–61. (In Chin.)
- He Wenxuan. Ambans in Tibet during the Qing Era: Chronicles of Great Deeds. Beijing: China Tibetology Press, 1993. 537 p. (In Chin.)
- Huang Weizhong. Living Buddhas: reincarnation system of Tibetan Buddhism. In: Collected Studies in Tibetan Buddhism and Tulku Reincarnation System. Beijing: China Tibetology Press, 2007. Pp. 420–437. (In Chin.)
- Ishihama Y. The conceptual framework of the dGa'-ldan's war based on the *beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogob i bithe*, 'Buddhist Government' in the Tibet-Mongol and Manchu relationship. In: Mckey A. (ed.) *Tibet and Her Neighbors: A History*. London, 2003. Pp. 157–165. (In Eng.)
- Ishihama Y. The notion of 'Buddhist government' (chos-srid) shared by Tibet, Mongol and Manchu in the early seventeenth century. In: Cüppers C. (ed.) *The Relationships between Religion and State (chos srid zung 'brel) in Traditional Tibet*. Lumbini, 2004. Pp. 15–32. (In Eng.)
- Kitinov B. U., Lyulina A. G. The first tulku-Regents of Tibet and their role in governing the country. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 164–173. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-164-173
- Kolmaš J. A Chronology of the ambans of Tibet. *Tibetan Studies. PIATS V*. 1992. No. 2. Pp. 541–558. (In Eng.)
- Komatsubara Y. The political relationship between Tibet and the Qing Dynasty in the latter half of the eighteenth century and the nineteenth century: an analysis how *Bka'-blon* was chosen. *Journal of Research Institute: Historical Development of the Tibetan Languages*. Meiji University. 2014. Vol. 51. Pp. 201–217. (In Eng.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. I. History of Tibet: since Earliest Times to the Present Days. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I., Savitsky L. S. People and Gods in the Land of Snows: An Essay on the History and Culture of Tibet. Moscow: Nauka, 1975. 304 p. (In Russ.)
- Lü Shengqi. Policy of the Qing Government in Ü-Tsang on the eve and after the civil war of 1727–1728. *Minzu yanjiu*. 2004. No. 1. Pp. 92–101. (In Chin.)
- Luobu. Qingchu Gandan pozhang zhengquan de xingzhi he diwei wenti zaitan (Ganden Phodrang in the Early Qing era: status and features revisited). *Zhongguo zangxue*. 2011. No. 1. Pp. 44–53. (In Chin.)
- Lyulina A. G. Some aspects of regent titles in Tibet (XVII–XVIII). *RUDN Journal of World History*. 2019. No. 3. Pp. 202–211. (In Russ.)
- Martynov A. S. Status of Tibet in the 17th–18th Centuries: A Perspective from the Traditional Chinese Political System of Political Beliefs. Moscow: Nauka, 1978. 284 p. (In Russ.)
- Nian Gengyao. Collected Reports of General Nian Gengyao. In *Manchu and Chinese Languages*. Chinese Translation. Tianjin: Tianjin Chinese Classics Press, 1995. Available at: <https://max.book118.com/html/2018/0323/158266855.shtm> (accessed: May 12, 2020) (In Chin.)
- Pag Sam Jon Zang: History and Chronology of Tibet. R. Pubaev (foreword., transl., comments). Novosibirsk: Nauka, 1991. 264 p. (In Russ.)
- Petech L. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p. (In Eng.)
- Petech L. The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: a chronological study. In: T'oung Pao, Second Series. Leiden: Brill, 1959. Vol. 47. Pp. 368–394. (In Eng.)
- Rahul. R. The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p. (In Eng.)
- Richardson H. Tibet and Its History. London: Oxford University Press, 1962. 308 p. (In Eng.)
- Ruegg D. S. *Mchod yon, yon mchod and mchod gnas /yon gnas*: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept. In: McKay A. (ed.) *The History of Tibet*. London, New York: Routledge Curzon, 2003. Vol. 2. Pp. 362–372. (In Eng.)
- Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 342 p. (In Eng.)
- Shakabpa W. D. Tibet: A Political History. New

- York: Potala Publications, 1984. 369 p. (In Eng.)
- Sinha Nirmal C. Chhos Srid Gnyis Ldan. *Bulletin of Tibetology*. 1968. Vol. 5. No. 3. Pp. 13–27. (In Eng.)
- THL Tibetan to English Translation Tool. Version 3.3.0. On: The Tibetan & Himalayan Library. Available at: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php> (accessed: April 9, 2020) (In Eng.)
- Travers A. The Tibetan army in the Ganden Phodrang in various legal documents (17th – 20th centuries). In: Schuh D. (ed.) *Secular Law and Order in the Tibetan Highland*. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2015. Pp. 249–267 (In Eng.)
- Travers A., Venturi F. Buddhism, both the means and the end of the Ganden Phodrang army (1642–1959). *Cahiers d'Extrême Asie*. 2018. Vol. 27. Pp. 13–22. (In Eng.)
- Wang Lixiong. Reflections on Tibet. *New Left Review*. 2002. No. 14. Pp. 79–111. (In Eng.)
- Wang Xianjun. Early Ganden Phodrang era: secular and spiritual powers united. *Xizang minzu xueyuan xuebao*. 1997. No. 1. Pp. 49–57. (In Chin.)
- Ya Hanzhang. Biographies of the Dalai Lamas. Beijing: China Publ. House, 1999. 389 p. (In Chin.)
- Yeshi Choedon. Review of socio-political development of Tibet (600–1950). *Bulletin of Tibetology*. Gangtok-Sikkim. 1996. No. 1. Pp. 21–29. (In Eng.)
- Zhao Xue Ni, Chang Wei Min (eds.) *Administering Tibet by the Central Government, and the Reincarnation System of Living Buddhas. Collected Historical Materials of the Qing Era*. Beijing: China Publ. House, 1996. 546 p. (In Chin.)
- Zhou Qiang. Policy of the Qing Dynasty in Tibet: a perspective from the institution of ambans. *Chongqing gongshang daxue*. 2011. No. 1. Pp. 138–141. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 493–505, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-493-505
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (510)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-493-505

От политики «четырёх чисток» к созданию ревкомов в Хулун-Буире (к реконструкции событий начального этапа «культурной революции»)

Базар Догсонович Цыбенков¹, Цыден Солбонович Очиров²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
аспирант
 0000-0002-6705-2820. E-mail: tsyden.ochirov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цыбенков Б. Д., Очиров Ц. С., 2020

Аннотация. *Введение.* Актуальной проблемой современного востоковедения является изучение особенностей проведения «культурной революции» на национальных окраинах КНР. Одним из важных в геополитическом отношении приграничных регионов, где проведение идеолого-политической кампании явилось насущной необходимостью ее сторонников, был Хулун-Буирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ). Целью исследования является реконструкция политических событий в Хулун-Буирском аймаке в 1965–1968 гг. Задачи исследования расположены в хронологической последовательности: 1) рассмотрение кампании «четырёх чисток» и борьбы с «четырьмя пережитками» как предыстории «культурной революции»; 2) освещение кардинальных перемен, произошедших в местных органах власти и в руководстве аймачного парткома в 1966–1968 гг.; 3) изучение репрессивной деятельности хунвейбинов и цзаофаней в Хулун-Буире, их деление на два борющихся лагеря; 4) изучение создания аймачного ревкома и его деятельности в 1968 г. *Материалы исследования* представляют собой три сборника официальных документов по исследуемой проблематике, опубликованные в КНР. Они дополнены рядом работ отечественных и зарубежных авторов, в ряде случаев проводится сравнительно-сопоставительный анализ событий и фактов. *Результаты:* прослежен органичный переход от идейно-политических кампаний начала 1960-х гг.

к «культурной революции»; установлены события и факты, имевшие место в Хулун-Буирском аймаке в 1966–1968 гг., включая имена репрессированных партийных руководителей Хулун-Буирского аймака и новых назначенцев из провинций Хубэй и Шаньси, руководства военного совета; на основе данных по эвенкийскому хошуну и хошунов Новой Барги установлено разделение массовых революционных организаций на противоборствующие направления; отмечено усиление репрессий в отношении членов фракций Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) в аймаке после создания ревкома Хулун-Буирского аймака и вступления на должность председателя ревкома Шанминя, сторонника радикальных мер в отношении «классовых врагов». *Выводы.* Политические события в Хулун-Буирском аймаке в 1965–1968 гг. имели прямую связь как с ситуацией в АРВМ, так и во всем Китае. Назначение кадровых партийных работников из центральных провинций КНР, очевидно, наблюдалось и в других аймаках АРВМ. Особенностью репрессивной политики в Хулун-Буирском аймаке явились гонения на членов фракции «объединения» НРПВМ.

Ключевые слова: «культурная революция», Внутренняя Монголия, Хулун-Буирский аймак, партком, хунвейбины, репрессии, революционный комитет

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 19-39-90003 «Этнические меньшинства Хулун-Буира в годы культурной революции: политический нарратив и устные истории» (номер госрегистрации: АААА-А20-120052290030-0).

Для цитирования: Цыбенев Б. Д., Очиров Ц. С. От политики «четырёх чисток» к созданию ревкомов в Хулун-Буире (к реконструкции событий начального этапа «культурной революции») // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 493–505. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-493-505

UDC 94 (510)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-493-505

From the Policy of ‘Four Purges’ to the Creation of Revolutionary Committees in Hulunbuir: Reconstructing the Beginnings of China’s Cultural Revolution

Bazar D. Tsybenov¹, Tsyden S. Ochirov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0404-7207.. E-mail: bazar75@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0002-6705-2820. E-mail: tsyden.ochirov@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Tsybenov B. D., Ochirov Ts. S., 2020

Abstract. Introduction. Peculiarities of the ‘Cultural Revolution’ in China’s national regions remain a poorly studied issue in modern Oriental studies. In this regard, Hulunbuir league of the Inner Mongolia Autonomous Region had been a strategically important and geopolitically significant region of the country. This territory bordered on the Mongolian People’s Republic and the USSR, therefore the central government of China considered its population potentially dangerous and marginal. The People’s Revolutionary Party of Inner Mongolia had two party factions in Hulunbuir league: the ‘unification’ faction, and the ‘justice’ one. The Maoists viewed the ‘Mongol Unification’ faction of

the People's Revolutionary Party of Inner Mongolia as a particularly dangerous, separatist trend. *Goals.* The paper aims to examine the political events and facts that took place in Hulunbuir league in 1965–1968. *Objectives.* Chronologically, the first objective is to examine the ideological and political campaigns —struggle against the 'Four Olds', and the 'Four Purges' — as a prehistory to the 'Cultural Revolution'. The second objective is to analyze the cardinal changes that took place in the leadership of the party committee and local authorities in 1966–1968. The third problem studied deals with repressive activities of the Red Guards and Zaofan in Hulunbuir league, their division into two fighting camps. The fourth objective is to examine the creation of the *aimag* revolutionary committee and its activities in 1968. *Materials.* The work analyzes three collections of official documents published in the PRC. The information thereof is supplemented with materials from works by Russian and foreign authors. The article provides a comparative analysis of events and facts, translates some terms from Mongolian and Chinese. *Results.* The introducing part the paper examines a prehistory of the 'Cultural Revolution', the ideological and political campaigns. Its main part studies the events of the 'Cultural Revolution' in the region. In July of 1966, a special working group arrived in Hailar on behalf of the CPC Northern Bureau. Members of this group were cadre Party workers from Hubei and Shanxi provinces. In September of 1966, Party Committee Secretary of Hulunbuir league Qi Junshan and Deputy Secretary Zhargal were dismissed from their posts. Red Guards appeared in Hulunbuir in August of 1966 and began organizing 'struggle meetings'. They actively recruited local Mongolian youth. In 1967, the Red Guards in Hulunbuir split into two opposing factions. They were confronting each other and for a while forgot about 'class enemies'. Activities of the Red Guards were out of control of the regional authorities, and the situation needed stabilization. In March of 1967, the State Council and the Central Military Commission of the People's Republic of China decided to create a military council in Hulunbuir league, also referred to as 'the first line to contain the Revolution and stimulate production'. On December 20, 1967, a revolutionary committee was formed in Hailar. In March of 1968, Shangmin, a loyal follower of Mao Zedong, became the leader of the revolutionary committee. Making false accusations, he intensified repressions against members of the 'Mongol Unification' faction. *Conclusions.* Political events in Hulunbuir league in 1965–1968 were directly related to the situation in the whole autonomous region and country. Repressions against members of the 'Mongol Unification' faction were a distinctive feature of the repressive policy in the region. Still, the appointments of cadre Party workers from central provinces are a poorly understood issue. So, the 'Cultural Revolution' in this territory of Inner Mongolia obviously has local features that require further scientific research.

Keywords: Cultural Revolution, Inner Mongolia, Hulunbuir league, party committee, Red Guards, repression, revolutionary committee

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-39-90003, state reg. no. AAAA-A20-120052290030-0.

For citation: Tsybenov B. D., Ochirov Ts. S. From the Policy of 'Four Purges' to the Creation of Revolutionary Committees in Hulunbuir: Reconstructing the Beginnings of China's Cultural Revolution. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 493–505. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-493-505

Введение

Хулун-Буир — один из многонациональных регионов Внутренней Монголии КНР, с 2001 г. известный как городской округ Хулун-Буир, имеет богатую историю. Черной страницей в нее вписан период «культурной революции» (1966–1976 гг.). События обозримого прошлого не нашли подробного отражения в научных исследованиях, за исключением отрывочных сведений о Хулун-Буире в работах, освещаю-

щих положение всего Автономного района Внутренней Монголии (далее — АРВМ) в изучаемый период. Между тем этот регион Китая, граничащий с Россией и Монголией, имел и имеет важное геополитическое значение в трехстороннем взаимодействии государств. Ход «культурной революции» в Хулун-Буире, несомненно, имел некоторые особенности, связанные с особым приграничным положением и населением региона. Таким образом, исследование значимых

этапов новейшей истории Хулун-Буира представляется актуальным и своевременным. Авторы настоящей работы ранее обращались к различным аспектам исследуемой проблематики [Цыбенев 2018; Цыбенев, Очиров 2019; Очиров 2019а; Очиров 2019б; Цыбенев, Очиров 2020; Очиров 2020].

Необходимо также отметить, что основные этапы «культурной революции» во Внутренней Монголии, характерные и для Хулун-Буира, нашли отражение в работах отечественных [Мажинский 2014; Мажинский 2015; Балдано 2018] и зарубежных [Hyer, Heaton 1968; Heaton 1971; Sneath 1994; Tümen, Ju 1996; Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг 1996; Yang 2013] историков.

О проведении «культурной революции» в Хулун-Буире имеются данные в публикациях местных, баргутских краеведов [Dugaerzhabu 2007; Ыо 2010]. Понимая всю сложность малоизученной проблемы, авторы не претендуют на всесторонний детальный анализ поставленной проблематики.

Постановка задачи

Целью исследования является реконструкция политических событий в Хулун-Буирском аймаке АРВМ КНР в период с 1965 по 1968 гг. Наше исследование призвано осветить следующие моменты, имевшие место в изучаемый период: переход от политики «четырёх пережитков» и «четырёх чисток» к собственно «культурной революции», изменения в руководстве аймачного парткома и в целом в аймаке, разделение хунвейбинов и цзаофаней на две противоборствующие организации, деятельность военного комиссара Шанминя и начало репрессий, создание военных советов и ревкомов в Хулун-Буирском аймаке. В некоторых случаях приводятся монгольские и китайские термины, использовавшиеся в период «культурной революции». Исследование проведено на основе сравнительного анализа «культурной революции» в Хулун-Буирском аймаке и событий в г. Хух-Хото (административном центре Внутренней Монголии), а также и в целом в КНР.

Материалы

Основу работы составили «Материалы по истории КПК в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР» под редакцией Чжан Фусяна

[Zhongguo 1989] и «Материалы по истории КПК в хошуне Восточная Новая Барга автономного района Внутренняя Монголия» под редакцией Цзин Чжуана [Zhongguo 1991], «Записки бедствий и страданий» под редакцией Алтан-Дэлихэй [Wasu zainan shilu 1999]. Они содержат официальные документы — указы, постановления, директивы. В них зафиксированы некоторые значимые события в регионе, имена региональных чиновников и партийных деятелей, сведения о создании новых органов власти и политических организаций, данные о начале репрессий в отношении руководства и населения Хулун-Буира.

Предыстория и начальный этап «культурной революции» в Хулун-Буире *Борьба с «четырьмя пережитками» и проведение политики «четырёх чисток» в начале 60-х гг. XX в.*

Становление нового государства — КНР — происходило в непростых условиях социально-экономических реформ и политико-идеологических кампаний. Их реализация на национальных окраинах непременно увязывалась с государственной национальной политикой. Господствовавшая в то время великоханьская идеология во многом противоречила интересам национальных меньшинств [Yang 2013: 1].

Ситуацию обостряли различные цивилизационные ценности кочевников-скотоводов и китайских земледельцев и активное заселение ханьцами территории АРВМ. В 1947 г. монголы составляли 1/4 от числа жителей АРВМ, в 1960 г. они составили 1/9 часть от всего населения автономного района. Эта негативная тенденция не могла не вызвать у многих монголов и их лидеров ответную реакцию в виде «монгольского национализма» [Hyer, Heaton 1968: 117; Heaton 1971: 4].

Поэтому центральное правительство особенно беспокоило деятельность руководства АРВМ. Не осталась незамеченной пекинским руководством критика национальной политики КПК, высказанная лидером АРВМ Уланху в сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК [Бакаева, Юша 2019: 181].

Очевидно, уже тогда центральное правительство взяло его на заметку как потенциально опасного, независимого в своих суждениях национального руководителя.

Начиная с 1957 г. государственная национальная политика быстро меняется не в лучшую сторону. Одним из ее негативных проявлений стала кампания борьбы с «четырьмя пережитками», стартовавшая в августе 1964 г. Под «четырьмя пережитками» понимались «старые идеи, старая культура, старые обычаи и привычки». Эта кампания нанесла тяжелый удар по этнокультурной специфике национальных меньшинств [Новичков 2017: 49–50].

Не стал исключением и Хулун-Буирский аймак (далее — ХБА) АРВМ, населенный монголами (баргутами, бурятами, олетами, хорчинами), даурами, эвенками-солонями, эвенками-орочонами, русскими. Есть мнение, что до начала «культурной революции» ХБА находился на завершающей стадии кампании борьбы с «четырьмя пережитками» [Zhongguo 1991: 53]. На наш взгляд, оно не совсем верно, поскольку вышеотмеченная кампания началась в августе 1964 г. и не могла завершиться так скоро. Эта борьба органично вписалась в идейную структуру «культурной революции» и была продолжена в ее рамках.

Другой идейно-политической кампанией была «политика четырех чисток» (*монг. dögrbe-yi чеберлекү*), берущая свое начало с пленума ЦК КПК в сентябре 1962 г. В ее основе лежала чистка партийных рядов от скомпрометировавших себя кадровых работников (ганьбу). В ХБА эта кампания проводилась специальными рабочими группами. Они выезжали в скотоводческие производственные площадки и бригады, проводили там собрания, на которых разъясняли необходимость борьбы с состоятельными и отошедшими от революционной борьбы ганьбу. Известно, что в октябре 1965 г. состоялось такое собрание на скотоводческой производственной площадке под названием «1 мая» в Новой Барге [Со 2010: 313].

К тому времени преследование центральным правительством Уланху и его сторонников находилось в активной фазе. В конце 1965 г. они потеряли свои должности [Мажинский 2015: 139]. Сведениями о смещении с постов руководства ХБА в 1965 г. мы не располагаем. Хотя до начала «культурной революции» большой резонанс в аймаке и в целом в автономном районе получило дело о партийных фракциях, и ряду деятелей были вынесены обвини-

тельные приговоры. Это дело, как и другие региональные дела — «206», «комиссия из 43 чел.», «До-На-Сун», находилось в поле зрения руководства АРВМ. Суть дела, на наш взгляд, состояла в наличии двух фракций Народно-революционной партии Внутренней Монголии (далее — НРПВМ) в Хулун-Буире: *nigetgekü nam* (досл. ‘партия объединения’) и *ünen nam* (досл. ‘партия справедливости’). Слово *nam* в данном контексте мы переводим как «фракция». Обвинения в отношении членов указанных фракций были основаны на идее объединения Внутренней и Внешней Монголии, а также на неправильном понимании сути национальной политики КНР.

Для расследования этого дела партийное руководство АРВМ направило в ХБА трех секретарей парткомов — Ван Цзайтяня, Билэгбатора и Чжан Синьюаня. Дата их отправки в Хулун-Буир не известна. Выяснено лишь, что они сумели определить имевшиеся противоречия и виновных лиц, и вынести справедливые, взвешенные решения [Tümen, Ju 1996: 236]. Таким образом, борьба властей с «зараженными национализмом», «черными элементами» имела место в ХБА до «культурной революции».

Появление и деятельность революционных организаций в Хулун-Буире и изменения в партийном руководстве в 1966 г.

Объявление о проведении «культурной революции» на территории под руководством Мао Цзэдуна от 18 апреля 1966 г. встретило ожидаемое сопротивление Уланху и его окружения. Они в свою очередь решили провести «мягкую культурную революцию» и лишили должностей отдельных промаоистских чиновников [Мажинский 2014: 160–161].

В то же время развернулась кампания критики Уланху, совмещавшего несколько должностей: первый секретарь парткома АРВМ, председатель народного комитета автономного района, второй секретарь Северокитайского бюро, вице-премьер Госсовета КНР. Против него были выдвинуты ложные обвинения, началась борьба под лозунгом «Атакуем антиреволюционную партийную группировку Уланху». Массовой проверке и гонениям подверглись деятели культуры, главы хошунов и городов, аймаков. Все они были названы «членами

темной банды Уланху», «сепаратистами», «ревизионистами». Среди пострадавших выделялись представители интеллигенции, которых обвиняли в шпионаже и просоветской пропаганде [Li 2009: 116; Ли Фэн Мин 2017: 282].

Особая национальная политика, проводившаяся в АРВМ с самого начала «культурной революции», дискредитировала идею единства наций в регионе и нанесла ощутимый удар национальным меньшинствам АРВМ [Wu 2012: 512].

Летом 1966 г. в АРВМ были направлены тысячи хунвейбинов-ханьцев из Пекина, Шанхая. 10 августа 1966 г. в г. Хух-Хото имели место крупные столкновения между хунвейбинами и сторонниками Уланху. Погибло много людей [Автономный район 1980: 111; Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг 1996: 109].

Тем временем обстановка в ХБА была относительно спокойной. По некоторым данным, в июле 1966 г. в аймаке появилась организованная рабочая группа из 31 чел., прибывшая для продвижения идей «культурной революции» в народные массы. Эта группа, состоявшая из выходцев провинций Хубэй и Шаньси, была направлена по решению Северного бюро КПК [Zhongguo 1989: 127].

По нашему предположению, члены этой группы могли быть партийными кадровыми работниками, а не рядовыми хунвейбинами. Известно, что партийных деятелей — ханьцев из провинций Хубэй и Шаньси направляли в аймаки АРВМ еще в период кампании «четырёх чисток». С началом «культурной революции» их стали продвигать на руководящие должности [Hao 2009]. Смена монгольской элиты на ханьскую была одной из важных задач, успешно решаемых центральным правительством [Балдано 2018: 42–43].

Что касается прибытия хунвейбинов, то летом 1966 г. их первые отряды прибыли в Хайлар [Li 1996: 102; Очиров, Цыбенев 2020: 71]. Возможно, в ХБА они появились позже, чем в Хух-Хото, Баотоу и других крупных городах АРВМ. Достоверно установлено, что отряды хунвейбинов были направлены в Хулун-Буир после участия в «параде» в Пекине, прошедшего 18 августа 1966 г. [Автономный район 1980: 112].

Для проведения деятельности на местах часть этих отрядов могла быть направлена в

хошуны и сомоны. Их пребывание там было кратковременным, уже в сентябре 1966 г. официально был наложен запрет на выезд хунвейбинов в сельские местности. Тем не менее, вероятно, под их влиянием в августе 1966 г. в скотоводческих производственных площадках и бригадах создаются так называемые «комитеты» (кит. 委员会 wei yuan hui). В комитет скотоводческой производственной бригады входило 5–7 членов, комитет бригады состоял из 3–5 чел. Организовав малоимущие аратские массы, они стали устраивать собрания борьбы (монг. *temčel-un qural*). На них совершались гонения на состоятельных скотоводов. Их раздевали до нательного белья, заставляли стоять сгорбившись, обмазывали лица черной краской, били, лишали гражданских прав [Со 2010: 314].

В то же время отряды хунвейбинов активно рекрутировали в свои ряды местную молодежь — школьников и студентов ХБА. К тому времени они практически не учились. После мая 1966 г. были приостановлены занятия, либо они продолжались частично [Cheng 1996: 992; Xu 2009: 223].

В целом отличительной чертой движения хунвейбинов в АРВМ, по мнению западных исследователей, было то, что интеллигенты-ханьцы пострадали в меньшей степени, чем интеллигенция в других китайских провинциях. Это объясняется тем, что во Внутренней Монголии основное внимание революционных организаций было уделено так называемому «монгольскому национализму» [Sneath 1994: 10].

Особую энергичность в деле борьбы с «черными элементами» проявил Шанминь, военный комиссар ХБА. Он называл филиал НРПВМ в ХБА «фракцией объединения монгольского народа» (сокр. «фракция объединения»). В отношении этой фракции им были выдвинуты ложные обвинения, такие как «клан Чингисхана», «партия независимости», «группа по объединению Внешней и Внутренней Монголии», «повстанцы» и др. Всего таких ложных обвинений насчитывалось 202. Репрессии в отношении членов «фракции объединения» были начаты им задолго до официального начала кампании против НРПВМ [Wasu zainan shilu 1999: 155].

6 августа 1966 г. в п. Амгалан Восточного хошуна Новой Барги под руководством

Шанминя было организовано собрание с участием около 1 тыс. чел. Секретарь хошунного парткома, его заместитель и ряд других руководителей были объявлены врагами партии и государства. Позже, в сентябре 1966 г. они были признаны главными пособниками антиреволюционной деятельности [Zhongguo 1991: 53, 59].

Шанминь, очевидно, принадлежал к числу сторонников Дэн Хайцина и Кан Шэна — проводников «культурной революции» в АРВМ. До начала «культурной революции» он претворял в жизнь политику «четырёх чисток». Если в Хух-Хото многие высокопоставленные военные чины, в частности Лю Чан, были на стороне Уланху, и они успешно боролись с хунвейбинами, то в ХБА военный комиссар изначально поддерживал идею «культурной революции». Поэтому ситуация в аймаке, по всей видимости, отличалась от событий в Хух-Хото в сторону заметного усиления позиций сторонников «культурной революции», в чьих рядах были военные. С другой стороны, партийный комитет Внутренней Монголии, после отстранения Уланху от должности председателя КПК АРВМ на несколько месяцев, находился в руках сторонников «культурной революции». Председателем КПК АРВМ стал бывший партийный секретарь провинции Хэбэй и г. Тяньцзиня Се Сюэгуан [Мажинский 2015: 139], усиливший позиции сторонников «культурной революции» в Хух-Хото во главе с заместителем председателя КПК АРВМ Гао Цзиньминем.

21 августа 1966 г. партком АРВМ поставил вопрос о несоответствии должностям секретаря парткома ХБА Ци Цзюньшаня и его заместителя Жаргала. Они должны были признать свои ошибки и покинуть руководящие посты. Учитывая непреклонное исполнение директив вышестоящей партийной инстанции, можно предположить, что их отставка состоялась в тот же день. Новые назначения в партийном руководстве ХБА состоялись 13 сентября 1966 г.: секретарем парткома ХБА стал Хуашан, глава организованной рабочей группы; его заместителями — Дун Циминь и Синь Анмин, члены организованной рабочей группы [Zhongguo 1989: 127].

Нововведения в парткоме были проделаны в октябре 1966 г. Так, 24 октября

1966 г. согласно директиве парткома АРВМ аймачный партком был упразднен, и вместо него был создан временный комитет КПК в ХБА. Большинство членов в новом парткоме составили лица, бывшие ответственными за проведение политики «четырёх чисток» в аймаке [Fu 1996: 161]. Под их руководством в ноябре 1966 г. в ХБА стали создаваться массовые революционные организации [Zhongguo 1989: 593]. Их основу, очевидно, составляли прибывшие в Хулун-Буир отряды хунвейбинов-ханьцев. Как известно, они в принудительном порядке проводили мобилизацию в свои ряды молодых монголов. Эти мероприятия проходили по всему АРВМ. В конце декабря 1966 г. создаются отряды цзаофаней (революционных рабочих), и в Хух-Хото появляются две основные организации хунвейбинов и цзаофаней: «Третий штаб Хух-Хото» (объединивший наиболее экстремистские слои учащихся и рабочих) и «Ляньше» (умеренные слои, в значительной степени состоявшие из монголов) [Автономный район 1980: 112–114]. Можно предположить, что их ячейки появились и в Хулун-Буире. По некоторым данным, в эвенкийском хошуне ХБА местные хунвейбины и цзаофаны разделились на две организации: «ляньхэ» и «дунсы» [Очиров, Цыбенев 2020: 69]. Такое же деление на две части (кит. 排 pái — взвод; линия) было и в баргутских хошунах [Со 2010: 315]. Поскольку раскол хунвейбинов и цзаофаней на две организации в вышеотмеченных хошунах произошел весной 1967 г., то вероятно, что зимой 1966/1967 гг. его в Хулун-Буире еще не было.

Противостояние хунвейбинов и цзаофаней в 1968 г. как фактор дальнейшей дестабилизации ситуации

В начале 1967 г. «культурная революция» в КНР приобрела радикальный характер. Начало захвата власти хунвейбинами и цзаофанями было положено так называемым январским штормом, когда в Шанхае началась серия захватов и разгромов. В частности, были разгромлены редакции газет «Вэньхуй бао», «Цзефан жибао». Неделю (9–14 января 1967 г.) длился штурм Шанхайского горкома КПК [История 2004: 223].

В АРВМ захват власти хунвейбинами и цзаофанями начался в январе-феврале

1967 г. и получил название «Февральское дело оппозиционного направления во Внутренней Монголии». Суть дела состояла в том, что несколько высокопоставленных чиновников парткома АРВМ пытались противодействовать «левым» эксцессам «культурной революции». В итоге в феврале-марте 1967 г. по всему автономному району происходили столкновения между революционными организациями и органами власти на местах [Li 2009: 116].

Вслед за кровавыми событиями в Хух-Хото, произошедшими в январе-феврале 1967 г., в ХБА в феврале 1967 г. активизировались цзаофани, совершившие атаки на местные органы власти, парткомы. В ряде мест они захватили власть и, устраивая беспорядки, приостановили на время деятельность органов власти [Fu 1996: 161]. В частности, пострадало руководство ороchonского хошуна ХБА. После «митинга борьбы» руководители хошуна — Мэргэн-Далай, Найрал и другие были подвергнуты публичным унижениям [Hequn 2006: 318].

Поскольку в целом ситуация в аймаке выходила из-под контроля, Госсовет КНР и Центральный военный комитет КНР в марте 1967 г. приняли решение о создании в аймаке военного совета, также именуемого как «первая линия по сдерживанию революции и стимулированию производства». Командиром военного совета был назначен Ван Цзянь, его заместителем — Чжан Шоуцюань [Zhongguo 1989: 138].

Обстановку в аймаке удалось стабилизировать, но ненадолго. Не повлияла на ситуацию и директива ЦК КПК от 13 апреля 1967 г. «Решение о правильном разрешении вопросов во Внутренней Монголии». К тому времени, 7 апреля 1967 г., в Хух-Хото была введена 21-я армия НОАК провинции Шэньси под командованием Дэн Хайцина [Мажинский 2014: 165].

Однако столкновения между маоистами и сторонниками Уланху продолжались до начала лета 1967 г. В г. Хайлар сформировались две массовые революционные организации, и началась междоусобная борьба. Административно-управленческий аппарат аймака продолжал находиться в парализованном состоянии. Вся полнота власти находилась в руках массовых революционных организаций. 11 апреля 1967 г. согласно

решению парткома АРВМ были уволены с должностей секретарь парткома ХБА Хуашан, его заместитель Дун Циминь и ряд других партийных чиновников. Вместо них были назначены члены специальной рабочей группы, направленные Северным бюро КПК. В то же время началась критика бывших партийных лидеров аймака — Ци Цзюньшаня, Жаргала, Ван Линьчжуна, Сулия. Они были объявлены руководителями «сепаратистской монгольской группировки», «антипартийной группой предателей во главе с Ци, Жаргалом и Ваном» [Zhongguo 1989: 139]. Известно, что вышеуказанные лица находились в местах заключения с конца 1967 г. по начало 1972 г. В 1968–1969 гг. они были под надзором военных. В середине июня 1970 г. Ци Цзюньшань, Жаргал и ряд других бывших деятелей были направлены на ремонт железной дороги в местности Лицишань (север провинции Хэйлуцзян). После 11 месяцев принудительных работ они были возвращены в г. Хайлар [Dugaerzhabu 2007: 188–190].

В мае-июне 1967 г. в ХБА противостояние между двумя массовыми революционными организациями вылилось в погромы: 17 мая 1967 г. — почтово-телеграфного отделения, 3 июня — партийной школы, 25 июня — мясокомбината. В ходе беспорядков были убиты заместитель секретаря аймачного парткома Ганжав, начальник секретного отдела Ешиндагба. В то же время военные пытались стабилизировать ситуацию. Так, в июне 1967 г. ими был создан комитет безопасности, по сути руководивший действиями аймачного парткома и сосредоточивший в своих руках все три ветви власти (законодательную, судебную и исполнительную) [Zhongguo 1989: 321]. Есть мнение, что в целом этот год (1967) прошел относительно спокойно для таких категорий обвиняемых, как «помещики» и «кулаки». Хунвейбины и цзаофани, разделившись на две группы, дрались между собой. Они обвиняли друг друга в неправильных взглядах на проведение «культурной революции» [Со 2010: 315].

20 декабря 1967 г. в Хайларе был создан ревком ХБА. Военный совет, называемый «первой линией по сдерживанию революции и стимулированию производства», был расформирован. Члены специальной рабочей группы от Северного бюро КПК, вре-

менно занимавшие руководящие должности в аймачном парткоме, были распущены [Cao 1986: 12].

Ревкомы и усиление репрессий в аймаке: борьба с НРПВМ и классовые чистки

После создания ревкома в Хайларе стали создаваться местные ревкомы во всех хошунах и городах ХБА. Так, 28 января 1968 г. был создан ревком даурского автономного хошуна Морин-Дава [Цыбенев 2018: 207].

Председатели местных ревкомов и их заместители назначались аймачным ревкомом. Структура ревкомов была следующей: главным органом власти был пленум ревкома. Текущие дела решал Постоянный комитет. Его, в свою очередь, возглавляло «руководящее ядро». В ревком входили 3 подкомитета, ответственные за политическую, производственную и массовую работу. Каждый подкомитет имел несколько отделов [История 2004: 229].

8 марта 1968 г. председателем ревкома ХБА стал военный комиссар Шанминь, его заместителем — Чжан Шоуцзюань. В состав «руководящего ядра» вошли Ван Синцзюнь, Лифэн, Чжао Дэцай [Zhongguo 1989: 140–141].

В апреле 1968 г. во Внутренней Монголии было сфабриковано дело об антигосударственной деятельности НРПВМ. Тогда же появилось и дело о фракции объединения монголов в ХБА. Были подняты старые дела периода кампании «четырёх чисток», ставшие в руках Шанминя «явными доказательствами» причастности многих лиц к подпольной антигосударственной деятельности. Члены фракции объединения именовались «старыми друзьями Уланху», а ее деятельность, как указывал Шанминь, на протяжении 20 лет была направлена против интересов государства, Мао, социализма. Репрессии в ХБА были достаточно серьезными, много людей погибло или стали инвалидами. По некоторым данным, из 31 тыс. членов различных партий (сюда включаются и представители фракций объединения и справедливости) в ХБА были репрессированы 14 891 чел. В тюремном заключении находились 14 329 чел., из них только 56 чел. прошли через полный судебный процесс. Погибло 2 307 чел. — членов НРПВМ [Wasu zainan shilu 1999: 92].

Борьба с НРПВМ в ХБА проходила под лозунгами «Врагами народа является

антипартийная группа во главе с Уланху и Хафэньга», «Размозжим собачьи головы Лю Шаоци, Уланху, Бимбы, Сэрдамбы!». В последнем случае речь идет о партийных лидерах Новой Барги — Бимбе и Сэрдамбе, находившихся в тюремном заключении еще с начала 1968 г. В ходе кампании против «черной банды Уланху» пострадало также много чиновников и интеллигентов — лиц даурской национальности [Mode'ertu 2018: 183–186].

Наряду с борьбой против членов НРПВМ продолжилась чистка классовых рядов. В 1968 г. «классовые враги» в ХБА были обвинены в трех противодействиях: 1) политике партии; 2) линии председателя Мао; 3) общественному правопорядку. Они были разделены на следующие категории: инакомыслящие богачи (*terseleküü bayan*), хозяева скота (*mal-un ejen*), народные раскольники (*ündüsüten-ü qaγaγaγulaγūci*), имеющие оружие и боеприпасы (*puu jebseg-tei baiγusan*).

В административных центрах хошунов и сомонов функционировали так называемые «учреждения диктатуры народных масс» (*olan tümen-ü darungγuyūlaqu γajar*), куда доставлялись обвиняемые. Эти учреждения также выполняли роль своеобразных мест лишения свободы. Во время второй конфискации имущества у «богачей» в 1968 г. (первая конфискации состоялась в сентябре 1966 г.) забрали все движимое и недвижимое имущество. Люди, подвергшиеся гонениям, остались в одной летней одежде. Лишь в октябре 1968 г. «учреждения диктатуры народных масс» стали выдавать им теплую одежду.

К тому времени состав массовых революционных организаций в ХБА, очевидно, был уже смешанным. Наряду с ханьцами имелись и монголы. Так, среди особо усердствовавших хунвейбинов и цзаофаней в Новой Барге были Чжан Цзянь, Бай Лун, Х. Жаргал, Улаан-Одсор, Лунтай, Бао Чиншан. Среди популярных вопросов, задаваемых на допросах, были следующие: Какую работу выполнял в пользу Японии? Есть оружие? Являешься ли членом другой народной партии? Готовил ли побег в Халха-Монголию? Последний вопрос был актуален, поскольку имели место случаи перехода скотоводов на территорию МНР. Например, баргут Добдон, вызволив жену,

находившуюся в заключении в «учреждении диктатуры народных масс», бежал с ней в МНР. После этого побега все скотоводческие бригады, кочевавшие в районе китайско-монгольской границы, были перемещены вглубь аймака, в лесостепные районы Прихинганья. Побег Добдона еще более усилил гонения на «классовых врагов» [Џо 2010: 316–317].

В сентябре 1968 г. председатель ревкома ХБА Шанминь подготовил доклад об успешной борьбе против членов фракции объединения [монголов]. Доклад предназначался для Линь Бяо и Цзян Цин — основных проводников «культурной революции». В качестве подозреваемых в членстве во фракции объединения проходило много представителей национальных меньшинств Хулун-Буира. Признательные показания выбивались у обвиняемых путем жестоких, порой изощренных пыток. При этом Шанминь указывал, что для выявления преступных элементов и членов фракции объединения достаточно признания виновности двух или трех товарищей обвиняемого [Wasu zainan shilu 1999: 92].

Осенью 1968 г. при содействии ревкома ХБА в аймаке активно функционируют «группы изучения произведений Мао Цзэдуна». Усиливается роль китайского языка во всех сферах жизни. В школах учителя-монголы опасались говорить на родном языке, боясь подвергнуться гонениям [Буяров 2016: 41].

Продолжилась чистка классовых рядов. В ноябре 1968 г. состоялось 3-е расширенное пленарное заседание ревкома АРВМ, на котором был поддержан крайне правый политический курс — «классовая чистка». Большой резонанс в АРВМ и ХБА получило «особое дело Ван Хайшаня», для

расследования которого в ноябре 1968 г. была направлена в Хулун-Буир комиссия из Пекинского военного округа. Это дело находилось под личным контролем Кан Шэна, Цзян Цин и Чжоу Вэньюаня [Tümen, Ju 1996: 58].

Экстренная встреча военкома ХБА и представителей местных органов власти прошла в декабре 1968 г. На ней было объявлено о проведении «классовой чистки» [Hequn 2006: 318]. Так в конце 1968 г. подходил к своему завершению третий год «культурной революции». Борьба с «черными элементами», развязанная центральным правительством КНР, подходила к критической точке.

Выводы

Как и во всем Китае, кампания «четыре чисток» (с 1962 г.) и борьба с «четырьмя пережитками» (с 1964 г.) в ХБА плавно перетекла в «культурную революцию». Особенностью аймака была борьба с фракцией «объединения» НРПВМ, также начавшаяся до «культурной революции». Сделано предположение о более позднем появлении (после 18 августа 1966 г.) отрядов хунвейбинов в Хулун-Буире. Как и в Хух-Хото, в ХБА хунвейбины и цзаофани разделились на две враждующие группы. Установлено, что в июле 1966 г., согласно распоряжению Северного бюро КПК, в Хайлар прибыла организованная рабочая группа, в сентябре того же года сменившая руководство аймачного парткома. В августе 1966 г. в аймаке создаются «комитеты», устраивавшие гонения на «классовых врагов». Большую роль в организации репрессий играет Шанминь, военный комиссар ХБА. В марте 1968 г. он становится председателем аймачного ревкома и усиливает гонения на членов фракции «объединения» НРПВМ.

Сокращения

АРВМ — Автономный район Внутренняя Монголия

кит. — китайский язык

монг. — монгольский язык

НРПВМ — Народно-революционная партия Внутренней Монголии

ХБА — Хулун-Буирский аймак

Литература

Автономный район 1980 — Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. М.: Наука, 1980. 157 с.

Балдано 2018 — Балдано М. Н. Национальная политика Китая в отношении монгольских народов // Наука и образование сегодня. 2018. № 12 (35). С. 40–43.

Бакаева, Юша 2019 — Бакаева Э. П., Юша Ж. М.

- Современная этническая идентичность ойратов и тувинцев Китая: к вопросу о специфике национального вопроса в КНР [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. URL: [https:// nit.tuva.asia/nit/article/view/893](https://nit.tuva.asia/nit/article/view/893) (дата обращения: 20.04.2020.). DOI: 10.25178/nit.2019.4.15
- Буяров 2016 — *Буяров Д. В.* Национальная политика Китая в конце 1950-х – конце 1970-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1–1. С. 3943.
- Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг 1996 — *Жамсран Л., Эрдэнэбаяр У, Алтанцэцэг Н.* Хятад дахь монголчууд (= Монголы Китая). Улаанбаатар: Хэвлэлийн «Сүхбаатар» компанид хэвлэв, 1996. 182 с.
- История 2004 — История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / гл. ред. В. Л. Ларин, отв. ред. Г. П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
- Ли Фэн Мин 2017 — *Ли Фэн Мин.* Улаанхүүгийн үндэстэн ба нэгдмэл фронтын онол, практикийн тухай судалгаа (= Национализм и Объединенный фронт в теоретических и практических взглядах Уланху). Улаанбаатар: Бэмби сан, 2017. 346 с.
- Мажинский 2014 — *Мажинский С. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 214 с.
- Мажинский 2015 — *Мажинский С. В.* Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 139–144.
- Новичков 2017 — *Новичков В. С.* Сущность национальной политики в КНР в период деструкции (1956–1978 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 48–54.
- Очиров 2020 — *Очиров Ц. С.* К изучению начального этапа «культурной революции» в автономном районе Внутренняя Монголия // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 251–256.
- Очиров 2019а — *Очиров Ц. С.* К изучению периода культурной революции» в Хулун-Буире Внутренней Монголии // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 375–380. DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.50
- Очиров 2019б — *Очиров Ц. С.* Национальные меньшинства Хулун-Буира в период «культурной революции» в КНР: зарубежная историография проблемы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 3. С. 64–70.
- Цыбенков 2018 — *Цыбенков Б. Д.* Социально-политическое развитие даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958–1984 гг. // Власть. 2018. № 7. С. 205–211.
- Цыбенков, Очиров 2019 — *Цыбенков Б. Д., Очиров Ц. С.* Национальные меньшинства Хулун-Буира в период «культурной революции» в КНР: российская историография проблемы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 108–115. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-108-115
- Цыбенков, Очиров 2020 — *Цыбенков Б. Д., Очиров Ц. С.* Глазами очевидцев: мемуары и устная история // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 1 (37). С. 68–76. DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-68-76
- Caο 1986 — *Caο Li.* Hulunbeier meng qing (= Ситуация в Хулун-Буирском аймаке). Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 1986. 504 p.
- Cheng 1996 — *Cheng Zhi.* Molidawa dawo'erzu zizhiqi zhi (= Обзор даурского автономного хошуна Морин-Дава). Huhehaote: Neimenggu renmin chubanshe, 1996. 1998 p.
- Џо 2010 — *Џо Оршон.* Emči Sangja-yin ergičegülül // Baryu sudulul-un ugulel-n teguberi (nige) / Kulun Byir-n baryu sudulul-un neyigemlig-n šine baryu jegun qošiun-u ajillaqu ajar nayiraulaba (= Изменения в жизни доктора Санжа // Исследования баргутов. Сборник статей. Вып. 1). Hohhot: Öbör Mongyol-un keblel-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 2010. Т. 1. Pp. 312–322.
- Dugaerzhabu 2007 — *Dugaerzhabu.* Cangsang suiye (= Период невзгод). Hulunbei'er: Neimenggu chubanshe, 2007. 264 p.
- Fu 1996 — *Fu Quan.* Ewenke zizhi qizhi (= Эвенкийский автономный хошун). Beijing: Zhongguo chengshi chubanshe, 1996. 1043 p.
- Haο 2009 — *Haο Weimin.* Wenge zhong zaiqu Neimenggu (= Внутренняя Монголия как регион, наиболее пострадавший от «культурной революции») // Southern Mongolian comment on current affairs. February 5, 2009. URL: http://smgln.com/2009/02/blog-post_8153.html (дата обращения: 20.06.2020). (In Chin.)
- Heaton 1971 — *Heaton W.* Inner Mongolia: “Local nationalism” and the “cultural revolution” //

- Mongolia Society. 1971. Vol. 10. No. 2 (19). Pp. 2–34.
- Hequn 2006 — *Hequn*. Huangjie yu xiao minzu shengcun (= Окружающая среда и выживание малых народов). Beijing: Shehui kexue wenxue chubanshe, 2006. 582 p.
- Hyer, Heaton 1968 — *Hyer P., Heaton W.* The Cultural Revolution in Inner Mongolia // *The China Quarterly*. 1968. No. 36. Pp. 114–128.
- Li 2009 — *Li Dezhu*. Neimenggu zizhiqu gaikuang (= Общая ситуация в автономном районе Внутренняя Монголия). Beijing: Minzu chubanshe, 2009. 667 p.
- Li 1996 — *Li Wenxiu*. Gangzhu'er miao waiji (= Заметки о монастыре Ганчжур). Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 1996. 356 p.
- Mode'ertu 2018 — *Mode'ertu*. Jiefang zhanzheng zhongde dawo'er zu (= Даурский народ в Освободительной войне). Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 2018. 520 p.
- Sneath 1994 — *Sneath D.* The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. 1994. Vol. 28. No. 2. Pp. 409–430.
- Tümen, Ju 1996 — *Tümen, Ju Dung Li*. Kan Sheng kiged Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu nam-un kilis kereg (= Кан Шэн и ложное обвинение Народно-революционной партии Внутренней Монголии). Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1996. 594 p.
- Wasu zainan shilu 1999 — *Wasu zainan shilu / Alatan Delihai zhubian* (= Записки о бедствиях и страданиях / отв. ред. Алатан Дэлихай). Huhehaote: Yuanfang chubanshe, 1999. 393 p.
- Wu 2012 — *Wu Shougui*. Ewenke zu shehui (= Эвенкийское общество). Beijing: Minzu chubanshe, 2012. 548 p.
- Xu 2009 — *Xu Zhanjiang*. Zhongguo buliyate ren (= Буряты Китая). Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 2009. 356 p.
- Yang 2013 — *Yang Haiying*. Ulanhu a Nationalist Persecuted by the Chinese Communists. Nagoya: Association for Afro-Eurasian Inner Dry Land Civilization Studies, 2013. 102 p.
- Zhongguo 1989 — *Zhongguo gongchandang Neimenggu zizhiqu Hulunbeier mengzuzhi shi ziliao* (9.1945–12.1987) / *Zhang Fuxiang zhubian*. Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 1989. 777 p.
- Zhongguo 1991 — *Zhongguo gongchandang Neimenggu zizhiqu Xinbaerhu zuoqi zuzhi shi ziliao* (4.1948–12.1989) / *Jing Zhuang zhubian*. Hailaer: Neimenggu renmin chubanshe, 1991. 131 p.
- Barghut (Barga) Studies. Collected Papers. Vol. 1. Hohhot: Inner Mongolia Culture Publ., 2010. Pp. 312–322. (In Mong.)
- Dugaerzhabu. The Period of Hardships. Hulunbuir: Inner Mongolia Publ., 2007. 264 p. (Chin.)
- Fu Quan. Ewenki Autonomous Banner. Beijing: China City Press, 1996. 1043 p. (In Chin.)
- Hao Weimin. Inner Mongoliya as a region worst-affected by the 'Cultural Revolution'. On: Southern Mongolian Comment on Current Affairs. February 5, 2009. Available at: http://smgln.com/blog-post_8153.html (accessed: June 20, 2020). (In Chin.)
- Heaton W. Inner Mongolia: 'local nationalism' and the 'cultural revolution'. *Mongolia Society*. 1971. Vol. 10. No. 2 (19). Pp. 2–34. (In Eng.)
- Hequn. Environment and Survival of Ethnic Minorities. Beijing: China Social and Literary Press, 2006. 582 p. (In Chin.)
- Hyer P., Heaton W. The Cultural Revolution in Inner Mongolia. *The China Quarterly*. 1968. No. 36. Pp. 114–128. (In Eng.)
- Jing Zhuang (ed.) New Barga Left Banner of the Inner Mongolia Autonomous Region (China): Materials of the Local CCP Organization, April

References

- Alatan Delihai (ed.) Notes of Disaster and Sufferings. Hohhot: Yuanfang Publ., 1999. 393 p. (In Chin.)
- Bakaeva E. P., Yusha Zh. M. Contemporary ethnic identities of China's Oirats and Tuvans: specificity of the PRC's national question revisited. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/893> (accessed: April 20, 2020). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.15
- Baldano M. N. China's ethnic policy towards Mongolic peoples. *Science and Education Today*. 2018. No. 12 (35). Pp. 40–43. (In Russ.)
- Buyarov D. V. China national policy in the late 1950s to the late 1970s. *Historical and Social Educational Ideas*. 2016. Vol. 8. No. 1–1. P. 3943. (In Russ.)
- Cao Li. Situation in Hulun Buir Aimag Revisited. Hailaer: Inner Mongolia People's Publ., 1986. 504 p. (In Chin.)
- Cheng Zhi. A Review of Morin Dawa Autonomous Banner. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ., 1996. 1998 p. (In Chin.)
- Čo Oršon. Changes in Doctor Sanja's life. In:

- 1948 – December 1989. Hailar: Inner Mongolia People's Publ., 1991. 131 p. (In Chin.)
- Larin V. L., Beloglazov G. P. (eds.) History of Northeast China: 17th–20th Centuries. Vol. 3: Northeast China, 1945–1978. Vladivostok: Dalnauka, 2004. 344 p. (In Russ.)
- Li Dezhu. Inner Mongolia Autonomous Region: Overall Situation. Beijing: Nationalities Press, 2009. 667 p. (In Chin.)
- Li Feng Ming. Ulanhu: Nationalism and Unification Front in His Theoretical and Practical Approaches. Ulaanbaatar: Bembi San, 2017. 346 p. (In Mong.)
- Li Wenxiu. Essays on Ganjur Monastery. Hailar: Inner Mongolia People's Publ., 1996. 356 p. (In Chin.)
- Mazhinsky S. V. Chinese Government and the Inner Mongolia Autonomous Region during 1966–1969: from dialogue to political struggle. *Tomsk State University Journal*. 2015. No. 401. Pp. 139–144. (In Russ.)
- Mazhinsky S. V. Inner Mongolia: Socioeconomic and Political Development of the Region in the Context of China's Modernization. Cand. Sc. (history) thesis. Tomsk, 2014. 214 p. (In Russ.)
- Mode'ertu. Daur People in the Liberation War. Hailar: Inner Mongolia People's Publ., 2018. 520 p. (In Chin.)
- Novichkov V. S. The nature of ethnic policy in the PRC during the period of destruction (1956–1978). *Tomsk State University Journal of History*. 2017. No. 45. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Ochirov Ts. S. National minorities of the Hulunbuir Region during the 'Cultural Revolution' in the PRC: foreign historiography of the problem. *Humanitarian Vector*. 2019. Vol. 14. No. 3. Pp. 64–70. (In Russ.)
- Ochirov Ts. S. The initial stage of the Cultural Revolution in the Inner Mongolia Autonomous Region of China (1966–1969). *The Authority (Vlast')*. 2020. Vol. 28. No. 1. Pp. 251–256. (In Russ.)
- Ochirov Ts. S. To the study of the period of 'Cultural Revolution' in Khulun-Buir Aymak of the Inner Mongolia. In: Shalak A. V. et al. (eds.) Irkutsk Yearbook of History and Economics — 2019. Irkutsk: Baikal State University, 2019. Pp. 375–380. (In Russ.) DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.50
- Shirendyb B., Sladkovsky M. I. (eds.) People's Republic of China: Inner Mongolia Autonomous Region. Moscow: Nauka, 1980. 157 p. (In Russ.)
- Sneath D. The impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia. *Modern Asian Studies*. 1994. Vol. 28. No. 2. Pp. 409–430. (In Eng.)
- Tsybenov B. D., Ochirov Ts. S. National minorities if the Khulun-Buir Region during the Cultural Revolution in the PRC: the Russian historiography of the problem. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 1 (33). Pp. 108–115. (In Russ.) DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-108-115
- Tsybenov B. D., Ochirov Ts. S. Eyewitness accounts: memoirs and oral history of the 'Cultural Revolution' in Hulun-Buir. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 1 (37). Pp. 68–76. (In Russ.) DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-68-76
- Tsybenov B. D. Socio-political development of the Morin-Dawa Autonomous Region in 1958–1984. *The Authority (Vlast')*. 2018. No. 7. Pp. 205–211. (In Russ.)
- Tümen, Ju Dung Li. Kang Sheng and (His) False Accusations against the Inner Mongolia People's Liberation Party. Beijing: People's Publ. House, 1996. 594 p. (In Mong.)
- Wu Shougui. Ewenki Society. Beijing: Nationalities Press, 2012. 548 p. (In Chin.)
- Xu Zhanjiang. Buryats of China. Hailar: Inner Mongolia People's Publ., 2009. 356 p. (In Chin.)
- Yang Haiying. Ulanhu a Nationalist Persecuted by the Chinese Communists. Nagoya: Association for Afro-Eurasian Inner Dry Land Civilization Studies, 2013. 102 p. (In Eng.)
- Zhamsran L., Erdenebayar Y., Altantsetseg N. Mongols of China. Ulaanbaatar: Sükhbaatar, 1996. 182 p. (In Mong.)
- Zhang Fuxiang (ed.) Hulunbuir Aimag of the Inner Mongolia Autonomous Region (China): Materials of the Local CCP Organization, September 1945 – December 1987. Hailar: Inner Mongolia People's Publ., 1989. 777 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 506–520, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470)+281.2(235.7)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

Ногайская Кубань и проблемы внутриполитического развития Крымского ханства середины XVIII в.

Дмитрий Владимирович Сень¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сень Д. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Хронология статьи охватывает 1740–1750-е гг., когда в Крымском ханстве усилились конфронтационные процессы, связанные с ростом недовольства ногайскими ордами ограничительной политикой крымских ханов. Пик сопротивления пришелся на конец 1750-х гг., выразившись в восстании ногайцев 1758 г. против крымского хана Халим-Гирея и его ближайших родственников. Многие кубанские ногайцы, руководимые бывшим кубанским сераскером Сеадет-Гиреем, приняли в восстании деятельное участие. *Цели и задачи.* Необходимо изучить роль и место ногайской Кубани в трансграничных процессах на Северо-Западном Кавказе, связанных с миграциями кочевников. Планируется установить значение ногайской Кубани (Кубанской орды) в политических и иных процессах, сопровождавших деятельность правящих крымских ханов по усилению управленческих структур в ногайских ордах. *Материалы и методы.* Статья написана на основе письменных исторических источников XVIII в., в том числе впервые вводимых в научный оборот. Главным образом, это делопроизводственные документы российского происхождения, хранящиеся в фондах федеральных и государственных архивов России. В исследовании использовались специальные исторические методы, в том числе историко-генетический и историко-сравнительный. *Результаты.* Кубанская орда играла ключевую роль в жизни такой периферии Крымского ханства, как кубанский регион. В середине XVIII в. Кубань все активнее вовлекалась Гиреями в общегосударственные интеграционные процессы. Например, это оказалось связано с развитием на Кубани института сераскер-султанов. За обладание этой должностью активно боролись разные представители династии Гиреев, в том числе семья кубанского султана Бахты-Гирея, ранее осевшая на Кубани. *Выводы.* Приведены новые факты, подтверждающие значение семьи султана Бахты-Гирея в жизни кубанского региона после 1729 г. Доказано, что кубанские ногайцы приняли заметное участие во внутриполитической жизни Крымского ханства, активно сопротивляясь многим жестким административным решениям правящих Гиреев. Их недовольство активно подогре-

валось бывшими кубанскими сераскерами — братьями Гази-Гиреем и Сеadet-Гиреем, сыновьями султана Бахты-Гирея. Доказано, что поддержка кубанскими ногайцами Сеadet-Гирея носила массовый характер, и что именно они повлияли на его назначение сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. Выявлена непосредственная связь между «бунтом» сыновей Бахты-Гирея против крымского хана и последующей активностью кубанских ногайцев в восстании 1758 г.

Ключевые слова: восстание, Гирей, калмыки, Кубань, Кубанская орда, Крымское ханство, миграции, ногайцы, Россия, сераскеры

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Сень Д. В. Ногайская Кубань и проблемы внутривнутриполитического развития Крымского ханства в середине XVIII в. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 506–520. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

UDC 94(470)+281.2(235.7)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

Crimean Khanate in the Mid-18th Century: Nogai Kuban and Problems of Internal Political Development

Dmitry V. Sen' ¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Sen' D. V., 2020

Abstract. Introduction. The article chronologically covers the 1740s and 1750s. The period witnessed a rise in confrontational processes in the Crimean Khanate that were intensified by the growing dissatisfaction of the Nogai hordes with restrictive policies of the Crimean Khans. The opposition reached its peak by the late 1750s, and was marked by the Nogai rebellion of 1758 against the Crimean Khan Halim Giray and his sons. Many Kuban Nogais led by the *ex-serasker* of Kuban Seadet Giray took an active part in the revolt. **Goals.** The paper seeks to examine the role and place of Nogai Kuban in cross-border processes along the Northwest Caucasus that resulted from nomadic migrations. It is planned to identify the impact of Nogai Kuban (Kuban Horde) on the political and other processes that accompanied activities of the ruling Crimean Khans aimed at strengthening governing structures of their own within the Nogais hordes. **Materials and Methods.** The article analyzes 18th-century written historical sources, including ones newly introduced into scientific discourse. Those are mainly Russian official papers stored at federal and public archives of the country. The study employs special history research methods, such as the historical/genetic and historical/comparative ones. **Results.** The Kuban Horde played a key role in the provincial life of Kuban Region, a periphery of the Crimean Khanate. In the mid-18th century, the territory was being increasingly involved into state integration processes by the Girays. For example, the institution of *serasker*-sultans in Kuban was established. Various representatives of the Giray dynasty actively struggled for the position, including the family of Sultan Bahti Giray that had settled in Kuban. **Conclusions.** The discovered facts confirm the significance of Sultan Bahti Giray's family in the life of Kuban Region after 1729. Kuban Nogais actively participated in the Crimean Khanate's internal policies, and opposed the heavy-handed administrative decisions of the Girays. Their dissatisfaction was actively fueled by *ex-seraskers*, Gazi Giray and Seadet Giray, the sons of Sultan Bahti Giray. The paper proves Seadet Giray enjoyed a

mass support of Kuban Nogais, which largely predetermined — through pressure on *kalga-sultan* — his appointment as *serasker* in 1755. The study reveals an instant connection between the ‘revolt’ of Bahti Giray’s sons against the Crimean Khan — and subsequent activities of Kuban Nogais in the rebellion of 1758.

Keywords: uprising, Giray dynasty, Kalmyks, Kuban, Kuban Horde, Crimean Khanate, migrations, Nogai, Russia, *serasker-sultan*

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sen’ D. V. Crimean Khanate in the Mid-18th Century: Nogai Kuban and Problems of Internal Political Development. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 506–520. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-506-520

Введение

Хронология исследования охватывает, главным образом, 1740–1750-е гг. — время усиления в Крымском ханстве конфронтационных процессов, связанных с ростом недовольства ногайскими ордами внутренней (ограничительной) политикой крымских ханов. Данным обстоятельством несколько позже весьма успешно воспользовалась Российская империя, расшатывая обстановку в Крымском ханстве. Ханы в свою очередь пытались проводить реформы и усиливать различный контроль над ногайцами, которые не только активно мигрировали по территории ханства, но и взаимодействовали друг с другом на почве сопротивления правящим Гиреям и их политике. На территории Кубани часть недовольных сконцентрировалась вокруг бывших сераскеров Кубанской орды — братьев Гази-Гирея и Сеадет-Гирея, сыновей крупного военно-политического деятеля — султана Бахты-Гирея (Дели-султана). Потеряв официальную власть к началу 1750-х гг., они продолжили борьбу за сохранение своего влияния среди ногайцев и черкесов.

Тема заявленной нами статьи, таким образом, является актуальной по нескольким основаниям. Прежде всего, ее изучение позволяет системно выявить общее и особенное в политике нескольких крымских ханов по реформированию государства и по выходу из сложных внутри- и внешнеполитических проблем середины – второй половины XVIII в. Одним из самых сложных направлений для «новой» внутренней политики правящих Гиреев стало так называемое ногайское направление. Кроме того, важно

изучить роль и место ногайской Кубани в трансграничных процессах на Юге и в жизни пограничных сообществ, все еще пытавшихся нарушать государственные (линейные) границы, извлекая из этого определенную выгоду. На Кубани же продолжали находить прибежище многие недовольные действиями центральных и местных российских властей, в том числе калмыки.

Постановка задачи

Предполагается определить роль и место ногайской Кубани в политических и иных процессах, сопровождавших деятельность правящих крымских ханов по усилению своих управленческих структур в ногайских ордах. Необходимо выявить общее и особенное в деятельности именно кубанских элит (прежде всего — кубанских сераскеров), направленной на сопротивление подобным устремлениям правящих Гиреев. Пик такого сопротивления, в пределах указанного выше десятилетия, пришелся на конец 1750-х гг., выразившись в восстании ногайцев 1758 г. против крымского хана Халим-Гирея и его родственного окружения. Многие кубанские ногайцы, руководимые бывшим кубанским сераскером Сеадет-Гиреем, приняли в этом восстании самое деятельное участие.

Материалы

Источниковая основа статьи представлена документальными и нарративными источниками XVIII в., как опубликованными, так и впервые вводимыми в научный оборот. Это, в частности, делопроизводственные документы российского происхождения (дипломатическая переписка,

документы губернских канцелярий, распросные речи и т. д.). Они извлечены из фондов трех федеральных архивов (АВПРИ, РГАДА, РГВИА) и двух государственных архивов (ГАРО и ГААО) Российской Федерации.

Ногайская Кубань в административно-политическом пространстве Крымского ханства

Тенденции взаимоотношений правящих Гиреев и ногайцев

Во второй трети XVIII в. ногайцы оставались одной из самых серьезных проблем для крымских ханов, с которыми Гиреям приходилось как договариваться, так и конфликтовать. Участились небезопасные для правящих Гиреев ситуации, когда ногайцы разных орд стали обращаться за покровительством к России, даже предполагая уйти с территории ханства и принять российское подданство. И здесь мы сталкиваемся с разными, хотя и взаимосвязанными тенденциями в действиях ногайцев и крымских ханов. Правящие Гиреи продолжали искать выходы из непростых для ханства внутри- и внешнеполитических ситуаций, реагируя на новые вызовы времени и модернизируя административно-управленческую структуру управления. В частности, ханы пошли на поддержку и развитие института сераскер-султанств в существовавших тогда ногайских ордах. Справедливы слова о том, что в ходе централизации административного управления ногайцами со стороны Бахчисарая «хану даже удалось назначить на важнейшие посты орбея и сераскеров Буджакской и Едисанской орд своих сыновей, а также снизить градус напряженности внутри рода Гиреев, дав привилегии многим близким и дальним родственникам. Все это существенно снизило напряженность как в самом ханстве, так и на крымско-украинской и крымско-польской границе, что было с удовлетворением отмечено в Стамбуле» [История Крыма 2019: 502].

Ханской власти также необходимо было искать новые формы нейтрализации ногайцев — в условиях продолжавшихся с их стороны набегов на российские территории. Одной из таких форм взаимоотношений сторон стало более или менее регулярное привлечение ногайцев к пограничной службе в ханстве, начиная с правления хана Арслан-Гирея (1748–1755 гг.).

Ногайцы в свою очередь все более открыто и решительно выражали недовольство усилением государственной регламентации их жизни, а также контролем со стороны крымских ханов по сдерживанию набеговой активности своих подданных. Хань все более жестко наказывали ногайцев за это, заодно усиливая налоговое и иное административное давление на них. Таким образом, в период 1739–1768 гг. действительно возросли «объемы интеграции... ногайских орд в государственную систему Крымского ханства, которое посредством учреждения администрации сераскер-султанов и предоставления должности каймаканов ногайским мурзам смогло удерживать под контролем степную периферию» [Грибовский 2009: 95]. Вместе с тем обострилась борьба между разными Гиреями (включая «местные» ответвления этого рода), за обладание статусом и полномочиями сераскеров, на что чутко реагировали ногайцы разных орд, причем как элиты, так и рядовое население.

Продолжавшиеся в 1740-е гг. нарушения кубанцами границ беспокоили не только Санкт-Петербург, но также турок-османов, которые часто находили общий язык с российской стороной. Нам не кажется лукавством слова великого везира Хаджи Мехмет-паши о том, что хан Селим-Гирей II действительно старался удерживать своих подданных от набегов [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15об.].

Важная деталь определено новых настроений ногайцев, о которых подробнее будет сказано ниже, следующая: великий везир просил канцлера А. П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. о содействии, если найдутся такие «татары», которые «бегом или како» станут искать прибежища в России [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 15об.].

В том же году великий везир сообщал в Стамбуле российскому резиденту И. И. Неплюеву о том, что Порта намерена построить неподалеку от Темрюка небольшую крепость «для лутчаго кубанцов обуздания» и для воздержания от «своевольств» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]. Российскому резиденту несколько позже была показана ланд-карта с указанием на место постройки будущей земляной крепости.

Обратимся к мнению А. В. Мальгина о том, что именно четырем ногайским ордам Причерноморья отводилась главная роль в

отторжении Крымского ханства от Османской империи [Мальгин 2013: 57]. Ученый имел в виду Едисанскую, Буджакскую, Едичкульскую и Джембуйлукскую орды. Не стоит, однако, забывать о положении и влиянии среди прочих орд еще одной — Кубанской, а также о более поздних (но органически связанных с рассматриваемым временем) планах Российской империи именно с ее помощью создать независимое от Крыма *Кубанское ханство* во главе с одним из Гиреев.

Калмыки в трансграничных связях ногайской Кубани

Безусловно, для описываемого периода характерно переплетение нескольких векторов трансграничных связей Кубани, не считая, конечно, ее связей с другими территориями Крымского ханства. Прежде всего, сохранялись калмыцко-ногайские связи, выгодные обеим сторонам, вызывавшие неудовольствие как в Бахчисарае, так и в Санкт-Петербурге. В частности, речь идет о взаимной посреднической и иной торговле среди местного населения, издавна существовавшей в степном пограничье. Имели место отдельные контакты между калмыцкими и кубанскими элитами, например, между Дондук-Даши и кубанским сераскером [Цюрюмов 2007: 268].

Коллегия иностранных дел и высшие сановники России, включая канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, всячески старались пресечь такие контакты, включая взаимную работоторговлю — со стороны как ногайцев, так и калмыков [Цюрюмов 2007: 268]. Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши и другие представители калмыцких элит неоднократно намеревались в 1740-е гг. откочевать в Крым или на Кубань, о чем российские власти периодически получали информацию, например, от Войска Донского из Черкаска [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 287].

После побега в начале 1742 г. с территории Калмыцкого ханства ханши Джан в Кабарду произошло следующее: на Кубань откочевало большинство из нескольких сот кибиток тюркоязычных томатов [Очиров 2008: 100; Торопицын: 2010: 53–54; Цюрюмов 2007: 250–251], сопровождавших ханшу, не желавшую мириться с утратой власти после смерти хана Дондук-Омбо. Наместник Дондук-Даши и астраханский

губернатор В. Н. Татищев пытались добиться возвращения беглых томатов. Однако кубанский сераскер заявил, что «хотя те толматы на Кубань и пришли и находятся тамо, но он их по однозаконию с ним без указа сиятельного хана отдать не может» [Российско-северокавказские отношения 2011: 39].

В российских источниках данный случай упоминается наряду с бегством на Кубань в 1742 г. группы «Малого Ногаю», мурзы которой сумели перед откочевкой забрать из Кизлярской крепости своих детей, «во аманатах данных» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 295об.]. На Кубани они были приняты местными султанами, ранее подговорившими их к побегу. Указанных томатов и ногайцев российские власти требовали вернуть еще в 1756 г. [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 295–296об.].

Какое-то время после этих событий начала 1740-х гг. на Кубани находил пристанище влиятельный нойон Бодонг [Цюрюмов 2007: 252; ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23об.–24об.] — двоюродный брат покойного хана Дондук-Омбо.

Что касается наместника ханства Дондук-Даши, то в историографии обычно отмечают его слабость как лидера и уступчивость по отношению к В. Н. Татищеву. Со временем конфликт между ними усугубился — и в 1745 г. российские власти снова получили информацию о возможной откочевке наместника ханства на Кубань, так как калмыки пришли «в непорядок и во убожество от наместниковой слабости» [Цюрюмов 2007: 257].

Несколько раньше на Кубань предполагали уйти зайсанги Багацохуровского улуса, опасавшиеся его раздела российскими властями [Цюрюмов 2007: 261]. Выразительна формулировка императорского указа о том, что «как то и наперед сего было, хан крымской и сераскер кубанской всячески будут старатца, и ласкать, и подкупать наместника ханства Калмыцкого и его зайсангов к принятию их стороны...» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 8об.–9]. В то же время Россия опасалась бегства на Кубань части подвластных ей ногайцев и калмыков, а также усиления крымско-калмыцких связей [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25]. Особенно тревожны были известия 1747 г. о намерении наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и его зайсангов «через Кубань

уйти в Крым» — в случае начала новой русско-турецкой войны [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–9]. Консолидированными усилиями разных российских властей контакты калмыков и кубанских ногайцев в целом прекратились в 1750-е гг.

Сераскеры в административно-управленческих структурах Крымского ханства

В исторической науке недостаточно разработан вопрос о роли кубанских сераскеров во внутренней и даже во внешней политике Крымского ханства указанного периода. Отсутствует и *верифицированный* перечень имен сераскер-султанов хотя бы по одной из ногайских орд. Почти не введены в научный оборот сведения о том, каким образом ханы осуществляли свой выбор при назначении *новых* сераскеров и за что лишали власти так называемых старых сераскеров. То же самое можно сказать о повседневных управленческих практиках сераскеров ногайских орд, конечно, многократно вынужденных договариваться и с местными ногайскими элитами и даже с рядовым населением. Указанные вопросы являются составляющими более масштабной и очень важной научной проблемы — об эволюции управленческих структур в Крымском ханстве, в т. ч. об управлении правящими Гиреями ногайскими ордами (напр.: [Грибовский 2009: 67–97]).

Сераскеры осуществляли различные формы контроля над местным населением, причем не только над ногайцами. В пределах конкретной орды сераскер «считался полноправным хозяином: он имел всю полноту военно-административной, фискальной и судебной власти, а также полномочия представлять интересы ногайцев в сношениях с российской и польской пограничными администрациями и Запорожский Сечью. Среди их прочих функций выделялось военное управление...» [Грибовский 2009: 74]. Перед нами — общие характеристики функций сераскеров *разных* ногайских орд, имеющие некоторые отличия в зависимости от территории кочевания Буджакской, Едиганской, Джембуйлукской или Кубанской орд. Сераскеры Кубанской орды располагали своей резиденцией — укрепленным местечком Копыл (Каплу), а также активно разъезжали по Кубани, осуществляя свои

полномочия, но потом все равно возвращались в Копыл. По всей видимости, институт сераскер-султанов возник на Кубани в 1720-е гг. (быть может, в контексте борьбы ханов с султаном Бахты-Гиреем?) [Грибовский, Сень 2013: 92–137]), отражая совершенствование правящими Гиреями системы управления территориями, находящимися за пределами Крымского полуострова.

Сыновья султана Бахты-Гирея и борьба среди элит ногайской Кубани второй трети XVIII в.

О семье кубанского султана Бахты-Гирея [Сень 2016: 105–117; Сень 2020: 355–358] вспомним в той связи, что она уже была прочно интегрирована в местное пространство, в этническую и культурную среду кубанского региона. Согласимся с мнением о том, что «многие из кубанских сераскеров завязывали родственные отношения с местной ногайской аристократией и знатными семьями горских народов. Некоторые после того, как крымский хан лишал их должности, оставались на Кубани и основывали местные династии султанов, сохранявшие принадлежность к фамилии Гиреев» [Грибовский 2009: 73].

Амбиции и связи кубанских Гиреев порождали любопытные казусы и... гнев Бахчисарая. Один из сыновей Бахты-Гирея, султан Гази-Гирей, уже после смерти отца ставший кубанским сераскером, выдал свою сестру замуж за сына одного из кабардинских князей Арсланбека (кабардинского владельца Хаммурзы Росланбекова) — Аспата. Крымский хан Арслан-Гирей организовал в 1751 г. преследование своего племянника — вплоть до согласия убить его, так как «прежде того у них, татар, такого (так в тексте. — Д. С.) во обыкновении не бывало. А он, Казы-Гирей салтан, учинил тем безславию» [Российско-северокавказские отношения 2011: 64, 65, 68]. Нет сомнения в том, что после гибели Дели-султана в 1729 г. часть его семьи осталась на Кубани, по-прежнему сохраняя известное влияние на ногайцев и, скорее всего, на кабардинцев и на черкесов. Так, некоторые из сыновей Бахты-Гирея находили у них убежище после потери официальной власти, использовали их ресурсы в борьбе с новыми кубанскими сераскерами, тоже назначаемыми крымскими ханами.

Другим конкретным выражением такого влияния со стороны указанной семьи можно считать и то, что в 1730–1760-е гг. *несколько* сыновей Бахты-Гирея становились кубанскими сераскерами, включая Селим-Гирея, Сеадет-Гирея и Гази-Гирея. Первым из названных братьев стал кубанским сераскером, по всей видимости, султан Селим-Гирей (1730-е гг.) [Фелицын 1904: 138, 141].

Нам удалось найти свидетельство о том, что он со своими ближайшими родственниками («сераскер-солтан з Бахты-Гиреевыми детми») сумел укрыться в труднодоступных местах от российско-калмыцких войск — во время их похода на Кубань летом 1736 г. [РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 98. Л. 3–3об.; также см. о нем: Фелицын 1904: 138, 141, 150–153]. Селим-Гирей оставался сераскером еще в начале 1740-х гг. [Российско-северокавказские отношения 2011: 39].

Выражение «Бахтыгиреевы дети» весьма любопытно, оно встречается в источниках не единожды. В 1733 г. эти самые «Бахтыгиреевы дети» содействовали сбору ногайцев в поход на Персию крымско-османских войск и «збирают... кубанских татар, с которыми де будет наряд из некрасовских изменников казаков, а сколько числом, неизвестно ж, токмо де над оным войском иметь будет каманду салтан Девлет Гирей хан с Бахтыгиреевым сыном» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473. Л. 24–24об.]¹. Значит, какая-то часть семьи Дели-султана продолжала на Кубани держаться вместе, что косвенно свидетельствует о поддержке братьями друг друга.

Выскажем версию о том, что Сеадет-Гирей являлся следующим из сыновей Бахты-Гирея, кто вслед своему брату Селим-Гирею стал сераскером на Кубани, вероятно, уже в середине 1740-х гг. Какое-то время еще в 1751 г. он оставался кубанским сераскером [Российско-северокавказские отношения 2011: 83; Фелицын 1904: 183; АВПРИ Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 28–28об.], будучи в том же году лишен своей должности [Российско-северокавказские отношения 2011: 60]. Как можно предположить, причиной «отставки» послужила поддержка им своего мятежного брата,

Гази-Гирея, бросившего вызов хану Арслан-Гирею [Российско-северокавказские отношения 2011: 85]. Впрочем, еще летом 1751 г. Сеадет-Гирей оставался сераскером. Действия братьев, в том числе Гази-Гирея, получившего поддержку в Кабарде, вызвали тревогу в Стамбуле, присоединившемся к их нейтрализации [Российско-северокавказские отношения: 2011: 89–90]. Недаром хан Арслан-Гирей в переписке с Портой возлагал большую долю ответственности за обострение обстановки именно на Сеадет-Гирея, так как «помянутый сераскер от ханского послушания отстал и к смятению приступил» [Российско-северокавказские отношения: 2011: 85].

Новый кубанский «бунт» был опасен для крымцев и для турок-османов также тем, что представители «Кашкатаусской партии» в Кабарде поддержали братьев-султанов [Алиева 2009: 98]. Правда, нельзя согласиться с С. И. Алиевой в том, что эти бывшие сераскеры, якобы «старавшиеся примкнуть к кабардинцам, впали в немилость у Османской империи и Крыма *из-за своей непопулярной политики*» (выделено нами. — Д. С.) [Алиева 2009: 99]. К слову, в нашем распоряжении имеется свидетельство о том, что еще до «отставки» своего брата, случившейся в 1751 г., султан Гази-Гирей тоже успел побывать кубанским сераскером [Российско-северокавказские отношения: 2011: 64]. Отношения между братьями, как можно судить, были, как минимум, «ровными» и явно невраждебными. Уже при хане Крым-Гирее, приходившемся братьям дядей по отцу, султану Бахты-Гирею, Гази-Гирей *вновь* был назначен до 28 ноября 1761 г. кубанским сераскером [Канцелярия Новосербьского корпуса 2005: 315].

После «отставки» Сеадет-Гирея на Кубани началась своеобразная чехарда с назначением в орду новых сераскеров, причем в историографии специального внимания на столь важный аспект раньше не обращалось. Косвенно это свидетельствует о том, что «отставка» Сеадет-Гирея не только затронула интересы семьи султана Бахты-Гирея, но еще вызвала неприятие «чужих» сераскеров какой-то частью кубанских ногайцев. С некоторыми такими сераскерами султан Сеадет-Гирей несколько раз вступал в военное противостояние. Сераске-

¹ Документ любезно предоставлен доктором исторических наук В. И. Мильчевым.

рами на Кубани недолго «продержались»: Максуд-Гирей; Бахадыр-Гирей [Российско-северокавказские отношения 2011: 97, 98]; Селим-Гирей, сын крымского хана Арслан-Гирея; Крым-Гирей, приходившийся сыном Халим-Гирею, вступившему на престол в начале 1756 г. (или в конце 1755 г.).

У Ш. де Пейссонеля находим выразительную характеристику образа правления этим Крым-Гиреем (не путать с будущим ханом Крым-Гиреем!) Кубанью и Черкесией, вызвавшего резкое неприятие местного населения [Пейссонель 2013: 76–77]. Несколько таких свидетельств о сераскерстве Крым-Гирея относится к ноябрю 1754 г. [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 5–6, 7]. Согласно разведанным российской стороны, кубанцы обеспокоились, что если Сеадет-Гирей не станет вновь сераскером, «то для их стороны последовать может худо». Многие кубанские ногайцы, в том числе солтанаульцы, были по-прежнему «весма склонны и во всем ему крайне послушны» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7]. При этом, как отмечал донской казак В. Закалиев, они *ненавидели* тогдашнего сераскера Крым-Гирея и вообще не приезжали к нему в Копыл.

Источники свидетельствуют о восставлении (попытке восстановления?) Сеадет-Гирея кубанским сераскером *уже в 1755 г.* В историографии столь важный исторический сюжет был обойден исследователями стороной. Причем, как нами установлено, таких случаев было два — не только в 1755 г., *но также в 1758 г.* Еще в первой половине 1755 г. Сеадет-Гирей сумел изгнать с Кубани «официального» сераскера, приняв «все кубанское войско... под свое владение» [Российско-северокавказские отношения 2011: 100]. Особую тревогу вызвало то, что «оной де Сеадет Гирей солтан совсем кубанским войском и з горскими черкесами под властию у хана крымского (Арслан-Гирея. — Д. С.) быть не желают» [Российско-северокавказские отношения 2011: 100]. Нельзя исключать того, что в данном случае Сеадет-Гирей использовал проверенные временем методы своего отца — султана Бахты-Гирея, сумевшего долгие годы удерживать на Кубани именно фактическую власть, вопреки воле Бахчисарая! При этом влияние Сеадет-Гирея распространялось и на другие группы

ногайцев (едисанцев и джембуйлуковцев), даже намеревавшихся переселиться на Кубань и просивших Сеадет-Гирея о таком содействии [Российско-северокавказские отношения 2011: 100].

Переговоры ногайцев Едисанской и Джембуйлукской орд с Сеадет-Гиреем обратили на себя внимание Коллегии иностранных дел (далее — КИД). В Санкт-Петербурге знали о том, что перевод едисанцев и джембуйлуковцев предполагался через Дон и Азов, что особой тревоги само по себе не вызвало. Более того, в КИД полагали, что в дальнейшем этим можно будет воспользоваться для переселения ногайцев в Россию [Российско-северокавказские отношения 2011: 102].

Летом 1755 г. российская дипломатия намеревалась поддержать эту провокацию, направленную на расшатывание внутриполитической обстановки в Крымском ханстве. Для этого был продуман план действий с участием Войска Донского, администрации которого *рекомендовалось* не чинить преграды султану Сеадет-Гирею, если он с войском станет переправляться через Дон [Российско-северокавказские отношения 2011: 102]. После же переправы султана на крымскую сторону атаману Войска Донского С. Д. Ефремову надлежало написать жалобу на Сеадет-Гирея... хану Арслан-Гирею (!) [Российско-северокавказские отношения 2011: 103]. Сеадет-Гирей, в свою очередь, активизировав решение вопроса о переселении на Кубань едисанцев и джембуйлуковцев, даже попытался оказать соответствующее давление на калгу-султана летом 1755 г. [Российско-северокавказские отношения 2011: 101]. Фактически произошло «отложение» Сеадет-Гирея от крымского хана, к тому же ставшего собирать войско среди черкесов, умело используя противоречия между ними и ханом Арслан-Гиреем [Российско-северокавказские отношения 2011: 100, 104]. Какое-то влияние оказал Сеадет-Гирей и на переселение из Крыма на Кубань группы солтанаульцев (случившееся до 10 августа 1756 г.), которое было санкционировано крымским ханом [Российско-северокавказские отношения 2011: 108].

Возвращаясь к «запутанному» в историографии вопросу о сераскерстве Сеадет-Гирея, отметим, что к его решению

оправданно подключился Бахчисарай: от хана Арслан-Гирея на Кубань прибыл калга-султан. Он действительно встречался с Сеадет-Гиреем — один раз в период до 4 июля 1755 г., затем, как минимум, еще один раз [Российско-северокавказские отношения 2011: 100–101].

Из рапорта ротмистра И. Мещерякова кизлярскому коменданту И. Л. фон Фраундорфу от 11 октября 1755 г. следует, что приехавший из Крыма калга-султан был вынужден вступить в переговоры с «кубанским народом» по вопросу о новом сераскере. Примечательно, что какая-то часть договорных отношений калги-султана и «кубанского народа» оказалась оформлена *присягой*, а калга-султан «выбрал (выделено нами. — Д. С.) в кубанские сераскеры с обшого кубанского народа согласия бывшего сераскера Сеадет-Гирея Бахтыгиреева сына» [Российско-северокавказские отношения 2011: 105].

В доношении войсковому атаману донского казака П. Грекова, отправленного на Кубань 21 декабря 1755 г. и приехавшего в Копыл, Сеадет-Гирей фигурирует как *сераскер* [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 66–66об.].

Другой источник, независимый от предыдущего, также относит обладание Сеадет-Гиреем интересующим нас статусом к 1755 г. [Российско-северокавказские отношения 2011: 101].

Однако российские источники 1756 г. именуют сераскер-султаном *Крым-Гирея*, сына «нового крымского хана» [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 366–369об.; Д. 1958. Л. 2–3], т. е. Халим-Гирея. По всей видимости, противоречие можно объяснить тем, что новый хан, вступивший на престол в конце 1755 г. или в начале 1756 г., назначил на Кубань своего «официального» сераскера.

В 1756 г. или несколько ранее Сеадет-Гирей вступил в еще большую крупную и рискованную игру — заявив о желании перейти в российскую протекцию вместе с солтанаульцами [Российско-северокавказские отношения 2011: 109–110]. Впрочем, свидетельство о возможной откочевке солтанаульцев за Волгу под его руководством встретилось нам в документе более раннего времени. Еще в 1754 г. посланец Войска Донского В. Закалиев получил соответству-

ющую информацию на Кубани от местных жителей [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7]. Безусловно, этот случай надо рассматривать на фоне *аналогичных устремлений* со стороны других ногайских орд. Ногайцы Эдисанской орды с середины XVIII в. все активнее стали проявлять интерес к переходу в российское подданство, например, в конце 1750-х гг. [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 551. Ч. 1–5]. Достаточно характерная для описываемого периода ситуация произошла в ходе восстания эдисанских и буджакских ногайцев против крымского хана Халим-Гирея и его ближайшего окружения (1758 г.) [Пейссонель 2013: 73–89]. Еще за несколько лет до восстания эдисанцы отправили в Санкт-Петербург посольство с указанной целью [Грибовский 2008: 118–119]. А во время восстания они сделали то же самое, причем буджакские ногайцы их поддержали. Российское правительство, в свою очередь, просчитывая риски принятия неверного решения и в чем-то разделяя опасения Крыма и Порты, отказало ногайцам в подданстве. Более того, оно приказало приграничным форпостам их «не токмо в здешнюю сторону не пропускать, но и силою от границ здешних отбивать» [Грибовский 2008: 120].

В случае же с предложением Сеадет-Гирея дело обстояло иным образом. Во-первых, переход солтанаульцев полагался возможным на том основании, что они якобы ранее были российскими подданными. Во-вторых, касательно фигуры самого Сеадет-Гирея, — в случае перехода в христианскую веру его готовы были принять на Дону, в Кизляре или в Астрахани [Российско-северокавказские отношения 2011: 110]. Настойчивость Сеадет-Гирея обращает на себя внимание: похожая история имела место в ноябре-декабре уже 1757 г., причем позиция КИД о солтанаульцах не претерпела существенного изменения: «А они между тем до того времени могут спокойно побыть в прежних их местах» [Российско-северокавказские отношения 2011: 112].

Восстание ногайцев 1758 г. и положение Кубанской орды в первое правление хана Крым-Гирея

В 1757–1758 г. ситуация в Крымском ханстве, в том числе на Кубани, обострилась еще больше. Авторитет и влияние

хана Халим-Гирея в ногайских ордах стремительно падали [Пейссонель 2013: 82–86; Пономарьев 2015: 159–161]. Султаны Сеадет-Гирей и Бахадыр-Гирей умело воспользовались недовольством черкесов, потребовав от хана свержения султана Крым-Гирея, угрожая в обратном случае «не останавливаться ни перед чем» [Пейссонель 2013: 77].

В марте 1758 г. на Кубань прибыл калга-султан Девлет-Гирей, намеревавшийся «выпросить у хана смещение Крым-Герая и назначение на его место Сеадет-Герая черкесского» [Пейссонель 2013: 78]. Мы вновь наблюдаем переговорный процесс между калгой-султаном и кубанцами, даже согласившимися на выдачу ему аманатов. Заметим, что фигура Сеадет-Гирея по-прежнему интересовала российские власти. В 1758 г. были получены сведения о том, что должности сераскера он был лишен *именно* Халим-Гиреем, «и что он самовольно в окрестностях Кубани оставался не иначе, но противником хана крымского, следовательно, и Порты Отоманской...» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 19]. Далее отмечалось, что именно благодаря поддержке кубанцев, недовольных сераскером Крым-Гиреем, Сеадет-Гирей вновь сумел возвыситься, сделавшись «некоторым образом тамошних хану крымскому противных народов предводителем» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 19].

Хронология последующих событий такова, что ханский сын и сераскер-султан Крым-Гирей все-таки был изгнан ногайцами с Кубани в том же 1758 году. Впрочем, хан Халим-Гирей отказался от слова, данного им калге-султану — «назначить сераскером Кубана Сеадет-Герая черкесского» [Пейссонель 2013: 79, 81]. Сеадет-Гирей не собирался сдавать свои позиции: вместе с султаном Бахадыр-Гиреем он сумел закрыть на Кубани и в Черкесии все пути. Они «запретили торговлю, грабили караваны и похищали лошадей, скот и рабов почти под пушечными выстрелами крепостей великого повелителя» [Пейссонель 2013: 80]. Мы располагаем данными о том, что уже в конце августа 1758 г. Крым-Гирей был лишен своей официальной власти на Кубани. Правда, в начале осени того же года он планировал «итит войною на Кубань» против Сеадет-Гирея и Бахадыр-Гирея [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 306]. При этом оба султана и кубанские мурзы действо-

вали вполне согласованно, планируя свои дальнейшие действия против Халим-Гирея. При этом мурзы желали, чтобы «сероскером бы у них учинен был тот ково он сами пожелают из них ж солтанов» [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 306], т. е. либо Сеадет-Гирей, либо Бахадыр-Гирей.

Ногайцы Едисанской и Буджакской орд восстали в 1758 г. против хана Халим-Гирея и его сыновей, поддержав в борьбе за крымский престол Крым-Гирея (сына хана Девлет-Гирея II), бывшего в свое время буджакским сераскером. В конце октября 1758 г., будучи поддержан ногайцами нескольких орд, Крым-Гирей был провозглашен Портой новым крымским ханом. Отметим, что кубанские ногайцы во многом координировали свои действия с ногайцами Едисана и Буджака. Их недовольство, конечно, имело общие корни — «протест против усиления государственной регламентации Крымского ханства и стабилизации границ, лишавших кочевников возможности совершать набеги на соседей» [Грибовский 2009: 84]. Вместе с тем неверно отделять важнейшие амбиции и мотивации бывшего сераскера Сеадет-Гирея *от настроений и устремлений кубанских ногайцев*, как считает В. В. Грибовский. Он пишет, что Сеадет-Гирей и Бахадур-Гирей стремились «занять должность кубанского сераскера, хотя сами кубанские ногайцы заявили о желании самостоятельно избирать сераскеров и выступили против их назначения крымским ханом» [Грибовский 2009: 83]. Напротив, мы доказали, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея носила массовый характер, и что именно они повлияли на его назначение сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. В последующие годы, в том числе в 1758 г., они также неоднократно поддерживали *своего* султана Сеадет-Гирея в борьбе за сераскерство в Кубанской орде. Потомки султана Бахты-Гирея, тем самым, действительно сумели сформировать *свою систему неформальной власти* на Кубани, успешно прошедшую проверку временем. Более того, султан Сеадет-Гирей добился большего влияния в местном черкесском мире, чем его знаменитый отец.

После прихода к власти осенью 1758 г. новый хан Крым-Гирей не забывал о Кубани. Он несколько раз инициировал слухи о скором начале войны между Османской

и Российской империями, давая ногайцам повод надеяться на возобновление набегов, что обеспечивало ему на первых порах популярность в ханстве [Грибовский 2009: 87].

Порта, что вполне ожидаемо, достаточно прохладно отнеслась к новому хану, поскольку была вынуждена уступить нажиму со стороны ногайцев. Российский резидент в Стамбуле А. М. Обресков сообщал 12 декабря 1758 г. о том, что Крым-Гирей Порте «делается весьма несносным» и что она желает видеть его переехавшим в Крым, от чего всячески уклоняется [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31]. Опасения хана в том и состояли, чтобы Порта, воспользовавшись его приездом в Крым, «тем... его не свергла» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31об.]. Между тем в 1759 г. Крым-Гирей намеревался переехать из Каушан не в Крым, а на Кубань, «и для того охотнее быть на Кубане, нежели в Крыму» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. А все потому, как точно отмечено в императорском указе от 24 июля 1759 г., адресованном атаману С. Д. Ефремову, что хан Крым-Гирей «вымог себе сие достоинство от Порты Отоманской, по преданству к нему бунтовавшего пред сим против оной Эдисанского народа. Следовательно, Порта принуждена его токмо до тех пор сносить, пока случая не получит без дальняго затруднительства его сменить» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. В Коллегии иностранных дел отмечали нестандартность ситуации, поскольку давно не было такого случая, «дабы ханы крымские на Кубань ездили» и опасались последствий прибытия хана на Кубань [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22об., 26–26об.]. Наконец, с аналитической точки зрения важны слова о том, что в случае переезда на Кубань Крым-Гирей «может найти себе прибежище у тамошних в горах живущих народов, по примеру многих крымских солтанов, родственников ханов крымских, а также от Порты отверженных и противниками объявленных» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 22об.]. Однако, насколько известно, планировавшаяся поездка хана Крым-Гирея на Кубань осталась не реализованной.

Между тем беглый калга-султан — Хаджи-Гирей, скрывавшийся за пределами ханства от хана Крым-Гирея, выразил в 1759 г. желание сменить подданство и переселить-

ся в Россию [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35], поддержав соответствующее обращение едисанских и буджакских мурз. При этом сам Крым-Гирей опасался Хаджи-Гирея и его поддержки ногайцами. Нами обнаружен уникальный архивный источник — перевод с «турецкого письма», поданного буджакскими и едисанскими мурзами султану Хаджи-Гирею [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–41об.]. 49 ногайских мурз (!) излагали свою позицию в конфликте с ханом Крым-Гиреем, выражали опасение за свою жизнь и просили бывшего калгу «придумать, в Кубани ли нам быть, или у давнишних соседей» [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–40об.]. Необходимо заметить, что Хаджи-Гирея иногда ошибочно именуют *калгой-султаном Халим-Гирея* [Грибовский 2009: 87]. Однако он был назначен калгой именно ханом Крым-Гиреем после прихода к власти [Пейссонель 2013: 82; Халим Гирай Султан 2004: 127].

Новым кубанским сераскером хан Крым-Гирей назначил родного брата Хаджи-Гирея — Сеадет-Гирея [ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35об.]. Правящему хану, Крым-Гирею, султаны Хаджи-Гирей и Сеадет-Гирей приходились племянниками по их отцу — Махмуд-Гирею, сыну крымского хана Девлет-Гирея II. Причем во время восстания 1758 г. султан Хаджи-Гирей пользовался поддержкой Крым-Гирея и активно ему помогал. Через какое-то время Хаджи-Гирей был лишен Крым-Гиреем сана — новым калгой-султаном стал Селим-Гирей, сын предыдущего хана — Арслан-Гирея, родного брата Крым-Гирея. А после смерти Селим-Гирея, подчеркнем, калгой-султаном в Крымском ханстве стал... *султан Сеадет-Гирей* [Халим Гирай султан 2003: 127] — многократно упоминаемый нами сын султана Бахты-Гирея. Халим-Гирей писал, что вскоре после назначения он умер, но это не так. Еще в конце декабря 1761 г. калга-султан Сеадет-Гирей был жив, приехав из Крыма на родную ему Кубань, где сераскером тогда был его родной брат — Гази-Гирей [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 324]. Более того, сохранился документ о его калгайстве за первую половину 1762 г. [Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 353–354].

Главное, впрочем, в другом: во-первых, при помощи документальных источников

удалось верифицировать свидетельство Халим-Гирея о калгайстве Сеадет-Гирея. Во-вторых, имя этого калги-султана практически «выпало» из историографии и из соответствующих сводок и перечней имен Гиреев, в том числе из представленных в авторитетном сборнике [*Le Khanat de Crimée 1978: 368*]. Столь незаслуженно забытый исторический факт (о котором не упомянул даже В. Д. Смирнов!) исключительно важен не только при анализе биографии этого султана (ставшего вторым лицом в ханстве!), но и в ходе уяснения самых разных сценариев борьбы за власть в Крымском ханстве середины XVIII в. И, конечно, сказанное имеет значение для исследования *коллективной биографии* семьи кубанского султана Бахты-Гирея, в изучении которой появились новые направления и новые перспективы.

Изучив ситуацию, связанную с просьбой Хаджи-Гирея, КИД отклонила просьбу Хаджи-Гирея, поручив одному из своих членов В. М. Бакунину внушить ему, «что они не токмо со всем ногайским народом, но и одни при нынешних обстоятельствах в подданство... и на время в здешние границы приняты быть не могут» [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35об.*]. При этом для Хаджи-Гирея предусматривалась возможность «пробраться» со своими сторонниками через земли донских казаков «ниже Черкасска» на Кубань, где сераскером пребывал его брат Сеадет-Гирей (не путать с другим Сеадет-Гиреем, сыном султана Бахты-Гирея!) [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35об.*].

Верхушке Войска Донского — генерал-майору Д. Е. Ефремову и войсковому атаману С. Д. Ефремову из КИД были направлены соответствующие указы, суть которых сводилась к тому, что ногайцам не следует препятствовать в переходе на Кубань [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39*]. Донцам цинично предписывалось «смотреть на такое их переходение сквозь перстов», лишь бы перебежчики «вместо Кубани в калмыцкия улусы не ходили» [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39*].

Планы бывшего калги-султана, Хаджи-Гирея, одинаково встревожили и Санкт-Петербург, и Бахчисарай. Так, Крым-Гирей, узнав о подобных планах своего бывшего калги, учредил «крепкия караулы», после чего Хаджи-Гирею и его сторонникам «через Крым и ехать уже

невозможно» [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39*]. Именным же императорским указом (1759 г.?) Хаджи-Гирею сообщалось, что его прошение удовлетворят только тогда, когда с турецкой стороны «воспоследует» война с Россией [*ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 42об.*].

Что касается кубанского сераскерства, то через какое-то время после прихода к власти хан Крым-Гирей «вспомнил» о своих племянниках — сыновьях Бахты-Гирея (судя по всему, их отношения были весьма хорошими; вероятно, случайное совпадение — но одного из своих сыновей Крым-Гирей назвал *Бахты-Гиреем*), назначив на указанную должность султана Гази-Гирея. Не исключено, что поводом для этого послужила поддержка предыдущим сераскером, Сеадет-Гиреем, неугодного хану Крым-Гирею бывшего мятежного калги — Хаджи-Гирея. Повторимся, что другой из братьев, Сеадет-Гирей, стал калгой-султаном при хане Крым-Гирее: таким образом, именно при нем оба брата не только вернули себе официальную власть, но и приумножили ее. Имеются основания полагать, что Сеадет-Гирей продолжительное время (в пределах 1758–1764 гг.) сохранял доверие хана Крым-Гирея. Ужесточая политику в отношении ногайцев [*Грибовский 2009: 88*], именно своему калге он поручил в 1762 г. вывести ногайцев с Кубани [*Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 353*]. Согласно сведениям, поданным атаманом С. Д. Ефремовым в Главную канцелярию Новосербского корпуса, эта задача была успешно решена Сеадет-Гиреем до 10 мая 1762 г. [*Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 353–354*]. Ногайцев вывели «на крымскую сторону», часть их, сообщал информатор, «будут... кочевьем находитца по Конским и Молочным Водам даже до Берд» [*Канцелярия Новосербского корпуса 2005: 354*]. Пытавшийся препятствовать таким действиям бывший союзник Сеадет-Гирея — Бахадыр-Гирей был разгромлен «кубанцами» под руководством сына калги Сеадет-Гирея.

Выводы

В статье установлены и проанализированы новые многочисленные исторические факты, подтверждающие заметную роль ногайской Кубани во внутривосточной обстановке на территории Крымского хан-

ства середины XVIII в. Кубань продолжала оставаться регионом, где пытались, и безуспешно, находить убежище подданные разных государств, в том числе России, конфликтовавшие с властями и завязывавшие все новые связи с кубанскими элитами и с рядовым населением. Заметную роль в политическом пространстве кубанского региона продолжала играть после 1729 г. семья (сыновья) кубанского султана Бахты-Гирея Дели-султана. Как минимум, *трое* его сыновей являлись обладателями должности сераскер-султана в 1730-е – начале 1750-х гг.; некоторые из них не отказались от борьбы за власть и позже. Было доказано, что кубанские ногайцы приняли заметное участие во внутривосточной жизни Крымского ханства, активно сопротивляясь многим жестким административным решениям правящих Гиреев — усилению контроля над набеговой системой, над миграциями по территории ханства и пр. Недовольство кубанских ногайцев начала 1750-х гг. активно подогревалось бывшими кубанскими сераскерами — братьями Гази-Гиреем и Сеадет-Гиреем, сыновьями султана Бахты-Гирея.

Установлено, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея в сере-

дине 1750-х гг. носила массовый характер, и что именно ногайцы повлияли на его назначение кубанским сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. Впервые в историографии установлено, что в 1758 г. повторилась аналогичная ситуация — когда между кубанцами и Бахчисараем был достигнут новый компромисс (оставшийся нереализованным) о восстановлении кубанским сераскером Сеадет-Гирея. Впервые в историографии доказано, что впоследствии он был назначен калгой-султаном при хане Крым-Гирее. Выявлена непосредственная связь между «бунтом» сыновей Бахты-Гирея против крымского хана и последующей активностью кубанских ногайцев в восстании 1758 г. Установлены новые данные о связях кубанских ногайцев, изгнавших с Кубани сераскера Крым-Гирея, с лидерами этого восстания и с другими ногайскими ордами. Приведены факты, доказывающие, что после прихода к власти хана Крым-Гирея кубанский регион сохранял свою привлекательность для разных участников недавнего многостороннего противостояния — начиная от хана Крым-Гирея (даже планировавшего перебраться на Кубань) и заканчивая буджакскими и едисанскими ногайцами.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 ГААО — Государственный архив Астраханской области.
 ГАРО — Государственный архив Ростовской области.
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

- Алиева 2009 — *Алиева С. И.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). Баку: Şərq-Qərб, 2009. 326 с.
 Грибовский 2008 — *Грибовский В. В.* Ногайські орди в політичній системі Кримського ханства // Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя: ЗНУ, 2008. С. 113–129.
 Грибовский 2009 — *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.)

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
 Russian State Archive of Ancient Acts.
 Russian State Archive of Military History.
 State Archive of Astrakhan Oblast.
 State Archive of Rostov Oblast.

- // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2009. С. 67–97.
 Грибовский, Сень 2013 — *Грибовский В. В., Сень Д. В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и

- этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2013. С. 92–137.
- История Крыма 2019 — История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. 600 с.
- Канцелярія Новосербського корпусу 2005 — Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники: В. Мільчев, О. Посунько / Передмови: С. Гаврилович, С. Лалич, В. Мільчев, О. Посунько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя: ЗНУ, 2005. 442 с.
- Мальгин 2013 — *Мальгин А. В.* Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (март). С. 45–68.
- Очиров 2008 — *Очиров У. Б.* Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института [комплексных исследований аридных территорий]. 2008. № 2. С. 98–102.
- Пейссонель 2013 — *Пейссонель Ш.-К., де.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Х. Лотошниковой / вступ. ст., прим. и ком. В. В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев: [б. и], 2013. 110 с.
- Пономарьов 2015 — *Пономарьов О. М.* Ногайський заколот 1758 року та сходження Крим-Гірея на ханський престол (за документами Архіву Коша Нової Запорозької Січі) // Архіву України. 2015. № 2. С. 157–168.
- Российско-северокавказские отношения 2011 — Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сб. док. / сост., авт. предисл., коммент. и именного указ. И. И. Якубова. Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2011. 195 с.
- Сень 2016 — *Сень Д. В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 2 (68). № 4. 2016. С. 105–117.
- Сень 2020 — *Сень Д. В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: мат-лы XXXIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 2020 г.) / отв. ред. И. Г. Коновалова, Е. В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 355–358.
- Торопицын 2010 — *Торопицын И. В.* Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 52–56.
- Фелицын 1904 — *Фелицын Е. Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1904. Т. 1. 306 с.
- Халим Гирай Султан 2004 — *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма / транскр., перев. перелож. А. Ильми. Симферополь: Доля, 2004. 288 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Le Khanat de Crimée 1978 — *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desaiive, Chantal Lemercier-Quelquejey.* Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales and Mouton Éditeur, 1978. 458 p.

References

- Alieva S. I. Nogai Turks: 15th to 20th Centuries. Baku: Şərq-Qərb, 2009. 326 p. (In Russ.)
- Bennigsen A. et al. (comps.) Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris: School of Advanced Studies in Social Sciences, Mouton Éditeur, 1978. 458 p. (In Fr.)
- Felitsyn E. D. Kuban Cossack Host and Kuban Oblast: Collected Archival (Historical) Documents. Yekaterinodar: Kuban Oblast Statistical Committee, 1904. Vol. 1. 306 p. (In Russ.)
- Gribovsky V. V. Crimean Khanate, 1740–1760s: administering Nogais of the Northern Black Sea. In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) Collected Turkological Papers, 2007–2008: Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries — History and Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 67–97. (In Russ.)
- Gribovsky V. V. Nogai hordes in the Crimean Khanate's political system. In: Southern Ukraine. 18th-19th Centuries. Zaporizhia: Zaporizhzhya National University, 2008. Pp. 113–129. (In Ukr.)
- Gribovsky V. V., Sen' D. V. Kuban Sultan

- Bahti Giray: phenomenon of illegitimate political power in the Crimean Khanate, 1700s–1730s. In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) *Collected Turkological Papers, 2011–2012: Turkic Peoples and States — Political and Ethnocultural History*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2013. Pp. 92–137. (In Russ.)
- Halim Giray Sultan. *The Rosebush of Khans: Or a History of the Crimea*. A. Il'mi (transcr., transl.). Simferopol: Dolya, 2004. 288 p. (In Russ.)
- Malgin A. V. Joining the Crimea to Russia in light of imperial expansion. *Istoriya i sovremennost'*. 2013. No. 1 (March). Pp. 45–68. (In Russ.)
- Milchev V., Posunko O. (comps.) *Chancellery of Novoserbia Corps*. S. Gavrilovich, S. Lalich, V. Milchev, O. Posunko (foreword). Ser.: *Sources on the History of Southern Ukraine*. Vol. 7. Zaporizhia: Zaporizhzhya National University, 2005. 442 p. (In Ukr.)
- Ochirov U. B. Turkic ethnic groups in the Kalmyk Khanate: 17th–18th centuries. *Vestnik Instituta [kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy]*. 2008. No. 2. Pp. 98–102. (In Russ.)
- Peissonel Ch.-C., de. *Essay on Tataria Minor*. V. Lotoshnikova (transl.), V. Gribovsky (foreword, comments). 2nd ed., rev. and suppl. Kiev, 2013. 110 p. (In Russ.)
- Ponomaryov O. M. Nogai rebellion of 1758 and enthronement of Qirim Giray: a case study of Kosch Archives from the New Zaporozhian Sich. *Arkhivi Ukraïni*. 2015. No. 2. Pp. 157–168. (In Ukr.)
- Sen' D. V. Bahti Giray, Sultan of Kuban: historical environment of individual biography and its reconstruction. In: Konovalova I. G., Pchelov E. V. (eds.) *Supporting Historical Disciplines in Contemporary Academic Discourse*. Conf. proc. (Moscow, 2020). Moscow: Institute of World History (RAS), 2020. Pp. 355–358. (In Russ.)
- Sen' D. V. Biographical data of the Crimean Khanate elites: topical issues of historical sources study (case of Bakhty Giray Sultan). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 2016. Vol. 2 (68). No. 4. Pp. 105–117. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Russo-Kalmyk relations in the mid-18th century: resistance of Privy Councillor and Governor V. Tatishchev to Queen Dzhhan's Persian plans. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 1. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. *Kalmyk Khanate within Russia's Borders: Problems of Political Interaction*. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Yakubova I. I. (comp.) *Russia–North Caucasus Relations: 18th Century*. Coll. Documents. I. Yakubova (foreword, comments, etc.). Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute, 2011. 195 p. (In Russ.)
- Yurasov A. V. (ed.) *History of the Crimea*. In 2 vols. Moscow: Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 1. 600 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 521–532, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-521-532
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 947(470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-521-532

Смертность мусульманского населения Южного Урала в 1860–1910-е гг. (особенности половозрастной структуры)

Шамиль Наилевич Исянгулов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Исянгулов Ш. Н., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается половозрастная структура умерших лиц мусульманского вероисповедания Оренбургской и Уфимской губерний во второй половине XIX – начале XX в. *Целью* исследования является определение особенностей половозрастной структуры умерших лиц — мусульман Оренбургской и Уфимской губерний во второй половине XIX – начале XX в. *Материалы и методы.* Основными источниками стали статистические сведения, опубликованные Центральным статистическим комитетом МВД Российской империи. В ходе исследования применялись статистический, описательный, сравнительно-исторический методы исследования. *Результаты.* Результаты исследования показывают, что уровень смертности мусульманского населения Южного Урала в рассматриваемый период определялся младенческой и детской смертностью. Статистические материалы свидетельствуют, что удельный вес младенческой смертности у мусульман был намного ниже, чем у православных. Данное обстоятельство объясняется тем, что башкирки и татарки кормили младенцев грудным молоком до 2 лет, относительно поздно начинали прикармливать. Высокая детская смертность обуславливала в свою очередь высокий уровень рождаемости. Мальчиков в детском возрасте всегда умирало больше, чем девочек. Положение менялось после 15-летнего возраста. В возрасте 15–45 лет женщин-мусульманок умирало больше, чем мужчин. Затем, после 45 лет вновь повышалась мужская смертность. Характерными чертами смертности у мусульман были: относительно низкий удельный вес младенческой смертности (по сравнению с православным населением), высокий уровень детской смертности, повышенная женская смертность в фертильном возрасте, превышающая мужскую иногда в несколько раз, и другие. *Выводы.* Материалы исследования показывают, что уровень смертности мусульманского населения Оренбургской и Уфимской губерний во второй половине XIX – начале XX в. всегда был ниже, нежели у всего населения региона, в том числе у православного. Делается вывод, что демографический переход, то есть переход от многодетной к малодетной семье, у мусульманских народов края еще не начался.

Ключевые слова: мусульмане, смертность, Оренбургская губерния, Уфимская губерния, половозрастная структура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Смертность мусульманского населения Южного Урала в 1860–1910-е гг. (особенности половозрастной структуры) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 521–532. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-521-532

UDC 947(470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-521-532

Mortality Rates among Muslim Population of the Southern Urals, 1860s – 1910s: an Insight into the Gender and Age Structure

*Shamil N. Isyangulov*¹

¹ Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Isyangulov Sh. N., 2020

Abstract. Introduction. The article discusses the sex and age structure of deceased Muslim individuals in Orenburg and Ufa Governorates in the mid-19th – early 20th centuries. *Goals.* The study aims to identify certain characteristics of sex and age structure thereof during the period under consideration. *Materials and Methods.* The paper mainly analyzes statistical data published by the Central Statistical Committee affiliated to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. Statistical, descriptive, and comparative-historical research methods were employed. *Results.* The study shows that the mortality rate of Muslim population of the Southern Urals in the examined period was significantly determined by infant and child mortality. Statistical data show that the level of infant mortality among Muslims was much lower than that among Orthodox Christians. This is explained by that Bashkir and Tatar women fed infants with breast milk all the way up to the age of 2, and introduced complementary feeding at relatively late stages. However, high child mortality rates resulted in high birth rates. In childhood, boys tended to die more often than girls. The situation changed after the age of 15. At the age of 15-45, mortality rates among Muslim women turned higher than those among men. Still, after the age of 45, male mortality increased again. Characteristic features of mortality among Muslims were as follows: a relatively low level of infant mortality (compared to that of Orthodox Christians), a high level of child mortality, increased mortality among fertile-aged women which sometimes proved several times as large as that among men of the same age, and others. *Conclusions.* The research materials demonstrate that mortality rates of Muslim population of the Orenburg and Ufa Governorates in the mid-19th – early 20th centuries were consistently lower than those of the entire population of the region, including Orthodox Christians. It is concluded that the demographic transition, i.e. the transition from a large to small family, among the Muslim peoples of the region had not yet begun then.

Keywords: Muslims, mortality, Orenburg Governorate, Ufa Governorate, gender and age structure

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Isyangulov Sh. N. Mortality Rates among Muslim Population of the Southern Urals, 1860s – 1910s: an Insight into the Gender and Age Structure. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 521–532. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-521-532

Введение

Известно, что в дореволюционной России отмечалась высокая смертность населения. Данное утверждение всецело относится и к мусульманскому населению Южного Урала: башкирам, татарам, мишарям и тептярям. Однако в половозрастной структуре умерших лиц у мусульман были свои особенности.

В изучении темы еще в дореволюционный период были сделаны интересные выводы. Так, в пореформенный период ряд представителей гуманитарной общности высказывал мысли о вымирании башкир. К числу таких исследователей относились В. М. Флоринский, Л. П. Сабанеев, Г. И. Успенский и др. [Флоринский 1874: 763–765; Сабанеев 1873: 7; Успенский 1982: 15–18]. Между тем, многие их современники (Н. А. Гурвич, Н. Л. Скалозубов, Д. П. Никольский и др.) отрицали факт вымирания башкир. При этом они опирались и на статистические сведения. Так, Н. Л. Скалозубов, рассмотрев смертность в 30 мусульманских приходах Красноуфимского уезда Пермской губернии за 5 лет (в 1887–1891 гг.), пришел к выводу, что смертность у них была намного ниже, чем у православных, и вообще мусульмане отличались низкой смертностью [Скалозубов 1893: 22].

Д. П. Никольский, рассмотрев смертность башкирского населения в трех волостях Пермской губернии в 1870–1885 гг., пришел к выводу, что она была ниже, чем в ряде русских уездов. Половина общего числа умерших приходилась на детей в возрасте до 5 лет. Однако данный процент, по сравнению с другими национальностями России, был также ниже. Несмотря на то, что смертность детей в возрасте до 1 года составляла наибольший процент в возрастной структуре смертей, но он все же у башкир был ниже, иногда в 2 раза, чем в русских губерниях. Он данное явление объясняет тем, что башкирки до 1,5 лет, а иногда до 2–2,5 лет кормили детей грудным молоком, поздно начиная их прикармливать. Во время кормления грудью мать берет ребенка всегда, «куда бы она ни ехала, в поле ли,

на работу или в гости» [Никольский 1899: 124]. Все это снижало младенческую смертность. По мнению автора, в детском возрасте девочек умирало больше, нежели мальчиков. Женщин же в возрасте 26–50 лет умирало больше, чем мужчин, после 50 лет (до 80 лет) — наоборот. В целом, Д. П. Никольский подробно рассмотрел смертность башкирского населения на примере трех волостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии за 1870–1885 гг. [Никольский 1899: 185–198].

Демографические сведения по Оренбургской губернии за 1897–1899 гг. изучал М. М. Кенигсберг. Он писал, что на первом году жизни у мусульман губернии детей умирало меньше, чем у православных, а в возрасте 1–5 лет ситуация была обратной. М. М. Кенигсберг считал, что основной причиной детской смертности были эпидемические заболевания. Он отмечает, что до сих пор мусульмане «избегают прививать детям оспу» [Кенигсберг 1901: 64]. По подсчетам М. М. Кенигсберга, у мусульман до пожилого возраста доживало больше людей, нежели у православных. Данное явление он объяснял беспечностью, патриархальностью жизни, отсутствием у большинства из них трудных полевых работ, а также отсутствием пьянства и употребления алкоголя [Кенигсберг 1901: 63–65].

По губернским статистическим данным особенности смертности у мусульман (а также другого населения) Уфимской губернии в 1897–1911 гг. рассмотрел Э. И. Гиккель. Он на достаточно длительном отрезке времени показал, что в детском возрасте у мусульман умирало больше мальчиков, нежели девочек. Тогда как в рабочем возрасте женщины у них умирали в 1,5 раза больше, чем мужчины. Э. И. Гиккель писал, что у мусульманских детей на первом году жизни питание поставлено намного лучше, чем у православных, вследствие этого смертность у них в 2 раза ниже. Однако, как отмечал Э. И. Гиккель, дети у мусульман с двух лет поступали в обычные деревенские условия, с частым недоеданием и сильным распространением детских болезней. Поэтому со второго года,

по его мнению, смертность детей у мусульман превышала аналогичные показатели у православных [Гиккель 1916: 25–75].

В советский период на примере Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии смертность у башкир в пореформенный период рассмотрел М. В. Птуха. Его выводы весьма близки к расчетам Э. И. Гиккеля по мусульманскому населению губернии в целом [Птуха 1960: 240–278].

Однако в дальнейшем исследований проблем смертности у мусульман Южного Урала во второй половине XIX – начале XX в. практически не проводилось. Между тем, особенности смертности, важнейшего демографического показателя, у мусульман — одной из крупнейших групп населения региона, в том числе половозрастная структура умерших, вызывают значительный научный интерес в свете переходных явлений в традиционном обществе того времени.

В данной статье рассматриваются именно особенности половозрастной структуры умерших лиц мусульманского вероисповедания Оренбургской и Уфимской губерний во второй половине XIX – начале XX в.

Основными источниками стали статистические сведения, опубликованные Центральным статистическим комитетом (далее — ЦСК) МВД Российской империи с 1867 г. по 1910 г. Материалы для ЦСК представляли губернские статистические комитеты, которые в свою очередь соответствующие сведения получали от уездных и волостных правлений, мулл и т. д.

Уровень смертности

Смертность в рассматриваемый период оставалась достаточно высокой. Во время эпидемий уровень смертности резко повышался. Так, в 1890 г. во время эпидемии тифа он поднялся до 58 ‰, в голодном 1891 г. составил 35 ‰, в первой половине 1892 г. — 63 ‰. По контексту работы эти цифры относятся к Уфимской губернии [Никольский 1899: 171]. В Уфимской губернии с 1897 по 1911 г. коэффициент смертности всего населения за 15 лет в среднем составил 30,9 ‰, в некоторые годы далеко превышая средние показатели. Так, в 1904 г. он составил 39,3 ‰, в другие годы понижался, как в 1903 г. до 27 ‰ [Гиккель 1916: 13, 14].

Таблица 1. Общие коэффициенты смертности мусульманского и всего населения Оренбургской и Уфимской губерний в начале XX в., в ‰

[Table 1. Crude mortality rates among Muslim and other populations of Orenburg and Ufa Governorates, per thousand. Early 20th century]

годы	Оренбургская		Уфимская	
	мусульмане	все население	мусульмане	все население
1901	29,1	36,6	25,7	28,6
1903	30,5	35,2	25,2	27,5
1904	37,0	43,2	38,6	39,5
1905	31,8	37,3	31,3	33,6
1906	27,5	37,7	26,1	29,1
1907	30,9	41,4	26,3	29,1
1909	28,0	41,0	31,0	32,8
1910	31,9	42,0	28,1	32,2
В среднем	30,8	39,3	29,0	31,6

Источники: [Статистика 1906б: XII, XIII; Статистика 1909: X, XI; Статистика 1911: X, XI; Статистика 1914а: X, XI; Статистика 1914б: X, XI; Статистика 1914в: X, XI; Статистика 1914г: X, XI; Статистика 1916: X, XI]

Примечание. Все вычисления коэффициентов, за исключением средних, сделаны Центральным статистическим комитетом МВД Российской империи.

Коэффициенты смертности мусульманского населения Оренбургской и Уфимской губерний в начале XX в. всегда были ниже,

чем коэффициенты смертности всего населения. Особенно показательны данные по Оренбургской губернии, где большинство

населения составляли русские, у которых наблюдалась повышенная смертность детей младенческого возраста (таблица 1). Однако собственно уровень смертности населения, в том числе и у мусульман, в дореволюционный период оставался все же очень высоким.

Младенческая и детская смертность

Дореволюционные исследователи отмечали чрезвычайную детскую смертность у всех сословий и национальностей, в том числе у мусульман. Рассмотрим удельный вес детей до 5 лет в структуре смертности мусульманского населения Уфимской и Оренбургской губерний.

Таблица 2. Доля детей в возрасте от рождения до 5 лет в структуре смертности мусульманского населения Оренбургской и Уфимской губерний, в %

[Table 2. Share of children aged 0 to 5 in the mortality structure of Muslim population. Orenburg and Ufa Governorates. In percentage terms]

годы	Оренбургская губерния		Уфимская губерния	
	Дети в возрасте от рождения до 1 года	Дети в возрасте 1–5 лет	Дети в возрасте от рождения до 1 года	Дети в возрасте 1–5 лет
1867	23,9	24,6	21,6	24,8
1870	22,6	24,2	24,4	22,9
1885	15,6	34,5	23,1	28,8
1890	17,2	39,8	25,1	32,5
1896	24,2	34,9	29,7	33,3
1900	22,8	30,8	30,3	26,2
1905	22,2	33,2	24,6	33,9
1910	22,9	28,3	28,8	26,4

Источники: [Статистический 1872: 194–209; Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1895: 142–143, 152–153; Статистика 1899: 142–143, 152–153; Статистика 1906а: 142–143, 152–153; Статистика 1914а: 160–163, 184–187; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

У мусульман Оренбургской и Уфимской губерний младенческая смертность составляла от 15 до 30 %, в большинстве это пятая часть — четверть всех смертей (таблица 2). В 1897–1911 гг. у мусульманского населения Уфимской губернии 15,5 % родившихся детей умирало на первом году жизни [Гиккель 1916: 50, 51].

У башкир Осинского уезда Пермской губернии в 1870–1880-е гг. смертность на первом году жизни не превышала 15 %, тогда как у православных доходила до 50 %, у раскольников — до 60 % [Соколов, Гребенщиков 1901: 49].

В 1870–1885 гг. у башкир Саринской, Карабольской и Кульмяковской волостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии младенческая смертность составила 24,5 %, процент смертности в возрасте от рождения до 5 лет — 49 % [Никольский 1899: 193]. Близкие к вышеуказанным цифры по смертности башкир на первом году жизни приводит М. В. Птуха [Птуха 1960: 245, 251].

Несколько иная ситуация складывалась у православного населения. В 1885 г. доля младенческой смертности у православного населения Оренбургской губернии составила 46,8 %, Уфимской губернии — 48,3 %, в 1910 г., соответственно, 42,8 и 44,4 % [Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

У православного населения Рождественской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1880–1882 гг. доля смертности на первом году жизни составляла 66,9–68,8 % [Голикова 2012: 43]. Таким образом, у православных, в отличие от мусульман, абсолютное большинство умерших в течение года лиц составляли младенцы на первом году жизни.

Как уже было сказано, на эту особенность младенческой смертности мусульманского и православного населения обращали внимание еще дореволюционные исследователи. Наиболее подробно данный вопрос осветили Н. А. Гурвич и Д. П. Никольский. Башкирки и татарки всюду вози-

ли младенцев в закрытых тележках с собой и всегда имели возможность кормить их грудным молоком. Прикармливание детей начиналось примерно с девяти месяцев или даже позже. С этого времени и повышается уровень смертности детей. Однако прикармливание у башкир и татар было своевременным и более рациональным, нежели у русских, преимущественно белковыми веществами: коровьим молоком, салмой с молоком, чаем с молоком и т. д. Если у младенцев русской национальности в летний период отмечался понос и повышалась смертность, то у башкир и татар такого не наблюдалось [Памятная книжка 1878: 56; Никольский 1899: 194–195].

По мнению дореволюционных исследователей, по сравнению с православными, у мусульман Оренбургской и Уфимской губерний смертность детей в возрасте от одного года до 5 лет резко повышалась [Кенигсберг 1901: 63–65; Гиккель 1916: 25–75]. Однако, если брать смертность по годам в отдельности, то она на первом году жизни у мусульман всегда превышала смертность на втором или на третьем году жизни. Если же брать возрастную группу от 1 года до 5 лет, то смертность в этот период превышала (но не всегда) младенческую смертность.

После 5-летнего возраста смертность значительно снижалась. Л. Берггольц утверждал, что у горных башкир-катайцев большая смертность в младенческом возрасте, тогда как с 4–5 лет она резко снижается. Дети, дожившие до этого возраста, могли, по его мнению, дожить до старости, так как в среднем возрасте смертность относительно низкая [Берггольц 1893: 80]. Так, доля детей в возрасте 5–10 лет в структуре смертности мусульманского населения Оренбургской губернии в 1867 г. составляла 9,1 %, Уфимской губернии — 10,4 %, в 1870 г. — 6,1 и 7,0 %, соответственно, в 1885 г. — 6,9 и 6,7, в 1890 г. — 8,7 и 7,0, в 1896 г. — 7,4 и 7,1, в 1900 г. — 5,9 и 5,5, в 1905 г. — 8,0 и 9,7, в 1910 г. — 7,2 и 6,9 % [Статистический 1872: 194–209; Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1895: 142–143, 152–153; Статистика 1899: 142–143, 152–153; Статистика 1906а: 142–143, 152–153; Статистика 1914а: 160–163, 184–187; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

В 1867 г. более 60 % умерших составляли дети в возрасте до 15 лет, при этом 46,4–48,5 % (то есть чуть менее половины смертей) — дети до 5 лет [Статистический 1872: 194–209]. Это означает, что смертность детей определяла всю смертность населения в дореволюционный период. В последующие годы подобная ситуация в целом сохранялась.

У мусульман Оренбургской губернии дети в возрасте до 15 лет в составе умерших в 1870 г. составляли 56,1 %, в 1885 г. — 59,4 %, в 1886 г. — 62,7 %, в 1887 г. — 61,0 %, в 1888 г. — 61,3 %, в 1889 г. — 55,8 %, в 1890 г. — 68,5 %, в 1893 г. — 60,6 %, в 1896 г. — 68,9 %, в 1897 г. — 74,2 %, в 1898 г. — 64,4 %, в 1899 г. — 65,6 %, в 1900 г. — 61,9 %, в 1901 г. — 67,3 %, в 1903 г. — 65,3 %, в 1904 г. — 66,4 %, в 1905 г. — 65,4 %, в 1906 г. — 63,3 %, в 1907 г. — 62,6 %, в 1910 г. — 61,1 %.

Аналогичное положение отмечается и у мусульманского населения Уфимской губернии. Дети в составе умерших составляли более 60 %, то есть около двух третей. Лишь в 1870 г. данный показатель был ниже — 57,5 %, а в некоторые годы — выше 70 %: в 1885 г. — 70,6 %, в 1896 г. — 72,2 %, в 1897 г. — 70,4 %, в 1904 г. — 71,8 %, в 1905 г. — 71,0 %.

У православного населения губерний данный процент обычно составлял свыше 70 %. Так, в 1885 г. доля детей в возрасте до 15 лет в составе умерших у православного населения Оренбургской губернии составила 73 %, Уфимской губернии — 70,6 %, в 1910 г., соответственно, 72,7 и 72,7 % [Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1890б: 142–143, 152–153; Статистика 1891: 142–143, 152–153; Статистика 1892: 142–143, 152–153; Статистика 1893: 142–143, 152–153; Статистика 1895: 142–143, 152–153; Статистика 1897: 142–143, 152–153; Статистика 1899: 142–143, 152–153; Статистика 1900: 142–143, 152–153; Статистика 1903: 142–143, 152–153; Статистика 1904: 142–143, 152–153; Статистика 1906а: 142–143, 152–153; Статистика 1906б: 160–161, 184–185; Статистика 1909: 160–161, 184–185; Статистика 1911: 160–163, 184–187; Статистика 1914а: 160–163, 184–187; Статистика 1914б: 160–163, 184–187; Статистика 1914в: 160–163, 184–187; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

В 1897–1911 гг. в Уфимской губернии удельный вес детей в возрасте до 10 лет среди умерших у мусульман составила 62,2 %, у православных — 71,2 %, у всего населения — 66,5 % [Гиккель 1916: 36]. Таким образом, абсолютное большинство умерших в дореволюционный период у всех национальностей, в том числе у мусульман — башкир, татар, мишарей и тептярей, составляли дети в возрасте до 15 лет.

Мальчиков в детском возрасте у мусульман, как и у остальных, умирало больше, чем девочек. Как уже говорилось, Д. П. Никольский отмечал в трех башкирских волостях Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1870–1885 гг. другую тенденцию, когда девочек умирало больше, чем мальчиков. Однако показатели по мусульманскому населению Оренбургской и Уфимской губерний не подтверждают это мнение.

Таблица 3. Половое соотношение умерших лиц в возрасте до 15 лет у мусульманского населения Оренбургской и Уфимской губерний, в %

[Table 3. Gender ratio among deceased Muslim residents aged 0 to 15. Orenburg and Ufa Governorates. In percentage terms]

годы	Оренбургская губерния			Уфимская губерния		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
1867	51,1	48,9	100	51,4	48,6	100
1870	52,8	47,2	100	52,6	47,4	100
1885	53,2	46,8	100	53,2	46,8	100
1890	53,0	47,0	100	52,0	48,0	100
1896	52,6	47,4	100	51,4	48,6	100
1900	52,9	47,1	100	51,5	48,5	100
1905	51,8	48,2	100	51,8	48,2	100
1910	52,2	47,8	100	52,3	47,7	100

Источники: [Статистический 1872: 194–209; Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1895: 142–143, 152–153; Статистика 1899: 142–143, 152–153; Статистика 1906а: 142–143, 152–153; Статистика 1914а: 160–163, 184–187; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

Во все годы, как видно, мальчиков в возрасте до 15 лет умирало больше, чем девочек (таблица 3). Резкое снижение смертности населения происходит после 10-летнего возраста. В этот период организм детей становился достаточно крепким. Пережив опасные ранние годы, отныне башкиры могли вполне благополучно дожить до глубокой старости. С каждой возрастной группой доля умерших снижалась.

Смертность среди взрослого населения и лиц пожилого возраста

Как уже говорилось, если до 15-летнего возраста среди умерших преобладали мальчики (особенно заметно — в младенческом возрасте), то после 15 лет вплоть до 45 лет у мусульман положение меняется на противоположное. Впрочем, такое положение было характерно и для всего населения России [Вербицкая 2009: 133].

Ранее отмечалось, что Д. П. Никольский писал о преобладании женской смертности

у башкир Екатеринбургского уезда Пермской губернии в фертильном возрасте, с 26 лет [Никольский 1899: 196–197]. О преобладании лиц женского пола от 5 до 60 лет в структуре смертности мусульман Оренбургской губернии в конце XIX в. писал М. М. Кенигсберг [Кенигсберг 1901: 89].

Э. И. Гиккель показал, что на протяжении 14 лет (1897–1911 гг.) у мусульман Уфимской губернии число лиц женского пола в составе умерших превышало число лиц мужского пола в возрасте от 5 до 50 лет. В возрасте 15–20 лет женщин умирало почти в 2 раза больше, чем парней той же возрастной категории. В 20–50 лет на 100 умерших женщин приходилось 62 мужчины [Гиккель 1916: 40].

Однако следует заметить, что превышение числа женщин в репродуктивном возрасте (15–50 лет) среди умерших мусульман не всегда было фактом. Так, в 1867 г. в Оренбургской губернии мусульман-муж-

чин в возрасте 15–50 лет умерло больше, чем женщин [Статистический 1872: 194–209]. Однако в большинстве своем женщин в возрасте 15–45 лет (в иные годы — до 40 лет) умирало больше, чем мужчин. Так, в Уфимской губернии в 1910 г. женщин в возрасте 15–20 лет умерло в 2,1 раза больше, чем мужчин, в 1903 г. — в 1,9 раза, в 1905 г. — в 1,8 раза, 1898, 1901, 1904, 1906 гг. — в 1,7 раза, в 1885, 1896 гг. — в 1,6 раза, в 1893 г. — в 1,5 раза, в 1887 г. — в 1,3 раза, в 1897 г. — в 1,2 раза [Статистика 1890а: 152–153; Статистика 1891: 152–153; Статистика 1897: 152–153; Статистика 1899: 152–153; Статистика 1900: 152–153; Статистика 1903: 152–153; Статистика 1906б: 184–185; Статистика 1909: 184–185; Статистика 1911: 184–187; Статистика 1914а: 184–187; Статистика 1914б: 184–187; Статистика 1916: 184–187].

В Оренбургской губернии: в 1897 г. — в 2 раза, в 1910 г. — в 1,9 раза, в 1870, 1904, 1905 гг. — в 1,7 раза, в 1901, 1906 гг. — в 1,6 раза, в 1885, 1896, 1903, 1907 гг. — в 1,4 раза, в 1890, 1893 гг. — в 1,3 раза, в 1887 г. — в 1,2 раза и т. д. [Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143; Статистика 1891: 142–143; Статистика 1895: 142–143; Статистика 1897: 142–143; Статистика 1899: 142–143; Статистика 1900: 142–143; Статистика 1906б: 160–161; Статистика 1909: 160–161; Статистика 1911: 160–163; Статистика 1914а: 160–163; Статистика 1914б: 160–163; Статистика 1916: 160–163].

Аналогичное положение наблюдаем и в других возрастных группах до 45 лет. С 35 лет начинает повышаться и мужская смертность, а с 45 лет (в иные годы — с 40 лет) она уже превышала женскую [Статистический 1879: 184–191; Статистика 1890а: 142–143, 152–153; Статистика 1891: 142–143, 152–153; Статистика 1895: 142–143; Статистика 1897: 142–143, 152–153; Статистика 1899: 142–143, 152–153; Статистика 1900: 142–143, 152–153; Статистика 1903: 152–153; Статистика 1906а: 160–161, 184–185; Статистика 1909: 160–161, 184–185; Статистика 1911: 160–163, 184–187; Статистика 1914а: 160–163; Статистика 1914б: 160–163, 184–187; Статистика 1916: 160–163, 184–187].

Французский путешественник П. Лаббе утверждал, что множество башкирок умирало от родов [Лаббе 2017: 131]. Есть большой соблазн отнести повышенную женскую смертность в репродуктивном возрасте на неблагоприятные беременность и роды. Такие точки зрения уже высказывались в литературе [История 2006: 23].

Однако исследования по русскому горнозаводскому населению Урала показали, что роды как причина женской смертности во второй половине XIX в. не занимали лидирующее положение, а входили лишь в первую десятку [Голикова 2001: 113].

Как обстояло дело у мусульманских народов Приуралья — башкир и татар, остается неизвестным. М. М. Кенигсберг связывал повышенную смертность женщин с их положением в семье: полным порабощением, тяжелой работой, замкнутой домашней жизнью, полигинией [Кенигсберг 1901: 89].

По мнению М. М. Кенигсберга, в мусульманском населении Оренбургской губернии до преклонных лет (старше 60 лет) гораздо больше доживали мужчины, нежели женщины. Это явление объяснялось повышенной смертностью женщин в предыдущих возрастных группах [Кенигсберг 1901: 89].

П. Лаббе считал, что изнуренная непосильным трудом башкирка быстро стареет. Он писал, что практически не встречал пожилых женщин [Лаббе 2017: 131].

П. Л. Юдин писал, что предельный возраст у башкир — 50–60 лет, и акцентировал свое внимание на мужской смертности [Юдин 1890: 6]. Как показывают материалы Всеобщей переписи 1897 г., после 60-летнего возраста у башкир в обеих губерниях, а также у мишарей и тептярей Оренбургской губернии отмечалось преобладание мужчин, впрочем, как и во всех других возрастных группах (за некоторыми исключениями). Тогда как у татар, мещеряков и тептярей Уфимской, татар Оренбургской губерний в пожилом возрасте преобладали женщины [Первая 1904а: 72–75; Первая 1904б: 58–61].

Отмеченные выше особенности смертности населения: высокий ее уровень в младенческом и детском возрастах, повышенная смертность женщин фертильного возраста, сменяющаяся после 45 лет увеличением мужской смертности, согласно О. М. Вербицкой, являются характерными

чертами традиционного демографического режима. Высокий уровень детской смертности обуславливал в компенсаторных целях и высокий уровень рождаемости в дореволюционный период [Вербицкая 2009: 82–84].

Заключение

Смертность у мусульманских народов Южного Урала — башкир, татар, тептярей и мишарей в рассматриваемый период оставалась очень высокой. Большинство смертей приходилось на детей до 10 лет, что, в конце концов, снижало общее число детей в семье. Тем самым регулировались демографические процессы, в первую очередь уровень детности семей. Приведенные статистические сведения показывают, что, несмотря на высокую смертность мусульман, она была не выше, а ниже смертности

остального населения. Повышенная детская смертность, доходившая иногда до 70 %, свидетельствует о том, что так называемый демографический переход (то есть переход от традиционной, многодетной семьи, характерными чертами которой были высокая рождаемость и высокая смертность населения, к современной, малодетной) в исследуемый период еще не начался. Повышенная женская смертность в фертильном возрасте, высокая мужская смертность после 45 лет — все эти показатели являются характерными чертами традиционного демографического порядка. Положительные тенденции в смертности мусульманского населения, очень слабо проявившиеся в начале XX в., в тот период еще не меняли кардинально ситуацию.

Источники

- Первая 1904а — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: изд. ЦСК МВД, 1904. 173 с.
- Первая 1904б — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб.: изд. ЦСК МВД, 1904. 189 с.
- Статистика 1890а — Статистика Российской империи. Т. 11. Движение населения в Европейской России за 1885 год. СПб.: изд. ЦСК МВД, 1890. VIII, 211 с.
- Статистика 1890б — Статистика Российской империи. Т. 12. Движение населения в Европейской России за 1886 год. СПб.: изд. ЦСК МВД, 1890. 16, 211 с.
- Статистика 1891 — Статистика Российской империи. Т. 18. Движение населения в Европейской России за 1887 год. СПб.: Тип. и фототип. В. И. Штейна, 1891. 30, 211 с.
- Статистика 1892 — Статистика Российской империи. Т. 21. Движение населения в Европейской России за 1888 год. СПб.: Тип. и фототип. В. И. Штейна, 1892. 10, 211 с.
- Статистика 1893 — Статистика Российской империи. Т. 24. Движение населения в Европейской России за 1889 год. СПб.: Тип. и фототип. В. И. Штейна, 1893. VI, 211 с.
- Статистика 1895 — Статистика Российской империи. Т. 33. Движение населения в Европейской России за 1890 год. СПб.: Типо-литография П. П. Сойкина, 1895. VI, 211 с.
- Статистика 1897 — Статистика Российской империи. Т. 41. Движение населения в Европейской России за 1893 год. СПб.: Типо-литография П. И. Бабкина, 1897. VII, 211 с.
- Статистика 1899 — Статистика Российской империи. Т. 48. Движение населения в Европейской России за 1896 год. СПб.: Тип. «Товарищество художественной печати», 1899. VI, 211 с.
- Статистика 1900 — Статистика Российской империи. Т. 50. Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб.: изд. ЦСК МВД, 1900. XVI, 211 с.
- Статистика 1903 — Статистика Российской империи. Т. 56. Движение населения в Европейской России за 1898 год. СПб.: Тип. «Товарищество художественной печати», 1903. VI, 211 с.
- Статистика 1904 — Статистика Российской империи. Т. 58. Движение населения в Европейской России за 1899 год. СПб.: Тип. «Товарищество художественной печати», 1904. VI, 211 с.
- Статистика 1906а — Статистика Российской империи. Т. 62. Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб.: Типо-литография М. Я. Минкова, 1906. X, 211 с.
- Статистика 1906б — Статистика Российской империи. Т. 63. Движение населения в Европейской России за 1901 год. СПб.: Тип. «Пушкинская Скоропечатня», 1906. XXI, 248 с.
- Статистика 1909 — Статистика Российской империи. Т. 70. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири:

- Енисейской и Тобольской и Семипалатинской областях за 1903 год. СПб.: Тип. Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1909. XXIII, 277 с.
- Статистика 1911 — Статистика Российской империи. Т. 74. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Иркутской и Енисейской за 1904 год. СПб.: Тип. Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1911. XXI, 277 с.
- Статистика 1914а — Статистика Российской империи. Т. 84. Движение населения в Европейской России за 1905 год. Пг.: Тип. штаба Петрогр. Воен. округа, 1914. XVI, 249 с.
- Статистика 1914б — Статистика Российской империи. Т. 85. Движение населения в Европейской России за 1906 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.
- Статистика 1914в — Статистика Российской империи. Т. 87. Движение населения в Европейской России за 1907 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.
- Статистика 1914г — Статистика Российской империи. Т. 91. Движение населения в Европейской России за 1909 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.
- Статистика 1916 — Статистика Российской империи. Т. 93. Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1916. XVI, 249 с.
- Статистический 1872 — Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 8. Движение населения в Российской империи за 1867 год. СПб.: Типография МВД, 1872. X, 461 с.
- Статистический 1879 — Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 14. Движение населения в Российской империи за 1870 год. СПб.: [б. и.], 1879. XXII, 285 с.

Sources

- Russian Imperial Census of 1897. Vol. XLV: Ufa Governorate. Part 2. St. Petersburg: Central Statistical Committee, 189 p. (In Russ.)
- Russian Imperial Census of 1897. Vol. XXVIII: Orenburg Governorate. St. Petersburg: Central Statistical Committee, 1904. 173 p. (In Russ.)
- Statistical Chronicles of the Russian Empire. Series II. Vol. 14: Population Movement in European Russia, 1870. St. Petersburg, 1879. XXII, 285 p. (In Russ.)
- Statistical Chronicles of the Russian Empire. Series II. Vol. 8: Population Movement in European Russia, 1867. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1872. X, 461 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 11: Population Movement in European Russia, 1885. St. Petersburg: Central Statistical Committee, 1890. VIII, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 12: Population Movement in European Russia, 1886. St. Petersburg: Central Statistical Committee, 1890. 16, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 18: Population Movement in European Russia, 1887. St. Petersburg: V. I. Stein, 1891. 30, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 21: Population Movement in European Russia, 1888. St. Petersburg: V. I. Stein, 1892. 10, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 24: Population Movement in European Russia, 1889. St. Petersburg: V. I. Stein, 1893. VI, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 33: Population Movement in European Russia, 1890. St. Petersburg: P. P. Soykin, 1895. VI, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 41: Population Movement in European Russia, 1893. St. Petersburg: P. I. Babkin, 1897. VII, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 48: Population Movement in European Russia, 1896. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1899. VI, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 50: Population Movement in European Russia, 1897. St. Petersburg: Central Statistical Committee, 1900. XVI, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 56: Population Movement in European Russia, 1898. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1903. VI, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 58: Population Movement in European Russia, 1899. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1904. VI, 211 p. (In Russ.)

- Statistics of the Russian Empire. Vol. 62: Population Movement in European Russia, 1900. St. Petersburg: M. Ya. Minkov, 1906. X, 211 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 63: Population Movement in European Russia, 1901. St. Petersburg: Pushkinskaya Skoropechatnya, 1906. XXI, 248 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 70: Population Movement in European Russia and Two Siberian Governorates (Yeniseysk and Tobolsk Ones) + Semipalatinsk Oblast, 1903. St. Petersburg: Ch. Busselle and Co., 1909. XXIII, 277 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 74: Population Movement in European Russia and Two Siberian Governorates (Irkutsk and Yeniseysk Ones), 1904. St. Petersburg: Ch. Busselle and Co., 1911. XXI, 277 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 84: Population Movement in European Russia, 1905. Petrograd: Headquarters of Petrograd Military District, 1914. XVI, 249 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 85: Population Movement in European Russia, 1906. Petrograd: Headquarters of Petrograd Military District, 1914. XVI, 249 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 87: Population Movement in European Russia, 1907. Petrograd: Headquarters of Petrograd Military District, 1914. XVI, 249 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 91: Population Movement in European Russia, 1909. Petrograd: Headquarters of Petrograd Military District, 1914. XVI, 249 p. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire. Vol. 93: Population Movement in European Russia, 1910. Petrograd: Headquarters of Petrograd Military District, 1916. XVI, 249 p. (In Russ.)

Литература

- Бергольц 1893 — *Бергольц Л.* Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3–4. С. 74–84.
- Вербицкая 2009 — *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
- Гиккель 1916 — *Гиккель Э. И.* Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Вып. 1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897–1911 гг. Уфа: Печать, 1916. 80 с.
- Голикова 2012 — *Голикова С. В.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. 176 с.
- Голикова 2001 — *Голикова С. В.* Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 196 с.
- История 2006 — История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. 1. Уфа: Гилем, 2006. 240 с.
- Кенигсберг 1901 — *Кенигсберг М. М.* Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения за трехлетие 1897–1899 гг. Т. 1. Ч. 1. Оренбург: Губернская типо-литография, 1901. 114 с.
- Лаббе 2017 — *Лаббе П.* По дорогам России от Волги до Урала: пер. с фр. А. Ш. Губайдуллиной и Л. Ф. Сахибгареевой под ред. И. В. Кучумова. М.: Paulsen, 2017. 224 с.
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование: диссертация на степень доктора медицины лекаря Дмитрия Петровича Никольского. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 317 с.
- Памятная книжка 1878 — Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В. А. Новиков, Н. А. Гурвич. Уфа: изд. попечит. о бедных ком-та, 1878. 177 с.
- Птуха 1960 — *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, 1960. 459 с.
- Сабанеев 1873 — *Сабанеев Л.* Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М.: Тип. В. Готье, 1873. 162 с.
- Скалозубов 1893 — *Скалозубов Н. Л.* Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь: Тип. Губернской земской управы, 1893. 158 с.
- Соколов, Гребенщиков 1901 — *Соколов Д. А., Гребенщиков В. И.* Смертность в России и борьба с нею. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 77 с.
- Успенский 1982 — *Успенский Г. И.* От Оренбурга до Уфы. Очерки. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1982. 288 с.
- Флоринский 1874 — *Флоринский В.* Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Кн. 12. С. 723–765.
- Юдин 1890 — *Юдин П. Л.* Башкиры (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 36. С. 5–6.

References

- Bergholtz L. The Katai: Bashkir highlanders. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1893. No. 3–4. Pp. 74–84. (In Russ.)
- Florinsky V. Bashkiria and the Bashkirs: travel notes. *Vestnik Evropy*. 1874. Vol. 12. Pp. 723–765. (In Russ.)
- Golikova S. V. Child Mortality in Perm Governorate, Mid-19th – Early 20th Centuries: Historiographic and Methodological Aspects Revisited. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2012. 176 p. (In Russ.)
- Golikova S. V. Mining and Metallurgical Population of the Southern Urals. 18th–19th Centuries. Family: Demographic Processes and Traditions. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2001. 196 p. (In Russ.)
- Gvozdkova I. M., Rodnov M. I., Khisamitdinova F. G. (eds.) History of Bashkortostan: Mid-19th – Early 20th Centuries. In 2 vols. Vol. I. Ufa: Gilem, 2006. 240 p. (In Russ.)
- Hickel E. I. Ufa Governorate: Sanitary and Statistical Data. Vol. 1: Essay on Population Movement in Ufa Governorate, 1897–1911. Ufa: Pechat, 1916. 80 p. (In Russ.)
- Kenigsberg M. M. Orenburg Governorate: Sanitary Conditions Resulting from Population Movement in 1897–1899. Vol. 1. Part 1. Orenburg: Orenburg Governorate Press, 1901. 114 p. (In Russ.)
- Labbé P. (Along) Great Roads of Russia: from the Volga to the Urals. A. Gubaydullina, L. Sakhibgareeva (transl.); I. Kuchumov (ed.). Moscow: Paulsen, 2017. 224 p. (In Russ.)
- Nikolsky D. P. The Bashkirs: An Ethnographic, Sanitary and Anthropological Study. M.D. thesis. St. Petersburg: P. P. Soykin, 1899. 317 p. (In Russ.)
- Novikov V. A., Gurvich N. A. (comps.) Memorial Book of Ufa Governorate: 1878. Ufa: Poverty Relieving Committee, 1878, 177 p. (In Russ.)
- Ptukha M. V. Essays on Population Statistics. Moscow: Gosstatizdat, 1960. 459 p. (In Russ.)
- Sabaneev L. Essays on the Transurals, and Steppe Economy in Bashkir Lands. Moscow: V. Gautier, 1873. 162 p. (In Russ.)
- Skalozubov N. L. Krasnoufimsky Uyezd of Perm Governorate: An Essay on Economic Conditions of the Bashkir Population. Perm: Governorate Executive Office of Elective Districts, 1893. 158 p. (In Russ.)
- Sokolov D. A., Grebenshchikov V. I. Mortality and Its Control in Russia. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich, 1901. 77 p. (In Russ.)
- Uspensky G. I. From Orenburg to Ufa. Essays. Ufa: Bashkir Book Publ., 1982. 288 p. (In Russ.)
- Verbitskaya O. M. Russian Rural Family in 1897–1959: Historical and Demographic Aspects Revisited. Moscow; Tula: Grif and Co., 2009. 296 p. (In Russ.)
- Yudin P. L. The Bashkirs: an essay on household life. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1890. No. 36. Pp. 5–6. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 533–545, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470.47).083:578.833.31

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г.

*Александр Нармаевич Команджаев¹, Саглар Евгеньевна Бадмаева²,
Наталья Петровна Мацакова³*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
 0000-0002-7064-7315. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат биологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой
 0000-0001-7180-7862. E-mail: badmaevase80@gmail.com

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
 0000-0001-8586-1632. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу опыта борьбы с чумой в калмыцких степях в 1914 г. Актуальность избранной темы объясняется ее малоизученностью в отечественной историографии. В некоторых работах по истории здравоохранения в Калмыкии имеются фрагментарные упоминания об эпидемических заболеваниях, однако вопрос об эпидемии чумы 1914 г. оказался вне поля зрения. Кроме того, актуальность изучения указанного вопроса объясняется его современным звучанием в наши дни, когда человечество переживает эпидемию коронавируса. *Цель и задачи.* Цель исследования достаточно конкретна: представить на основе архивных первоисточников, впервые вводимых в научный оборот, картину борьбы с чумой в июне–июле 1914 г. в калмыцких степях. *Материалы и методы.* Работа основана на применении общенаучных и конкретно-исторических методов, среди которых особое место занимают соблюдение принципа историзма, метода системного анализа и междисциплинарного подхода. Это особенно важно в нашем случае, поскольку речь идет об эпидемическом заболевании в среде кочевого калмыцкого общества в условиях аридных степей более 100 лет

назад. Источниками при написании данной статьи послужили архивные документы из фонда Управления калмыцким народом в Национальном архиве Республики Калмыкия. Это дела, хранящиеся в описи врачебного отделения и содержащие делопроизводственные материалы о трех эпизодах эпидемии чумы в июне–июле 1914 г., которые позволили нам создать подробную картину произошедшего. *Результаты.* В статье представлена хронология трагических событий эпидемии чумы в Калмыкии в 1914 г. Установлено, что были произведены все необходимые и оправданные дезинфекционные меры и объявлен в пораженных очагах строгий карантин с изоляцией больных и эвакуацией здоровых людей на безопасное расстояние. Врачи осуществили тотальный осмотр населения соседних с очагами территорий с последующим двухнедельным наблюдением. *Выводы.* Благодаря выверенным и слаженным действиям медицинского персонала и административных служб удалось избежать распространения чумы в условиях кочевого образа жизни калмыков. Борьба с чумой в Калмыкии в 1914 г. показала эффективность карантинных и дезинфекционных мероприятий, самоотверженность и профессионализм врачей.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, улусы, хотоны, кочевники, эпидемия, эпидемиология, чума, карантин, дезинфекция, эвакуация, грызуны

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова» в рамках научного проекта «Исторический опыт Прикаспийских регионов по противодействию массовым эпидемиям и эпизоотиям в XIX – начале XX века: на примере Калмыкии», 2020 г.).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П. Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

UDC 94(470.47).083:578.833.31

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

Experience of Combating Epidemics in Kalmykia: a Case Study of the 1914 Plague Outbreak

*Alexandr N. Komandzhaev*¹, *Saglar E. Badmaeva*², *Natalia P. Matsakova*³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
 0000-0002-7064-7315. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Biology), Associate Professor, Acting Head of Department
 0000-0001-7180-7862. E-mail: badmaevase80@gmail.com

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
 0000-0001-8586-1632. E-mail: kalmhistory@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P., 2020

Annotation. *Introduction.* The article analyzes the anti-plague efforts launched in the Kalmyk Steppe in 1914. The topic remains understudied in domestic historiography, and only a few papers dealing with Kalmykia's public healthcare history contain occasional mentions of some epidemic diseases. So, the 1914 plague epidemic has been overlooked as well. And the study proves even more relevant nowadays when humanity is globally facing COVID-19 threats. *Goals.* The paper specifically aims to provide insight — on the basis of primary archival sources newly introduced into scientific circulation — to the struggle against plague in the Kalmyk Steppe in June and July of 1914.

Materials and Methods. The work employs general scientific and specifically historical methods, with emphasis be laid on the principle of historicism, method of systemic analysis, and interdisciplinary approach. The latter is particularly important when it comes to examine an epidemic in a nomadic society across arid territories — and all that took place over 100 years ago. The article deals with archival documents stored at the National Archive of Kalmykia (Kalmyk People’s Administration collection). Those files included in the catalogue of Public Healthcare Department contain materials on three episodes of plague in June and July of 1914, and prove instrumental in reconstructing the actual events in detail. *Results.* The article chronicles the dramatic vicissitudes of the 1914 plague epidemic in Kalmykia, and shows that all required and justified disinfection measures were assumed, e.g., a strict quarantine was established in the affected areas, sick individuals were isolated and healthy ones evacuated to a safe distance. The doctors were conducting a total inspection of the population in areas adjacent to those of outbreaks, which was followed by two more weeks of observations.

Keywords: Kalmyk Steppe, *ulus*, *khoton*, nomads, epidemics, epidemiology, plague, quarantine, disinfection, evacuation, rodents

Acknowledgements. The reported study was funded by Gorodovikov Kalmyk State University, project title ‘Caspian Regions. Historical Experience of Combatting Mass Epidemics and Epizootics, 19th – Early 20th Centuries: a Case Study of Kalmykia’, 2020.

For citation: Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. Experience of Combating Epidemics in Kalmykia: a Case Study of the 1914 Plague Outbreak. *Oriental studies*. 2020. Vol. 13(3): 533–545. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

Введение

Проблема борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии относится к неизученным вопросам в отечественной историографии. Первые опыты по научному изучению природы некоторых заболеваний у кочевого калмыцкого населения предпринял выдающийся ученый И. И. Мечников, посещавший калмыцкие степи в 1870-е гг. и в 1911 г. [Мечников 1959].

В начале XX в. длительное время врачом Управления калмыцким народом работал П. В. Пальмирский, написавший статью об особенностях борьбы с эпидемическими заболеваниями в калмыцких улусах [Пальмирский 1909]. В 1920-е гг. врач У. Д. Душан опубликовал статью о постановке здравоохранения в Калмыкии, в том числе представил некоторые заметки о методах народной медицины у калмыков [Душан 1922].

О системе здравоохранения в начале XX в. имеется небольшой раздел в трехтомной истории Калмыкии, изданной в 2009 г. [Команджаев 2009].

В 2018 г. защищена кандидатская диссертация М. В. Бадугиновой по истории здравоохранения Калмыкии, первая глава которой посвящена дореволюционной медицине, в частности народной и тибетской медицине, а также формированию улусной

сети здравоохранения [Бадугинова 2018].

В современной российской историографии обращает на себя внимание статья Д. В. Михеля, в которой автор представил обстоятельный обзор развития эпидемиологической науки в России в связи с возникавшими эпидемиями чумы, в том числе в регионе Нижнего Поволжья (в станице Ветлянской в 1878–1879 гг., унесшей жизни 434 человек, и в с. Колобовка в 1899 г., где погибли 23 человека) [Михель 2008]. Автор обратил внимание на выдающийся вклад микробиолога и эпидемиолога, академика Д. К. Заболотного, доказавшего роль грызунов в распространении чумы, тем самым высказав идею об эндемичности заболевания в прикаспийских степях.

Большой интерес также вызывает статья Н. Н. Блохиной об истории противочумной службы в России в рассматриваемый нами период [Блохина 2012].

Из зарубежных исследователей на проблему борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии в первой половине XIX в. обратил внимание Т. Иноуэ, его статья «О разработке „Положения об оспопрививании в калмыцких улусах (1839)“» опубликована в сборнике материалов Астраханских краеведческих чтений [Иноуэ 2013].

Что касается исторического опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии в конце XIX – начале XX в., то данный вопрос оказался вне поля зрения историков. Актуальность избранной темы, помимо ее неизученности в исторической науке, определяется еще и современным состоянием нашего общества, находящегося в условиях эпидемии коронавируса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому обращение авторов к заявленной теме на основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, на наш взгляд, может помочь в познании уроков прошлого.

Материалы и методы

Работа основана на применении синтеза общенаучных и конкретно-исторических методов, среди которых особое место занимают соблюдение принципа историзма, метода системного анализа и междисциплинарного подхода. Это особенно важно в нашем случае, поскольку речь идет об эпидемическом заболевании в среде своеобразного кочевого калмыцкого общества в условиях аридных степей более 100 лет назад. Содержание исследования основано на использовании архивных документов из фонда Управления калмыцким народом в Национальном архиве Республики Калмыкия. Это дела, хранящиеся в описи врачебного отделения и содержащие делопроизводственные материалы о трех эпизодах эпидемии чумы в июне-июле 1914 г., которые позволили нам создать подробную картину произошедшего [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103].

Первая вспышка чумы в «Аршан-Тебе» и борьба с ней

В июне 1914 г. в Астрахани начал публиковаться еженедельный бюллетень отдела народного здоровья губернской земской управы о ходе чумных и подозрительных по чуме заболеваний в Астраханской губернии. В бюллетене № 1 о ходе заболевания чумой за 1–7 июня сообщалось о том, что в урочище «Аршан-Тебе» Шебенеровского аймака Малодербетовского улуса заболели чумой и скончались 5 человек [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 1].

В этом же номере бюллетеня имеется подробное описание событий, связанных с заболеванием, авторами которого являлись замещавший должность председателя гу-

бернской земской управы А. Сурменев и заведующий отделом народного здоровья этой управы врач М. Рафес. В описании говорится о том, что эпидемия чумы началась в урочище «Аршан-Тебе» в начале июня (обнаружилась 4 июня). Это урочище находилось в 12 верстах от с. Обильное, в 25 верстах от с. Садовое, в 50 верстах от улусной ставки в с. Тундутово и в 57 верстах от станции Гнило-Аксайская Владикавказской железной дороги. Указанные села возникли во второй половине XIX в. в рамках плана заселения калмыцких дорог, в них проживало русско-украинское переселенческое крестьянское население. Села в административно-территориальном отношении входили в состав Черноярского уезда Астраханской губернии.

Заболевание появилось в калмыцком кочевье, где располагался хотон из 7 кибиток с 36 жителями. Вначале заболело двое, затем число заболевших дошло до пяти. Болезнь сопровождалась сильным жаром, кашлем и в двух случаях — кровавой мокротой. Поскольку в течение короткого времени (4 дня) заболело и умерло 5 человек, то это обстоятельство обеспокоило всех жителей как данного, так и соседних хотонов, которые об этом сообщили старшине Шебенеровского аймака, а последний 6 июня известил попечителя Малодербетовского улуса. 7 июня вечером в урочище прибыли попечитель улуса и участковый улусный врач Э. Хара-Даван¹ с фельдшером. Врач по результатам осмотра тел и бесед с родственниками покойных установил клиническую картину, на основе которой сразу же определил диагноз смертельной болезни — чума. В тот же день жители четырех кибиток, членами семей которых являлись пятеро заболевших и умерших, были вымыты «зеленым мылом»² и продезинфицированы

¹ Эренджен Хара-Даван после окончания медицинского факультета Казанского университета в 1911 г. был назначен врачом Малодербетовского улуса. Во многих делопроизводственных документах изучаемого периода его фамилия написана слитно — Харадаван [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 27. Л. 15, 18].

² Зелёная или бурая смесь на мыльной клеевой основе. Безопасное, эффективное, универсальное средство, обладает антибактериальными, инсектицидными и фунгицидными свойствами. В его состав входят калийные соли жирных кислот, животные жиры, вода и натуральные растительные масла.

в устроенном под баню помещении, переодеты в чистое белье и помещены в трех кибитках на месте обнаружения очага. В одну из них были поселены 8 человек, непосредственно контактировавшие с больными. Жители оставшихся трех кибиток, которые по предварительному осмотру врачом Э. Хара-Даваном были признаны здоровыми, переселены (эвакуированы) в другое урочище, но на другой день также были вымыты, продезинфицированы и переодеты. Среди них оказалось 3 человека с повышенной температурой, которые были изолированы в отдельной кибитке. В этот же день, 8 июня, прибыли в урочище вызванные телеграммой от улусного попечителя врач-бактериолог из Астрахани Аристархова^{3*} и врач из Заветненской⁴ бактериологической лаборатории Суворов*, которые произвели вскрытие двух тел и взяли пробы мокроты у нового больного. На основе мазков и чистой выделенной культуры бактериологами был поставлен диагноз — легочная чума. После этого врач Аристархова уехала на место службы в Астрахань, а врач Суворов на месте очага занялся обследованием сусликов и грызунов в пораженном и соседних участках [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3–3об.].

9 июня на очаг приехал из Астрахани врач Управления калмыцким народом С. Залкинд⁵. На следующий день, 10 июня, прибыл из Астрахани для руководства противоэпидемическими мероприятиями врач-инспектор Астраханской губернии М. Милославский, вместе с которым приехали командированные на очаг врач Цацинского участка В. Пиотровский и медик-студент 4 курса Токарев*.

Если 9 июня врач Э. Хара-Даван осматривал с термометрированием и поименной учетной записью жителей окружающих хотонов, то 10–11 июня это продолжили

³ Здесь и далее, если не указаны инициалы, то в архивных документах данных сведений не имеется.

⁴ К территории, подведомственной Заветненской бактериологической лаборатории, относились Аксайский, Ремонтненский, Заветненский, Кормовской и Садовский врачебные участки Черноярского уезда, а также Малодербетовский улус Калмыцкой степи Астраханской губернии.

⁵ В делопроизводственных документах изучаемого периода фамилия врача С. Р. Залкинда написана с мягким знаком — Залькинд.

В. Пиотровский и Токарев. Параллельно врачи С. Залкинд, Э. Хара-Даван и врачебный инспектор М. Милославский вместе с фельдшерами и санитарями производили лечение и уход за больными, а также занимались дезинфекцией и эвакуацией здоровых лиц. Новые заболевшие чумой (3 человека) скончались 9–10 июня, и, как отметили авторы статистических отчетов и текстового описания событий А. Сурменев и М. Рафес, «с той поры новых больных не наблюдалось» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3об.].

11 июня вечером в числе эвакуированных жителей обнаружилось 3 человека с высокой температурой, которые сразу же были переведены в отдельную кибитку. Все трое после бактериологического изучения оказались «не чумными», а также у отселенного от прочих с повышенной температурой санитаря диагностировали приступ малярии. Все предпринятые действия сопровождались довольно масштабными мероприятиями по изоляции, переселению и дезинфекции людей и помещений.

4 кибитки, в которых проживали скончавшиеся от чумы первые больные, по решению врачей были сожжены вместе с вещами и бытовой утварью после предварительной оценки всего имущества, составившей большую по тем временам сумму — 3 200 руб. Эта мера была вынужденной и вызвана желанием врачей радикально уничтожить первый очаг чумы в Калмыцкой степи. Впоследствии для эффективной дезинфекции вещей и одежды стали использовать присланный в Калмыкию аппарат «Гелиос» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3об.].

Оценка уничтоженных кибиток и имущества производилась с целью последующей денежной компенсации потерь пострадавшим лицам. 12 июня в чумной очаг прибыли командированные дополнительно врачи Кушинский и Ефимов с 3 фельдшерами и 6 санитарями. В тот же день приехали астраханский вице-губернатор Н. Максимов и врач М. Рафес. Последний был командирован от земства для ознакомления с мероприятиями на месте. На общем собрании всего медицинского персонала под председательством Н. Максимова были обсуждены все обстоятельства дела и выработан план дальнейших действий.

Согласно плану, общее руководство всеми мероприятиями возлагалось на врачебного инспектора губернии М. Милославского, начальником оцепления всего пораженного района был назначен исправник Черныярского уезда, заведование хозяйственной частью было поручено попечителю Малодербетовского улуса.

Э. Хара-Давану поручили лечение больных, Кушинскому — дезинфекцию участка, П. Ефимову — эвакуационно-изоляционные мероприятия, В. Пиотровскому — обследование населения в соседних местностях. Суворову поручили продолжить бактериологическое обслуживание очага и исследование грызунов. Для этого попросили привезти из Астрахани походную лабораторию или микроскоп для исследования [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3об.].

По мнению М. Рафеса, эпидемия чумы в урочище «Аршан-Тебе» была первым подобным случаем за обозримый период наблюдений в Калмыцкой степи. Ранее эти случаи фиксировались во Внутренней Киргизской орде и различных уездах Астраханской губернии. По результатам изучения ситуации с грызунами бактериологами Аристарховой и Суворовым стало ясно, что данная вспышка чумы была животного, а не заводного происхождения и связана с чумной эпизоотией у сусликов, которых калмыки часто употребляли в пищу в жареном виде. В архивном деле имеется записка, составленная, по всей видимости, Суворовым об изучении грызунов [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 11].

Согласно инструкции комиссии по изучению чумы при императорском институте экспериментальной медицины, врачи вскрыли на месте 26 сусликов и тушканчиков, и у трех сусликов и одного тушканчика были получены в Заветненской бактериологической лаборатории чумные культуры. Один из трех больных сусликов и один тушканчик были найдены павшими вблизи того места, где стояла кибитка первого заболевшего в урочище «Аршан-Тебе» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 11]. Так был определен источник заражения. Рядом с хотном наблюдалось большое скопление сусликов и «порядочный мор» среди них [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3об.]. При этом «чумные» суслики обнаружили в 100 сажнях (чуть более 200 м) от очага. В связи

с этим по рекомендации М. Рафеса земская управа губернии командировала в очаг двух эпидемических фельдшеров из Астрахани для наблюдения.

После 11 июня в пораженной зоне новых больных не наблюдалось. Бюллетень № 2 за 8–15 июня констатировал смерть от чумы трех человек, а всего с начала эпидемии — восемь человек [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 5]. В своей аналитической справке А. Сурменев и М. Рафес в этом бюллетене указали, что карантинный срок завершается 16 июня и «сейчас производятся мероприятия по ликвидации этого чумного очага» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 4].

В бюллетене № 3 за 16–23 июня была напечатана информация о том, что чумной очаг в урочище «Аршан-Тебе» ликвидирован [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 5]. Но это заявление оказалось преждевременным. Через неделю в бюллетене № 4 за 24–30 июня последовало сообщение о том, что в урочище «Аршан-Тебе» 26 июня обнаружены 2 новых случая заболевания чумой, из которых один заболевший умер. По клинической картине болезнь диагностировал 26 июня заведующий наблюдательным пунктом в урочище на период карантинного двухнедельного срока (срок карантина истекал 30 июня) врач М. Ефимов. Бактериологически его диагноз был подтвержден Аристарховой и Суворовым 30 июня [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 7].

В бюллетене № 5 от 1–7 июля сообщалось, что в урочище «Аршан-Тебе» умер от чумы второй из двух заболевших (первый умер раньше) [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 10]. В описательной записке А. Сурменева и М. Рафеса к информации в бюллетене № 4 об этом случае сказано следующее. В урочище «Аршан-Тебе» в 1,5 верстах от первичного очага 25 июня на садово-овощной плантации заболела татарка со всеми признаками бубонной чумы, которая была осмотрена врачом П. И. Ефимовым и умерла 27 июня. При вскрытии трупа обнаружены, кроме явлений бубонной чумы, еще признаки вторичной легочной чумы, также подтвержденной бактериологически. 30 июня в той же татарской семье среди изолированных заболела еще одна девушка 17 лет, которая к концу отчетной недели оставалась живой [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 7об.].

Продолжение этой трагичной истории описано уже в бюллетене № 5: 17-летняя больная Шамшидинова умерла 2 июля и после смерти от чумы доктора П. И. Ефимова больше заболеваний в этом районе не наблюдалось. На месте очага был оставлен наблюдательный отряд в составе врачей Польшковского и Архангельского с медицинским персоналом, а весь прежний медперсонал, контактировавший с П. Ефимовым, после положенного карантина выехал в места постоянной службы.

В пятом номере бюллетеня был также опубликован некролог о погибшем враче П. И. Ефимове. Ввиду того, что имя и деятельность П. И. Ефимова практически неизвестны читателям, приведем текст некролога полностью. «3 июля 1914 года в урочище „Аршан-Тебе“ скончался от легочной чумы окончивший 10 семестров медицинского факультета Саратовского Николаевского университета Петр Иванович Ефимов, 23 лет от роду. Покойный был уроженцем г. Астрахани и по окончании местной гимназии поступил в Саратовский университет. Летом этого года он прослушал 10 семестров медицинского факультета и, не сдавши еще государственных экзаменов, записался во врачебном отделении в число лиц, желающих ехать на борьбу с чумой. Сын учителя начальной школы, покойный имел отца и мать с 5 детьми школьного возраста, и, являясь их поддержкой и опорой в будущем, он добывал себе средства к существованию личным заработком. В 1913 г. П. И. Ефимов работал в одном из отрядов по исследованию и ловле грызунов, организованных профессором Д. К. Заболотным в целях изучения эпидемиологии чумы, а 10 июня текущего года он был командирован врачебным отделением на правах врача в урочище „Аршан-Тебе“, куда прибыл 12 июня и где провел благополучно первую вспышку чумы. Оставленный во главе наблюдательного отряда он, полный сил и энергии, завершал объезд окрестных хотонов и обнаружил новую больную, при исследовании которой он и заразился. Мир праху твоему, самоотверженный врач и честный товарищ» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 106б.].

Далее в этом же номере бюллетеня есть описание этого трагического эпизода, который мы также приводим здесь с некоторыми стилистическими поправками. «Срок

деятельности наблюдательного отряда на урочище „Аршан-Тебе“ истек 30 июня, и П. Ефимов, совершая свой заключительный объезд калмыцких хотонов, 26 июня обнаружил в татарской семье, работавшей на бахче, больную женщину, заболевшую чумой еще 20 июня. Первый осмотр больного П. Ефимов производил лично. Полагая, что у нее бубонная чума и не подозревая о том, что болезнь перешла в легочную стадию, врач выслушивал больную без средств предосторожности (без респиратора). 27 июня к больной приехал врач С. Суворов, который в присутствии П. Ефимова произвел клиническое исследование мокроты и крови. Позже больная умерла. Вскрытие тела показало изменения в легких и в левой подмышечной области. Болезнь, начавшаяся в бубонной форме, уже перешла в легочную стадию. 30 июня из членов этой татарской семьи заболела еще девушка 17 лет, скончавшаяся 2 июля. В своем письме к родителям от 30 июня врач П. Ефимов написал: «Я боялся, не заразился ли я от умершей, теперь срок истекает, кажется — нет». Это письмо оказалось последним. 1 июля утром П. Ефимов заболел сам: температура утром была 38,6, к вечеру поднялась до 39,6 градусов. В этот же день вызвали бактериолога из с. Заветное. 2 июля утром у П. Ефимова температура поднялась до 40 градусов, наблюдалась мокрота с кровью, хрипы в груди, больной начал бредить. Он был без сознания, но, приходя в себя, осознавал свою неминуемую смерть. Больше всего беспокоился о своих родителях, которых он содержал. 3 июля больной умер в 13.40» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 11].

Бюллетень № 6 от 8–15 июля 1914 г. констатировал ликвидацию очага чумы в урочище «Аршан-Тебе» Однако продолжились работы по наблюдению с термометрированием соседних с названным урочищем крестьянских сел и хуторов. Жители хутора «Жарков» вначале отказывались от термометрирования, но врачу Садовского врачебного участка Ф. И. Елиной удалось их убедить в необходимости обследования. В ходе обследования был обнаружен еще один очаг чумы в с. Садовом, где от этой болезни умерли 2 человека. Об этом сообщили в бюллетене № 7 от 16–23 июля. Следующий бюллетень № 8 уже проинформировал

о ликвидации чумного очага в с. Садовом [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 15–20].

Командированный от губернской земской управы врач-эпидемиолог И. Д. Пембек не обнаружил в Малодербетовском улусе среди калмыцкого населения «подозрений на чуму» [НА РК. Ф. 9. О. 8. Д. 103. Л. 11об.].

Борьба со вспышками чумы в Багацохуровском улусе

В этот же период, в июне 1914 г., помимо трагических событий в урочище «Аршан-Тебе» Малодербетовского улуса, произошли еще две вспышки заболевания чумой в Калмыцкой степи. В бюллетене № 2 за 8–15 июня ниже данных об эпидемии чумы в «Аршан-Тебе» появилась информация о заболевании чумой в урочище «Кекшин» Зюневского аймака Багацохуровского улуса. Здесь 12 июня заболели 4 человека, которые умерли через несколько дней. Клинически диагноз установил 15 июня улусный фельдшер, бактериологически данный диагноз был подтвержден 17 июня врачом Денисовой из Астраханской бактериологической лаборатории [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 3]. Бюллетень № 3 за 16–23 июня сообщил, что в урочище «Кекшин» скончались от чумы еще 3 человека [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 5].

В текстовом отчете о случившемся в урочище «Кекшин» авторы А. Сурмев и врач М. Рафес отметили следующее. 12 июня в урочище «Кекшин» Зюневского аймака Багацохуровского улуса в 12 верстах от казачьей станицы Михайловская Енотаевского уезда, в 35 верстах от г. Енотаевска умерла девочка от болезни, сопровождавшейся жаром на протяжении 5 дней. Сама по себе болезнь и смерть не вызвала у окружающих особого беспокойства, но ночью того же 12 июня скончался отец девочки, оспопрививатель Калмыцкой степи, перед смертью попросивший специально известить обо всем попечителя улуса. У получившего данное известие попечителя возникли подозрения об эпидемическом характере заболевания. Воспользовавшись присутствием в Енотаевске (здесь находилась ставка Багацохуровского улуса) врача-бактериолога Денисовой, занимавшейся обследованием сусликов в уезде, попечитель с ней отправился на место события. Вскры-

тие обоих тел и последовавший за этим бактериологический анализ биоматериалов не дали ясного однозначного ответа. Но, когда 15 июня умер от подобной болезни брат оспопрививателя (старик 60 лет), бактериолог уверенно заявила о возможности чумы. Окончательный диагноз был установлен 17 июня после смерти мальчика подросткового возраста от болезни. Его тело осмотрел Енотаевский уездный врач Польшковский и обнаружил типичные для чумы два «бубона» на шее и в подмышечной впадине и две «пустулы» на груди и руке, что характерно для кожной формы чумы. Бактериологическое исследование мазков и вскрытие тела, произведенные Денисовой и Польшковским, подтвердило диагноз — бубонная чума. Все случаи заболевания прошли без наблюдения медицинского персонала. Уездный врач Польшковский прибыл в урочище «Кекшин» 16 июня (после смерти мальчика), 17 июня прибыл окончивший 10 семестров медицинского факультета студент-медик Федоров, 18 июня — помощник врачебного инспектора губернии Г. Абрамов и студент-медик 3 курса Лебедев с фельдшерами и санитарями.

В урочище располагался хотон из 4 кибиток с 15 жителями, из которых 4 умерло. Оставшиеся жители хотона (11 человек) были по распоряжению попечителя улуса изолированы. Все они после мытья были продезинфицированы, переодеты в новую одежду 19 июня после получения эпидинвентаря и дезинфицирующих средств. С того же дня под руководством Г. Абрамова началось систематическое обследование с термометрированием населения окрестных урочищ. К имеющемуся медицинскому персоналу в урочище «Кекшин» добавились врач Управления калмыцким народом С. Залкинд, врач Харахусовского улуса Д. Бровкин, студенты-медики Мельников и Токарев. У врачей возникли подозрения, что заболел чумой местный гелюнг, принимавший участие в похоронах оспопрививателя, но тревога оказалась ложной.

19 июня приезжали вице-губернатор Н. Максимов и от земской управы М. Рафес. Так как недалеко от урочища «Кекшин» находились казачьи станицы и крестьянские села, то в станице Михайловская обследование населения провел врач 1 округа Астраханского казачьего войска Кергер, в стани-

це Косикинская — врач 2 округа Воронин с фельдшерами. Оба обследовали казачье население как этих, так и других близлежащих станиц. Жителей соседних крестьянских сел Федоровка, Ивановка и Николаевка, отстоявших от урочища «Кекшин» в 20–30 верстах, осматривали врач Золотухинского лечебного участка Тихомиров с фельдшером. В связи с тем, что больше больных чумой в пораженном участке не наблюдалось, с 24 июня чумной очаг сочли ликвидированным и оставили на месте лишь наблюдательный пункт на двухнедельный срок [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 5об.].

Бюллетень № 4 за 24–30 июня, проинформировавший о второй вспышке чумы на урочище «Аршан-Тебе», о чем мы писали выше, также сообщил о возникновении еще одного чумного очага в урочище «Гюбья» Багацохуровского улуса и смерти трех человек из четырех заболевших. По клинической картине установил диагноз прибывший из Харахусовского улуса врач Бровкин, что и было подтверждено бактериологом Денисовой 29 июня [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 103. Л. 7].

По архивным первоисточникам нам удалось установить хронологию и содержание событий. 24 июня 1914 г. пунктный полицейский стражник Гринков письменно доложил попечителю Багацохуровского улуса В. Сагайдаку о том, что он обнаружил в урочище «Зергенте» 10 больных, нуждавшихся в лечении, и попросил срочно направить фельдшера. Поскольку улусный фельдшер находился в отъезде, то на место события в урочище «Зергенте» был направлен врач Харахусовского улуса Д. Бровкин. Врач, осмотрев больных, установил, что они заболели возвратным тифом и находятся в стадии выздоровления [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 1].

Пользуясь случаем и желая определить эпидемическую ситуацию в районе, Д. Бровкин обследовал соседние с урочищем «Зергенте» участки. В урочище «Гюбья» он обнаружил в хотоне трех больных в трех разных кибитках, один из которых умер, а двое находились в крайне тяжелом состоянии: «сознание несколько помрачено, взгляд неподвижный, температура у одного 40, у другого — 39,6 градусов, паховые и подмышечные железы увеличены и очень болезненны» [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104.

Л. 3]. Врач по данной клинической картине установил, что все больны чумой. 25 июня он в служебной записке попросил заведующего чумным очагом в урочище «Кекшин» (там оставался наблюдательный пункт) немедленно прибыть в урочище «Гюбья» и захватить с собой бактериолога для уточнения диагноза [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 3].

В тот же день в Астрахани состоялось заседание врачебного совета в Управлении калмыцким народом под председательством старшего врача Управления С. Залкинда с приглашением попечителя Багацохуровского улуса В. Сагайдака. На этом заседании было решено командировать в урочище «Гюбья» врачей Залкинда и Польшковского, бактериолога Денисову, фельдшера, двух санитаров и двух полицейских стражников и взять с собой необходимые дезинфицирующие средства и комплекты белья для 10 человек. Что же касается наблюдательного пункта в урочище «Кекшин», то было предложено там оставить студента-медика Лебедева на правах врача. Находившиеся в пункте врач Федоров и студент-медик Токарев должны были продолжать обследование населения в соседних с урочищем «Кекшин» участках по ранее составленному плану [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 4–5].

По прибытии в урочище «Гюбья» на следующий день врачебная комиссия обнаружила трех умерших (20-летняя женщина и двое мужчин в возрасте 19 и 20 лет) — по одному в каждой из трех кибиток. По словам родственников погибших, они скончались, проболев не более трех дней. Недалеко от этих кибиток в отдельно устроенных жилищах под телегами, покрытыми кошмами, ютились две семьи. В отдельном «шалаше» на более отдаленном расстоянии расположилась семья из двух человек: вдова с 20-летней больной дочерью. Было поручено врачам Денисовой и Польшковскому произвести патолого-анатомическое вскрытие тел умерших с последующим бактериологическим исследованием [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 6–7]. Тем временем врач Бровкин в результате осмотра места эпидемии и опроса сородичей заболевших установил, что умершие 6–7 дней назад питались мясом павшего верблюда, а его шкуру продали проезжавшим чумакам (торговцам). Оставшаяся часть этого мяса предположительно была отправлена в Багацохуровский хурул.

Вечером в день прибытия в урочище «Гюбья» состоялось очередное, 3-е, заседание врачебного совета в составе врачей Залкинда, Бровкина, Польшковского, бактериолога Денисовой и попечителя улуса В. Сагайдака, на котором прозвучала информация о результатах вскрытия тел умерших. Бактериолог доложила, что по результатам вскрытия тел установлен диагноз болезни умерших — бубонная чума [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 8–9].

На этом заседании было принято решение: тела умерших кремировать, все население хотона после санобработки переселить (эвакуировать) в безопасное место, за заболевшей 20-летней женщиной установить наблюдение, разрешив ухаживать за ней матери. Врачебный совет обратился к администрации губернии с просьбой командировать 20 полицейских стражников для устройства охранных постов по периметру очага, командировать дополнительно еще одного врача, трех фельдшеров, четырех санитаров, выслать необходимое количество дезинфицирующих средств, а также выделить автомобиль для нужд очага и средства для найма (аренды) кибиток для эвакуации населения, жилья для стражников и медицинского персонала, помещений для канцелярии и склада, для найма пяти конных и пешеходных вестовых, двух водовозов и двух пастухов для эвакуации скота. На заседании были распределены обязанности имеющихся врачей следующим образом: Залкинд осуществляет наблюдение и лечение заболевших, Польшковский — надзор за эвакуацией населения и скота, Бровкин руководит дезинфекционными мероприятиями, студенты-медики Токарев и Лебедев обследуют жителей соседних хотонов. Было рекомендовано внимательно наблюдать за двумя семьями, кочевавшими рядом с семьями заболевших за месяц до случившегося [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 13–13об.].

В этот же день врач С. Залкинд, взявший на себя обязанности заведующего чумным очагом в урочище «Гюбья», направил докладную записку астраханскому губернатору с просьбой о выделении финансовых средств, автомобиля, дезинфицирующих средств (сулема, карболовая кислота, «зеленое мыло» и др.), а также необходимое количество марли, ваты, 6 халатов, 12 тюфяков и 26 полотенец. Кроме того, было

решено установить постоянную связь с близлежащим селом Никольским. Сразу же были переселены из чумного очага в другое место три семьи в составе 13 человек [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 16].

На четвертом заседании врачей чумного очага были заслушаны доклады Польшковского об эвакуации людей и скота, Бровкина — о дезинфекционных мероприятиях. По этим докладам приняли решение: уничтожить (сжечь) кибитки умерших, кошмы, меха и часть имущества по описи, остальные вещи продезинфицировать и отдать владельцам. Польшковскому поручили выяснить, кому из торговцев была продана шкура павшего верблюда. Бровкин должен был прояснить ситуацию с Багацохуровским хурулом, куда, по сведениям, передали часть мяса павшего верблюда. 28 июня на очередном заседании врачебного совета очага врач Бровкин доложил, что все служители Багацохуровского хурула здоровы и отрицают факт получения ими мяса павшего верблюда. Врач Польшковский сообщил, что никто из эвакуированных не знает, кому была продана шкура павшего верблюда. Поскольку в этом районе имелись выздоравливающие от возвратного тифа, было решено просить Управление калмыцким народом о выделении 100 руб. для раздачи на закупку продуктов наиболее бедным из них [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 22].

Следующее заседание врачебного совета состоялось 2 июля 1914 г. На нем был заслушан доклад врача Польшковского о состоянии дел у эвакуированного населения. Врач сообщил, что у всех переселенных калмыков регулярно осуществляется термометрия (у всех этот показатель в пределах нормы) и 3 июля истекает положенный 5-дневный срок эвакуации, после чего при благополучном исходе необходимо жителей хотона вернуть в прежние места кочевания, кроме одного человека, чей 5-дневный срок карантина еще не прошел. Речь шла о женщине, ухаживавшей за скончавшейся от чумы дочерью. Врач Бровкин и исполнявший должность врача студент-медик Лебедев доложили о результатах обследования населения вокруг урочища «Гюбья» до границ соседних улусов Калмыцкой степи. Больных не обнаружено. Были обследованы хотоны в семи урочищах (Цаган-Темян, Хамыр-Гелюнг и др.) с населением 250 чело-

век в 54 семьях. Руководитель чумного очага Залкинд сообщил о распоряжении астраханского губернатора от 1 июля командировать студентов-медиков Лебедева и Токарева в связи с вторичной вспышкой чумы в урочище «Аршан-Тебе» Малодербетовского улуса. Попечитель Багацохуровского улуса Сагайдак проинформировал врачебное совещание о том, что шкура павшего верблюда продана местному торговцу А. Рыжкову. На заседании постановили: врачу Польшковскому продолжить обследование населения в северном направлении от урочища «Гюбья», попечителю улуса Сагайдаку поручили выяснить у А. Рыжкова, кому тот продал верблюжью шкуру. Помещение, в котором А. Рыжков хранил шкуру, врачебный совет обязал продезинфицировать [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 37].

Залкинд в тот же день направил положенные телеграммы с информацией о состоянии дел в очаге по трем адресам: астраханскому губернатору, в Управление калмыцким народом и врачебному инспектору губернии. В них он сообщил, что новых заболевших чумой в очаге не имеется, дезинфекция одежды и бытовой утвари у жителей хотона завершена, студенты Лебедев и Токарев выехали в урочище «Аршан-Тебе», подсобное помещение А. Рыжкова, где хранилась шкура павшего верблюда, продезинфицировано, а шкура продана в г. Черный Яр [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 40].

На заседании врачебного совета 3 июля Польшковский доложил о завершении 5-дневного срока эвакуации людей и их возвращении на прежние места кочевания. У оставшейся в эвакуации женщины карантинный срок истекает 5 июля, и она также будет возвращена в свой хотон. Также он доложил об отсутствии новых больных в хотонах севернее очага. На заседании огласили текст телеграммы бактериолога Денисовой о том, что в окрестностях Зюневского аймака (на территории которого находились урочища «Кекшин» и «Гюбья») обнаружены три «чумных» грызуна (два суслика и один тушканчик). В связи с этим она рекомендовала установить режим наблюдения за всеми жителями Багацохуровского улуса. Был также обсужден вопрос об общем состоянии дел в системе здравоохранения улуса. В результате на заседании было решено: ходатайствовать через Управление калмыц-

ким народом в земский отдел МВД о скорейшем открытии в течение полугодия двух фельдшерских пунктов в Багацохуровском улусе. Здание одного из фельдшерских пунктов в Баруновском аймаке уже было построено за счет калмыцкого общественного капитала, но пункт так и не начал свою деятельность. Также врачи на заседании рекомендовали преобразовать приемный покой Багацохуровского улуса в г. Енотаевске во врачебный пункт и ввести должность врача в штат улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 44–44об.].

11-е заседание врачей в урочище «Гюбья» состоялось 5 июля. Польшковский сообщил, что последний из эвакуированных возвращен в свой хотон. Залкинд объявил о том, что фельдшеры и санитары в связи с завершением эпидемии уходят в положенный 5-дневный карантин. В урочище создается наблюдательный пункт сроком на две недели в составе врача, фельдшера, двух санитаров и двух полицейских стражников. Заведующим наблюдательного пункта в урочище «Гюбья» назначается и. о. врача Федоров, который должен приехать 8 июля после закрытия наблюдательного пункта в урочище «Кекшин». Временно до его приезда был назначен заведующим наблюдательного пункта врач Бровкин. Также на заседании сообщили о найденной шкуре павшего верблюда, которую было решено сжечь [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 50].

На 12-м заседании врачей, состоявшемся 6 июля с присутствием прибывшего заведующего калмыцким народом В. Локтева и попечителя Багацохуровского улуса В. Сагайдака, заслушали доклад ветеринарных врачей Балашова и Спасского, которые прибыли в урочище «Гюбья» с целью осмотра верблюдов и установления возможной связи между болезнями верблюдов и чумой у людей. Их сообщения были приняты к сведению. 7 июля С. Залкинд отправил телеграммы в губернские инстанции с сообщением о том, что осмотр верблюдов ветеринарами Балашовым и Спасским завершен, и больных животных не обнаружено, врач Польшковский выехал в чумной очаг в урочище «Аршан-Тебе» Малодербетовского улуса, заведующий калмыцким народом уехал в Астрахань к месту службы [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 56].

В тот же день был составлен акт комиссии с подписями всех врачей чумного отряда об уничтожении личной одежды медицинского персонала (трех врачей, четырех фельдшеров и пяти санитаров), которая «пришла в негодность от частой дезинфекции», и о выдаче денежной компенсации за уничтоженное. В архивном деле врачебного отряда также приложена докладная записка врача Бровкина с результатами термометрии у жителей хотонов в семи урочищах (Цекер-Болдан, Мазан-Худук, Гувелин-Худук и др.) численностью 483 человек (имеется поименный список). Также Бровкин указал, что один человек на урочище «Мазан-Худук» с температурой 38 градусов болеет возвратным тифом [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 69].

На 13-м заседании врачей 9 июля врач Федоров доложил о результатах двухнедельного врачебного наблюдения за жителями урочища «Кекшин» и об отсутствии новых случаев заболевания чумой. В итоге на заседании врачей решили прекратить работу наблюдательного отряда в урочище «Кекшин» и поручили Федорову приступить к исполнению обязанностей заведующего наблюдательным пунктом в урочище «Гюбля». Врачу Бровкину разрешили выехать в Харахусовский улус к месту своей работы [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 75].

Последнее, 14-е, заседание врачей в урочище «Гюбля» состоялось 10 июля 1914 г. Было решено работу наблюдательного пункта осуществлять до 19 июля. После заседания руководитель чумного отряда С. Р. Залкинд выехал в Астрахань и приступил к исполнению своих обязанностей в качестве старшего врача Управления калмыцким народом, попечитель улуса В. Сагайдак отправился в г. Енотаевск, где находилось Багацохуровское улусное управление [НА РК. Ф. 9. Оп. 8. Д. 104. Л. 77].

Выводы

Анализ конкретного материала об эпидемии чумы в Калмыцкой степи летом 1914 г. подтвердил мнение ученых о «животном» происхождении заболевания и роли степных грызунов в его распространении. В каждом из трех урочищ, где произошли вспышки чумы, была обнаружена

чума у сусликов и тушканчиков. Вместе с тем обращают на себя внимание социальные причины болезни, о которых не только знали медики и чиновники, но и говорили в обществе: бедность и низкий уровень жизни, неблагополучное в санитарно-эпидемиологическом отношении состояние калмыцкого кочевого быта. Это явственно прослеживается в представленных материалах: «ели мясо павшего верблюда», соорудили под телегами жилье, «где ютились две семьи», в «шалаше» проживала мать с больной чумой дочерью. К сожалению, в изучаемый период отсутствовали эффективные способы лечения. Поэтому все случаи заболевания чумой в 1914 г. в калмыцких улусах завершились летальным исходом. В лучшем случае врачи осуществляли паллиативное лечение в целях облегчения состояния больных.

Вместе с тем калмыцкий опыт борьбы с чумой показал основополагающую позитивную роль карантинных и дезинфекционных мероприятий: болезнь не распространилась на другие урочища степи. Эта борьба с чумой продемонстрировала высочайший нравственный уровень общества, что видно по самоотверженным и профессиональным действиям медицинского персонала. Всем врачам, фельдшерам и санитарам было свойственно ясное понимание служебного долга: в чумные очаги приехали не только представители медицинского персонала калмыцких улусов, но и врачи из соседних уездов губернии, участковые врачи из близлежащих сел, а также студенты-старшекурсники медицинских факультетов. Врачи П. Ефимов (погибший в борьбе с чумой), Э. Хара-Даван, В. Бровкин, С. Залкинд и другие, первыми вставшие на пути смертельной болезни, показали образцы мужества и героизма. Невозможно оценить самопожертвование оставшейся вдовой женщины, которая ухаживала за умирающей от чумы единственной 20-летней дочерью, находясь в карантинной зоне в условиях полной изоляции. Обращает на себя внимание готовность всего государственно-механизма империи обеспечить борьбу с эпидемией чумы в калмыцких улусах всеми материальными средствами и людскими ресурсами.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадугинова 2018 — *Бадугинова М. В.* Здоровоохранение Калмыкии в конце XIX – первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 2018. 29 с.
- Блохина 2012 — *Блохина Н. Н.* К истории деятельности противочумной службы в России в начале XX века // *Эпидемиология и инфекционные болезни*. 2012. № 1. С. 56–61.
- Душан 1922 — *Душан У. Д.* Медико-санитарная часть в Калмыцкой степи // *Ойратские известия*. 1922. № 3–4. С. 99–107.
- Иноуэ 2013 — *Такехико Иноуэ.* О разработке «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839): по материалам переписки И. С. Тимирязева и П. Д. Киселева // *Мат-лы конф. «Астраханские краеведческие чтения»*. Вып. 5 / отв. ред. А. А. Курапов.

References

- Baduginova M. V. Kalmykia's Public Healthcare System: Late 19th – Mid-20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Grozny, 2018. 29 p. (In Russ.)
- Blokhina N. N. History of the activity of Russia's anti-plague service in the early 20th century. *Epidemiology and Infectious Diseases*. 2012. No. 1. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Dushan U. D. Medical and sanitary service in the Kalmyk Steppe. *Oyratskie izvestiya*. 1922. No. 3–4. Pp. 99–107. (In Russ.)
- Inoue Takehiko. Developing Smallpox Vaccination Regulations for Kalmyk-inhabited districts (1839): a case study of epistolary intercourse between I. Timiryazev and P. Kiselev. In: Kurapov A. A. (ed.) *Astrakhan Regional History and Lore Readings*. Vol. 5. Astrakhan:

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia

- Астрахань: Сорокин Р. В., 2013. С. 191–195.
- Команджаев 2009 — *Команджаев А. Н.* Система здравоохранения в начале XX в. // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 576–581.
- Мечников 1959 — *Мечников И. И.* Изменения по заболеваемости туберкулезом в калмыцких степях // *Мечников И. И.* Собр. соч. М.: Медгиз, 1959. Т. 10. С. 181–191.
- Михель 2008 — *Михель Д. В.* Чума и эпидемиологическая революция в России: 1897–1914 // *Вестник Евразии*. 2008. № 3. С. 142–164.
- Пальмирский 1909 — *Пальмирский П. В.* Об условиях борьбы с чумой, холерой и оспой в Калмыцкой степи Астраханской губ. // *Известия общества астраханских врачей*. 1909. № 2. С. 1–7.

- R. Sorokin, 2013. Pp. 191–195. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Public healthcare system in the early 20th century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. et al. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days*. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 576–581. (In Russ.)
- Mechnikov I. I. Kalmyk Steppe: changes in tuberculosis rates. In: Mechnikov I. I. *Complete Works*. Moscow: Medgiz, 1959. Vol. 10. Pp. 181–191. (In Russ.)
- Mikhel D. V. Plague and epidemiological revolution in Russia: 1897–1914. *Vestnik Evrazii*. 2008. No. 3. Pp. 142–164. (In Russ.)
- Palmirsky P. V. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: circumstances of combating plague, cholera and smallpox revisited. *Izvestiya obshchestva astrakhanskikh vrachey*. 1909. No. 2. Pp. 1–7. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 546–559, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559

Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в.

Кемя Владимировна Орлова¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Орлова К. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 1920-х гг. остается недостаточно изученной темой как в калмыцкой, так и в монгольской историографии. Со времени прихода калмыков в Россию в XVII в. взаимоотношения с монголами в основном были эпизодическими, когда калмыки с паломническими целями через Монголию добирались в Тибет. Особо тесные связи начинают развиваться в 1920-е гг. Этот период для обоих народов оказался чрезвычайно сложным и в определенной мере трагическим: на территории Калмыцкой степи шла Гражданская война, Внешняя Монголия находилась в «котле» социальных преобразований, когда в прямом смысле решалась судьба страны, ее независимость. В этих непростых условиях калмыки прибыли в Монголию в качестве военных инструкторов для формирования и обучения воинских частей монгольской народно-революционной армии. Монголия оказала существенную гуманитарную помощь голодающим жителям Калмыкии. Более того, монгольское правительство инициировало переезд голодающих калмыков в страну с предоставлением серьезных субсидий. Военные и гуманитарные аспекты освещены в публикациях калмыцких и монгольских исследователей. *Цель* статьи — дать дополнительные сведения по упомянутым и другим областям сотрудничества Калмыкии и Монголии в указанный период по опубликованным источникам, архивным материалам и научной литературе, в том числе по документам из Центрального архива ФСБ России и сборника документов «Российско-монгольское военное сотрудничество». *Материалы.* В статье использованы архивные документы, научная литература, архивные документы из Центрального архива ФСБ России, сборника документов «Российско-монгольское военное сотрудничество». *Результаты.* Появление в монгольской армии калмыков не случайно, советское руководство прекрасно понимало, что им, в недавнем прошлом кочевникам, легче будет адаптироваться среди соплеменников. Их главная задача состояла в оказании помощи командному составу монгольской народно-революционной армии, формировании воинских частей. Монголия, в свою очередь, внесла посильную помощь

в период голода в Калмыкии в 1921 г. В январе 1923 г. монгольское правительство выступило с инициативой переселения голодающих калмыков в Монголию. Развитие двусторонних взаимоотношений показало, что при выстраивании отношений советское руководство, прежде всего, исходило из родственных связей между народами, языковой и культурной общности. Немаловажную роль сыграла религиозная идентичность.

Ключевые слова. Калмыкия, Монголия, сотрудничество, 20-е годы XX в.

Для цитирования: Орлова К. В. Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 546–559. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559

UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559

Kalmykia – Mongolia Cooperation: 1920s

Keemya V. Orlova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Orlova K. V., 2020

Abstract. Introduction. The issue of Kalmykia-Mongolia cooperation in the 1920s still remains understudied both in Kalmyk and Mongolian historiography. Ever since the Kalmyks migrated to Russia-controlled territories, relations with Mongolia became irregular enough and were largely reduced to pilgrimage contacts en route to Tibet. But the 1920s witnessed an intensification therein. The period proved extremely harsh and definitely dramatic to both the nations: Kalmyk Steppe became an operational theater of the Russian Civil War, and Outer Mongolia sank into the ‘pot’ of social transformations and struggle for independence. And it is in those tough times that Kalmyks arrived in Mongolia as military instructors to arrange the formation and training of troop units for the Mongolian People’s Revolutionary Army. On the other hand, Mongolia delivered humanitarian aid to Kalmykia during the famine. Moreover, the Mongolian Government initiated a resettlement of starving Kalmyks to the country, with significant allowances to be funded. The military and humanitarian aspects have been examined by a number of Kalmyk and Mongolian researchers. **Goals.** The paper aims to provide additional data on the mentioned and other realms of cooperation during the period under consideration. **Materials.** The study analyzes new sources, archival materials, and scholarly works, including documents stored at the Central Archive of Russia’s Federal Security Service and ones introduced in *Russia-Mongolia Military Cooperation*. **Results.** The attachment of Kalmyks officers to Mongolian military units attests to that the Soviet Government recognized the ex-nomads should aptly adapt themselves to familiar conditions and cultural environment. Their primary objective was to help commanders of the Mongolian People’s Revolutionary Army create efficient military forces. And Mongolia did its best to support Kalmykia during the famine of 1921. In January of 1923, the Government of Mongolia initiated a resettlement of starving Kalmyks. Chronicles of relations show the key landmarks for the Soviet Government therein were ethnogenetic ties between the populations, linguistic and cultural affinities. Religious identity also proved an important unifying element.

Keywords: Kalmykia, Mongolia, cooperation, 1920s

For citation: Orlova K. V. Kalmykia–Mongolia Cooperation: 1920s. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 546–559. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-546-559

Введение

1920-е гг. — чрезвычайно тяжелое и драматическое время и в Калмыкии, и в Монголии. Этот период всеобъемлюще представлен в российских и монгольских публикациях, в которых на широком материале освещаются международные отношения, экономические, политические и культурные аспекты. Сотрудничество Калмыкии и Монголии этого периода до сих пор остается недостаточно изученной темой. Впервые упоминание о калмыках-инструкторах встречается в книге монгольского ученого Б. Ширендыба [Ширендыб 1971: 222].

Большинство публикаций о калмыках в Монголии в 1920-х гг. принадлежат доценту Калмыцкого государственного университета, кандидату исторических наук Ю. О. Оглаеву. Как он сам пишет, «сбор и публикацию об участниках революции в Монголии» задумал еще в юности [Оглаев 1970: 26]. В 1966 г. в газете «Советская Калмыкия» появилась его первая публикация «У истоков дружбы». Тогда же начались целенаправленные поиски и выявление документальных материалов из Центрального государственного архива Калмыцкой АССР (ЦГА КАССР, ныне Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)) о пребывании калмыков и их участии в событиях того периода в Монголии. Найденные архивные документы стали основой небольшой брошюры, в которой запечатлены воспоминания ветеранов-калмыков о тех годах [С интернациональной миссией 1970].

В 1973 г. в сборнике, посвященном памяти участника революционных событий в Монголии, выдающегося ученого-монголоведа и калмыковеда Церен-Дорджи Номинханова, была подробно освещена его деятельность с мая 1921 по август 1923 гг., не только как военного, но и общественного деятеля. Именно работа в этой стране пробудила его интерес к науке, после службы в Монголии он поступил в Петроградский институт живых восточных языков им. Енукидзе (с 1924 г. — Ленинградский институт живых восточных языков) [Оглаев 1973]. В 1981 г. выходит статья Ц.-Д. Номинханова о деятельности Х. Б. Канукова в Монголии [Оглаев 1981].

В том же году в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») публикуется статья участника событий монгольской революции М. Т. Бимбаева [Бимбаев 1981], которая охватывает период с 1921 г по 1946 гг. и во многом воспроизводит воспоминания, зафиксированные в брошюре, которую подготовил ранее Ю. О. Оглаев [С интернациональной миссией 1970].

Во втором томе фундаментального издания «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (2009) лаконично излагается помощь Монголии голодающим калмыкам [История Калмыкии 2009: 322–323].

В монографии Е. Н. Бадмаевой кратко освещается поддержка калмыков монголами в рамках международной гуманитарной помощи голодающим жителям Нижнего Поволжья [Бадмаева 2010: 174–176].

На основе документов из архивов Монголии Н. Наранжаргал подробно исследует вопросы помощи голодающим калмыкам и проект их переселения на историческую родину [Наранжаргал 2014: 50–56]. В другой его статье представлены новые источники о пребывании монгольской делегации в СССР [Наранжаргал 2015: 31–34].

Суммируя опубликованную литературу, отмечу, что сотрудничество между странами в 1920-е гг. рассматривается в двух аспектах — военной и гуманитарной. Цель данной статьи — дополнить сведения о некоторых аспектах сотрудничества Калмыкии и Монголии в указанный период по опубликованным источникам, архивным материалам и научной литературе, в том числе документам из сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» [Монголия в документах 2019].

Общее положение Калмыкии и Монголии в начале 1920-х гг.

Со времени прихода калмыков в Россию взаимоотношения с монголами в основном были эпизодическими, когда калмыки с паломническими целями через Монголию добирались в Тибет. Особо тесные связи развиваются в 1920-е гг. В эти годы на территории Калмыкии шла Гражданская война, большая ее часть была занята белыми,

и на этой территории советская власть распущена, над остальной, незанятой белыми, Калмыцкой степью нависла угроза ее потерять. Именно это обстоятельство подвигло советские и партийные органы реально оценить масштабы конкретной опасности. По признанию руководства советской власти Калмыцкой степи, они «на Калмыкию мало обращали внимания, и, возможно, поэтому белогвардейцы ее так легко заняли» (цит. по: [История Калмыкии 2009: 264]).

Развернулась активная агитационная работа, выпускались листовки на калмыцком языке, активно предпринимались меры по улучшению экономического состояния, в частности, изданы постановление СНК РСФСР об устройстве земельного быта калмыков и ряд декретов и постановлений по улучшению экономического положения. В политическом отношении выходит знаменитое обращение Ленина «к братьям калмыкам» [История Калмыкии 2009: 265].

Со временем советская власть в Калмыкии была восстановлена, Гражданская война на ее территории в основном завершилась. Активную роль на заключительном этапе войны сыграли Х. Б. Кануков (комбриг), М. Д. Шапшуков, В. А. Хомутников, М. Т. Бимбаев, Т. Б. Шивидов и др. [История Калмыкии 2009: 270], которые впоследствии отправятся в Монголию.

В Монголии ситуация также была крайне сложна. По мнению известного монголоведа С. К. Рощина, первая четверть XX в. в Монголии, с одной стороны, «время коренных демократических преобразований, национального и государственного возрождения», с другой — «этап суровых социальных потрясений, изнурительной борьбы в обществе, ... период, послуживший, в известном смысле, основой последующего развития» [Рощин 1999: 308].

После революции 1921 г. монгольские демократы считали, что только опора на Советскую Россию и Коминтерн обеспечит национальную независимость [Батунаев 2016: 184]. Однако эта ситуация не устраивала Китай, который «настойчиво и весомо восстанавливал утраченные позиции» [История Монголии 2007: 43].

Понимая, что своими силами монголы не в состоянии отразить претензии республиканского Китая (что и случилось: «китайское военное присутствие и отказ

от автономии¹»), князья и высшее ламство Внешней Монголии обратились за помощью к США и Японии, однако, не получив ответ, адресовали просьбу советскому правительству через уполномоченного [Лузянин 2000: 91; Курас 2016: 181].

Летом 1920 г. в Иркутск отправилась делегация монгольских революционеров с намерением добиться автономии страны при помощи Советской России, однако эти попытки ни к чему не привели. Тем не менее, диалог завязался, и некоторые члены делегации отправились в Москву, где на заседании Политбюро ЦК РКП(б) обсуждался монгольский вопрос [История Монголии 2007: 51, 52; Наранжаргал 2015; Курас 2016: 182, 183]. «Автономизация» Монголии вновь не стала краеугольным камнем встречи, однако «образ монгольской коммунистической монархии» привлек внимание Москвы в свете продвижения мировой революции на Восток, трамплина в Маньчжурию, Тибет и Индию [Курас 2016: 183].

В феврале 1921 г. активизируется барон Унгерн, направивший свою дивизию в Ургу. Монголия провозглашает независимость, а Богдо-гэгэн возвращается к обязанностям теократического монарха страны. Но, как оказалось, не всех монголов устраивала эта ситуация. В марте 1921 г. состоялось совещание монгольских революционеров, впоследствии (1924 г.) организационно оформленное как I съезд Монгольской народной партии (МНП), на нем были выдвинуты главные задачи — «завоевание независимости страны и передача государственной власти в руки народа» [Хишигт 2011: 31]. Сформированное Временное правительство Монголии заявило о готовности принять на себя руководство страной: «освобождение от китайской власти, очищение от белогвардейских, хунхузских и других вооруженных сил, сношение с соседними дружественными монгольскому народу державами и созыв учредительного съезда представителей монгольского народа для организации постоянного правительства и выработки основных законов страны» [Российско-мон-

¹ Согласно русско-китайской Декларации от 5 ноября 1913 г., «Внешняя Монголия была признана автономной, ее территория частью Китая, а правительство Китая — сюзереном автономной Внешней Монголии» [История Монголии 2007: 40].

гольское 2019: 136]. Так случилось двоевластие в стране: в Урге находилось правительство Богдо-гэгэна при поддержке Унгерна, а на севере — народное правительство под патронажем России. Унгерну (монголы «разочаровались в Унгерне насилиями» [Российско-монгольское 2019: 136]) не оставалось иного выхода, кроме как двинуть свою дивизию на север. В письме своему представителю в Северном Китае К. Грегори Унгерн сообщает: «Я начинаю движение на север и на днях открою военные действия против большевиков. ... И когда я увижу планомерность поднятого в России движения, я перенесу свои действия на Монголию» [Российско-монгольское 2019: 160].

Одним из поводов выдвинуться послужило известие от атамана Семенова «принять участие в широкомасштабной операции белых, при поддержке Японии, против красных ... с выходом на берег Байкала и захватом Верхнеудинска» [Курас 2016: 185].

Опасность продолжения войны уже на российской территории вынудила советское правительство начать ввод части своих войск в Монголию, исходя из двух задач: военной — для разгрома дивизии Унгерна и политической — «помочь молодым монгольским революционерам овладеть ситуацией в стране» [Роштин 1999: 21].

Калмыцкие военные в Монголии в период революции 1921 г.

Координация деятельности России и Коминтерна в Монголии осуществлялась под руководством члена Реввоенсовета 5-й армии и уполномоченного НКВД по Сибири и Монголии Б. З. Шумяцкого. Главную задачу он видел, помимо прочих, в укреплении народной власти и правительства на всей территории страны, приобретении «в лице Монголии союзника» (цит. по: [Роштин 1999: 37]). Надо признать, что состав членов народной партии был довольно неоднороден; неопытность, отсутствие знаний политической работы сказывались на ежедневной работе. Поэтому возникла еще одна проблема — привлечение опытных и квалифицированных кадров. Современные исследователи периода 1920-х гг. высоко оценивают заслуги бурят и калмыков в монгольской истории: роль бурят сказалась в развитии культуры и образования, а калмыков — в военной помощи. Специа-

листы из Бурятии оказались «...полезными, можно сказать незаменимыми... они были тесно связаны с Монголией, имели там обширные связи. В 1920–1921 гг. в Монголию приехала группа бурятских работников, хорошо разбиравшихся в обстановке, неплохо подготовленных, образованных. Некоторые из них приняли монгольское гражданство, стали членами МНП, другие остались российскими подданными. ...занимали те или иные ответственные посты» [Роштин 1999: 38]. Эти слова в полной мере можно отнести и к калмыкам: знание языка, общность традиций, культуры² с монголами сыграли определяющую роль. Вероятно, военные навыки калмыков (быстрота передвижения, маневренность и внезапность нападений калмыцкой конницы) оставались в фокусе внимания российских властей. Со времени прихода в Россию в начале XVII в. калмыки действительно стали реальной военной силой в решении военно-политических проблем. В период вплоть до откочевки большей части калмыков на историческую родину в 1771 г. ни одна военная операция России не обходилась без участия калмыцких воинов, и калмыки показали себя надежными союзниками.

В архивных документах калмыков в Монголии именовали торгутами. И это не случайно. На основании анализа грамот (в переводе с тибетского и ойратского языков), дарованных Далай-ламами калмыцким ханам или калмыцким паломникам, Э. П. Бакаева делает обоснованный вывод «о наименовании в тибетской традиции того времени калмыков „народом торгутов“», соответственно «Торгутским» именовалось и Калмыцкое ханство [Бакаева 2019: 904] (перевод грамот см.: [Бакаева 2019: 902–907, 910–911, 912–915]) — хотя в русских документах XVII в. ойратов, мигрировавших на территорию России, именовали калмыками. Важным фактором, объясняющим использование термина «торгут» по отношению ко всем калмыкам в XVII – начале XVIII вв., представляется приход на территорию России в XVII в. «наиболее крупной ... по чис-

² По воспоминаниям М. Т. Бимбаева, на первой встрече с Д. Сухэ-Батором по прибытии калмыков в Маймачен «каждая сторона разговаривала на родном языке и ко всеобщей радости без труда понимали друг друга» [Бимбаев 1981: 61].

ленности этнической группы ойратов³, ставшей основой калмыцкого народа, к которой принадлежали и представители правящей династии ханов (торгутов из родов керитов)» [Бакаева 2019: 891]. С кавказскими походами калмыков в XVII–XVIII вв. связано наличие в кабардинско-черкесско-русском словаре слова «тургьут» (в переводе ‘кьалмыкь’), в языке адыгов «до настоящего времени в качестве термина, обозначающего всех калмыков, сохраняется этноним „торгут“» [Бакаева 2019: 896].

В начале XX в. в грамоте Далай-ламы XIII, любезно дарованной прибывшему с паломническими целями малодербетовскому монаху Агвану Санджи, обозначен адресат «всем, живущим во владении Торгутского ханства» [Бакаева 2019: 912–916]. Еще в одной грамоте Далай-ламы XIII, сохранившейся до настоящего времени, также содержится обращение тибетского иерарха к жителям Торгутского ханства [Бакаева 2019: 916–921].

Итак, на основании тщательно проведенного анализа архивных документов Э. П. Бакаева убедительно показала, что в буддийской традиции «этноним „торгут“ связывался с калмыцким народом», который в русских документах назывался калмыками [Бакаева 2019: 891–925]. Именно поэтому в монгольских документах калмыков называют торгутами. Так, находясь в Монголии, Х. Б. Кануков подписывался: «сотрудник в монгольской народной армии донской калмык-торгут» [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 22].

Появление в монгольской армии калмыков не случайно, советское руководство прекрасно понимало, что им, в прошлом кочевникам, легче будет адаптироваться среди соплеменников. Их главная задача состояла в оказании помощи командному составу монгольской народно-революционной армии (МНРА), формировании воинских частей, обучении монгольских цириков⁴. В свою очередь и для инструкторов были

выработаны предписания: «а) там, где имеется подготовленный командир-монгол, могущий работать без инструктора, — ставить командиром монгола одного, б) необходимо, чтобы командир-монгол прошел практический курс знаний комсостава, в) там, где во главе стоит инструктор — инструктор является командиром со всей полнотой власти, а монгол его помощником, г) необходимо к инструкторскому составу применять дисциплинарный устав нарревармии (народно-революционная армия. — К. О.) неукоснительно как в боевой обстановке, д) наличный состав инструкторов проверить и всех неподходящих удалить» [Российско-монгольское 2019: 201].

По сообщению начальника Прибайкальского губернского отдела ГПУ Клиндера и уполномоченного по ИНО работе Игнатьева, бойцы монгольской армии⁵ «мало подготовлены и потому должностям не соответствуют», обмундирование, снаряжение и лошадей получали из своих хошунов, откуда были родом. Дисциплина, знание военного дела и боеспособность не выдерживали никакой критики, не было и определенного срока службы в армии, учета оружия: «все территориальные части не носят и тени воинских частей, не говоря уже о боеспособности» [Монголия в документах 2019: 18]. Как отмечали Клиндер и Игнатьев, по прибытии в воинские части воины-монголы проживали по-прежнему «в монгольских юртах, оборваны, разуты» [Монголия в документах 2019: 18], к тому же не был налажен их учет в связи со свободным их перемещением. Реорганизация Монгольской армии по типу европейской планировалась только к 1923 г. [Монголия в документах 2019: 18]. Такая же характеристика монгольской армии приводится и в сборнике документов «Российско-монгольское военное сотрудничество»: «совершенно не обученные или плохо обученные народаармейцы, вооружение в чрезвычайно плохом состоянии, командный состав отсутствовал, инструктора безграмотны, комиссары тоже» [Российско-монгольское 2019: 258]. С такой армией и воинами калмыкам-инструкторам предстояло работать. Монгольское правительство со своей стороны гарантировало инструкторам «выдачу

³ В Россию прикочевали примерно 50 тыс. семей торгутов, 4 тыс. семей дербетов, 4 тыс. семей хошутов и 2 тыс. семей цоросов (цит. по: [Бакаева 2019: 893]).

⁴ По свидетельству М. Т. Бимбаева, с 1921 по 1934 гг. в Монголии калмыки работали не только военными специалистами, но и врачами, учителями и др. [Бимбаев 1981: 62].

⁵ Документ датирован 1923 г., к приезду калмыков в 1921 г. положение монгольской армии было таким же, если не хуже.

обеспечения, достаточного для исполнения службы и не наносящего урона их материальному благополучию» [Российско-монгольское 2019: 264].

Первая группа калмыков (в Монголии все они имели псевдонимы), командиров и младших командиров 108-го Калмыцкого кавалерийского полка, во главе с Х. Б. Кануковым (в Монголии работал под именем Итрах Вокунаев⁶, еще один псевдоним Канукова — Балданцэрэн — приводит Н. Наранжаргал [Наранжаргал 2014: 52]), прибыла в Монголию в 1921 г., возраст ее участников варьировался от 21 года (Н. Т. Манджиев) до 40 лет (Х. Б. Кануков) [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200–201].

Эту группу военных специалистов (18 человек) распределили по частям МНРА в составе сводного Экспедиционного корпуса советских войск под командованием К. А. Неймана [Российско-монгольское 2019: 169]. Через штаб командующего войсками Сибири и Дальневосточный секретариат Коминтерна их перебросили в Монголию. По прибытии в Маймачен (ныне Алтан-Булак) калмыков принял главнокомандующий Монгольской армии Д. Сухэ-Батор. В начале июня 1921 г. в окрестностях Маймачена монгольская армия совместно с 36-м артдивизионом Экспедиционного корпуса уже приняла первый бой [Российско-монгольское 2019: 146; Бимбаев 1981: 61]. А в конце июня войска⁷ двинулись на Ургу, которая была освобождена в июле [Российско-монгольское 2019: 182, 186], в результате состоялась «передача власти старым монголправительством [монгольское правительство. — К. О.] новому нарревправительству [народно-революционное правительство. — К. О.]» [Российско-монгольское 2019: 186].

Первым военным комендантом столицы Монголии стал Х. Б. Кануков⁸, его помощ-

ником — Буур (Борис) Учурович Юнзуков (в Монголии стал называться Церен-Дорджи Номинхановым), начальником ургинской тюрьмы — Ц.-М. Очиров [НА РК. Ф. 3.137. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]. Работа коменданта заключалась в выявлении контрреволюционеров, налаживании быта, а также охране правительственных и государственных учреждений столицы, регистрации граждан и постановке на учет иностранцев, помощи в расквартировании советских и монгольских военных, прибывавших в Ургу, и др. После отъезда Х. Б. Канукова в Кобдо по решению монгольского правительства военную комендатуру Урги возглавил Ц.-Д. Номинханов [Оглаев 1973: 33].

В августе 1921 г. в Урге была создана высшая военная школа (по документам из Центрального архива ФСБ России — училище [Монголия в документах 2019: 480]) с четырьмя отделениями: пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным [Российско-монгольское 2019: 204]. Учеба с учетом местных условий проводилась по программе обучения младшего командирского состава Красной Армии. Руководителями учебного процесса стали советники П. М. Толпыгин и И. Вокунаев (Х. Б. Кануков). Уже с 1926–1927 гг. начался выпуск «командиров, артиллеристов, пулеметчиков, связистов, хозяйственников, политработников со средним военным образованием» [Монголия в документах 2019: 480].

Однако предстояла дальнейшая борьба по окончательному освобождению страны (западной части Монголии), и монгольское правительство обратилось с просьбой к советскому правительству отложить вывод войск [Российско-монгольское 2019: 185, 187, 231, 232]. Вторую группу командиров и красноармейцев (50 человек) во главе с М. Лиджиевым и третью группу (42 человека) под командованием М. Шапшукова объединили в единый Отдельный калмыцкий эскадрон и отправили в Монголию в декабре 1921 г. Они выполняли те же задачи, обучая монгольских цириков [С интернациональной миссией 1970]. В общей сложности эти группы калмыков находились в стране от трех до пяти лет. Монголия высоко оценила боевые заслуги калмыков, наградив некоторых орденом Красного Знамени, «торгута Вахунаева» (т. е. Вакунаева (Х. Б. Канукова). — К. О.), помимо ордена,

⁶ В документах и научной литературе также встречается написание Вакунаев.

⁷ По сведениям акад. АН МНР Б. Ширендыба, в состав Экспедиционного корпуса советских войск входили две бригады 35-й дивизии, 5-я кавалерийская дивизия и отдельная Сретенская кавалерийская бригада [Ширендыб 1971: 255].

⁸ Далее его военная карьера продолжилась в качестве советника разведывательного отдела штаба монгольской армии, инструктора первой регулярной монгольской кавалерийской бригады.

еще 500-ми тугриками [Бимбаев 1981: 62; Российско-монгольское 2019: 245]. Случались и перегибы в работе советских инструкторов и военных специалистов: так, в письме поверенного в делах РСФСР в Монголии В. И. Юдина заместителю начальника отдела пограничной охраны Ф. И. Бонову сообщалось о расправах над гражданами и солдатами⁹, к которым привлекались и калмыки [Монголия в документах 2019: 36].

Дальнейшая военная служба Х. Б. Канукова продолжилась в Западной Монголии, в апреле 1922 г. его направили помощником уполномоченного монгольского правительства в Кобдоском округе с одновременным исполнением обязанностей начальника разведки и политотделов округа. В Кобдо с Х. Б. Кануковым находился инструктор кавалерийского полка калмык Кульцмеев¹⁰ («происходит из торгоутцев (член партии)») [Монголия в документах 2019: 89].

С 1 июля того же года Х. Б. Кануков — начальник штаба Кобдоского военного округа и его военный руководитель. В округе он организовал 1-й и 2-й кавалерийские полки: один состоял исключительно из халха-монголов, другой — из монгольских («местных»¹¹) дербетов. Обучение цириков проходило через переводчика, их обучали строевой подготовке, ежедневно велись политзанятия. Х. Б. Кануков составил программу обучения цириков, организовал полковую школу для младшего комсостава, в котором велись занятия как общеобразовательного уровня, так и, естественно, «по-

⁹ Согласно документу, «монголы с монголами же расправляются, а казнить русских представляют же русским же — тов. Шлихту, нашим торгутам» [Монголия в документах 2019: 36]. (Шлихт являлся следователем Государственной внутренней охраны (ГВО) — см.: [Монголия в документах 2019: 36]).

¹⁰ В списке калмыков, работавших в 1923 г. в различных войсковых частях и военных организациях Монголии, значится Цецен Кюльценгеев. Возможно, речь идет о нем [С интернациональной миссией 1970: 139].

¹¹ В Кобдоском крае с XVIII в. расселены ойраты-дербеты, которые в этногенетическом отношении являются родственными калмыцким дербетам. Потому калмыцкие инструкторы, среди которых были и калмыки-дербеты, уточняли, когда речь шла о местном дербетском населении.

литического просвещения» [Оглаев 1981: 37]. Взаимоотношения с инструкторским составом сложились доверительные, монголы с уважением относились к своим, как они считали, учителям [Монголия в документах 2019: 89]. К августу 1923 г. в различных войсковых частях и военных организациях МНР насчитывалось 76 калмыков, местами их службы являлись Урга, Тамсаг Булаг, Кобдо, Дариганга, Гурван Байн, Солонкер, Замын Уд [С интернациональной миссией 1970: 139–142].

К 1923 г. монгольская армия состояла «из одной бригады двухполкового состава, артдивизион¹², пулькоманда и военного училища» [Монголия в документах 2019: 17] численность бойцов насчитывала 3 132 воинов, из них 1 600 — в регулярной армии, остальные в территориальных войсках, на вооружении были «огнеприпасы: 2 000 000 японских патронов, 1 200 трехдюймовых снарядов и одна бронемашина» [Монголия в документах 2019: 17, 18]. В 1924 г. большая часть калмыков, находившихся в Монголии, покинула страну [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10 с. Д. 9-а]. Однако из доклада уполномоченного Коминтерна в Монголии Т. Р. Рыскулова в ИККИ от 2 ноября 1924 г. выясняется, что потребность в инструкторах не отпала, их следовало «обеспечить инструктажем и командным составом», а именно «русско-бурятским элементом». Но, как продолжал Т. Р. Рыскулов, «из бурят составить части невозможно, потому что их набрать почти не из кого, т. е. людей не найдется, а потом монголы к наплыву бурят отнесутся отрицательно» [Монголия в документах 2012: 312–313].

Помощь Монголии калмыкам и проект переселения калмыков в Монголию

Монголия в свою очередь внесла сильную помощь в период голода в Калмыкии в 1921 г. В Урге была создана специальная комиссия по сбору средств голодающим под руководством Ц.-Д. Номинханова (хотя первоначально главой комиссии калмыцкая сторона назначила Вокунаева [Наранжаргал 2014: 51]), в июле 1922 г. был сделан первый финансовый перевод голодающим калмыкам: монгольское правительство разово внесло свыше 4 000 руб. за счет процентного отчисления из заработной платы госслужащих. К марту 1923 г. из Монголии

¹² Так в источнике.

было отправлено 1 000 голов скота и 15 000 лан серебра [С интернациональной миссией 1970: 23; Оглаев 1973: 35; История Калмыкии 2009: 323; Бадмаева 2010: 174–175; Наранжаргал 2014: 51].

В 1922 г. в правительство Монголии поступила просьба разрешить прибыть в страну членам областного комитета (Калмыцкое представительство) для сбора пожертвований голодающим калмыкам. В январе 1923 г. монгольское правительство выступило с инициативой переселения голодающих калмыков в Монголию с предоставлением им земли, скота и жилищ — юрт¹³. Повторное приглашение было направлено в марте того же года, однако последовал твердый отказ МИДа РСФСР. Находившийся в это же время в Западной Монголии Х. Б. Кануков подготовил свой проект переселения и в Кобдоский округ Монголии части донских калмыков для оказания помощи в землеустроительных работах¹⁴, при этом прилагался список возможных переселенцев с указанием возраста, места жительства, семейного положения, партийной принадлежности и наличия «специальных знаний» [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200об.].

Разработка Х. Б. Кануковым проекта переселения части донских калмыков в Монголию вызывает недоумение, обращает на себя внимание то, что в проект были включены только донские калмыки-инструкторы. Ведь в 1920 г. именно он воспротивился вхождению сальских (донских) калмыков в состав Калмыцкой автономной области, в которую на основании провозглашенной на I Общекалмыцком съезде советов «Декларации прав трудового калмыцкого народа» должны были войти территории с преимущественным калмыцким населением Астраханской, Ставропольской, Царицынской губерний, Терской и частично Донской областей [Кринко 2019: 790]. Делегат съезда Х. Б. Кануков, следовавший через Элисту в Чилгир, подрался с председателем Манычского улусного исполкома, военкомом и военруком улусного военкомата [История Калмыкии 2009: 279].

¹³ Подробнее см.: [Наранжаргал 2014: 54–55].

¹⁴ В частности, предлагалось создать специальный межевой отдел в министерстве финансов Монголии, организовать курсы для подготовки землеустроителей.

Этот «инцидент» не прошел даром: его арестовали на весь период съезда, что впоследствии и вылилось в дальнейшие события. А произошло следующее. Практически через месяц (5 августа) в станице Великокняжеской внезапно был созван I съезд калмыков Сальского округа, в котором приняли участие жители 12 станиц Донобласти (всего 46 делегатов), за исключением Эркетеневской, граждане которой пожелали остаться в составе Автономной области [Кринко 2019: 790].

Инициаторы проведения съезда были ближайшими соратниками Х. Б. Канукова, поэтому никто не сомневался, связывая оба события (съезд в Чилгире и «инцидент» с Кануковым). Решение делегатов не стало неожиданностью: они отказались «входить в административное управление Автономной области Калмыцкого исполкома», оставшись в подчинении Сальского исполкома Донской области», но отдельным калмыкам не возбранялось при желании «выйти из Донобласти в автономную Калмыцкую область» (цит. по: [Кринко 2019: 791]).

Дальнейшие перипетии событий, последовавшие после съезда, не изменили ситуацию: «территория проживания сальских калмыков осталась в составе Донской области» (подробнее см.: [Кринко 2019: 791–795]). Конечно, арест «крупного военного и политического деятеля... по происхождению донского калмыка» в самый ответственный момент провозглашения автономной области и принятого решения Общекалмыцкого съезда объединить разрозненные территории проживания калмыков, избрание Х. Б. Канукова в состав облисполкома сыграли существенную роль в «решении выйти из-под контроля Калмыцкого ЦИК», но были и более глубокие причины в потере части территории (подробнее см.: [Кринко 2019: 796]).

Прежде всего, вопрос о вхождении донских калмыков в состав автономии был связан с земельным вопросом. Что могли означать, с одной стороны, проект переселения части донских калмыков в Кобдоский округ Монголии, с другой — демонстративный демарш против решения I Общекалмыцкого съезда об объединении разрозненных калмыцких территорий? Да и по времени эти события очень близки. Парадокс, заглаживание вины или осознание скоропалительных

решений? Думаю, эти вопросы еще будут в фокусе внимания исследователей. По крайней мере, в список возможных переселенцев в Монголию были включены донские калмыки-инструкторы, первым же числился сам Харти Кануков, 40 лет, о котором автор проекта указал, что он уже проживает в г. Урге, в Монголии, «член Р.К.П с 1918 года», «учитель, военный организатор» [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200об.]. По сведениям Н. Наранжаргала, монгольское правительство предложило переселить 70 семей калмыков [Наранжаргал 2014: 54].

Совместные экспедиции в Тибет

Вероятно, не будет преувеличением сказать о развитии двусторонних взаимоотношений в свете совместных экспедиций калмыков и монголов в Тибет. Вопрос об экспедиции в Тибет¹⁵ обсуждался в НКВД осенью 1920 г. [Монголия в документах 2012: 58]. Наряду с другими в обсуждении приняли участие монголы Х. Чойбалсан, Д. Сухэ-Батор, С. Данзан и Д. Бодоо, буряты А. Доржиев, Э.-Д. Ринчино и калмык А. Амур-Санан. Перед участниками «небольшой секретно-рекогносцировочной экспедиции» ставилась задача установить связь между РСФСР и Тибетом, провести сбор информации о стране и подготовить почву для будущих официальных переговоров между советским и тибетским правительствами. На экспедицию было выделено 6 200 руб. серебром, 200 аршин парчи, четыре винтовки-карабина и автоматическое ружье Шоша для охраны. По результатам экспедиции один из его членов должен был добраться до Афганистана и по радио сообщить итоги поездки в Наркоминдел [Монголия в документах 2012: 59]. Проработка детальной инструкции была возложена на А. Доржиева и Э.-Д. Ринчино, а также на акад. Ф. И. Щербатского [Андреев 2006: 231]. Ее возглавил один из военных инструкторов кавалерийской бригады МНРА донской калмык В. А. Хомутников (псевдоним — Санджи Кикеев); кроме него в состав вошли шестеро калмыков и один бурят. В выборе Хомутникова главой экспедиции

¹⁵ Тибет рассматривался как траектория движения мировой революции на Восток. Экспедицию планировалось снарядить в Урге, в ее состав включить калмыков и бурят в качестве паломников [Андреев 2006: 229, 230].

не последнюю роль сыграло то, что при Далай-ламе личным секретарем состоял донской калмык Шарап Тепкин, впоследствии ставший Ламой калмыцкого народа [Бакаева 1997: 9–17; Бакаева 2001: 213–324].

Из Урги отряд выступил в сентябре 1921 г. и достиг Лхасы 9 апреля 1922 г. Аудиенция с Далай-ламой XIII состоялась в Потале, переводчиком выступил Ш. Тепкин. Экспедиция покинула Лхасу 1 мая 1922 г. В отчете, поданном в НКВД, Хомутников подробно проинформировал о политической и хозяйственной жизни Тибета, политических взглядах Далай-ламы и некоторых членов тибетского правительства, отношениях Тибета с Китаем и Англией. В Москве с одобрением приняли отчет Хомутникова об экспедиции, результатом которой стало «восстановление отношений между Россией и Тибетом», и наградили его в 1925 г. орденом Красного Знамени [Выдающийся сын 2012; Бембеев 1991; Убушаев, Надбитов 2015: 122–125].

В 1927 г. Хомутников возвратился в Монголию, возглавил кавалерийскую школу МНРА, а затем продолжил работу в Джаргаланте инструктором 4-го Отдельного кавполка, в 1929 г. он покинул Монголию [Выдающийся сын 2012: 10].

Следующую экспедицию («дипломатическая миссия») в Тибет возглавил заместитель уполномоченного НКВД в Монголии С. С. Борисов (в экспедиции фигурировал под псевдонимом Цэрэндоржи), в нее входили также калмыки и буряты. Главной задачей ставилось «установление двустороннего соглашения и борьба против английской экспансии» [Андреев 2006: 253]. Среди прочих вопросов, Борисову предстояло обсудить возможность отправки в Тибет военных инструкторов-калмыков и бурят, если «тибетское правительство возьмет на себя расходы по их проезду и проживанию» [Андреев 2006: 259].

Группа Борисова выехала из Урги в конце января 1924 г., в Лхасу добралась в августе 1924 г., встреча с Далай-ламой состоялась на следующий день по приезде. В Тибете группа Борисова пробыла около трех месяцев и в мае 1925 г. вернулась в Москву. Переговоры Борисова ни к чему не привели, соглашение между странами не было подписано (подробнее см.: [Андреев 2006: 263, 264, 268]).

В 1926 г. в Тибет вновь снаряжается советско-монгольская миссия («неофициальное представительство СССР под видом представительства МНР») во главе с калмыком А. Ч. Чапчаевым (формально в должности советника при монгольском поселе), в состав вошли восемь человек, среди них сотрудники МИД МНР Гомбодчийн и секретарь Амуланг¹⁶ и лама Гэндэнсодном, бурятский лама в качестве переводчика и два калмыка, бывшие инструкторы МНРА — Мацак Бимбаев и Шагдыр Лундуков [Андреев 2006: 287, 288]. Миссия отбыла в октябре 1926 г. и прибыла в Лхасу в мае 1927 г. Далай-лама выяснил, что прибыла не паломническая группа из Монголии, а «красные монголы», что сразу же осложнило положение миссии, А. Ч. Чапчаев в течение практически пяти месяцев безуспешно пытался добиться аудиенции Далай-ламы, и только в октябре 1927 г. встреча состоялась [Андреев 2006: 291]. Результаты беседы оказались провальными для монгольской и советской сторон: Далай-лама отказался от дипломатического обмена представителями и не проявил внимания к заключению дружественного договора между Тибетом и Монголией, что и являлось главной целью миссии. Единственное, чего добился А. Ч. Чапчаев, — это согласие на торговые («неофициальные») операции СССР в Тибете [Андреев 2006: 293]. За время пребывания в Лхасе М. Бимбаеву удалось собрать сведения о тибетской армии, ее вооруже-

¹⁶ Имеются в виду Гомбо-Идшин Л. — чиновник МИД Монголии, Амгалан — управделами МИД Монголии. Помимо других задач миссии, монголы имели особые поручения своего правительства: «установить дружественные отношения между Монголией и Тибетом, провести религиозные обряды по случаю кончины Богдо Джебцундамбы у Далай-ламы, ...получить официальное благословение Далай-ламы по вопросу выявления следующей реинкарнации Богдо», скончавшегося в 1924 г. [Батсайхан 2018: 357]. Выявление реинкарнации Богдо-гэгэна VIII действительно входило в планы монгольских посланников, об этом свидетельствует информация ламы Гэндэнсоднома: «...будучи озабочен судьбой своего Богдо Джебцундамба-хутухты, обращался к видному перерожденцу красной секты Санджи-Панчену с просьбой указать вновь переродившегося Богдо» [Монголия в документах 2019: 166].

нии, побывал он и на учебных стрельбах, привез много фотографий [Андреев 2006: 299]. Монгольские посланники представили монгольскому правительству и ЦК МНРП свой отчет относительно выяснения реинкарнации Богдо-гэгэна [Батсайхан 2018: 359–361].

Отдельного внимания заслуживают сведения торгового представителя Тибета Няньдигла (Нандигла)¹⁷ в Монголии, зафиксированные в информационном сообщении ОГПУ Бурят-Монгольской республики от 11 ноября 1929 г., где он характеризует главу советско-монгольской миссии А. Чапчаева: «я много помогал ему [Чапчаеву. — К. О.] в Лхасе при свидании с высшими чинами и самим Далай-ламой, но вскоре я на опыте убедился, что во время обратного следования по пути в Монголию, что он — нехороший человек, не может держать себя при дипломатических и прочих разговорах. Человек весьма нервно настроенный, злой, в нем отсутствует минимальная доля добродушия, весьма с большим сомнением, упрямый и жестокий на словах. ...Мы все время не ладили с Чапчаевым и его спутниками. По-моему, он человек недостаточно образованный и главное, недостаточно воспитанный. Думаю, что он мог бы быть хорошим слугой в доме, а не вести дипломатическую работу. Будучи в Лхасе, Чапчаев ругался с секретарем Далай-ламы за то, что тот не ускоряет дела свидания с Далай-ламой. Вообще он старался не подчиняться законам страны, которые, кстати, писались действительно не по характеру Чапчаева. ... Частенько выпивая, Чапчаев говорил совершенно безответственные слова тибетцам в Лхасе (какие именно безответствен. слова, Няньдигла уклонился сказать)» [Монголия в документах 2019: 222, 223]. Нелицеприятная оценка и характеристика главы миссии вполне объяснимы. Вероятно, А. Ч. Чапчаев, удрученный провалом миссии, позволил себе неадекватное поведение. Однако, будучи восточным человеком (не говорю о

¹⁷ В течение 15 лет работал торговым представителем Далай-ламы в Монголии, в 1927 г. вернулся в Монголию с делегацией Чапчаева [Монголия в документах 2019: 222]. По сведениям А. Андреева, по возвращении из Лхасы в Улан-Батор М. Бимбаев получил от Няньдигла данные о тибетских оружейных заводах [Андреев 2006: 299, 300].

его религиозной составляющей, он считал себя атеистом), вряд ли А. Ч. Чапчаев позволил столь недостойно, как описывается в информационном сообщении, вести себя на почитаемой буддистами священной земле, осознавая, сколько глаз и ушей наблюдают за ним, а главное — понимая необходимость во что бы то ни стало выполнить задание советского правительства. Смею предположить, что имели место личностные взаимоотношения.

Заключение

Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 1920-х гг. свидетельствует о динамичном развитии отношений в рамках военной и гуманитарной помощи. Калмыки-инструкторы в конечном счете выполнили свою

задачу, хотя бы на первых порах привести монгольскую армию в относительно бое-способное состояние, монголы же протянули руку помощи в тяжелый для калмыков период голода. Включение в составы экспедиций в Тибет в 1920-гг. калмыков и бурят (две экспедиции возглавляли калмыки) также свидетельствует о понимании советским руководством значимости религиозной и этнической принадлежности сотрудников миссий. Дополнительные материалы показали также, что при выстраивании отношений руководство калмыков и монголов прежде всего исходило из родственных связей между народами, языковой и культурной общности. Немаловажную роль имела религиозная идентичность.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия
 Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
 Монголия в документах 2012 — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
 Российско-монгольское 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. Ч. I. М.: Граница, 2019. 359 с.

Литература

- Андреев 2006 — *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.
 Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2010. 544 с.
 Бакаева 1997 — *Бакаева Э. П.* Лувсан Шараб Тепкин и его время // Шамбала. 1997. № 5–6. С. 9–17.
 Бакаева 2001 — *Бакаева Э. П.* Глава калмыцкой церкви (шаджин-лама): процедура избрания // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: ИВ РАН, 2001. С. 213–324.
 Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
 Bazarov B. V. (ed.) Mongolia in Documents of the Comintern: 1919–1934. Vol. I: 1919–1929. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2012. 527 p. (In Russ.)
 Kudryavtsev I. I. et al. (comps.) Russia-Mongolia Military Cooperation: 1911–1946. Collected Documents. Vol. I. Moscow: Granitsa, 2019. 359 p. (In Russ.)
 Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)

связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925

- Батсайхан 2018 — *Батсайхан О.* Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2018. 406 с.
 Батунаев 2016 — *Батунаев Э. В.* Монголия: от революции 1921 г. до провозглашения независимости // Власть. 2016. № 7. С. 183–186.
 Бембеев 1991 — *Бембеев В. Ш.* Человек из легенды. Элиста: Издат. центр «Контекст», 1991. 187 с.
 Бимбаев 1981 — *Бимбаев М. Т.* Дорогой братства // Теегин герл. 1981. № 4. С. 59–65.
 Выдающийся сын 2012 — Выдающийся сын калмыцкого народа. Элиста: Герел, 2012. 23 с.

- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. II. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Кринко 2019 — *Кринко Е. Ф.* Сальский инцидент, или О том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 787–798. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798
- Курас 2016 — *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX века / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Лузянин 2000 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.
- Наранжаргал 2014 — *Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба халимагуудыг Могол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (= О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и о переселении калмыков в Монголию) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 3. С. 50–56.
- Наранжаргал 2015 — *Наранжаргал Н.* Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. № 2. С. 31–34.
- Оглаев 1970 — *Оглаев Ю. О.* Введение // С интернациональной миссией. Воспоминания участников монгольской народной революции / под общей ред. И. Я. Златкина, сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 6–28.
- Оглаев 1973 — *Оглаев Ю. О.* Двадцать семь месяцев в народной Монголии (май 1921 – август 1923 гг.) // *Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вестн.* 1973. № 4. С. 30–36.
- Оглаев 1981 — *Оглаев Ю. О.* На земле братской Монголии // В бою – в одном экипаже, в труде – в одной бригаде. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 33–44.
- Роцин 1999 — *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- С интернациональной миссией 1970 — С интернациональной миссией. Воспоминания участников монгольской народной революции. Под общей ред. И. Я. Златкина, сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 142 с.
- Убушаев, Надбитов 2015 — *Убушаев В. Б., Надбитов М. В.* Спецкомандировка героя Гражданской войны в России Василия Хомутникова в Тибет к Далай-ламе XIII // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 6 (2). С. 122–125. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-122-125
- Хишигт 2011 — *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2011. № 3. С. 19–35.
- Ширендыб 1971 — *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 г. Сокр. пер. с монг. яз. М.: ГРВЛ, 1971. 398 с.

References

- A Prominent Kalmyk (V. Khomutnikov, 1891–1945). Elista: Gerel, 2012. 23 p. (In Russ.)
- Andreyev A.I. Russia and Tibet: A History of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Policy. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Narthang, 2006. 464 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. Lower Volga Region, 1921–1933: Experience and Results of the Government’s Socioeconomic Policy. Elista: Dzhangar, 2010. 544 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: a case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Bakaeva E. P. Head of the Kalmyk Church (Shajin Lama): election procedures. In: *Mongolian Studies in Russia*. Vol. V. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2001. Pp. 213–324. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Luvsan Sharab Tepkin and his time. *Shambhala*. 1997. No. 5–6. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Batsaikhan O. 8th Jebtsundamba Khutukhtu: The Last Great Khan of Mongolia. Life and Legends. Moscow: KMK Science Publ., 2018. 406 p. (In Russ.)
- Batunaev E. V. Mongolia: from the Revolution of 1921 till independence. *The Authority*. 2016. No. 7. Pp. 183–186. (In Russ.)
- Bembееv V. Sh. The Man of Legends. Elista: Kontekst, 1991. 187 p. (In Russ.)
- Bimbaev M. T. Following the path of brotherhood.

- Teegin gerl*. 1981. No. 4. Pp. 59–65. (In Russ.)
- Khishigt N. Restoring the independence of Mongolia: 1911–1921. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 3. Pp. 19–35. (In Russ.)
- Krinko E. F. The Salsk Incident: or how Autonomous Oblast of the Kalmyk Working People was never joined by the Don Kalmyks. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 787–798. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in the Revolutionary Upsurge: 1900s–1920s. B. Bazarov, M. Baldano (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia–Mongolia–China Relations in the Early-to-Mid-20th Century: Political Affairs, 1911–1946. Moscow: Institute of Far eastern Studies (RAS), 2000. 268 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. et al. (eds.) History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days. In 3 vols. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Naranjargal N. New sources on the first Mongolian delegation in the USSR. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 2. Pp. 31–34. (In Russ.)
- Naranjargal N. On the famine in the Volga Region in the 1920s and on the issue of the Kalmyks' resettlement to Mongolia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 50–56. (In Mong.)
- Oglaev Yu. O. Introduction. In: Zlatkin I. Ya. (ed.), Oglaev Yu. O. (comp.) For the International Cause: Mongolian Revolution of 1921, Memoirs of Immediate Participants. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. Pp. 6–28. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. On the land of brotherly Mongolia. In: Oglaev Yu. O. Together in Combat and Labor. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. Pp. 33–44. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Twenty seven months in the Mongolian People's Republic: May 1921 – August 1923. Tseren-Dordzhi Nominkhanov. *Filologicheskie vesti*. 1973. No. 4. Pp. 30–36. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia: 1921–1940. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)
- Shirendev B. Mongolian Revolution of 1921: A History. Moscow: GRVL, 1971. 398 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Nadbitov M. V. Special mission of the hero of the Civil War in Russia Vasily Khomutnikov in Tibet to Dalai Lama XIII. *Historical and Social-Educational Idea*. 2015. Vol. 7. No. 6 (2). Pp. 122–125. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-122-125
- Yaskina G. S. (ed.) History of Mongolia: 20th Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. (ed.), Oglaev Yu. O. (comp.) For the International Cause: Mongolian Revolution of 1921, Memoirs of Immediate Participants. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 142 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 560–571, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-560-571
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 070: 654. 19 (470.57) «1950/1980»

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-560-571

Эпигенез средств массовой информации в Башкирской АССР в 1950–1980-е гг.

Зухра Рамилевна Сабирова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-1685-8901. E-mail: timerbulat2009@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сабирова З. Р., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье с привлечением документальных материалов и статистических сведений рассматривается развитие средств массовой информации в СССР в 1950–1980-е гг. на примере Башкирской республики. *Цель* исследования — показать на широком круге источников период 1950–1980-х гг. в развитии СМИ республики и дать ему характеристику. Для достижения цели были решены следующие задачи: проанализировано поэтапное развитие телевидения, радио и газет — каждого в отдельности; выявлены дифференциации в развитии СМИ; раскрыты общие черты эпигенеза средств массовой информации. *Материалы и методы.* Для исследования использованы архивные материалы на основе методов историзма, синтеза, альтернативности и многомерности в изучении проблемы, а также проблемно-хронологический принцип. *Результаты.* Показаны имевшиеся трудности в печати, на радио, телевидении и меры, которые принимались местными партийно-советскими органами по улучшению материально-технической и кадровой базы предприятий радио, телевидения и печатных органов, по ликвидации проблем «обратной связи с населением», участия населения в подготовке передач и публикаций. Автором уделено внимание политике советского государства по поддержке печатных органов республики, расширению сети телевизионного и радиовещания — в частности, выделению бюджетных средств на строительство новых релейных линий, ремонту действующих линий, улучшению сети сервисных организаций и др. Это способствовало выполнению важной задачи — полному покрытию сетью средств массовой информации территории республики, а значит — широкой пропаганде и агитации, быстрому информированию населения о переменах общегосударственного и республиканского уровня, созданию иллюзии демократичности этих источников информации. Показаны реформирование СМИ, введение новых программ в сетку вещания, изменения в политической цензуре. Активную помощь в

подготовке передач и публикаций оказывало население республики: ученые, общественные и партийные деятели, писатели, поэты. Это способствовало наполняемости и распространяемости масс-медиа. Традиционной оставалась оглядка на политику партии, государства, цензура, поэтому участие жителей Башкирской республики в работе средств массовой информации носило несколько иллюзорный характер, хотя и содействовало успешному расширению содержания всех связей человека с республикой, городом или предприятием, на котором он работал. В процессе развития СМИ в указанные годы большое внимание уделялось обсуждению технических новинок в производстве, новым методам работы, обеспеченности населения социальными объектами и жильем, обмену опытом между республиками и БАССР. Поэтому в эти годы в республике увеличилось количество документальных фильмов, радиопередач «с полей» и «с производства», увеличился тираж газет, открылись новые фабрично-заводские и совхозные печатные органы. *Выводы.* В ходе изучения данной темы автор пришел к выводу, что, несмотря на сложности развития средств массовой информации, наибольшей широты и охвата жизни общества они добились именно в это время.

Ключевые слова: средства массовой информации, телевидение, радио, печать, БАССР, активность общественности в 1950–1980-е гг.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Сабирова З. Р. Эпигенез средств массовой информации в Башкирской АССР в 1950–1980-е гг. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 560–571. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-560-571

UDC 070: 654. 19 (470.57) «1950/1980»

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-560-571

Epigenesis of Mass Media in the Bashkir ASSR: 1950s – 1980s

Zuhra R. Sabirova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 540054, Russian Federation)-

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-1685-8901. E-mail: timerbulat2009@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Sabirova Z. R., 2020

Abstract. Introduction. The article examines the development of Soviet mass media between the 1950s and 1980s through the example of the Bashkir Republic. *Goals.* The paper seeks to show the mentioned period was characterized by the most consistent and qualitative development of mass media. To facilitate this, the following objectives be tackled: analysis of the gradual development of television, radio and newspapers; identification of differences in the development of mass media; clarification of common features inherent thereto. *Materials and Methods.* The work analyzes archival materials, and employs methods of historicism, synthesis, alternative, and multidimensional approach to study the problem; the problem-chronological principle proved as instrumental. *Results.* The paper shows the then difficulties in radio, television and print media, and the measures taken by local party and Soviet authorities to improve the material, technical and personnel aspects, eliminate the problems of ‘feedback from the population’; the latter’s participation in the preparation of programs and publications. The article pays attention to the policy of the Soviet state aimed at supporting the republic’s print media, expanding the network of television and radio broadcasting, in particular, allocation of budget funds for the construction of new relay lines, repair of existing ones, and improvement of the network of service organizations, etc. This resulted in that the whole territory

of the republic got covered with mass media networks. It also facilitated broader propaganda and agitation, faster distribution of information about changes at national and regional levels, creation of the illusion those media sources were essentially democratic. The work describes the reform of the media, introduction of new programs, and related changes in political censorship. Scientists, public and party figures, writers, poets — the population — took an active part in the preparation of programs and publications. This increased completeness and distribution levels of the media. However, during this period people still tended to keep an eye on the policy of the Party / state, and censorship of topics was as actual, which made the participation of Bashkir ASSR's residents in that work somewhat illusory, although it did successfully expand (and strengthen) all ties between an individual — and the republic, city, or factory he / she worked at. The mentioned years witnessed a high demand for discussions over technical innovations, new methods of work, development of social infrastructure and housing, exchange of experiences between the Bashkir ASSR and other Soviet republics. Therefore, in those years, the number of documentaries, radio programs 'from fields' and 'from workshops' — and readership circulation — significantly increased, new printing agencies were established both in urban and rural areas. *Conclusions.* The paper concludes that despite all travails and vicissitudes it is in the 1950s – 1980s that mass media achieved their maximum social comprehensiveness and breadth.

Keywords: mass media, television, radio, print, Bashkir ASSR, public activities in the 1950s – 1980s.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Sabirova Z. R. Epigenesis of Mass Media in the Bashkir ASSR: 1950s – 1980s. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 560–571. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-560-571

Введение

Историография проблемы пока носит скудный характер. Общим вопросам посвящены работы Л. Н. Когана, Н. С. Симонова, В. В. Миркина [Коган 1966: 7–8; Симонов 2013; Миркин 2013: 200–207].

Региональные публикации по истории развития телевидения, радио и печати носят в основном научно-популярный характер [Нуриев 1964: 3–4]. Но есть среди них добротные труды, например, монографии Ф. Т. Кузбекова, К. К. Каримова, Т. И. Ахунзянова, Р. У. Кузыева, А. Утешева и Р. М. Янгирова [Кузбеков 2006; Каримов 2006; Янгиров 2001; Кузиев 1958; Утешев 1962].

Новейшая историография также уделила внимание истории развития средств массовой информации в статьях [Буравцов 2016; Сабирова 2019; Сабирова 2017]. Однако основная масса исследований носит фрагментарный или описательный характер, либо эмпирический и аналитический материал в них устарел. Особенно это наглядно при рассмотрении истории эпигенеза СМИ во второй половине XX в. в таком многонациональном регионе, как Башкирская АССР (далее — БАССР). Ибо период насыщен

изменениями политического и социально-экономического характера. В связи с этим целью данного исследования является изучение динамики развития средств массовой информации в БАССР в 1950–1980-е гг.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы непосредственно из фонда — Комитета по телевидению и радиовещанию Совмина БАССР и Управления издательств и полиграфии БАССР. Объемный и развернутый материал дают также отчеты служащих предприятий в партачейки и высшие партийные органы о работе радио, телевидения и печатных органов, о работе средств массовой информации по выполнению постановлений общегосударственного и республиканского уровня, о планировании и тематических раскладках готовящихся передач и материалов; постановления партийных органов по их работе, замечания и протоколы совещаний Совета министров БАССР. Вполне информативный материал дают и опубликованные источники, в частности периодика указанных лет (статьи на злободневные темы и о новаторском движении, письма в редакцию и т. д.).

В процессе исследования использованы методы историзма, синтеза, альтернативности и многомерности в изучении проблемы, а также проблемно-хронологический принцип.

Динамика развития средств массовой информации в БАССР в 1950–1980-е гг.

Масштабные и глубокие культурные преобразования, произошедшие в Башкирии во второй половине XX в., дали развитие различным национальным культурным переменам. В их основе лежали принципы коллективизма и подъем жизненного уровня населения [Riasanovsky 2000].

В послевоенные годы совершенствование и развитие технических средств распространения культуры — телевидения, радио, печати и книгоиздательства — приобретает еще большее значение. Цель совершенствования заключалась в постепенном подъеме до уровня города духовной жизни тружеников села, сближения и взаимообогащения культуры «социалистических» наций. Одним из главных средств формирования гармонично развитых граждан общества в послевоенный период становится эстетическое воспитание. Эстетические взгляды человека становятся неотъемлемой составной частью его мировоззрения, а также определяющим показателем духовного развития личности.

Телевидение в БАССР в 1950–1980-е гг.

Исходя из решений Третьей сессии Верховного Совета РСФСР (пятого созыва) в 1960 г., Пятая сессия (пятого созыва) Верховного Совета Башкирской республики в декабре 1960 г. постановила в целях развития материальной базы сельских учреждений «...разработать на 1961–1965 г. план строительства учреждений культуры в сельской местности с привлечением средств колхозов, потребительской кооперации и профсоюзных организаций, а также трудового участия населения» [Заседание ВС БАССР 1960: 162].

Государственные органы республики обязаны были приложить все силы, чтобы закончить до конца семилетки сплошную радиофикацию всех сел в Башкирии, иметь стационарную киноустановку в каждом селе, насчитывающем более 50 дворов, завершить охват библиотечным обслуживанием каждого населенного пункта в республике [Заседание ВС БАССР 1960:

159–162]. Этот план был успешно выполнен. К началу 1965 г. в селах Башкирии, где проживало около двух миллионов человек, работало 3 114 клубов и Домов культуры, 1 332 библиотеки, 2 343 киноустановки, 95 книжных магазинов. В домах колхозников, рабочих совхозов и сельской интеллигенции было 135 тысяч радиоприемников, 286 тысяч радиоточек, более 10 тысяч телевизоров [Нуриев 1964: 31].

В 1962 г. в селах Башкирии насчитывалось 1 844 киноустановки. В 1965 г. села обслуживали 2 107 киноустановок, в том числе 1 664 стационарных [Народное хозяйство 1964: 262].

В завершающем году семилетки на каждого жителя республики приходилось в среднем по 17 посещений кино в год [Янгиров 1972: 169].

Развитие кинотехники позволило осуществить демонстрацию фильмов, дублированных на башкирский язык. К началу 1965 г. в республике уже демонстрировалось 162 художественных фильма на башкирском языке, в том числе 54 дублированных и 108 субтитрованных [Янгиров 1972: 174]. Это означало, что каждый четвертый фильм, выходящий на экраны республики, имел копии на башкирском языке.

С 1966 г., после строительства ретрансляционных вышек от центра до Уфы началась трансляция каналов передачи Центрального телевидения. Вначале транслировался только первый канал. С 1967 г. телецентр начал транслировать вторую телевизионную программу из Уфы. Передачи второго канала шли вперемешку с местными передачами. УКВ приставка позволяла смотреть передачи на выбранном зрителем языке.

В годы семилетки в Башкирии утвердился новый вид самодеятельного художественного творчества — кинолюбительство. Участники самодеятельных киностудий средствами кино отражают повседневную жизнь своих трудовых коллективов, знакомят тысячи зрителей с передовиками производства, рассказывают об их отдыхе, творческих устремлениях.

В Октябрьском в 1957 г. кинолюбители организовали выпуск киножурнала «Нефтяной край», который рассказывал о трудовых буднях, учебе и отдыхе нефтяников одного из крупнейших центров Второго Баку. За

полтора года коллектив самодеятельной киностудии подготовил 6 выпусков киножурнала [Фабизуллин 1957: 2; Курбанов 1959: 2; Новиков 1962: 2; Маннанов 1971: 1; Закрепляют успехи 1976: 1].

Фильм «Алмазное бурение», снятый группой научных работников — В. Колокольцевым, Ю. Слеповым, М. Юнусовым, членами любительской киностудии Уфимского нефтяного научно-исследовательского института, демонстрировался летом 1961 г. в Баку на Всесоюзном совещании работников нефтяной промышленности и получил высокую оценку специалистов-нефтяников. В тот же год на II Всесоюзном фестивале любительских фильмов его авторы были удостоены III премии ВЦСПС за удачную пропаганду технического прогресса и внедрение современных технических методов в промышленность [Новиков 1962: 2; Oukaderova 2017].

С 1975 г. телевидение Башкортостана стало цветным. Были построены радиорелейные линии Казань – Уфа, Бураево – Караидель, Салават – Учалы. Это позволило охватить телевидением 85 % населения республики [НА РБ. Ф. П-933. Оп. 9. Д. 2109. Л. 261–262].

Отметим, что советский период, особенно период семилетки, отмечен непрерывным совершенствованием материальной базы культуры, планомерным возрастанием государственных ассигнований на культурное строительство, результатом чего становится стирание существенных различий между городом и деревней, повышение общеобразовательного уровня населения, подготовки специалистов, развития культуры.

Периодическая печать и книгоиздательство

Продолженная советской печатью традиция быть главным источником достоверной и востребованной информации для населения в целом себя оправдала и тогда, когда к средствам массовой информации добавились радио и телевидение, способствовала распространению агрономических, политических, культурно-бытовых и других знаний среди населения.

Помимо газет, журналов, альманахов, листовок и т. д., большую роль играли книги для массового читателя, выпуску которых способствовало созданное в октябре

1922 г. в Уфе и ставшее главным издательством для БАССР во второй половине XX в. объединение «Башкнига». Естественно, что определенную долю в них занимала политическая литература — Устав РКП(б), учебник политграмоты и др. [Куватов 1969: 14], труды классиков марксизма-ленинизма.

С 23 декабря 1940 г. и позже оно входило в ведение Управления издательств и полиграфии. На него возлагалось руководство плановой, организационной, финансовой, административно-пропагандистской деятельностью предприятий [НА РБ. Ф. Р-1927. Оп. 1. Д. 1. Л. 187].

Важной вехой в развитии книжного и газетного дела в Башкортостане, как и в стране, стало выделение в 1953 г. Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит) из системы Министерства внутренних дел СССР в самостоятельное управление в подчинении Совета министров СССР и на местах — Советов министров союзных и автономных республик, исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся. За неимением свободных работников обязанности по выполнению работы Главлита на местах возлагались на ответственных работников аппаратов райисполкомов или райкомов КПСС, утвержденных в вышестоящих инстанциях с надбавкой к зарплате в 300–500 рублей в месяц [НА РБ. Ф. 933. Оп. 9. Д. 1272. Л. 7].

Вторым важным шагом была постановка Советом министров РСФСР перед Министерством просвещения Башкирской АССР, Башполиграфиздатом и Башкирским книжным издательством задачи обеспечить в 1953–1954 гг. издание учебно-наглядных пособий по родному языку и родной литературе для башкирских школ, находившихся в Башкирской АССР и вне автономной республики; создать при Министерстве просвещения Башкирской АССР комиссию по рассмотрению учебно-наглядных пособий по башкирскому языку и башкирской литературе [НА РБ. Ф. 933. Оп. 9. Д. 1241. Л. 88, 90]. В 1950 г. в БАССР по подписке газеты распространялись в количестве 407 тыс. экз. против 310 тыс. в 1940 г. В сельской местности в том же 1940 г. на каждые 4–5 домов приходилось по одному экземпляру, в то время как в 1953 г. каждый колхозный дом получал 1–2 экземпляра [НА РБ.

Ф. 804. Архив Госплана при Совете Министров. Справка о развитии хозяйственных отраслей БАССР в 1940–1953 гг.].

Резко улучшается и качество выпускаемой продукции. Причиной тому улучшение материально-технической базы издательств и типографий, расширение сети книжных магазинов, рост распространяемости выходящей литературы. Совершенствование полиграфической базы издательского дела [НА РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 328. Л. 193] способствовало и качественным изменениям многотиражных ведомственных печатных газет [НА РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 328. Л. 304].

На страницах газет укрепилась рубрика «Партийная жизнь». Большинство материала, как и в довоенный период, было посвящено работе, воспитанию и образованию молодых коммунистов. Широкое освещение на ее страницах получили темы о вовлечении в общественное производство женщин-домохозяек, о роли мастера на производстве, о необходимости изжить простой оборудования, о повышении культуры земледелия, увеличении продуктивности скота, об укреплении экономики колхозов, развитии растениеводства; после военного периода и вплоть до конца 1980-х гг. много внимания уделялось обсуждению на страницах печатных органов социалистических соревнований.

Другой темой газетных публикаций был поиск «собственных ресурсов», например, использование в животноводстве забытого на какое-то время башкирского клевера. Кроме этого, на страницах периодической печати делились опытом с соседними областями и даже республиками, подробно обсуждалась тема развития животноводческих ферм и МТС [Мусалитин 1980: 2].

Интересный материал с 1950-х гг. дают циклы о шефской помощи предприятий сельским районам, большей частью по благоустройству села. Привлекает внимание и обсуждение, а также цифровые данные о повышении денежной доходности на одного трудоспособного в сельхозартелях [Ахунзянов 1970: 114, 119, 120, 123, 125].

Большую популярность приобретает в конце 1950-х и в 1960-е гг. газета «Ленинсы» («Ленинец»), при которой работало молодежное литературное объединение. Издание уделяло много внимания работе с письмами и авторским активом. В 1960-е гг.

в нем публиковались Б. Рафиков, Т. Сагитов, Г. Шафиков, Э. Нуриджанов, Л. Нечаева, А. Зиновьев, М. Гафуров и др., ставшие в будущем известными башкирскими писателями, поэтами, журналистами, учеными, общественными деятелями [Кузбеков 2006: 305].

В 1968 г. на свет появляется журнал «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), а в 1969 г. начинает выходить газета «Вечерняя Уфа». С учетом потребностей сельского хозяйства был налажен выпуск журнала «Сельское хозяйство Башкирии», выходившего 1 раз в месяц тиражом в 10 тыс. экз.

В 1960–1970-е гг. темой, не сходящей со страниц СМИ, была также проблема увеличения зернового производства — эффективные меры повышения урожайности, внедрение новых, высокопродуктивных сортов [Рамазанов 1976: 4].

В 1980-е гг. внимание читателей корреспонденты акцентировали и на экономической теме (получение экономического образования, размышления на тему эффективности предприятий, хозрасчетные формы хозяйствования на селе, ввод самоуправления в бригадных и звеньевых уровнях и т. д.) [Гареев 1979: 2; Камалов 1979: 1]. Все еще важной оставалась рубрика «Уроки новаторства». Проблемные выступления основывались в своем большинстве на письмах читателей. Так на страницах печати появляются публикации на тему наболевших социальных проблем села [Рамазанов 1976: 4; Югары баһа 1977: 3; Утәгәнов 1978: 4; Комиссаров 1980: 4].

Информация с развитием рабселькорского движения стала полнее, их посты в 1968 г. исчислялись 1 630 точками. Их материалы становились предметом обсуждения на бюро райкомов партии. К середине 1970-х гг. численность рабселькоров достигла 30 тысяч человек [Ахунзянов 1976: 54]. Повсеместно стали открываться школы рабселькоров.

Однако все газеты являлись органами соответствующих партийных комитетов, что вело к невозможности открыто обсуждать принципиальные вопросы и вскрывать серьезные недостатки. Все это усугублялось бесконечными одергиваниями со стороны парткомитетов. Но стремление редакторов и корреспондентов охватить все стороны

жизни общества, доступная цена и контроль распространения среди различных социальных слоев обеспечивали газетам стабильный интерес и рост тиража. Застойные явления в политике и культуре нашего государства ранее всего проявились именно в работе средств массовой информации. Критические материалы стали выходить «с оглядкой» на партию.

Отрицательно сказались в 1963 г. и попытка центра ликвидировать национальные газеты и превратить их в переводные версии центральных изданий. Первые действия, по словам Расиха Ханнанова, главного редактора «Кызыл Тан», были предприняты в отношении его газеты и «Совет Башкортостаны». Это вызвало волну протеста журналистов башкирских и татарских изданий, деятелей культуры, литературы, учителей, стихийно собравшихся в один день в здании Союза писателей, а затем прошедших к зданию обкома БАССР. Как отметил Р. Ханнанов, «очевидно, протест в Москве был принят к сведению. Возможно, и в других республиках были аналогичные акции, и это сыграло роль, но факт, что в ЦК в итоге пошли на компромисс. Приняли сначала решение печатать как дубляж главной русскоязычной газеты три первые страницы республиканских национальных газет, а под оригинальные материалы, художественные произведения на национальных языках выделить последнюю полосу. Однако после критики и такого решения оставили самостоятельные национальные газеты, как есть, и просто сократили бюджет их финансирования на 10 %» [Писатель Расих Ханнанов 2006].

Как бы то ни было, в этот период вышло только 8 изданий на башкирском языке: республиканские «Совет Башкортостаны», «Башкортостан пионеры», «Һәнәк» («Вилы»), «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), «Пионер», «Башкортостан укытусыһы» («Учитель Башкортостана»), «Агидель» и бурзянская «Тан». При этом дубляжных вариантов — 23 [Тимербулатов 2020: 43].

Средства массовой информации прошли большой путь качественного развития в XX в. Наибольшей широты и охвата жизни общества они добились именно во второй его половине. Источником их функционирования была в основном информация мест-

ного характера, которая рассказывала о взаимосвязи человека с республикой, городом или предприятием, на котором он работал. Это позволяло говорить о насущных проблемах социально-экономического, политического, культурного, демографического развития региона и страны в целом, включить в обсуждение их самые различные слои населения как в возрастном и социальном смысле, так и гендерном, и национальном [The Socialist Sixties 2013].

Радио и радиофикация

Радио, в свою очередь, как мощное идеологическое оружие, пришедшее в республику еще в 1919 г., в течение всего периода своего существования решало и решает часть общеобразовательных и социальных проблем, задачи пропаганды и агитационно-массовой работы, повышения грамотности и культуры населения, полезного досугового времяпровождения [Wolfe 2005; Zerneva 2001: 14710–14715].

Для популяризации радиодела, а также для информирования населения о новинках радиоизобретательства и для обучения его самостоятельному обращению с радиоаппаратурой, в 1950-е гг. стали выходить различные журналы и газеты, посвященные радио, радиолобительству, радиоспорту и пр.: «Радио всем», «Радиофронт», «Радиолобитель». При станциях юных техников подростков обучали принципам работы радиосвязи, а в ассортимент игрушек были включены самосборные радиоточки.

Радиосвязь БАССР с Баку, Ташкентом, Алма-Атой, Владивостоком, Куйбышевом, Москвой, Оренбургом, Хабаровском берет свое начало в 1941 г., когда несколько коротковолновых радиопередатчиков ДРК-150, эвакуированных из Москвы для связи с отдельными городами СССР в диапазонах волн 25–50 и 19–31 м, установили в здании РВ-37 в Уфе, а в д. Дмитриевка Уфимского района построили приемный пункт радиостанции РВ-37. Республика могла делиться своими новостями с самыми разными уголками государства, а наши слушатели быть в курсе их жизни. Этот опыт лег в основу радиожурнала «Между Волгой и Уралом», который впервые вышел в эфир в 1958 г. Нашу республику слышали жители Татарской, Чувашской, Удмуртской, Мордовской и Марийской АССР.

В послевоенные годы уделялось большое внимание радиофикации сельской местности, увеличению мощностей радиоузлов в районах республики и в Уфе. Планирование строительства радиотрансляционных линий основывалось уже на полной радиофикации объектов машинотракторных станций и населенных пунктов при них [НА РБ. Ф. Р-933. Оп. 9. Д. 1276. Л. 160].

Техническая работа радиовещания в БАССР развивалась в соответствии с проектом генеральной реконструкции радиосети, которым предусматривалось новое узлообразование сооружений радиофикации с учетом перспективы развития населенных пунктов. Этому способствовала Пятая сессия (пятого созыва) Верховного Совета Башкирской республики в декабре 1960 г., которая постановила в целях развития материальной базы сельских учреждений «...разработать на 1961–1965 годы план строительства учреждений культуры в сельской местности с привлечением средств колхозов, потребительской кооперации и профсоюзных организации, а также трудового участия населения» [Заседание ВС БАССР 1961: 162].

Этот план был успешно выполнен. К 1964 г. в республике было построено 320 радиоузлов, радиофицировано 1 080 населенных пунктов, число радиоприемных и телевизионных установок на селе увеличилось на 159 тысяч и составило 20 установок на 100 человек [НА РБ. Ф. П-933. Оп. 9. Д. 1828. Л. 229–233].

Новая генеральная схема радиофикации 1973 г. предусматривала развитие стационарных и линейных сооружений в соответствии с планом застройки и интенсивную модернизацию устаревшего оборудования. Кроме того, как признавали сами работники радио, «У радио появился серьезный конкурент — телевидение. Поэтому, чтобы выдержать конкуренцию, надо искать, создавать интересные передачи на очень высоком идейно-художественном уровне», такие как, например, передача «„Именем закона и совести“»; «уделять больше внимания экономической реформе и хозяйственному расчету» [НА РБ. Ф. П-9860. Оп. 1. Д. 18. Л. 28].

В передачах чаще стали обсуждаться проблемы экономии сырья, механизации и автоматизации трудоемких процессов производства, увеличения продуктов сельского хозяйства и снижения их себестоимости.

Появились новые рубрики — «трибуна рабочего» и «трибуна труженика села» [НА РБ. Ф. П-9860. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–5, 105], «Голоса друзей» (стихи поэтов других регионов), «На экране сельские таланты».

Работе редакции радио «мешали нехватка гонораров, частое перемещение кадров и их текучесть», одной из причин текучести была необеспеченность работников радио квартирами. На качестве подготовки передач сказывался «частый отрыв работников на хозяйственные нагрузки (мясокомбинат, заготовку овощей, картофеля и т. д.), ... по заданию исполкома Ленинского райсовета машины радио отвлекали на другие нужды» [НА РБ. Ф. П-9860. Оп. 1. Д. 19. Л. 103–105].

В 1960–1970-е гг. радио достигло успеха в культурно-просветительной работе, выросло тематическое разнообразие радиопередач. Однако определяющее воздействие на работу радио оказывали подготовка и празднование знаменательных дат, партийные и государственные органы продолжали нацеливать редакторов и корреспондентов на усиление идейного воспитания населения, пропаганду марксизма-ленинизма, для чего использовались не только разовые передачи, но и подготовка циклов лекций, выступлений лекторов народных университетов, беседы с передовиками производства и известными личностями [История Уфы 1981: 562–563].

Несмотря на некоторое смягчение политической цензуры в СССР после XX съезда КПСС, она не была полностью отменена. Поэтому работа радио БАССР была подчинена принятому в 1962 г. новому Положению о передачах Всесоюзного радио, в котором предусматривалось конкретное и точное определение содержания и жанра планируемых передач, организация сезонных (осенне-зимней и весенне-летней) сеток вещания; а также принятому в марте 1964 г. постановлению Совмина РСФСР об обязательном наличии радиотрансляционной сети во всех строящихся жилых домах [Симонов 2013: 83]. Следует отметить, что радиовещание в те годы состояло преимущественно из ретрансляции передач центральной программы.

Конечно, внутри БАССР районное радиовещание, транслировавшее передачи на репродукторы и радиоприемники, работало часто на общественных началах, в виде «ра-

диогазеты». Но они все же прочно занимали свое место в культурной и общественно-политической жизни республики, и в 1960-е гг. таких радиогазет было уже более 400 [Сабинова 2017: 71–78].

В составе сотрудников радиогазет — редакционная коллегия, дикторы, корреспонденты. Репродукторы размещались не только в домах колхозников, но и на поле и фермах, в клубах и школах, поликлиниках и больницах. Из них повседневно звучал голос диктора, на родном языке рассказывавшего о новостях района, колхоза, бригады. В подготовку передач вкладывали свое свободное время и опыт рабочие и колхозники, работники культуры и искусства, медицинские работники. Были среди них и сотрудники правоохранительных органов. Привлечение широких масс населения к работе радио, пусть даже на общественных началах, создавало эффект ответной реакции народа в ответ на директивы и пленумы партии, новости страны и мира.

Выводы

В целом в работе республиканских средств массовой информации именно в эти годы произошел качественный рост. Но, несмотря на определенные успехи, до середины 1980-х гг., например, периодическая печать республики страдала однобоким подходом в освещении некоторых значимых вопросов. Не изжила себя привычка «рапортовать» о съездах партии, их подготовке и проведении. Ярко прослеживается в материалах показное и формальное. Несоответствие управленческого аппарата изменившимся условиям, идеологизация жизни, расхождение между словом и делом произвели пагубное влияние и на развитие печати, привело к одностороннему обмену информацией.

Печать призвана отражать природу, внутреннее содержание, интересы и личностные установки народа, проживающего здесь. Это дает ему возможность развивать свою культуру, сохранять язык, формировать чувство духовного единства. Однако в советский период из-за политики «сближения наций» многие стали постепенно утрачивать признаки идентичности. Государственно-идеологическая автаркия, контролировавшая общественную, групповую и личную жизнь человека, сделала прессу

компонентом этого процесса. Считалось, что «получили развитие многонациональные по форме культуры в условиях единой государственности, на основе взаимообогащения» [Янгиров 1972: 168].

Сейчас информационное пространство довольно широко, разнообразно, увеличивается за счет электронных изданий. На фоне общероссийского медиапространства здесь также действуют как государственные издания, газеты и журналы, так и ведомственные, профильные, корпоративные, региональные и т. д. Но отметим, что их современное развитие уходит корнями в постсоветскую и советскую культуру по широте охвата проблематики, принципам привлечения информационных источников.

Технические возможности радио оказались безграничны. Радиосвязь дала впоследствии начало таким современным научно-техническим направлениям, как радиоастрономия, радиометрология, радионавигация, радиолокация и радиоразведка, радиопротиводействие, скачок в развитии которых пришелся на 1950–1970-е гг. Радио было повсеместно популярно и информативно. Именно в эти годы и в СССР, и в БАССР оно получило широкую аудиторию. В отличие от предыдущего периода, когда оно было скорее оповестительным средством для населения, в послевоенные годы и до середины 1980-х гг. радио уже стало таким же незаменимым спутником жизни населения, как и книга, газета, журналы, телевидение. Для многонациональной республики радио выполняло часть задач общеобразовательного и социального характера, осуществляло воспитательные функции среди различных категорий населения, оказывало влияние на уровень грамотности и культуры людей, являлось широкодоступным средством не только массовой информации, но также агитации и пропаганды.

Касательно развития телевидения, телевизионного и кинотворчества во второй половине XX в. можно отметить, что внедрение в повседневную культуру общества телевидения было подхвачено населением с энтузиазмом. Расширение информационного пространства, ознакомление с техническими новинками и в то же время возможность глубокого творческого самовыражения положило начало целому культурному течению, кинолюбительству, которое

неожиданно для государственных органов быстро и стихийно стало наращивать темпы. Но и здесь правительство быстро взяло под контроль инициативу масс.

Важным итогом эпигенеза средств массовой информации в 1950–1980-е гг. в БАССР как для телевидения, так и для радио и печатных органов стало укрепление систематичности в работе, что мы наблюдали в последующие годы и которую мы на-

блюдаем сейчас. Кроме того, произошла все же постепенная «демократизация цензуры». Повысилась роль радио, телевидения, газет и журналов в жизни общества, их массовость в сравнении с предыдущими историческими периодами. Появились новые темы и формы в их профессиональной деятельности, а также новые формы организационно-массовой работы. Обновился характер социальной информации.

Источники

- Фабизуллин 1957 — *Фабизуллин Р.* Техник прогресс нигезендә (= На основе технического прогресса) // *Нефтяник Башкирии.* 1957. № 375 (1184). С. 2.
- Гареев 1979 — *Гареев Д.* На поля — лучшие сорта // *Советская Башкирия.* 1979. № 270 (1919). 25 ноября. С. 2.
- Закрепляют успехи 1976 — Закрепляют успехи // *Советская Башкирия.* 1976. № 2 (18016). 4 января. С. 1.
- Заседание ВС БАССР 1960 — Заседание Верховного Совета Башкирской АССР пятого созыва (пятая сессия), 15–16 декабря 1960 года. Стенографический отчет. Уфа, 1961. С. 162.
- Камалов 1979 — *Камалов А.* Скажется на урожайности // *Советская Башкирия.* 1979. № 84 (19011). 15 апреля. С. 1.
- Комиссаров 1980 — *Комиссаров Ф.* Халык малын кем кәтә (= Кто пасет народный скот) // *Совет Башкортостаны (= Советская Башкирия).* 1980. № 184 (17681). 12 августа. С. 4.
- Курбанов 1959 — *Курбанов С.* Двухдневный экономический семинар // *Советская Башкирия.* 1959. № 74 (11154). 29 марта. С. 2.
- Маннанов 1971 — *Маннанов А.* Слово строи-

- телей Арлана // *Советская Башкирия.* 1971. № 108 (16595). 7 мая. С. 1.
- Мусалитин 1980 — *Мусалитин Б.* Әйткән һүз — аткан ук (= Слово — выпущенная стрела) // *Совет Башкортостаны (= Советская Башкирия).* 1980. 28 мая. С. 2.
- НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
- Народное хозяйство 1964 — Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР. Уфа: Статистика, 1964. 292 с.
- Новиков 1962 — *Новиков М.* В труде мужают // *Советская Башкирия.* 1962. № 87 (11154). 12 апреля. С. 2.
- Рамазанов 1976 — *Рамазанов Ф.* Файзалы һөйләшәү (= Разговор с пользой) // *Совет Башкортостаны (= Советская Башкирия).* 1976. № 132 (16419). 6 июня. С. 4.
- Утәгәнов 1978 — *Утәгәнов М.* Файзалы тармак (= Полезная отрасль) // *Совет Башкортостаны (= Советская Башкирия).* 1978. № 255 (17152). 3 ноября. С. 4.
- Юғары баһа 1977 — Юғары баһа һәм аныҡ бурьстар (= Высокая оценка и конкретные задачи) // *Совет Башкортостаны (Советская Башкирия).* 1977. № 135 (16728). 10 июня. С. 3.

Sources

- National Archive of the Republic of Bashkortostan. Appreciation and specific targets. *Sovetskaya Bashkiria.* 1977, June 10. No. 135 (16728). P. 3. (In Bash.)
- Consolidating success. *Sovetskaya Bashkiria.* 1976, January 4. No. 2 (18016). P. 1. (In Russ.)
- Gabizullin R. On the basis of technical progress. *Neftyanik Bashkiri.* 1957. No. 375 (1184). P. 2. (In Bash.)
- Gareev D. Best cultivars — onto the fields. *Sovetskaya Bashkiria.* 1979, November 25. No. 270 (1919). P. 2. (In Russ.)
- Kamalov A. Supposed to positively impact crop yields. *Sovetskaya Bashkiria.* 1979, April 15. No. 84 (19011). P. 1. (In Russ.)
- Komarov V. N. (ed.) Bashkir ASSR: Public Economy and Culture Building. Ufa: Statistika, 1964. 292 p. (In Russ.)
- Komisarov F. Who herds public cattle. *Sovetskaya Bashkiria.* 1980, August 12. No. 184 (17681). P. 4. (In Bash.)
- Kurbanov S. Two-day economic seminar. *Sovetskaya Bashkiria.* 1959, March 29. No. 74 (11154). P. 2. (In Russ.)
- Mannanov A. Word of those who build Arlan. *Sovetskaya Bashkiria.* 1971, May 7. No. 108 (16595). P. 1. (In Russ.)
- Meeting of the 5th Supreme Soviet of the Bashkir ASSR (Session Five): 1960, December

- 15–16. Verbatim Report. Ufa, 1961. P. 162. (In Russ.)
- Musalitin B. Word as a launched arrow. *Sovetskaya Bashkiria*. 1980, May 28. P. 2. (In Bash.)
- Novikov M. Gaining strength in work. *Sovetskaya Bashkiria*. 1962, April 12. No. 87 (11154). P. 2. (In Russ.)
- Ramazanov G. Productive conversation. *Sovetskaya Bashkiria*. 1976, June 6. No. 132 (16419). P. 4. (In Bash.)
- Utägänov M. Useful sector. *Sovetskaya Bashkiria*. 1978, November 3. No. 255 (17152). P. 4. (In Bash.)
- Литература**
- Ахунзянов 1976 — *Ахунзянов Т. И.* Идеино-политическая направленность печати. М.: Политиздат, 1976. 62 с.
- Ахунзянов 1970 — *Ахунзянов Т. И.* Печать Советской Башкирии. Кн. 2. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 364 с.
- Буравцов 2016 — *Буравцов В.* История средств связи в Уфе // Бельские просторы. № 4 (209), апрель, 2016. С. 130–133.
- История Уфы 1981 — *История Уфы.* Краткий очерк / 2-е изд., исправл. и доп., под ред.: Ганеева Р. Г. (отв. ред.), Болтушкина В. В., Кузеева Р. Г. Уфа: Башкнижиздат, 1981. 608 с.
- Каримов 2006 — *Каримов К. К.* Культура Башкортостана (1917–2000). Уфа: Гилем, 2006. 148 с.
- Коган 1966 — *Коган Л. Н.* Художественный вкус. Опыт конкретно социологического исследования. М.: Мысль, 1966. 213 с.
- Куватов 1969 — *Куватов С. С.* Башкирия издает. Уфа: Башкнижиздат, 1969. 150 с.
- Кузбеков 2006 — *Кузбеков Ф. Т.* Башкирская журналистика как явление этнической культуры. Уфа: Китап, 2006. 382 с.
- Кузыев 1958 — *Кузыев Р. У.* Дүртенсе биш йыллык йылдарында Башкорт АССР-ында культура төзөлөшө (1946–1950 йылдар) (= Культурное строительство в Башкирской АССР в годы четвертой пятилетки). Өфө: [б. и.], 1958. 20 с.
- Миркин 2013 — *Миркин В. В.* К истории советской радиосвязи и радиовещания в 1945–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 200–207.
- Нуриев 1964 — *Нуриев З. Н.* Общие заботы коммунистов города и села // Коммунист. 1964. № 18. С. 2–33.
- Писатель Расих Ханнанов 2006 — Писатель Расих Ханнанов: «Нам пришлось спасать национальные газеты» [электронный ресурс] // Интервью ИА Regions.ru. 18.10.2006. URL: <http://regions.ru/news/2018696/> (дата обращения: 15.02.2018).
- Сабирова 2017 — *Сабирова З. Р.* Радио: техническая новинка на службе революции и строительстве нового государства // Событие и текст: встречи и размышления в библиотеке. Сб. науч. ст. Уфа: Нац. библиотека РБ, 2017. С. 71–78.
- Сабирова 2019 — *Сабирова З. Р.* Телевидение и башкирская наука во второй половине XX века: рука об руку // Урал-Алтай: через века в будущее. Матер. VIII Всеросс. тюркол. конф. (с междунар. участием). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. С. 341–344.
- Симонов 2013 — *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР радиоэлектронной промышленности и средств массовой коммуникации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 276 с.
- Тимербулатов 2010 — *Тимербулатов З. М.* Информационное пространство Башкортостана: состояние и перспективы // Инф.-аналит. мат-лы, посв. Третьему Всемирному курултаю башкир. Инф. бюллетень. № 2 (61). Уфа: Мир печати, 2010. С. 57–62.
- Утешев 1962 — *Утешев А.* Живое слово сельского радио. Уфа: Башкнижиздат, 1962. 74 с.
- Янгиров 1972 — *Янгиров Р. М.* Некоторые вопросы развития культуры Советской Башкирии в годы семилетки (1959–1965) // Общее и национально-особенное в строительстве социализма и коммунизма. Уфа: БашГУ, 1972. С. 151–181.
- Янгиров 2001 — *Янгиров Р., Янгиров Р.* Кино в Башкортостане. Уфа: [б. и.], 2001. 88 с.
- Oukaderova 2017 — *Lida Oukaderova.* The Cinema of The Soviet Thaw. Space, Materiality, Movement. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 267 p.
- Riasanovsky 2000 — *Riasanovsky Nicholas V.* A History of Russia. 6th ed. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 374 p.
- The Socialist Sixties 2013 — *The Socialist Sixties. Crossing Borders in The Second World.* Edited by *Anne E. Gorsuch* and *Diane P. Koenker.* Bloomington: Indiana University Press, 2013. 338 p.
- Wolfe 2005 — *Thomas C. Wolfe.* Governing Soviet Journalism. The Press and The Socialist Person after Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 240 p.

Zerneva 2001 — *Zerneva O.* Soviet Studies: Culture // International Encyclopedia of The Social and

Behavioral Sciences. Second Edition. James Wright (ed.). 2015. Pp. 14710–14715.

References

- Akhunzyanov T. I. Ideological and Political Orientation of Print Media. Moscow: Politizdat, 1976. 62 p. (In Russ.)
- Akhunzyanov T. I. Print Media of Soviet Bashkiria. Vol. 2. Ufa: Bashkir Book Publ., 1970. 364 p. (In Russ.)
- Buravtsov V. History of communication means in Ufa. *Bel'skie prostory*. 2006, April. No. 4 (209). Pp. 130–133. (In Russ.)
- Ganeev R. G. et al. (eds.) History of Ufa: A Brief Essay. Ufa: Bashkir Book Publ., 1981. 608 p. (In Russ.)
- Gorsuch A. E., Koenker D. P. (eds.) The Socialist Sixties. Crossing Borders in The Second World. Bloomington: Indiana University Press, 2013. 338 p. (In Eng.)
- Karimov K. K. Culture of Bashkortostan: 1917–2000. Ufa: Gilem, 2006. 148 p. (In Russ.)
- Kogan L. N. Artistic Taste: A Sociological Survey. Moscow: Mysl, 1966. 213 p. (In Russ.)
- Kuvatov S. S. Published in Bashkiria. Ufa: Bashkir Book Publ., 1969. 150 p. (In Russ.)
- Kuzbekov F. T. Bashkir Print Media as a Phenomenon of Ethnic Culture. Ufa: Kitap, 2006. 382 p. (In Russ.)
- Kuzyev R. U. Culture Building in the Bashkir ASSR during the 4th Five-Year Plan: 1946–1950. Ufa, 1958. 20 p. (In Bash.)
- Mirkin V. V. On the history of the Soviet radio in 1945–1965. *Tomsk State University Journal of History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 200–207. (In Russ.)
- Nuriev Z. N. Urban and rural Communists: common concerns. *Kommunist*. 1964. No. 18. Pp. 2–33. (In Russ.)
- Oukaderova L. The Cinema of The Soviet Thaw. Space, Materiality, Movement. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 267 p. (In Eng.)
- Riasanovsky N. V. A History of Russia. 6th ed. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 374 p. (In Eng.)
- Sabirova Z. R. Radio: technical innovation in the service of the Revolution and construction of the new state. In: Bikbulatova A. R. (comp.), Muratova A. D., Fatkhutdinova A. M. et al. (eds.) Event and Text: Meetings and Thoughts in the Library. Collected Scholarly Papers. Ufa: National Library of Bashkortostan, 2017. Pp. 71–78. (In Russ.)
- Sabirova Z. R. Television and Bashkir science in the mid-to-late 20th century: hand in hand. In: Ural-Altai: across Centuries into the Future. Conference Proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature, 2019. Pp. 341–344. (In Russ.)
- Simonov N. S. The Failed Information Revolution: Conditions and Trends for the Development of Radioelectronics and Communication Means in the USSR. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013. 276 p. (In Russ.)
- Timerbulatov Z. M. Information space of Bashkortostan: current conditions and prospects. In: The 3rd World Qoroltai of Bashkirs. Newsletter No. 2 (61). Ufa: Mir Pechati, 2010. Pp. 57–62. (In Russ.)
- Uteshev A. Living Word of Rural Radio. Ufa: Bashkir Book Publ., 1962. 74 p. (In Russ.)
- Wolfe T. C. Governing Soviet Journalism. The Press and The Socialist Person after Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 240 p. (In Eng.)
- Writer Rasikh Khannanov: ‘We had to save minority ethnic newspapers’. On: REGIONS.RU News Agency. Interview. Posted on October 18, 2006. Available at: <http://regions.ru/news/2018696/> (accessed: February 15, 2018). (In Russ.)
- Yangirov R. M. Soviet Bashkiria during the Seven-Year Plan of 1959–1965: revisiting some issues of culture development. In: Nikiforov Yu. N. (ed.) Common and Ethnic-Specific Aspects of Socialist and Communist Construction. Ufa: Bashkir State University, 1972. Pp. 151–181. (In Russ.)
- Yangirov R., Yangirov R. Cinema in Bashkortostan. Ufa, 2001. 88 p. (In Russ.)
- Zerneva O. Soviet studies: culture. In: Wright J. (ed.) International Encyclopedia of The Social and Behavioral Sciences. 2nd ed. 2015. Pp. 14710–14715. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 572–590, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-572–590
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902 / 903.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-572–590

Элистинский курганный могильник: анализ соотношения курганов и погребений раннего и среднего бронзового века

Эрдни Анатоьевич Кекеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Кекеев Э. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Элистинский могильник является одним из самых крупных из изученных на территории Ергенинской возвышенности, где основное количество курганов и погребений датировано бронзовым веком. Характерной чертой курганных могильников Ергенинской возвышенности является линейное расположение насыпей — наиболее крупные группы представляют собой цепи курганов, расположенные на линии водоразделов, протянувшихся в широтном направлении. На платообразных гребнях встречаются группы, состоящие из нескольких параллельных цепей курганов. *Целью* данного исследования является анализ соотношения курганов и погребений культур раннего и среднего бронзового века среди памятников Элистинского могильника. *Результаты.* Выявлены особенности использования подкурганного пространства у разных культур изучаемого периода. Курганы ямной культуры содержали только по одному основному погребению. В раннекатакомбный период впускные погребения создавались только в «своих» курганах. С появлением памятников степной северокавказской культуры появились случаи впускных погребений в инокультурных курганах. Ямно-катакомбные погребения носили несколько иной характер использования инокультурных курганов. При устройстве одного из погребений этой группы было разрушено основное погребение в кургане ямного времени. Во втором случае после создания впускного погребения курган был подвергнут значительной досыпке, за счет чего размеры насыпи были увеличены в разы. Характерным для всех памятников является их расположение на линии водораздела без видимых скоплений отдельных насыпей. Наиболее крупная группа памятников — курганы и погребения восточноманьчжурской катакомбной культуры. Катакомбные курганы встраивались в образовавшуюся цепочку, и основная их часть своими размерами практически не отличалась от существующих памятников. *Выводы.* В результате проведенного анализа видно,

что при изучении погребальных памятников раннего и среднего бронзового века важно обращать внимание не только на количественные показатели погребений в отдельных курганах. При подсчете количества впускных погребений обязательно необходимо учитывать культурно-хронологическую принадлежность основного погребения. Кроме того, важно знать такие дополнительные данные, как местоположение погребения в насыпи или под ней, имелись ли следы досыпок и так далее. Эти данные позволяют выявить дополнительные группы впускных погребений, от «рядовых» погребений в насыпи до «престижных» захоронений, после создания которых насыпь значительно увеличивали и порой объем таких досыпок в несколько раз превосходил объем изначальной насыпи.

Ключевые слова: основное погребение, впускное погребение, досыпка, волго-маньчские степи, Ергенинская возвышенность, бронзовый век, ямная культура, ранняя катакомбная культура, степная северокавказская культура, ямно-катакомбная группа, восточноманьчская катакомбная культура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Элистинский курганный могильник: анализ соотношения курганов и погребений раннего и среднего бронзового века // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 572–590. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-572–590

UDC 902 / 903.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-572–590

Elista Burial Mound Site: Analyzing the Correlation between Early and Middle Bronze Age Mounds and Burials

Erdni A. Kekeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Kekeev E. A., 2020

Abstract. Introduction. Elista grave field is a largest and most investigated one in the Ergeni Uplands, with the bulk of barrows and burials dated to the Bronze Age. Burial mound sites in the mentioned area are distinguished by linear positioning of tumuli — the most sizeable groups constitute chains of kurgans located transversally along watershed lines. Plateau-like ridges may comprise groups consisting of several parallel kurgan chains. **Goals.** The study aims at analyzing the correlation (ratio) between kurgans and burials of Early and Middle Bronze Age cultures within the grave field of Elista. **Results.** The work reveals some specific functions of under-kurgan rooms (space) in different cultures of the examined period. So, burial mounds of the Yamnaya culture contained one central burial each. In the Early Catacomb era, inlet burials were made only in ‘own’ barrows, while the arrived North Caucasian steppe culture gave rise to scattered cases of constructing inlet burials in culturally alien kurgans. Pit-catacomb burials were characterized by somewhat differing use of foreign culture barrows: one such construct virtually demolished the main burial in a Yamnaya kurgan; in another instance, the creation of an inlet burial was followed by heaping quite a plenty of soil which resulted in that the tumulus became several times as large. The distinctive feature is that all the monuments are arranged along the watershed without visible clustering. The largest group is that of kurgans and burials referred to as the East Manych Catacomb culture. Catacomb barrows were inserted into the existing chain, and dimensionally the bulk of them were virtually identical to previous monuments.

Conclusions. The analysis shows research of Early and Middle Bronze Age burials should focus not only on quantitative properties in separate kurgans. When it comes to counting inlet burials it is critical to identify the cultural and chronological affiliation of the main burial. Moreover, it is important to obtain additional data, such whether the burial is located inside the tumulus or below the latter, whether there is any trace of later soil heaping, etc. This may be instrumental in discovering additional groups of inlet burials that vary from ‘common’ to ‘elite’ ones and could have been accompanied by several-fold enlargement of the initial (original) tumulus.

Keywords: main burial, inlet burial, additional soil heaping, Volga-Manych steppe, Ergeni Uplands, Bronze Age, Yamnaya culture, Early Catacomb culture, North Caucasian steppe culture, Pit-Catacomb group, East Manych Catacomb culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Kekeev E. A. Elista Burial Mound Site: Analyzing the Correlation between Early and Middle Bronze Age Mounds and Burials. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 572–590. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-572–590

Введение

Изучению погребальных памятников раннего и среднего бронзового века степей Юго-Восточной Европы в последние десятилетия посвящено несколько фундаментальных обобщающих исследований, в которых разрабатываются вопросы хронологии, рассматриваются особенности погребального обряда и материальной культуры. В работе В. Л. Державина на основе анализа элементов погребального обряда и инвентаря были выявлены основные обрядовые группы, которым соответствовали определенные группы древнего населения [Державин 1991]. Необходимо отметить, что в данной работе исследуются памятники степного Ставрополя, однако в процессе анализа отдельных обрядовых групп проведено сопоставление их с синхронными погребальными комплексами Кумо-Маньчской впадины (курганские группы Восточного Маньча и Чограя) и Ергенинской возвышенности (курганские группы *Архара*, *Элиста*, *Лола* 1 и 2).

Работа А. В. Кияшко посвящена разработке концепции культуругенеза эпохи средней бронзы, исследование проведено на основе анализа материалов свыше двух тысяч погребальных комплексов с территории волго-уральских и волго-донских степей [Кияшко 2002].

В работе Н. И. Шишлиной впервые проведен подробный анализ материальной культуры и погребального обряда культур

энеолита — раннего бронзового века Северо-Западного Прикаспия [Шишлина 2007].

В монографии М. А. Очир-Горяевой, представляющей собой свод источников — археологических памятников, исследованных на территории волго-маньчских степей (1929–1997 гг.), проведен статистический и пространственный анализ и выявлены различия в географическом распространении памятников бронзового века, с одной стороны, и памятников кочевников раннего железного века и средневековья — с другой [Очир-Горяева 2008].

В монографии М. В. Андреевой представлены результаты детального изучения восточноманьчской катакомбной культуры, подробно описан погребальный обряд, предложена реконструкция некоторых черт социальной структуры носителей обряда [Андреева 2014].

В результате исследований Р. А. Мимохода часть материалов, ранее относимых к финалу восточноманьчской катакомбной культуры, выделена в самостоятельную лолинскую культуру, часть блока посткатакомбных культурных образований [Мимоход 2013].

Благодаря этим фундаментальным исследованиям стало возможным по-новому взглянуть на материал, накопленный в результате крупных новоэпохных археологических работ советского периода. В 1960–1970-е гг., в годы восстановления Калмыкии, в зонах хозяйственных объектов

были исследованы не отдельные памятники, а целые курганные группы, состоящие из нескольких десятков насыпей. Большая часть результатов этих полевых работ была опубликована самими авторами раскопок, по их материалам проведены исследования отдельных категорий инвентаря и погребального обряда [Синицын 1978: 6–16; Эрдниев 1981: 3–24; Эрдниев 1982а: 73–111; Эрдниев 1982б: 3–23; и др.].

Именно из-за того, что основная часть материала опубликована и были написаны выше названные работы, сегодня имеется возможность рассмотреть соотношение курганов и погребений различных эпох в одной крупной курганной группе. Одним из таких памятников является курганная группа «Элистинский».

Целью данного исследования является анализ соотношения курганов и погребений культур раннего и среднего бронзового века среди памятников Элистинского могильника.

Общая характеристика курганов Элистинский могильник

Элистинский могильник является одним из самых крупных из изученных на территории Ергенинской возвышенности, и основное количество курганов и погребений датировано бронзовым веком: 23 из 37 курганов (62 %) и 92 из 123 погребений (75 %) (рис. 1) (табл. 1). Остальные памятники датированы более поздними эпохами: три кургана и 12 погребений — ранний железный век; 11 курганов и 14 погребений — эпоха средневековья; 5 погребений не датированы.

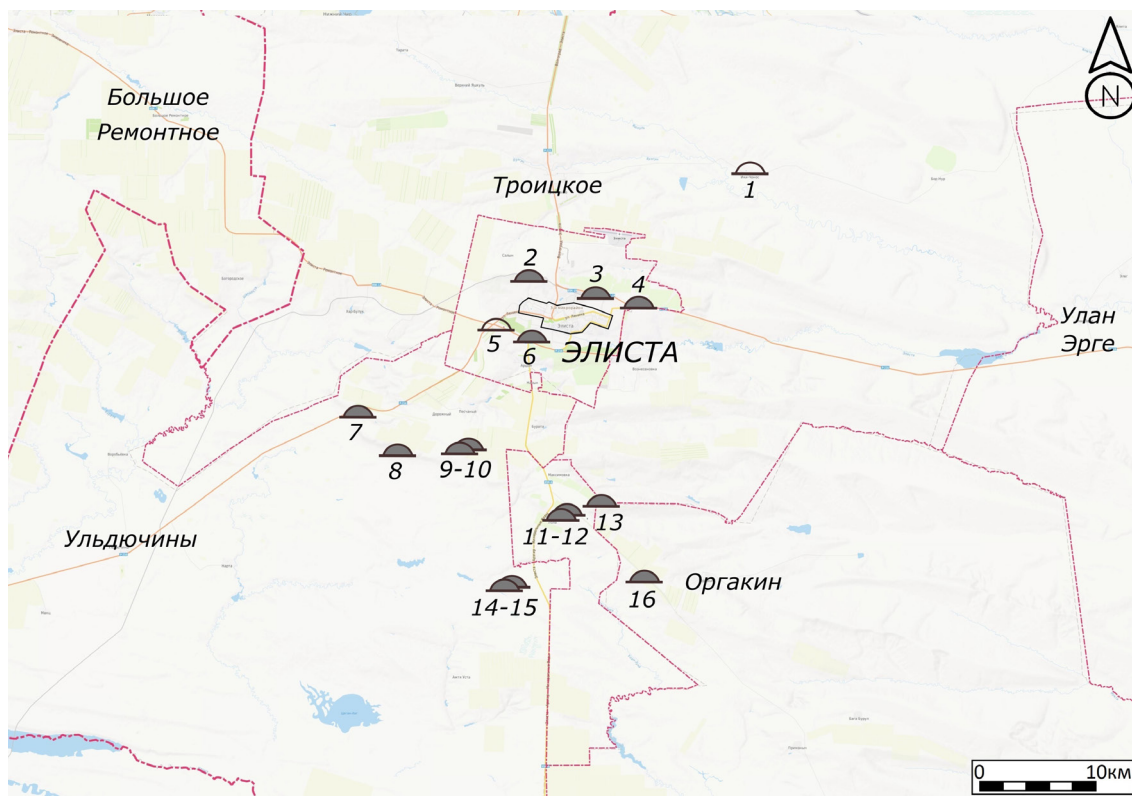

Рис. 1. Курганные могильники, исследованные на территории южной части Ергенинской возвышенности. Цифрами на карте обозначены: 1 — Чеера Хурул (1929); 2 — Элистинский (Элиста-3) (1964); 3 — Гашунский (1971); 4 — Элиста-1 (1929); 5 — Промзона (1997); 6 — Элиста-2 (1929); 7 — Бичкин Булук (1937); 8 — Цаган Эльсин (1937); 9 — Три Брата-1 (1933–1936, 1980); 10 — Три Брата-2 (1933–1936); 11 — Лола-1 (1961–1962); 12 — Лола-2 (1963); 13 — Архара (1962–1963); 14 — Хар Зуха (1991); 15 — Хар Зуха-2 (1991); 16 — Кермен Толга (1968–1970)

[Fig. 1. Investigated burial mound sites in the south of the Ergeni Upland: 1 — Chöörä Khurul (1929); 2 — Elistinsky (Elista-3) (1964); 3 — Gashunsky (1971); 4 — Elista-1 (1929); 5 — Promzона (1997); 6 — Elista-2 (1929); 7 — Bichkin Buluk (1937); 8 — Tsagan Elsin (1937); 9 — Three Brothers-1 (1933–1936, 1980); 10 — Three Brothers-2 (1933–1936); 11 — Lola-1 (1961–1962); 12 — Lola-2 (1963); 13 — Arkhara (1962–1963); 14 — Khar Zukha (1991); 15 — Khar Zukha-2 (1991); 16 — Kermen Tolga (1968–1970)]

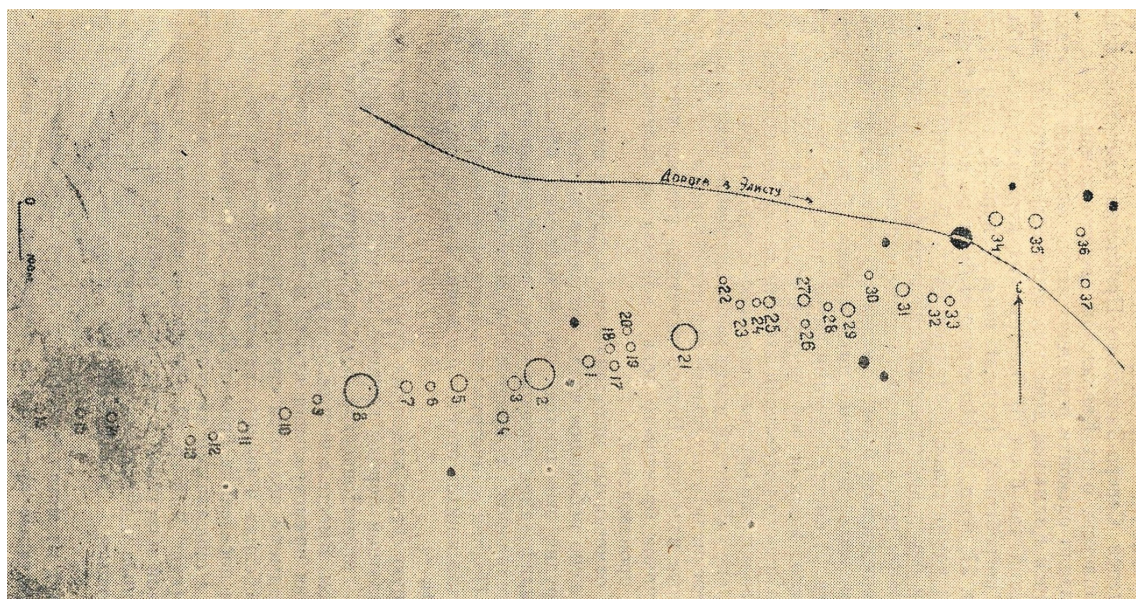

Рис. 2. Элистинский могильник. Оригинальный план [Синицын, Эрдниев 1971: рис. 1]
 [Fig. 2. Elista grave field. Original site plan]

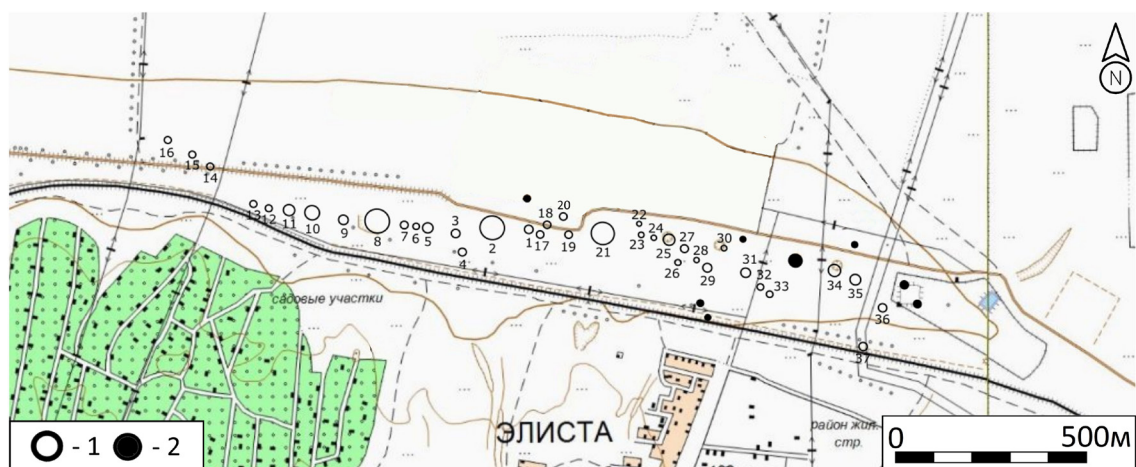

Рис. 3. Элистинский могильник. Местоположение на современной карте. Скорректированный план
 (1 — исследованные курганы, 2 — неисследованные курганы)
 [Fig. 3. Elista grave field. Location according to the modern map. Updated site plan]
 (1 — investigated mounds, 2 — uninvestigated mounds)

Ергенинская возвышенность (от калм. *эрг* — берег, обрыв, яр) представляет собой платообразную возвышенность на юго-востоке европейской части России длиной около 300 км и шириной от 50 км в северной части до 350 — в южной. Возвышенность имеет характерный эрозионный рельеф, образованный сочетанием плоских выровненных пространств и прорезающих их широких протяжных балок, которые вытянуты в широтном направлении, прямолинейны и обычно отдалены

друг от друга расстоянием 5–10 км. С увеличением ширины возвышенности к югу увеличивается и протяженность этих балок, длина которых в южной части Ергенинской возвышенности достигает 20 км, ширина от 1 до 3 км, а глубина — более 100 м.

Восточный склон, в отличие от западного, расчленен более глубокими и крутосклонными балками, прорезан даже донными и склоновыми оврагами [Карандеева 1957; Спиридонов 1978: 231–234].

Характерной чертой курганных могильников Ергенинской возвышенности является линейное расположение насыпей — наиболее крупные группы представляют собой цепи курганов, расположенные на линии водоразделов, протянувшихся в широтном направлении. На платообразных гребнях встречаются группы, состоящие из нескольких параллельных цепей курганов [Шилина 2007: 222–257; Очир-Горяева 2017: 397–404].

Насыпи курганной группы «Элистинский могильник» также расположены в виде единой цепи курганов, протянувшейся с запада на восток на расстояние 2 км. Большая часть могильника состояла из насыпей малого (диаметр 8–9 м, высота не более 1 м) и среднего размеров (диаметр 15–25 м, высота от 1 до 1,5 м), а в центре группы находилось три крупных кургана (диаметр до 60–70 м, высота до 6,5 м). Спасательные раскопки были связаны со строительством железной дороги Дивное – Элиста, археологические раскопки были проведены в 1964 г., работами руководили И. В. Сеницын и У. Э. Эрдниев. Результаты были опубликованы в виде монографии «Элистинский курганный могильник» [Сеницын, Эрдниев 1971].

Следует сказать, что, судя по современным данным, курганная группа имеет продолжение [Буваев 2009: 3–11]. Цепь из 24 курганов протянулась на запад, с небольшим отклонением к северу: 13 курганов малого (диаметр 12–15 м, высота до 1 м), 3 кургана — среднего (диаметр 12–16 м, высота 1–1,4 м) и 3 кургана — крупного размеров (диаметр 30–36 м, высота 2,3–4 м) [Буваев 2009: табл. 1]. Размеры пяти курганов не установлены [Буваев 2009: рис. 4]. Общая протяженность всей курганной группы, насчитывавшей до спасательных раскопок 61 насыпь, составляла 4,7 км.

За полевой сезон 1964 г. в могильнике исследовано 37 курганов, обнаружено 123 разновременных погребения [Сеницын, Эрдниев 1971: 3–4]. В данном могильнике бронзовым веком было датировано 23 кургана и 92 погребения: ямная культура — 2 кургана, 2 погребения; ранняя катакомбная культура — 4 кургана, 6 погребений; степная северокавказская культура — 6 курганов, 10 погребений; ямно-катакомбная группа — 3 погребения; восточноманычская катакомбная культура (восточноманычский вариант катакомбной

культуры) (далее — ВМКК) — 11 курганов, 71 погребение (табл. 2).

Для анализа взаиморасположения курганов оригинальный план Элистинского могильника (рис. 2) [Сеницын, Эрдниев 1971: рис. 1] был сверен с современными картами из общедоступных сервисов GoogleEarth и SASPlanet. По причине того, что большая часть курганов не была рекультивирована после раскопок, на современных фотоснимках четко фиксируются следы проведенных раскопок, особенно заметны остатки крупных курганов. Была проведена работа по локализации объектов на местности и точном позиционировании группы курганов на современной карте (рис. 3). В результате данного этапа выяснилось, что, судя по оригинальному плану, цепь курганов располагалась на линии запад–восток, с отклонением западного края к югу, а восточного — к северу. Однако совмещение этого плана с объектами на местности показало, что цепь имела другой угол относительно линии запад–восток: западный край отклонялся к северу, а восточный — к югу (рис. 4).

Элистинская курганная группа формировалась в течение длительного времени, который охватывает периоды: ямная, раннекатакомбная и степная северокавказская культуры, группа ямно-катакомбных погребений, восточноманычская катакомбная культура (восточноманычский вариант катакомбной культуры). Именно в таком стратиграфическом порядке были зафиксированы погребения в отдельных курганах Элистинского могильника.

Соотношение курганов и погребений в могильнике

Для выявления соотношения курганов и погребений рассмотрены расположение и особенности устройства насыпей каждой культурно-хронологической группы. Основным объектом изучения были основные погребения. Для впускных погребений приведены данные об их местоположении в кургане относительно основного погребения, отмечены случаи нарушения основного погребения впускным. Половозрастные определения даются по данным авторов раскопок [Сеницын, Эрдниев 1971].

Отдельно рассмотрены два наиболее крупных кургана, насыпи которых были сооружены в три этапа. Оба кургана были

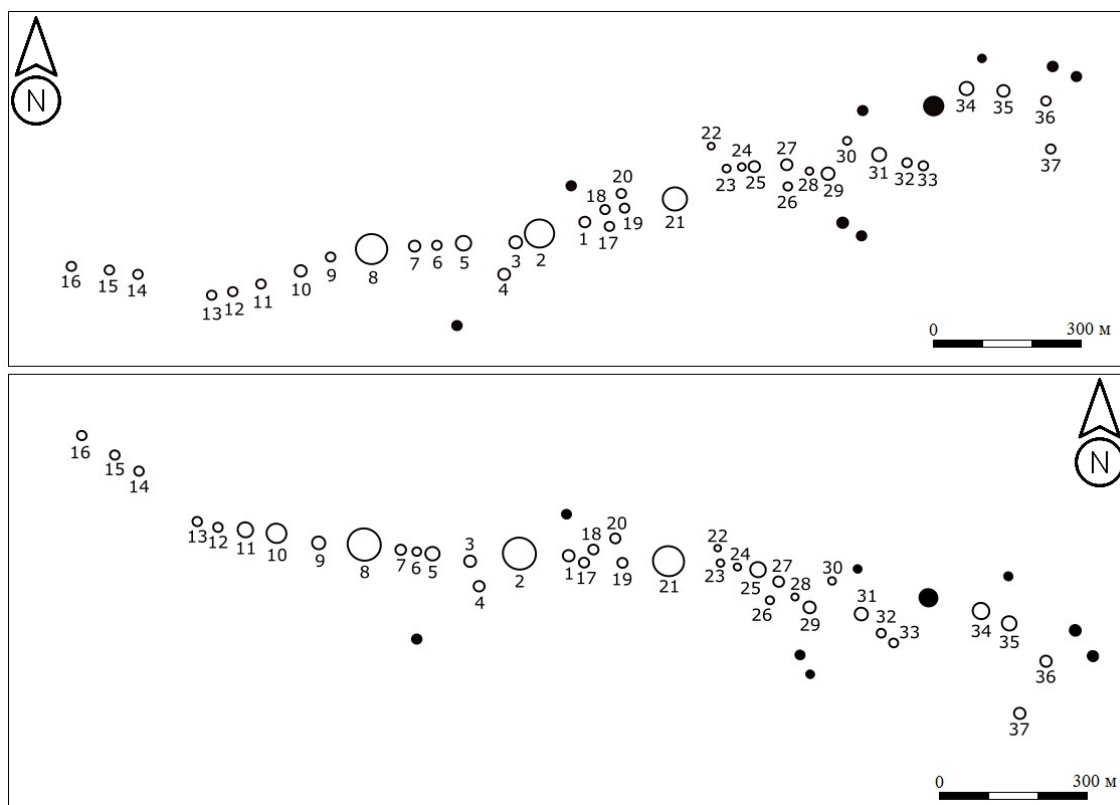

Рис. 4. Элистинский могильник. Оригинальный и скорректированный планы памятника
 [Fig. 4. Elista grave field. Original and updated site plans]

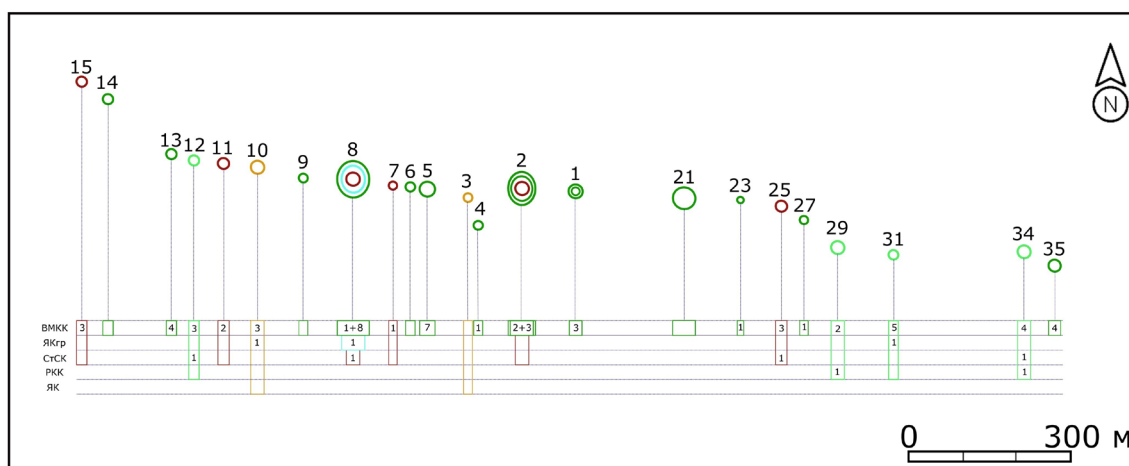

Рис. 5. Элистинский могильник. Культурно-хронологическая принадлежность курганов и погребений (1 — ямная культура; 2 — ранняя катакомбная культура; 3 — степная северокавказская культура; 4 — ямно-катакомбная группа; 5 — восточноманычская катакомбная культура) (Цифрой обозначено количество погребений, в случае досыпки кургана: первая цифра — количество погребений до досыпки, вторая — после)

[Fig. 5. Elista grave field. Archaeological cultures and chronologies of mounds and burials (1 — Yamnaya culture; 2 — Early Catacomb culture; 3 — North Caucasian steppe culture; 4 — Pit-Catacomb group; 5 — East Manych Catacomb culture) (Figures indicate numbers of burials in case of later soil heaping: figure one — number of burials in the original kurgan, figure two — total one thereafter)]

насыпаны представителями степной северокавказской культуры и имели довольно крупные размеры (диаметр 25–30 м, высота 1,75–2 м). Курган 2 подвергся двум значительным досыпкам после сооружения погребений восточноманычской катакомбной культуры. Вторая насыпь кургана 8 была сооружена после совершения погребения ямно-катакомбной группы, третья связана с погребением восточноманычской катакомбной культуры.

В изучаемом могильнике самыми древними были курганы ямной культуры. Всего насчитывается две насыпи: курган 3 (диаметр 16 м, высота 0,85 м) и курган 10 (диаметр 23 м, высота 2,1 м), которые были расположены практически на линии запад–восток, на значительном отдалении друг от друга (370 м) (рис. 5; рис. 6, 1). В обоих курганах обнаружено по одному основному погребению ямного времени, без однокультурных впускных (рис. 8). В кургане 3 было исследовано безынвентарное мужское погребение [Синицын, Эрдниев 1971: 55].

В кургане 10 основное погребение ямного времени было разрушено, в процессе его изучения зафиксированы кости взрослого человека, сопровождающий инвентарь в виде круглодонного глиняного сосуда и кремниевой пластины. Грабительский раскоп также нарушил часть восточноманычского погребения 3, расположенного в непосредственной близости от центра кургана, на уровне погребенной почвы [Синицын, Эрдниев 1971: 79].

Из этого следует, что основное погребение было разрушено скорее с целью ограбления, нежели причины данного проникновения были связаны с сакральными действиями. Всего в курган 10, который был больше кургана 3, было впущено четыре погребения (одно — ямно-катакомбное, три — восточноманычских).

Следующими по хронологии являются памятники раннекатакомбной культуры, в этот период было сооружено четыре кургана (12, 29, 31 и 34). Размеры этих курганов по сравнению с двумя насыпями ямной культуры не выделялись своими размерами: диаметр — от 16 до 24 м, высота — от 1 до 2,35 м (рис. 7). Описывая их расположение, отметим, что курган 12 сооружен западнее кургана 10 (ямная культура), а остальные

три (29, 31 и 34) находились восточнее кургана 3 (ямная культура) на расстоянии более 650 м от него и в какой-то степени представляли собой обособленную группу памятников (рис. 5; рис. 6, 2).

Второй особенностью памятников раннекатакомбной культуры является то, что они совершали впускные погребения только в насыпи собственных курганов (29 и 34) (рис. 8). В курганах 12 и 29 основными являлись мужские погребения, в кургане 31 — основное погребение было разрушено, отмечены кости взрослого человека, а в кургане 34 было обнаружено парное погребение мужчины и женщины.

В двух впускных погребениях были погребены подросток (курган 29, погребение 4) и ребенок 4–5 лет (курган 34, погребение 7). Возможно, эти впускные погребения были совершены по единому ритуалу: оба расположены к северо-востоку от основного погребения (на расстоянии 2,5 и 6 м), в материке, оба безынвентарны.

Памятники степной северокавказской культуры представляли собой курганы, которые были равномерно распределены по могильнику без видимых скоплений (курганы 2, 7, 8, 11, 15 и 25), можно лишь выделить курганы 7 и 8, находящиеся рядом друг с другом на расстоянии 50 м. Эти шесть курганов встраивались в единую цепочку с насыпями ямной и раннекатакомбной культур и образовали «костяк» изучаемого могильника (рис. 6, 3).

Насыпи четырех курганов (7, 11, 15 и 25) не выделялись своими размерами и укладывались в следующий диапазон: диаметр — от 13 до 21 м, высота — от 0,85 до 1,35 м (рис. 7). Размеры двух курганов (2 и 8) были выявлены только в результате раскопок, так как эти насыпи были увеличены путем совершения значительных досыпок в более позднее время. Судя по реконструированным размерам, эти курганы были самыми большими среди насыпей степной северокавказской культуры: курган 2 (диаметр 30 м, высота 2 м) и курган 8 (диаметр 25 м, высота 1,5 м). А среди памятников трех вышеописанных культур это были самые большие курганы в диаметре и в высоту уступали только двум близким по размерам курганам: ямный курган 10 (диаметр 23 м, высота 2,1 м) и раннеката-

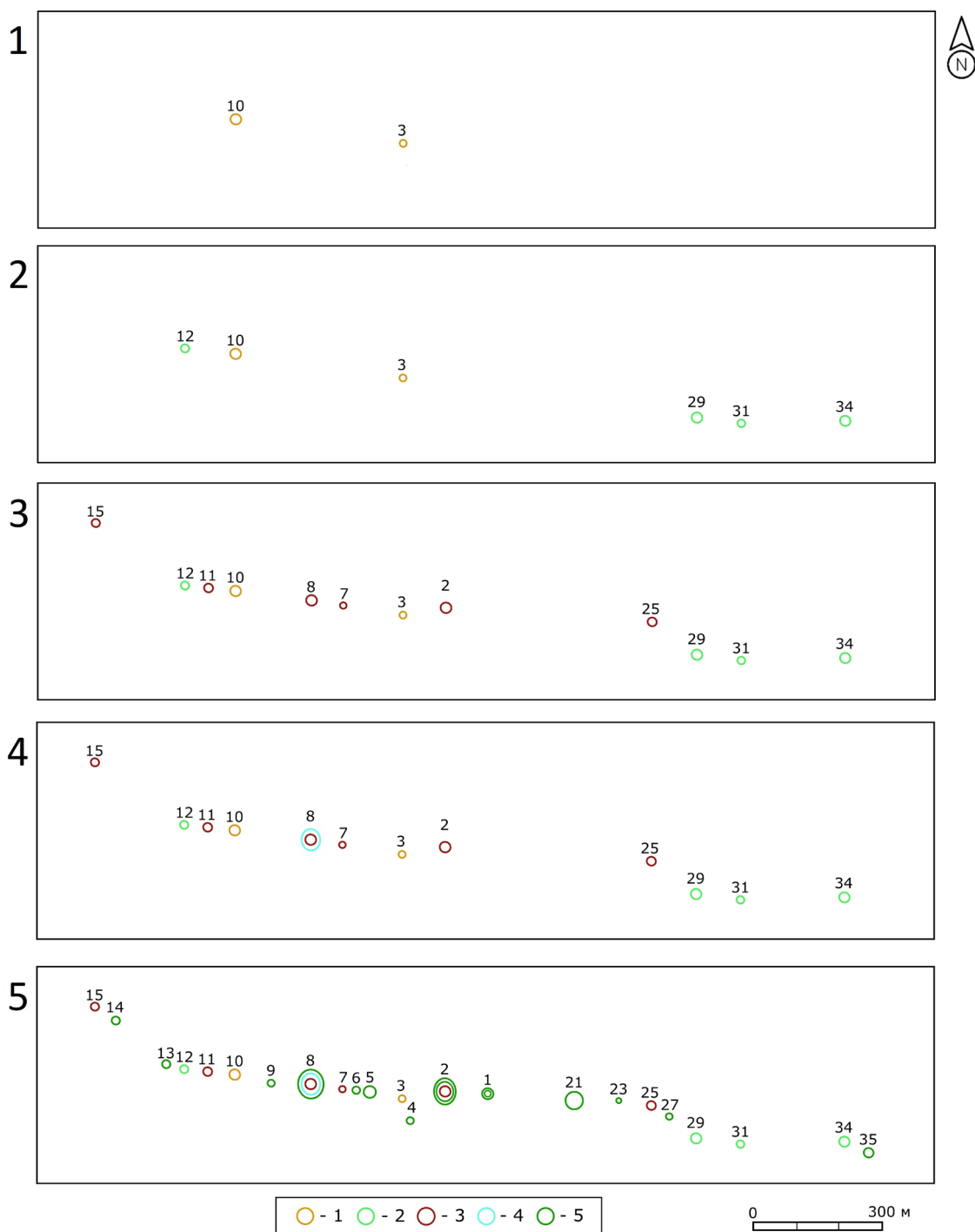

Рис. 6. Планиграфия Элистинского могильника: 1 — ямная культура; 2 — ранняя катакомбная культура; 3 — степная северокавказская культура; 4 — ямно-катакомбная группа; 5 — восточноманычская катакомбная культура

[Fig. 6. Planigraphy of the Elista grave field: 1 — Yamnaya culture; 2 — Early Catacomb culture; 3 — North Caucasian steppe culture; 4 — Pit-Catacomb group; 5 — East Manych Catacomb culture]

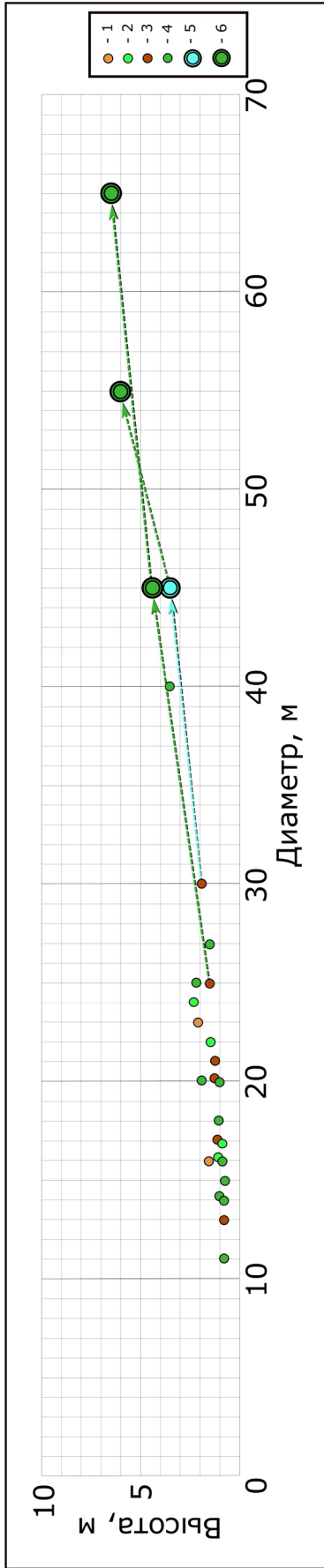

Рис. 7. Элистинский могильник. Размеры курганов: 1 — ямная культура; 2 — ранняя катакомбная культура; 3 — степная северокавказская культура; 4 — восточноманьчжурская катакомбная культура

[Fig. 7. Elista grave field. Measurements of mounds: 1 — Yamnaya culture; 2 — Early Catacomb culture; 3 — North Caucasian steppe culture; 4 — East Manych Catacomb culture]

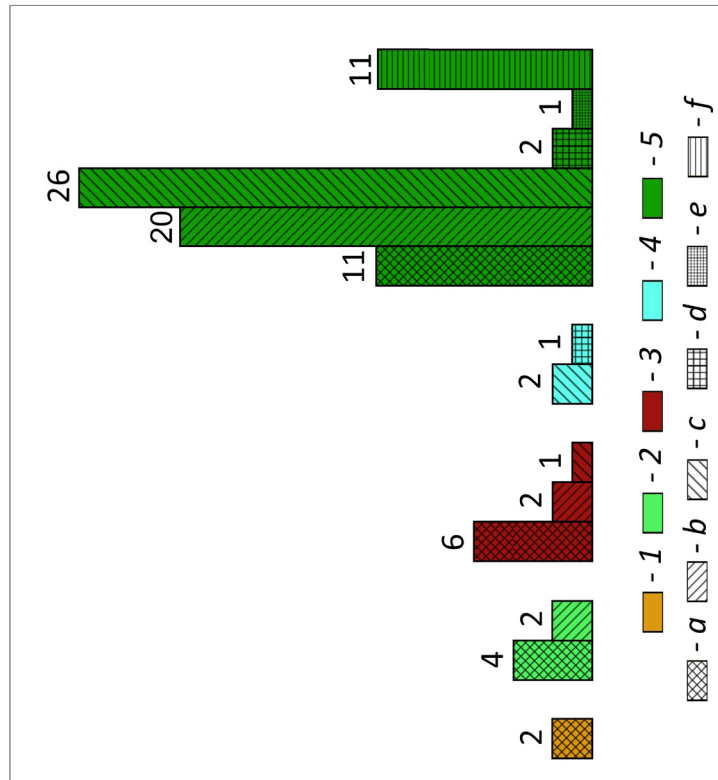

Рис. 8. Элистинский могильник. Типы погребений по культурно-хронологической принадлежности (1 — ямная культура; 2 — ранняя катакомбная культура; 3 — степная северокавказская культура; 4 — ямно-катакомбная группа; 5 — впускное в «свой» курган; 6 — впускное в «чужой» курган; а — основное; б — впускное в «свой» курган; с — впускное в «чужой» курган с завершением повторной доски; д — впускное в «чужой» курган с завершением повторной доски; е — впускное в «чужой» курган, после завершения доски)

[Fig. 8. Elista grave field. Archaeological cultures and chronologies of burials (1 — Yamnaya culture; 2 — Early Catacomb culture; 3 — North Caucasian steppe culture; 4 — Pit-Catacomb group; 5 — East Manych Catacomb culture; a — main burial; b — inlet burial to 'own' barrow; c — inlet burial to 'alien' barrow; d — inlet burial to 'alien' barrow with soil heaping; e — inlet burial to 'alien' barrow with repeated soil heaping; f — inlet burial to 'alien' barrow made after soil heaping)]

комбный курган 29 (диаметр 24 м, высота 2,35 м). Возможно, одной из причин выбора именно этих курганов для создания новых насыпей являлся их размер.

Во всех шести основных погребениях были обнаружены индивидуальные захоронения взрослых людей, в том числе три мужских костяка (рис. 5). В курганы своей культуры (8 и 25) было впущено по одному индивидуальному погребению взрослых людей, в одном из которых зафиксирован женский костяк (рис. 8). Оба погребения обнаружены в материке, одно в юго-западном секторе (курган 8, погребение 9), второе (женское погребение) — в северо-восточном (курган 25, погребение 5).

Кроме этого, два парных погребения (мужчина и женщина) были впущены в курганы раннекатакомбной культуры (12 и 34). Общим для этих погребений является их стремление быть расположенными несколько севернее центра кургана, однако одно (курган 12, погребение 4) было совершено в материке, на глубине один метр ниже уровня погребенной почвы, а второе (курган 34, погребение 4) было обнаружено в насыпи на глубине 0,85 м от поверхности кургана. Отметим, что в процессе создания погребения в кургане 12 была нарушена верхняя часть основного погребения, однако камера не была повреждена, так как глубина достигла только одного метра, и само погребение осталось не тронутым.

Еще один хронологический горизонт образуют погребения ямно-катакомбной группы [Шишлина 2007: 197–218]. Представителями данной группы не сооружалось отдельных курганов, индивидуальные погребения совершались под насыпями существующих курганов, в материке (рис. 5; рис. 6, 4, рис. 8). Останки погребенных принадлежали взрослым людям (пол одного погребенного — мужской). В кургане 10 ямного времени погребение данной группы обнаружено в северо-восточном секторе, в 6 м от основного погребения. В раннекатакомбном кургане 31 погребение ямно-катакомбной группы было сооружено в центре насыпи и нарушило входную шахту основного погребения. Хотя сама камера основного погребения, судя по чертежу [Синицын, Эрдниев 1971: рис. 61], не была повреждена, основное погребение было разграблено, отмечены отдельные кости взрос-

лого человека, разбитый глиняный сосуд и каменная зернотерка [Синицын, Эрдниев 1971: 96].

Для погребений ямно-катакомбной группы не создавалось собственных насыпей, однако для одного из них была совершена значительная досыпка существующего кургана. Первая насыпь кургана 8 (степная северокавказская культура) после создания впускного погребения 8 была значительно увеличена, диаметр возрос с 25 м до 40–50 м, а высота — с 1,5 м до 3,5 м (рис. 7). Судя по чертежу, изменилась и форма насыпи — с округлой в плане на овальную. Так как погребение было совершено в южной части существующей насыпи, несколько восточнее центральной оси север–юг, после столь значительной досыпки центр кургана был смещен к югу. Отметим, что само погребение и по ритуалу, и по конструкции идентично двум остальным погребениям ямно-катакомбной группы.

Следующей и наиболее многочисленной группой курганов и погребений в изучаемом могильнике являются памятники восточно-маньчжурской катакомбной культуры, которых насчитывается 71 погребение и 13 курганов (курганы 2 и 8 — памятники степной северокавказской культуры, которые были подвергнуты значительным досыпкам в катакомбное время). Все курганы встраивались в общую, уже существующую, цепь и сформировали окончательный вид могильника в бронзовом веке (рис. 5; рис. 6, 5).

Большая часть курганов восточно-маньчжурской катакомбной культуры не выделялась своими размерными данными. 8 курганов (4, 6, 9, 13, 14, 23, 27, 35) были в диаметре от 11 до 20 м и высотой от 0,75 до 1,5 м. Более крупные курган 1 (диаметр 25 м, высота 2,25 м) и курган 5 (диаметр 27 м, высота 2,25 м) были почти самыми крупными среди всех (без учета курганов 2, 8 и 21), включая более ранние курганы (рис. 7). По информации из отчета курганы 1 и 5 подвергались небольшим досыпкам после совершения в них отдельных погребений [Синицын, Эрдниев 1971: 41, 71].

Среди курганов, созданных без следов досыпок, выделялся маньчжурский курган 21, насыпь которого была диаметром 40 м и в высоту достигала 3,5 м, в нем содержалось единственное погребение в каменном ящике. Погребения подобного типа являются

крайне редкими, и они более характерны для памятников Ставропольской возвышенности [Андреева 2014: 22; Державин 1984]. Сам курган внешне выделялся среди памятников не только своими размерами, но и тем, что вся его поверхность была покрыта камнем.

Два самых крупных кургана в группе были созданы за счет досыпок существующих насыпей, их финальные размеры сделали их самыми большими в изучаемом могильнике — диаметр до 70 м, высота до 6–6,5 м.

Первым объектом является третья насыпь кургана 8, первая из которых была создана над погребением степной северокавказской культуры, а вторая — представителями ямно-катакомбной группы (описано выше). Отметим, что вторая насыпь на тот момент уже была самой большой в группе (диаметр 40–50 м, высота 3,5 м). После впускного в нее катакомбного погребения 6 была создана финальная насыпь (диаметр 60–70 м, высота до 6,5 м).

Погребение 6, как и размеры связанной с ним третьей насыпи кургана 8, выделялось среди остальных погребений своим разнообразным инвентарем. Парное погребение женщины и ребенка находилось внутри кузова деревянной четырехколесной повозки с хорошо сохранившимися колесами. Многочисленный инвентарь состоял из изделий из золота, бронзы, глины, камня и т. д. Необходимо отметить, что данное погребение не является единственным подобным в данном кургане: погребение 7, являющееся кенотафом и открытое в трех метрах к северу от описанного погребения, также содержало деревянную четырехколесную повозку. [Синицын, Эрдниев 1971: 74–75].

Кроме того, с погребением-кенотафом связан жертвенник, состоящий из черепов и костей ног семи особей крупного рогатого скота (далее — КРС), уложенных над повозкой в насыпи. Подобные жертвенные комплексы с таким количеством останков КРС являются довольно редкими среди памятников раннего и среднего бронзового века [Кекеев 2018; Кекеев 2019]. Только после создания третьей насыпи в курган были впускены восемь погребений восточноманьчжурской катакомбной культуры, два из которых были материковыми.

Курган 2 состоял из трех насыпей, первая из которых была построена над погребением степной северокавказской культуры, затем было создано две насыпи восточноманьчжурской катакомбной культуры. В существующем кургане не содержалось погребений, кроме основного, первым в него было впускено катакомбное погребение 7. После досыпки изменилась и форма кургана, которая была округлой в плане, а стала овальной, вытянутой с юга на север. Диаметр увеличился с 30 до 40 м (по линии запад-восток) и на 50 м (по линии север-юг), а высота — с 2 до 4–4,5 м. Досыпка была связана с мужским погребением со скудным инвентарем, однако с прослеженным деревянным перекрытием и циновкой, на дне были исследованы столбовые ямки, предположительно являющиеся остатками шатрового сооружения [Синицын, Эрдниев 1971: 45–46].

Следующим в данный курган было впускено погребение 8, после сооружения которого насыпь была увеличена в диаметре до 50 м (по линии запад-восток) и до 60 м (по линии север-юг), а высота увеличилась до 6 м. Погребение 8, как и предыдущее погребение, содержало следы циновки и столбовые ямки, в нем было исследовано парное погребение женщины и ребенка с богатым инвентарем, изготовленным из глины, бронзы и камня [Синицын, Эрдниев 1971: 46–53]. После совершения финальной досыпки в насыпь кургана было впускено три погребения восточноманьчжурской катакомбной культуры и создан один жертвенный комплекс с останками двух особей КРС.

Рассмотрим, как распределились 71 впускное погребение ВМКК в «своих» курганах и в курганах других культур. 11 впускных погребений исследовано в описанных выше курганах — 2 и 8. В остальных 11 курганах катакомбной культуры было впускено 20 погребений, а в девять «чужих» — 26 (рис. 8). Интересным является тот факт, что в инокультурных курганах количество впускных погребений не зависело от размеров насыпи. В курганах же восточноманьчжурской катакомбной культуры наблюдается эта зависимость — количество впускных погребений прямо пропорционально размерам насыпи кургана.

Перед анализом их взаиморасположения отметим одну характеристику, важную

для данного этапа исследования, — размещение впускного погребения в материке или в насыпи. По данным М. В. Андреевой, есть существенные различия между этими видами впускных погребений, в том числе выявлен факт того, что материковые погребения чаще обладают большей «престижностью» [Андреева 2014: 63].

Как указано выше, в девять курганов других культур (ямная, степная северокавказская и раннекатакомбная) было впущено 26 погребений, то есть почти 3 погребения на курган (от 1 до 5). Из них только 11 было совершено в материке — 1,2 материкового погребения / курган. Причем этот показатель никогда не превышал двух материковых погребений в одном кургане. Следов досыпок не отмечено.

Курганы восточноманычской катакомбной культуры можно поделить на три группы в соответствии с размерами их насыпи. В результате рассмотрения основных показателей, выявлены структурные различия памятников этих групп.

Первая группа — курганы ВМКК малых размеров (диаметр от 11 до 18 м, высота от 0,75 до 1,1 м), в них было обнаружено только три впускных погребения, в трех курганах по одному, а три кургана были вообще без впускных погребений (средний показатель — 0,5 погребения / курган). Лишь одно впускное погребение было совершено в материке, детское погребение нарушило основное женское, однако, как будет описано ниже, есть вероятность, что этот случай является примером преднамеренного действия [Андреева 2014: 63]. Если это так, получается, что в курганах этой группы все впускные погребения (два) находились в насыпи. Следов досыпок не выявлено.

Вторая группа — курганы 13 и 35, 7 впускных погребений ВМКК, 3,5 погребения / курган (диаметр 20 м, высота от 1,15–1,5 м). В обоих курганах выявлено только по одному впускному материковому погребению. Следов досыпок не отмечено.

Третья группа — курганы 1 и 5, 10 впускных погребений ВМКК, 5 погребений / курган, (диаметр 25–27 м, высота от 1,5 до 2,25 м). В кургане 1 после основного погребения было впущено два материковых погребения и последним было совершено материковое погребение 2, после которого курган был досыпан. В кургане 5 до досып-

ки имелось основное и впускное материковое погребения, затем было сооружено три погребения в материке, совершена досыпка, и насыпь приобрела свои окончательные размеры. Еще три впускных погребения были созданы позже в насыпи кургана без совершения досыпки. В курганы этой группы суммарно было впущено 7 материковых погребений.

В результате проведенного анализа выявлены основные отличия в устройстве внутрикурганного пространства памятников (курганов малого и среднего размеров), имеющих впускные погребения восточноманычской катакомбной культуры. В «чужих» курганах среднее количество впускных погребений ВМКК выше, чем в катакомбных курганах. Их количество в отдельных курганах не зависит от размера насыпи. Однако только 11 из 26 погребений совершено в материке. Инокультурные курганы не подвергались досыпкам. В собственно катакомбных курганах количество впускных погребений прямо пропорционально размерам насыпи. Возможно, при сооружении курганов малых размеров не предполагалось создание впускных погребений. Курганы вышеописанной второй группы изначально были средних размеров и допускали создание нескольких впускных погребений, досыпок прослежено не было. Курганы третьей группы (среднего размера), возможно, изначально относились к курганам первой или второй группы, и после создания материковых впускных погребений их насыпи были увеличены.

Особняком стоит вышеописанный курган 21, выделяющийся своими размерами и своей конструкцией, однако не имевший впускных погребений. В самые крупные курганы (2 и 8), конструкции которых описаны выше, было впущено 11 погребений (в среднем 5,5 погребений / курган). Как указано ранее, в кургане 2 обнаружено только три впускных погребения, и все они располагались в насыпи. В кургане 8 только два впускных погребения из восьми были материковыми.

В курганах восточноманычской катакомбной культуры большая часть основных погребений являлась захоронениями взрослых людей, 10 погребений были индивидуальными, 3 — парными, 1 — кенотаф. В индивидуальных погребениях в пяти случаях были зафиксированы останки мужчин, в

четырёх обнаружены женские захоронения, в одном — погребение подростка. Все три парных погребения содержали останки женщины и ребенка. Отметим, что большие по объему вторая насыпь кургана 2 и третья насыпь кургана 8 были созданы над парными погребениями.

Отметим некоторые особенности, выявленные в результате изучения соотношения впускных погребений в «свои» и в «чужие» курганы. В курганы других культур катакомбники не совершали детских погребений, обнаружен только один кенотаф, и только одно погребение было парным (женщина и ребенок), все остальные 24 были индивидуальными. В трех исследованы погребения подростков, в 21 — погребения взрослых людей, в том числе одно мужское и пять женских захоронений.

Как указано выше, в собственные насыпи катакомбники совершили 31 погребение, пять из которых являлись кенотафами, и только одно было парным (женщина и ребенок). В остальных 25 индивидуальных погребениях исследованы захоронения детей (4 погребения), подростков (4 погребения) и взрослых людей (17 погребений), в том числе 3 мужских и 2 женских.

Основное количество впускных погребений — как в однокультурных, так и в курганах других культур — было захоронениями взрослых людей. Отметим, что в инокультурных курганах катакомбники не хоронили детей, и только один кенотаф из пяти был сооружен под насыпью кургана степной северокавказской культуры.

Распределение по секторам в курганах других культур впускных катакомбных погребений следующее: основная нагрузка легла на центр кургана и на его восточную половину — 17 из 26 погребений, особенно заметно количество погребений в юго-восточном секторе — 10. Тринадцать погребений совершено в материке, а вторая половина — в насыпи курганов.

В однокультурных курганах катакомбные погребения распределены между секторами более равномерно, наблюдается некоторая тяга к центру, однако большая часть погребений, близких к центру кургана, совершена в его насыпи. 11 погребений из 31 было совершено в материке, из которых 4 — кенотафы, одно — погребение подростка, 4 — погребения взрослых людей, в

том числе одно мужское и два женских, а два — парные погребения женщины и ребенка. Отметим, что все 4 детских погребения были совершены в центральной части насыпи кургана, выше уровня погребенной почвы.

Выделяется тот факт, что впускные катакомбные погребения подростков, как в однокультурных курганах, так и в курганах других культур, имеют схожие черты: два погребения было сооружено в северо-восточном секторе, они находились в материке, а в юго-западном секторе исследовано пять подростковых погребений, и все они были совершены в насыпи кургана, то есть выше уровня погребенной почвы.

Рассматривая подробно характер использования катакомбниками подкурганного пространства памятников других культур, необходимо отметить, что только одно из 26 впускных погребений частично нарушило основное погребение. В кургане 25 основным было погребение 4 степной северокавказской культуры, его небольшая юго-восточная часть была срезана в результате создания восточноманычского погребения 5 [Синицын, Эрдниев 1971: 91, рис. 55]. В остальных же случаях, даже когда погребение находилось в непосредственной близости к центру кургана и совершалось в материке, основные погребения не были потревожены.

В однокультурных курганах катакомбники так же не нарушали основные погребения. Отмечен один случай в кургане 27, когда при создании детского катакомбного погребения 1 была нарушена входная шахта основного женского погребения 2. В результате камера детского захоронения находилась в насыпи входной шахты женского, что, учитывая принадлежность этих погребений к одной культуре, могло быть сделано умышленно [Андреева 2014: 65].

Подобный случай исследован в кургане 12 группы 2 могильника «Восточный Маныч» (левый берег), яму основного погребения взрослого человека перекрывала входная шахта катакомбы подросткового погребения [Синицын 1978: 73]. Есть мнение о том, что подобные погребения являются показателями близкого родства между погребенными [Андреева 2014: 65].

Интересен один случай, когда одно восточноманычское впускное погребение нару-

шило другое впускное захоронение ВМКК. В кургане 12 реннекатакомбной культуры было впущено катакомбное погребение 2 (взрослый человек) в северо-восточном секторе, ближе к центру кургана. Это погребение было разрушено в результате создания погребения 3 (женщина и ребенок). Судя по отчету, погребение 3 было сооружено во входной шахте погребения 2. Однако размеры создаваемого погребения были больше, и в процессе его создания у погребенного, находящегося в камере, была срезана верхняя часть скелета вплоть до грудной клетки. Обнаруженное погребение не остановило его строителей, и они продолжили, в результате было создано погребение в форме ямы на 0,2 м глубже уровня пола камеры поврежденного погребения 2 [Синицын, Эрдишев 1971: 81, рис. 39].

В результате проведенного анализа видно, что катакомбники относились к основным погребениям в курганах других культур так же, как и к основным погребениям в «своих» курганах, то есть старались их не нарушать. Из 26 погребений в инокультурных курганах только в одном случае было незначительно повреждено основное погребение. Из 31 погребения, впущенного в однокультурные курганы, только одно нарушило основное погребение, что, судя по всему, было сделано умышленно.

Выводы

Самыми ранними памятниками Элистинского могильника являлись курганы и погребения ямной и раннекатакомбной культур. Два кургана ямной культуры содержали только по одному основному погребению (индивидуальные погребения взрослых людей). В двух из четырех курганов раннекатакомбные погребения обнаружены: по одному впускному — одно детское и одно подростковое погребения. В основных погребениях, как и в ямных курганах, исследованы останки взрослых людей.

С обнаружением памятников степной северокавказской культуры появилась возможность изучить характер использования древним населением не только подкурганного пространства «своих» курганов, но и как были устроены впускные погребения в инокультурных памятниках. Все основные и впускные раннекатакомбные погребения

являлись захоронениями взрослых людей, в однокультурные курганы впущены индивидуальные погребения, а в двух «чужих» создано по одному парному погребению мужчины и женщины. Причем впущенные в инокультурные курганы погребения располагались в материке, к северу от центра, в непосредственной близости от него, но при их устройстве целостность основного погребения не была нарушена.

Памятники ямно-катакомбной группы немногочисленны, всего три погребения. Однако при их изучении перед нами предстает совершенно другой характер использования инокультурного подкурганного пространства. Так при устройстве впускного погребения в кургане раннекатакомбной культуры было повреждено основное погребение. Судя по отчету, камера основного погребения не была повреждена. Однако останки и погребальный инвентарь, содержащийся в этой камере, были полностью разрушены, находились в виде отдельных костей и фрагментированных предметов. Второй особенностью использования памятника другой культуры является обряд создания большой по объему досыпки после создания впускного погребения. Курган, созданный таким методом, являлся одним из самых больших в группе, намного превышающим остальные насыпи в размерах.

Катакомбные курганы встраивались в образовавшуюся цепочку, и основная их часть своими размерами практически не отличалась от существующих памятников. На общем фоне выделялись курган 21, третья насыпь кургана 8, вторая и третья насыпи кургана 2 (диаметр от 40 до 70 м, высота от 3,5 до 6,5 м). Большое количество курганов и погребений восточноманьчской катакомбной культуры позволило выявить гораздо больше информации об особенностях межкультурного взаимодействия.

Впускные погребения восточноманьчской катакомбной культуры практически никогда не нарушали основные погребения ни в «своих», ни в «чужих» курганах. Выявлен лишь один случай, когда впускное катакомбное незначительно повредило основное погребение другой культуры. Еще в одном случае впускное детское катакомбное погребение было сооружено во входной

шахте однокультурного женского погребения, что может рассматриваться как преднамеренное действие, целью которого было создание своеобразного семейного склепа.

Инокультурные насыпи активно использовались для создания впускных погребений, причем их количество в одном кургане не зависело от размера его насыпи. Число материковых погребений ни в одном случае не превышало двух, следов досыпок не выявлено. В собственно катакомбных курганах количественные показатели несколько иные — в малых по размеру курганах не выявлено материковых погребений, количество впускных погребений минимально, досыпок не прослежено. Судя по анализу месторасположения и количества впускных погребений в курганах среднего размера, эти памятники изначально предполагали создание впускных материковых погребений. Однако по достижении их количества до двух–трех погребений в одном кургане, его насыпь подвергалась досыпке. Этот сложный обряд трудно истолковать однозначно, потому что он состоял из нескольких взаимосвязанных элементов. Безусловно, люди, останки которых обнаружены в основных погребениях, являлись носителями высокого социального статуса. Судя по всему, захороненные во впускных материковых погребениях тоже были представителями верхушки общества, но по каким-то причинам не были удостоены отдельного кургана. Возможно, для них было важнее находиться под одной насыпью с основным погребенным, а досыпка являлась символом создания нового кургана.

Из результатов проведенного анализа следует, что при изучении погребальных памятников раннего и среднего бронзового века важно обращать внимание не только на количественные показатели погребений в отдельных курганах. При подсчете количества впускных погребений обязательно необходимо учитывать культурно-хронологическую принадлежность основного погребения. Кроме того, важно знать такие дополнительные данные, как местоположение погребения в насыпи или под ней, имелись ли следы досыпок и так далее. Эти данные позволяют выявить дополнительные группы впускных погребений — от «рядовых» погребений в насыпи до «престижных» за-

хоронений, после создания которых насыпь значительно увеличивали, и порой объем таких досыпок в несколько раз превосходил объем изначальной насыпи.

Характер использования межкурганного и подкурганного пространства представителями разных культур показал их толерантное отношение к инокультурным памятникам. Линейная структура курганной группы, протянувшейся по линии водораздела, говорит нам о единых принципах, которыми руководствовались строители при выборе места для нового кургана.

Интересным является процесс создания особенно крупных курганов (2 и 8), первые насыпи которых относились к степной северокавказской культуре, затем над ними было создано по две значительных насыпи, сделавших эти курганы самыми большими группами. Судя по тому, что изначально эти курганы были одними из самых больших в группе, в докатакомбное время именно размер этих памятников послужил одной из причин выбора именно их для создания последующих досыпок.

В результате изучения использования подкурганного пространства различных культур в одно- и поликультурных памятниках вывод является аналогичным: впускные погребения крайне редко нарушали основные и более ранние впускные погребения. Для восточноманычской катакомбной культуры удалось выявить различия в обряде совершения впускных погребений в «своих» и «чужих» курганах. Однако полученные результаты требуют проверки на материале изучения других погребальных памятников.

Проведенное исследование показало, что процесс смены культур раннего и среднего бронзового века на Ергенинской возвышенности происходил поэтапно, погребальные традиции постепенно сменяли одна другую, и эти процессы нашли свое отражение в особенностях устройства погребальных памятников. Изучение многочисленных материалов об археологических памятниках волго-манычских степей и сопредельных территорий с применением новых подходов и методик позволит осветить эти проблемы и ответить на многие вопросы межкультурного взаимодействия в бронзовом веке.

Таблица 1. Курганные могильники, исследованные в южной части
Ергенинской возвышенности

[Table 1. Mound burial sites investigated in the south of the Ergeni Uplands]

№	Могильник	Кол-во курганов (в скобках кол-во курганов энеолита и бронзового века)	Кол-во погребений (в скобках кол-во погребений энеолита и бронзового века)
1.	Элистинский (Элиста-3)	37 (23)	123 (92)
2.	Три Брата-1	28 (17)	112 (74)
3.	Архара	38 (23)	95 (67)
4.	Кермен Толга	44 (22)	84 (55)
5.	Лола-1	24 (22)	71 (62)
6.	Лола-2	17 (10)	42 (31)
7.	Три Брата-2	31 (3)	35 (3)
8.	Элиста-2	12 (min 1)	34 (18)
9.	Хар Зуха	9 (7)	33 (16)
10.	Бичкин Булук	19 (min 1)	28 (12)
11.	Хар Зуха-2	3 (3)	17 (13)
12.	Цаган Эльсин	11 (min 1)	16 (8)
13.	Гашунский	8 (4)	10 (5)
14.	Промзона	3 (0)	3 (0)
15.	Чееря Хурул	1 (1)	1 (1)
16.	Элиста-1	1 (1)	1 (1)
	Итого:	286 (min 139)	705 (461)

Таблица 2. Элистинский могильник. Культурно-хронологическая принадлежность основных и впускных погребений, с учетом совершенных досыпок (РКК — ранняя катакомбная культура; СтСК — степная северокавказская культура; ВМКК — восточноманычская катакомбная культура)

[Table 2. Elista grave field. Cultural and chronological affiliation of main and inlet burials (Early Catacomb culture, North Caucasian steppe culture, East Manych Catacomb culture)]

Тип погребения	Культурно-хронологическая принадлежность				
	Ямная культура (2 кургана)	РКК (4 кургана)	СтСК (6 курганов)	Ямно-катакомбная группа (нет курганов)	ВМКК (11 курганов)
Основное	2	4	6	—	11
Впускное в «свой» курган	—	2	2	—	20
Впускное в «чужой» курган	—	—	2	2	26
Впускное в «чужой» курган с совершением досыпки	—	—	—	1	2
Впускное в «чужой» курган с совершением повторной досыпки	—	—	—	—	1
Впускное в «чужой» курган, после его досыпки	—	—	—	—	11

Итого: 92 погребения	2	6	10	3	71
-------------------------	---	---	----	---	----

Литература

- Андреева 2014 — Андреева М. В. Восточно-маньчская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
- Буваев 2009 — Буваев Д. А. Современное состояние курганного могильника «Элистинский» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 3–11.
- Державин 1984 — Державин В. Л. Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 1984. Вып. 177. С. 90–95.
- Державин 1991 — Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху бронзы. М.: ИА АН СССР, 1991. 186 с.
- Карандеева 1957 — Карандеева М. В. Геоморфология Европейской части СССР [электронный ресурс] // Уч. пособ. М.: МГУ, 1957. 314 с. URL: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/karandeeva/2/2.htm> (дата обращения: 03.03.2020).
- Кекеев 2018 — Кекеев Э. А. Жертвенные комплексы эпохи бронзы из насыпей курганов (по материалам курганных групп «Восточный Маньч») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 26–45. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-26-45
- Кекеев 2019 — Кекеев Э. А. Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности) // *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 580–600. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600
- Кияшко 2002 — Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. 268 с.
- Мимоход 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и поздне-го периодов бронзового века: мат-лы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
- Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей: (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Синицын 1978 — Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Саратов: изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Спиридонов 1978 — Спиридонов А. И. Геоморфология европейской части СССР. Уч. пособ. М.: Высшая школа, 1978. 332 с.
- Шишлина 2007 — Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды Государственного Исторического музея. Вып. 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Эрдниев 1981 — Эрдниев У. Э. Древнейшая история заселения территории Калмыкии (материалы) // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 3–24.
- Эрдниев 1982a — Эрдниев У. Э. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 153 с.
- Эрдниев 1982b — Эрдниев У. Э. Калмыцкая степь в скифо-сарматское время // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 3–23.

References

- Andreeva M. V. East Manych Catacomb Culture: Analyzing Materials from Burial Monuments. Moscow: TAUS, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Buvaev D. A. Elista burial mound group: contemporary conditions revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2009. No. 1. Pp. 3–11. (In Russ.)
- Derzhavin V. L. Bronze Age in Stavropol Steppe. Moscow: Institute of Archaeology (USSR Academy of Sciences), 1991. 186 p. (In Russ.)
- Derzhavin V. L. Middle Bronze Age in the Ciscaucasia: stone-box burials. *Brief Communications of the Institute of Archaeology (KSIA)*. 1984. No. 177. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Erdniev U. E. Ancient population history of Kalmykia. In: *Archaeological Monuments. Bronze and Middle Ages*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 3–24. (In Russ.)

- Erdniev U. E. Archaeological Monuments of the Southern Ergeni. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 153 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. Kalmyk Steppe in the Scytho-Sarmatian era. In: Stone and Bronze Age Monuments of Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 3–23. (In Russ.)
- Karandeeva M. V. European USSR: Geomorphology. Textbook. Moscow: Moscow State University, 1957. 314 p. Available at: <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/karandeeva/2/2.htm>. (accessed: March 3, 2020). (In Russ.)
- Kekeev E. A. Sacrificial complexes in Bronze Age mounds: archaeological evidence from burials of the Ergeni Upland. *Oriental Studies*. 2019. No 4. Pp. 580–600. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600
- Kekeev E. A. Sacrificial complexes in Bronze Age tumuli: a case study of the East Manych kurgan groups. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4 (8). Pp. 26–45. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-26-45
- Kiyashko A. V. Culture Genesis in the East of the Catacomb World. Volgograd, 2002. 268 p. (In Russ.)
- Mimokhod R. A. Lola Culture: Northwestern Caspian at the Turn of the Late Bronze Age. Ser.: Materials of Rescue Archaeological Investigations. Vol. 16. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2013. 568 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Ergeni Uplands. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 420 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Kalmykia's Monuments Investigated in 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Shishlina N. I. Bronze Age in the Northwestern Caspian: 5th – 3rd Millennium BC. Ser.: Transactions of the State Historical Museum. Vol. 165. Moscow: State Historical Museum, 2007. 400 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. Ancient Monuments of the East Manych. In 2 vols. Saratov: Saratov State University, 1978. Vol. 1, 130 p.; vol. 2, 117 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Elista Burial Mound Site. Elista: Kalmyk Book Publ., 1971. 139 p. (In Russ.)
- Spiridonov A. I. European USSR: Geomorphology. Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola, 1978. 332 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 591–605, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902/904:636(470.57)''653''

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.)

Алексей Александрович Романов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0002-9984-3555. E-mail: romanov-aleksey-88@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Романов А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Городище Уфа-2 — памятник эпохи средневековья, расположенный на территории современного города Уфы. Основная масса артефактов, полученных археологами в процессе его исследования, датируется периодом от первой половины II – начала III вв. н. э. до второй половины VII в. н. э. Время постройки крепостных сооружений соотносится с началом III вв. н. э. *Цель* статьи — осветить результаты изучения остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на городище Уфа-2 в 2013 и 2016 гг., и динамику состава стада домашних копытных в течение периода функционирования памятника. *Результаты.* Анализ особенностей распределения костного материала по глубине культурного слоя поселенческой части памятника позволил уточнить выявленную на материалах раскопа 2017 г. закономерность. В нижней части культурного слоя (этап 1) наблюдается преобладание костей мелкого рогатого скота. Далее (этап 2) происходит снижение доли костей этого вида и увеличение количества костей лошади с постепенным их выравниванием. Выделенный в 2017 г. этап 3 на материалах 2013 г. четко проследить не удалось, что связано, вероятно, с нарушением целостности культурного слоя на данном участке и методикой отбора остеологического материала. В ходе археологического изучения рва в 2016 г. сформировалась гипотеза, согласно которой построенное в III–IV вв. н. э. фортификационное сооружение (ров) функционировало на протяжении не более одного-двух столетий, после чего неоднократно подвергалось засыпанию грунтом, взятым с площадки поселенческой части памятника. *Выводы.* Анализ остеологических коллекций из не потревоженных современными вкопами напластований в заполнении рва (этапы засыпки № 1 и 2) показал, что хронологически этап № 1 может быть соотнесен с началом увеличения в культурном слое жилой части городища керамики турбаслинской культуры и романовского типа. Второй этап, вероятно, сформировался ближе к середине – окон-

чанию этого хронологического отрезка. Таким образом, полученные выводы подтверждают и уточняют гипотезу, предложенную на основе анализа археологических данных.

Ключевые слова: животноводство, раннее средневековье, Южное Предуралье, археозоология, бахмутинская культура, кушнаренковская культура, турбаслинская культура, романовский тип, городище Уфа-2

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Романов А. А. Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 591–605. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

UDC 902/904:636(470.57)''653''

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016 Revisited

*Aleksey A. Romanov*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0002-9984-3555. E-mail: romanov-aleksey-88@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Romanov A. A., 2020

Abstract. *Goals.* The article discusses results of studies that dealt with osteological collections obtained during excavations at Ufa-2 hillfort in 2013 and 2016. Special attention is paid to the dynamics in livestock structure during the period of the monument's functioning. *Results.* Analysis of the bone material distribution in the cultural layer of the once inhabited part of the monument makes it possible to clarify the consistent pattern revealed earlier through materials of 2017 excavations. The lower stratum of the cultural layer (stage 1) is dominated by bones of sheep and goats, while the upper ones (stage 2) witness a decrease in the share thereof accompanied by a gradual increase in the number of horse bones. Stage 3 identified in 2017 is not clearly distinguishable in the materials obtained in 2013, which might be due to a violation of the cultural layer integrity in the area and employed methods of osteological materials selecting. 2016 archaeological survey of the moat gave rise to a hypothesis that the fortification (moat) was built in the 3rd–4th centuries AD and functioned for one or two centuries only to be further repeatedly filled with soil taken from the inhabited part of the site. *Conclusions.* Analysis of osteological collections from undisturbed layers of the moat (backfilling stages 1 and 2) shows that chronologically stage 1 can be correlated to an increase in the amount of Turbasli culture and Romanovka type ceramics in the cultural layer of the inhabited areas. And stage 2 may have taken shape by the middle or end of the chronological period. Thus, the findings confirm and clarify the hypothesis proposed on the basis of the analysis of archaeological data conducted.

Keywords: livestock breeding, Early Middle Ages, Southern Cis-Urals, archaeozoology, Bakhmutino culture, Kushnarenkovo culture, Turbasli culture, Romanovka type, Ufa-2 hillfort

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Romanov A. A. Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016 Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 591–605. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605

Введение

Городище *Уфа-2* — памятник, расположенный на территории современного города Уфы, на коренной террасе правого берега р. Белой. Площадка памятника располагается на высоком мысу, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами [Русланов и др. 2016: 5]. На городище был выявлен культурный слой, мощностью более 3 м [Ищериков 1959: 97–113; Иванов 2007: 67; Русланов, Русланова 2015: 339]. С напольной стороны мыс был перегорожен валом и рвом [Русланов и др. 2016: 6]. Радиоуглеродное датирование, результаты которого были опубликованы Ф. А. Сунгатовым и В. А. Левченко [Сунгатов, Левченко 2014: 44–55], показало, что площадка начала осваиваться человеком в первой половине II – начале III вв. н. э. Верхняя граница была получена в пределах второй половины VII в. н. э. Время постройки крепостных сооружений соотносится с началом III вв. н. э. [Сунгатов, Левченко 2014: 51].

С этими датами согласуется и основная масса полученных артефактов. На памятнике были выявлены находки, соотносимые с имендьяшевским типом финала эпохи раннего железа — начального этапа раннего средневековья, бахмутинской (чандарского типа), турбаслинской, кушнаренковской и именьковской (романовского типа) культурами и караякуповским типом эпохи раннего средневековья, чияликской культурой и древностями Золотой Орды эпохи развитого средневековья, а также этнографическим периодом существования современного города Уфы. Однако напластования, из которых получены обсуждаемые в этой работе остеологические коллекции, сформировались, по всей видимости, в эпоху раннего средневековья [Шутелева и др. 2013: 54; Шамсутдинов 2018, 1: 73].

Более поздние материалы, обнаруженные на городище, связаны, по всей видимости, с очагами разовой хозяйственной деятельности, осуществлявшейся на площадке заброшенного к тому времени поселения во второй половине I тыс. н. э. [Иванов 2012: 413–413; Антонов 2013: 31; Русланов и др.

2016: 57; Гарустович и др. 2018: 35; Антонов 2018: 184–185].

В настоящий момент зафиксировать напластования данного периода не представляется возможным из-за высокого уровня хозяйственной нагрузки на территорию в XIX–XX вв. Таким образом, исходя из имеющихся данных, остеологические коллекции городища *Уфа-2* будут рассматриваться нами как продукт жизнедеятельности населения эпохи раннего средневековья, а именно — бахмутинской (чандарского типа), турбаслинской, именьковской (романовского типа) и кушнаренковской культур.

В ходе изучения памятника в период с 2006 по 2017 г. был получен богатый археозоологический материал, позволивший установить роль охоты, рыбной ловли и животноводства в жизнеобеспечении раннесредневекового населения лесостепного Предуралья [Сатаев и др. 2011: 101–105; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Шамсутдинов и др. 2015: 168–176; Русланов и др. 2016: 80–95].

На остеологических материалах, полученных в 2017 г. (рис. 1), впервые на памятнике было проведено исследование, позволившее соотнести изменения в составе стада и в пищевых предпочтениях жителей городища с изменениями в соотношении фрагментов керамики разных культурных групп по глубине культурного слоя [Пластеева, Девяшин 2019: 152–185].

Согласно опубликованным данным, на нижних пластах раскопа бахмутинская керамика и керамика турбаслинского и романовского типов залегают совместно. При этом отмечается количественное преобладание первой. На втором этапе отмечается увеличение доли турбаслинской и романовской керамики. На финальном этапе в керамическом материале появляется керамика кушнаренковского типа [Белявская, Проценко 2018: 204–224].

На материале 2017 г. раскопок было проанализировано соотношение количества костей четырех видов одомашненных животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья) в выделенных группах напластований (рис. 1).

В результате удалось установить, что в нижней группе пластов (15–19), ассоциированных с преобладанием керамического материала бахмутинской культурной группы, наблюдается наибольшая доля костей мелкого рогатого скота. На втором этапе (пласты 8–14), связанном с увеличением в керамическом материале количества фрагментов сосудов турбаслинской и именьковской (романовский тип) культур, выявляется значимое снижение доли костей мелкого рогатого скота и увеличение количества костей лошади. В верхней группе пластов (1–7), выделенных на основании появления в них керамики кушнаренковской культуры [Белявская, Проценко 2018: 204–224], доля костей лошади максимальна, а костей

мелкого рогатого скота, напротив, — минимальна (рис. 1).

Однако следует отметить, что установленная закономерность была описана на материалах небольшого по площади (24 м²) и количеству определимых фрагментов (9 542) раскопа [Белявская 2019 1: 15; Пластеева, Девяшин 2019: 152–185]. Для ее подтверждения нами были отобраны материалы, полученные на городище в 2013 г.

Цель статьи — осветить результаты изучения остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на городище Уфа-2 в 2013 и 2016 гг., и динамику состава стада домашних копытных в течение периода функционирования памятника.

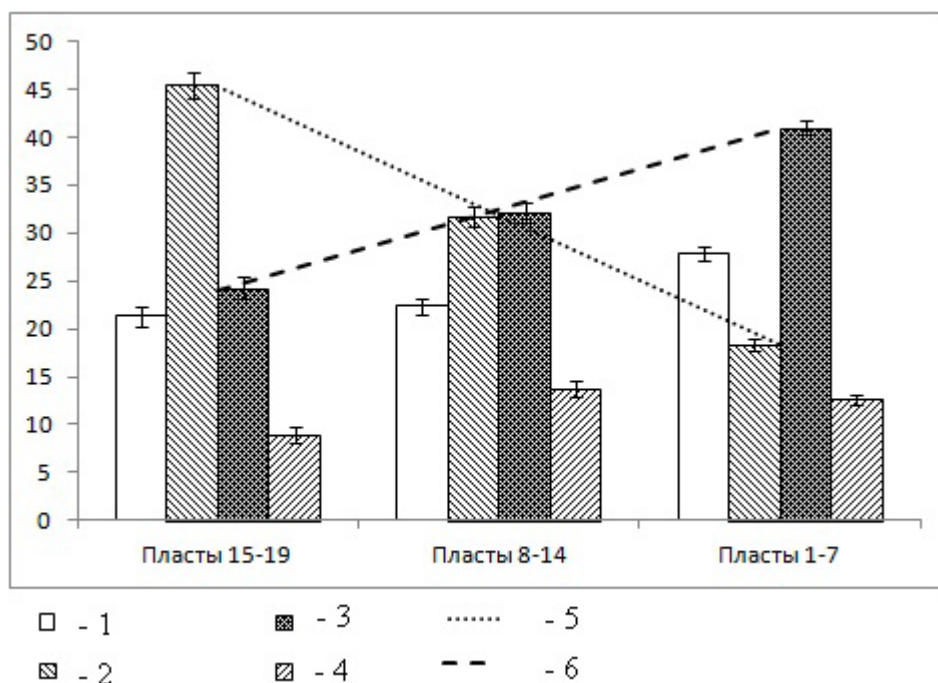

Рис. 1. Распределение остеологических фрагментов одомашненных видов животных по глубине раскопа 2017 г. (по данным: [Пластеева, Девяшин 2019: табл. 1])

[Fig. 1. Distribution of domesticated animals' osteological fragments by excavation depth. 2017]

Обозначения: 1 — крупный рогатый скот, 2 — мелкий рогатый скот, 3 — лошадь, 4 — свинья, 5 — линия тренда для мелкого рогатого скота, 6 — линия тренда для лошади

Legend: 1 — cattle, 2 — goats and sheep, 3 — horses, 4 — pigs, 5 — trend line for goats and sheep, 6 — trend line for horses

Материалы и методы

В рамках данной статьи рассматриваются остеологические материалы, полученные при проведении раскопок 2013 и 2016 гг. (рис. 2). Раскоп 2013 г. общей площадью 152 м² затрагивает часть оборонительного сооружения городища — вала, а также прилегающий к нему культурный слой посе-

ленческой части памятника [Шутелева и др. 2013: 13–16]. В ходе раскопок 2013 г. были получены обширные остеологические коллекции, но в нашей статье будут рассматриваться только материалы, полученные при изучении поселенческой части памятника (табл. 1), поскольку коллекция костей из раскопок вала не информативна.

Существует «нестыковка» в расположении раскопа 2013 г. на планах городища. В схеме, предложенной авторами отчета [Шутелева и др. 2013: 87], данный участок смещен западнее и не перекрывается с площадками 2006–2007 г., однако на уточненных схемах, представленных в более поздних работах [Белявская 2019, 2: рис. 9], видно, что часть раскопа 2013 г. заходит на рекультивированные отложения ранее исследованных квадратов (рис. 2). Таким образом, остеологические материалы, полученные в этих квадратах, не могут быть однозначно привязаны к ненарушенным отложениям и, следовательно, должны быть исключены из выборки.

В 2016 г. был исследован участок 52 м², заложенный на месте оборонительного рва [Шамсутдинов 2018, 1: 12–13]. Данные раскопы, как видно на прилагающейся схеме (рис. 1), расположены близко к краю памятника и друг к другу, образуют единый разрез, затрагивающий как фортификационные сооружения (ров и вал), так и поселенческую часть памятника.

Количественно полученные в 2013 и 2016 гг. коллекции распределяются следующим образом (табл. 1): 2013 г. — 13 871 костный фрагмент из культурного слоя поселенческой части памятника (определено до вида или рода 64,13 %); 2016 г. — 6 285 костных фрагментов (определено до вида или рода 66,94 %)¹.

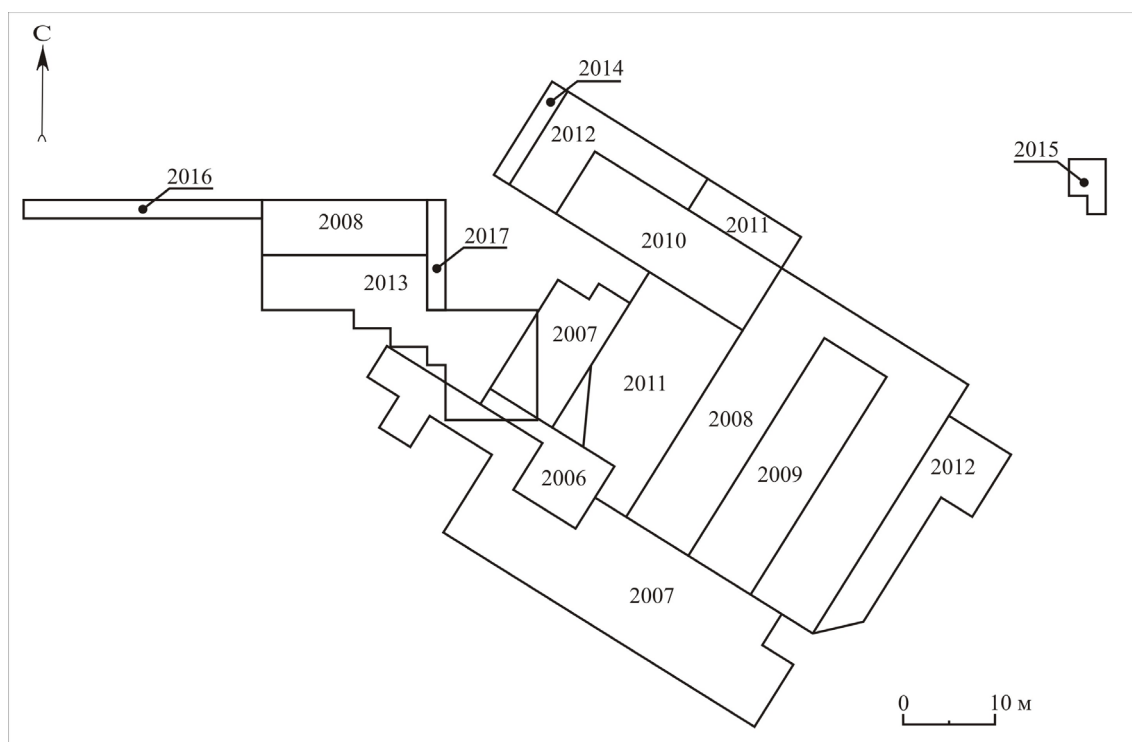

Рис. 2. Общий план расположения раскопов на городище Уфа-2 за все годы исследований
[Fig. 2. General layout of excavations at Ufa-2 hillfort over the years of research]

Кости животных сильно раздроблены, большая часть несет следы воздействия огня, разделки туши животных (порезы, разрубы, следы целенаправленного дробле-

ния), а также имеет погрызы хищников и грызунов. Остеологический материал представляет собой, по всей видимости, «кухонные остатки». Результаты видового определения материалов, выполненные автором статьи, были включены в научный отчет о результатах проведения археологических раскопок в 2016 г. [Шамсутдинов 2018, 1: 143–150], однако представленные в этом отчете данные, к сожалению, включают ряд

¹ Видовое определение остеологического материала производилось в 2016 г. на основании эталонных коллекций автора, находящихся на хранении в Государственном бюджетном учреждении Республиканском историко-культурном музей-заповеднике «Древняя Уфа».

неточностей, которые будут исправлены в настоящей статье. Так некоторые кости были изначально определены как принадлежавшие диким подвидам животных (кабан, волк), однако после консультации с сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН (ИЭРиЖ УрО РАН) упомянутые фрагменты были переопределены. В данной статье эти материалы включены в список одомашненных подвидов, а именно — свинья и собака (табл. 1).

Остеологические материалы 2013 и 2016 гг. показывают более бедный состав

диких видов животных, чем тот, что был выявлен в 2017 г. [Пластеева, Девяшин 2019: 171, табл. 1]. Количественно во всех коллекциях преобладают кости домашнего скота. На долю охотничье-промысловых видов животных приходится чуть более 1 % определенных до вида или рода фрагментов (табл. 1). Состав диких видов животных соответствует фауне Предуралья в эпоху средневековья [Гасилин, Косинцев 2008: 91]. На долю остатков рыб приходится не более 0,33 % определимых фрагментов. Кости птиц составляют от 0,68 до 0,93 % (табл. 1).

Таблица 1. Состав остеологических коллекций, полученных при проведении раскопок на фортификационных сооружениях городища Уфа-2 в 2013 и 2016 гг.

[Table 1. Structure of osteological collections discovered during excavations of fortifications at Ufa-2 hillfort. 2013 and 2016]

Вид	2013 г.		2016 г.	
	Единиц	В %	Единиц	В %
Мелкий рогатый скот	5 285	38,10	1 519	36,11
Лошадь	4 617	33,29	1 480	35,18
Крупный рогатый скот	3 002	21,64	856	20,35
Свинья	665	4,79	245	5,82
Верблюд			1	0,02
Собака	4	0,03	4	0,10
Сурок	134	0,97	45	1,07
Бобр	18	0,13	3	0,07
Бурый медведь	14	0,10		
Лось	6	0,04	1	0,02
Рыба	31	0,22	14	0,33
Птица	95	0,68	39	0,93
Неопределимые фрагменты — <i>Mammalia indet.</i>	7 760		965	

Анализ однородности распределения костных фрагментов домашнего скота по глубине раскопа жилой части памятника в 2013 г. производился по группам пластов (рис. 3). Пласты группировались исходя из представленных в отчете археологов данных о смене напластований, выявленных в процессе изучения памятника [Шутелева и др. 2013: 16–21].

В настоящий момент группировка пластов на основании анализа керамического материала, с выделением трех этапов смены населения городища, на данном участке

не представляется возможной, так как отсутствует анализ распределения фрагментов сосудов по глубине культурного слоя. Соотнесение выделенных этапов 2017 г. с напластованиями 2013 г. также невозможно ввиду различий в мощности выделяемых условных горизонтов [Шутелева и др. 2013: 15; Белявская 2019, 1: 15].

Материал, полученный при обследовании участка крепостного рва, также был сгруппирован (рис. 4). Основанием для группировки послужила особенность напластований, выявленная при проведении

археологических работ. Были подвергнуты группировке остеологические коллекции, полученные на 1–2 пластах, так как данные пласты извлекались не на всей

площади раскопа, а только в пределах нескольких квадратов, расположенных за внешним краем рва [Шамсутдинов 2018, 1: 21–23].

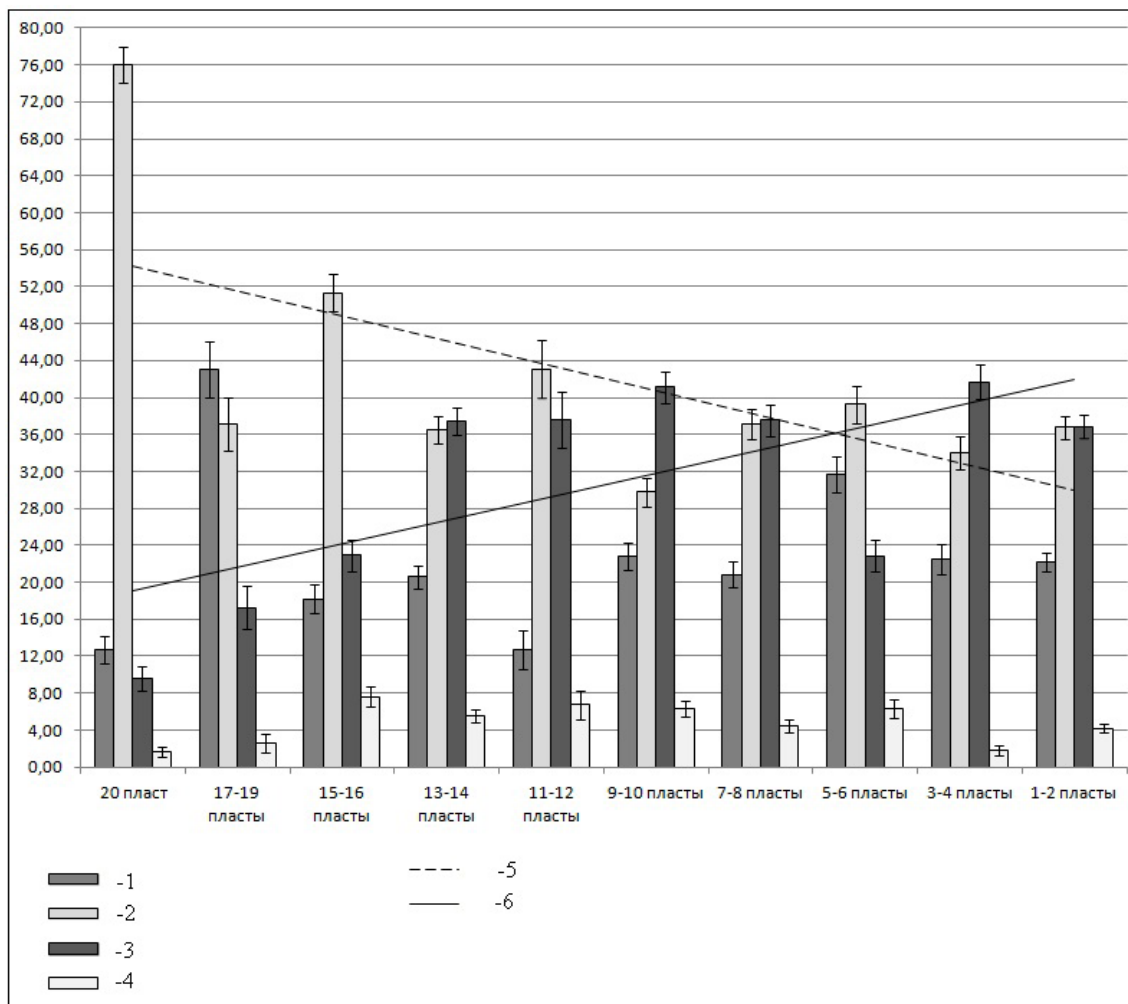

Рис. 3. Изменение соотношения костей одомашненных видов животных (в %) по глубине раскопа 2013 г.

[Fig. 3. Changes in the ratio of domesticated animals' bones (to each other, in percentage terms) by excavation depth. 2013]

Обозначения: 1 — крупный рогатый скот, 2 — мелкий рогатый скот, 3 — лошадь, 4 — свинья, 5 — линия тренда для мелкого рогатого скота, 6 — линия тренда для лошади
 Legend: 1 — cattle, 2 — goats and sheep, 3 — horses, 4 — pigs, 5 — trend line for goats and sheep, 6 — trend line for horses

Согласно данным из отчета [Шамсутдинов 2018, 1: 72; Шамсутдинов 2018, 4: рис. 491–498], заполнение рва на уровне пластов 8–11 представлено слоем плотной глины с затеками темного грунта (слой № 19), что соответствует слою, который сформировался при первом засыпании рва. Исходя из этого, остеологические коллек-

ции, полученные на уровне пластов 9–11, также были сгруппированы. В пределах пласта 8 происходит совмещение слоев, морфологически соотносимых с первым и вторым этапами засыпания рва [Шамсутдинов 2018, 1: 72], поэтому полученные здесь материалы считаются нами смешанными.

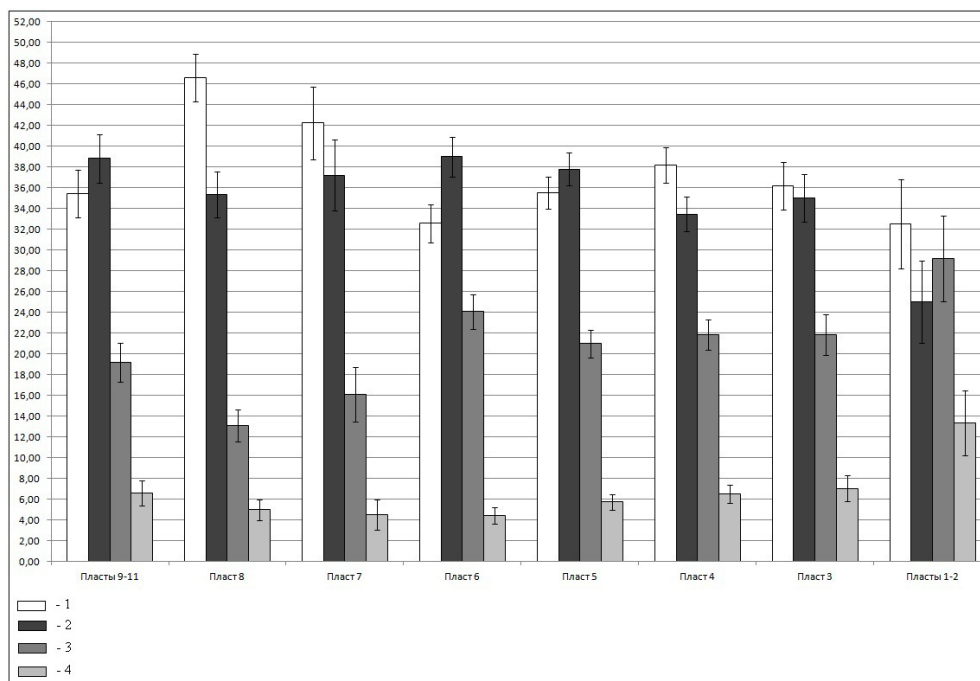

Рис. 4. Изменение соотношения костей одомашненных видов животных (в %) по глубине раскопа 2016 г.

[Fig. 4. Changes in the ratio of domesticated animals' bones (to each other, in percentage terms) by excavation depth. 2016]

Обозначения: 1 — мелкий рогатый скот, 2 — лошадь, 3 — крупный рогатый скот, 4 — свинья
Legend: 1 — goats and sheep, 2 — horses, 3 — cattle, 4 — pigs

Второй этап (слой № 7) был соотнесен автором раскопа со слоем грунта средней плотности и коричневого оттенка, состоящего из неравномерного перемеса глины и серозема [Шамсутдинов 2018, 1: 72; Шамсутдинов 2018, 4: рис. 491–498]. Этот слой начинает фиксироваться на уровне пласта 5. Основная масса слоя находится в пределах 6–7 пластов [Шамсутдинов 2018, 1: 28–34]. При этом на уровне седьмого горизонта выделяются слои как первого, так и второго этапов засыпания рва, а потому соотношение костей животных нужно рассматривать как перемешанное. В пределах же пятого горизонта были зафиксированы современные вкопы, затронувшие три квадрата из семи обследованных на уровне этого пласта [Шамсутдинов 2018, 1: 28–29].

Таким образом, опираться на полученные из седьмого пласта материалы невозможно. Исходя из этого, достоверно соотносить со вторым этапом засыпания рва можно только материалы, полученные на уровне пласта 6. Пласты 1–5 были сильно

потревожены в ходе хозяйственной деятельности в XX в., поэтому материалы, полученные из них, рассматриваться не будут.

Подъемный материал в исследовании не учитывался. Выявленные в 2016 г. на уровне пластов 4 и 5 скопления костей животных [Шамсутдинов 2018, 4: рис. 228–233, 294–296] анализировались с учетом представленных в них отдельных особей. Кости каждой уникальной особи принимались за единицу.

Особенности распределения остеологического материала по глубине культурного слоя

Результаты изучения коллекций 2013 г. раскопок

Крупный рогатый скот (КРС) представлен костями всех отделов скелета. Костный материал сильно раздроблен и несет на себе следы разделки туш, воздействия открытого огня, погрызы хищниками и грызунами. По количеству фрагментов этот вид находится на третьем месте и уступает лошади и мелкому рогатому скоту. Доля костей крупного

рогатого скота колеблется в пределах 20 % (рис. 3), за исключением некоторых групп пластов, где наблюдается увеличение процента костей этого вида до 43 % (пласты 17–19) и 32 % (пласты 5–6). Однако это увеличение доли крупного рогатого скота, вероятно, является следствием погрешности, связанной с общим снижением количества определенных до вида или рода фрагментов, выявленных в пределах этих пластов.

Лошадь. Были выявлены кости всех отделов скелета. Характер раздробленности костного материала принципиально не отличается от такового у крупного рогатого скота. Динамика обилия костей данного вида животных по глубине раскопа отражает тенденцию, сходную с описанной на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Наблюдается увеличение доли костей лошади с 10 до 40 % от нижних пластов к верхним (рис. 3).

Мелкий рогатый скот (МРС) представлен козами и овцами. Последние количественно преобладают. Доля костей мелкого рогатого скота максимальна (76 %) на нижних пластах раскопа и затем снижается до 32–36 % к верхним пластам (рис. 3). Подобное уменьшение количества костей МРС также коррелирует с результатами, полученными в 2017 г. Исключение составляют группы пластов 17–19 и 5–6, на которых, как было сказано выше, на фоне общего снижения количества определяемых фрагментов соотношение костей отдельных видов выбивается из описанной тенденции (рис. 3).

Свинья. Костные остатки этого вида составляют не более 8 % от общего числа костей домашних копытных. Доля этого вида минимальна (1,66 %) на нижних пластах раскопа. В средней части культурного слоя увеличивается до 5–6 % и затем вновь снижается. Изменение роли свиньи в стаде, судя по данным, собранным на разной глубине раскопа, незначительно и превышает погрешности измерения лишь в нижней части культурного слоя, на границе пластов 17–19 и 15–16 (рис. 3).

Дикие животные. Видовое разнообразие костей диких видов животных гораздо беднее, чем это наблюдалось на других частях памятника [Сатаев и др. 2011: 102; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Романов, Русланов 2015: табл. 2; Пластеева, Девяшин 2019: 161–163].

Больше всего (0,97 %) костей принадлежит сурку. Механизм накопления костей этого вида в культурном слое на данный момент не изучен. Вполне вероятно, что данный вид проживал на территории Уфимского полуострова, и его кости накапливались в культурном слое естественным образом. Однако нужно отметить, что в настоящий момент этот вид проживает значительно южнее [Атлас 2005: 129]. Ранее высказывалось предположение [Сатаев, Куфтерин 2014: 335], что попадание костей сурка в культурный слой может быть связано с охотничьей деятельностью населения городища. Косвенно это подтверждается тем, что вид представлен в основном костями проксимальных отделов конечностей. Такое избирательное накопление костей в культурном слое могло происходить в том случае, если животные добывались и разделывались за пределами городища, а на территорию памятника приносились уже снятые шкурки животных с остатками конечностей. В меньшей степени представлены кости медведя — 0,1 %, бобра — 0,13 % и лося — 0,04 % (табл. 1). Эти виды также представлены костями проксимальных и дистальных отделов конечностей.

Птицы и рыбы. Кости птиц и рыб составили 0,68 и 0,22 % от общего количества определяемого материала соответственно. Ранее отмечалось [Романов, Русланов 2015: 67–69], что распределение остатков птиц и рыб на разных участках памятника неравномерное. Наибольший их процент был обнаружен в материалах раскопа 2015 г. (птицы — 3,26 %; рыбы — 4,22 %). Этот участок располагался на периферии городища, вблизи ограничивающего его с северо-восточной стороны водотока (рис. 2). В материалах раскопок центральной части памятника (2012 и 2014 гг.) количество костей этих видов несколько ниже и составляет от 0,63 до 1,16 % для рыб и от 0,73 до 0,81 % для птиц [Русланов и др. 2016: 81].

Анализ костей рыб свидетельствует, что население городища обладало развитыми способами добычи различных видов рыб [Шевченко, Гимранов 2016б: 252]. В то же время археологами не были обнаружены изделия, которые можно было бы однозначно интерпретировать как орудия рыбной ловли. Исключение составляет единственное грузило [Шевченко, Гимранов 2016а: 175].

Таким образом, остеологические материалы, полученные на данной площадке памятника, показывают идентичную с материалами 2017 г. закономерность в изменении состава стада домашних копытных по глубине культурного слоя. Важно отметить, что согласно опубликованным ранее результатам 2014–2015 гг. в центральной части памятника и на его северо-западной периферии изменений в соотношении костей одомашненных видов животных не наблюдается [Романов, Русланов 2015: 65–72; Романов, Шевченко 2015: 61–65]. Причины, обуславливающие различия, которые выявлены на разных участках памятника, в данный момент не установлены. Одной из возможных причин могут являться хронологические особенности в отложении культурных напластований. Также важно отметить, что верхняя часть культурного слоя на большей части исследованной площади памятника сильно потревожена фундаментами построек периода функционирования современного города Уфа [Шутелева и др. 2013: 7–8]. Для точного установления причин этих различий необходимо проведение дальнейших исследований остеологических и керамических коллекций, полученных на разных участках городища.

Опираясь на информацию о соотношениях костей одомашненных видов животных, напластования, выявленные в 2013 г., можно соотнести с первым (пласты 15–20) и вторым (пласты 5–14) этапами функционирования городища *Уфа-2*, выявленными на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Третий этап, характеризующийся преобладанием доли костей лошади и крупного рогатого скота над мелким рогатым скотом, достоверно проследить в материалах раскопок 2013 г. не удалось. Однако это может быть связано с разными методиками сбора остеологического материала в 2013 и 2017 гг. Тем не менее выявленная ранее на материалах раскопа небольшой площади общая тенденция к увеличению доли костей лошади и уменьшению доли костей мелкого рогатого скота в привальной части жилой площадки городища была подтверждена (рис. 3).

Результаты изучения коллекций 2016 г. раскопок

Остеологические коллекции, полученные при раскопках рва городища, также не имеют принципиальных отличий в видовом

составе животных от материалов, полученных при проведении раскопок культурного слоя поселенческой части памятника в 2013 и 2017 гг. (табл. 1). Основная масса костного материала представляет собой кухонные остатки преимущественно одомашненных видов животных (97,58 %).

Крупный рогатый скот. Доля костей КРС увеличивается от нижних пластов к верхним с 19 до 29 % (рис. 4). Однако, учитывая погрешности измерения, можно сказать, что разница в доле костей крупного и мелкого рогатого скота в пределах 6–11 пластов, не несущих в себе следов современного антропогенного воздействия [Шамсутдинов 2018, 1: 17–44], проявляется незначительно, и только в самой верхней (пласт 6) части напластований. Процентное соотношение костей крупного рогатого скота в нижней части заполнения рва соответствует доле этого вида в коллекциях, полученных на этапах 1 и 2 раскопа 2017 гг. (рис. 1).

Мелкий рогатый скот представлен исключительно овцой. Костей, принадлежавших козе, выявлено не было. Накопление материала происходило как посредством сохранения в напластованиях отдельных костей и их фрагментов, так и за счет попадания в ров достаточно полных туш животных. Наиболее крупное скопление, состоящее из туловищного и головного отделов скелета овцы, было выявлено на границе квадратов 51 и 56 на уровне пласта 4. Рядом с этим скелетом были обнаружены фрагменты костей скелета и черепа лошади, нижних челюстей крупного рогатого скота, а также развал керамического сосуда [Шамсутдинов 2018, 4: рис. 228–233]. Автор отчета интерпретирует данное скопление как выброс пищевых отходов в период активного функционирования городища [Шамсутдинов 2018, 1: 27], однако учитывая то, что культурный слой в пределах квадрата 51 был потревожен в XX в., что выражается в большом скоплении строительного и бытового мусора [Шамсутдинов 2018, 1: 26], можно сделать вывод, что грунт, несущий эти остеологические и керамические материалы, мог быть перемещен туда значительно позднее. В нижних, нетронуемых современным антропогенным воздействием слоях доля костей мелкого рогатого скота сначала увеличивается с 35 до 46 %, а затем происходит ее уменьшение до 32 % (рис. 4).

Лошадь. Остеологический материал также представлен костями всех отделов скелета. Раздробленность материала принципиально не отличается по своему характеру от таковой для крупного рогатого скота. Доля фрагментов костей лошади составляет в среднем около 35 % (табл. 1). В пределах непотревоженных слоев изменения в соотношении костей лошади по отношению к общему количеству определяемых костей домашних копытных по глубине не наблюдается (рис. 4).

Свинья. Доля костей этого вида домашнего скота составляет чуть менее 6 % от общего количества определяемого материала домашнего скота (табл. 1). На уровне горизонтов 6–11 доля костей свиньи не изменяется (рис. 4). Были выявлены кости всех отделов скелета. В большей степени свинья представлена скелетированными останками головы и проксимальных отделов конечностей. Кости туловища и дистальных отделов конечностей менее распространены. Такое распределение характерно для кухонных остатков.

Верблюд. В раскопе рва была обнаружена кость, принадлежавшая верблюду. Ранее на территории городища уже обнаруживались кости этого нетипичного для Южного Предуралья вида животного [Сатаев и др. 2011: 102; Романов, Русланов 2015: 70]. Исследователями высказывалась гипотеза [Сатаев и др. 2011: 103], что эти животные попадали на территорию городища с торговыми караванами из Средней Азии. Однако анализ изотопов Sr, проведенный М. Б. Медниковой на единственной кости верблюда из раскопа 2015 г., показал, что данное животное по меньшей мере несколько лет выпасалось на территории со сходными Предуралью геохимическими условиями [Русланов и др. 2016: 109]. Важно понимать, что данный анализ был сделан на единственной кости, и для получения более точных данных требуются дополнительные исследования. Всего на территории памятника в разные годы исследований было обнаружено 95 фрагментов костей верблюда [Сатаев и др. 2011: 102; Сатаев, Куфтерин 2017: 58–60; Романов, Русланов 2015: табл. 2; Пластеева, Девяшин 2019: 160–161]. Изучение костей этого вида животных имеет большое значение для исследования вопроса караванной торговли.

Заключение

Изменение доли разных видов домашних животных по глубине культурного слоя приваловой территории поселенческой части памятника (раскоп 2013 г.) подтверждает тенденцию, выявленную первоначально на небольшом участке памятника в раскопе 2017 г. (рис. 1). На нижних слоях раскопа преобладают кости мелкого рогатого скота, но в дальнейшем главную роль в стаде занимает лошадь (рис. 3).

Доля костей крупного рогатого скота и свиньи по глубине раскопа существенно не меняется. Описанные изменения могут быть связаны с трансформацией хозяйства населения городища, происходившей под влиянием притока пришлых племен, носителей турбаслинской культуры и романовского археологического типа, а затем кушнаренковской культуры. Данное наблюдение особенно интересно, так как в исследованиях, проведенных на материалах центральной и северо-западной части памятника, данная тенденция исследователями не выявлялась [Романов, Русланов 2015: 65–72; Романов, Шевченко 2015: 61–65]. На основании выявленного соотношения костей одомашненных видов животных к первому этапу функционирования памятника на участке раскопа 2013 г. могут быть отнесены пласты 20–15. Ко второму этапу, по всей видимости, относятся пласты 14–8. Третий этап на материалах поселенческой части раскопа 2013 г. однозначно проследить не удалось. Материалы 1–7 условных горизонтов были, по всей видимости, сильно перемешаны в более поздний период (рис. 3).

Материалы, полученные при исследовании непотревоженных современным воздействием напластований заполнения рва, показывают следующие закономерности: доля костей мелкого рогатого скота в пределах зафиксированного при проведении раскопок нижнего слоя (слой № 19) соответствует этапу 1, выделенному на материалах раскопа 2017 г. (рис. 1). Однако доля костей лошади превышает полученные для первого этапа данные. Разница составила порядка 10 %. Относительное количество остеологических фрагментов этого вида больше соответствует второму этапу (рис. 1). Вероятно, данный слой заполнения рва мог сформироваться в пределах начала второго этапа существования городища и

быть связанным с приходом на городище населения турбаслинской археологической культуры и романовского типа.

В пределах второго этапа засыпания рва (слой № 7) мы видим снижение доли костей мелкого рогатого скота до 32 % и увеличение доли костей лошади до 38 %. Сравнение этих данных с результатами исследований 2017 г. (рис. 1) позволяет предполагать, что данный слой мог быть сформирован в период, соотносимый со вто-

рым этапом функционирования городища *Уфа-2*. Высказанная нами гипотеза косвенно подтверждает точку зрения М. Р. Шамсутдинова [Шамсутдинов 2018, 1: 72] о том, что ров функционировал не более одного–двух столетий, после чего жителями городища было принято решение о его засыпании. Однако нужно отметить, что данные выводы являются предварительными и требуют продолжения детальных междисциплинарных исследований.

Источники

Белявская 2019, 1 — *Белявская О. С.* Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан, в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. 2019. Т. 1. 202 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Белявская 2019, 2 — *Белявская О. С.* Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан, в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. 2019. Т. 2. 176 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Пластеева, Девяшин 2019 — *Пластеева Н. А., Девяшин М. М.* Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II (материалы 2017 года раскопок) // Белявская (Крапачева) О. С. Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II», расположенного в Кировском районе городского округа г. Уфы Республики Башкортостан,

в 2017 году по Открытому листу № 615 от 01.06.2017 г. Т. 1. Уфа. 2019. С. 152–185 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61488–61491.

Сатаев, Куфтерин 2017 — *Сатаев Р. М., Куфтерин В. В.* Результаты археозоологических исследований на городище Уфа-II // Русланова (Тамидарова) Р. Р. Научный отчет об итогах проведения археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2012 году. Т. II. Уфа. 2017. С. 58–60 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 35572; № 35573: альбом иллюстраций к отчету.

Шамсутдинов 2018, 1 — *Шамсутдинов М. Р.* Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2016 г. Т. 1. Уфа, 2018. 152 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 57731; № 57732: приложения к отчету; № 57733–57734: альбомы иллюстраций к отчету.

Шамсутдинов 2018, 4 — *Шамсутдинов М. Р.* Научный отчет об итогах проведения охранных археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфе на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2016 г. Т. 4. Уфа, 2018. 185 с. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 57731; № 57732: приложения к отчету; № 57733–57734: альбомы иллюстраций к отчету.

Sources

Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufinsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. Ufa, 2019. Vol. 1. 202 p. At: Scientific

Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. Ф-1. Cat. Р-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)

Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufinsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific

- Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. Ufa, 2019. Vol. 2. 176 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. Ф-1. Cat. P-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)
- Plasteeva N. A., Devyashin M. M. Osteological remains of mammals from Ufa-2 (materials of 2017 excavations): results of investigation. In: Belyavskaya (Krapacheva) O. S. Summarizing Results of 2017 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at Ufa-II Hillfort (Kirovsky Okrug, Ufimsky Municipal District, Republic of Bashkortostan): Scientific Progress Report. Permit no. 615 of June 1, 2017. 2019. Vol. 1. Ufa, 2019. Pp. 152–185. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 61488–61491. (In Russ.)
- Sataev R. M., Kufteer V. V. Ufa-2 hillfort: results of archaeozoological investigation. In: Ruslanova (Tamidarova) R. R. Summarizing Results of 2012 Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 2. Ufa, 2017. Pp. 58–60. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 35572; 35573: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R. Summarizing Results of 2016 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 1. Ufa, 2018. 152 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 57731; 57732: Supplements to the Report; 57733–57734: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R. Summarizing Results of 2016 Rescue Archaeological Field Works (Archeological Excavations) at the Cultural Heritage Site of Ufa-II Hillfort (Ufimsky Municipal District): Scientific Progress Report. Vol. 4. Ufa, 2018. 185 p. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). Coll. 1. Cat. P-1. Files no. 57731; 57732: Supplements to the Report; 57733–57734: Graphic supplements to the Report. (In Russ.)
- Ориентал Студис. 2018. № 4 С. 32–42. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42
- Газилин, Косинцев 2008 — *Газилин В. В., Косинцев П. А.* Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 12. С. 90–94.
- Иванов 2007 — *Иванов В. А.* Население «Уфимского полуострова» в эпоху раннего средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь. 2007. С. 64–70.
- Иванов 2012 — *Иванов В. А.* Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 404–414.
- Ищерики 1959 — *Ищерики П. Ф.* Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. Уфа: [б. и.], 1959. С. 97–113.
- Романов, Русланов 2015 — *Романов А. А., Русланов Е. В.* Кости млекопитающих и птиц из культурного слоя археологического памятника эпохи раннего средневековья «Городище Уфа-II» (по материалам раскопок 2015 г.) // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: мат-лы рег. науч. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 65–72.
- Романов, Шевченко 2015 — *Романов А. А., Шевченко А. М.* Кости животных из культурного слоя археологического памятника раннего

Литература

- Антонов 2013 — *Антонов И. В.* К вопросу о городах на территории Башкирии в XIII–XV веках // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). История. Вып. 58. С. 29–33.
- Антонов 2018 — *Антонов И. В.* К вопросу о существовании городов на территории Башкирии в эпоху Золотой Орды (XIII–XIV вв.) по данным археологии // Научный диалог. 2018. № 4. С. 179–190. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-179-190
- Атлас 2005 — Атлас Республики Башкортостан / Япаров И. М. (гл. ред.). Уфа: Китап, 2005. 419 с.
- Белявская, Проценко 2018 — *Белявская О. С., Проценко А. С.* Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху Средневековья (по материалам раскопок 2017 года) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симпозиум, посвящ. памяти видного учёного-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н. А. Мажитова / отв. ред. А. И. Уразова (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 г.). Уфа: Мир печати, 2018. С. 204–224.
- Гарустович и др. 2018 — *Гарустович Г. Н., Овсянников В. В., Русланов Е. В.* Городище Уфа-II в золотоордынский период //

- средневековья «Уфа-2» // Научные труды SWorld. Вып. 2(39). Т. 19. Иваново: Научный мир, 2015. С. 61–65.
- Русланов, Русланова 2015 — *Русланов Е. В., Русланова Р. Р.* Фибулы эпохи великого переселения народов с городища Уфа-II // Уральский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 148–153.
- Русланов и др. 2016 — *Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А.* Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Древняя Уфа, 2016. 276 с.
- Сатаев, Куфтерин 2014 — *Сатаев Р. М., Куфтерин В. В.* Новые археозоологические исследования на городище Уфа II (материалы 2012 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 333–335.
- Сатаев и др. 2011 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В., Куфтерин В. В., Гимранов Д. О., Султанов Р. Р.* Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 5(3). С. 101–105.
- Сунгатов, Левченко 2014 — *Сунгатов Ф. А., Левченко В. А.* Хронология средневекового городища Уфа-II по данным радиоуглеродного датирования культурных отложений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19. № 1. С. 44–56.
- Шамсутдинов и др. 2015 — *Шамсутдинов М. Р., Русланов Е. В., Романов А. А., Тагирова Р. Ш.* Городище Уфа II. Материалы раскопок 2014 года. Уфа: ДизайнПресс, 2015. 320 с.
- Шевченко, Гимранов 2016а — *Шевченко А. М., Гимранов Д. О.* Костные остатки рыб из средневекового городища Уфа II по материалам раскопок 2014 г. // Экология древних и традиционных обществ: мат-лы V Международ. науч. конф. (г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. С. 173–175.
- Шевченко, Гимранов 2016б — *Шевченко А. М., Гимранов Д. О.* Костные остатки рыб из средневекового городища Уфа II (по материалам раскопок 2015 года) // Мат-лы IV Всерос. науч. конф. «Динамика современных экосистем в голоцене» / отв. ред. С. Н. Удальцов. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. С. 250–252.
- Шутелева и др. 2013 — *Шутелева И. А., Щербанов Н. Б., Леонова Т. А., Шамсутдинов М. Р., Русланов Е. В.* Уфа-II — средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года. Уфа: Инеш, 2013. 192 с.

References

- Antonov I. V. On question of existence of towns in Bashkiria in Golden Horde era (13th–14th centuries) according to archaeology. *Scientific Dialogue*. 2018. No. 4. Pp. 179–190. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-179-190
- Antonov I. V. On the towns in Bashkiria XIII–XV century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. Vol. 36 (327). History. No. 58. Pp. 29–33. (In Russ.)
- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S. Ancient settlement ceramic complex Ufa-II as a reflection of ethno-cultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in 2017). In: Urazova A. I. (ed.) *Ancient and Medieval Societies of Eurasia — A Cultural Crossroads. Commemorating Prof. N. A. Mazhitov. International Symposium Proceedings (Ufa; December 6–7, 2018)*. Ufa: Mir Pechati, 2018. Pp. 204–224. (In Russ.)
- Garustovich G. N., Ovsyannikov V. V., Ruslanov E. V. The ancient settlement of Ufa-II in the Golden Horde period. *Oriental Studies*. 2018. No. 4. Pp. 32–42. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-4-32-42
- Gasilin V. V., Kosintsev P. A. Secular dynamics of the large mammals fauna in the South Urals. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2008. No. 12. Pp. 90–94. (In Russ.)
- Ishcherikov P. F. Ufa-II hillfort. In: *Archaeology Research Papers of Bashkiria*. Ufa, 1959. Pp. 97–113. (In Russ.)
- Ivanov V. A. Four coins as an equivalent of existence of the cities in Bashkiria during an era of the Golden Horde. *Golden Horde Civilization*. 2012. No. 5. Pp. 404–414. (In Russ.)
- Ivanov V. A. Population of the ‘Ufa Peninsula’ in the Early Middle Ages. In: Belavin A. M. (ed.) *Transactions of the Kama Archaeological-Ethnographic Expeditions. Vol. 4*. Perm, 2007. Pp. 64–70. (In Russ.)
- Romanov A. A., Ruslanov E. V. Bones of mammals and birds from the cultural layer of Ufa-II hillfort, an early medieval archaeological monument: a case study of materials excavated in 2015. In: Sultanova A. N. (ed.) *8th Bashkiria Archaeological Conference of University Students and Young Scientists. Conference Proceedings*. Ufa: Bashkir State University, 2015. Pp. 65–72. (In Russ.)

- Romanov A. A., Shevchenko A. M. Bones of animals from the cultural layer of Ufa-2 hillfort, an early medieval archaeological monument. *Scientific Papers SWorld*. 2015. Vol. 19. No. 2(39). Pp. 61–65. (In Russ.)
- Ruslanov E. V., Ruslanova R. R. Fibulas of the era of Great Migration from Ufa-II hillfort. *Ural Historical Journal*. 2015. No. 15. Pp. 148–153. (In Russ.)
- Ruslanov E. V., Shamsutdinov M. R., Romanov A. A. Ufa-II Hillfort: Early Medieval Ancientries of the Ufa Peninsula. A Case Study of Archaeological Materials Excavated in 2015. Ufa: Drevnyaya Ufa, 2016. 276 p. (In Russ.)
- Sataev R. M., Kufteer V. V. New archaeozoological surveys at Ufa-II hillfort: investigating materials excavated in 2012. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.) Transactions of the 4th (20th) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 333–335. (In Russ.)
- Sataev R. M., Sataeva L. V., Kufteer V. V., Gimranov D. O., Sultanov R. R. Features of nature management of the medieval population of the Ufa Peninsula. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011. Vol. 13. No. 5(3). Pp. 101–105. (In Russ.)
- Shamsutdinov M. R., Ruslanov E. V., Romanov A. A., Tagirova R. Sh. Ufa-II Hillfort: A Case Study of Materials Excavated in 2014. Ufa: DizaynPress, 2015. 320 p. (In Russ.)
- Shevchenko A. M., Gimranov D. O. Fish bone remains from a medieval settlement Ufa II based on materials from the excavations in 2014. In: Matveeva N. P. (ed.) Ecology of Ancient and Traditional Societies. International Conference Proceedings (Tyumen; November 7–11, 2016). Vol. 5, in 2 parts. Part 1. Tyumen: Tyumen State University, 2016. Pp. 173–175. (In Russ.)
- Shevchenko A. M., Gimranov D. O. Fish bone remains from Ufa-II hillfort: a case study of materials excavated in 2015. In: Udaltsov S. N. (ed.) Dynamics of Contemporary Ecosystems in the Holocene. Conference Proceedings. Moscow: KMK Science Publications, 2016. Pp. 250–252. (In Russ.)
- Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B., Leonova T. A., Shamsutdinov M. R., Ruslanov E. V. Ufa-II: A Medieval Hillfort in the Southern Urals. A Case Study of Materials Excavated in 2013. Ufa: Inesh, 2013. 192 p. (In Russ.)
- Sungatov F. A., Levchenko V. A. Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2014. Vol. 19. No. 1. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Yaparov I. M. (ed.) Republic of Bashkortostan: Atlas. Ufa: Kitap, 2005. 419 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 606–619, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-606-619
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 904

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-606-619

Геометрическая и зооморфные каменные скульптуры из фондов Национального музея Республики Калмыкия

Евгений Гаврилович Буратаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Буратаев Е. Г., 2020

Аннотация. *Введение.* Каждый случай находки изваяния в курганной насыпи представляет интерес. Редкие количественно зооморфные и антропоморфные каменные изваяния, зафиксированные на территории Калмыкии, представляют научный интерес в изучении региона в целом. *Цель* статьи — рассмотреть ряд каменных неантропоморфных изваяний, найденных на территории современной Республики Калмыкия. Зооморфная каменная скульптура представлена изображением головы барана и фигурой быка, отдельно рассмотрено каменное составное сооружение. Рассматриваемые образцы хранятся в фондах Национального музея Республики Калмыкия. Все они введены в научный оборот, однако подробное описание зооморфных изваяний с указанием морфологических особенностей пока отсутствует. *Результаты.* Рассматриваемые изображения животных являются уникальным материалом для изучения древностей восточно-европейских степей, некоторые изваяния не имеют аналогий. Во всех случаях изваяния были найдены в пределах курганной насыпи, однако сами курганы, за исключением одного позднекочевнического, изучены не были. Факт распространения каменных зооморфных изваяний и изображений другого типа, наряду с находками половецких *бабаев*, позволил автору прийти к выводу о том, что западные части современной территории республики использовались носителями различных культур в разных хронологических периодах. Представленный в статье материал дает дополнительные сведения о материальном отражении религиозного пантеона древнетюркского населения восточно-европейских степей на различных этапах развития.

Ключевые слова: зооморфная скульптура, древнетюркский период, средневековье, поздние кочевники, половцы, курган, погребение, Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Буратаев Е. Г. Геометрическая и зооморфные каменные скульптуры из фондов Национального музея Республики Калмыкия // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 606–619. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-606-619

UDC 904

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-606-619

National Museum of Kalmykia: Geometric and Zoomorphic Stone Sculptures Revisited

*Evgeny G. Burataev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Burataev E. G., 2020

Abstract. *Introduction.* Each and every stone carving discovered in barrows is of great interest. And essentially rare zoomorphic / anthropomorphic stone sculptures from Kalmykia's excavated sites are academically important for regional studies in general. *Goals.* The paper aims to examine a number of non-anthropomorphic stone carvings spotted in the territory of present-day Kalmykia. The zoomorphic sculptures depict a sheep's head and an ox; special attention is paid to a compound construct. The samples under consideration are stored at the Palmov National Museum of Kalmykia. All of them have been introduced into scientific discourse already, while the article provides detailed descriptions thereto supplementing the latter with reviews of morphological peculiarities. *Results.* The animal depictions are unique materials for the research of antiquities of Eastern European steppe, and some of the sculptures have no analogues registered. All the sculptures were spotted within barrow borders but the barrows themselves — except for one dated to the period of 'late nomads' — were never duly excavated. The fact stone zoomorphic sculptures and other depictions (along with Polovtsian balbals) got that widespread makes it possible to conclude western areas of present-day Kalmykia used to be inhabited by representatives of different cultures dated to different historical eras. The introduced materials provide additional data on material reflection of religious pantheons of Old Turks to have inhabited Eastern European steppe in chronologically different periods.

Keywords: zoomorphic sculpture, Old Turkic period, Middle Ages, late nomads, Polovtsians, barrow, burial, Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Burataev E. G. National Museum of Kalmykia: Geometric and Zoomorphic Stone Sculptures Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 606–619. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-606-619

Введение

Каменная скульптура наряду с письменными памятниками является одним из полноценных источников по истории древних кочевников. К примеру, половецкие статуи

и места отправления древних сакральных обрядов (святилищ) изучаются археологами уже более ста лет. Известные позднекочевнические ритуальные комплексы включали в себя каменные и деревянные изваяния.

Наряду с каменными антропоморфными изваяниями-бабаями как в курганах половецкого времени, так и в более древних насыпях находят и зооморфные каменные изваяния. В фондах Национального музея Республики Калмыкия (далее — НМРК) хранятся археологические материалы, которые требуют дополнительного рассмотрения и изучения. В частности, это касается уникальных антропоморфных и зооморфных каменных изваяний. Антропоморфная скульптура фондов музея представлена половецкими каменными бабаями.

Половецкие антропоморфные каменные изваяния-бабай, найденные на территории Республики Калмыкия, рассмотрены нами в 2018 г. В статье были представлены пять каменных изваяний из фондов НМРК. В их число вошли случайные находки и изваяния, найденные в пределах курганной насыпи. Из них 4 изваяния мужские и одно женское [Буратаев 2018: 9–25].

Образцы каменной антропоморфной скульптуры на территории современной Республики Калмыкия датируются эпохой поздних кочевников (XII–XV вв.), в свою очередь этот период дробится на ряд более мелких хронологических периодов (половецкий период — конец XI – первая треть XIII в.; золотоордынский — вторая треть XIII – середина XV в. [Васюткин 1995: 82–89]).

Г. А. Федоров-Давыдов в позднекочевническом периоде выделяет четыре хронологические группы: печенего-торческий — конец IX–XI вв.; половецкий — последняя четверть XI – XII вв.; предмонгольский период половцев — конец XII – начало XIII в.; золотоордынский — вторая половина XIII–XIV вв. [Федоров-Давыдов 1965; Плетнева 1974]. Установленный хронологический период антропоморфных изваяний Калмыкии охватывает XII–XIII вв. н. э. [Буратаев 2018: 9–25], что входит в период бытования половецких племен в восточно-европейской части.

Понимание восточно-европейской средневековой скульптуры основано в целом на исследованиях антропоморфных каменных изваяний, в частности половецкой традиции [Федоров-Давыдов 1965; Плетнева 1974]. Подобных крупных исследований по вопросу каменных зооморфных изображений и других неантропоморфных изваяний не

проводилось. Известные зооморфные изваяния относятся к достаточно широкому хронологическому и географическому диапазонам. Традиция установки зооморфной скульптуры как в составе святилищ, так и в качестве одиночных памятников наиболее ярко представлена на территории Украины и степной территории Крыма [Сушко 2004: 101–107; Швецов 1979: 199–210; Ольховский 1993].

Данная статья посвящена изучению каменных изваяний, не подходящих под определение антропоморфных как культового явления. Стоит отметить, что каменные неантропоморфные изваяния, обнаруженные в Калмыкии, введены в научный оборот: сообщения о них опубликованы в ряде общих обзорных статей. Первое упоминание о зооморфном изваянии, а именно изображении головы барана, и «надмогильного» сооружения из поселка Красный Партизан (в виде полумесяца) отмечено в статье У. Э. Эрдниева. В ней автор статьи дал краткое описание изваяния и надгробия, выдвинув версию о культовой роли этих предметов в жизни кочевников, при этом автор не датировал указанные изваяния, а статья сопровождалась нечеткими фотографиями без масштаба и подробного описания [Эрдниев 1990: 129].

Упоминания об изваяниях с общим описанием имеются в исследованиях М. А. Очир-Горяевой, в частности, в своде археологических памятников волго-маньчжских степей [Очир-Горяева 2008] и в статье, посвященной каменным изваяниям-бабаям, в издании «Сокровища культуры Калмыкии» (эта статья снабжена фотографиями хорошего качества, но ввиду специфики издания они опубликованы без указания масштаба) [Очир-Горяева 2009а: 61].

Случаи находок как антропоморфных половецких, так и зооморфных изваяний географически локализируются в западных районах республики (Городовиковский и Яшалтинский районы) (рис. 1). Перечисленные районы республики входят в ареал распространения находок каменных антропоморфных изваяний, отмеченных в исследованиях С. А. Плетневой, С. В. Гуркина, Л. С. Гераськовой [Плетнёва 1974; Гуркин 1987; Гераськова 1999]. Причем Л. С. Гераськова в результате своей рабо-

ты выделила связь исследованных статуй с конкретными половецкими объединениями [Гераськова 1999: 416, 424, 426]. По данным другого исследователя половецких древностей — С. А. Плетнёвой, районы скопления каменных статуй совпадают с территорией, прежде всего, донецких и северо-кавказских половцев [Плетнёва 1974], что не противоречит заключениям Л. С. Гераськовой.

Отметим, что соотношение археологических памятников двух западных районов Республики Калмыкия (Яшалтинский и Городовиковский) показывает: большинство из них возведено в эпоху раннего и позднего средневековья. В этом ряду следует отметить памятники эпохи раннего средневековья: поселения *Башанта-I* и *Башанта-II* [Очир-Горяева 2018б].

На остальной территории республики археологические памятники эпохи бронзы заметно преобладают над памятниками средневековья. Согласно своду археологических памятников волго-маньчских степей, памятников эпохи бронзы насчитывается 64,6 %, и лишь 8,5 % составляют памятники эпохи средневековья [Очир-Горяева 2008: 145, табл. 1].

В территориальной близости от указанных районов известны многочисленные находки половецких святилищ в Ростовской области и Ставропольском крае. Факты находок в одной, сравнительно небольшой географической локации неантропоморфных изваяний с антропоморфными может свидетельствовать о доступности необходимого материала — камня.

Цель данной работы — описание и анализ каменных неантропоморфных изваяний, хранящихся в фондах НМРК, с включением подробного описания, зарисовки и первичного картографирования всех каменных изваяний подобного типа, зафиксированных на территории Калмыкии. Несмотря на, казалось бы, освещенность исследуемых каменных изображений, ни одно из них не имеет достоверную датировку и атрибуцию. Важную роль в деле дальнейшего изучения каменных изваяний играет наличие современных качественных фотографий и прорисовок.

Бесспорно зооморфными следует считать лишь два изображения — «голову овцы» и «фигурку животного». Составное сооружение допускает двойное его пони-

мание: как геометрический полумесяц или «рог животного».

Зооморфные каменные скульптуры из Национального музея Республики Калмыкия

Фигура животного (бык) (рис. 2, 3, 4)

В ходе плановых мероприятий по изучению раннесредневекового поселения *Башанта-II* в Городовиковском районе Республики Калмыкия совместной археологической экспедицией КалмНЦ РАН (г. Элиста) и Института археологии им. А. Х. Халикова (г. Казань) в августе 2017 г. проводились работы по определению границ поселения, которое подразумевало комплекс работ методами закладки шурфов, сбора подъемного материала и пеших разведок [Очир-Горяева 2018а; Очир-Горяева 2018б: 89].

Во время пешего обхода курганов группы *Егорлык-I* с северо-восточной стороны одного из крупных курганов в пахоте был замечен каменный предмет, прорезанный ножом трактора. При дальнейшем обследовании выяснилось, что объект находится не *in situ*, а проташен плугом и расположен практически на поверхности. При дальнейшем исследовании выяснилось, что каменный предмет был частью фигуры животного.

Голова фигуры отбита задолго до его обнаружения, так как место облома затерто, а неровности в камне заполнены грунтом. Фигура представляет собой образец довольно подробно изготовленной объемной скульптуры. Шея животного низко опущена, линия спины прямая, длинный хвост опущен вниз. Туловище животного гладко вытесано, рельефно показаны массивные бедра, передние и задние ноги. Нижняя часть ног с копытами не показана, ноги заканчиваются короткими и массивными прямоугольными в сечении столбиками, на которых довольно стабильно стоит фигура.

Под животом рельефным бугорком указана мужская половая принадлежность изображенного животного. Вопрос о том, какое на самом деле животное изображает скульптура, барана или быка, остается открытым. Толстый, довольно длинный хвост и более массивная плечевая часть по сравнению с тазобедренной, пригнутая к земле шея и ярко выраженный половой признак могут указывать на то, что скульптура изображает все же быка.

Общие размеры скульптуры: длина туловища — 46,5 см, ширина — 22 см, высота фигуры — 19 см, диаметр шеи — 10 см.

В обоих случаях, если это изваяние изображает фигуру барана или быка, можно предположить, что оно относится к числу изваяний, характерных для погребального ритуала позднего средневековья, и, возможно, входит в комплекс святилища. Говоря о хронологическом диапазоне изваяния, следует учитывать место его находки, а именно в насыпи кургана.

В статье, посвященной археологическим памятникам Городовиковского района, М. А. Очир-Горяева, опираясь на закономерность расположения и количество насыпей в одной курганной группе, пришла к выводу о возможности определения культурно-хронологической принадлежности памятников. Выявленные памятники она разделила на 4 разновидности: 1) одиночные курганы; 2) курганные группы-цепочки (2–3 насыпи); 3) группы из мелких насыпей, расположенных в ряд; 4) курганные группы-скопления [Очир-Горяева 2018б].

Насыпь кургана с находкой изваяния быка, согласно предложенной гипотезе, входит во 2-ю группу. Опираясь на результаты исследования похожего кургана у с. Розенталь, в котором было обнаружено позднесредневековое захоронение, произведенное по мусульманскому обряду, эта группа также датирована эпохой позднего средневековья. Однотипность расположения и многочисленность выделенного вида курганных групп в Городовиковском районе, в соседних Ростовской области и Ставропольском крае может указывать на то, что в позднекочевнический период регион был населен плотнее, чем в другие [Очир-Горяева 2018б: 87].

Голова овцы (барана) (рис. 5, 6)

Объемная фигура головы барана найдена в том же Яшалтинском районе, но в 5 км к северу от поселка Красный Партизан. По свидетельствам местных жителей, при распашке плугом двух слившихся между собой курганов вытянутой формы, получивших название «Верблюды», из северного кургана была вывернута изготовленная из цельной плиты камня-ракушечника объемная фигура головы овцы (барана) высотой 0,5 м.

Фигура вытесана из плиты ракушечника. Шея животного расположена вертикаль-

но, основание изваяния переходит в шип, вероятно, предназначенный для установки в углубление постамента. Упоминаний о находке постамента или фрагментов от него в полевом отчете не встречено.

Правая сторона головы сохранилась лучше левой. На левой стороне отсутствует рог, стесаны детали глаз, частично повреждены губы. Поверхность на этой стороне сильно окатана и на ощупь почти гладкая. Края стесов ровные, без острых сколов. Нижняя часть изваяния (подставка) также повреждена с левой стороны.

Шея и голова животного резко переходят в прямоугольную подставку. Анатомически точно переданы очертания нижней челюсти, губ и завитого рога животного в виде невысокого валика, образующего несомкнутый круг. Лобная кость и надбровная дуга обозначены плавным наростом на поверхности головы, что в целом придает изваянию довольно реалистичный образ. Особенно тщательно передана нижняя челюсть животного и щека, так же намечен нос. Общий размер изваяния — 50–52 см, высота шеи и головы без подставки — 36 см, подставка — 17 см. Толщина шеи — 10–12 см, толщина подставки (приблизительно) — 15 см.

Культурно-историческая атрибуция изваяния дана по кургану, в котором было найдено это изваяние. Из текста полевого отчета следует: автор раскопок, предположив, что курганы насыпаны в позднекочевническое время, близки по времени между собой, сделал вывод, что, соответственно, изваяние также относится к позднекочевническому времени [Цуцкин 1982].

Следует отметить, что это изваяние найдено за несколько лет до его передачи специалистам. Следовательно, обстоятельства находки записаны со слов местных жителей. Специальный выезд для осмотра, проверки и замеров курганов в то время не осуществлялся. Во всяком случае, в тексте полевого отчета нет упоминаний о какой-либо характеристике курганной насыпи, в которой было найдено это изваяние.

Культурно-хронологическая атрибуция данных скульптур может решаться аналитическими методами и подбором круга аналогий, но надо четко понимать, что без исследования самих курганов оценки дан-

ных скульптур будут как минимум неполными. Здесь обращает на себя внимание сходство нахождения этих двух изваяний (голова овцы, бык): обе найдены в похожих курганах со слившимися насыпями, стилистически они также близки. Есть большая вероятность, что и принадлежат они к одному историческому периоду, такого мнения придерживается доктор исторических наук М. А. Очир-Горяева [[Очир-Горяева 2018б: 84–100](#)].

Можно полагать, что фигуры были, вероятно, частью святилища — то, что они служили в качестве надгробий, пока не вызывает сомнений, потому как случаи обнаружения святилищ, состоявших из каменных зооморфных изваяний, известны. Наиболее выразительная группа скульптур была открыта в насыпи кургана 1 у с. Черноземное Запорожской области. В одиночном кургане бронзового века, в заполнении ровика, было обнаружено святилище, состоявшее из каменных зооморфных изваяний, включавших в себя 9 скульптур: волк, медведь (в двух случаях), всадник на лошади, всадник на верблюде, всадник на животном (в двух случаях) и антропоморфная стела. Ритуальный комплекс был исследован В. С. Ольховским, собранный им материал степной части Крыма и Поднепровья позволил исследователю определить эти изваяния как древнетюркские [[Ольховский 1993: 212–213](#)]. Имеют место также находки в Приазовье — курган 5 группы *Текстильцик* в донецких степях [[Сушко 2004: 101–107](#); [Швецов 1979: 199–210](#)].

Традиция установки зооморфных фигур лошадей и баранов в качестве надгробий известна и на юге Кавказа — в Армении, Азербайджане, на востоке Турции и в Иране. Большинство фигур датируют периодом с XIII по XIX в. Однако те изваяния имеют довольно большие размеры, часто на них изображены сцены охоты или убранство того или иного животного, в частности, детали конской упряжи на фигурах лошадей [[Казиев 1954: 31](#)].

Как мы видим, аналогии подобных каменных изображений находятся в достаточно широком хронологическом периоде — от древнетюркских элитных памятников вплоть до XIX в.

Геометрическая каменная скульптура из Национального музея Республики Калмыкия

Каменное составное сооружение (полумесяц) (рис. 7, 8)

Составное сооружение найдено в 1982 г. в Яшалтинском районе Калмыцкой АССР (ныне — Республика Калмыкия). В процессе закладки насыпи автодороги к возведенному кормоцеху у с. Красный Партизан была разрушена насыпь кургана [[Цуцкин 1982](#)]. В результате сноса части насыпи рабочими была обнаружена каменная фигура, которую автор раскопок назвал «надгробием». Верхняя часть фигуры вытесана ровно и тщательно зашлифована, толщина изваяния достигает 13–15 см. В своей средней части изваяние имеет утолщение — перекрестие, над которым вытесана фигура полумесяца рогами (концами) вверх. Внизу под перекрестием имеется прямоугольный выступ, который вставляется в специальное углубление — паз, расположенный в прямоугольном в плане подиуме. Выступ со своей торцевой стороны плоский, благодаря чему тулово стабильно устанавливается в паз.

Общая высота сооружения — 0,70 м. Постамент представляет собой прямоугольную в плане фигуру размером 50x40 см, с прямоугольной выемкой-пазом посередине размером 23x20 см. Высота постамента — 40 см. При исследовании насыпи кургана выехавшей группой специалистов зафиксировано четыре прямоугольных в сечении столбообразных камня, которые лежали по четырем сторонам каменного сооружения [[Очир-Горяева 2009б: 63](#)]. Детального описания выявленной надмогильной конструкции в полевом отчете за 1982 г. нет. Вокруг места нахождения надгробия обнаружено скопление костей овцы, — вероятно, остатки тризны или жертвенных подношений. Более подробных данных о точном месте скопления костей не имеется [[Цуцкин 1982](#)].

Под постаментом при зачистке курганной выемки и заполнения ямы открыто единственное погребение в кургане. В конструкции могилы прямоугольной формы, западный край которой был шире на 0,20 м, отмечено деревянное перекрытие. Общий размер ямы составил 2,13x0,80 м, глубина — 1,75 м. Под перекрытием, на дне, вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека — мужчины, головой на запад. Череп ле-

жал на правой стороне лицом к югу. Корпус расположен прямо. Правая рука вытянута строго вдоль туловища, левая согнута слегка в локте, локтевая часть немного отведена в сторону от корпуса, кисть лежит в области таза. Кости таза расположены параллельно друг другу. Ноги вытянуты, стопы не соприкасались. Инвентарь погребения составил ряд железных предметов: пряжка кольцевидная, стремя, удила кольчатые, железные черешковые наконечники стрел, железный кинжал, берестяной колчан. По сопутствующему материалу погребение и курган автор раскопок отнес к позднекочевническому времени, при этом отметив мусульманский характер (поворот черепа погребенного на юг) ритуала погребения [Цуцкин 1982].

Фигура каменного изваяния выполнена из камня-ракушечника в виде полумесяца с постаментом для него. Однако можно предположить, что концы, направленные вверх, — изображение рогов, а перекрестием под ними переданы лобная часть, надбровные дуги и глаза животного — быка. Но в этом случае остается не совсем ясной функция постаментов, потому как условный нос животного входит в паз постаментов (рис. 3). С другой стороны, более обоснованно выглядит версия об изображении геометрического полумесяца. Говоря о полумесяце, стоит помнить, что этот символ использовался во многих древних культурах, этот символ также имел распространение у древних тюркоязычных народов. Хотя данное изображение и имеет стратиграфическую связь с основным и единственным погребением кургана XII–XIV вв., оснований считать это изображение, как это отмечено в тексте полевого отчета, надгробием для обнаруженного погребения, пока нет.

Не совсем ясна общая ситуация находки, так как в тексте полевого отчета не дано описания, в каком именно положении было найдено это надгробие: стояло оно вертикально или же лежало на боку. Причина этого факта выявляется на основании упоминания в работе одного из участников этой экспедиции М. А. Очир-Горяевой, которая отметила, что к моменту приезда на объект специалистов оно уже было сдвинуто с места рабочими и занесено в здание кормоцеха [Очир-Горяева 2009б: 63].

Как непосредственный участник археологической экспедиции 1982 г. в Яшал-

тинский район Республики Калмыкия, М. А. Очир-Горяева в своих работах довольно подробно указывает на некоторые обстоятельства, которые не были внесены в отчет за 1982 г. В частности, наличие каменной конструкции в насыпи кургана в комплексе находки составного надмогильного сооружения (полумесяц) [Очир-Горяева 2008: 205; Очир-Горяева 2009а: 61; Очир-Горяева 2009б: 63; Очир-Горяева 2018в]. Возможно, что в насыпи было устроено святилище. Стоит отметить, что полевой отчет по работе у с. Красный Партизан не был сдан в полевой отдел и в настоящее время представляет собой машинописную рукопись без чертежей и рисунков [Цуцкин 1982; Булатаев 2019: 98–103].

Аналогии составного сооружения или подобные ему «надгробия» такого типа пока неизвестны не только на территории Калмыкии, но и в соседних регионах.

Из всех рассмотренных изваяний только каменное составное сооружение имеет установленную стратиграфическую связь с погребением (рис. 7, 8). Автором раскопок оно датировано согласно найденному в кургане единственному погребению XIII – начала XIV в. Как известно, половецкая традиция установки каменных изваяний прерывается вторжением Золотой Орды. В золотоордынское время встречаются захоронения со следами половецкого погребального обряда, однако факты изготовления и установки каменной скульптуры такой конфигурации не известны [Федоров-Давыдов 1965; Плетнева 1974].

Следовательно, рассматривать это каменное сооружение в одном хронологическом диапазоне с обнаруженным погребением, вероятно, не будет правильным. Отсутствие чертежей и фотографий с места раскопок не позволяет полноценно связать погребение с найденным каменным изображением. В настоящее время мы имеем только этот знак или символ, который, вероятнее всего, был установлен на более древней насыпи. Его прямое предназначение может быть установлено с применением междисциплинарного подхода к изучению этого вопроса. В настоящее время невозможно его окончательное разрешение. Так, М. А. Очир-Горяева, как участник раскопок тех лет, воочию наблюдавшая ситуацию, считает это изображение частью надгроб-

ной конструкции или сооружения [Очир-Горяева 2008: 205]. Другому видному исследователю, Е. В. Круглову, изображение представляется как пограничный знак Крымского ханства или Османской империи¹.

Заключение

Из трех рассмотренных изваяний только два можно считать зооморфными (голова барана, фигура быка). К сожалению, оба следует считать случайными находками. Судя по технике изготовления, рассмотренные образцы зооморфной скульптуры сделаны в период расцвета камнерезного искусства разных народов в различные периоды времени. На это указывает анатомически точное подражание реальным животным, тщательная техника шлифовки камня, а также их полнофигурная, объемная обработка. Все эти навыки требуют наличия особого таланта скульптора, определенного мастерства, специальных знаний качества камня, анатомического строения животного, а также сложившейся традиции и школы вааяния. Фигуру быка (рис. 2, 3, 4) с некоторой долей уверенности можно отнести к половецким древностям. В то же время насыпь кургана вплотную прилегает к границам раннесредневекового городища *Башанта-II*, а комплекс археологических находок поселения представлен однородным раннесредневековым материалом [Очир-Горяева и др. 2017: 12–55]. Это не исключает версию древнетюркского происхождения изваяния. Подтвердить или опровергнуть эту проблему сможет дальнейшее исследование курганной группы *Егорлык-I*.

Скульптурное изваяние головы барана (рис. 5, 6), судя по тексту отчета, было найдено в насыпи кургана. Следует отметить, что наименование местным населением кургана «Верблюд», отмеченное в полевом отчете, объясняется анатомической аналогией с двугорбым животным в контексте, характерном для многих возвышений, наблюдаемых на местности. На деле это те же курганы с сомкнутыми насыпями. М. А. Очир-Горяева указала аналогии такому расположению курганов — цепочкой со смыкающимися насыпями — в восточных степных регионах Украины в донецких степях

[Очир-Горяева 2018б: 89], где были также обнаружены уже упомянутые нами каменные зооморфные фигуры [Сушко 2004: 101–107; Швецов 1979: 199–210].

Аналогии изваянию в виде головы барана, как уже говорилось выше, находятся в довольно широком географическом и хронологическом пространстве. Они встречаются в качестве надгробий в поминальных комплексах начала VIII в. в Монголии (Хушо-Цайдам на р. Кокшин-Орхон, Мухарский или Улхубулунский комплекс на р. Толе, Батцэнгэл-II на р. Хойт-Тамир, у оз. Давс-нур) [Киселёв, Евтохова 1949: 121; Кызласов 1969: рис. 41; Кызласов 1979б: 64–68; Кызласов 1979а: 129–131, рис. 90, 4; Формозов 1969: 201]. В связи с этим рассматриваемое нами изваяние может считаться надгробием. Как и в случае с каменной скульптурой (быка), разрешить или хотя бы прояснить вопрос атрибуции будет возможно в случае изучения насыпи кургана.

Учитывая малое количество и редкость находок зооморфных, антропоморфных и геометрических каменных изваяний, зафиксированных на территории Калмыкии, находки и введение в научный оборот новых примеров древней скульптуры, безусловно, представляют научный интерес для изучения древней истории региона в целом. Анализ показал, что с некоторой долей уверенности оба зооморфных изваяния можно считать надгробиями, установленными одиночно или входившими в комплекс святилища. Ситуация с составным сооружением более сложна, его культурно-историческая атрибуция и семантика на сегодняшний день не ясны.

Представленный нами материал дает дополнительные сведения о материальном отражении религиозных воззрений древнетюркского населения восточно-европейских степей на различных этапах развития. Рассмотренные находки, как мы убедились, не имеют ни узких дат, ни каких-либо других достаточных косвенных привязок, и их культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация в принципе остается открытой.

¹ Устная информация Е. В. Круглова.

Источники

- Очир-Горяева 2018а — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об археологических исследованиях городища Башанта-II и разведках в его окрестностях в 2017 г. Элиста, 2018 // Архив Института археологии РАН. № P-I 54459. 89 с.
- Очир-Горяева 2018б — *Очир-Горяева М. А.* Отчет о разведочных работах на поселении Башанта-II и его окрестностях в 2017 г. // Научный архив Института археологии РАН. № P-I 54459.
- Цуцкин 1982 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.

Литература

- Буратаев 2018 — *Буратаев Е. Г.* Половецкие «бабаи» в коллекции Национального музея Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 9–25. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-9-25
- Буратаев 2019 — *Буратаев Е. Г.* Половецкое погребение воина у села Красный Партизан // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 98–103.
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Периодизация этнической истории средневековья Калмыкии // *Материалы и исследования по археологии Калмыкии*. Элиста: КалмГУ, 1995. С. 82–89.
- Гераськова 1999 — *Гераськова Л. С.* Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 408–435.
- Гуркин 1987 — *Гуркин С. В.* Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // *Советская археология*. 1987. № 4. С. 100–109.
- Казиев 1954 — *Казиев А. Ю.* О видах народного бытового искусства // *Искусство Азербайджана*. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1954. Т. IV. С. 23–27.
- Киселёв, Евтюхова 1949 — *Киселёв С. В., Евтюхова Л. А.* Саяно-Алтайская экспедиция // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Вып. 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 120–127.
- Кызласов 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.
- Кызласов 1979а — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Кызласов 1979б — *Кызласов Л. Р.* Тува в период тюркского каганата (VI–VIII вв.) // *Вестник*

Sources

- Ochir-Goryaeva M. A. Bashanta-II and Its Neighborhood: 2017 Archaeological Survey and Exploration Report. Elista, 2018. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). File no. P-I 54459. 89 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Bashanta-II and Its Neighborhood: 2017 Archaeological Exploration Report. At: Scientific Archives, Institute of Archaeology (RAS). File no. P-I 54459. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics. Archaeological Expedition. 1982 Progress Report. At: Scientific Archives, Kalmyk Scientific Center (RAS). Coll. 14. Cat. 2. File. 29. (In Russ.)

Московского университета. Сер. 9. Исторические науки. 1960. № 1. С. 64–68.

- Ольховский 1993 — *Ольховский В. С.* Зооморфные изваяния из западного Крыма (о раннетюркских святилищах Причерноморья) // *Вестник Шелкового пути. Археологические источники*. Т. I. М.: Центр «Шелковый путь», 1993. С. 210–222.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) Элиста: Герел, 2008. С. 203–204.
- Очир-Горяева 2009а — *Очир-Горяева М. А.* «Каменные бабы» — память о половцах // *Сокровища культуры Калмыкии*. М.: Наследие, 2009. С. 61.
- Очир-Горяева 2009б — *Очир-Горяева М. А.* Стрелы и колчаны золотоордынцев // *Сокровища культуры Калмыкии*. М.: Наследие, 2009. С. 63.
- Очир-Горяева и др. 2017 — *Очир-Горяева М. А., Ситдиков А. Г., Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Первые результаты археологических раскопок на поселении эпохи раннего средневековья Башанта-II // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. № 3 (7). С. 12–55.
- Очир-Горяева 2018в — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Городовиковского района Республики Калмыкия // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2018. № 4 (8). С. 84–100. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-84-100
- Плетнёва 1974 — *Плетнёва С. А.* Половецкие каменные изваяния. // *Археология СССР. Свод археологических источников*. Вып. Е4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.
- Сушко 2004 — *Сушко К. І.* Віщий степ. Запоріжжя: Поліграф, 2004. 256 с.

- Федоров-Давыдов 1965 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1965. 273 с.
- Формозов 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. С. 190–212.
- Швецов 1979 — *Швецов М. Л.* Половецкие святилища // Советская археология. 1979. № 1. С. 199–210.
- Эрдниев 1990 — *Эрдниев У. Э.* Об идеологических представлениях древних племен (на археологических материалах Калмыкии) // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1990. С. 122–132.

References

- Burataev E. G. Burial site of a Polovtsian warrior near Krasny Partizan village. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 98–103. (In Russ.)
- Burataev E. G. National Museum of Kalmykia: Polovtsian balbals revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4 (8). Pp. 9–25. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-9-25
- Erdniev U. E. Ideological beliefs of ancient tribes: a case study of archaeological materials from Kalmykia. In: *Issues of Archaeology in Southeastern Europe. Collected Scholarly Papers*. Elista: Kalmyk State University, 1990. Pp. 122–132. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Nomads of Eastern Europe: Under the Reign of Golden Horde Khans. Moscow: Moscow State University, 1965. 273 p. (In Russ.)
- Formozov A. A. Essays on prehistoric art. In: *Stone and Bronze Age Cave Paintings and Monuments in the USSR*. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 190–212. (In Russ.)
- Geraskova L. S. The new data in study of monumental sculpture of medieval nomads. *Stratum plus*. 1999. No. 5. Pp. 408–435. (In Russ.)
- Gurkin S. V. Polovtsian sanctuaries with ancient sculptures in the Lower Don. *Sovetskaya arkheologiya*. 1987. No. 4. Pp. 100–109. (In Russ.)
- Kaziev A. Yu. Types of folk household art revisited. In: *Arts of Azerbaijan*. Baku: Azerbaijan SSR Academy of Sciences, 1954. Vol. IV. Pp. 23–27. (In Russ.)
- Kiselev C. B., Evtyukhova L. A. Sayan-Altai expedition. In: *Institute of Material Culture History. Collected Brief Messages*. Vol. 26. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. Pp. 120–127. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. Ancient Tuva: from the Paleolithic to the 9th Century AD. Moscow: Moscow State University, 1979. 207 p. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. History of Medieval Tuva. Moscow: Moscow State University, 1969. 212 p. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. Tuva in the era of the Göktürk Khaganate: 6th to 8th Century AD. *Moscow University Bulletin. Series 9. History*. 1960. No. 1. Pp. 64–68. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. ‘Stone Balbals’ — reminiscences of the Polovtsians. In: Tarunov A. M. (comp.) *Kalmykia’s Cultural Treasures*. Moscow: Nasledie, 2009. P. 61. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: A Review of Kalmykia’s Monuments Investigated in 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. Pp. 203–204. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Arrows and quivers of Golden Horde warriors. In: Tarunov A. M. (comp.) *Kalmykia’s Cultural Treasures*. Moscow: Nasledie, 2009. P. 63. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Gorodovikovskiy District of Kalmykia: archaeological sites revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2018. No. 4 (8). Pp. 84–100. DOI: 10.22162/2587-6503-2018-4-8-84-100
- Ochir-Goryaeva M. A., Sitdikov A. G., Kekeev E. A., Burataev E. G. An Early Middle Ages settlement of Bashanta-II: first results of archaeological excavations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 3 (7). Pp. 12–55. (In Russ.) DOI 10.22162/2587-6503-2017-3-3-12-55
- Olkhovskiy V. S. Zoomorphic sculptures from Western Crimea: Old Turkic sanctuaries of the Black Sea revisited. In: *Silk Road Newsletter. Archaeological Sources*. Vol. I. Moscow: Shelkovyi Put, 1993. Pp. 210–222. (In Russ.)
- Pletneva S. A. Polovtsian stone monuments. In: *Archaeology of the USSR. Corpus of Archaeological Sources*. Vol. E4-2. Moscow: Nauka, 1974. 200 p. (In Russ.)
- Shvetsov M. L. Polovtsian sanctuaries. *Sovetskaya arkheologiya*. 1979. No. 1. Pp. 199–210. (In Russ.)
- Sushko K. I. The Wise Steppe. Zaporizhia: Poligraf, 2004. 256 p. (In Ukr.)
- Vasyutkin S. M. Kalmykia in the Middle Ages: periodization of ethnic history. In: *Materials and Studies in Kalmykia’s Archaeology*. Elista: Kalmyk State University, 1995. Pp. 82–89. (In Russ.)

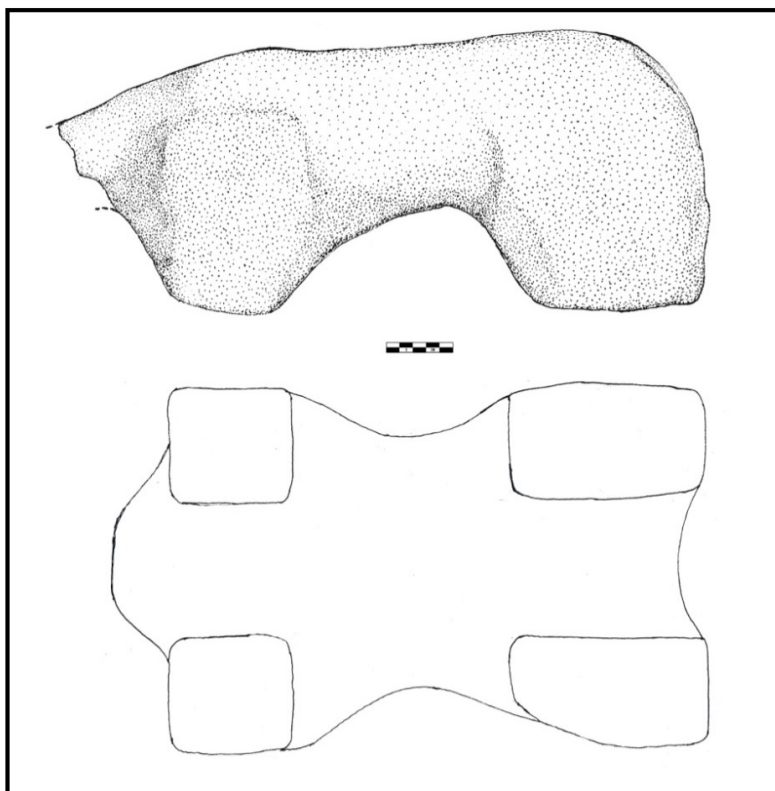
Рис. 1. Распространение каменной зооморфной скульптуры по территории Калмыкии (изваяние быка — группа *Егорлык-1*, Городовиковский район Республики Калмыкия; голова овцы — курган *Верблюд*, Яшалтинский район Республики Калмыкия; надмогильное сооружение — курган 1, *Красный Партизан*, Яшалтинский район Республики Калмыкия)

[Fig. 1. Distribution of zoomorphic sculpture in Kalmykia: carving of an ox — *Yegorlyk-1* group, Gorodovikovsky District, Republic of Kalmykia; carving of a sheep's head — *Camel* (Russ. *Verblyud*) barrow, Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia; tombstone structure — Barrow 1, *Red Partizan*, Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia]

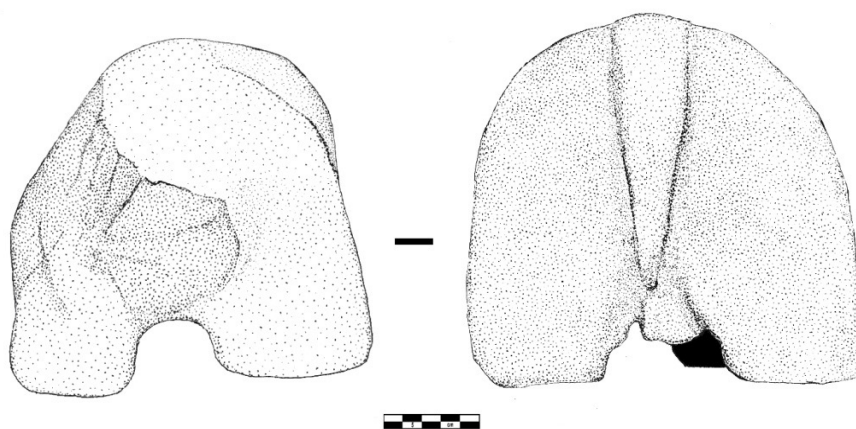
Рис. 2. Изваяние быка. Курганная группа *Егорлык-1*. Городовиковский район Республики Калмыкия. Фото

[Fig. 2. Carving of an ox. *Yegorlyk-1* mound group. Gorodovikovsky District, Republic of Kalmykia. Photo]

Рис. 3. Изваяние быка. Курганная группа *Егорлык-I*. Городовиковский район Республики Калмыкия. Левый (неповрежденный) бок. Схема ног. Рис.

[*Fig. 3.* Carving of an ox. *Yegorlyk-I* mound group. Gorodovikovsky District, Republic of Kalmykia. Left (damaged) side. Scheme of legs. Drawing]

Рис. 4. Изваяние быка. Курганная группа *Егорлык-I*. Городовиковский район Республики Калмыкия.

Передняя часть. Задняя часть. Рис.

[*Fig. 4.* Carving of an ox. *Yegorlyk-I* mound group. Gorodovikovsky District, Republic of Kalmykia. Front side. Back side. Drawing]

Рис. 5. Голова овцы. Курган *Верблюд*. Яшалтинский район Республики Калмыкия. Фото
[Fig. 5. Head of a sheep. *Camel* barrow. Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia. Photo]

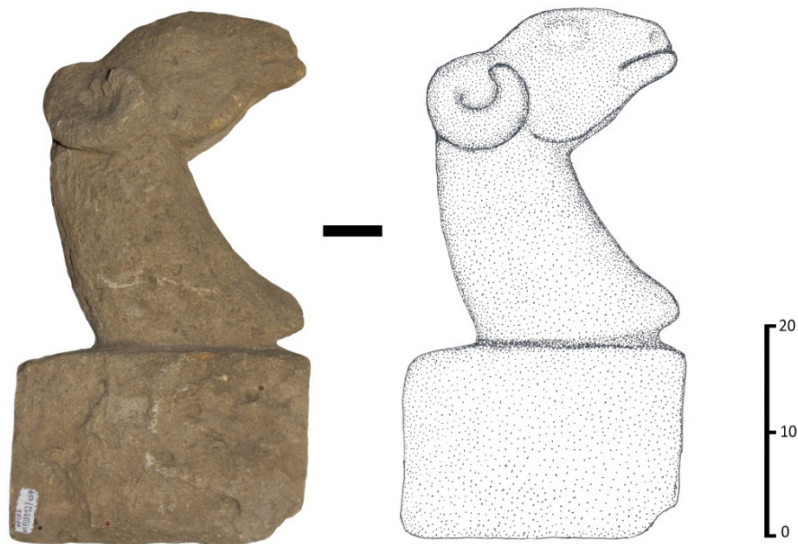

Рис. 6. Голова овцы. Курган *Верблюд*. Яшалтинский район Республики Калмыкия. Фото, рис.
[Fig. 6. Head of a sheep. *Camel* barrow. Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia. Photo, drawing]

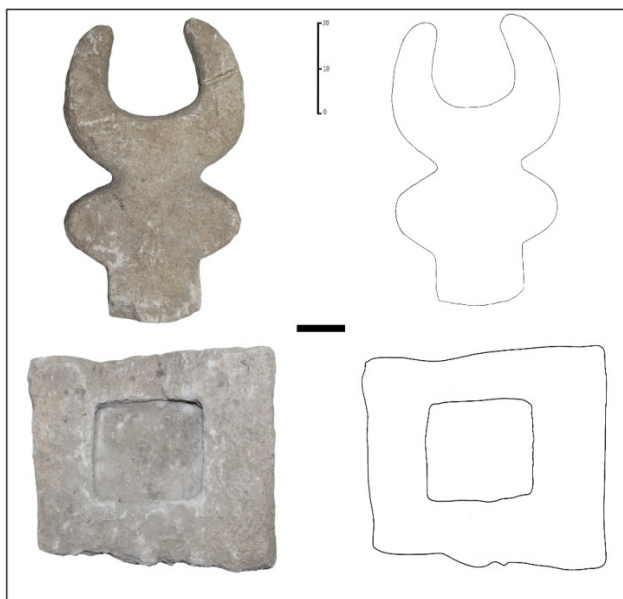

Рис. 7. Каменное надмогильное сооружение. Курган 1, погребение 1.
Красный Партизан. Яшалтинский район Республики Калмыкия. Изваяние. Постамент. Фото, рис.

[Fig. 7. Tombstone structure. Barrow 1, burial 1. *Red Partizan*.
Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia. Carving. Base. Photo, drawing]

Рис. 8. Каменное надмогильное сооружение. С постаментом. Курган 1, погребение 1.
Красный Партизан. Яшалтинский район Республики Калмыкия. Фото.

[Fig. 8. Tombstone structure. Assembled (with a base). Barrow 1, burial 1.
Red Partizan. Yashaltinsky District, Republic of Kalmykia. Photo]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 620–628, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-620–628
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-620–628

Новый фрагмент санскритской Саддхармапундарика-сутры из Хотана

Артём Владимирович Мешезников¹

¹ Институт восточных рукописей РАН (д. 18, Дворцовая наб., 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-8883-1284. E-mail: mesheznikoff@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мешезников А. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Собрание санскритских рукописей Лotosовой сутры является, пожалуй, одним из самых богатых в Сериндийском фонде Института восточных рукописей РАН (27 шифров). Основная часть фрагментов санскритской Лotosовой сутры из Сериндийского собрания относится к центральноазиатской редакции, в том числе знаменитая кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского (SI 1925/27), являющаяся самой пространной версией сутры (около 400 листов) и ядром коллекции рукописей, содержащих санскритский текст «Саддхармапундарики». Большинство санскритских рукописей Лotosовой сутры в собрании Сериндийского фонда были составлены в южных оазисах Таримского бассейна, выполнены в формате потхи тушью на бумаге и записаны южнотуркестанским брахми. По палеографическим данным эти рукописи могут быть условно датированы VIII–IX вв. н. э. *Целью* статьи является введение в научный оборот нового фрагмента санскритской Лotosовой сутры из Сериндийского фонда Института восточных рукописей РАН. Публикуемый фрагмент, хранящийся под шифром SI 6584, удалось идентифицировать сравнительно недавно. Он представляет собой отрывок из XVIII главы Лotosовой сутры (‘Глава, повествующая о религиозных заслугах, [обретаемых благодаря] радостной сопричастности [Дхарме]’, «Anumodanāruṇyanirdeśaparivartaḥ»). По палеографическим и кодикологическим характеристикам исследуемый фрагмент очень близок к другой ранее опубликованной рукописи Лotosовой сутры, хранящейся в Сериндийском собрании под шифром SI 1934. В статье приводится описание внешних особенностей обеих рукописей, а также транслитерация, перевод и сопоставление фрагмента SI 6584 с другими известными текстами Лotosовой сутры. В качестве иллюстративного материала в статью включено факсимильное воспроизведение фрагмента SI 6584. *Выводы.* Как удалось установить при сопоставлении с другими текстами Лotosовой сутры, фрагмент SI 6584 относится к центральноазиатской редакции «Саддхармапундарики» и практически идентичен тексту кашгарской рукописи Н. Ф. Петровского (л. 335b–337a).

Ключевые слова: буддизм, санскритские рукописи, Лotosовая сутра, Хотан, Сериндийский фонд

Для цитирования: Мешезников А. В. Новый фрагмент санскритской Саддхармапундарика-сутры из Хотана // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 620–628. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-620–628

UDC 294.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-620–628

New Fragment of Sanskrit Saddharmapūṇḍarīka Sūtra from Khotan

Artem V. Meshezhnikov¹

¹ Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-8883-1284. E-mail: meshezhnikoff@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Meshezhnikov A. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The collection of Sanskrit manuscripts of the Lotus Sutra is a richest one in the Serindian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS, 27 call numbers). Most of the fragments of the Sanskrit Lotus Sutra from the Serindian Collection belong to the Central Asian edition, including the famous Kashgar manuscript by N. F. Petrovsky that is the most extensive version of the Sutra (about 400 folios) and the core of the Sanskrit manuscripts containing the text of ‘Saddharmapūṇḍarīka’. Most of the Sanskrit manuscripts of the Lotus Sutra in the Serindian Collection were compiled in the southern oases of the Tarim Basin and made in *poṭhī* format. The texts of these manuscripts were written in Southern Turkestan Brāhmī in black ink on paper. According to paleographic data, these manuscripts can be dated to the 8th–9th centuries AD. *Goals.* The article seeks to introduce into academic circulation a new fragment of the Sanskrit Lotus Sutra from the Serindian Collection of the IOM (RAS). The new unpublished fragment of the Lotus Sutra stored under call number SI 6584 has been identified relatively recently. It is an excerpt from Chapter XVIII of the Lotus Sutra (‘The Chapter Describing the Religious Merit [Obtained through] Joyful Participation [in Dharma]’, ‘Anumodanāpūṇyanirdeśaparivartah’). According to paleographic and codicological characteristics, the new fragment is very close to another previously published manuscript of the Lotus Sutra stored in the Serindian Collection under call number SI 1934. The article describes the external features of both manuscripts (SI 1934 and SI 6584), transliterates, translates and compares fragment SI 6584 to the other well-known texts of the Lotus Sutra. The paper also contains a facsimile reproduction of fragment SI 6584. *Conclusions.* As compared to other texts of the Lotus Sutra, fragment SI 6584 belongs to the Central Asian edition of ‘Saddharmapūṇḍarīka’, and its text is almost identical to that of the Kashgar manuscript by N. F. Petrovsky (fol. 335b–337a).

Keywords: Buddhism, Sanskrit manuscripts, Lotus Sutra, Khotan, Serindian collection.

For citation: Meshezhnikov A. V. New Fragment of Sanskrit Saddharmapūṇḍarīka Sūtra from Khotan. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 620–628. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-620–628

Введение

В собрании Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН; бывш. Азиатский музей) сохранилось значительное количество листов и фрагментов санскритской

Лotosовой сутры («Saddharmapūṇḍarīka sūtra»). На сегодняшний день выявлено 27 рукописей «Саддхармапундарика-сутры». Большинство из них представлено в коллекции Н. Ф. Петровского: SI 1925/27 (P/5); SI

1933 (P/7); SI 1934 (P/8); SI 1935 (P/9); SI 1936 (P/9-1); SI 1937 (P/10); SI 1938 (P/11); SI 1939 (P/11-1); SI 1940 (P/12, P/13); SI 1941 (P/20-4); SI 2077 (P/62a); SI 2092 (P/67-2); SI 2093 (P/67-3); SI 2098 (P/67-8); SI 3000 (P/67-10); SI 3013 (P/68); SI 3025 (P/74); SI 3030 (P/79); SI 3044 (P/90a, P/90б); SI 3631 (P/126a); SI 3693 (P/151-1); SI 3694 (P/151-2).

Несколько фрагментов также хранятся в коллекциях М. И. Лаврова (SI 3330 (L/1); 3332/3 (L/12)) и С. Ф. Ольденбурга (SI 4645 (O/12-1)). В коллекции С. Е. Малова сутра представлена двумя единицами хранения: SI 4517 (M/16-3) и SI 4519 (M/17). Среди перечисленных списков представлены обе версии сутры с преобладанием центральноазиатской¹.

Целью данной статьи является введение в научный оборот недавно идентифицированного фрагмента Лотосовой сутры на санскрите из Сериндийского фонда ИВР РАН. В статье вниманию читателя предлагается описание и сравнение палеографических характеристик двух рукописей Лотосовой сутры (SI 1934 и SI 6584), транслитерация и перевод с санскрита на русский язык текста нового фрагмента «Саддхармапундарика-сутры» (SI 6584), а также сопоставление текста нового фрагмента с другими известными текстами сутры.

С конца XIX в. в Азиатский музей начали поступать обнаруженные в Центральной Азии письменные памятники буддизма, в числе которых имелись рукописи, содержащие санскритские фрагменты Лотосовой сутры. Сложение петербургской коллекции санскритских рукописей происходило благодаря экспедиционной деятельности в оазисах Великого шелкового пути, а также за счет материалов, которые были получены при содействии русских должностных лиц в Центральной Азии. Ключевую роль в деле собирания рукописей сыграл генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский, который присылал в Петербург рукописи, приобретенные им у местных охотников за кладрами и торговцев. В 1893 г. в Азиатский музей была доставлена уникальная находка — Лотосовая сутра на санскрите, которая позднее получила широкую на-

¹ В настоящее время принято считать, что существует две версии Лотосовой сутры: центральноазиатская и гильгитско-непальская [Памятники 1985: 79].

учную известность как кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского (шифр хранения SI 1925/27 (P/5)). Эта рукопись является наиболее полным из известных списков «Саддхармапундарика-сутры». В ней насчитывается около 500 листов, 396 из которых хранятся в ИВР РАН. В других хранилищах мира обнаружено всего 56 листов, 12 листов сутры до сих пор не найдено [Памятники 2004: 84].

Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского является одним из основных материалов для исследования Лотосовой сутры в целом и ее центральноазиатской версии в частности. При сопоставлении текста кашгарской рукописи с публикуемым фрагментом были использованы факсимильное издание Локеша Чандры [Chandra 1977] и текст в виде транслитерации латиницей, изданный Хирофуми Тодой [Toda 1981].

В рукописном фонде ИВР РАН под шифром SI 6584 хранится фрагмент «Саддхармапундарика-сутры» из Хотана, который удалось идентифицировать сравнительно недавно. Согласно надписи на конверте рукописи публикуемый фрагмент относится к коллекции С. Е. Малова, однако есть основания полагать, что его следует включить в состав коллекции Н. Ф. Петровского. Весьма вероятно, что этот новый фрагмент и ранее опубликованная рукопись сутры SI 1934 [Памятники 1985: 137–139, 254–256] принадлежат к одному и тому же списку «Саддхармапундарика-сутры». На это указывают схожие внешние характеристики рукописей: особенности бумаги, число строк и расстояние между ними, тип письма, дукт, размер акшар и др.

Описание рукописей

Рукопись, хранящаяся под шифром SI 1934, включает три листа формата потхи. Размер листов — 8,5×34,5 см; 8,7×34,3 см; 8,6×25,3 см. Текст на обеих сторонах листов нанесен черной тушью, на каждой стороне по 6 строк. Расстояние между строками составляет 1,4 см. Бумага светло-коричневого цвета, вержированная, 7 линий верже в 1 см. Текст записан южнотуркестанским брахми. Условная датировка рукописи — VIII–IX вв.

Рукопись, хранящаяся под шифром SI 6584, включает один лист формата потхи. Размер листа — 9,1 × 31,6 см. Текст нанесен

черной тушью на бумагу светло-коричневого цвета. Бумага вержированная (7 линий в 1 см). Левый и правый края утрачены, тушь местами сильно стерлась. Текст написан на обеих сторонах листа, на каждой стороне по 6 строк. Расстояние между строками 1,4 см. Письмо — южнотуркестанское брахми. По палеографическим данным рукопись датируется VIII–IX вв.

Теоретически одну и ту же рукопись могли переписывать несколько человек, и, поскольку в рассматриваемых фрагментах наблюдается достаточно высокий уровень каллиграфии, можно предположить, что, даже если тексты были записаны разными людьми, они принадлежали к одной школе писцов. На это указывают идентичные числовые характеристики толщины линий и размеров акшар в рукописях SI 1934 и SI 6584.

Для измерения средней высоты и ширины акшар были выбраны элементы наиболее часто встречающихся в рукописях акшар *ta*, *na*, *pa*, *ya*. Условная высота акшары замерялась по высоте крайнего правого элемента акшары *pa* и составила в обеих рукописях около 4,2 мм. В случае с шириной измерялись две величины: стандартная ширина акшары (по верхней горизонтальной линии акшар *ta* и *na*) и максимальная ширина акшары (по верхним крайним точкам акшары *ya*). Средние параметры ширины акшар *ta* и *na* распределились в диапазоне от 7 до 8 мм, акшары *ya* — от 12,5 до 13,5 мм. Кроме того, при измерении толщины линий диакритического знака *ā* удалось установить, что размер носика калама в обеих рукописях одинаковый — 1 мм².

Таким образом, листы рукописей имеют ряд сходных черт, из чего можно сделать предположение, что либо они представляли одну рукопись, либо были взяты из разных рукописей, но написаны в одной рукописной мастерской.

Если допустить, что SI 1934 и SI 6584 представляют собой одну рукопись, то едва ли можно предположить, что Н. Ф. Петровскому и С. Е. Малову данная рукопись была продана по частям, поскольку известно, что С. Е. Малов приобрел свою хотанскую коллекцию с рукописями письмом брах-

² Все полученные числовые показатели следует считать приблизительными и усредненными.

ми в 1915 г., то есть со времени последних приобретений Н. Ф. Петровского прошло порядка десяти лет. Предположительно, публикуемый фрагмент был включен в состав коллекции С. Е. Малова по ошибке.

Рукопись SI 6584 представляет собой отрывок из XVIII главы «Саддхармапундарика-сутры» (Глава, повествующая о религиозных заслугах, [обретаемых благодаря] радостной сопричастности [Дхарме]², «Anumodanāruṇyanirdeśaparivartaḥ»). Содержание главы кратко сводится к следующему. Бодхисаттва Майтрейя спрашивает Будду, что обретет человек, который услышит Лotosовую сутру и с радостью ей последует. По словам Будды, принятие учения Лotosовой сутры принесет адепту неисчислимы религиозные заслуги и обеспечит лучшее перерождение. Даже пятидесятый по очереди человек, услышавший хотя бы одну гатху из Лotosовой сутры и воспринявший ее Дхарму, станет обладателем безграничных достоинств.³

Ключевой для данной главы и входящий в состав ее названия термин *anumodanā* вплоть до настоящего времени не обрел концептуального толкования ни в отечественной, ни в зарубежной буддологии. Слово *anumodanā* буквально переводится как «выражение благодарности, удовлетворения или одобрения» [Edgerton 1953: 32], «угождение, признание, принятие, сорадование» [Monier-Williams 1899: 37].

Однако в указанных значениях не в полной мере раскрывается специфическое содержание, которым в Лotosовой сутре был наделен этот термин, ибо в данном контексте *anumodanā* следует понимать как радостную сопричастность знанию. Как явление махаянского буддизма *anumodanā* сопоставляется в этой главе сутры с практиками классического буддизма. Благодаря слушанию Лotosовой сутры человек испытывает радостную сопричастность заложенной в ней истине, которую постиг Будда, и которую постигает сам слушатель.

В главе подчеркивается, что с точки зрения накопления религиозной заслуги

³ Вероятно, имеется в виду, что проповеди Будды, распространяясь, достигнут пятидесятого по очереди человека, и даже блага этого пятидесятого человека будут неисчислимыми, если он, услышав хотя бы одну строку Лotosовой сутры, испытает радость от сопричастности к заключенному в ней знанию.

anumodanā превышает практику даяния и принцип архатства. Радостная сопричастность, обретаемая посредством слушания сутры, не сравнима ни с общедоступной практикой для мирян, ни с йогической практикой и превосходит все имеющиеся способы совершенствования. Термин *anumodanā* встречается также и в других махаянских текстах, таких как *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra* («Сутра запредельной мудрости в 8 000 строф») [Vaidya 1960] и *Mahāparinirvāṇa Sūtra* («Сутра о Великой Нирване») [Waldschmidt 1950]. Краткое описание семантики *anumodanā* дает только общее представление об этом термине, требующем в дальнейшем более детального анализа.

Заключение

Сопоставление с известными текстами Лотосовой сутры показало, что публикуемый фрагмент ближе всего к центральноазиатской редакции «Саддхармапундарика-сутры»⁴. Основные отличия двух редакций сутры состоят в том, что центральноазиатский текст содержит значительно больше повторений, нежели гильгитско-непальские. В кашгарской рукописи Н. Ф. Петровского насчитывается 28 глав, тогда как в непальских и гильгитских рукописях их 27: одна «лишняя» глава, как указывает М. И. Воробьева-Десятовская, появилась благодаря тому, что глава XI была разбита на две главы [Памятники 1985: 82].

Кроме того, по утверждению Х. Керна и Б. Нандзё, различия также встречаются в грамматических формах, синтаксических конструкциях и порядке слов в стихотворных частях. На основе грамматического анализа текстов «Саддхармапундарика-сутры» Х. Керн заключил, что центральноазиатская версия сутры, известная по кашгарской рукописи, является более оригинальной, нежели непальские тексты, в которых более грамматически выверенный язык обусловлен позднейшей обработкой и редактированием [Kern, Nanjio 1912: 9].

При всем при этом последовательность главных событий и фактов в обеих версиях

⁴ Критерием для отнесения фрагмента SI 6584 к центральноазиатской редакции сутры стало преимущественное сходство содержащегося в нем текста с тем, который представлен в кашгарской рукописи Н. Ф. Петровского.

одинакова, тексты не различаются трактовкой буддийской догматики, а понятия буддийской доктрины идентичны [Памятники 1985: 90].

Ниже публикуется транслитерация фрагмента в сопоставлении с гильгитской рукописью из Национальных архивов Индии [Watanabe 1975], с текстом Х. Керна и Б. Нандзё из «*Bibliotheca Buddhica*», а также с кашгарской рукописью Н. Ф. Петровского и рукописью из коллекции А. Стейна из Кхадалика [Toda 1981: 276–277]⁵.

Текст публикуемого фрагмента соответствует кашгарской рукописи SI 1925/27 (л. 335b–337a), гильгитской рукописи (л. 127a (5)–127b (6)), тексту из «*Bibliotheca Buddhica*» (л. 348–350). В рукописи из коллекции А. Стейна сохранилась только часть идентичного текста (см. Н 179(4)–Н 180(7)).

Условные обозначения

- () — восстановленная акшара
- [ ] — поврежденная акшара
- < > — пропущенная в тексте акшара и вставленная переписчиком под или над строкой
- { } — лишняя акшара, вставленная переписчиком по ошибке
- + — утраченная акшара
- .. — акшара, которую не удастся прочесть
- . — нечитаемая часть акшары, которую не удастся реконструировать
- ‘ — знак аваграха (в рукописи отсутствует, но в транслитерации реконструируется)
- /// — обрыв рукописи
- — обозначение пунктуации в рукописи
- | — данда — обозначение пунктуации в рукописи (конец раздела или прозаической части)
- || — двойная данда — обозначение пунктуации в рукописи
- * — обозначение вирама в рукописи
- : — висарга как обозначение пунктуации
- — обозначение отверстия для брошюровки

⁵ Частично сохранившийся текст публикуемого фрагмента был обнаружен в рукописи из коллекции А. Стейна, хранящейся в Британской библиотеке под шифром Kha. IX. 42 (The British Library Stein collection). При выявлении различий была использована транслитерация рукописи Kha. IX. 42 в издании Хирофуми Тоды.

Транслитерация

SI 6584

Recto

1. /// + śalābhisamskāras cā[r]ha[t]v[a](p)r(a) + + + nasahagataś ca puṇyābhisamskārah śatimām a-
2. /// ṭi[m]ām api koṭīśatimām api koṭīśahasrimām api koṭīśatasahasrimām api ko- ///
3. /// (pai)ti gaṇa[n](ā)m apy upaniśām api nopaiti • evāprameyam ajita • e(v). ///
4. /// .. vati • ya ito dharmaparyāyā + + + (e)kagāthām api ekapa .. ///
5. /// .ā .. [śru]tvā cānumodet* ato 'pra + + + + tasyāham puṇyābhisams(k)ā ///
6. /// .. vā kuladuhitā vā svagr[h]ān niṣkrāmitvā vihāram gac(ch)et* ///

SI 1925/27: *iya-m-asya ajita puṇyābhisamskāra kuśalābhi(saṃ)skārasya anumodanāsahagatasya purataḥ sa pūrvako dānasahagata{m}h puṇyābhisamskāras{ya} kuśalābhisamskāras ca arhadvapratīṣṭhāpanāsaha(gataś ca puṇyābhisamskā)rah śatamām api kalān nopaiti • sahasrimām api kalān nopaiti • sa(m)khy(ām ... upaniśā)m api nopaiti • evāprameyam ajita e(v)āsamkhyeyam ... pañcāśatima)kaḥ puruṣaḥ paraṃparāyā(h) puṇyam prasavati ya ito (...) ekagāthām api ekapaḍam api śrutvā 'numodeta kaḥ punar vadaḥ ajita yo mama saṃmukham imaṃ dharmaparyāyāyā śrṇayāt* śrutvā cānumodet* ato 'prameyataram tasyāham puṇyābhisamskāram vadāmy asaṃkhyeyataram yas{ya} khalu punar ajitemasya dharmaparyāyasya śravaṇārthāya kulaputro vā kuladuhitā (vā) svagr[h]ān niṣkrāmitvā vihāram gacchet*

Kha. IX. 42: *iha-m-asya ajita pu(n)yābhisamskāra kuśalābhisam (...) tāsyā purataḥ sa pūrvako dānasahagataṃ (puṇyābhi)sa(m)sk(āra)sya (...) samskāras ca arhadvapratīṣṭhāpanāsahagataś ca puṇyābhisamskā(ā)rah śatimā (...) kalān nopaiti • sahasrimām api kalān nopaiti • koṭimām api • koṭīśatamām api (...) hasrimām api koṭīśatasahasrimām api • koṭinayutaśatasahasrimām api (...) paiti • sa(m)khyām api kalān nopaiti • ganānām apy upaniśām api nopaiti • (...) prameyam ajita evāprameyam ajita evāsaṃkhyeyam sau 'pi tāvat pañcā (...) puruṣaḥ paraṃparāyā(h) puṇyam prasavati ya ito dharmapa(ry)āyā antama (...) thām api ekapaḍam api śrutvā 'numodeti ka(h) punar vadaḥ a)ji(...) saṃ(mu)kha(m) imaṃ dharmapa(ry)āyāyā śrṇayāt* śrutvā ca (...) ram tasyāham pun(y)ā(bhisam)skāram vadā(m)y asa(m)khyeyatara(m) (...) sya śravaṇārthāya ku(la)*

Gilgit MSS GROUP A: *tasya ajita puṇyābhisamskārasya kuśalābhisamskāsyā anumodanāsahagatasya agrataḥ asau pūrvakaḥ dānasahagataś ca arhadvapratīṣṭhāpanāsahagataś ca puṇyābhisamskārah śatamām api kalām nopayāti • sahasratamām api śatasahasratamām api koṭitamām api koṭīśatamām api koṭīśahasratamām api • koṭinayutaśatasahasratamām api nopayāti • saṃkhyām api kalām api ganānām apy upamām apy unīśām api na kṣamate • evam aprameyam asaṃkhyeyam ajita : so 'pi tāvat puruṣa iti dharmaparyāyā antaśa : ekagāthām api ekapaḍam apy anumoditvā puṇyam prasavati • kaḥ punar vādo 'jita yo mama saṃmukham imaṃ dharmaparyāyāyā śrutvā anumoded aprameyataram tasyāham ajita puṇyābhisamskāram vadāmy asaṃkhyeyataram yaḥ punar ajita asya dharmaparyāyasya śravaṇārtham kulaputro vā kuladuhitā vā svagr[h]ā niṣkrāmya vihāram gacchet*

Kern, Nanjio: *asya anumodanāsahagatasya ajita puṇyābhisamskārasya kuśalamūlābhisamskārasya anumodanāsahagatasya agrataḥ asau pūrvako dānasahagataś ca arhadvapratīṣṭhāpanāsahagataś ca puṇyābhisamskārah śatamām api kalām nopayāti sahasratamām api śatasahasratamām api koṭitamām api koṭīśatamām api koṭīśahasratamām api koṭīśatasahasratamām api koṭinayutaśatasahasratamām api kalām nopayāti saṃkhyām api kalanām api ganānām apy upamām apy upaniśadam api na kṣamate | evam aprameyam asaṃkhyeyam ajita so 'pi tāvat pañcāśattamaḥ paraṃparāśravaṇa puruṣa ito dharmaparyāyā antaśa ekagāthām apy ekapaḍam apy anumodya ca puṇyam prasavati | kaḥ punar vādo 'jita yo 'yam mama saṃmukham imaṃ dharmaparyāyāyā śrṇuyāc chrutvā cābhy anumodet | aprameyataram*

asaṃkhyeyataraṃ tasyāham ajita taṃ punyābhisamskāraṃ vadāmi|| yaḥ khalu punar ajita asya dharmaparyāyasya śravaṇārthaṃ kulaputro vo kuladuhitā vā svagrhān niṣkramya vihāraṃ gacchet

Verso

1. /// (sa) ajita kulaputras tan mātra[k]eṇa puṇyābhisamskāre[ṇa] [k]ṛ(t)[e] ///
2. /// [lā]bhī bhaviṣyaty aśvarathā + + + + (th)ānām śivikāyānā[n]. ///
3. /// nānām lābhī bhaviṣyati • sa[c][e] + (p)[u] + + + dharmāśravane muhūrtamā[t]r(a) .. ///
4. /// dāpaye(t)* āsanasaṃvibhāgam ca kuryād aparasya satvasya sa tena [p]. ///
5. /// .. t[i] • [ś]akrāsanānām brahmāsanānām cakravartirājāsanānām simhāsa[nā] ///
6. /// (ra)sya puruṣasyaivaṃ vaded ā[g]a(c). + + [v]at tvam bhoḥ puruṣa saddharmapauṇḍarīkaṃ nāma sūtram

SI 1925/27: sa ajita kulaputras tammātrakena puṇyābhisamskārena krtenopacitena jātivivṛ(t)to dviṭīye ātmabhāvapratiḷābhe gorathānām lābhī bhaviṣyaty aśvarathānā(m) hastirathānām śivikāyānā{m}nā(m) nāvayānānām sarṣapayānānām sukhayānānām divyānām ca vimāna(y)ā(nānām lābhī bhav)iṣyati • sacet punas tatra dharmāśravane muhūrtamātram api (... dharmaparyāyā(m) śṛṇuyā(t*) parasatvaṃ vā niṣidā(payed ... apar)sya satvasya sa tena paramāsana (... puṇyābhisam)skāreṇa kuśalābhisamskāreṇa lābhī bhaviṣya(ti ... ca) krravartirājāsanānām simhāsanānām lābhī bhav(iṣyati ...) ajita tatra kaścīd eva puruṣaḥ aparasya puruṣasyaivaṃ vaded āgaccha tāva(t) tvam bhoḥ puruṣa saddharmapauṇḍarīkaṃ nāma sūtram dharmaparyāyāṃ śṛṇuṣva

Gilgit MSS GROUP A: sa sattvas tanmātreṇa puṇyābhisamskāreṇa krtenopacitena jātivivṛtto dviṭīye samucchraye dviṭīye ātmabhāvapratiḷābhe gorathānām lābhī bhaviṣyati • aśvarathānām hastirathānām śivikāyānānām vṛṣabhayānānām vā divyānām ca vimānānām lābhī bhaviṣyati • sacet punas tatra dharmāśraṇiṣu muhūrtamātram api niṣadyemaṃ dharmaparyāyāṃ śṛṇuyāt paraṃ vā niṣādayed āsanasaṃvibhāgam vā kuryād aparasya sattvasya tena puṇyābhisamskāreṇa lābhī vaṭi • śakrāsanānām brahmāsanānām cakravartisimhāsanānām • sacet punar ajita kaścīd eva kulaputro vā kuladuhitā vā aparāṃ puruṣam evam vaded āgaccha tvam bhoḥ puruṣa : saddharmapauṇḍarīkaṃ nāma dharmaparyāyāṃ śṛṇu :

Kern, Nanjio: sa sattvastanmātreṇa puṇyābhisamskāreṇa krtenopacitena jātivivṛtto dviṭīye samucchraye dviṭīya ātmabhāvapratiḷābhe gorathānām lābhī bhaviṣyaty aśvarathānām hastirathānām śivikānām goyānānām vṛṣabhayānānām divyānām ca vimānānām lābhī bhaviṣyati | sacet punas tatra dharmāśravane muhūrtamātram api niṣadyemaṃ dharmaparyāyāṃ śṛṇuyāt paraṃ vā niṣādayed āsanasaṃvibhāgam vā kuryād aparasya sattvasyatenasa puṇyābhisamskāreṇa lābhī bhaviṣyati śakrāsanānām brahmāsanānām cakravartisimhāsanānām | sacet punar ajita kaścīd eva kulaputro vā kuladuhitā vā aparāṃ puruṣam evam vaded āgaccha tvam bhoḥ puruṣa saddharmapauṇḍarīkaṃ nāma dharmaparyāyāṃ śṛṇuṣva

Перевод

SI 6584 (recto)

1–2. [прежнее] накопление заслуг, [связанное с даянием и] обретением архатства, [не стоит] даже одной сотой части, одной тысячной, одной десятитысячной доли от накопления добродетели [путем радостного принятия].

3–4. [Их] невозможно сравнить с помощью чисел и тайных знаний. Так огромна, о Аджиты, так [неисчислима эта заслуга, которую обретает пятидесятый по очереди человек, услышавший] хотя бы одну гатху, одну [строку] из Лотосовой сутры

5–6. и с радостью ей последовавший. Я [заявляю, о Аджиты, что] накопление заслуг

[у того человека будет] еще более [грандиозным, более неисчислимым]. [Если юноша] или девушка из хорошей семьи [с целью услышать Лotosовую сутру,] покинув свой дом, направится в монашескую обитель,

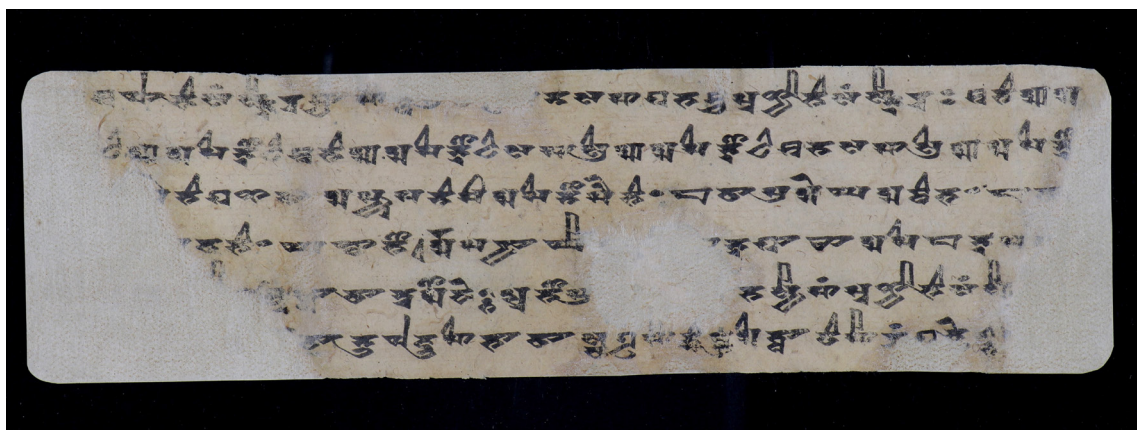
SI 6584 (verso)

1–3. о Аджита, этот человек только благодаря накопленным [в результате этого действия] заслугам [в своем следующем рождении] станет обладателем колесниц, [запряженных] лошадьми [и слонами], паланкинов, [лодок, воздушных колесниц, легких повозок и божественных летательных кораблей]. Если человек пусть даже на одно мгновение

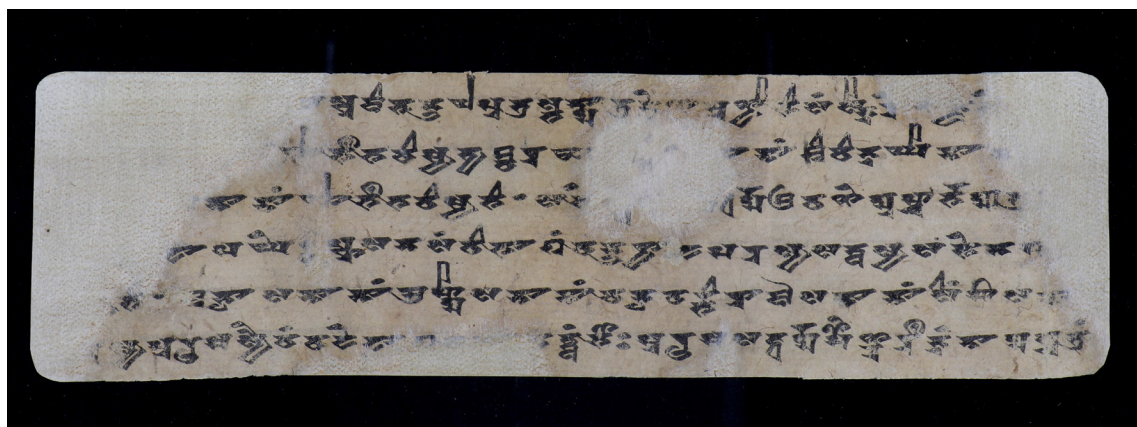
4–5. [сядет, чтобы послушать Лotosовую сутру], или убедит другого сесть, или поделится с ним своим местом, он [за счет заслуг, полученных в результате этого действия,] обретет место Индры, Брахмы, царя Чакравартина.

6. Если также есть человек, который скажет другим людям: «Приди и послушай Лotosовую сутру...»

Факсимиле

Рис. 1. SI 6584 recto
[Fig. 1. SI 6584 recto]

Рис. 2. SI 6584 verso
[Fig. 2. SI 6584 verso]

Литература

- Памятники 1985 — *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И.* Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 288 с.
- Памятники 2004 — *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Тёмкин Э. Н.* Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М.: Наука, Вост. лит., 2004. 585 с.
- Chandra 1977 — *Chandra L.* Saddharmapuṇḍarīka-sūtra, Kashgar Manuscript. Tokyo: The Reiyukai library. 1977. 435 с.
- Edgerton 1953 — *Edgerton F.* Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. New Haven: Yale University Press, 1953. 627 p.
- Kern, Nanjio 1912 — *Kern H., Nanjio B.* Saddharmapuṇḍarīka. Bibliotheca Buddhica X. St.-Pe-

tersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1912. 508 p.

- Monier-Williams 1899 — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English Dictionary. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1338 p.
- Toda 1981 — *Toda H.* Saddharmapuṇḍarīka sūtra: Central Asian manuscripts. Romanized text. Tokushima: Kyoiku Shuppan Center, 1981. 368 p.
- Vaidya 1960 — *Vaidya P.* Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā. Darbhanga: Mithila Institute, 1960. 579 p.
- Waldschmidt 1950 — *Waldschmidt E.* Das Mahāparinirvāṇasūtra, Teil I: Der Sanskrit-Text im Handschriftlichen Refund. Berlin: Akademie-Verlag, 1950. 101 p.
- Watanabe 1975 — *Watanabe S.* Saddharmapuṇḍarīka manuscripts found in Gilgit. Tokyo: The Reiyukai library. 1975. 307 p.

References

- Bongard-Levin G. M., Vorobyova-Desyatovskaya M. I. Brahmi Script: Monuments from Central Asia. Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1985. 288 p. (In Russ.)
- Bongard-Levin G. M., Vorobyova-Desyatovskaya M. I., Temkin E. N. Brahmi Script: Monuments from Central Asia. Vol. 3. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2004. 585 p. (In Russ.)
- Chandra L. Saddharmapuṇḍarīka-Sūtra, Kashgar Manuscript. Tokyo: The Reiyukai Library, 1977. 435 p. (In Eng.)
- Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. New Haven: Yale University Press, 1953. 627 p. (In Eng.)
- Kern H., Nanjio B. Saddharmapuṇḍarīka. Biblio-

theca Buddhica X. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1912. 508 p. (In Eng.)

- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford: The Clarendon Press, 1899. 1338 p. (In Eng. and Sans.)
- Toda H. Saddharmapuṇḍarīka Sūtra: Central Asian Manuscripts. Romanized Text. Tokushima: Kyoiku Shuppan Center, 1981. 368 p. (In Eng.)
- Vaidya P. Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā. Darbhanga: Mithila Institute, 1960. 579 p. (In Sans.)
- Waldschmidt E. Das Mahāparinirvāṇasūtra, Teil I: Der Sanskrit-Text im Handschriftlichen Refund. Berlin: Akademie-Verlag, 1950. 101 p. (In Germ.)
- Watanabe S. Saddharmapuṇḍarīka Manuscripts Found in Gilgit. Tokyo: The Reiyukai Library, 1975. 307 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 629–639, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-629–639
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-629–639

Два «Царя дхармы» одного текста наставлений

Баазр Александрович Бичеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бичеев Б. А., 2020

Аннотация. *Введение.* «История Усун Дебескерту-хана» — один из интересных памятников старописьменной ойратской литературы. О его популярности и широкой распространенности свидетельствуют многочисленные списки этого произведения, хранящиеся в научных фондах России, Монголии и Китая. Содержание текста состоит из наставлений, приписываемых тибетскому царю Ралпачану, который был последним «царем дхармы» древней династии царей Тибета. За время своего правления он сумел укрепить государственность страны, избавить ее от протектората Китая и утвердить буддизм в качестве государственной религии. Косвенно эти события нашли свое отражение в тексте его наставлений. Однако это произведение было создано не при его жизни, а гораздо позже — в XV в. С кончиной Ралпачана в древнем Тибете завершилась эпоха «религиозных царей» и начался распад страны на мелкие княжества. Процесс активного возрождения и реформации буддизма начнется лишь с XV в. и был связан с деятельностью Цонкапы и появлением института Далай-лам. В XV в. и был составлен текст наставлений Ралпачана. В середине XVII в. этот сборник наставлений был переведен на ойратский язык ойратским правителем Гуши Номин-ханом, который в свое время также был признан в Тибете «царем дхармы». Это обстоятельство позволяет взглянуть на появление ойратского перевода этого произведения с точки зрения происходивших в середине XVII в. исторических событий в Тибете и Джунгарии, а также раскрыть его историческое содержание. Так в пространстве текста одного наставления, известного в литературе монгольских народов под названием «История Усун Дебескерту-хана», оказались связаны имена двух «царей дхармы» и две эпохи тибетского буддизма. *Цель статьи* — введение в научный оборот ойратского текста «Истории Усун Дебескерту-хана» и анализ его исторического содержания. *Решаемые задачи:* определить историческую составляющую содержания произведения. *Основной метод исследования* — историко-сравнительный анализ произведения. *Новизна работы.* Несмотря на неоднократную публикацию текста, анализ исторического аспекта содержания произведения не осуществлялся. *Результаты* исследования: наставления тибетского царя Ралпачана основаны на «двух правилах», которые были окончательно утверждены в период его правления; религиозные и светские нормы, провозглашаемые в произведении, свидетельствуют об утвержде-

нии буддизма в Тибете как государственной религии; перевод наставлений тибетского царя Ралпачана на ойратский язык ойратским правителем Гуши Номин-ханом является своеобразным признанием его «царем дхармы». *Заключение.* Анализ содержания текста «Истории Усун Дебескертю-хана» и сопоставление с данными тибетских и ойратских летописей позволили раскрыть историческое содержание произведения.

Ключевые слова: Усун Дебескертю-хан, наставления, автор, переводчик, царь Ралпачан, джунгарский правитель Гуши Номин-хан, «царь дхармы»

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бичеев Б. А. Два «Царя дхармы» одного текста наставлений // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 629-639. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-629–639

UDC 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-629–639

Two ‘Dharma Kings’ of One Didactic Text

Baazr A. Bicheev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bicheev B. A., 2020

Abstract. *Introduction.* *The Story of Usun Debeskertu Khan* is a notable monument of old Oirat literature. Its popularity and wide distribution are evidenced by numerous manuscript copies stored by scientific institutions of Russia, Mongolia and China. It consists of instructions attributed to the Tibetan King Tri Ralpacan referred to as the last ‘Dharma King’ of the ancient royal dynasty of Tibet. During his reign, he was able to strengthen the country’s nationhood, dismiss China’s protectorate, and get Buddhism established as the state religion. Indirectly, these events are reflected in the text of his homilies. However, this work was created not during his lifetime but much later — in the 15th century. Ralpacan’s death marked the end of the era of ‘religious kings’, and the country started disintegrating into a vast number of small principalities. The process of active revival and reformation of Buddhism would begin only in the 15th century directed by Je Tsongkhapa and further sustained by the emerged institution of the Dalai Lamas. And it is during this period that the book of Ralpacan’s homilies was compiled. In the mid-17th century, those were translated into Oirat by the famous Khoshut ruler Gūshi Nomin Khan recognized in Tibet as a ‘Dharma King’. This circumstance makes it possible to consider the creation of the Oirat translation from the viewpoint of historical events that were taking place in the mid-17th century in Tibet and Dzungaria, as well as to reveal its actual contents. So, a textual space of one didactic text known in Mongolic literatures as *The Story of Usun Debeskertu Khan* connects names of two great ‘Dharma Kings’ — and two epochs of ‘religious kings’ of Tibetan Buddhism. *Goals.* The article seeks to introduce the Oirat text of *The Story* into scientific circulation, and analyzes its historical contents identifying the historical component of the work. *Methods.* Comparative historical analysis proves a key research method. Despite repeated publications of the text, the latter was never essentially analyzed for historical aspects. *Results.* And the analysis conducted shows that 1) Tibetan King Ralpacan’s homilies are based on the ‘two principles (guidelines)’ finally adopted in his era, 2) religious and secular norms proclaimed by the text attest to that Buddhism had been thus established as the state religion of Tibet, 3) the fact the text of Tibetan King Ralpacan’s homilies was translated into Oirat by Gūshi Nomin Khan implies the latter should be equally revered as a ‘Dharma King’.

Keywords: Usun Debeskertu Khan, instruction, author, translator, King of Tibet Ralpacan, Dzungar ruler Gūshi Nomin Khan, ‘Dharma King’

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Bicheev B. A. Two ‘Dharma Kings’ of One Didactic Text. *Oriental studies*. 2020. Vol. 13(3): 629–639. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-629–639

Введение

Удивительные метаморфозы памяти делают одни литературные творения, содержание которых непосредственно связано с эпохальными событиями времени их создания, исторически значимыми, а другие — забытыми. Судьба такого произведения складывается самым неожиданным образом. По истечении долгого времени со дня своего появления оно неожиданно обретает новую жизнь, но события, вызвавшие этот ренессанс, оказываются сходными с событиями, предшествовавшими рождению этого текста. И если не учесть этой опосредованно существующей исторической связи, то причина последующей широкой популярности текста может трактоваться лишь исходя из его непосредственного содержания, что не всегда дает возможность раскрыть реальную историческую атмосферу, которая сопровождала рождение текста. С подобным явлением исследователи сталкиваются при знакомстве с известным и широко распространенным во второй половине XVII столетия произведением старописьменной ойратской литературы «История Усун Дебескерту-хана» («*Üsün debeskertü xāni tuuji orošiboi*»).

О популярности этого произведения еще в недавнем прошлом свидетельствует упоминание о нем в работах исследователей начала прошлого столетия [Очиров 1910; Очиров 1913].

Широкая распространенность рукописных списков текста подтверждается и достаточно большим количеством рукописей, хранящихся как в личных коллекциях [Цэвгээ 2003], так и в научных фондах России [Орлова 2002; Сазыкин 1988; Uspensky 1999], Монголии [Оюу чихт 2005; Gerelmaa 2005] и Китая [Galdan 2013].

По данным существующих каталогов монгольских рукописей, на сегодня известно о тринадцати списках этого произведе-

ния на ойратском «ясном письме» [Бичеев 2019].

«История Усун Дебескерту-хана» представляет собой перевод тибетского произведения, состоящего из наставлений, приписываемых тибетскому царю, имя которого на ойратском языке обозначено как *Усун Дебескерту-хан*. К сожалению, нам не известен тибетский оригинал текста, с которого в середине XVII столетия был сделан его ойратский перевод. Однако текст, судя по его содержанию, представлял собой традиционную для тибетской литературы форму «личных наставлений», которые слагались из поучений от лица царя на разные темы и были адресованы всем подданным [Востриков 2007: 48].

В названии одной из рукописей на «ясном письме» указано, что это «Наставления Усун Дебескерту-хана и двенадцати его министров» («*Üsün debeskertü xān arban xoyor tüšimed-lügē ögüüleqsen yoson orošibai*») [Цэвгээ 2003: 95].

«Царь дхармы» — автор «Истории Усун Дебескерту-хана»

Во всех известных списках рукописей на «ясном письме» авторство этого сборника наставлений и поучений приписывается *Усун Дебескерту-хану*. За этим именем скрывается представитель древней династии тибетских царей Тицуг Децэн (*Khri-gtsug lde-bstan*) или Три Ралпачан (*Ral-pacan*)¹. К сожалению, нам не известен тибетский оригинал этого сборника наставлений, с которого осуществлялся ойратский перевод, но можно предположить, что *Усун Дебескерту-хан* ойратского текста — это и есть царь Ралпачан. Чтобы привести свидетельство в пользу нашего предположения, приведем некоторые известные факты из биографии этого тибетского правителя.

¹ В разных источниках имя написано по-разному: Ралбачжан [Востриков 2007], Ралпачан [Парсам-Джонсан 1991], Рэлпачан [Шакабпа 2003].

Сведения о царе Ралпачане (815–841) сохранились в тибетской исторической литературе [Востриков 2007; Пагсам-Джонсан 1991; Tucci 1950]. Автор исторического сочинения «Пагсам-Джонсан» Сумба-кханбо Ешей Бальджор (1704–1788) приводит сравнительные данные о древних царях Тибета, в том числе и о Ралпачане. Из этих данных следует, что известный историограф, настоятель монастыря Шалу Будон Ринчендуб (1290–1364) в своем труде «История буддизма» пишет, что «Ралпачан, года огня-собаки рождения (806 г.), в 18 лет встал во главе царской власти; в 36 лет, в год железа-курицы (841 г.), был убит министром» [Пагсам-Джонсан 1991: 24].

Иерарх школы Сакья Пагба-лама (1235–1280) в своем сочинении «Родословная царей Тибета» отмечает, что «Тидэ-Сронцан, года дерева-дракона рождения (824 г.), с 24 до 54 лет, до года огня-курицы (877 г.), и Ралпачан, года огня-собаки рождения (866 г.), с 12 до 36 лет, до года железа-курицы (901 г.) были царями» [Пагсам-Джонсан 1991: 25].

Выдающийся тибетский историк Гой-лоцзава Шоннупэл (1392–1481) в своем труде «Синяя книга. История буддизма» считает, что Ралпачан с года дерева-лошади (874 г.) правил 23 года [Пагсам-Джонсан 1991: 26].

Наконец, Далай-лама V Нгаванг Лобсан Гьяцо (1617–1682) пишет, что «самый младший из сыновей Садна-Лэга Тидэ-Сронцан-Ралпачан был года огня-собаки рождения (806 г.). Во время становления его хозяином царской власти противоречия с Китаем были преодолены: в честь этого был возведен каменный обелиск и установлена власть „двуединая“. Он был убит в год железа-курицы (901 г.)» [Пагсам-Джонсан 1991: 26].

Сопоставив все эти данные, Сумба-кханбо Ешей Бальджор приходит к выводу о том, что «Ралпачан, года огня-собаки рождения (806 г.), с года огня-курицы (877 г.) выдвинулся в цари и был убит в год огня-дракона (896 г.)» [Пагсам-Джонсан 1991: 32].

Из работ современных исследователей, которые использовали труды вышеуказанных и других тибетских авторов, известно, что отец Ралпачана Саналег (800–815) вступил на трон молодым человеком [Шакабпа 2003: 62]. Управлять государством ему по-

могали четыре министра — Дэнка Пэлгьи Йонтэн, Ньянг Тингзин, Шанг До Тисур и Нанам Тридаг-гьел. При этом двое первых имели звание *банди*, поскольку были буддийскими монахами. Эти же сановники впоследствии будут участвовать в управлении государством и при Ралпачане. Во всяком случае, Шакабпа пишет, что буддийский монах банде Дэнка Пэлгьи Йонтэн был главным министром государства [Шакабпа 2003: 62]. Видимо, они и являются теми четырьмя из двенадцати сановников, которые присутствовали при утверждении наставлений Усун Дебескерту-хана в виде общепринятых светских и религиозных норм.

В период правления Саналега «были приглашены индийские пандиты, чтобы помочь в переводе буддийских текстов. Саналег построил недалеко от Лхасы храм Карчунг Лхаканг. Поскольку в это время буддийская религия испытывала противодействие, царь созвал на совет своих министров и разных вассалов со всех частей царства. Был составлен обширный документ, обещавший поддержку распространению буддийской веры, подписанный царем и всеми, кто присутствовал. Также на колонне перед Карчунг Лхакангом была выбита надпись, посвященная этой акции» [Шакабпа 2003: 62].

Известно, что у Саналега было пять сыновей, старший из которых стал монахом, а два последних умерли. Когда в 815 г. Саналег умер, на престол вступил «Тидэ-Сронцан-Ралпачан, года огня-собаки рождения (866 г.)» [Пагсам-Джонсан 1991: 19]. Министры пренебрегли его братом Дармой, поскольку он испытывал неприязнь к буддизму и был вспыльчивым человеком [Шакабпа 2003: 62].

И. Попов пишет о том, что в первые годы своего царствования Ралпачан вел удачные войны с Китаем и возвратился в Тибет с огромной добычей, «так что слава о его могуществе и силе восходила до тенгриев» [Попов 2001: 56]. Китай был вынужден подписать с ним мирный договор. В честь этого события «на трех высоких каменных плитах составили клятвенный договор и прочее, благодаря чему в Тибете /договор/ оказался весьма полезным» [Пагсам-Джонсан 1991: 19–20].

Известно, что одна плита была поставлена перед воротами императорского двор-

ца в Китае, другая — на границе двух стран, а третья — перед главными воротами храма Джоканг в Лхасе. Цепон Шакабпа пишет, что, видимо, этим было обусловлено и то, что эпоха правления Ралпачана под влиянием китайской традиции была обозначена именем «sKyī rtag» (*sKyī rtag*; перевод термина в работе не приводится). Это единственный такой случай в ранней истории Тибета [Шакабпа 2003: 347].

При Ралпачане в Тибет прибыли индийские знатоки и комментаторы буддийского канона — ученые-пандиты Данашила, Джинамитра и Шилендрабодха. Вместе с двумя известными тибетскими переводчиками Каву Пэлцег и Чогро Луй Гьелцэном они сформировали комиссию переводчиков, которая выработала нормы перевода буддийских терминов с санскрита на тибетский язык и составила первый санскритско-тибетский словарь буддизма «Махавьюпати» [Востриков 2007: 101; Попов 2001: 56–57; Шакабпа 2003: 63].

При Ралпачане было построено большое количество новых буддийских храмов, на строительство которых были привлечены опытные каменщики, плотники, кузнецы и мастера серебряных дел Китая, Непала и Туркестана [Шакабпа 2003: 64]. Для стимулирования роста монашеской общины, Ралпачан утвердил положение, согласно которому семь домовладений должны были обеспечивать содержание одного монаха. Для поднятия авторитета монахов было приказано называть их «священнослужителями царской головы». Это обращение к монахам возникло в связи с обычаем «привязывать длинные тесемки к волосам Ралпачана, к которым затем прикреплялась ткань. Затем эта ткань раскладывалась на полу, и монахи садились на нее, когда молились, или ели перед царем. Этому обычаю следовали только тогда, когда какой-либо монах был гостем царя, который иногда мог находиться в соседнем помещении [Шакабпа 2003: 64].

Эта традиция объясняет нам значение имени *Ral-ra-can* (*ralra* ‘волосы’; *can* ‘обладающий’). В буквальном ойратском переводе это имя передано в форме *Üsün debeskertü xān* (*üsün* ‘волосы’; *debesker* ‘подстилка’; букв. ‘Имеющий подстилкой волосы’).

В монгольских исторических сочинениях имя *Ral-ra-can* известно как *Üsün sandal-*

tu qaγan (букв. *üsün* ‘волосы’; *sandal* ‘стул’; букв. ‘Имеющий стулом волосы’) [Алтан товчи 2001: 146].

Традиция буквальной передачи санскритских и тибетских имен — одна из норм переводов тибетских сочинений. К примеру, в ойратском переводе «Сутры Золотого света» («*Altan gerel*») из 150 собственных имен большинство является буквальной передачей с тибетского языка или санскрита [Yakhontova 2018: 394–406].

Лишенный трона, старший брат Ралпачана Дарма с помощью интриг сумел отправить своего брата-монаха в далекий Бутан и заставил поверить Ралпачана в любовную связь его супруги с главным министром государства Дэнка Пэлгьи Йонтэном. Монах-министр был изгнан в глухую местность, где и был убит во время медитации. В 836 г. Ралпачан был задушен двумя своими министрами, которые незадолго до этого убили оклеветанного ими главного министра государства. На трон взошел его брат Дарма, абсолютно не питавший любви к буддизму.

Со смертью Ралпачана, по мнению исследователей, завершился первый этап утверждения буддизма в качестве государственной религии в Тибете. Сумба-кханбо Ешей Бальджор пишет, что из всех линий тибетских царей, «исключая Дарму, все, начиная от Сронцана и ниже, веровали в Три драгоценности» [Пагсам-Джонсан 1991: 23]. В истории Тибета Ралпачан признан третьим «царем дхармы», вслед за Сронцан-гампо и Трисонг Деценом, при которых буддизм получил развитие в Тибете.

Именно в период правления Ралпачана произошел процесс концентрации в руках правителя страны «двуединой» власти (религиозной и светской: *chos srid gnyis ka*), т. е. официального признания буддизма государственной религией Тибета.

Итак, можно выделить те исторические достижения Тицуг Децэна или Ралпачана, которые ему удалось воплотить за время его правления — укрепление государственности Тибета, избавление страны от протектората Китая и утверждение буддизма в качестве государственной религии.

Косвенно эти события нашли свое отражение в художественной форме во вступительной части «Истории Усун Дебескерт-ухана».

<p>Kükü möngkü tenggeriyin doro körisütü yeke (altan) delkeyin dere-inu: naran sara kigēd odod-yēr gegēne tügeqseni erketü ezen Üsün Debiskertü xan: tere dörbön zügiyin ulu=s ergeni nomoyodxon Eneckege=yin nomi delgerüülen: xara kitadiyin xāni töröyigi yasād: za=mbutib-daki amitani ömönö-bēn čoulyaqsan külkü amitani keseq= [2a] yēr kereqlekü šaġin törö em metü tusatai butēn: tere caqtu xāni zayani zasagi bayiyoulun: töbüdiyin nomi=yin xouli bayiyoulun: [НА КалмНЦ РАН: 1b–2a]</p>	<p>Под Вечно синим небом, На златокорой земле, Под льющимся сиянием солнца, луны и звезд Властитель Усун Дебескерту-хан, Управляя подданными четырех сторон света, Распространил Дхарму Индии, Упразднил власть хана черных китайцев, Собрал пред собой людей Джамбутвины, Для долгого употребления всеми [2a] людьми, Установил государство, подобное полезному лекарству, Утвердил предназначенную власть хана И закрепил законы тибетской Дхармы. (Перевод наш. — Б. Б.)</p>
---	---

Таким образом, в «Истории Усун Дебескерту-хана» нашли отражение те исторические события, которыми ознаменовалась эпоха правления «царя дхармы» Ралпачана. Однако его наставления вряд ли могли быть составлены при его жизни и даже не сразу после его смерти, поскольку вслед за вступлением на трон его брата Дармы последовали гонения на буддизм. Затем последовал распад страны на мелкие княжества, завершивший эпоху «религиозных царей» (чойгел), последним из которых и был «царь дхармы» Ралпачан.

Процесс активного возрождения и реформации религиозной традиции начнется лишь в XV столетии с деятельностью «второго Будды» Цонкапы (1357–1419) и появлением института Далай-лам. Известно, что популярный памятник тибетской апокрифической литературы «Мани-гамбум», представляющий собой собрание произведений,

приписываемых первому «царю дхармы» Сронцзан-гампо (617–698), по данным исследователей, был составлен только в XV в. [Востриков 2007: 44; Rockhill 1891]. По всей видимости, подобно этому, и поучения Ралпачана были составлены в этот же период времени.

«Царь дхармы» — автор перевода «Истории Усун Дебескерту-хана»

Ойратский перевод «Истории Усун Дебескерту-хана» был осуществлен в середине XVII в. Такой вывод позволяет сделать колофон переводчика, который присутствует во всех известных нам списках этого произведения. Из содержания колофона следует, что автором наставлений является тибетский царь Ралпачан (Üsün debeskertü xān), переводчиком произведения с тибетского языка назван Арьядева Гуши (aryādevā Gūūši), а инициатором перевода — Кундулен Хурмушта-хан (Kündölöng Xurmusta xān).

<p>Üsün debeskertü xān ulus irgen-dü nom yirtüncüyin yosu üzüü=lekü caqtān: arban xoyor tüšimed-lügē ögüüledeqsen yosuni: nom-či Kündölöng Xurmusta xān duraduqsan-du: šaštur bulyon aryā=devā Gūūši mongyolčilon orčiulbai: [ЛК Цэвгээ: 13a]</p>	<p>Поведанные Усун Дебескерту-ханом Вместе с двенадцатью министрами, Светские и духовные наставления для подданных По просьбе Кундулена Хурмусты-хана Перевел на монгольский [язык] в виде шастры Арьядева Гуши. (Перевод наш. — Б. Б.)</p>
---	---

Во всех тринадцати известных списках этого текста на «ясном письме» в содержа-

нии колофона нет заметных расхождений. За исключением написания, пропусков или

замены некоторых слов. К примеру, в одном из колофонов вместо «aryādevā Gūūṣi» написано «akdivā Gūūṣi», вместо «Kündölöng Xurmusta xān» — «Kündölöng Xurmusta».

Названный в колофоне переводчик Арьядева Гуши (aryādevā Gūūṣi) — это один из ойратских предводителей Гуши Номин-хан, который, подобно великим правителям древности, был признан в Тибете как «дхарма-раджа» (тиб. chos rgyal, чойжал — царь Дхармы) и «держатель Учения» (тиб. bstan ‘dzin, данцин ‘держатель Учения’).

Сумба-кханбо Ешей Бальджор пишет, что в 1637 г. «дхарма-раджа Гуши прибыл в Куку-нор, разгромил халхаского Цогту /-тайчи/ с войсками, которые были враждебны к религии гэлукпа» [Пагсам-Джонсан 1991: 129].

В 1642 г. «Данцин-Чойжал /Гуши-хан/ прибыл в Цзан, захватил цзанского царя, сокрушавшегося /о потере/ лучших земель, подчинил своей власти Цзан и Камон и стал

тибетским царем» [Пагсам-Джонсан 1991: 129].

События, связанные с походом ойратов в Тибет и утверждением власти хошеутовского Гуши-хана, достаточно подробно освещены в работах отечественных и зарубежных исследователей [Златкин 1983; Кычанов, Мельниченко 2005; Попов 2001; Шакабпа 2003].

Инициатором перевода этого произведения указан Кундулен Хурмуста-хан (Kündölöng Xurmusta xān) — это брат Гуши-хана, известный в истории ойратов как Кундулен Убаши, а также Дургегчи нойон Убаши. О нем, как и о других его четырех братьях, которых называли «пять хошеутовских братьев-барсов» («хошудин ах тавн бар»), в памяти народа сохранились предания исторического содержания.

Составитель первой калмыцкой хрестоматии, учитель народной школы Ш. Болдырев приводит одно из этих преданий.

<p>Хошудин Хан нойн Хоңһр тавн көвүтэ сэнж. Эдниг тавн барс гиж нерэдсн. Эднэ негнь — Көндлң Увш. Эн нойн Дүүргэж нойн Увш гиж нер хальдсн болдг.</p>	<p>Хошеутовский хан-нойон Хонгор имел пять сыновей, которых называли «пять братьев-барсов». Один из них — Кундулен Убаши. Он также известен под именем Дургегчи нойон Убаши.</p>
<p>Гүши Номин хан — Хан нойн Хоңһрин дөрвдгч көвүн. Көндлң Увш Бээвһэс хан хойрин дү. Гүши Номин хан шарин шажнд хээрслтэ гидгэрн алдршсн. Бийнь ик сүзгч хан сэнж. Шарин шажиг сээнэр бэрж, Зунквад шүтж, теднэ һарһсн тоот цуһариг күцэдг санж болсар, маңнань арсн шулврад шархдтлан оln һазрт күргж мөргдг сэнж.</p>	<p>Гуши Номин-хан — четвертый сын Хан-нойон Хонгора. Он был младшим братом Кундулен Убаши и Байбагас-хана. Гуши-хан прославился как ревностный буддист, будучи глубоко верующим человеком. Он строго придерживался учения, почитал Цонкапу и следовал всем религиозным обетам. Он так усердно бил поклоны в святых местах, что на лбу у него образовалась рана.</p>
<p>Гүши Номин хаг төвд келнэс моңһл келнд «Алтн герл» орчулсн гиж келдг. [Калмыцкая хрестоматия 1927: 155–156]</p>	<p>Говорят, что Гуши Номин-хан перевел на монгольский язык «Сутру Золотого света». (Перевод наш. — Б. Б.)</p>

Итак, переводчик сочинения Арьядева Гуши (aryādevā Gūūṣi) — это предводитель хошеутов Гуши Номин-хан. Его монгольское имя — это калька санскритского Дхарма-раджа, тибетского Чойжал — Номин хан, а тибетское Данцин передано как «Гуши» — «высокородный, святой». Его настоящее имя — Тур Байху. «Третий из пяти сыновей Ханы, владетельного князя хошодов (хошутов) из среды четырех хошунов ойратов, перерожденец дхарма-раджи Ямандаки, у которого настоящее имя было Торал-Баху и

которого тибетцы называли Данцин-Чойжал, а монголы — Гуйшри-хан или Гэкэн-хан, в 13 лет захватил Гокар, в 20 лет уладил распри между олетами и халхасцами» [Пагсам-Джонсан 1991: 46].

Сумба-кханбо Ешей Бальджор в своем труде дает идеализированный образ «царя дхармы» Гуши Номин-хана как правителя, обладавшего «двуединой» властью, как объекта почитания и как духовного практика. «Цари Индии, Непала и Нгария и другие преподнесли /Гуши-хану/

богатые дары, тибетцы прославляли его как перерожденца учителя Бадма-Самбхавы. ... Этот дхарма-раджа обеспечил процветание благоденствию подвластных ему монастырей, министров и вплоть до подданных с позиции преодоления соперничества между духовным и светским правлениями... Он же узрел лики Маньчжуши и Цзонхапы...» [[Пагсам-Джонсан 1991: 47–48](#)].

Сведения о том, что Гуши Номин-хан был не просто ревностным практиком буддийского учения, но еще и занимался переводами буддийских сочинений, — дополнительное подтверждение авторства его перевода наставлений царя Ралпачана. И если о его переводе «Сутры Золотого блеска» пока не удалось обнаружить подтверждающих данных, то его ойратский перевод «Истории Усун Дебескерту-хана» имел достаточно широкое распространение в монгольском мире. Согласно историческим данным, Гуши-хан умер в 1654 г. Исходя из этого, можно предположить, что перевод «Истории Усун Дебескерту-хана» мог быть выполнен до этой даты и на «ясном письме», которое было создано в 1648 г.

Выбор именно этого сочинения для его перевода, как нам представляется, не был случайным. И выбор осуществлялся не самим Гуши Номин-ханом, а теми буддийскими учителями, которые, во-первых, имели на него определенное влияние и, во-вторых, прекрасно осознавали, что авторство перевода наставлений, приписываемых древнему царю Ралпачану, могло иметь огромное значение для еще большего укрепления авторитета Гуши Номин-хана как «царя дхармы» среди тибетцев, связывая его имя с именем легендарного «царя дхармы» Ралпачаном. Понимали они и то, что имя Гуши Номин-хана в качестве переводчика наставления, как и имя Кундулен Убаши, прославившегося среди ойратов своей мудростью и богатырской силой, в качестве инициатора перевода, несомненно, будут способствовать популярности этого произведения и послужат укреплению учения Будды в их умах и сердцах.

Думается, что был и еще один не менее важный практический интерес для выбора этого произведения в качестве перевода. Доступность содержания текста и его широкая адресность должны были способство-

вать популяризации и закреплению недавно созданного «ясного письма» в широких слоях ойратского общества.

Если исходить, что именно такие цели предполагались при выборе этого сочинения для перевода, то тем, кто мог указать Гуши Номин-хану на выбор именно этого произведения, мог быть лишь сам основатель ойратской письменности Зая-пандита Намкаджамцо. Для человека, который, начиная с 16 лет, провел в обучении больше двадцати лет в Тибете и получил высшую ученую степень рабджамбы, выбор этого сочинения, перевод которого имел бы как политический, так и религиозный резонанс в сложившейся исторической ситуации, был очевидным.

Авторитет Зая-пандиты в широкой среде ойратского общества и в среде правящей и духовной элиты Джунгарии и Тибета был не меньшим, чем у Гуши Номин-хана. К тому же Зая-пандита был не просто соплеменником хошеутовского правителя, но и приходился ему племянником, поскольку официально был усыновлен его старшим братом Байбагас-ханом. При этом Зая-пандита был не только духовным главой Джунгарии, но и официальным представителем Далай-ламы и Панчен-ламы в Джунгарии. Именно с этой его обязанностью связаны его неоднократные поездки в Тибет.

По всей видимости, «темное» место в книге Шакабпы, относительно ответа Далай-ламы V на приглашение Гуши-хана посетить его страну, сделанное им в 1638 г. связано с Зая-пандитой. «Не имея возможности оставить свои обязанности, Далай-лама направил в Монголию своего постоянного представителя поддерживать хорошие отношения с монголами» [[Шакабпа 2003: 118](#)]. Известно, что в 1639 г. Зая-пандита по указанию Панчен-ламы и Далай-ламы вернулся на родину в Джунгарию.

Таким образом, сборник наставлений «История Усун Дебескерту-хана», составленный тибетскими монахами в XV в., но приписываемый царю Ралпачану, жившему в IX в., был переведен в середине XVII в. на ойратский язык «царем дхармы» ойратским Гуши Номин-ханом и получил широкое распространение в монгольском мире. Так в пространстве одного текста дидактического содержания, известного в литературе мон-

гольских народов под названием «История Усун Дебескертү-хана», оказались связаны имена двух «царей дхармы».

Заключение

У сборника наставлений известного под названием «История Усун Дебескертү-хана» достаточно интересная литературная судьба. Авторство этого произведения приписывается тибетскому правителю древней династии, «царю дхармы» Ралпачану, временем правления которого завершилась эпоха «религиозных царей» древнего Тибета,

начался распад государства и гонения на буддизм. Поэтому наставления, приписываемые Ралпачану, могли быть составлены лишь в XV в., когда в Тибете началась реформаторская деятельность Цонкапы и утвердился институт Далай-лам.

В середине XVII в. сборник наставлений Ралпачана был переведен на ойратский язык известным в истории Тибета «царем дхармы» ойратским правителем Гуши Номин-ханом и получил широкое распространение в письменном виде среди монгольских народов.

Источники

ЛК Цэвгээ — Личная коллекция Н. Цэвгээ (Монголия, Ховд аймак, сомон Жаргалант). *Üsün debeskertü xān arban хойор түшimed-lügē ögüüleqsen yoson orošibai*. Ойр. рук., 13 л., 22 × 7.7, 27 стк., потемневшие листы, черная тушь.

НА КалмНЦ РАН — *Üsün debiskertü xāni nomloqson šaštir kemekü orošiba*. Ойр. рук., 17 л., 21,5×8, 20–21 стк., бумага серая, тушь черная, перо // НА КалмНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 3. Ед. хр. 148.

Литература

- Алтан товчи 2011 — Лувсанданзаны зохиосон. Эртни хаадын үндэслэсэн төр ёсны зохиолыг товчлон хураасан Алтан товч хэмээх оршвой. Эх бичгийн цогц судалгаа хийсэн доктор (Sc. D), профессор Шаравын Чоймаа (= Лувсанданзан. Краткий свод сведений о древних монгольских ханах «Алтан товчи». Исследование текста памятника проф. Шаравын Чоймы). Улаанбаатар: «Болор судар» хэвлэлий газар, 2011. 762 х.
- Востриков 2007 — *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 336 с.
- Бичеев 2019 — *Бичеев Б. А.* Списки рукописей и история публикации «Истории Усун Дебескертү-хана» // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 441–449.
- Оюу чихт 2005 — Оюу чихт хаан хөвүүний тууж тэргүүтэн монголын сонгодог уран зохиолын хэдэн дурсгал (= «История принца Ою Чихтэ» и другие избранные произведения монгольской литературы). Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК, 2005. 101 с.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: ГРВЛ, Наука, 1983. 331 с.
- Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая

Sources

Üsün debeskertü xān arban хойор түшimed-lügē ögüüleqsen yoson orošibai: The Story of Usun Debeskertu Khan. Oirat manuscript. At: personal collection of N. Tsevegee. 13 p. (In Oir.)

Üsün debiskertü xāni nomloqson šaštir kemekü orošiba: The Story of Usun Debeskertu Khan. Oirat manuscript. At: Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 17 p. (In Oir.)

хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ / сост. Ш. Болдырев // Хонхо. Вып. III. Прага: Изд. КККР в ЧСР, 1927. 255 с.

Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

Орлова 2002 — *Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: Институт востоковедения РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2002. 85 с.

Очиров 1910 — Отчет о поездке *Н. Очирова* к Астраханским калмыкам летом 1909 года // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. Март. С. 61–75.

Очиров 1913 — Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков. Отчет *Н. Очирова* // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1913. Сер. II, № 2. С. 78–91.

Пагсам-Джонсан 1991 — Пагсам-Джонсан: История и хронология Тибета. Перевод с тиб. языка, предисловие, комментарий *Р. Е.*

- Пубаева. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1991. 261 с.
- Попов 2001 — *Попов И.* История Тибета // Все о Тибете. М.: Полиграфист, 2001. С. 31–98.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 507 с.
- Цэвгээ 2003 — *Цэвгээ Н.* Ойрадад анх шарын шашин үүссэн, соёл, нийгэм төрийн хувьсал (= Принятие буддизма ойратами и эволюция культуры и общества). Улаанбаатар: [б. и.], 2003. 220 с.
- Шакабпа 2003 — *Цепон В. Д. Шакабпа.* Тибет: политическая история. СПб: Нартанг, 2003. 428 с.
- Galdan 2013 — *Galdan Do.* Üsün debiskertü qayan-u tuyuji orosiba // Surγal silüg kiged sang takil. Todu üsüg-ün erten-u dursxal bičig-ün sungyuburi (= «История Усун Дебескертү-хана» // Стихотворные поучения и тексты воскурения. Избранные тексты памятников «ясного письма»). Ügümči: Šinjyang-un arad-un keblel-ün xoγyí-a, 2013. С. 3–19.
- Gerelmaa 2005 — *Gerelmaa G.* Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature, Academy of Sciences of Mongolia, 2005. 270 p.
- Tucci 1950 — *Tucci G.* The Tombs of the Tibetan Kings. Institute Italiano per Il Medio Ed Estremo Oriente. Serie Orientale Roma. T. I. Roma, 1950. 117 с.
- Uspensky 1999 — *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p.
- Yakhontova 2018 — *Yakhontova N.* Proper Names in the Oirat Translation of “The Sutra of Golden Light” // Philology of the Grasslands. Essays in Mongolic, Turkic and Tungusic Studies Languages of Asia. Vol. 17. Leiden; Boston, 2018. Pp. 394–429.
- Rockhill 1891 — *Rockhill W. W.* The Land of the lamas. Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet... by William Woodville Rockhill. New York: Century Co., 1891. 399 p.

References

- Bicheev B. A. ‘The Story of Usun Debiskertu’: manuscript copies and history of publication. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 441–449. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-441-449
- Boldyrev Sh. (comp.) Kalmyk-Language Reader for Aimag- and Preliminary District-Level Schools. Ser. (journal): Khonkho. Vol. 3. Prague: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1927. 255 p. (In Kalm.)
- Galdan Do. The Story of Usun Debiskertu Khan. In: Poetic Teachings and Incense-Offering Texts. Selected Clear Script Texts. Urumqi: Xinjiang People’s Publ. House, 2013. Pp. 3–19. (In Mong.)
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature (MAS). Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature (Mongolian Academy of Sciences), 2005. 270 p. (In Mong. and Eng.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. History of Tibet: from Earliest Times to the Present Days. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Luvсанданзан G. Altan Tobchi. Prof. Sh. Choimaa (textual research). Ulaanbaatar: Bolor Sudar, 2011. 762 p. (In Mong.)
- Ochirov N. Aleksandrovsky and Bagatsokhurovsky Districts of Astrakhan Kalmyks: trip report. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. St. Petersburg, 1913. Ser. II. Mo. 2. Pp. 78–91. (In Russ.)
- Ochirov N. Astrakhan Kalmyks, summer of 1909: trip report. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. St. Petersburg, 1910 (March). Pp. 61–75. (In Russ.)
- Orlova K. V. Description of Mongolian-Language Manuscripts and Xylographs Contained in Kalmykia’s Collections. Ser.: Newsletter of the (Russian) Oriental Society. Vol. 5. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS); Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2002. 85 p. (In Russ.)
- Pag Sam Jon Zang: History and Chronology of Tibet. R. Pubaev (foreword., transl., comments). Novosibirsk: Nauka, 1991. 261 p. (In Russ.)
- Popov I. History of Tibet. In: A Complete Guide to Tibet. Moscow: Poligrafist, 2001. Pp. 31–98. (In Russ.)
- Rockhill W. W. The Land of the Lamas: Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet. New York: Century Co., 1891. 399 p. (In Eng.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol.

- I. Moscow: Nauka; GRVL, 1988. 507 p. (In Russ.)
- Shakabpa W. D. Tibet: A Political History. St. Petersburg: Narthang, 2003. 428 p. (In Russ.)
- The Story of Prince Oyu Chikhte and Other Selected Works Mongolian Literature. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2005. 101 p. (In Mong.)
- Tsevgee N. Conversion of the Oirats to Buddhism: Evolution of Culture and Society. Ulaanbaatar, 2003. 220 p. (In Mong.)
- Tucci G. The Tombs of the Tibetan Kings. Italian Institute of Middle and Far East. Ser.: Orientale Roma. Vol. I. Rome, 1950. 117 p. (In Eng.)
- Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. 530 p. (In Eng.)
- Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 336 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. Proper names in the Oirat translation of 'The Sutra of Golden Light'. In: Philology of the Grasslands. Essays in Mongolic, Turkic and Tungusic Studies. Ser.: Languages of Asia. Vol. 17. Leiden; Boston 2018. Pp. 394–429. (In Eng.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate: 1635–1758. 2nd ed. Moscow: GRVL, Nauka, 1983. 331 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 640–651, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640–651
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640–651

Тибетское наследие в цифровом пространстве: подходы и реализации

Олег Сергеевич Ринчинов¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Тибетоязычная письменная традиция является одним из наиболее значительных и самобытных культурных феноменов мирового значения как по объему и содержанию, так и по подходам к классификации и систематизации. В последние десятилетия были инициированы многочисленные проекты по цифровизации тибетского наследия. *Цель* предпринятого нами исследования — выявление и оценка методических и инструментальных подходов к представлению тибетоязычных памятников в глобальном информационном пространстве. *Материалы и методы.* В ходе исследования был выполнен сравнительный анализ нескольких наиболее успешных международных инициатив, нацеленных на сохранение и актуализацию тибетской письменной культуры с помощью современных информационных технологий. Эти проекты, во-первых, были изучены с точки зрения изначальных мотиваций участников, целевой аудитории, основных подходов, реализованных в них. Во-вторых, особое внимание было уделено рассмотрению технической стороны реализации проектов и особенностям создаваемых в их рамках информационных ресурсов, в первую очередь, онлайн-баз данных и веб-порталов. *В результате* проведенного анализа установлено, что в основе указанных инициатив лежат разнообразные академические, религиозные и социальные мотивации, которые обуславливают как целевую аудиторию, так и применяемые организационные и методологические подходы. Цифровизация тибетской книжности осуществляется в контекстах сохранения культурного наследия, актуализации его религиозного и социального значения, исторической реконструкции культурного взаимодействия на азиатском пространстве. Показано, что совокупность предлагаемых информационных ресурсов формирует непрерывное цифровое пространство, дающее целостное представление о содержании, истории и современном состоянии тибетской письменной культуры. Сделан *вывод* о том, что рассмотренные цифровые инициативы, помимо того, что вносят неопределимый вклад в развитие академических тибетологических исследований, являются также формой социальной, информационной и образовательной поддержки корневых сообществ в разных странах, причастных к тибетской культуре. С помощью описанных в статье методических и информационно-технологических

наработок организации, занимающиеся проблемами сохранения и изучения письменного наследия, могут планировать или корректировать свою деятельность в цифровой сфере.

Ключевые слова: Тибет, письменное наследие, цифровые технологии, электронные тексты, базы данных

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Для цитирования: Ринчинов О. С. Тибетское наследие в цифровом пространстве: подходы и реализации // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 640-651. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640-651

UDC 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640-651

Tibetan Heritage in Digital Space: Approaches and Implementation

Oleg S. Rinchinov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Leading Research Associate

 0000-0003-1379-771X. E-mail: o.rinchin@gmail.com

Abstract. Introduction. The Tibetan-language written tradition is a most significant and distinctive cultural phenomenon of global significance, both in terms of amount and content, and in sophisticated approaches to classification and systematization. In recent decades, numerous projects have been initiated which aimed at digitizing the Tibetan heritage. *Goals.* The study seeks to identify and evaluate methodological and instrumental approaches to the presentation of Tibetan-language monuments in the global information space. *Materials and Methods.* The work includes a comparative analysis of the most successful international initiatives intended for preservation and actualization of the Tibetan written culture with the aid of modern information technologies. Firstly, these projects are interesting from the perspective of initial motivations of participants, characteristics of their target audience, and main methodologies implemented. Secondly, particular attention is paid to the consideration of the technical backend of the projects and certain specific features of the frontend information resources created within their framework, namely, online databases and web portals. *Results.* The analysis reveals the initiatives have been based on a variety of academic, religious and social motives that define both the target audience and organizational and methodological approaches. Thus, digital adaptation of the Tibetan written tradition appears in aspects of preservation of cultural heritage, actualization of its religious and social significance, historical reconstruction of cultural interaction in Central, Southern and Eastern Asia. The paper also clarifies that the proposed information resources form a continuous digital environment that gives a holistic representation of the content, history and current state of Tibetan written culture. *Conclusions.* The digital initiatives under consideration not only make an invaluable contribution to the development of academic Tibetan studies but also provide a form of social, informational and educational support to native communities spread across different countries and involved in Tibetan culture. With the use of the methodological and information technology developments described in the article, organizations that deal with the problems of preserving and studying historical and cultural heritage around the world could plan or correct their activities in the digital sphere.

Keywords: Tibet, historical and cultural heritage, digital technologies, electronic texts, databases

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (project no. XII.187.1.4. ‘Cultural Heritage of Transbaikalian Peoples and Adjacent East Asian Regions in the System of Russia’s Spiritual Values’; state reg. no. АААА-А17-117021310267-5).

For citation: Rinchinov O. S. Tibetan Heritage in Digital Space: Approaches and Implementation. *Oriental studies*. 2020. Vol. 13(3): 640–651. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-640-651

Введение

В контексте тибетской культуры письменные тексты с самого начала стали основной формой передачи буддийского учения и связанных с буддизмом знаний. Появившиеся новые информационные технологии успешно интегрировались в тибетскую традицию, начало которой было положено адаптацией буддизма на Тибетском нагорье в ранний имперский период. Новая религия поддерживалась имперской властью, которая приглашала учителей из Индии и Китая, спонсировала большие коллективы переводчиков [Li 2016: 14].

В это же время активно воспринимались и приспосабливались к местным условиям технологии обращения с большими коллекциями текстов — как с точки зрения их содержательной систематизации, так и в аспекте материального функционирования книги. В дворцовых библиотеках осуществлялось систематизированное накопление письменных текстов, при этом в качестве модели применялась заимствованная из Индии концепция *трипитаки* — буддийских сочинений, которые принято считать непосредственно изложенными Буддой [Herrmann-Pfandt 2002: 135].

После периода упадка, вызванного падением тибетской империи, несколько столетий потребовалось для возрождения буддизма в Тибете и созревания его новых форм. В течение XI–XII вв. происходило активное освоение индийского, центральноазиатского буддийского наследия, заново осуществлялись массивные переводы, зародилась традиция термина — открытие ранее сокрытых текстов. К XIII в. был сформирован значительный корпус текстов на тибетском языке.

Оформление данного корпуса в строго систематизированные канонические собрания было связано с регулирующей ролью монгольских правителей, под чьей властью в начале XIV в. находились Восточная Азия и Тибет [Whitman 2018]. Этот импульс привел к появлению такого замечательного культурного явления, как тибетский буддийский канон *Кангьюр*. Наиболее успешный опыт составления канона связывают с

выдающимся буддийским деятелем, автором и библиографом, историком Будном Ринчендубом (1290–1364) [Урбанаева 2015: 169–170].

Систематизация литературы в тибетской традиции вышла далеко за пределы изначальной концепции *трипитаки*, которая была реализована в *Кангьюре*. Было упорядочено литературное наследие выдающихся индийских и тибетских авторов, получившее название *Тенгьюр*. Системный характер приобрел другой корпус авторитетных текстов — *сумбумы*, собрания сочинений тибетских авторов.

Распространение грамотности в регионах тибетского буддизма способствовало сложению книжной культуры повседневности. Буддийская книжная традиция на тибетском языке представляется одной из наиболее значительных и самобытных в мировой истории как по объему и содержанию, так и по подходам к классификации и систематизации [Tibetan Literature 1996: 30–31].

В сложившейся историографии превалирует мнение, что великолепие тибетского канона отражает состояние буддийской литературы в поздней индийской традиции, а тибетские переводы наиболее близки к своим индийским оригиналам. Поэтому в период «модернизации буддизма», которая началась в Японии в конце XIX в., и становления буддологии как научной дисциплины стало популярным обращение под лозунгом «индианизации» к тибетским источникам из-за утраты санскритских оригиналов буддийских писаний [Wilkinson 2015: 287]. Это был первый шаг к «глобализации» тибетского письменного наследия в новое время, его выходу за пределы исторически сложившегося культурного ареала.

В 1960-х гг. проявились две параллельные тенденции — появление крупной общины в изгнании буддийских интеллектуалов из Тибета, заинтересованных в «открытии» тибетского буддизма для внешнего мира как одного из факторов, питающего «тибетский вопрос», и обращение духовных запросов западной публики на Восток.

Соединение двух факторов привело к бурному росту тибетологических исследований, но при этом изменились состав и мотивации исследователей. В основном это были люди, принявшие буддийские посвящения. Мотивацией к исследовательской деятельности для них служило религиозное рвение и стремление сделать буддийское учение ближе современному обществу. Среди наиболее известных фигур в этом ряду можно упомянуть Роберта Турмана, Джеффри Хопкинса, Александра Берзина, Джина Смита, Майкла Роуча. С началом цифровой эпохи многие из них стали пионерами в сфере цифрового культурного наследия и цифровых исследований.

В последние годы активно вводятся в оборот огромные корпуса текстов из Дуньхуана, Турфана и других точек на Шелковом пути, изучение которых позволяет более полно осветить этапы развития тибетской культуры в ее взаимосвязи с культурными традициями Центральной Азии и Китая. Новые изыскания доказывают, что индийский источник для генезиса тибетской культуры не был единственным. Многие ее явления уходят корнями в другие направления межкультурного взаимодействия, изучение которых является важной задачей современной тибетологии [van Schaik 2015a]. Таким образом, современное освоение тибетской книжности осуществляется в контекстах сохранения культурного наследия, актуализации его религиозного и социального значения, исторической реконструкции культурного взаимодействия на азиатском пространстве. Это находит отражение в связанных с тибетским письменным наследием цифровых инициативах.

Методология и методы исследования

В рамках предпринятого нами исследования осуществлен обзор наиболее крупных и долгоживущих проектов, связанных с цифровизацией тибетского наследия, и выполнен сравнительный анализ реализованных в них подходов.

Эти проекты представляют интерес с нескольких сторон. Во-первых, важно изучение мотивации, движущих сил, организационных форм рассматриваемых нами цифровых инициатив. В этом контексте необходимо определить влияние указанных факторов на выбор подходов к сохранению

и актуализации историко-культурного наследия, а также долговременную устойчивость проектов. Во-вторых, непосредственный интерес для пользователей и специалистов представляют цифровые методологии обращения с книжными памятниками, особенности технических решений и создаваемых на их основе электронных ресурсов. В этой связи особый фокус был направлен на подходы к цифровому описанию и систематизации крупных тибетологических коллекций, применению современных информационных технологий для интегрированного представления памятников культурного наследия.

Нам представляется, что полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны организациям, решающим проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия, для планирования или корректировки своей деятельности в сфере цифровизации.

Проекты цифровизации тибетского письменного наследия

АСИР: ранний этап

Asian Classics Input Project (далее — АСИР) был основан в 1988 г. известным буддийским деятелем, предпринимателем и филантропом Геше Майклом Роучем (Michael Roach) [Seager 1999: 260] при поддержке фонда Давида и Люсиль Паккардов с участием Отделения классики Принстонского университета. Это некоммерческая фандрайзинговая организация, которая управляет проектами по выявлению и оцифровке мало исследованных коллекций древних текстов на тибетском языке и санскрите, являющихся письменным наследием Центральной и Южной Азии.

АСИР исходит из посылки, что аутентичная древняя мудрость должна быть свободно доступна для ученых, переводчиков и практиков всего мира. С этой целью организация сотрудничает с библиотеками и архивами в разных странах по оцифровке и предоставлению свободного доступа к памятникам письменности, а также создает локальные центры цифрового ввода. География деятельности организации в разное время охватывала Индию, Россию, Монголию, Непал. В рамках своей деятельности АСИР осуществляет поиск, каталогизацию, оцифровку, сохранение и свободное рас-

пространение редких и ценных древних памятников письменности, которые представляют философское, культурное и религиозное наследие азиатских традиций, берущих начало более 2 500 лет назад [Davis 1994].

Важной стороной деятельности организации является фандрайзинг, поиск и мобилизация финансовых ресурсов для осуществления международных проектов. В созданных АСIP локальных центрах ввода в разных странах занимаются поиском сохранившихся манускриптов, производят их каталогизацию и сохранение в виде цифровых изображений и/или электронных текстов. В этих центрах работают представители местных сообществ. Таким образом, АСIP не только помогает сохранить богатые книжные традиции в этих регионах, но и обеспечивает занятость и обучение профессиональным навыкам в сфере информационных технологий своим работникам, в частности, женщинам, для которых ограничены другие возможности трудоустройства. Этот аспект деятельности организации определяет ее социальную значимость [About ACIP].

АСIP был одной из первых инициатив, появившихся в самый ранний период развития цифровых технологий и вынужденных создавать методологию работы с древними текстами, исходя из существовавших тогда ограничений. Методы цифрового ввода были разработаны на основе изучения опыта таких проектов, как Thesaurus Linguae Graecae Калифорнийского университета в Ирвине и BUDSIR Университета Махидол в Таиланде.

Созданная АСIP методология обработки памятников письменности отличается компактностью и удобством применения, при этом она отвечает основным требованиям библиографии и кодикологии. Метаописание памятника содержит достаточное количество содержательных и описательных параметров, которые позволяют идентифицировать письменный памятник и получить подробное описание его физического представления. Задолго до появления и внедрения решений на базе Unicode АСIP предложил поддержку тибетского языка под операционными системами Windows и Mac OS, которая заключается во вводе и хранении тибетских текстов с помощью латинизированной транслитерации на основе модификации системы Wiley. При не-

обходимости записанный латиницей текст можно преобразовать в тибетскую графику с использованием программы-конвертера и набора специальных шрифтов TrueType. Таким образом, возможность работы с тибетским текстом требует только установки шрифтов и программы-конвертера. Для организации полнотекстового ввода, индексации и быстрого поиска было лицензировано программное обеспечение Gofeg компании Microlytics Software Corporation [ACIP History].

В 1992 г. АСIP заключил соглашение с Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения Российской академии наук (СПбФив РАН, ныне — Институт восточных рукописей РАН) и Санкт-Петербургским университетом о создании объединенного каталога хранящихся в этих учреждениях обширных коллекций тибетских книг. Работы велись при поддержке Буддийского института исследований и культурных обменов при храме Юишо Дзи в Осаке (Япония), со-руководителями были Майкл Роуч и хранитель тибетского фонда СПбФ ИВ РАН Л. Савицкий. Вводом данных занимались Туптэн Пэлгье, Чжампа Намдрол и Нгаванг Кэцун [Зорин 2014: 160]. Предложенные АСIP при реализации санкт-петербургского проекта методы и технологии описания тибетских книг легли в основу аналогичных работ в ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) [Bazarov et al. 2000].

За 30-летний период АСIP сформировал свободно распространяемый корпус оцифрованной классической литературы объемом более двух миллионов страниц, десятки тысяч страниц электронных книг и каталогов с возможностью поиска [Asian Classics Input Project]. Основным способом использования информации является оффлайновое использование на настольных системах MacOS, MS Windows. С этой целью АСIP осуществляет регулярную публикацию своей базы данных и программного обеспечения. Первый выпуск был выполнен в 1990 г. на флоппи-дисках. В 1995 г. публикация была осуществлена на компакт-дисках при содействии компании Hewlett Packard.

Четвертый выпуск (АСIP Release 4), вышедший в 1998 г. под названием «Тысяча книг Мудрости», включал 700-страничное руководство по каталогизации и категоризации старой тибетской литературы, мето-

дам компьютерного поиска и стандартам оцифровки классической литературы. Это было последнее печатное руководство, после которого АСИР перешел исключительно к онлайн-публикации своих релизов.

В настоящее время активны несколько центров ввода, управляемых АСИР. Один из них функционирует при Национальной библиотеке Монголии в Улан-Баторе, где насчитываются десятки тысяч томов на тибетском и монгольском языках [[Монгол](#)].

В Индии работают несколько центров, которые заняты поиском и оцифровкой старых санскритских рукописей на бумаге и пальмовых листьях, содержащих труды по йоге, аюрведе, эзотерической мудрости и другим достижениям индийской цивилизации. Центральный офис АСИР в Индии находится в Варанаси, он функционирует в статусе неправительственной организации «Общество ввода индологической классики» (Indology Classics Input Society), которая зарегистрирована в штате Уттар-Прадеш согласно Societies Registration Act, 1860 (21 of 1860). Статус НПО является ключевым для АСИР, чтобы иметь возможность нанимать и готовить операторов ввода на Индийском субконтиненте.

Письменное наследие в цифровом пространстве

Проект Tibetan and Himalayan Library (далее — THL) был инициирован в 2000 г. объединенными усилиями библиотеки и Института передовых гуманитарных технологий Университета Вирджинии. Этот проект был нацелен на создание интегрированной онлайн-платформы для цифровых проектов, связанных с Тибетским плато и Гималаями: цифрового архива и библиотеки для сохранения и обеспечения памятников тибетской и гималайской культуры; социальной сети, объединяющей академические, религиозные и местные сообщества; цифрового издательства [[THL Overview](#)].

Помимо реализации проектов академической направленности, THL способствует генерации и продвижению совместного знания, отражающегося в цифровых ресурсах, которые создаются местными сообществами. Таким образом, THL строит интеллектуальную и техническую инфраструктуру для нужд тибетских и гималайских исследований, жителей Тибета и Гималаев.

THL поддерживает веб-портал, который служит как для размещения цифровых ресурсов архива и библиотечных сервисов, так и для публикации результатов проектов в области тибетской и гималайской истории и культуры. Для публикаций гарантируется широкая аудитория, включающая в себя пользователей веб-портала THL, участников списков почтовой рассылки и push-сервисов. Поддерживается сложная инфраструктура для цифровых публикаций, включающая в себя обширное хранилище данных — изображений, аудио-видео, карт, словарных статей и т. д., которые любой проект может интегрировать в собственные публикации с помощью специально созданных для этого программных инструментов. Предлагаются также интерфейсы потокового доступа к данным, которые можно инкорпорировать в сторонние веб-сайты.

Ресурсы THL посвящены разным темам, связанным с Тибетом и Гималаями, включая искусство, окружающую среду, культуру, историю, книжные памятники. Текстовый корпус основан на «тематических исследовательских коллекциях» — глубокой каталогизации больших книжных собраний, которая служит основой для публикации ресурсов, связанных с этими текстами. Эти ресурсы включают сканированные изображения, тексты, переводы, аннотации, научный анализ, устные комментарии. Они организованы по авторам, школам, периодам, жанрам [[Report 2009](#)].

Пользователям предоставляются справочные ресурсы, включая библиографии, энциклопедии, словари (в том числе географические), электронные карты, ссылки на другие цифровые ресурсы, временные шкалы, списки исследователей и организаций, активных в данной области. На сайте размещены также такие удобные онлайн-инструменты, как тибетско-английский словарь, приложения для конвертации транслитерированного текста в тибетскую письменность (и наоборот) и фонетической транскрипции тибетского транслитерированного текста.

В распоряжение пользователей веб-портала THL предоставлены инструменты, позволяющие осуществлять поиск и анализ коллекций, переконфигурировать их в соответствии с новыми интерпретациями или добавлять собственные данные. Они

обеспечивают способы коммуникации, обмена, взаимодействия и проектной работы для всех заинтересованных в данной области. Большое внимание уделяется развитию многоязычных возможностей для создания единой цифровой библиотеки, которая обслуживает сообщества с разной языковой базой и способствует общению между ними [Germano].

Buddhist Digital Resource Center (далее — BDRС, до 2016 г. — Tibetan Buddhist Resource Center, TBRC) является, вероятно, наиболее успешной инициативой в области оцифровки тибетского письменного наследия [Mission]. Это некоммерческая организация, деятельность которой направлена на поиск, сохранение, организацию и распространение буддийской литературы с помощью цифровых технологий, поддержку исследований в сфере буддийской культуры.

TBRC был основан в 1999 г. американским буддологом Джинном Смитом (E. Gene Smith, 1936–2010) с целью обеспечить высокий уровень сохранности и доступности литературных памятников, для которых традиционные формы преемственности находятся в критической опасности из-за политико-социальных или экологических факторов. Партнерской организацией для BDRС выступает Служба цифрового хранения (DRS) Гарвардского университета, профессионально управляемое хранилище культурно и научно значимого цифрового контента.

Со времени своего основания BDRС обнаружил, оцифровал, каталогизировал и заархивировал более 15 миллионов страниц буддийских сочинений. Они хранятся в безопасном архиве, при этом обеспечивается открытый доступ к текстам. На сегодня созданная библиотека тибетских текстов является важным ресурсом для тибетологии, вокруг которого сформировалось международное сообщество академических ученых, религиозных деятелей, переводчиков, издателей и заинтересованной широкой публики. Каждый год к ресурсам BDRС обращаются пользователи из 150 стран мира [Access].

Для формирования цифровой библиотеки BDRС применяет наиболее современные подходы. Оцифрованные тексты размечаются стандартными метаданными, включая название, автора, предмет, информацию об

издании, локацию. Элементы систематизации, введенные Джинном Смитом, позволяют структурировать буддийские тексты с учетом культурного и исторического контекста. Материалы, размещаемые в BDRС, индексируются по нескольким категориям: сочинения, предметные таксономии, лица, места и т. д. Методы каталогизации BDRС обеспечивают удобный поиск среди находящихся на хранении цифровых версий текстов на основе их структуры, назначения и историко-культурного контекста. Благодаря этому создается взаимосвязанное глубокое представление сложного и многогранного культурного явления, каким является тибетская литература.

BDRС разработал открытый интерфейс данных на основе языка разметки XML, который обеспечивает внешний доступ к хранилищу электронных текстов посредством программных запросов, что дает возможность интегрировать цифровые ресурсы BDRС с информационными системами, которые создаются сторонними лицами и организациями.

В дополнение к онлайн-цифровой библиотеке BDRС также обеспечивает офлайн-доступ с помощью «дисковой цифровой библиотеки». Жесткие диски, содержащие полную коллекцию, распространяются в районах с ограниченным доступом к интернету, особенно в удаленных регионах Китая, и бесплатно предоставляются монастырям и образовательным учреждениям. Таким образом, пользу от деятельности организации получают корневые сообщества, усилиями которых книжное наследие было создано и сохранено до наших дней. BDRС обеспечивает сообществам постоянный доступ к продуктам их собственной культуры и обеспечивает передачу культурных ценностей в отдаленное будущее.

Хранилище электронных текстов BDRС включает материалы, полученные в рамках программы Namsel OCR (оптического распознавания символов), проводимой с Калифорнийским университетом в Беркли, а также от отдельных тибетских авторов, издателей и монастырских организаций. Исходные материалы поступают из архивов и библиотек в разных странах. Так, важным партнером является Библиотека тибетских трудов и архивов в Дхарамсале (Индия), управляемая Центральной тибетской адми-

нистрацией. Электронные тексты, полученные с помощью OCR-технологии, имеют постраничное соответствие с оригиналом. Тексты, созданные путем компьютерного набора, не имеют постраничного соответствия. Оба типа материалов снабжаются разветвленными индексами по разным категориям и взаимно связаны. При этом предпочтительнее обращаться к сканированным источникам, как более соответствующим историко-культурному контексту.

Цифровая кодикология: подходы Британской библиотеки

Долгое время история Тибета и тибетского буддизма трактовалась в русле традиционной тибетской историографии, которая освещала преимущественно индийское направление культурной преемственности. В ней мало отражалось политическое и культурное взаимодействие на обширном тибетском фронтире, который в имперский период пришел в прямое соприкосновение с культурами Китая и Центральной Азии. Исключительно ценными с точки зрения открытия связанных с этим страниц истории стали находки письменных памятников в оазисах вдоль Шелкового пути, в первую очередь, в Дуньхуане. Анализ этого корпуса текстов показал, что культурное взаимодействие Тибета и окружающих стран было гораздо более многовекторным. В значительной степени возрождение буддизма в тибетском хартленде в X–XI вв. обязано этим кросс-культурным процессам [Berzin].

Дуньхуанские коллекции хранятся в библиотеках и архивах Великобритании, Франции, России, Китая, Японии. Из-за перипетий XX в. их консервация и каталогизация задержались, что затрудняло доступность исследователям и публике. С целью исправления этой ситуации за счет активизации международного сотрудничества между коллективами хранителей, каталогизаторов и исследователей Британская библиотека в 1993 г. выступила с инициативой учреждения *Международного Дуньхуанского проекта (IDP)*. С самого начала по 2017 г. бессменным руководителем IDP являлась Сьюзен Витфилд (Susan Whitfield) [Farewell 2017].

IDP нацелен на то, чтобы сделать свободно доступными информацию и изображения всех рукописей, картин, тканей и

артефактов из Дуньхуана и других археологических находок в восточной части Шелкового пути, поощрять их использование в образовательных и исследовательских программах.

IDP объединяет несколько основных партнерских учреждений, которые являются поставщиками исходных данных и провайдерами многоязычной базы данных и веб-сайта, на базе которых развернуты национальные центры: Национальная библиотека Китая (Пекин); Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); Университет Рюоку (Киото); Берлин-Брандербургская академия наук; Дуньхуанская академия (Дуньхуан); Национальная библиотека Франции (Париж); Институт корейских исследований Университета Корё (Сеул). В работе IDP участвуют и другие музейные и научные организации из разных стран [About IDP 1998].

Изначально деятельность IDP фокусировалась на консервации и каталогизации, которые остаются основными направлениями работы. В последующие годы к ним добавились оцифровка, исследования и образование. IDP приступил к оцифровке материалов в 1997 г. с целью объединения коллекций в виртуальном пространстве. Веб-сайт проекта заработал онлайн в октябре 1998 г. Он предоставляет свободный доступ к каталогам, высококачественным изображениям рукописей, живописных произведений, артефактов, образцов текстиля, историческим фотографиям и картам, различной контекстуальной информации из IDP DATABASE. Данные на сайт добавляются каждый день. По состоянию на февраль 2020 г. база данных включала в себя более 530 тыс. изображений. Вся информация находится во всеобщем свободном доступе. С 2004 г. публикуется бюллетень «IDP Newsletter», по состоянию на февраль 2020 г. вышло 50 номеров. Благодаря этим усилиям новые знания об истории и культуре Центральной Азии становятся все более доступными как для академических, так и для обычных пользователей.

IDP является методическим центром, в котором разрабатываются новые методики сохранения оригинальных документов на основе тесного сотрудничества с химиками и технологами бумаги; внедряются и распространяются в партнерских организа-

циях общие стандарты консервации и документирования; обеспечиваются наилучшие условия хранения артефактов. Консорциум организует регулярные конференции по консервации древних книг, публикует книги и статьи, играя активную роль в исследованиях в этой области, проводимых по всему миру.

Создание сводного каталога дуньхуанских коллекций с самого начала являлось основной задачей IDP. Работа началась со ввода всех ранее опубликованных каталогов с таблицами соответствий разных каталожных номеров и шифров учреждений. База данных была создана на основе СУБД 4D и открыта для онлайн-ввода для локальных центров IDP. Ее текущие версии поддерживают стандарт TEI для каталогизации и библиографических данных, основанный на XML. Структура БД является адаптируемой, в ее основе лежит форма каталога рукописей с дополнительными полями и функционалом, поэтому есть возможность описывать разные типы объектов, такие как живопись, текстиль, исторические фотографии и т. д.

С самого начала база данных IDP рассматривалась не только как каталог рукописей. Она была сконструирована для трехуровневого использования: во-первых, хранителями, консерваторами и другим персоналом как инструмент управления коллекциями; во-вторых, учеными и другими лицами, желающими более тщательно изучать коллекции; в-третьих, гораздо более широким кругом пользователей, желающих узнать больше об историко-культурном контексте находок. Поэтому IDP выполняет контекстуализацию памятников, связывая с их каталожными записями другие ресурсы, например, библиографию тематических статей и книг. Приводится также информация о местах, где были обнаружены артефакты, включая планы мест, описания из археологических отчетов, исторические и современные фотографии [Activities 1998].

По мере создания базы данных и заполнения каталогов началась работа по оцифровке материалов. В 2001 г. IDP организовал первую профессиональную студию оцифровки на основе широкоформатных фотокамер. Персоналом IDP Studio был разработан набор стандартов для фотографирования и работы с изображениями, кото-

рые регулярно пересматриваются и обновляются. Создаваемые высококачественные цветные изображения, соответствующие оригиналам насколько возможно точно, составляют цифровой архив и используются для веб-сервисов. Для плохо читаемых оригиналов может применяться инфракрасное фотографирование.

Тибетоязычные источники в Дуньхуанской коллекции Британской библиотеки насчитывают более 7 тыс. из общего числа около 47 тыс. рукописей и ксилографов. Они были привезены в Британию после второй и третьей экспедиций Ауреля Стейна в начале XX в. и изначально хранились в архивах Индийского офиса британского правительства. Работа с ними в рамках IDP, помимо каталогизации и оцифровки, заключалась в применении современных форм консервации, позволяющих сохранять исторический и культурный контекст, вместо использованных ранее способов, нарушающих традиционный формат представления и хранения книги.

Научные исследования, связанные с материалами тибетской коллекции, ведутся по двум основным направлениям. Первое связано с физическим представлением тибетской книги и характеризуется широким применением методов материаловедения и палеографии [Helman-Ważny 2014]. Например, с помощью макро- и микроскопического исследования бумаги определяются технические аспекты ее производства, что позволяет датировать и локализовать книги. Накапливаемая база данных предоставляет объективные сведения для реконструкции в пространстве и времени истории культурных взаимодействий в регионе Шелкового пути. В результате большого проекта по палеографии и кодикологии, выполненного при поддержке Leverhulme Trust, была создана Дуньхуанская база данных символов, содержащая миллионы атрибутированных тибетских символов и китайских иероглифов. Она позволяет не просто показать развитие орфографии в течение времени, но и идентифицировать отдельных писцов, работавших в Дуньхуане в разные эпохи.

Второе направление связано с изучением тибетских текстов в контексте сравнительного исследования многоязычного корпуса буддийской литературы, представленного в дуньхуанских коллекциях. Полу-

ченные результаты ярко показывают тесное взаимодействие буддийских традиций Тибета, Китая, Центральной Азии на Шелковом пути, становление характерных для той или иной традиции направлений мысли и практики. Например, показано неизвестное ранее влияние идей китайской школы *чань* на тибетский тантрический буддизм и формирование практик *садхан* [van Schaik 2015b].

Заключение

Представленные цифровые инициативы культивируют разные подходы, которые сформировались на основе мотиваций и опыта их участников. Одни сильнее интегрированы в академическое сообщество и выстраивают свою деятельность в цифровой сфере согласно академическим принципам (IDP). Другие являются более социально-ориентированными (ACIP) либо имеют сильную религиозную мотивацию (BDRC). Совокупность создаваемых в рамках этих проектов информационных ресурсов спо-

собствует формированию целостного представления о тибетской культуре в контексте ее истории и современного состояния. Помимо неопределенного вклада в развитие тибетологических исследований, рассмотренные цифровые инициативы являются также формой социальной, информационной и образовательной поддержки корневых сообществ, в первую очередь, тибетских и гималайских. Несомненно, они открывают новые способы функционирования и возможности развития в цифровую эпоху для тибетской культуры, которая благодаря этому актуализируется в современном мире и приобретает глобальное значение.

Рассмотренные инициативы предоставляют научному сообществу открытые методологии цифровой обработки больших коллекций книжных памятников, что делает их важным источником знаний и практик для организаций во всем мире, решающих проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия.

Литература

- Зорин 2014 — Зорин А. В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2013 гг.) // Страны и народы Востока. 2014. № XXXV. С. 143–169.
- Монгол — Монгол улсын үндэсний номын сан: Төвөд ном судрын цахим сан [электронный ресурс] // Asian Classics Input Project. URL: <http://nlm.asianclassics.org/mn> (дата обращения: 01.09.2020).
- Урбанаева 2015 — Урбанаева И. С. Особенности формирования буддийского канона в Тибете и Китае: сравнительный анализ // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). С. 162–173.
- About ACIP — About [электронный ресурс] // Asian Classics Input Project. URL: <https://asianclassics.org/about/> (дата обращения: 01.09.2020).
- About IDP 1998 — About IDP [электронный ресурс] // International Dunhuang Project (IDP). 1998. URL: <http://idp.bl.uk/pages/about.a4d> (дата обращения: 01.09.2020).
- Access — Access [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.tbrc.org/#!/footer/about/access> (дата обращения: 01.09.2020).
- ACIP History — An Illuminated History of the Asian Classics Input Project [электронный ресурс] // Asian Classics Input Project. URL: <https://asianclassics.org/about/history/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Activities 1998 — Activities: Cataloguing and Research [электронный ресурс] // International Dunhuang Project (IDP). URL: http://idp.bl.uk/pages/about_activities.a4d (дата обращения: 01.09.2020).
- Asian Classics Input Project — Asian Classics Input Project. URL: <https://www.facebook.com/asianclassics/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Bazarov et al. 2000 — Bazarov A., Syrtyrova S.-H., Rinchinov OI., Garmaeva H. The «Thor-Bu» Group of Tibetan Book at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Russian Academy of Sciences: Creating Database // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. 2000. Vol. 6. № 4. P. 44–48.
- Berzin — Berzin, Alexander. Tibetan History before the Fifth Dalai Lama [электронный ресурс] // Part 2. Revival after the Fall of the Tibetan Empire. URL: <https://studybuddhism.com/en/advanced-studies/history-culture/buddhism-in-tibet/tibetan-history-before-the-fifth-dalai-lama/revival-after-the-fall-of-the-tibetan-empire> (дата обращения: 01.09.2020).

- Davis 1994 — *Davis Erik*. Digital Dharma [электронный ресурс] // 08.01.1994. WIRED.com. URL: <https://www.wired.com/1994/08/dharma/> (дата обращения: 01.09.2020). Текст: электронный.
- Farewell 2017 — Farewell from the IDP Director // IDP NEWS. No. 49–50, Summer 2017. P. 15.
- Helman-Ważny 2014 — *Helman-Ważny, Agnieszka*. The Archaeology of Tibetan Books. Series: Brill's Tibetan Studies Library. Vol. 36. Leiden; Boston: Brill, 2014. 312 p.
- Herrmann-Pfandt 2002 — *Herrmann-Pfandt, Adelheid*. The LHAN KAR MA as a Source for the History of Tantric Buddhism // The Many Canons of Tibetan Buddhism (Brill's Tibetan Studies Library; Vol. 2/10). Edited by Henk Blezer, Helmut Eimer, David Germano. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. Pp. 129–149.
- Li 2016 — Li, Channa. Translationship Lost in Transmission: Elusive Attributions of Two Tibetan Sutra Translations // *Revue d'Etudes Tibétaines*. No. 37. December 2016. Pp. 207–230.
- Mission — Mission [электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: <https://www.tbrc.org/#!/footer/about/missionhistory> (дата обращения: 01.09.2020).
- Report 2009 — Tibetan Literary Encyclopedia Project Status Report [электронный ресурс] // The Tibetan & Himalayan Library. Apr. 13, 2009. URL: <http://www.thlib.org/encyclopedias/literary/about/wiki/Tibetan%20Literary%20Encyclopedia%20Status%20Report.html> (дата обращения: 01.09.2020).
- Seager 1999 — *Seager, Richard Hughes*. Buddhism in America. New York: Columbia University Press, 1999. 314 p.
- THL Overview — The Tibetan & Himalayan Library Overview [электронный ресурс] // The Tibetan & Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/about/wiki/thdl%20home%20overview.html> (дата обращения: 01.09.2020). Текст: электронный.
- Germano — *Germano, David*. THL Tools Overview [электронный ресурс] // The Tibetan & Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/tools/about/wiki/thdl%20tools%20overview.html> (дата обращения: 01.09.2020).
- Tibetan Literature 1996 — Tibetan Literature: Studies In Genre (Studies in Indo-Tibetan Buddhism). Edition by Jose Ignacio Cabezon, Roger R. Jackson. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1996. 552 p.
- van Schaik 2015a — *van Schaik, Sam*. Tibetan Buddhism in Central Asia: Geopolitics and Group Dynamics // Transfer of Buddhism Across Central Asian Networks (7th to 13th Centuries). Edited by Carmen Meinert. Leiden; Boston: Brill, 2015. Pp. 57–81.
- van Schaik 2015b — *van Schaik, Sam*. Tibetan Zen: Discovering a Lost Tradition. Boston: Snow Lion, 2015. 176 p.
- Whitman 2018 — *Whitman Alex*. Yuan Buddhist Canon Printing [электронный ресурс] // URL: <http://blogs.cuit.columbia.edu/ajw2203/2018/11/09/yuan-buddhist-canon-printing/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Wilkinson 2015 — *Wilkinson, Greg*. Taisho Canon: Devotion, Scholarship, and Nationalism in the Creation of the Modern Buddhist Canon in Japan // Spreading Buddha's Word in East Asia: the Formation and Transformation of the Chinese Buddhist Canon. Edited by Jiang Wu and Lucille Chia. New York: Columbia University Press. 2015. P. 284–310.

References

- Access Page. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.tbrc.org/#!/footer/about/access> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Activities: Cataloguing and Research. On: International Dunhuang Project (IDP). Available at: http://idp.bl.uk/pages/about_activities.a4d (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- An Illuminated History of the Asian Classics Input Project. On: Asian Classics Input Project. Available at: <https://asianclassics.org/about/history/> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Asian Classics Input Project. Available at: <https://www.facebook.com/asianclassics/> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Bazarov A., Syrtypova S.-H., Rinchinov OI., Garmaeva H. The «Thor-Bu» group of Tibetan book at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Russian Academy of Sciences: creating database. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*. 2000. Vol. 6. No. 4. Pp. 44-48. (In Eng.)
- Berzin A. Revival after the Fall of the Tibetan Empire (Part 2). In: Berzin A. Tibetan History before the Fifth Dalai Lama. Available at: <https://studybuddhism.com/en/advanced-studies/history-culture/buddhism-in-tibet/tibetan-history-before-the-fifth-dalai-lama/revival-after-the-fall-of-the-tibetan-empire> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)

- Cabezón J. I., Jackson R. R. (eds.) *Tibetan Literature: Studies In Genre (Studies in Indo-Tibetan Buddhism)*. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1996. 552 p. (In Eng.)
- Davis E. Digital Dharma. On: WIRED.com. Posted on January 8, 1994. Available at: <https://www.wired.com/1994/08/dharma/> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Farewell from the IDP Director. *IDP NEWS*. 2017. No. 49–50. P. 15. (In Eng.)
- Germano D. THL Tools Overview. On: The Tibetan & Himalayan Library. Available at: <http://www.thlib.org/tools/about/wiki/thdl%20tools%20overview.html> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Helman-Ważny A. *The Archaeology of Tibetan Books*. Series: Brill's Tibetan Studies Library. Vol. 36. Leiden–Boston: Brill, 2014. 312 p. (In Eng.)
- Herrmann-Pfandt A. The LHAN KAR MA as a source for the history of Tantric Buddhism. In: Blezer H., Eimer H., Germano D. (eds.) *The Many Canons of Tibetan Buddhism*. Series: Brill's Tibetan Studies Library. Vol. 2/10. Leiden–Boston–Köln: Brill, 2002. Pp. 129–149. (In Eng.)
- Li Ch. Translationship lost in transmission: elusive attributions of two Tibetan sutra translations. *Revue d'Etudes Tibétaines*. 2016, December. No. 37. Pp. 207–230. (In Eng.)
- Mission. On: Buddhist Digital Resource Center. Available at: <https://www.tbrc.org/#!footer/about/missionhistory> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- National Library of Mongolia: Online Library of Tibetan Dictionaries. On: Asian Classics Input Project. Available at: <http://nlm.asianclassics.org/mn> (accessed: September 1, 2020). (In Mong.)
- Project Introducing Web Page (Section 'About IDP'). On: International Dunhuang Project (IDP). 1998. Available at: <http://idp.bl.uk/pages/about.a4d> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Project Introducing Web Page (Section 'About'). On: Asian Classics Input Project. Available at: <https://asianclassics.org/about/> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Schaik van S. Tibetan Buddhism in Central Asia: geopolitics and group dynamics. In: Meinert C. (ed.) *Transfer of Buddhism Across Central Asian Networks (7th to 13th Centuries)*. Leiden–Boston: Brill, 2015. Pp. 57–81. (In Eng.)
- Schaik van S. *Tibetan Zen: Discovering a Lost Tradition*. Boston: Snow Lion, 2015. 176 p. (In Eng.)
- Seager R. H. *Buddhism in America*. New York: Columbia University Press, 1999. 314 p. (In Eng.)
- The Tibetan & Himalayan Library Overview. On: The Tibetan & Himalayan Library. Available at: <http://www.thlib.org/about/wiki/thdl%20home%20overview.html> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Tibetan Literary Encyclopedia Project Status Report. On: The Tibetan & Himalayan Library. Posted on April 13, 2009. Available at: <http://www.thlib.org/encyclopedias/literary/about/wiki/Tibetan%20Literary%20Encyclopedia%20Status%20Report.html> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Urbanaeva I. S. Features of formation of the Buddhist Canon in Tibet and China: a comparative analysis. *Humanitarian Vector*. 2015. No. 4 (44). Pp. 162–173. (In Russ.)
- Whitman A. Yuan Buddhist Canon Printing. Available at: <http://blogs.cuit.columbia.edu/ajw2203/2018/11/09/yuan-buddhist-canon-printing/> (accessed: September 1, 2020). (In Eng.)
- Wilkinson G. Taisho Canon: devotion, scholarship, and nationalism in the creation of the modern Buddhist Canon in Japan. In: Jiang Wu, Chia L. (eds.) *Spreading Buddha's Word in East Asia: the Formation and Transformation of the Chinese Buddhist Canon*. New York: Columbia University Press, 2015. Pp. 284–310. (In Eng.)
- Zorin A. V. The Tibetan Collection at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: on the history of its formation and cataloguing (1917–2013). In: Popova I. F., Skrynnikova T. D. (eds.) *Peoples and Countries of the East*. Vol. XXXV. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2014. Pp. 143–169. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 652–660, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-652–660
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-652–660

Перевод (адаптация) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский

Андрей Александрович Базаров¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация); Бурятский государственный университет доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Базаров А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию процесса перевода (адаптации) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на современный бурятский в кириллической графике. *Цель:* изучить причины и содержание данного процесса с точки зрения изменений в традиционной книжности бурят, с учетом проблем сохранения бурятского языка в текущих условиях. *Материалы и методы.* Материалом для анализа стали данные полевых археографических работ Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН за 2006–2015 гг. и набор буддийских канонических текстов, изданных в Бурятии как в дореволюционный период, так и после 1991 г. *Результаты.* В результате исследования выявлено, что вышеуказанные переводы (адаптации) создаются благодаря изменениям в повседневной религиозной практике обычных буддистов-бурят. *Выводы.* Три формы переводов старомонгольских и тибетских текстов на современный бурятский язык дают возможность представить не только уровень и глубину работ по сохранению бурятского языка в пространстве религиозной культуры, но и уровень возрождения буддизма в Бурятии. Различие в формах перевода (адаптации) буддийских канонических текстов отражает не только конкуренцию двух направлений ежедневного религиозного чтения на бурятском языке: побуквенное со старомонгольского и приближенное к литературному бурятскому. Эти формы отражают прежде всего современную дискуссию, возникшую в 1990-х гг., относительно соотношения старомонгольского и литературного бурятского для будущего культурного развития бурят вообще.

Ключевые слова: буддизм, Бурятия, буддийская литература, повседневная книжная культура, перевод, бурятский язык

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания: проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5.

Для цитирования: Базаров А. А. Перевод (адаптация) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 652–660. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-652–660

UDC 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-652-660

From Tibetan and Classical Mongolian into Buryat: Translating (Adapting) Buddhist Canonical Texts

Andrey A. Bazarov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); Banzarov Buryat State University Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bazarov A. A., 2020

Abstract. *Introduction.* The article deals with Tibetan/Mongolian-to-Buryat translation (adaptation, Cyrillic) of Buddhist canonical texts. *Goals.* The study of causes and essence of the process is relevant enough, since the research problem relates to actual changes in the traditional book culture of Buryats, and issues of preserving the Buryat language in modern conditions. *Materials.* The work analyzes archaeographic works stored at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (2006-2015) as well as a set of Buddhist canonical texts published in Buryatia in the pre-revolutionary period and after 1991. *Conclusions.* Translation (adaptation) of Buddhist canonical texts from Tibetan and Mongolian into Buryat arose from changes in everyday religious practices of ordinary Buryat Buddhists. The three forms of Tibetan/Mongolian-to-Buryat translation make it possible to conclude on the level of works aimed at the preservation of the Buryat language in the structure of religious culture, as well as the level of Buddhist revival in Buryatia. Various forms of translation (adaptation) of Buddhist canonical texts show a competition between two directions of everyday religious reading (spelling) patterns: the Mongolian letter-by-letter one, and that close to literary Buryat. These forms mirror the modern discussion that arose in the 1990s about the correspondence between Mongolian and Buryat languages for further development of Buryat culture.

Keywords: Buddhism, Buryatia, Buddhist literature, everyday book culture, translation, Buryat language

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project no. XII.187.1.4. ‘Peoples of Transbaikalia and Neighboring East Asian Regions: Cultural Heritage in the System of Russia’s Spiritual Values’, state reg. no. AAAA-A17-117021310267-5.

For citation: Bazarov A. A. From Tibetan and Classical Mongolian into Buryat: Translating (Adapting) Buddhist Canonical Texts. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 652–660. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-652-660

Введение

В ходе археографических экспедиционных исследований Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН был выявлен факт устойчивого процесса по переводу (адаптации) буддийских канонических текстов с тибетского и монгольского языков на кириллический

бурятский¹. Актуальность изучения причин

¹ Данный процесс, актуализированный в рамках сохранения современного калмыцкого языка, был выявлен в ходе экспедиционных работ в Республике Калмыкия [Музраева 2011; Музраева 2012]. Подобный процесс также отмечен в Монголии, перевод Ганджура и Данджура на кириллический шрифт современного монгольского языка [МГДТ 2008].

и содержания данного процесса не вызывает сомнений, поскольку данная фактически неизученная научная проблема обращена как к изменениям в традиционной книжности бурят, так и к особенностям сохранения бурятского языка в современных условиях².

Материалы и методы

Материалом для анализа стали данные экспедиционных работ за 2006–2015 гг. и набор буддийских канонических текстов, изданных в Бурятии как в дореволюционный период, так и после 1991 г. В ходе исследования использованы методы социо-антропологического наблюдения, а также лингво-документального описания (содержательной классификации, хронологической периодизации и аналитического сопоставления) письменных памятников буддийской литературы.

Результаты

Переводы канонических буддийских текстов на бурятский язык

Причины переводов

Каковы причины переводов (адаптации) буддийских канонических текстов с тибетского и монгольского языков на кириллический бурятский? Многолетняя экспедиционная работа показала, что буддийская книжная культура в Бурятии в настоящее время не только не исчезла, но и, видоизменившись, стремительно развивается. В повседневной жизни местных буддистов ее неотъемлемой частью являются различные формы религиозного почитания и хранения книг. Книги традиционно размещаются на почетной северной стороне дома (бур. *хоймор*), обычно они кладутся поверх специального шкафа для культовых предметов (бур. *гунгурба*). Книга заворачивается либо в материю (бур. *жаньши*), либо хранится в специальном ящике (бур. *хайрсаг*, *абдар*, *хобто*).

Помимо этого, книжная культовая практика включает различные формы ритуального поведения, связанного с книгой. Это: *тахиха* ‘ежедневно соблюдать правила почитания книги’, ‘хранить и поклоняться книге’; *арюулха* ‘ежедневно очищать книгу’; *нэбихэ*, *эридэхэ* ‘перебирать страницы книги, как перебирают четки’; *далга хэхэ* ‘приносить книги в монастырь и держать

их на коленях во время службы’; *горо хэхэ* ‘ходить вокруг села с книгой’; *масагалаха* ‘поститься ради понимания скрытого смысла книги’, *адисалха* ‘прикладывать книгу к голове’ и др. Все вышеперечисленные формы буддийской книжности связаны с религиозным почитанием книги в качестве культового предмета.

Несмотря на важность вышеперечисленных элементов повседневной религиозной практики, наиболее значительной частью книжного культа в буддизме остается чтение канонических текстов. Миряне-буддисты могут читать буддийскую литературу как индивидуально, так и коллективно. Индивидуальное и внутрисемейное чтение производится обычно утром или вечером (до или после регулярных работ). Коллективное внутриродовое (в одном селе) чтение (например, специального сборника сангарил) производится 8, 15, 30 числа каждого месяца, также по особым событиям и во время религиозных праздников.

В настоящее время основной проблемой данной практики становится язык чтения. Местные дореволюционные буддийские книги были написаны на двух языках: тибетском и старомонгольском. В ходе культурной революции 1920–1930-х гг., в рамках борьбы с религией и безграмотностью, местное население принудительно отказалось от использования тибетского и старомонгольского и в данное время практически не владеет этими языками.

Касаясь ритуального чтения тибето-язычной литературы, хочется отметить, что буддисты-миряне обычно приглашают для этого буддийских монахов. Это делается дважды в год: в июне (обряд Тайлаган³) и в феврале, в период празднования восточного Нового года — Сагаалгана. Вне календарных событий монахи могут быть приглашены для чтения буддийских книг при необходимости разрешить ряд жизненных проблем: похоронный обряд, предсвадебные ритуалы, неурядицы на работе, конфликты в семье, переезд на новое место и др. Большинство современных буддийских монахов в Бурятии обладают профессиональными знаниями в тибетском языке и практически не знают старомонгольского (хотя до 30-х гг. XX в. каждый местный лама владел им).

³ Тайлаган — большой ритуальный праздник чествования божеств местности и рода.

² Относительно проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии см.: [Кованова и др. 2019; Дырхеева 2018].

Необходимо отметить, что в районах Бурятии встречаются пожилые миряне, которые сохранили практику чтения буддийских текстов на старомонгольском и тибетском языках. Например, Цыжип Жанаева (1918 г. р.) из села Можайка Еравнинского района Бурятии (экспедиция 2009 г.), Бимба Пурбуев (1924 г. р.) из села Тохой Селенгинского района Бурятии (экспедиция 2013 г.)⁴. Интересное явление в этом направлении было зафиксировано в селе Хужир Тункинского района Бурятии (экспедиция 2007 г.). В местном буддийском монастыре настоятель Иннокентий Сотников инициировал проведение монастырского ритуального чтения старомонгольских канонических текстов (Юм), используя бурятский язык⁵. Тем не менее все это зафиксировано в качестве единичных примеров современной бурятской книжности.

Фиксация процесса переводов

Несмотря на важность для бурятской культуры процесса актуализации тибетских и старомонгольских текстов в повседневной ритуальной практике буддистов, в Бурятии с каждым годом становится более распространенным иное направление развития религиозной книжности. Поскольку смысл читаемого на тибетском и старомонгольском языках текста основная часть верующих мирян не понимает, среди бурят растет движение за чтение мирянами буддийских книг на родном языке и, соответственно, перевод канонических текстов на бурятский. Буддисты-миряне все чаще используют тексты, выполненные в кириллической графике и адаптированные к современному бурятскому литературному языку. Хотя в коллекциях буддийской литературы ординарных буддистов было обнаружено довольно большое количество

⁴ Разница между двумя респондентами заключалась в том, что Цыжип Жанаева знала старомонгольский с детства, а Бимба Пурбуев начал изучать старомонгольский и тибетский языки в возрасте 67 лет, пользуясь различными источниками, и довольно хорошо ими владел в 89 лет, когда был опрошен в ходе экспедиции.

⁵ Радикальность данного события заключается в том, что традиционно в буддийских монастырях Бурятии и Монголии монастырское ритуальное чтение канонической литературы происходит на тибетском языке.

дореволюционных книг, процент современных изданий самого разнообразного содержания (ритуальные, религиозно-философские, медицинские и астрологические) стремительно растет⁶. Значительную часть в современной буддийской литературе региона занимают бурятские тексты на кириллице.

В ходе экспедиций 2012–2014 гг. был впервые отмечен факт преобладания подобных изданий в коллекциях буддийской литературы местных мирян. Например, «Удэрбури даяан бисалгал хэхэдээ дабтаха Уншалганууд» («Чтения при ежедневном созерцании»), «Сагаан шухэртэ» («Белозонтичная»), «Сангарил» («Сборник для коллективного чтения»)⁷, «Лама тахиха зан уйда орошиба» («Ритуал почитания учителя») и др. Предположительно, впервые подобные сочинения появляются в Бурятии в 40–50 гг. прошлого столетия в виде рукописей⁸.

Вышеуказанные книги представляют собой сборники небольших буддийских молитв, гимнов, восхвалений, притч, почитаний. Кроме этой литературы, в коллекциях мирян можно обнаружить крупные канонические трактаты, которые были изданы на кириллическом бурятском языке. На вопрос, когда именно начался процесс перевода (адаптации) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на бурятский, четкого ответа нет. Предположительно, процесс начался в начале 90-х гг. XX в. Хочется подчеркнуть, что к настоящему времени практически весь традиционный региональный репертуар канонической литературы для использования буддистами-мирянами был переве-

⁶ На территории Бурятии основной массив данной конфессиональной литературы издают три буддийские организации: Традиционная буддийская сангха России, общество «Зеленая Тара» Тинлэй багши и буддийская организация, духовным лидером которой является Елой-римбуши.

⁷ Бурятское «сангарил», возможно, происходит от тибетского словосочетания *mtshan hril* (букв. «всю ночь» или «ночное бдение»).

⁸ Например, интереснейший экземпляр буддийского текста на кириллическом шрифте, созданный в 1940–1950-е гг., был зафиксирован в коллекции Очира Романова (1972 г. р.) из села Эрхито Баргузинского района Бурятии (экспедиция 2008 г.).

ден (адаптирован) на бурятский (некоторые книги неоднократно)⁹.

Анализ содержания переводческой деятельности

Каково содержание процесса перевода (адаптации) буддийских канонических текстов с тибетского и старомонгольского языков на кириллический бурятский? Для анализа содержания в исследовании используются выборочные канонические тексты, изданные на бурятском и функционирующие в репертуаре буддистов с начала 90-х гг. прошлого столетия. Это «Этигел» (переводчик Ширав Цыденжапов, 1991 г.), «Доржо жодбо I» (переводчик Иннокентий Сотников, 2000 г.), «Улигерэй далай» (переводчики Гунга Чимитов и Цыпыла Чимитова, 2005 г.), «Алтан гэрэл» (переводчик Сэндэма Дашицыренова, 2007 г.), «Доржо жодбо II» (переводчики Михаил Батоин и Николай Бадмаринчинов, 2009 г.), «Манзуширин нэрье үгүүлхэ» (переводчик Баир Тушинов, 2019 г.).

Предварительный классификационный анализ содержания, изучаемых текстов, показал, что существует три варианта форм перевода (адаптации). Во-первых, форма адаптации, где дистанция между текстом «перевода» и современным бурятским значительная. Первый вариант подобной адаптации старомонгольского¹⁰ к бурятскому представлен в работе «Этигел» (переводчик Ширав Цыденжапов, 1991 г.). Данный перевод был достижением для своего времени, он до сих пор является «настойной книгой» для многих буддистов-мирян Бурятии. Достижением этого перевода является удачная билингвистическая форма подачи текста, одновременно на двух языках: старомонгольском и бурятском. Эта книга служит своеобразным «букварем» для местных буддистов, поскольку построена таким

⁹ «Сутра золотого света» (бур. *Алтан гэрэл*), «Пять духовных защитниц» (бур. *Банзаракша*), «Алмазная праджняпарамита сутра» (бур. *Доржо жодбо*), «Перечисление имён (бодхисатгвы) Манджушри» (бур. *Манзуширин нэрье угүүлхэ*), «Море притч» (бур. *Улигерэй далай*), «Восемь светлых» (бур. *Найман геген*) и др.

¹⁰ В работе представлен тибетский текст с кириллической транскрипцией, а также старомонгольский и бурятский.

образом, что не только удобна для пользователя, абсолютно не владеющего старомонгольской письменностью, но и служит оригинальным «введением в язык». Данное предположение можно сделать после сравнения оригинала и перевода¹¹.

Второй вариант представлен в работе «Доржо жодбо II» (переводчик Михаил Батоин, 2009 г.). Сравнение оригинала и перевода¹² показало, что этот текст (созданный приблизительно через двадцать лет после первого) уже не может считаться «букварем» и «введением в язык», тем не менее, несмотря на свою «продвинутость», он является продолжением той тенденции, которая была представлена в первом варианте. Данная форма перевода канонических текстов (в своих двух вариантах) является побуквенным переложением старомонгольского на кириллический бурятский. Предложенная языковая адаптация в виде кириллического подстрочника дает возможность читателю читать старомонгольский текст в кириллической транскрипции. Многие консервативно настроенные верующие региона считают буквальное побуквенное прочтение старомонгольского текста истинным и традиционным. Несомненным достижением вышеуказанных переводов (адаптаций) можно считать непосредственную кириллическую подачу

¹¹ *bi terigüten eke boluysan oytaryui-yin kijayar-luy-a saçayu qamuу amitan arban жүг-үн үрбан çay-un qamuу tegüçilen iregsed-ün bey-e jarliy sedkil erdem üyiles-ün mön çinar boluysan [Itegel yabuylqu-yin. F. 1v] — ‘Би тэригүүтэн эхэ болгосан огторгуи йин хизагар луга сацагу хамуг амитан арбан зүг үн гурбан цагун хамуг тэгүнчилэн ирэгсэд үн бэе зарлиг сэдхил эрдэм хамуг үйлэс үн мүн чинар бологсан’ [Этигел-вера 1991: 7–8].*

¹² *subudi-a tegün-ü tulada sonusçu masi sayitur sedkil-dür-iyen baridyun, budisadu-a nar-un kölgen-dür ünen mayad orulduysad, kerkijü aqui, kerkijü бүтүгекүй кerkijü sedkil-iyen sayitur bariqu-yi çimada nomlasuyai bi [Qutuy-tu vçir-iyar, F. 4r–4v] — ‘Субади аа, тэгүүн-үү тулада соносожу, маша сайтар сэдхэлдээ баридхан, бодисонг-уун хүлгэндэ үнэн магад оролдогсод хэрхижү ахуй, хэрхижү бүтэгээхүй, хэрхижү сэдхэл-иеэн сайтар барихые шамда номлосогойби’ [Доржо Жодбо 2009: 5].*

буддийских канонов, которая понятна современным бурятам.

Второй формой перевода (адаптации) буддийских канонических текстов на кириллический бурятский являются те, в которых осуществляется творческое приближение старомонгольского к современному бурятскому. Первый вариант данной адаптации представлен в работе «Доржо жодбо I» (переводчик Иннокентий Сотников, 2000 г.). В данной работе отражено стремление переводчиков к употреблению «народного» бурятского языка. Благодаря этому в ней представлены определенные диалектные особенности разговорного бурятского языка, с небольшим игнорированием формальных правил современного литературного.

Иной вариант данной адаптации представлен в работе «Манзуширин нэрые үгүүлхэ» (переводчик Баир Тушинов, 2019 г.). Сравнение старомонгольских фрагментов текстов с их бурятскими коррелятами¹³ дает возможность предположить, что достижением данных переводов является не только их подача на кириллице, но и максимально приближенная к современному бурятскому языку фонетическая и прагматическая функциональность.

Третью форму перевода (адаптации) можно охарактеризовать в качестве образцового, где канонический текст переведен на современный литературный бурятский. Первый вариант данной адаптации представлен в работе «Ульгерэй далай» (переводчики Гунга Чимитов, Цыпыла Чимито-

¹³ subudi-a tegün-ü tulada sonusçu masi sayitur sedkil-dür-iyen baridγun, budisadu-a nar-un kölgen-dür ünen mayad oruldγysad, kerkijü aqui, kerkijü bütügeküi kerkijü sedkil-iyen sayitur bariqu-yi čimada nomlasγai bi [Qutuγ-tu včir-iyar. F. 4r-4v] — ‘Субади, аа, тэрэнэй тулада соносожо, маша хайтар сэдхэлдээ баряад, Бодисаданарай хүлгэндэ үнэн лаб оролдогшод яажа байха, яажа бүтээхэ, яажа сэдхэлээ хайтар барихые шамда номлохоб би’ [Доржо жодбо 2000: л. 3v].

öngge ügei sayin öngge-yin degedü buyu, eldeb öngge-ten sedkil-eče törüyü, öngges-i qamuy-a üjegülügči соγtu, öngge körög-i qocurli ügei bariyüči [Qutuγ-tu mañjušri-yin. F. 10v] — ‘Үнгэ үгы хайн үнгэ дээдэ, Элдэб үнгэтэн сэдхэлхээ түрөюу, үнгэнүүдые хамагта үзүүлэгшэ согто, үнгэ хүрэгые хосорлигүй баригша’ [Арья Манджушри на-масамгити 2019: 34].

ва, 2005 г.)¹⁴. Второй вариант представлен в работе «Алтан гэрэл» (переводчик Сэндэма Дашицыренова, 2007 г.)¹⁵. В данных вариантах представлена максимальная морфологическая и фонетическая функциональность литературного бурятского языка.

Социальная значимость переводов

Возвращаясь к вопросу о значении данных переводов для бурят, необходимо обратиться к некоторым результатам опросов. В одном из интервью респондент Жамсаранжаб Базаров¹⁶, практикующий ежедневное религиозное чтение канонической литературы на бурятском языке, высказал мысль, что современная ситуация с бурятским языком крайне сложная. Язык

¹⁴ ilete tγyuluγsan burqan-u qutuγ-i oluγsan, egüri udal ügei nigen čay-tur, eyin kemen sedkir-ün, edeger anu kemebesü, üni buruγu aljijas sedkil-iyer oγuyata tγyiddejü ele, üjegül-ün jasaquy-a masi berke-yin tulada, kejiy-e-ber yirtinčü-deki ulus-tur sayubasu ele, tusa kürgejü ülü bolqu aγuyu, edüge nirvan bolsuyai...[Üliger-ün dalai-yin. F. 1v-2r] — ‘Элитэ гэтэлэн туйлахан бурханай хутаг олоод, удаан болонгүй нэгэ сагта иигэжэ сэдхэхэб: «Эдэ амитад тухай хэлэхэ болоо хаа, үни удаан алдуу эндүү гаргажа, гай түүдэ гүйсэд ороhon сэдхэхэлыень захаханы маша бэрхэтэй, хэдышье юртэмсын уласта хуубал, туна хүргэхын аргагүй, тиимэхэ нирван болохом’ [Ульгерэй далай 2006: 10].

¹⁵ Iγayurtanu köbegün e adalidqabasu, ked ba jarim nigen ečige eke erdeni ed tavar бүкү-yi üjejü, tere ed-tür čuqay tangsuγ kemekü sedkil ülü törüyü , tere yayun-u tulada kemebesü, ečige eke-yin tere ed-i nasuda bui kemen sedkikü-yin tulada bolai, tegünčilen ilaju tegüs nögčigsen niravan ülü болun nasuda sayubasu tegün-dür čuqay kiged učiraquy-a berke kemekü sedkil ülü törükü-yin tulada bolai [Qutuγ-tu degedü altan gerel-tü sudur orusiba, F. 13r] — ‘Изагууртанай хүбүүн аа, жэшээлбэл, хэд зарим нэгэн эсэгэ эхын эрдэни эд бараатай байхые үзэжэ, тэрэ эдтэ шухаг тансаг гэхэ сэдхэл түрэнгүй. Тэрэ юунэй тулада гэбэл, эсэгэ эхын тэрэ эдые хододоо байха гэжэ сэдхэхын тулада бэлэй. Тэрээн шэнги Илажа түгэс нүгшээн Нирваан болонгүй хододоо хуугаа хаань, тэрээндэ шухаг ба ушархаяа бэрхэ гэхэн сэдхэл түрэхэгүйн тулада бэлэй’ [Дээдэ Алтан Гэрэлтэ 2007: л. 30v, 31v].

¹⁶ Базаров Жамсаранжаб Дамбижалсанович (1953 г. р.) — пенсионер, бывший шофер из с. Усть-Алтычей, Мухоршибирский район, Республика Бурятия (экспедиция 2013 г.).

балансирует между вопросами о его сохранении и его спасении. Проблемы сохранения языка решаются с помощью социально-политических инструментов, которые в отношении бурятского языка в современных условиях крайне ограничены. Поэтому он обратился к вопросу о спасении языка, решаемому, согласно его мнению, в пространстве буддийской истины и веры благодаря повседневной практике чтения канонической литературы. В ходе других интервью буддисты-миряне подчеркивали, что их практика ежедневного религиозного чтения связывает предмет истины со спасением своего родного языка. В данном случае присутствует явная попытка решения социальных проблем с помощью социологических методов.

Заключение

В результате необходимо подчеркнуть, что вышеуказанные переводы (адаптации) создаются благодаря изменениям в повседневной религиозной практике обычных буддистов-бурят¹⁷. Данные изменения связаны прежде всего с процессом возрождения книжной культуры в местном буддизме. Поскольку в этой культуре чтение религиозной литературы занимает центральное место, а основная часть верующих мирян не знает тибетского и старомонгольского языков, в современной Бурятии ширится процесс перевода буддийских текстов на современный бурятский в кириллической графике. Хотя начало данного процесса относится к 40–50-м гг. прошлого столетия, его подъем происходит в настоящее время.

Источники

МГДТ 2008 — Монгол Ганжуур Данжуур төсөл [электронный ресурс] // Kalachakra culture center. URL: <https://www.facebook.com/chakramn/> (дата обращения: 15.05.2020).
 Itegel yabuylqu-yin — Itegel yabuylqu-yin yosun orusiba (= Осознание Прибежища). Монгольская коллекция ЦВРК ИМБТ СО РАН: №М-II, 101 (Ксилограф XIX в. Издание Агинского дацана, ff. 1r–3v).
 Qutuy-tu degedü — Qutuy-tu degedü altan gereltü sudur orusiba. (= Сутра «Высший золотой

Три вышеизложенные формы переводов старомонгольских и тибетских текстов на современный бурятский дают возможность представить не только уровень и глубину работ по сохранению бурятского языка в пространстве религиозной культуры, но и уровень возрождения буддизма в Бурятии. Широкий круг переводчиков — ученые-филологи, литераторы, буддийские монахи, преподаватели, простые верующие — демонстрирует общественную значимость данных переводов. Необходимо отметить, что процесс переводов канонических буддийских текстов существует за рамками государственной поддержки по развитию и сохранению бурятского языка и культуры.

Различие в формах перевода (адаптации) буддийских канонических текстов отражает не только конкуренцию двух направлений ежедневного религиозного чтения на бурятском языке: побуквенное со старомонгольского и приближенное к литературному бурятскому. Эти формы отражают прежде всего текущую дискуссию, возникшую в 1990-х гг. в бурятском обществе, относительно соотношения старомонгольского и современного бурятского для будущего культурного развития бурят вообще. Специфика данной дискуссии, отражаемая в изучаемом нами процессе, обнаруживает факт того, что буддисты-миряне Бурятии стремятся возродить свою буддийскую и монгольскую идентичности, одновременно сохранив культурное наследие советского периода в развитии бурятского языка и литературы.

свет»). Монгольская коллекция ЦВРК ИМБТ СО РАН: №М-III, 26 (Ксилограф XIX в. Издание Чесановского дацана, ff. 1r–237r).
 Qutuy-tu mañjušri-yin — Qutuy-tu mañjušri-yin ner-e-yi üneker ögüleksen orusiba (= Истинное произнесение имени Манджушри). Монгольская коллекция ЦВРК ИМБТ СО РАН: №М-II, 504 (Ксилограф XIX в. Издание Тамчинского дацана, ff. 1r–21v).
 Qutuy-tu včir-iyar — Qutuy-tu včir-iyar oytaluyci sudur orusiba (= Сутра «Отрезающая подобно алмазу»). Монгольская коллекция ЦВРК ИМБТ

¹⁷ Принимая во внимание утверждение, что «социальную реальность» конструирует повседневная жизнь обычных людей.

СО РАН: №М-II, 506 (Ксилограф XIX в. Издание Тамчинского дацана, ff.1r–50v).
 Üliger-ün dalai-yin — Üliger-ün dalai-yin neretü sudur orusiba (= Сутра, называемая «Оке-

ан сказаний»). Монгольская коллекция ЦВРК ИМБТ СО РАН: №М-II, 9 (Ксилограф XIX в. Издание Цонгольского дацана, ff. 1r–284r).

Sources

Itegel yabuylqu-yin yosun orusiba: Consciousness of Refuge. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Catalogue no. M-II. File 101 (19th-century xylograph. Edition of Aga Datsan. Pp. 1r–3v). (In Mong.)

Qutuy-tu degedü altan gerel-tü sudur orusiba: The Sutra of (Supreme) Golden Light. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Catalogue no. M-III. File 26 (19th-century xylograph. Edition of Chesan Datsan. Pp. 1r–237r). (In Mong.)

Qutuy-tu mañjuśri-yin ner-e-yi üneger ögüleksen orusiba: (Truly) Chanting the Names of Ārya Mañjuśrī. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Catalogue

no. M-II. File 504 (19th-century xylograph. Edition of Tamcha Datsan. Pp. 1r–21v). (In Mong.)

Qutuy-tu včir-iyar oγtaluyčī sudur orusiba: The Diamond Cutter Sutra. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Catalogue no. M-II. File 506 (19th-century xylograph. Edition of Tamcha Datsan. Pp. 1r–50v). (In Mong.)

Translating Project Kanjur & Tanjur (Mongolian). Kalachakra Culture Center. Available at: <https://www.facebook.com/chakramn/> (accessed: May 15, 2020). (In Mong.)

Üliger-ün dalai-yin neretü sudur orusiba: The Sutra Called ‘The Sea of Stories’. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Mongolian Collection. Catalogue no. M-II. File 9 (19th-century xylograph. Edition of Tsongol Datsan. Pp. 1r–284r). (In Mong.)

Литература

Арья Манджушри намасамгити 2019 — Арья Манджушри намасамгити. Пагба Жамбал Санжод. Хутагта Манзушириин нэрье үнэхөөр үгүүлэх орошиба (= Истинное произнесение имени Манджушри) / пер. Б. Тушинов. Улан-Удэ: Визитно-просветительский центр «Зандан Жуу», 2019. 54 с.

Дырхеева 2018 — Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. № 4. С. 302–320.

Доржо Жодбо 2009 — Доржо Жодбо. Священная книга Будды / пер. М. Батоин, Н. Бадмаринчинов. Улан-Удэ: Эдиршуул, 2009. 112 с.

Доржо жодбо 2000 — Хутагта ошороор огтологшо бэлигэй шанада хизаарта хүрэн нэрэтэ ехэ хүлгэн судар (= Сутра Махаяны, называемая «Запредельная Мудрость, отрезающая подобно алмазу» = Алмазная сутра) / пер. И. Сотников; ред. Л. Д. Шагдаров. Верхняя Иволга: Иволгинский дацан «Хамбын Хурээ», 2000. 30 с.

Дээдэ Алтан Гэрэлтэ 2007 — ‘Phags pa gser ‘od dam pa mdo sde’i dbang po’i rgyal po zhes bya

ba theg pa chen po’i mdo bzhugs so. Хутагта «Дээдэ Алтан Гэрэлтэ» эрхэтэ сударнуудай хаан нэрэтэ ехэ хүлгэн судар (= Сутра Махаяны, называемая «Королевская сутра-владычица «Высший золотой свет»» = Сутра золотого блеска) / пер. С. Дашицыренова. Верхняя Иволга: Иволгинский дацан «Хамбын Хурээ», 2007. 568 с.

Кованова и др. 2019 — Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Удаев Р. А., Алексеев С. Г. Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии // Oriental studies. 2019. № 6. С. 1096–1106. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106

Музраева 2011 — Музраева Д. Н. Молитвенные сборники (ранние памятники калмыцкого кириллического письма) как источник изучения буддийской литературы и письменной культуры калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филол. науки. 2011. № 7 (61). С. 121–125.

Музраева 2012 — Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ой-

- ратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Бурькин. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Ульгерэй далай 2006 — Ульгерэй далай. Бурхан Багшын түүхэ-намтар (= Океан сказаний. Повествование о жизни Будды) / пер. Г. Чимитов, Ц. Чимитова; ред. Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 570 с.
- Этигел-вера 1991 — Этигел-вера. Буддийские заповеди о духовном очищении / сост. Ш. Р. Цыденжапов. Улан-Удэ: Объединение детских писателей Бурятии, 1991. 96 с.

References

- Ārya Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: A Revision by Pagba Zhambal Sanzhod. B. Tushinov (transl.). Ulan-Ude: Zandan Zhuu, 2019. 54 p. (In Bur. and Russ.)
- Dyrkheeva G. A. The language situation in Buryat Republic. *World of the Great Altai*. 2018. No. 4. Pp. 302–320. (In Russ.)
- Kovanova E. S. et al. Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia. *Oriental Studies*. 2019. No. 6. Pp. 1096–1106. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106
- Muzraeva D. N. Prayer books (earliest monuments of Cyrillic Kalmyk) as sources for studies of Buddhist literature and Kalmyk written culture. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Ser.: Philological Sciences*. 2011. No. 7 (61). Pp. 121–125. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Tibetan and Oirat Language Buddhist Written Sources in Kalmykia's Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- The Diamond Cutter Sutra: A Mahayana Sutra Called 'Perfection of Wisdom ...'. I. Sotnikov (transl.); L. D. Shagdarov (ed.). Verkhnyaya Ivolga: Khambyn Khuree (Ivolginsky Datsan), 2000. 30 p. (In Bur.)
- The Diamond Sutra: A Holy Book of the Buddha. M. Batoin, N. Badmarinchinov (transl.). Ulan-Ude: Edirshuul, 2009. 112 p. (In Bur.)
- The Sea of Stories: A Narrative of the Buddha's Life. G. Chimitov, Ts. Chimitova (transl.); L. Shagdarov (ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 570 p. (In Bur.)
- The Sutra of Golden Light: A Mahayana Sutra Called 'The Royal Sutra...'. S. Dashitsyrenova (transl.). Verkhnyaya Ivolga: Khambyn Khuree (Ivolginsky Datsan), 2007. 568 p. (In Bur. and Tib.)
- Tsydenzhapov Sh. R. (comp.) The Three-Fold Refuge: Buddhist Precepts on Spiritual Purification. Ulan-Ude: Buryatia Association of Children's Writers, 1991. 96 p. (In Bur.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 661–687, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687

Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бакаева Э. П., 2020

Аннотация. *Введение.* Большая Медведица — самое почитаемое созвездие у монгольских народов. *Цель* статьи — провести анализ представлений, связанных с этим созвездием, по данным фольклорных и полевых материалов, выделить основные мифологические характеристики и осветить проблему одновременных напластований в верованиях о созвездии Большая Медведица в среде калмыков и ойратов (западных монголов). В соответствии с целью поставлены две задачи: провести анализ основных сюжетов о происхождении Большой Медведицы, известных среди калмыков и ойратов, в сопоставлении с сюжетами, известными у других монгольских народов; рассмотреть представления о Большой Медведице в сопоставлении с некоторыми календарными обрядами и мифологическими образами, почитаемыми в культуре калмыков и ойратов, а также осветить современные обряды, направленные к созвездию. *Материалы.* К анализу привлекаются фольклорные материалы и сведения этнографического характера. *Результаты.* В первой части статьи выявлены основные варианты мифологических текстов о Большой Медведице (монг. *Долоон бурхан*, *Долоон өвгөн*, калм. *Долан бурхн*, *Долан одн*) у калмыков и ойратов в сопоставлении с мифами других монгольских народов. Показано, что основные варианты мифа о происхождении Большой Медведицы связаны с представлениями о семи персонажах-мужчинах (братьях, названных братьях, ворах) или о человеко-быке, но происхождение терминов может указывать на возможную связь темы происхождения созвездия также с известным архаическим сюжетом о смене дня и ночи как отражении погони за оленихой и солярной темой. Во второй части статьи представления о Большой Медведице проанализированы в сопоставлении с некоторыми календарными обрядами и мифологическими образами, почитаемыми в культуре калмыков и ойратов. Показано, что Большую Медведицу ойраты иногда именовали *Долоон марал* ‘Семь маралов’, что позволяет привлечь к сопоставительному анализу легенды о погоне небесного охотника за маралухами. В устной традиции ойратов зафиксированы представления о том, что персонажи созвездия Большая Медведица, как и небесный охотник Хухэдэй Мэргэн (преследовавший трех маралух, которые обычно счи-

таются превратившимися в три звезды Пояса Ориона и давшими название созвездию Орион — монг. *Гурван марал*, калм. *Гурвн марл* ‘Три маралухи’), могут считаться хозяевами двух привязанных к «золотому колу» (т. е. Полярной звезде) коней, в качестве которых предстают в мифах две звезды Малой Медведицы. Большую Медведицу ойраты и калмыки почитают как связанную с потеплением на земле, а также покровительствующую детям, отпускающую грехи и защищающую отары от волков и способствующую увеличению численности скота, — эти же функции характерны и для образа божества Цахан аав, которого ойраты почитают как хозяина Алтая, калмыки — как покровителя народа и в одной из его форм как Хозяина года *Жилин ээн*. В статье также проанализированы современные буддийские представления о почитании созвездия Большая Медведица у монгольских народов.

Ключевые слова: Большая Медведица, монгольские народы, ойраты, калмыки, мифы, верования, архаический календарь, обряды

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 661–687. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687

UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687

Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation).

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Bakaeva E. P., 2020

Abstract. Introduction. Ursa Major is the constellation most venerated by Mongolic peoples. *Goals.* The article seeks to examine related beliefs traced in folklore and collected field data, reveal key mythological characteristics, and cast light upon diachronous layers in the beliefs of Kalmyks and Oirats (Western Mongols). So, the work aims at analyzing basic Kalmyk and Oirat folklore plots dealing with origins of the Great Bear in comparison to those of other Mongolic cultures; and at examining the concept of Ursa Major against the background of some calendar rites and revered mythological images with due regard of contemporary ceremonies addressed to the constellation. *Materials.* The paper analyzes folklore and ethnographic materials. *Results.* Part 1 of the article identifies main variants of mythological texts about Ursa Major (Mong. *Долоон бурхан*, *Долоон өвгөн*, Kalm. *Долан бурхн*, *Долан одн*) existing in Kalmyk and Oirat discourses, comparing the latter to myths of other Mongolic populations. It shows that basically the myths narrate about seven male characters (siblings, sworn brothers, or thieves) or an ox-man, though etymology of terms may tie the constellation (its emergence) to the archaic plot of day and night alternation as a chase of she-deer, and the solar theme at large. Part 2 further analyzes Ursa Major-related beliefs and compares the latter to some calendar rites and mythological images revered in Kalmyk and Oirat culture. The paper informs that the constellation was sometimes referred to by the Oirats as ‘Seven Maral Deer’ (Oir. *Долоон марал*), which implies our analysis may extend to the legend of how the heavenly hunter pursued a flock of she-deer. The Oirat oral tradition believes that both the characters of Ursa

Major stories and Khukhedei Mergen the Hunter (whose chase made three she-deer turn into the three stars of Orion's Belt therefore referred to by the Mongols as 'Three She-Deer', Mong. *Гурван марал*, Kalm. *Гурвн марл*) can be considered masters of the two horses tied to the 'Golden Pole' (i.e. Pole Star) — two stars of Ursa Minor. Oirats and Kalmyks also associate Ursa Major with thawing weather, protection of children, livestock (from wolves), and increase of its numbers, remission of sins — similar functions attributed to the White Old Man (Kalm. *Цахан аав*) revered by the Oirats as the Lord of the Altai, while Kalmyks tend to view him as a protector deity of the nation, one of his manifestations being that of the Lord of the Year (Kalm. *Жилин эзн*). The article also analyzes contemporary Buddhist rites dealing with Ursa Major among Mongolic populations.

Keywords: Ursa Major, Mongolic peoples, Oirats, Kalmyks, myths, beliefs, archaic calendar, rites

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist – project name 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'.

For citation: Bakaeva E. P. Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3):661–687. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687

Введение

Большая Медведица — ясно видимое на небе на протяжении практически всего года созвездие — являлась объектом поклонения монгольских народов в древности и почитается в их среде до настоящего времени. Представления о созвездии на протяжении истории этих народов претерпевали трансформации, определенные как изменениями в обществе и развитием знаний, так и культурными влияниями.

Цель статьи — провести анализ представлений, связанных с этим созвездием, по данным полевых материалов и фольклора, выделить основные мифологические характеристики и осветить проблему разновременных напластований в верованиях о созвездии *Большая Медведица* в среде калмыков и ойратов (западных монголов). Целью определены две задачи, первая из которых — проведение анализа основных сюжетов о происхождении Большой Медведицы, известных среди калмыков и ойратов, в сопоставлении с сюжетами, известными у других монгольских народов — решалась в первой части статьи [Бакаева 2020]. В настоящей публикации, представляющей собой вторую часть статьи, ставится задача исследования других представлений о Большой Медведице в сопоставлении с некоторыми календарными обрядами и мифологическими образами, почитаемыми в культуре калмыков и ойратов, а также освещения буддийских представлений о созвез-

дии, бытующих в среде монголов и ойратов в настоящее время.

Как показано в первой части статьи, большинство вариантов мифологических сюжетов монгольских народов о происхождении Большой Медведицы, собранных известным фольклористом Д. Цэрэнсодномом, посвящено семи персонажам, семи братьям, обладающим необычными способностями и вступающим в соревнования либо поединки и в завершение превращающимся в созвездие; в одном ойратском тексте семь персонажей совершают кражу браслета у ханши, но созвездие представляется не как антропоморфные персонажи, а как браслет [Цэрэнсодном 1989]; зафиксированы ученым и сюжеты о превращении в созвездие семи частей тела мифического существа — человеко-быка, поражающего темного персонажа в виде быка (солярный по семантике сюжет о борьбе светлого и темного начал) и уничтоженного соратницей последнего, расколовшей тело человеко-быка на семь частей. Два основных варианта калмыцких текстов связаны с зафиксированными у других народов, но сюжет о семи мужских персонажах отличается тем, что они являются ворами (разбойниками), осуществившими важное действие — кражу одной звезды у созвездия Плеяд (*Мичид*), уменьшившую холодающую силу Плеяд [Семь звезд 2004: 44–47; Мифы, легенды 2017: 44–51]; «семь воров или разбойников, превращающихся в звезды, — редкая форма персонифика-

ции звезд Большой Медведицы, известная у тюркских народов и у басков [Березкин 2017: 27]» [Мифы, легенды 2017: 291].

Второй вариант калмыцкого мифа о превращении в семь звезд частей тела человека-быка, которое разрывается от удара противника, восходит, как и монгольские мифологические сказания (даже с прямой отсылкой «Шидэт хүүрийн хулиас» ‘Из повести «Волшебный мертвец»’ [Цэрэнсодном 1989: 79]), к тибетскому оригиналу, и даже рождение персонажа с бычьими рогами и длинным коровьим хвостом по имени Массанг в калмыцкой сказке происходит в Индии [Калмыцкие сказки 1962: 273–278].

Но при этом предполагаемое Д. Цэрэнсодном происхождение названия *Долоон бурхан* от древнего названия *Долоон бяруу* [Цэрэнсодном 1989: 203] может быть связано с семантикой лексической основы, восходящей к значениям ‘детеныш копытного от года до двух, олененок’, а также ‘самка оленя’ и ‘рожать (о животном)’.

Проанализированные материалы позволяли предположить возможность реконструкции представлений, соответствующих сюжету о смене дня и ночи и погоне за оленихой, укрывавшей солнце, тем более что «солярной теме смены дня и ночи» соответствует и мотив из второго типа сюжета о происхождении Большой Медведицы — мотив борьбы белого и черного быков, в которых воплощаются Хормуста и Араха [Неклюдов 1994а: 391].

В свете рассмотренных в первой части мифологических сказаний о Большой Медведице рассмотрим другие представления, связанные с этим созвездием, в культуре калмыков и ойратов.

Представления, связанные с Большой Медведицей, у ойратов и калмыков

Обряды, направленные на преодоление зимнего (темного) времени

В культуре калмыков, как и других монгольских народов, созвездие *Большая Медведица* особо почитается и как отпускающее грехи. В народе бытует до настоящего времени примета, согласно которой все грехи будут отпущены, если произнести на одном дыхании семь раз следующий заговор: *Долан одн, Долан бурхн, дола дэжч давтад келхлэ* — *килнц уга* ‘Семь звезд, Семь бур-

ханов, если повторить семь раз, то исчезнут грехи’.

В традиционной культуре калмыков считается, что грехи может отпустить покровитель народа Белый старец *Цахан аав* (*Цахан авһ*), отпустить грехи просят и предков, представления о которых также связаны с почитанием Большой Медведицы у монгольских народов. «В шаманских гимнах Долоон эбуген — податель счастливой судьбы (ср. дзаягачи)» [Неклюдов 1994а: 391]. Л. Эрдэнэболд приводит сведения о распространенной среди ойратов Монголии песне «Огторгуйн Долоон бурхан» ‘Семь божеств Вселенной’, отмечая, что в этой популярной песне «семь божеств» соотносятся с матерью [Эрдэнэболд 2012: 27].

В культуре монголов и бурят Большая Медведица прежде всего именуется «Семью старцами» (монг. *Долоон өвгөн*, бур. *Долон эбуген*), и таковое толкование образов Семизвездицы может в какой-то мере быть связано с представлениями об отпущении грехов. В монгольских мифах персонажи, превратившиеся в семь звезд, представлены как мужчины, обладающие особыми способностями и одерживающие победу в состязаниях, и объяснение тому, почему их стали называть «Семь старцев», следующее: «так давно это было, что стали они старцами». Однако и в заговорной формуле, и в языке калмыков чаще используются другие названия Большой Медведицы — *Долан бурхн* или *Долан одн*, то есть не акцентируется глубокий возраст (старость) персонажей.

Характеристика персонажей, превратившихся в звезды Большой Медведицы, как в прошлом воров, также не соответствует аспекту почитания созвездия как отпускающего грехи. В этой связи обратим внимание на образ *Цахан авһ* ‘Белый дядюшка’ (также называемого *Цахан аав* ‘Белый дед, отец’) — персонажа калмыцкой мифологии, представляющегося в качестве старика, подателя счастливой судьбы (подобно Большой Медведице в монгольских шаманских гимнах) и также связанного с представлениями о потеплении (в образе хозяина года он совершает кочевку в день зимнего солнцестояния), как и Большая Медведица, которая способствует, согласно монгольским мифологическим сюжетам, общему потеплению за счет того, что была украдена одна звезда у Плеяд. Вза-

имосвязь божества и созвездия в народной традиции не однозначна, но явна. Особенно она прослеживается в семантике смены темного и светлого времени, в связи с солярной темой. В народной культуре эта взаимосвязь божества и созвездия отражена даже в том, что у постамента памятника¹ Белому старцу в г. Элисте установлены² две мраморные доски. Одна мраморная доска — с изображением солнца в виде глаза, двух солярных знаков и выгравированной надписью на старокалмыцком «ясном письме» *Делкэн эзн Цаһан аав* ('Хозяин мира Белый старец'), вторая — с выгравированным изображением созвездия Большой Медведицы и надписью «*Делкэн Цаһан аав — һазрин эзн, делкэн цуг амд тоотын аврагч*» 'Белый старец — властелин мира, покровитель всего живого на земле'. Общей характеристикой Большой Медведицы и Белого старца является также то, что они, считается, оберегают отары от волков и способствуют увеличению численности скота.

¹ Скульптор Н. Эледжиев. 1998 г.

² Примечательно, что статуя была установлена городской администрацией, а мраморная доска появилась по инициативе одного из религиозных объединений верующих мирян.

Рис. 1. Памятник Цаһан аав (Белому старцу) в г. Элисте.

У постамента — плита с изображением Большой Медведицы

[Fig. 1. Monument to the White Old Man (Kalm. *Tsagan aav*) in Elista.

The engraving beneath depicts *Ursa Major*]

Возможность перенесения на это созвездие отдельных функций и образа буддийского божества отмечалась исследователями в тувинской культуре, в которой, как известно, исследователями выявлялись общие черты с культурой соседних с ними ойратов [см., напр.: [Трансграничная культура 2016](#)]. Так, к числу предновогодних у тувинцев относились обряды почитания светил, в том числе обычай расположить перед наступлением новогодней ночи у порога или с внешней стороны над дверью юрты трех комочков снега величиной с кулак, «чтобы ими напоил своего коня бог Долаан (Большая Медведица), который якобы три раза обходил все айлы» [Монгуш 1992: 93].

При рассмотрении указанного мотива С. Ч. Донгак приводит эти данные М. В. Монгуш³ и пишет: «Созвездие Большой Медведицы здесь, как видно, названо богом (божеством). Можно полагать, что буддийский культ имел в данном случае местную интерпретацию, поскольку, по словам З. Б. Самдан, в тувинском фольклоре не выявлен мотив или сюжет, в котором Долаан Бурган ездил бы на коне. Таким образом, культ Палден Лхамо⁴ (Ламы Бурган) некоторыми тувинцами был перенесен на небесный объект» [Донгак 2015: 102].

³ Ссылка дается на те же данные, но опубликованные ранее в статье: [Монгуш 1990: 3].

⁴ С. Ч. Донгак основывается на том, что в преддверии наступления праздника Шагаа тувинцы ожидают появления божества Палден Лхамо, называемой Лама бурган (т. е. Лхамо бурхан).

Однако здесь необходимо внести уточнение. Действительно, в культуре монгольских народов (в том числе ойратов) и тувинцев наступление Цаган сара (тув. *Шагаа*) связывается с образом Палден Лхамо (ойр., калм. *Окн Теңер* ‘небесная дева’). Но в ойратской традиции в этот день поклоняются божеству *Цахан аав*, а накануне Цаган сара, ожидая появления в мире людей Белого старца, снаружи справа над притолокой двери или на стыке дверного косяка и стены юрты помещают снег и лед (бытовая мотивация — «чтобы дорога была снежной»), а слева, чтобы не появился шулмус (ойр. *шулам*), втыкают колючую ветку караганы [Аюуш 2012: 89; Алтайн урианхайн 2014: 130]. Наши информанты-олёты также упоминали о традиции в этот день помещать над дверью снаружи кусочки льда [Бакаева 2016б: 183]. Учитывая наличие большого ряда общих культурных традиций у ойратов и тувинцев, можно провести сопоставление обычаев ойратов и сведений, приводимых М. В. Монгуш о тувинской традиции, которое дает основание сделать вывод о вероятности частичного наложения образов *Цаган аав* и *Долоон бурхан* в народной культуре.

По данным М. В. Монгуш, моление созвездия Большой Медведицы (тув. *Улуг Чеди хан*; монг. *Долоон бурхан*, отсюда тувинское название *Долаан бурган*) у тувинцев проводилось 22-го числа каждого месяца почти в каждой семье. В честь созвездия в домах возжигали лампаду, приглашали ламу для совершения обряда умилюстивительного характера. «Считалось, что одновременно с чтением молитв происходило „угощение“ звезды. Этот ритуал, по мнению лам, оберегал семью от бед. Каждой звезде, как и всему созвездию, приписывалась способность влиять на судьбы людей, благополучие скота и хороший травостой» [Монгуш 1992: 93].

Здесь интересный момент связан с датой проведения молений: 22-е число (хотя и по лунно-солнечному календарю), символика которого, прежде всего, связана с датами солнцестояния в солнечном календаре (в монгольской же традиции дни почитания созвездия в каждом из лунных месяцев были различными).

Кроме того, отметим следующее. Тувинцы проводили обряд, направленный к Большой Медведице, заключающийся в зажжении лампы и ее поднятии как можно

выше на шесте, в преддверии нового года. М. В. Монгуш отмечает, что в ночь перед наступлением праздника Шагаа (калм. *Цахан сар*) тувинцы совершали магические обряды, связанные с почитанием Большой Медведицы и Ориона (тув. *Уч Мыйгак*, монг. *Гурван марал*) [Монгуш 1992: 83]. При этом необходимо учитывать, что сам праздник в монгольской культуре был перенесен на начало весны [Жуковская 1985: 169–179; Жуковская 1988: 50], до этого начало нового года монгольские народы отмечали либо поздней осенью, либо ближе к зимнему солнцестоянию — у калмыков сохранилась вторая из этих древних традиций; бытование у тувинцев феноменологического календаря с отсчетом от зимнего солнцестояния [Потапов 1969: 293–296] также подтверждает бытование такой традиции в прошлом.

Подобные обряды, проводящиеся в один из дней первого зимнего месяца калмыками и в недавнем прошлом проводившиеся ойратами и монголами (на Монгольском Алтае), направлены к Белому старцу — хозяину пространства и покровителю (у калмыков и ойратов), время проведения обрядов связано с календарным циклом и днем солнцестояния. Речь идет о калмыцком обряде зажигания лампы с девятью фитилями (называемой *йисн гол* ‘9 фитилей’) с поднятием ее на шесте сквозь дымоход кибитки⁵ в темное (звездное) время суток (в настоящее время — 25-го числа первого зимнего месяца, в прошлом — в дни солнцестояния, в пределах «старого» праздника нового года *Жилин эзн*). Символика обряда зажигания *йисн гол* заключается в преодолении зимнего (темного, холодного) периода: каждый из фитилей символически может быть приравнен к девятидневному периоду⁶

⁵ В наши дни лампаду поднимают, прикрепив к длинной палке, как можно выше, находясь одной ногой в доме, другой — снаружи, что символически приравнивается к варианту проведения обряда в кибитке.

⁶ Параллелью этому обряду является обычай, зафиксированный в северном Китае, где закрашивали лепестки девяти нарисованных цветков, каждый день по одному лепестку из девяти на цветке, в течение 81 дня (подробнее: [Бакаева 2016а]). В наши дни древняя символика в калмыцкой культуре утрачена, и зажигание *йисн гол* считают просьбой о даровании счастья семье.

(калмыки одновременно проводят и обряд продления лет жизни *насан уттулх*⁷).

В этот же день, причем поздним вечером, ойраты и халха-монголы, проживавшие на Алтае, по свидетельству М. Ганболда, еще в начале XX в. проводили обряд зажигания лампад, осмыслявшийся как направленный «на благополучное переживание зимнего и весеннего периодов» [Ганболд 2006: 114].

Символически значимым является зажигание лампад во время, когда на небе видны все звезды, на юрте, с закрытием лампад ледяным колпаком, приготовленным в посуде для доения (воду замораживали не до конца и вынимали получившуюся «ледяную емкость»). Захчины при этом ставили такое количество лампад, сколько членов семьи, плюс по количеству собак и по одной на породу скота, а халха-монголы устанавливали одну большую лампаду. М. Ганболд со слов информантов описал представления о том, что считалось: чем больше света от лампад, тем быстрее наступит теплое время года [Ганболд 2006]. Вместе с тем количество лампад по числу членов семьи свидетельствует о том, что обряд имеет отношение к продлению лет каждому члену семьи, т. е. обращено и к «подателю судьбы».

Таким образом, калмыцкий и ойратский обряды, несмотря на отличие в деталях, едины в семантике. Но калмыки еще сохраняют память о том, что обычай зажигания лампад имеет отношение к дню зимнего солнцестояния (день кочевки Хозяина года *Жилин эзн*, образ которого един с образом *Цаган аав*, которого только калмыки, напомним, именуют также *Цаган авһ*) — 22 декабря (по лунному календарю эта дата сдвигалась). Как нами отмечалось ранее, «обычай, сохранившийся у ойратов Монголии, является рудиментом архаического ритуала встречи начала нового года и продления лет, который в схожих формах и с сохранением мотивации бытует у калмыков. <...> В этой связи необходимо признать также, что обряды, проводимые 25 числа первого зимнего месяца, в день буддийского праздника лампад *Зул*, проводились, вероятно, и предками ойратов Монголии в день зимнего солнцестояния и имели символику прибавления силы солн-

⁷ Обряд заключается в зажигании одной большой лампы-лодочки с числом фитилей по количеству членов семьи и количеством травянок в каждом из фитилей по числу лет человеку плюс дополнительно одна-две.

цу. Об этом свидетельствует уникальный по мифоритуальной форме обычай установки ледяного колпака над лампадой, которая растопит лед, как бы символизируя таянье застывшего на зиму небесного свода. В целом символика „прибавления силы солнцу“ отражена в обрядах и приготовлении в этот день обрядовой еды, связанной с символической таяния. Так, 25 числа первого зимнего месяца в праздник *Зул*, как и в день *Цаган сар*, монгольские ойраты обязательно готовят блюдо *хайлмаг*⁸» [Бакаева 2016б: 210].

Бытующий у калмыков до настоящего времени обычай зажигания *йисн гол* позволяет предположить обрядовую связь с символической растапливания ледяного колпака зимнего небосвода и увеличения силы солнца, завершения холодного зимнего периода. Символика девяти фитилей явно связана с системой счета зимнего времени со дня зимнего солнцестояния по девяти девятидневкам, который бытовал у ойратов, калмыков и тувинцев⁹ [Бакаева 2016а; Потапов 1969: 293–296].

Дата и время проведения обряда — темное время суток, в прошлом в день зимнего солнцестояния — вероятно, связаны с почитанием созвездий, которые в зимнем небе являются наиболее узнаваемыми, прежде всего с Большой Медведицей и Орионом, в которых наиболее заметными глазу являются семь звезд (с созвездием Ориона связано и почитание Сириуса).

Вместе с тем центральный персонаж, которому направлены моления обряда зажигания лампад — хозяин Алтая *Цагаан аав* (у ойратов) и Хозяин года, времени и пространства *Жилин эзн* (‘Хозяин года’), он же *Цаган аав* или *Цаган авһ* (у калмыков). Образ *Жилин эзн*¹⁰ связан с солнцем, так как

⁸ *Хайлмаг* — монг. «1. 1) кушанье из растопленной пенки; 2) плавка; 3) раствор; 2. 1) плавленный, расплавленный, растопленный; 2) растаявший; *хайлмаг цас* талый снег, растаявший снег» [БАМРС 2002: 19].

⁹ Тувинцы считали девятидневками также весь год, хотя, как и другие восточные народы, использовали и лунно-солнечный календарь [Потапов 1969: 293–296].

¹⁰ В калмыцкой легенде о *Цагин эзн* ‘Хозяин времени’ он постоянно обходит белый свет, если он остановится, то время остановится, и все живые существа погибнут. Но на ночь он останавливается и ночует у своих тридцати жен попеременно [Мифы, легенды 2017: 52–53].

считается, что хозяин года кочует один раз в году — в дни зимнего солнцестояния — и наделяет годами жизни, т. е. является распорядителем судеб. В то же время проведение обрядового зажигания лампад «продления лет» и «девяти фитилей» в позднее ночное время свидетельствует и о связи этого действия с зимним и ночным периодом, завершение которого для древнего человека связано с представлениями о победе солнца над тьмой и о преодолении стужи (потеплении), т. е. о продолжении жизни.

Символика солнечного божества, предка, хозяина времени и пространства, характерная для образа *Цахан авһ* в культуре калмыков, а также наличие традиции проведения обрядов, направленных ему, в ночное зимнее время (в день зимнего солнцестояния 22 декабря, который затем был заменен днем буддийского праздника огней), позволяет обратиться к анализу возможного соответствия обрядовой семантики типу архаического календаря, в котором два сезона связывались с образами копытного и медведя и соответственно с мифом о погоне за копытным, укравшим солнце: подобный тип сезонного календаря характерен для ряда народов таежной зоны северной Евразии, у которых длительный зимний период маркировался образом оленя (лося), а короткий летний период — образом медведя, хотя характерной была и смена символов: у одних народов выход медведя из берлоги означал начало лета, а начало гона у оленя — начало осени и охоты на них, у других народов зимняя спячка медведя ассоциировалась с темным периодом, а отел оленей — с летним¹¹ [Лушникова 2006; Бакаева 2011: 10].

Предки калмыков — ойраты, как и ряд других народов, относились к так называемым «лесным» народам, обитавшим в таежной зоне. Потому в их культуре зафиксированы сведения о древнем календаре охотничьего типа. До XVII в. среди калмыков, переселившихся в пределы России, сохранялся народный календарь, отражавший специфи-

¹¹ Как показывает А. В. Лушникова, «оппозиция зооморфных персонажей различается по ареалам: для лесотаежной зоны она представлена парой „медведь – лось“, для равнинной (степной, тундровой) — парой „волк – олень“. Оппозиция „медведь – лось“ особо значима в мировоззрении таежных охотников» [Лушникова 2006: 30].

ку этнической культуры разных ойратских групп, ставших основой калмыцкого этноса. Благодаря книге Н. Витсена, работавшего в России в XVII в., остались зафиксированными названия месяцев календаря, восходящего к охотничьему типу, бытовавшего среди калмыков во время его пребывания в России [Witsen 1785; Бакаева 2007].

Календарь, сведения о котором зафиксировал Н. Витсен со слов калмыков в 1660-х гг.¹², представлял собой систему счета времени, характерную для раннего периода этнической истории ойратов. Он типологически схож с календарем охотников тайги, в котором прослеживалась ориентация на движение луны и солнца (см. подробнее: [Бакаева 2007; Бакаева 2011]).

В целом годичный календарь имел сходство с бытовавшими в более поздние времена народными календарями бурят и монголов, но и отличался спецификой, заключавшейся прежде всего в разном соответствии сезонам, «сдвигке» аналогичных названий месяцев. Названия месяцев связаны с ранним периодом этнической истории ойратов, временем, когда основные занятия их предков были связаны с охотой, так как основные значения терминов определяют круг животных и птиц, делясь долей и др.

На основании анализа сведений о раннем календаре, сохранявшемся у калмыков в XVII в., а также особенностей календарных обрядов можно сделать вывод, что «у этнических предков калмыков в прошлом существовал древний сезонный календарь, в котором маркерами двух основных сезонов являлись образы медведя и оленя, связанные с периодами зимы и лета. Лексические и этнографические данные дают основание для вывода о взаимозаменяемости образов этих двух животных для обозначения теплого и холодного периодов» [Бакаева 2011: 12]. Этот вывод может быть подкреплен возможной интерпретацией слова *Сага*¹³

¹² Н. Витсен на протяжении полутора лет находился в России (в 1664–1665 гг.) в составе голландского посольства под руководством Якоба Борейля и позднее также посещал страну.

¹³ Хотя считается, что название «Сага» связано с тибетским влиянием: название *Сага дава* («месяц Сага»), относящееся к празднику в первом летнем месяце по лунно-солнечному календарю, характерно и для тибетской культуры; при этом *сага* означает название созвездия: «*saga* — *visākhā*, *gādhā* назв. созвездия» [Перих 1987: 13].

(название календарной даты, маркирующей начало лета у калмыков до XIX в.) как формы слова *soha* ‘самка оленя, оленуха’¹⁴ [КРС 1977: 453], а также вероятной этимологией названия месяца *көкэ* (монг. *хөхөө*¹⁵; в калмыцком календаре, зафиксированном Н. Витсенем, это месяц зимнего солнцестояния) от тюркского названия медведя *кок* [Серошевский 1993: 634, 631]¹⁶. Тем более что в мифах об освобождении солнца образ охотника у разных монгольских народов может быть связан с медведем или богатырем Хухэдэй (Кокодо, Кокодей) Мэргэном, в имени которого прослеживается тот же корень *кок* (монг. *хөх*) [Бакаева 2009: 39].

В Древнетюркском словаре слово *көк* имеет несколько значений, среди которых первым является ‘небо’ [ДТС 1969: 312]. Соответственно слово *көкдäки* имеет значение ‘находящийся на небе’ [ДТС 1969: 313] (ср. имя небесного охотника в мифах монгольских народов — *Хөхдэй* или *Хухэдэй*). Обратим внимание на название месяца зимнего солнцестояния в архаичном календаре предков калмыков (ойратов) *көкэ*, соответствующее монгольскому термину *хөхөө*, одно из значений которого «морозная погода, трескучие морозы» [БАМРС 2002: 150].

Согласно известному мифу небесный охотник (или медведь в самых ранних версиях) за оленем/оленьями освобождает солнце, время действия — темный холодный пе-

риод [Дашиева 2001]. Имя этого небесного охотника в мифах монгольских народов — Хухэдэй (Кокодей) Мэргэн. Соответственно, в его имени прослеживается слово, обозначающее и синее небо, и зимнюю стужу (зимний, или темный, период), а в зафиксированном у якутов названии медведя термином «кок» можно видеть связь образа с представлениями о небесных мифологических событиях.

В монгольской мифологии семь звезд Большой Медведицы представляются и как стерегущие ночью двух соловых коней (монг. *хоёр шарга морин*), которые привязаны к золотому колу (монг. *Алтан гадас* ‘Полярная звезда’), соответственно эти два коня — две звезды Малой Медведицы¹⁷. Эти соловые кони считаются то конями персонажей, превратившихся в Большую Медведицу [Долон бурхан 2006а; Долон бурхан 2006б], то конями Хухэдэй Мэргэна¹⁸ (монг. *Хөхдэй мэргэн*) [Цэрэнсодном 1989: 73 (№ 27. Тэнгэрийн зам ба долоон бурхан од ‘Небесный путь и Большая Медведица’)] — небесного стрелка, который, по мнению исследователей, сменил мифологический облик медведя, освобождающего солнце в древнейшем мифе о первотворении [Дашиева 2001]: для мифов монголоязычных народов характерен антропоморфный образ охотника Хухэдэй (ойрат. Кокодей) Мэргэна. Таким образом, в этом случае может прослеживаться воз-

¹⁴ Ср. бурятское название Большой Медведицы *Долоон согоо*, о котором упоминает Д. Цэрэнсодном [Цэрэнсодном 1989: 202]. В этимологическом словаре тюркских языков также приводится слово *со:гак*, обозначающее ‘вид антилопы, косуля, олень’ [ЭСТЯ 2003: 295] и предположительно связанное с уйгурским *соу-а* ‘рог антилопы’ и соответствующим *соуу-а* [ЭСТЯ 2003: 295].

¹⁵ Термин *хөхөө*, согласно академическому монгольско-русскому словарю, имеет два значения: I. «Кукушка», II. *Хөхөө өвөл* — «самое холодное время зимой, сильные трескучие морозы» [БАМРС 2002: 150].

¹⁶ В историографии имели место попытки связать этимологию названия самого холодного зимнего месяца со значением *хөхөө өвөл*, где *хөх*, по мнению Ж. Цолоо, означает синюю морозную дымку в разгар холодов [Цолоо 1994: 35–36]. В другом случае, когда месяц *хөхөө* в монгольском календаре выпадает на май, его название связывают с «началом периода кукования» кукушки.

¹⁷ В культуре тувинцев «Первые три хорошо видимые звезды из созвездия Малой Медведицы называют арканом (*аргамчы*), а остальные две — *сарыг-аттар*, т. е. желтые (соловые) лошади, будто бы привязанные арканом к золотому колу и всегда держащиеся от него на одном и том же расстоянии, в любом положении созвездия на ночном небе» [Потапов 1969: 293]. Л. П. Потапов, приводя названия звезд и созвездий у тувинцев, отмечает, что они представляют материал «для сопоставления их с названиями соответствующих звезд и планет у других народов (особенно у соседних) и для рассмотрения родства, общности языка и культуры этих народов» [Потапов 1969: 293]. Как видно на примере представлений о звездах Малой Медведицы, в культуре тувинцев прослеживаются общие с монгольскими традиции.

¹⁸ Г. Р. Галданова отмечала, что в бурятской культуре «иногда в роли конюших Небесного стрелка выступают Семь старцев..., которых впоследствии, видимо, стали называть Семь бурханов» [Галданова 1987: 20].

можная связь между Большой Медведицей и образом небесного стрелка, в имени которого сохраняется корень, восходящий к его зооморфному прообразу.

Такая связь прослеживается ясно в алтайском мифологическом сюжете о происхождении Большой Медведицы, содержащемся в героическом эпосе «Маадай-Кара». Когутей-мерген (алтайский вариант имени Хухэдэй Мэргэн) — сын богатыря Маадай Кара встречает шесть персонажей — шесть богатырей, обладающих необычными способностями, вместе они выполняют три испытания по приказу отца суженой Когутей-мергена, затем герой спасает свой народ от подземного владыки и все семеро превращаются в созвездие Семи ханов (Большую Медведицу), а невеста Когутей-мергена становится Полярной звездой [Маадай-кара 1973: 393; Тюхтенева 2013].

В мифологических сказаниях монголов и ойратов образ Хухэдэй Мэргэна связан с представлениями о созвездии Орион, но в текстах упоминается и Большая Медведица. Так, считается, что три маралухи, которых преследовал Хухэдэй Мэргэн, превратились в три звезды Пояса Ориона. Сам же Хухэдэй Мэргэн — в самую яркую звезду на зимнем небе¹⁹, т. е. Сириус, находящийся на одной линии от Пояса Ориона ближе к горизонту — что символизирует следование охотника за маралами. В вышеупомянутом мифе о небесном пути и Большой Медведице²⁰ [Цэрэнсодном 1989: 73] говорится о том, что хан Хухэдэй Мэргэн был во главе многочисленных туменов²¹ людей, которые с войском и скотом совершили великое кочевье и добрались до верхнего мира. Хухэдэй Мэргэн стал преследовать трех маралух. С того времени на небе *Гурван марлын гурван янзага нь эхийгээ дагаж давхиад хойноос нь Хөхдэй мэргэн Асар Басар хоёр нохойтойгоо хөөж явдаг гэж өвгөд, Хөхдэй мэргэн од, гурван марал*

¹⁹ Хөхдэй мэргэн — Хамгийн их гэрэлтэй ашдын од, хөхдэй мэргэн (https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id=113856&opt=1&word=ХӨХ-ДЭЙ) [Монгол толь]. ('Хөхдэй Мэргэн — самая яркая звезда, Хухэдэй Мэргэн').

²⁰ Текст записан Б. Ринченом в 1936 г. от информанта Дагийраза из этнической группы шарнууд [Цэрэнсодном 1989: 203]

²¹ Тумен — десять тысяч [БАМРС 2001, III: 272].

од, гурван янзага од, Асар, Басар од заадаг 'Указывают [на небе] старцев (т. е. Большую Медведицу), звезду Хухэдэй Мэргэн (т. е. Сириус), три звезды — три маралухи, три звезды — три мараленка, следующие за маралухами, и две звезды — собаки Асар и Басар, — так как Хухэдэй Мэргэн преследовал со своими собаками Асаром и Басаром трех маралух со следовавшими за ними тремя оленятами'²² [Цэрэнсодном 1989: 73]. Здесь отметим следующее: хотя в процитированном тексте термин *өвгөд* 'старцы' использован без числительного *долоон* 'семь', что могло бы стать причиной отсутствия в переводе упоминания созвездия *Долоон бурхан* (*Долоон өвгөн*), но в следующем абзаце текста мифологического сказания прямо указывается на созвездие Большая Медведица: *Тэр хоёр шаргыг долоон өвгөн сахин манаж, шөнө хоёр шаргыг дагаж, алтан гадсыг эргэж явдаг гэж хэлэлцдэг. Тэр долоон өвгөнийг бас долоон бурхан ч гэж хэлэлцдэг ёс бий* 'Говорят, что этих двух соловых коней Семь старцев (т. е. звезды Большой Медведицы) сторожат и, сопровождая ночью этих двух коней, двигаются вокруг Золотого кола (т. е. Полярной звезды). Есть обычай называть этих Семь старцев также Семью бурханами' [Цэрэнсодном 1989: 73].

В мифологическом тексте «Хөхдэй мэргэн», записанном в сомоне *Бөхмөрөн*²³ Убсунурского аймака от сказителя Цагаадайн Зодова, говорится о том, как вооруженный луком и стрелами Хухэдэй Мэргэн охотится за тремя маралухами на белом коне, сопровождаемый двумя собаками. Блистающую на вечернем небе звезду называют Хухэдэй Мэргэном, а иногда — небесным белым охотником ('*тэнгэрийн цагаан анчин ч гэж хэлдэг байна*') [Цэрэнсодном 1989: 49]), три звезды Пояса Ориона — тремя маралухами.

В следующем варианте мифа на небо поднимаются в процессе охоты *Хөхдэй Мэргэн*, сопровождающие его собаки, три маралухи, за которыми он охотится. В варианте, записанном от кукунорских олетов в Китае, также три звезды — это три маралухи;

²² Здесь и далее перевод мой. — Э. Б.

²³ В сомоне *Бөхмөрөн* (Бухмурэн) подавляющее большинство населения составляют ойраты-дербеты.

над этими звездами — две звезды, это два охотника (слева Бямба, справа — Басан), с одной стороны от «маралух» — звезды, в которые превратились собаки Хасар и Басар, с другой стороны от «маралух» — звезды, в которых превратились птицы Хардаг и Нисдэг [Цэрэнсодном 1989: 50. № 15].

В варианте бурятского мифологического сказания находящиеся в центре созвездия три звезды — это три маралухи, под ними находятся звезды — три собаки Хухэдэй Мэргэна, в звезду превратился и конь охотника. Самая яркая звезда красного цвета²⁴ — это стрела Хухэдэй Мэргэна, которой он собирался поразить маралух, она красного цвета от их крови. Согласно этому мифу, после уничтожения людей мангасом остались лишь семь старцев, которые поднялись на высокую гору и которых спас посланный Эцэгэ Маланом Хухэдэй Мэргэн. От семи старцев затем пошли все люди [Цэрэнсодном 1989: 50–51. № 16].

Согласно устной традиции хобуксарских торгутов²⁵ (ойратов, потомков калмыков), созвездие Орион (*Гурван марал*) также произошло от трех маралов, которых поразила стрелой *Доголон Мэргэн* ('Хромой Мэргэн'), стрела которого видна с обеих сторон от маралов [Цэрэнсодном 1989: 51. № 17].

В этой связи отметим следующее. С одной стороны, монгольские народы обычно связывают с образами маралов (оленей) созвездие Орион, которое называют по трем звездам Пояса²⁶ Ориона *Гурвн марл* ('Три маралухи'), с другой стороны, во время экспедиции в Западную Монголию нами записано от дербетов название Большой Медведицы *Долан марл* ('Семь маралух') — наряду с названием *Долан бурхн*. Сходное название видим в упоминаемом Д. Цэрэн-

содномом варианте *Долоон хого (согоо)*²⁷ [Цэрэнсодном 1989: 202]. Возможно, эти названия связаны с реликтами архаических представлений. Об этом свидетельствует семантика названия *Долоон бяруу* (калм. *Долан бүүрү*), в котором второе слово восходит к значениям 'детеныш копытного, теленок, олененок', а также 'самка оленя' и 'родить (о животном)'. Сходные лексемы, связанные с калмыцкими терминами *бүүрүл*, *бүркэ*, *бүүрүң* и монгольским *бүрхий*, со значениями 'темный, неясный, сумрачный, неясный, еле видимый' [Санжеев, Орловская, Шевернина 2019: 125–126] также могут быть связаны с древнейшими мифологическими представлениями о смене дня и ночи, о погоне за оленихой и освобождении солнца (об этом мифе см. подробнее: [Дашиева 2001]).

Но существует также вероятность, что название двух созвездий маралами может быть связано со смешением в поздней народной традиции представлений о семи звездах (в Большой Медведице и в созвездии Орион) и представлений о звездах как маралухах — так как в одних мифологических текстах образы персонажей, превратившихся в звезды Большой Медведицы, представляются как привязавшие своих коней к золотому колу (Полярной звезде)²⁸

²⁷ *Соогоо* — самка изюбря, оленя, маралуха [БАМРС 2001, III: 105].

²⁸ В одном из вариантов текстов, опубликованных на сайте Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, двух коней — серебряно-солового коня *Мөнгөн шарга* и янтарно-солового коня *Хуван шарга* — привязывают к Золотому колу братья *Алтан Минжин* ('Золотой Минжин') и *Мөнгөн Минжин* ('Серебряный Минжин') перед тем как с названными братьями превратиться в созвездие Большой Медведицы [Долон бурхан 2006а]. Во втором варианте, записанном от того же информанта и опубликованном на том же сайте, старший брат *Алтан Минжин* ('Золотой Минжин') имеет коня *Үнэгэн шарга* и собаку *Асар*, а младший брат *Мөнгөн Минжин* ('Серебряный Минжин') — коня *Хурган шарга* и собаку *Басар*; перед тем как превратиться вместе с названными братьями в семь звезд, они вбивают золотой кол, который становится Полярной звездой, и привязывают к нему своих коней [Долон бурхан 2006б] (имена собак совпадают с именами собак персонажей, превратившихся в звезды Большой Медведицы, в ойратском мифе [Цэрэнсодном 1989: 50. № 15]).

²⁴ Звезда Бетельгейзе — самая яркая звезда созвездия Ориона — имеет красный цвет.

²⁵ Торгуты Хобуксара (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, далее — СУАР КНР) являются потомками подвластных калмыцкого нойона Цебека Дорджи, откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. Группа хобуксарских торгутов Монголии состоит из выходцев из СУАР КНР.

²⁶ В созвездии Орион, названном по имени охотника из древнегреческой мифологии, семь ярких звезд, три из которых находятся в центре на одной линии (образуя пояс Ориона), две — над ними, словно обозначая плечи Ориона, две — в его ногах.

[Долон бурхан 2006а; Долон бурхан 2006б], в других — как стерегущие соловых коней Хухэдэй Мэргэна, привязанных к золотому колу (Полярной звезде) [Цэрэнсодном 1989: 73].

В целом необходимо отметить, что рассмотренные выше обряды, направленные на обеспечение скорого и благополучного завершения зимнего/темного времени, связаны в народных представлениях ойратов и калмыков, а также тувинцев с почитанием особенно хорошо видимых в зимнее время созвездий и с образом Белого старца. Дни зимнего солнцестояния в культуре калмыков связаны с образом Хозяина времени (года) *Жилин эзн* — одной из манифестаций образа Белого старца *Цаһан аав*, к которому обращены обрядовые действия с лампадами во время праздника Зул²⁹. Сопоставление же адресатов калмыцких и ойратских обрядов с зажиганием лампад (*йисн гол*), направленных на скорейшее завершение темного (зимнего) времени, и адресата тувинского предновогоднего обычая — *Долаан бургана*, показывает возможную связь между божеством *Цаһан аав* и созвездием Большой Медведицы, которые также считаются отпускающими грехи и охраняющими стада от волков.

Материалы по архаическому календарю калмыков и опыт реконструкции раннего календаря их предков, отражавшего деление на два сезона, позволяют обнаружить элементы, которые свидетельствуют о его связи с мифологическим сюжетом о космической охоте и смене времен года. Название в охотничьем календаре калмыков XVIII в. первого зимнего месяца (месяца зимнего солнцестояния) *көкк*, на наш взгляд, взаимосвязано не только со значением названия в монгольском языке *хөхө* «морозной зимы», но и, возможно, с образом медведя, который в типологически сходных сюжетах о космической охоте был сменен антропоморфным персонажем — в культуре монгольских народов известным как небесный стрелок Хухэдэй (Кокодей) Мэргэн. Кроме того, образы Хухэдэй Мэргэна и Семи старцев (Семи бурханов) присутствуют в

²⁹ 25-е число первого зимнего месяца по лунно-солнечному календарю. В прошлом эти обряды проводились в день зимнего солнцестояния — день кочевки *Жилин эзн*.

разных вариациях мотива о двух звездах Малой Медведицы, ассоциируемых в одних мифологических текстах с конями небесного стрелка, в других — с конями персонажей, превратившихся в звезды Большой Медведицы.

Ю. Е. Березкин при характеристике сюжета космической охоты, распространенного «в северной Азии с прилегающими областями Монголии и восточного Казахстана», отмечает, что он представлен многими вариантами, причем выделяются традиции, в которых сюжет космической охоты отражен в подробном повествовании (среди народов с такой традицией — ряд тюркских народов южной Сибири: телеуты, алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы, чулымские тюрки, тофалары, а также хоринские и аларские буряты, халха-монголы) и традиции, в которых «номинация звездных объектов опирается на краткое описание соответствующего сюжета» (среди народов с такой традицией — монгольские дархаты, дербеты, кукунорские олеты, якуты) [Березкин 2017: 76–77].

Ко второй группе народов, в которых отмечены ойраты, можно отнести и калмыков, среди которых указанный сюжет сохранился в «свернутом» виде. Вариант сюжета космической охоты, согласно которому три копытных животных стали тремя звездами Пояса Ориона, а охотник находится поодаль от них, согласно Ю. Е. Березкину, распространен «почти исключительно» среди монголов и тюрков — у тарбагатайских казахов, киргизов, алтайцев, телеутов, теленгитов, шорцев, хакасов, тувинцев и тофаларов, а также у халха-монголов, ойратов (дербетов и кукунорских ойратов), бурят. За пределами этого довольно компактного ареала «„космическая охота“ представлена совершенно другими текстами, основанными на интерпретации не Ориона, а Большой Медведицы» [Березкин 2017: 92]. При этом отмечается: «Космоним „Три маралухи“ для обозначения Пояса Ориона есть у калмыков [Басаев 2004: 10]. Не вполне ясно, записан ли у них соответствующий нарратив, но у предков калмыков, как и у всех ойратов, таковой, несомненно, был» [Березкин 2017: 92]. Этот тезис подтверждается, во-первых, тем, что среди потомков откочевавших на восток калмыков — хобуксарских торгу-

тов — такой нарратив зафиксирован³⁰, хотя и в краткой форме [Цэрэнсодном 1989: 51. № 17]; во-вторых, тем, что ареал распространения сюжета космической охоты, основанный на интерпретации Пояса Ориона, согласно исследованиям ученого, коррелируется с представлениями о Большой Медведице как семи мужских персонажах [Березкин 2017: 177].

Выводы ученого соответствуют основным сюжетам, записанным среди калмыков. Однако рассмотренные материалы отражают бытование в среде калмыков (а также родственных им ойратов) и других сюжетов, восходящих к представлениям о связи Большой Медведицы и сюжета космической охоты, что само по себе является уникальным. Среди южносибирских народов только у хакасов записан сюжет о космической охоте, согласно которому звезды Большой Медведицы — это три брата-охотника, две их собаки и две преследуемые маралухи [Березкин 2017: 106], однако это более поздний сюжет. Как следует из приведенных выше материалов, отдельные элементы, возможно, свидетельствующие о представлениях о Большой Медведице как связанной с сюжетом о космической охоте (принадлежность коней, привязанных к золотому колу, Семи бурханам; одинаковые имена собак, сопровождающих Долоон бурхан и Хөхдэй Мэргэна; наименование большой Медведицы «Долаан марл»; возможная адресация обряда, проводившегося ночью в день зимнего солнцестояния, Большой Медведице), не изучены, необходимо их дальнейшее детальное исследование. Но довольно ясно прослеживается корреляция между почитанием калмыками созвездия и божества-покровителя народа и «хозяина времени», имеющего солярную природу. Кроме того, образ Семи бурханов (т. е. звезд Большой Медведицы) и образ Хухэдэй Мэргэна оказываются взаимозаменяемыми в вариациях мотива о двух звездах Малой Медведицы, ассоциируемых с конями либо небесного

³⁰ Д. Цэрэнсодном пересказывает содержание мифологического сказания хобуксарских торгутов о происхождении звезд Ориона от трех маралух, за которыми охотился *Доголон мэргэн* ('Хромой Мэргэн'), стрела которого видна с обеих сторон от маралов [Цэрэнсодном 1989: 51. № 17].

стрелка, либо персонажей, превратившихся в звезды Большой Медведицы.

Б. А. Рыбаков показал на обширном материале, что замещение культа лося/оленья, связанного с почитанием богини-прародительницы, культом медведя в североевразийском регионе связано со становлением отцовского рода и появлением мужских божеств, и этот процесс отразился в замещении ранних названий Большой Медведицы более поздними, связанными с ипостасью мужского божества в виде медведя [Рыбаков 1974; Рыбаков 1979]. Впоследствии «зоморфные черты этого образа все более вытесняются антропоморфными» [Лушникова 2006: 38]. Изложенные выше материалы о почитании монгольскими народами Большой Медведицы необходимо исследовать с учетом этой исторической «ретроспективы», прослеженной на материалах других культур.

Почитание Большой Медведицы у современных ойратов и монголов

Л. Эрдэнэболд, характеризуя почитание Большой Медведицы в культуре ойратов, отмечает распространенность ойратской песни «Семь божеств Вселенной», в которой, по мнению ученого, прослеживается «развитие культа звезд, в том числе культа созвездия Семи старцев» [Эрдэнэболд 2012: 27]: в песне упоминаются обряды почитания Большой Медведицы в форме посвящений желтоголовой овцы, а последние куплеты посвящены буддийским храмам. В сборниках песен ойратов опубликованы и другие песни, посвященные этому созвездию. Тексты содержат слова о почитании родителей, старшего поколения, предков. Так, в песне «Долаан одон», записанной от Г. Чимэда из Убсунурского аймака Монголии, поется: *Огторгын долаан одон орой дээр минь мандана. Олон сайхан ах нар Орчлон дээрэ жиргалтай <...> Харангуу сөөг гийгүүлэгсэн Огторгаан долаан одон. Хайртай үрсээн өсгөгсөн ээж аав хуур л 'Семь звезд Вселенной светят надо мной. Прекрасные старшие в этом мире благоденствуют <...> Светящим темной ночью Семи звездам Вселенной [подобны] Дорогие возрадившие нас мать и отец'* [Дөрвөд ардын дуу 2004: 16–17].

В монгольской традиции считается, что почитание созвездия Большая Медведица

являлось настолько значимым, что во время церемонии объявления Чингис-хана «ханом всей Монголии» был проведен обряд, направленный к этому созвездию: «...во время церемонии вручения ему титула золотого рода семь человек из золотого рода, посадив его на черный войлок, совершали обряд <...>. В этом ритуале с участием семи человек, которые вставали на черный или белый войлок, последние считались медиаторами и главными исполнителями обряда, олицетворяя Семь старцев» [Эрдэнэболд 2012: 28].

Весьма развитый культ созвездия, имеющий архаические истоки, продолжает бытовать и в наши дни. Буддизм, для которого характерна инкорпорация ранних верований и обрядов в культ этой религии, включил в свой культ и представления и обрядность, связанные с почитанием созвездия Большой Медведицы.

Почитание созвездия Семи бурханов у ойратов, как и у монголов, имеет разные формы: повседневную форму, которую исполняют практически все верующие, форму совершения обрядовых действий перед охотой, форму проведения буддийского обряда посвящения животных.

Посвящение животного (монг. *сэтэрлэх* [БАМРС 2001, III: 165], калм. *сетрлх*) проводилось монгольскими буддистами в знак почитания божества. По сведениям М. Ганболда, алтайские урянхайцы сохраняли обычай посвящения Большой Медведице желтоголовой овцы до 60-х гг. XX в. [Ганболд 2001: 29; Эрдэнэболд 2012: 29], причем Л. Эрдэнэболд уточняет, что западные монголы «считали, что Большая Медведица приносит счастье людям, особенно детям. Поэтому семьи, не имеющие детей или имеющие нежно любимых детей, посвящали ей овцу со звездочкой на лбу» [Эрдэнэболд 2012: 27]. И. Лхагвасурэн также приводит сведения о почитании Большой Медведицы (*Долоон бурхан*) как приносящей счастье и оберегающей детей, о посвящении созвездию животного (овцы) с отметиной («звездочкой») на лбу [Лхагвасурэн 2013: 145].

Обряд, направленный на почитание Большой Медведицы, предписывалось совершать перед охотой. Так, алтайские урянхайцы при появлении звезд на небе поднимали войлочное покрытие над дымником юрты и совершали воскурение у проема верхнего

круга жилища. А направляясь на охоту, они делали привал недалеко от жилища, также зажигали воскурение, обращались с просьбой к Большой Медведице ниспослать удачу в охоте и совершали троекратные поклоны [Бадамхатан, Лхагвасурэн 2012: 422; Ганболд 2001: 29; Эрдэнэболд 2012: 27]. И. Лхагвасурэн приводит описание поклонения алтайских урянхайцев Большой Медведице как приносящей удачу в охоте: «Для этого охотники с наступлением сумерек, когда на небе появлялось созвездие, делали остановку в пути. Разводили огонь и ставили *сан*³¹, опять же разжигая можжевельник. Затем самый старший из них, обращаясь к Большой Медведице, громким голосом произносил следующие слова: „Послушай меня, Большая медведица! Послушай меня, Мать-земля! Даруй мне самца сурка! Даруй мне самку сурка!“. Закончив произносить эти слова, он опускался на колени и трижды склонял голову до самой земли. Все остальные следовали его примеру. Затем все угощались тем, что привезли с собой» [Лхагвасурэн 2013: 145]. Примечательно, что этот же ученый приводит и сведения о схожем обряде, совершавшемся охотниками — алтайскими урянхайцами в честь хозяина Алтая (то есть Белого старца): «На охотничьей стоянке охотники обязательно совершали обряд чествования хозяина Большого Алтая <...> в полдень или вечером. Для этого охотники сначала варили на костре молочный чай и готовили „жертвенную тарелку“ с молочными продуктами — *идээний дээж* (жертвенная еда), которые предварительно брали в путь. Затем сжигали можжевельник на жертвеннике (*сан*). После такого приготовления самый старший среди них бросал в огонь кусок масла с тем, чтобы обрадовать „хозяина“ огня, брызгал молочным чаем в четыре стороны (*хангай, дэлхий*). Затем он три раза обходил вокруг костра, разбрасывая понемногу молочные продукты из жертвенной тарелки „хозяевам“ местности. Все эти действия он сопровождал громким возгласом „Хурай! Хурай!“ Наконец, встав на колени лицом к костру с южной стороны, произносил следующие слова: „Ай, помилуй нас щедрый Алтай! Пусть конь мой с грузом будет! Пусть ружье мое промаха не делает! Пусть будет дикий козел! Пусть

³¹ *Сан* (монг.) — воскурение.

будет дикий кабан! Пусть будет олень!“ . После этого ритуала начиналась совместная трапеза» [Лхагвасурэн 2013: 28].

В современной Монголии, в том числе среди ойратов, бытуют также обряды почитания Большой Медведицы, совершаемые повседневно или в определенные дни. Так, поскольку созвездие почитается как охраняющее стада от волков, то скотоводы ежедневно совершают Семи бурханам кропление молочными продуктами. Кроме того, ежедневное кропление молочными продуктами имеет мотивацию, связанную с молодым поколением. В известной легенде о Большой Медведице говорится о пожилой женщине, ожидавшей сына с военных действий, которая, совершая поклонение созвездию, неточно выразила свое желание встретиться с сыном и к тому же сказала: «Никогда себя не вверяла Семи бурханам», после чего она увидела его, но погибшим. Легенда завершается словами о том, что нужно всегда выказывать уважение и почитание созвездию Семи бурханов, всегда молиться во благо всех живых существ, *Харин өглөөний ургах наранд өөрийгөө даатгадаг байна* ‘Всегда молиться [букв. вверять себя восходу солнца], когда утром восходит солнце’, поэтому необходимо на восходе всегда подносить предкам чай с молоком с пожеланиями всего самого доброго и хорошего своим детям. Бытующая среди монголов и ойратов легенда о почитании Большой Медведицы подтверждает тезис об аспекте почитания созвездия как предков, благоволящих потомству и охраняющих детей. Кроме того, она обозначает связь обрядов почитания созвездия с солярным культом — в этом плане необходимо напомнить о народной традиции калмыков, установивших у постаментов Белому старцу изображение созвездия Большой Медведицы и солнечного светила.

По сведениям Л. Эрдэнэболда, у ойратов существовал обычай седьмого числа каждого лунного месяца проводить обряд кропления *цацал*, посвященный созвездию Большой Медведицы, которому придавалось особое значение в связи с тем, что считалось: после его совершения семьей под покровительство созвездия попадают дети [Эрдэнэболд 2012: 28–29].

Как отмечала Г. Р. Галданова, культу Большой Медведицы посвящены обрядо-

вые тексты, которые подверглись буддийскому влиянию. В бурятской культуре известен такой рукописный обрядник, который датируют XIV в., содержание которого имеет «военно-охотничью направленность», в нем упоминаются 99 тенгриев и 77 слоев матери земли, «говорится о том, что жертвоприношение состоит из девяти свечей, девяти благовоний, белой овцы, архи, чая» [Галданова 1987: 21].

Кроме этих представлений, с распространением буддизма появились и представления о связи Большой Медведицы с астрологическими приметами. Каждая из семи звезд связывается с определенным годом рождения человека, потому каждый человек должен поклоняться своей звезде из созвездия Большой Медведицы [ПМА: С. Хульда]. Определены и дни почитания созвездия *Долоон бурхан* в каждом из лунных месяцев: в начале года, в первом весеннем месяце, совершают поклонение Большой Медведице – Семизвезднице в 7-й день; в среднем весеннем месяце такое поклонение проводят уже на 4-й день, а в последнем весеннем месяце — на 2-й день. При наступлении лета в начальном лунном месяце поклоняются звездам Большой Медведицы 27-го числа, в среднем летнем месяце на 5-й день, в последнем летнем месяце — 23-го числа. В первом осеннем месяце приносят жертвы и молятся звездам Большой Медведицы в 20-й день, в среднем осеннем месяце такое поклонение происходит в 17-й день, а в последнем осеннем месяце — опять 20-го числа. В первом осеннем месяце приносят жертвы и молятся звездам Большой Медведицы на 11-й день, в среднем осеннем месяце — в день полнолуния, а в последнем осеннем месяце — 8-го числа [ПМА: С. Хульда].

Среди текстов, посвященных Большой Медведице, фольклористами записано зафиксированное от ламы Баянхутагийн Долгорсурэна заклинание-тарни этому созвездию: *Санаасаа бавуу дүйлаа жовдон хул* [Долон бурхан 2008б]. Но в буддийской сутре для людей, родившихся в разные годы согласно 12-летнему животному циклу, предназначены разные мантры, так как они должны поклоняться разным звездам Большой Медведицы.

Буддийская сутра, посвященная созвездию Большой Медведицы — «Doluṃan

ebügen kemekü odun-u sudur³²) «Сутра созвездия Долоон эбуген», включена в состав канонического свода буддийской литературы — Ганджура. Так, согласно каталогу рукописного Ганджура³³ первой половины XVII в., по мнению З. К. Касьяненко, являвшегося «рабочим экземпляром, написанным, возможно, в процессе подготовки первой редакции Ганджура³⁴» [Каталог 1993: 9], в том 103 раздела Eldeb («Собрание сутр») имеется сочинение «Doloyan ebügen neretü odun sudur» «Сутра созвездия, называемого Долоон эбуген» [Каталог 1993: 259].

Академик Ц. Дамдинсурэн, заложивший основы фундаментальных исследований монгольской литературы, включил текст сутры из монгольского Ганджура в публикацию «Ста образцов монгольской литературы» (краткое название «Дзуун билиг») [Damdinsürüng 1959: 131–136].

Издание явилось значимым и для монгольской культуры. Так, в последующем фольклористы фиксировали знание текста сутры именно по изданию «Дзуун билиг» [Долон бурхан 2007д].

Сутра, посвященная созвездию *Большая Медведица*, зафиксирована в каталогах известных хранилищ письменных памятников монгольских народов. В Каталоге монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР, подготовленном А. Г. Сазыкиным [Сазыкин 1988], в подразделе «Культ Семизвездия» отмечены несколько рукописей: № 1224 — С 190 (I, 60), инв. № 615 «Doloyan ebügen-e mal-i seterlekü. Tngri-yin sudur» «Сутра Неба о посвящении животных созвездию Долоон эбуген»; № 1225 — Q 2677, инв. № 6037 «Doloyan ebügen nertü odun-u dalaly-a abqu sudur oršibai; Doluyan ebüged-i takiqui-yin jang yosun-i inu eyin» «Сутра о призывании счастья от созвездия Долоон эбуген; О совершении подношения созвездию Долоон эбуген» (рук., 3 л.); № 1226 — O 3358, инв. № 6718 «7 burqan-u qubilyan doloyan ebügen

neretü odun-u takily-a-yin sudur oršibai» «Сутра о совершении подношения созвездию Долоон бурхан» (3 л.) [Сазыкин 1988: 225]. Кроме того, в подразделе «Культ тэнгриев» упоминается и текст № 2297 — Q 1412, инв. № 4772 «Yeren tengri-yin jayayabar bütügsen yeke doloyan ebügen odon-i emüne...» «До созвездия великих Долоон эбуген, сотворенного волею 90 тэнгриев...» (4 л.) [Сазыкин 1988: 401]. В каталоге монгольских рукописей и ксилографов Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН зафиксирована рукопись на старомонгольском письме — № 440. «7 ebügen neretü odun-u sudur oršiba» «Сутра о созвездии под названием Долоон эбуген» [Tsyrempilov 2006]. Рукопись на ойратском «ясном письме» «Dolön öbgön kemekü oduni sudur orošibo» («Долоон өвгөн хэмэх одны судар оршвой») — «Сутра о созвездии Долоон өвгөн», 13 листов, каталожный номер № 545[81]) хранится в единственном экземпляре в научном архиве Института языка и литературы Академии наук Монголии [Gerelmaa 2005: 183].

В Калмыкии эта сутра на ойратском языке не зафиксирована [Орлова 2002]. В научном архиве КалмНЦ РАН в фонде 15 (фонд О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи)) имеется «Сутра о созвездии „Семь старцев“, приумножающая срок жизни и заслуги» на тибетском языке (тиб.: *sMe bdun zhes ba'i s kar ma'i mdo tshe dang bsod nams spel ba bz hugso*. Монг. *Doluyan ebügen neretü odun-u sudur*). Это ксилограф [НА КалмНЦ РАН. ФД-15. Оп. 1. Ед. хр. 49]³⁵ и рукопись [НА КалмНЦ РАН. ФД-15. Оп. 1. Ед. хр. 379]³⁶ на тибетском языке (рукопись в каталоге архива числится под названием «Сутра о звездах „Жизнь и добродетель“»).

Наличие тибетской и монгольской версий «Сутры Большой Медведицы» актуализирует вопрос о переводном или самостоятельном характере текстов. Д. Кара отмечал, что сутра Большой Медведицы была переведена сначала с китайского языка на монгольский, а затем на уйгурский и в 1337 г. на тибетский [Кара 1981: 57]. Об этом свидетельствует тибетский перевод, «который содержит среднемонгольское заглавие и перевод среднемонгольского и среднеуйгур-

³² Известна как «Yitikan sudur» [Ligeti 1954] (Jetigan — созвездие Большая Медведица [ДТС 1969: 259]).

³³ Из собрания библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

³⁴ З. К. Касьяненко также предполагала, что, возможно, рукопись была переписана для пользования в каком-либо монастыре [Каталог 1993: 9].

³⁵ В ксилографе 8 листов (полн.), размер 58×13 см.

³⁶ В рукописи 15 листов (полн.), размер 21,7×8,8 см.

ского колофонов. Монгольский текст Ганджура <...> заново переведен с тибетского» [Кара 1981: 57]. Л. Лигети отмечает, что эта сутра должна была быть особенно популярна в XIV в.³⁷, дата, присутствующая в тибетском и монгольском тексте — 1328 г. — относится ко времени издания, а не перевода [Ligeti 1954: 398].

Столь ранний перевод (до 1328 г.) свидетельствует еще раз о популярности культа созвездия. В колофоне сутры содержится информация, разъясняющая вопрос о последовательности переводов. Так, в сутре из рукописного Ганджура из научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета написано, что сутру составил один пандита из Индии, ученый Танг Сан перевел сутру на китайский язык; затем по желанию Гим ирши гонглу тай гуу шири тай гуу Арибуги (Gim irši gonglu dai quu širi dai quu Aribuḡ-a) уйгур Брадирашири³⁸ (Bradir-a širi) перевел сутру на монгольский язык и ее напечатали в количестве 2 тыс. экземпляров; Алин ди мурди шиду (Alin di murdi sidu) перевел ее на уйгурский язык, и этот вариант напечатали в количестве 1 тыс. экземпляров, затем сутру перевели на тибетский язык³⁹ [Каталог 1993: 259].

³⁷ “Ce sutra devait etre particulièrement populaire au XIVe siècle” [Ligeti 1954: 397]. Это мнение основано на приводимых в тексте сутры сведениях о том, что печатались тысячи ее экземпляров.

³⁸ Д. Кара дает пояснение: Праджняшри [Кара 1981: 57]

³⁹ «...ene nom-i Enedkeg-ün oron-ača Enedkeg-ün nigen bandida kiged: erdem-tü Tang San čang ačiraḡu Kitad-un oron-tur orčiḡulbai:: erkin yosudun oron-tur delgerengḡü-e orosiḡsan-tur yeke qaḡan-u noyad túsimed bodisung iḡayur-dan töröged súsülküi bisireküi bilig kiged samadi diyan-tur tegülde bolbai: Gim irši gonglu dai quu širi dai quu Aribuḡ-a durudqaḡsan-tur: ün(?) Uyḡur-un šajin-u eḡen Bradir-a širi Mongḡol-un kelen kiged üsḡg-iyer orčiḡulḡu qoyar mingḡan toḡ-a-dan tamayalayulbai: Alin di murdi sidu Uyḡur-un kelen orčiḡulḡu: nigen mingḡan toḡatan qabtasun-tur tamay-a čiyuluḡsan-i nom-un öḡlige bolḡan tügegülbei: our Mongḡol kiged: Uyḡur-tur delgereḡülün üiledüged: dai quu öber-iyen ber urida Mongḡol-un nom-un törö-yi bariḡsan-tur: ene nim-un adistid-iyar burḡan-u nom-tur oroyad mayḡad ḡarču edünü erdem-üd-ün bisilyal-i tegsi amsabai: qoyina teng üker jil-tür Maḡ-a bala kelemeči kiged Širi ananda bašir-a:sa Güng tang-un sümе-tür: Töbed-ün kelen kiged: töbed üsḡg-iyer orčiḡulḡu orosiḡulbai:::» [Каталог 1993: 259].

Книги раздавали в качестве подаяния [Каталог 1993: 259; Кара 1981: 57]. Необходимость ее перевода объясняется в сутре пожеланием, чтобы созвездие почитали все подданные монгольского государства, возможно, речь идет и о необходимости дать буддийское оформление древнему культу: «ene nom sudur-i urida busud orčiḡuluḡsan ügei bögetele olan mongḡol irgen bisirel-iyer takituyai: kemen our Mongḡol-un kelen-iyer orčiḡulbai bi: ‘В то время как эту сутру (букв. „религиозную книгу-сутру“) прежде другие не переводили, думая, пусть многочисленные монгольские подданные с благоговением почитают, на истинно монгольский язык перевел я’ [Каталог 1993: 259].

В наши дни основное содержание сутры (связанное с почитанием созвездия) популяризируют через интернет-сайты. Так, на сайте монгольской буддийской общины «Ламрим» размещены выдержки из текста сутры [Долоон бурхан одыḡ]. Но в этой публикации даются ошибочные сведения о том, с какого языка и на какой переводили сутру: в соответствии с распространенным мнением о том, что часто буддийские тексты переводили с уйгурского или тибетского языка, сообщается, что сутра Большой Медведицы была сначала «переведена с уйгурского на монгольский язык и опубликована в тысячах экземпляров. Китайский монах Тансан перевел ее на китайский и на тибетский язык и опубликовал их» [Долоон бурхан одыḡ]. В случае же с сутрой Большой Медведицы, как отмечал Д. Кара, уйгурский язык мог быть посредником между монгольским «оригиналом» (поскольку он был переведен с китайского) и тибетским переводом [Кара 1981: 58]. Отметим к тому же, что не все исследователи согласны вообще считать монгольскую сутру переводной. Так, по мнению исследователя из КНР Булага, «...не все буддийские сочинения на монгольском языке были переводными <...> Значительная часть известной „Сутры Большой Медведицы“ является не переводом, а оригинальным монгольским сочинением; переводной является только ее первая часть» [Булаг 2001: 122].

Таким образом, сутра была переведена на монгольский язык уже на раннем этапе монгольского государства, что, возможно, было связано с популярностью культа созвездия. Несомненно, знакомству с ее текстом широких слоев населения способствовало печатание ксилографов тысячными ти-

ражами. Но в каталогах хранилищ письменных памятников, описания которых были нам доступны, сутра Большой Медведицы зафиксирована в ограниченном количестве экземпляров. В XX в. благодаря изданию текста сутры (в широко известном «Дзуун билиг») и популяризации монахами (в том числе посредством интернет-ресурсов) среди монголов и ойратов Монголии сохраняются широко не только древние легенды о происхождении созвездия, но и представления, берущие начало в индийской астрологии и почитании отдельных звезд людьми, родившимися в разные годы по 12-летнему животному циклу.

Звезды в созвездии Большой Медведицы монголы и ойраты считают, как и другие народы, начиная от верхнего края «ковша»: крайняя звезда, «отмечающая» внешний край «ковша», именуется первой звездой,

ей поклоняются люди, родившиеся в год мыши. Второй звездой считается звезда, «отмечающая» нижнюю часть внешней стороны «ковша»; ей должны поклоняться люди, родившиеся в год коровы или свиньи. Третья звезда — маркирующая внутренний нижний край «ковша» Большой Медведицы; ей должны поклоняться люди, родившиеся в годы тигра и собаки. Четвертая звезда — та, которая отмечает край «ковша», с которого начинается его «ручка»; этой звезде должны поклоняться люди, родившиеся в годы зайца и курицы. Пятая звезда — та, что на условной схеме представляет собой начало «ручки» ковша; этой звезде поклоняются люди, родившиеся в годы дракона и обезьяны. Шестая звезда — находящаяся в самом «высоком» месте «ручки» «ковша» Семизвездницы; ей поклоняются родившиеся в годы овцы и змеи.

Таблица 1. Соответствие годов рождения человека и звезды, которой он должен поклоняться

[Table 1. Stars to be worshipped by year of birth]

1 звезда	год Мыши
2 звезда	годы Свиньи и Коровы
3 звезда	годы Собаки и Тигра
4 звезда	годы Курицы и Зайца
5 звезда	годы Обезьяны и Дракона
6 звезда	годы Овцы и Змеи
7 звезда	год Лошади

Таблица 2. Годы двенадцатилетнего цикла и номера звезд, которым поклоняются люди, родившиеся в разные годы по этому циклу

[Table 2. Stars of the twelve-year cycle and ones to be worshipped by year of birth]

Хулһн (мышь)	1
Үкр (корова)	2
Бар (тигр)	3
Туула (заяц)	4
Лу (дракон)	5
Моһа (змея)	6
Мөрн (лошадь)	7
Хөн (овца)	6
Мөчн (обезьяна)	5
Така (курица)	4
Ноха (собака)	3
Гаха (свинья)	2

Как видно, система выбора года, определяющего родившимся в этот год для поклонения звезду из Большой Медведицы, обусловлена принятой в монгольской традиции (как и в других традициях) нумера-

цией звезд в созвездии — от альфа до эта-звезд (см. рис. 2).

Согласно этой системе первой звезде соответствует и первый год в двенадцатилетнем цикле, второй звезде — вторые

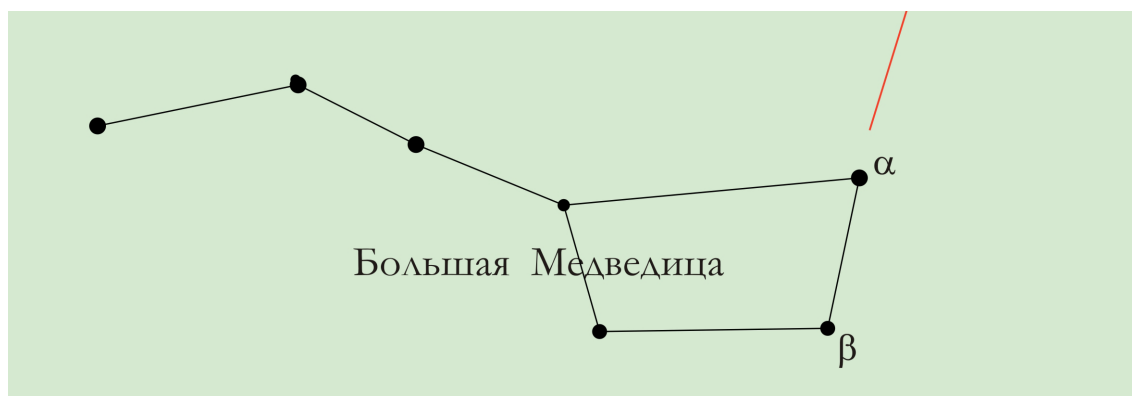

Рис. 2. Счет звезд Большой Медведицы у монголов соответствует счету звезд от α и β
 [Fig. 2. Mongolian count of URSA Major stars corresponds to the count of stars from α and β]

годы от начала и от конца в двенадцатилетнем цикле (что обеспечивает цикличность), третьей звезде — годы трети от начала и конца в этом цикле, и так далее до седьмой звезды и седьмого года, находящегося в середине двенадцатилетнего цикла (символически это важно, так как обеспечивает возврат к началу и двулинейному отсчету годов рождения людей, не предполагающему наличие четкой границы, маркирующей конец).

Заклучение

Проведенный анализ представлений, связанных с созвездием *Большая Медведица*, позволяет выделить основные мифологические характеристики и осветить проблему одновременных напластований в верованиях о созвездии Большая Медведица в среде калмыков и ойратов (западных монголов). Следует отметить, что варианты мифологических сказаний о Большой Медведице, выявленные у ойратов, имеют сходство с основными вариантами мифа: о происхождении созвездия от семи мужских персонажей или от человеко-быка. В среде калмыков сохранились варианты мифов, которые в целом соответствуют двум типам сюжетов о Большой Медведице, распространенным в среде монгольских народов, но уникальным является сюжет о семи мужских персонажах как о семи ворах, характерный более для тюркских народов [Березкин 2017: 27], в сборнике монгольских текстов связь с темой воровства прослеживается только в одном из мифов, зафиксированных среди дербетов Монголии [Цэрэнсодном 1989: 202].

В устной традиции зафиксированы представления о том, что персонажи созвездия Большая Медведица, как и небесный охотник Хухэдэй Мэргэн (преследовавший трех маралух, которые обычно считаются превратившимися в три звезды Пояса Ориона и давшими название созвездию Орион — монг. *Гурван марал*, калм. *Гурвн марл* 'Три маралухи'), могут считаться хозяевами двух привязанных к «золотому колу» (т. е. Полярной звезде) коней, в качестве которых предстают в мифах две звезды Малой Медведицы. Большую Медведицу калмыки почитают как связанную с потеплением на земле, а также покровительствующую детям, отпускающую грехи и защищающую отары от волков и способствующую увеличению численности скота — эти же функции характерны для божества *Цаһан аав*, одной из форм которого является *Жилин эзн* ('Хозяин года'). Таким образом, в целом прослеживается две линии связей представлений о Большой Медведице: с представлениями о небесном охотнике и о божестве *Цаһан аав*.

Сопоставительный анализ позволяет выявить и связь представлений о Большой Медведице с архаическими календарными обрядами, связанными с солярным культом и ритуалами, «воспроизводящими» акты первотворения. Разнородные элементы и образы, выявляющиеся в результате анализа представлений о созвездии, определены одновременными процессами и этнокультурными влияниями. В среде современных монгольских народов распространены представления о почитании созвездия Большая Медведица, связанные с буддийской астрологией и лунно-солнечным календарем.

Источники	Sources
НА КалмНЦ РАН — Научный архив КалмНЦ РАН	Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS
Полевой материал автора⁴⁰	Author's Field Data
ПМА: М. Пагма — Мёнгин Пагма, 1958 г. р., <i>дөрвөд, седркэ зуутраг овог</i> , сомон <i>Өлгий</i> Убсунурского аймака Монголии. Запись 2015 г.	Informant: M. Pagma, b. 1958, Dorbet, Sedrkä Zuutrag clan, Ölgii District (Uvs Province, Mongolia). 2016.
ПМА: С. Хульда — Сурэнгийн Хульда, 1933 г. р., <i>торгут, бэйлэн</i> , г. Кобдо Кобдоского аймака Монголии. Запись 2016 г.	Informant: S. Khulda, b. 1933, Torghut, Beylen clan, Khovd (Khovd Province, Mongolia). 2016.
Литература	
Аюуш 2012 — <i>Аюуш Ц. Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть (= Дербеты // (= Этнография Монголии (Этнография ойратов) (XIX – начало XX в.). Часть II)).</i> Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2012. С. 27–106.	Бакаева 2016а — <i>Бакаева Э. П. Об одной традиции монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 107–122.</i>
Алтайн урианхайн 2014 — <i>Алтайн урианхайн угсаатны зүй (= Этнография алтайских урянхайцев) / ред. Г. Золбаяр, М. Ганболд. Улаанбаатар: «Китаб» ХХК, 2014. 256 х.</i>	Бакаева 2016б — <i>Бакаева Э. П. Образ божества Цаган аав (Белый старец) в культуре ойратов Монголии и калмыков России: предок, хозяин времени и пространства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 176–219.</i>
Бадамхатан, Лхагвасүрэн 2012 — <i>Бадамхатан С., Лхагвасүрэн И. Алтайн урианхай (= Алтайские урянхайцы) // Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй) (XIX–XX зууны зааг үе). II боть (= Этнография Монголии (Этнография ойратов) (XIX – начало XX в.). Ч. II).</i> Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2012. Х. 361–424.	Бакаева 2020 — <i>Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 1 // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 368–384. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384</i>
Бакаева 2007 — <i>Бакаева Э. П. Данные Н. Витсена как источник по изучению раннего календаря (сравнительный анализ калмыцкого календаря и типологически сходных бурятского и монгольского календарей) // Востокovedные исследования в Калмыкии. Вып. 3. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 5–28.</i>	БАМРС 2001, I — <i>Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.</i>
Бакаева 2009 — <i>Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.</i>	БАМРС 2001, II — <i>Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.</i>
Бакаева 2011 — <i>Бакаева Э. П. К проблеме типологии культур народов севера Евразии (на примере календарной традиции калмыков) // Историко-культурное и межэтническое единство Юга России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 8 октября 2011 г.) / сост. А. Р. Усманова, А. В. Сызранов. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 6–13.</i>	БАМРС 2001, III — <i>Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3. Ө–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.</i>
	БАМРС 2002 — <i>Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.</i>
	Басаев 2008 — <i>Басаев Д. Э. Космогонические легенды калмыков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 150–152.</i>
	Басаев 2004 — <i>Басаев Д. Э. Устная несказочная проза калмыков // Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 5–28.</i>

⁴⁰ Список информантов и список литературы приводятся в обеих частях статьи полностью.

- Березкин 2015а — *Березкин Ю. Е.* «Семеро братьев», «небесная повозка» и прародина индоевропейцев // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 3. С. 3–14⁴¹.
- Березкин 2015б — *Березкин Ю. Е.* Ответ оппонентам // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 3. С. 26–40.
- Березкин 2017 — *Березкин Ю. Е.* Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 316 с. (Kunstkamera Petropolitana).
- Булаг 2001 — *Булаг*. Религиозная литература монголов (пер. с монг. В. Л. Успенского) // *Mongolica-V: Сб. ст.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 119–123.
- Васильков 2015 — *Васильков Я. В.* Большая Медведица, Плеяды и Алькор // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 3. С. 14–18.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.
- Ганболд 2001 — *Ганболд М.* Алтайн урианхайн уламжлалт шүтлэг (= Традиционные верования алтайских урянхайцев). Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2001. 180 х.
- Ганболд 2006 — *Ганболд М.* Обычай «зажигания лампы», или «зул барих» // *Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 23–24 ноября 2006 г.) / отв. ред. В. Г. Бабин.* Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 111–114.
- Дашиева 2001 — *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Долон бурхан 2006а — Долон бурхан. Интервью с Ж. Цэндом (сомон Худжирт Убурхангайского аймака). Запись 20.08.2006 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2006б — Долон бурхан. Интервью с Ж. Цэндом (сомон Худжирт Убурхангайского аймака). Запись 21.08.2006 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2006в — Долон бурхан. Интервью с С. Дуламноргим (г. Арвайхээр, Убурхангайский аймак). Запись 24.08.2006 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2006г — Тэнгэрийн зам. Долон бурхан. Мичид. Луна. Интервью с Ж. Намжилом (сомон Ульдзийт Убурхангайского аймака). Запись 25.08.2006 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2007а — Долон бурхан. Интервью с З. Хандсурэн (сомон Хатгал Хубсугульского аймака). Запись 22.08.2007 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2007б — Долон бурхан. Интервью с Бат-Очиром (сомон Хатгал Хубсугульского аймака). Запись 23.08.2007 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2007в — Долон бурхан. Интервью с Пурэвжавом (сомон Эрдэнэ-Булган Хубсугульского аймака). Запись 23.08.2007 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2007г — Долон бурхан. Интервью с Л. Рагчаа (сомон Хатгал Хубсугульского аймака). Запись 23.08.2007 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг.* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2007д — Долон бурхан. Интервью с Намдагийн Дагвадоржем (г. Булган, Булганский аймак). Запись 22.08.2007 [электронный ресурс] // *Мифо-ритуальные*

⁴¹ Всего статья: С. 3–40 (комментарии: Васильков Я. В. Большая Медведица, Плеяды и Алькор; Дыбо А. В. Marginalia к статье Ю. Е. Березкина; Напольских В. В. К методам и основаниям сравнительно-исторических мифологических реконструкций) // *Этнографическое обозрение* 2015. № 3. С. 3–40 (основной текст статьи — С. 3–14, комментарии — С. 14–25, ответ оппонентам — С. 26–40).

- традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2008а — Долон бурхан. Интервью с М. Шагдарсурэн и С. Батсухом (г. Ундурхан, Хэнтийский аймак). Запись 03.08.2008 [электронный ресурс] // Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долон бурхан 2008б — Долон бурхан. Интервью с М. Шагдарсурэн и С. Батсухом (г. Ундурхан, Хэнтийский аймак). Запись 03.08.2008 [электронный ресурс] // Мифо-ритуальные традиции Монголии. Тексты интервью 2006–2008 гг. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Долоон бурхадын үлгэр 1 — Долоон бурхадын үлгэр (хувилбар-1). (Баярын «Ордосын аман үлгэр-ас». 1990 он) (= Сказание о Семи бурханах (версия 1) (из книги Баяра «Из народных сказаний ордосцев». 1990 г.)) [электронный ресурс] // URL: http://sokomongol.blogspot.com/p/blog-page_9072.html (дата обращения: 01.09.2019).
- Долоон бурхадын үлгэр 2 — Долоон бурхадын үлгэр (хувилбар-2) (= Сказание о Семи бурханах (версия 2)) [электронный ресурс] // URL: http://sokomongol.blogspot.com/p/blog-page_9072.html (дата обращения: 01.09.2019).
- Долоон бурхан одыг — Долоон бурхан одыг тахих тухай (= О почитании созвездия Долоон бурхан) [электронный ресурс] // URL: <https://www.budda.mn/news/546.html> (дата обращения: 01.07.2016).
- Донгак 2015 — *Донгак С. Ч.* Вехи эволюции тувинского Шагаа // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 99–104.
- Дөрвөд ардын дуу 2004 — Дөрвөд ардын дуу (=Дербетские народные песни). Улаанбаатар: Ганн принт ХХК, 2004. 180 х.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Marginalia к статье Ю. Е. Березкина // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 18–22.
- Жуковская 1985 — *Жуковская Н. Л.* Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука; ГРВЛ, 1985. С. 169–189.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. 196 с.
- Калмыцкие сказки 1962 — Калмыцкие сказки / сост. С. Д. Алексеев, Л. С. Сангаев. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 332 с.
- Кара 1981 — *Кара Д.* Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии. М.: Наука; ГРВЛ, 1981. С. 51–62.
- Каталог 1993 — Каталог петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслит. и указ. З. К. Касьяненко. М.: Вост. лит., 1993. 380 с. (Памятники письменности Востока. СII. Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык. 1977. 765 с.
- Лушникова 2006 — *Лушникова А. В.* Модель Универсума древних календарей: на материале языков разных семей: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2006. 55 с.
- Лхагвасурэн 2013 — *Лхагвасурэн Ичинхорлоо.* Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.) / пер. с монг. М. В. Монгуш. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 178 с.
- Маадай-Кара 1973 — Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. 474 с.
- Мифо-ритуальные 2006–2008 — Мифо-ритуальные традиции Монголии [электронный ресурс] // Тексты интервью 2006–2008 гг. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступит. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калм. текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурькин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 367 с.
- Монгол толь — Монгол хэлний их тайлбар толь (= Большой толковый словарь монгольского языка) [электронный ресурс] // Монгол толь. URL: <https://mongoltoli.mn> (дата обращения: 10.09.2019).
- Монгуш 1990 — *Монгуш М. В.* Свет далеких звезд // Тувинская правда. 1990. 24 ноября. С. 3.
- Монгуш 1992 — *Монгуш М. В.* Ламаизм в Туве: Историко-этнографическое исследование. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1992. 138 с.
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

- Напольских 2015 — *Напольских В. В.* К методам и основаниям сравнительно-мифологических реконструкций // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 22–25.
- Неклюдов 1994а — *Неклюдов С. Ю.* Долон эбуген // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1994. С. 391.
- Неклюдов 1994б — *Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1994. С. 170–174.
- Неклюдов 1994в — *Неклюдов С. Ю.* Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 247–248.
- Огнева 1994 — *Огнева Е. Д.* Масанг // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1994. С. 122.
- Орлова 2002 — *Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии. Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Очиров 2006 — *Очиров Н. О.* Живая старина = Мөңк дееж. Из литературного наследия / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 397 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киришбаума, 1883. 181+87 с., 26 рис.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука; ГРВЛ, 1969. 402 с.
- Рассадин 2015 — *Рассадин В. И.* Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 107–111.
- Рерих 1987 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под общ. ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Вып. 10. М.: Наука, 1987. 344 с.
- Рыбаков 1974 — *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 3–30.
- Рыбаков 1979 — *Рыбаков Б. А.* Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 7–34.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. Отв. ред. Д. Кара. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. 508 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2019 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. А–Е. 2-е изд. М.: ИВ РАН, 2019. 224 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», 1993. XVIII, 713 с., илл.
- Трансграничная культура 2016 — Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Тюхтенева 2013 — *Тюхтенева (Тулинова) С. П.* Небесные Семь ханов — человеческие отцы или дети? [электронный ресурс] // Мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» (г. Улан-Батор, 9–10 октября 2013 г.). URL: <http://tengrifund.ru/nebesnye-sem-xanov.html> (дата обращения: 01.06.2019).
- Цолоо 1994 — *Цолоо Ж.* Термины традиционного летосчисления у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ РАН, 1994. С. 27–43.
- Цэрэнсодном 1989 — *Д. Цэрэнсодном.* Монгол ардын домог үлгэр (= Монгольские народные мифы и легенды). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 240 х.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. II. М.: Наука, 1978. 349 с.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Лхагвасурэн.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус.: Ганбат Нямдаг, С. Б. Миягашева, Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.
- Gerelmaa 2005 — *Gerelmaa G.* Brief Catalogy of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature (= *Гэрэлмаа Г.* Хэл зохиолын

- хурээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл). *Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici*. Т. XXVII. Fasc.1. Ulaanbaatar: Соёмбо Принтинг ХХК, 2005. 270 х.
- Damdinsüring 1959— *Damdinsüring Će*. *Mongyol uran jokiyaal-un degeji jaγun bilig orušibai // Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. XIV. Fasc. 2. Ulaanbaatur, 1959. 599 х. (= *Дамдинсүрэн Ц. Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршибай* = Сто образцов монгольской литературы). Улаанбаатар: Изд-во АН и Комитета по высшему образованию МНР, 1959. 599 х.
- Ligeti 1954 — *Ligeti L.* Notes sur le colophon du “Yitikān sudur” // *Asiatica*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1954. P. 397–404.
- Sazykin 1994 — *Sazykin A. G.* Catalogue of the Mongol Manuscripts and Xilographs Preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum “Sixty Heroes” (Kyzyl) // *Acta Orientalia*. Vol. 47. No. 3. Budapest: Akadémia Kiadó, 1994. Pp. 327–408.
- Tsyrempilov 2006 — *Tsyrempilov N.* Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russia Academy of Sciences. Sendai: Tohoku University, 2006 (CNEAS Monograph Series. Vol. 24). 413 p.
- Witsen 1785 — *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Aziën en Europa. Amsterdam, M. Schalekamp, MDCCLXXXV (1785).
- tradition. In: Usmanova A. R., Syzranov A. V. (comps.) *South Russia — Historical, Cultural, and Interethnic Unity*. Conf. proc. (Astrakhan; October 8, 2011). Astrakhan: R. V. Sorokin, 2011. Pp. 6–13. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 1. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 368–384. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384>
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. Cross-Border Culture: Comparative Studies in Western Mongolian and Kalmyk Traditions. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016. 456 p. (In Russ.)
- Basaev D. E. (comp.) *The Seven Stars. Kalmyk Legends and Stories*. D. Basaev (foreword, etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Basaev D. E. Kalmyk cosmogonic legends. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series ‘Philology and Arts’*. 2008. No. 6. Pp. 150–152. (In Russ.)
- Basaev D. E. Kalmyk non-fairy tale prose. In: Basaev D. E. (comp.) *The Seven Stars. Kalmyk Legends and Stories*. Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. Pp. 5–28. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. ‘Seven brothers’, ‘sky wagon’ and the Indo-European homeland. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2015. No. 3. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Berezkin Yu. E. Birth of Starry Heavens: Beliefs Dealing with Constellations in Historical Perspective. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2017. 316 p. (Ser.: *Kunstkamera Petropolitana*). (In Russ.)
- Alekseev S. D., Sangaev L. S. (comps.) *Kalmyk Tales*. Elista: Kalmgosizdat, 1962. 332 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ayuush Ts. The Dorbets. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. 2: Oirat Ethnography. Part 2: 19th – Early 20th Century. Ulaanbaatar: Admon, 2012. Pp. 27–106. (In Mong.)
- Badamkhatan S., Lkhagvasüren I. The Altai Uriankhai. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. 2: Oirat Ethnography. Part 2: 19th – Early 20th Century. Ulaanbaatar: Admon, 2012. Pp. 361–424. (In Mong.)
- Bakaeva E. P. Image of Deity Tsagaan Aav (White Old Man) in cultural traditions of Mongolia-based Oirats and Russia-based Kalmyks: ancestor, master of time and space. In: Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. *Cross-Border Culture. Comparative Studies in Western Mongolian and Kalmyk Traditions*. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016. Pp. 176–219. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. N. Witsen’s data as a source for the study of old calendars: a comparative analysis of the Kalmyk and typologically similar Buryat and Mongolian calendars. In: *Oriental Studies in Kalmykia*. Vol. 3. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 5–28. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. On a tradition of Mongolian peoples. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2016. No. 6. Pp. 107–122. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Sacred Codes of Kalmyk Culture. Elista: Arid Territories Comprehensive Research Institute, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Typology of North Eurasian cultures revisited: a case study of the Kalmyk calendar

- Berezkin Yu. E. Response to commenters. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2015. No. 3. Pp. 26–40. (In Russ.)
- Bulag. Religious literature of Mongols (transl. by V. L. Uspensky). In: Kulganek I. V. (comp.) *Mongolica-V*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 119–123. (In Russ.)
- Burykin A. A., Kuzmina E. N., Kukanova V. V., Pyurbееv G. Ts. (eds.) *Kalmyk Myths, Legends, and Stories*. T. Basangova, T. Mikhaleva (transl., foreword, etc.). Kalmyk Scientific Center of RAS. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Damdinsuren Ts. *Mongolian Literature: One Hundred Texts*. Ser.: Corpus Scriptorum Mongolorum. Vol. XIV. Fasc. 2. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1959. 599 p. (In Mong.)
- Dashieva N. B. *Calendar in Traditional Buryat Culture: a Study in History, Ethnography, and Cultural Etymology*. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2001. 299 p. (In Russ.)
- Dolon Burkhan, Tengeriyn zam, Michid, and Moon: an interview with J. Namjil (Ölziit, Övörkhангай Province, Mongolia). Rec. on August 25, 2006. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with Bat-Ochir (Khatgal District, Khövsgöl Province, Mongolia). Rec. on August 23, 2007. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with L. Ragchaa (Khatgal District, Khövsgöl Province, Mongolia). Rec. on August 23, 2007. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with M. Shagdarsuren and S. Batsukh (Öndörкхаан, Khentii Province, Mongolia). Rec. on August 3, 2008. Part 1. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with M. Shagdarsuren and S. Batsukh (Öndörкхаан, Khentii Province, Mongolia). Rec. on August 3, 2008. Part 2. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with N. Dagvadorzh (Bulgan, Bulgan Province, Mongolia). Rec. on August 22, 2007. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with Purevjav (Erdenebulgan District, Khövsgöl Province, Mongolia). Rec. on August 23, 2007. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with S. Dulamnorgim (Arvaikheer, Övörкхаангай Province, Mongolia). Rec. on August 24, 2006. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with Z. Khandsuren (Khatgal District, Khövsgöl Province, Mongolia). Rec. on August 22, 2007. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with Zh. Tsend (Khujirt District, Övörкхаангай Province, Mongolia). Rec. on August 20, 2006. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dolon Burkhan: an interview with Zh. Tsend (Khujirt District, Övörкхаангай Province, Mongolia). Rec. on August 21, 2006. In: *Mytho-Ritual Traditions of Mongolia*. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Dongak S. Ch. Milestones of evolution of Tuvan Shagaa. *The New Research of Tuva*. 2015. No. 1. Pp. 99–104. (In Russ.)
- Dorbet Folk Songs. Ulaanbaatar: Gann Print, 2004. 180 p. (In Mong.)
- Dybo A. V. *Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘L’, ‘M’, ‘N’, ‘P’, ‘S’*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 446 p. (In Turk. and Russ.)
- Dybo A. V. Marginalia on Yu. E. Berezkin’s article. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2015. No. 3. Pp. 18–22. (In Russ.)

- Galdanova G. R. Buryat Pre-Lamaist Beliefs. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. (In Russ.)
- Ganbold M. Oil lamp offering rite, or 'zul barikh'. In: Babin V. G. (ed.) Indigenous Peoples of the Russian and Mongolian Altai: Topical Issues of Ethnic, Cultural and Religious Tolerance. Conf. proc. (Gorno-Altaysk; November 23–24, 2006). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2006. Pp. 111–114. (In Russ.)
- Ganbold M. The Altai Uriankhai: Traditional Beliefs. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2001. 180 p. (In Mong.)
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Corpus Scriptorum Mongolorum. Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences. Vol. XXVII. Fasc.1. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2005. 270 p. (In Mong. and Eng.)
- Kara D. Uighur–Mongolian literary ties. In: Literary Ties of Mongolia. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 51–62. (In Russ.)
- Kasyanenko Z. K. (comp.) Catalogue of the St. Petersburg Manuscript Kangyur. Z. Kasyanenko (foreword, translit., index). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. 380 p. (In Russ. and Tib.)
- Ligeti L. *Yitikän sudur*: notes to the colophon. In: Asiatica. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1954. Pp. 397–404. (In Fr.)
- Lkhagvasuren E. Traditional Beliefs of Oirat Mongols: Late 19th – Early 20th Centuries. G. Nyamdag, S. Miyagasheva, Zh. Badagarov (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2012. 196 p. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. The Altai Uriankhai: Historical and Ethnographic Essays, Late 19th – Early 20th Centuries. M. Mongush (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2013. 178 p. (In Russ.)
- Lushnikova A. V. Cosmological Model of Ancient Calendars: A Case Study of Languages Representing Different Language Families. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2006. 55 p. (In Russ.)
- Maaday-Kara: A Heroic Epic of the Altaians. Moscow: Nauka, 1973. 474 p. (In Russ. and Alt.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva: Mid-6th – Late 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. Lamaism in Tuva: A Historical and Ethnographic Review. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1992. 138 p. (In Russ.)
- Mongush M. V. Light of remote stars. *Tuvinskaya pravda*. 1990, November 24. P. 3. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mytho-Ritual Traditions of Mongolia. Interview Texts, 2006–2008. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/mongexp.htm> (accessed: September 1, 2016). (In Mong.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)
- Napolskikh V. V. On methods and bases for comparative mythological reconstructions. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2015. No. 3. Pp. 22–25. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Mythology of Mongolic peoples. In: Tokarev S. A., Braginsky I. S. (eds.) Myths of the World. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. Pp. 170–174. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Oirat-Kalmyk mythology. In: Tokarev S. A. (ed.) Myths of the World. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1982. Pp. 247–248. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The Seven Old Men. In: Tokarev S. A., Braginsky I. S. (eds.) Myths of the World. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. P. 391. (In Russ.)
- Ochirov N. O. The Living Antiquity: Fragments of Literary Heritage. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2006. 397 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ogneva E. D. Masang. In: Tokarev S. A., Braginsky I. S. (eds.) Myths of the World. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. P. 122. (In Russ.)
- Orlova K. V. Description of Kalmykia-Based Mongolian Manuscripts and Xylographs. Ser.: Newsletter of the Russian Society of Orientalists. Vol. 5. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2002. 85 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: Kirshbaum, 1883. 181+87 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Tuvans: Sketches of Everyday Life. Moscow: Nauka; GRVL, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols.

- Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Rassadin V. I. Turkic-Mongolian names of neat and small cattle in the Khalkha Mongolian language. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 3. Pp. 107–111. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Yu. Parfionovich, V. Dylykova (eds.). Vol. 10. Moscow: Nauka, 1987. 344 p. (In Tib., Russ., Eng., Sans.)
- Rybakov B. A. ‘Chud’ shamanic pendants and Russian embroideries: cosmogonic symbols. In: Rybakov B. A. et al. (eds.) *Finno-Ugrians and Slavs*. Leningrad: Nauka, 1979. Pp. 7–34. (In Russ.)
- Rybakov B. A. Russia in the Middle Ages: pagan worldview. *Voprosy istorii*. 1974. No. 1. Pp. 3–30. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevermina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. Vol. I: A–E. 2nd ed. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 224 p. (In Mong. and Russ.)
- Sazykin A. G. Catalogue of the Mongol Manuscripts and Xylographs Preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum ‘Sixty Heroes’ (Kyzyl). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Vol. 47. No. 3. Pp. 327–408. (In Eng.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. I. Kara (ed.). Moscow: Nauka – GRVL, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakuts: An Ethnographic Study. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 1993. Vol. XVIII. 713 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages. Vol. II. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk. and Russ.)
- The Tale of the Seven Deities. Version One. In: Bayar. *Folk Tales of Ordos Mongols*. Available at: http://sokomongol.blogspot.com/p/blog-page_9072.html (accessed: September 1, 2019). (In Mong.)
- The Tale of the Seven Deities. Version Two. Available at: http://sokomongol.blogspot.com/p/blog-page_9072.html (accessed: September 1, 2019). (In Mong.)
- Tserensodnom D. Mongolian Folk Myths and Legends. Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1989. 240 p. (In Mong.)
- Tsoloo Zh. Traditional chronology of Mongols: terminology revisited. In: *Ethnocultural Vocabulary of Mongolic Languages*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1994. Pp. 27–43. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russia Academy of Sciences. Sendai: Tohoku University, 2006 (CNEAS Monograph Series. Vol. 24). 413 p. (In Eng.)
- Tulinova (Tyukhteneva) S. P. The Seven Heavenly Khans — fathers or sons to humans? In: *Tengrism and Epic Heritage of Eurasia — Origins and Contemporaneity*. Conf. proc. (Ulaanbaatar; October 9–10, 2013). Available at: <http://tengrifund.ru/nebesnye-sem-xanov.html> (accessed: June 1, 2019). (In Russ.)
- Unabridged Explanatory Dictionary of the Mongolian Language. Available at: <https://mongoltoli.mn> (accessed: September 10, 2019). (In Mong.)
- Vasilkov Ya. V. Ursa Major, pleiades, and Alcor. *Etнографическое обозрение*. 2015. No. 3. Pp. 14–18. (In Russ.)
- Veneration of Ursa Major (Doloon Burkhan constellation): tradition revisited. Available at: <https://www.budda.mn/news/546.html> (accessed: July 1, 2016). (In Mong.)
- Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Azien en Europa. Amsterdam, M. Schalekamp, MDCCLXXXV (1785). (In Dutch)
- Zhukovskaya N. L. Mongolian Traditional Culture: Categories and Symbolism. Moscow: Nauka; GRVL, 1988. 196 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Mongols. In: *East Asian Peoples — Calendar Customs and Rites. New Year (Celebrations)*. Moscow: Nauka; GRVL, 1985. Pp. 169–189. (In Russ.)
- Zolbayar G., Ganbold M. (eds.) *Ethnography of the Altai Uriankhai*. Ulaanbaatar: Kitab, 2014. 256 p. (In Mong.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 688–695, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-688–695
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 316.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-688–695

Опыт трудовой миграции сельских жителей Калмыкии (по результатам глубинных интервью)

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бадмаева Н. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Трудовая миграция сельского населения Калмыкии является актуальной проблемой региона. Перманентный характер и длительность экономического кризиса в аграрной сфере республики отрицательно сказались на уровне жизни сельских жителей. Отсутствие работы, низкие зарплаты вынуждают сельское население Калмыкии самостоятельно решать проблемы собственного трудоустройства путем миграции в столицу республики или за ее пределы. *Цель* данного исследования — проанализировать миграционный опыт трудового мигранта из сельской местности Республики Калмыкия. *Материалы и методы.* Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Применение качественных методов в изучении трудовой миграции позволяет анализировать эту проблему с точки зрения отдельных участников миграционных процессов, их судеб и личной жизненной истории. *Результаты.* Выявлено, что одним из экономических факторов миграции является необходимость оплачивать ипотеку или потребительские кредиты. Миграционные циклы тесно соотносятся с важнейшими этапами жизненного цикла — женитьбой, разводом, рождением детей, женитьбой сыновей или выдачей замуж дочерей. Для части респондентов решение о миграции связано с определенными этапами взросления детей. Миграции формируют новый контекст семейно-брачных отношений: браки приобретают признаки «гостевого брака», в семье меняются гендерные роли, например, когда на заработки уезжает женщина. Трансформируется или подменяется роль бабушек или дедушек, зачастую выполняющих функции выехавшего родителя. Значительное влияние приобретают горизонтальные социальные сети: земляческие и родственные отношения. Опыт работы на выезде становится инструментом экономической стратегии и мобильности — люди покупают жильё в городе, используют заработанные деньги для помощи в реализации жизненных планов детей. Миграция родителей становится ориентиром для будущих миграций их детей. Полученные результаты позволяют фиксировать в социальном профиле сельских трудовых мигрантов активных личностей, высоко мотивированных к труду, сочетающих стремление к достойному уровню жизни с умением приспосабливаться к напряженным условиям труда и быта в отрыве от дома и семьи.

Ключевые слова: трудовая миграция, сельское население, биографический метод, глубинное интервью, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Пер. № НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Опыт трудовой миграции сельских жителей Калмыкии (по результатам глубинных интервью) // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 688-695. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-688–695

UDC 316.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-688–695

Labor Migration of Kalmykia's Rural Residents: a Case Study of In-Depth Interviews

Nogan V. Badmaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Badmaeva N. V., 2020

Abstract. Introduction. Labor migration of Kalmykia's rural population is a pressing challenge for the region. Permanent nature and endurance of the socioeconomic crisis in the agricultural sector of the republic have been adversely affecting the living standards of ordinary villagers. Lack of work opportunities and low salaries result in that the latter migrate en masse to the regional capital and even further. **Goals.** The study aims to analyze labor migration experiences of local rural dwellers. **Materials and Methods.** The paper summarizes a number of in-depth structured interviews. The qualitative research methods employed make it possible to view the issue in the eyes of unrelated actual participants of the migration processes, with certain attention paid to their backgrounds and life paths. **Results.** The work reveals one of the key economic factors underlying labor migration is the necessity to pay mortgage and consumer loans. And migration waves closely align with individual life cycles, such as marriage, divorce, births and even weddings of children. Some respondents reported their migrations were determined by certain adulthood stages of children. All these aspects give rise a new context of family and marriage relations: there emerge guest marriage patterns and changes in gender roles, e.g., in some families those are women who act as migrant workers. Roles of grandparents experience transformations forcing the latter to assume functions of the absent father of mother. Horizontal social networks come to the fore, including territorial and kindred ties. Such migrant labor experiences become a tool of economic strategies and mobility: people purchase dwellings in the city, and support children funding their plans with the earned money. So, migration of parents definitely serves a landmark for future migrations of their descendants. The results obtained attest to that the social profile of rural labor migrants contains quite a share of active individuals intensely motivated to work, ones who strive for better living standards and can adjust themselves to strenuous living / working conditions staying away from home and family.

Keywords: labor migration, rural population, biographical method, in-depth interview, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project of Kalmyk Scientific Center of the RAS 'Development of Rural Territories of Southern Russia: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring' (state reg. no. НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8).

For citation: Badmaeva N. V. Labor Migration of Kalmykia's Rural Residents: a Case Study of In-Depth Interviews. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 688-695. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-688–695

Введение

Кризисное состояние сельскохозяйственной отрасли и ее медленная модернизация в стране в целом отрицательно сказались на экономике многих регионов. Не является исключением и Республика Калмыкия, где сельское хозяйство является одной из главных отраслей экономики. Отсутствие крупных сельскохозяйственных предприятий, сложное положение личных подсобных хозяйств привели к снижению уровня жизни сельского населения республики, уменьшению возможностей устроиться на работу, массовой миграции в города, мегаполисы, другие более развитые регионы. Ухудшают положение сельских жителей и проблемы разрушения сельской социальной инфраструктуры: закрываются школьные и дошкольные учреждения, учреждения культуры, отмечается неудовлетворенность населения медицинским обслуживанием и многое другое.

В этой связи одной из актуальных проблем региона является миграционный отток сельского населения. В основном это трудовая миграция, поскольку отсутствие работы, низкие зарплаты вынуждают сельское население Калмыкии самостоятельно решать проблемы собственного трудоустройства.

Цель исследования — проанализировать миграционный опыт трудового мигранта из сельской местности Республики Калмыкия.

Опубликовано значительное количество работ, посвященных проблемам трудовой миграции, ее экономическим и демографическим характеристикам, вопросам государственного регулирования трудовых ресурсов страны и многому другому. Однако подобные обобщающие работы не могут удовлетворить потребность исследователей во внимании к деталям, поскольку не фиксируют и не описывают ситуации с точки зрения отдельных участников миграционных процессов, их судеб и личной жизненной истории.

Социальные процессы почти всегда требуют взгляда с «двух сторон», поэтому во многих социологических исследованиях все чаще используется комплексный подход с применением количественных и качествен-

ных методов. Классическим социологическим трудом по изучению миграционных процессов на основе применения качественных методов является работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», в которой предпринят анализ последствий миграции и адаптации мигрантов [Блинова 2011: 172].

В этом и многих других исследованиях использовался биографический метод. И. В. Соснина отмечает, что биографический метод в исследовании миграции обладает широким потенциалом для изучения миграционных процессов. По ее мнению, мигрант как носитель первичной информации, излагая историю своей жизни, приоткрывает завесу своей повседневной жизни для исследователя, дает возможность взглянуть на процесс миграции «изнутри» [Соснина 2012].

По мнению З. Т. Голенковой и П. Е. Сушко, биографический анализ позволяет реконструировать миграционный путь на уровне индивидов с захватом реальных причин, мотивов и факторов, влияющих на их перемещения. В этом ключе миграционные биографии представляют определенные наслоения жизненных практик и индивидуальных образцов поведения (удачной или неудачной карьеры, успешных или неуспешных браков, жизненных стратегий и т. д.), которые путем наследуемого социального опыта и изменения социального времени приобретают новые наполнения и смыслы. Это необходимо для понимания причин миграции, изучения связи между индивидуальным сознанием и особенностями социальных, культурных, материальных структур, в пределах которых функционируют индивиды [Голенкова, Сушко 2016: 98].

Материалы и методы

Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». Всего было проведено 10 интервью. Интервью были проведены в мае 2020 г. Для сохранения анонимности опрашиваемых имена респондентов даны инициалами. Анкета предполагает анализ

ответов по следующим индикаторам: форма трудовой миграции (сезонная, временная или безвозвратная), длительность нахождения в трудовой миграции, профессиональный статус в трудовой миграции, родственные контакты, землячества, влияние образования на миграцию, семейные стратегии, влияние на семейно-брачные отношения, социальная мобильность (повышается ли социальный статус), возвращение или невозвращение в сельское поселение, откуда уехал.

Краткие биографии

Рассмотрим краткое резюме проведенных интервью.

1. Респондент С. (мужчина, 35 лет) из калмыцкого поселка в Астраханской области, образование среднее специальное: «Занимаюсь ремонтом, в основном ремонтом „под ключ“. Первый раз выехал за пределы республики в 2012 г. Работал в Москве и Санкт-Петербурге. В основном занимался ремонтом квартир в составе бригад. Оплата была по устной договоренности. Жили на объекте или в съемных квартирах. В поиске работы очень помогают родственные и земляческие связи, именно со своего района. Решение о миграции принимали с женой и матерью, братья жены звали на работу».

«Переехали в г. Элисту в 2018 г., потому что старшая дочь поступила в медицинский колледж. Не хочу, чтобы дочь работала, как мы с женой... Жена работает продавцом в продуктовом магазине посменно. Она помогает мне на объекте, штукатурит, красит, мой подмастерье... Стараемся работать вдвоем. Наставляем дочь на учебу, получение образования, потом пусть едет в большой город или на Север... У Марины (жены. — Н. Б.) тетка работает медсестрой на Севере, хотим, чтобы дочь после окончания медколледжа поехала к ней туда. Финансовое положение сложное: оплата съемной квартиры, оплата 2-х кредитов. Младшая дочь живет с мамой в Астраханской области, учится в 4-м классе. Видимся редко, на праздники».

2. Респондент К. (мужчина, 41 год). Районный центр, Республика Калмыкия. Два высших образования. Работает в г. Волгограде, переехал туда после потери работы в г. Элисте на государственной службе. Двое детей, есть две квартиры, работа в Волго-

граде с зарплатой более 50 тыс. руб. Возвращаться не планирует, в дальнейшем собирается переезжать в г. Москву. С 2015 г. работал сначала в г. Ростове-на-Дону. Финансовое положение стабильное, хотя оплачивает ипотеку и высылает деньги семье. Жена работает в сфере средне-специального образования. Оплата по трудовому договору. Решение о трудовой миграции принимал самостоятельно.

Влияние трудовой миграции на семейную жизнь большое, на грани развода. Связь с селом остается, поскольку там живут родители.

3. Респондент С. (мужчина, 58 лет). Районный центр, Республика Калмыкия. Работает водителем крана в строительной фирме в г. Москве. Заработки временные. Двое детей. Жена работает сиделкой в г. Элисте, живут у родственников. Дочка младшая учится в школе, в 8-м классе. Старший сын получил заочное образование, работал в г. Твери в фирме по производству кабелей. Финансовое положение сложное. Нацелен на образование для младшей дочери. «Работу нашел через земляков по поселку. В Элисту переезжать не планирую, работать, конечно, буду до пенсии, если здоровье позволит, потому что перенес инсульт... Оплата по трудовому договору, живем либо в общежитии, либо в строительных временках... Уезжать не хотел, уговаривала жена после потери работы сначала в своем поселке, потом после потери работы в соседнем селе».

4. Респондент Н. (женщина, 59 лет). Районный центр, Республика Калмыкия. Образование среднее специальное. Более 10 лет работает за пределами республики. Работает в г. Липецке нянечкой. «Заработанные деньги тратила на семью, помогала и другим близким родственникам... После смерти отца переехали в город (Элисту). Младший сын получил престижное образование (юридический факультет МГУ). Сейчас помогаю старшему сыну оплачивать кредит, взятый на открытие кофейни. Также приобрела на свои деньги машину старшему сыну, который живет в Элисте со своей семьей». Связи с селом у респондента нет. Решение о миграции принимала совместно с мужем. В настоящее время она вдова: «муж жил с моей мамой, стал часто пить, несколько лет назад умер». Не жалеет о миграции, считает, что помогла в жизни своим детям и пожилой маме.

5. Респондент Д. (женщина, 32 года). Поселок, Республика Калмыкия. С 2018 г. работает в г. Москве. Разведена, детей нет. Высшее образование. Сначала из поселка семья переехала в районный центр: «у нас в поселке школа маленькая, и чем старше мы становились, тем все меньше учеников оставалось в классе... И мои родители приняли решение переехать в с. Троицкое, где я и мой брат заканчивали школу». Далее для получения высшего образования респондент переехала в Элисту: «когда училась в университете, жила в квартире родного дяди вместе с его дочерью, на выходные уезжала к родителям». В 2014 г. оформила квартиру в ипотеку. Работает в банке в Москве. Живет в съемной квартире с троюродной сестрой. «Развод повлиял на мой отъезд в Москву, почти вся зарплата в Элисте уходила на оплату ипотеки (примерно 15 тыс. рублей в месяц), остаюсь на плаву благодаря помощи родителей». Решение о миграции приняла самостоятельно: «у меня тети еще давно уехали в Москву, студенткой во время летних каникул приезжала в Москву, продавала мороженое». Возвращаться планирует позже для создания семьи.

6. Респондент Э. (мужчина, 52 года). Районный центр, Республика Калмыкия. Высшее образование (заочно). «После армии устроился работать инспектором ГАИ, жил с сестрой на съемной квартире». Миграция за пределы республики после потери работы в г. Элисте: «не прошел аттестацию, когда была реформа в полиции». Работал водителем на Ямале, вахтовым методом: «зарплата была хорошая, купил автомобиль „Фольксваген Джетта“ за 500 тысяч. После определенных проблем и развода автомобиль продал». После рождения дочери (второй ребенок) уехал на заработки в Москву: «помогаю детям, работаю в „Рутакси“ на арендуемой машине. Периодически приезжаю в Калмыкию, в г. Элисте негде останавливаться, еду к матери и сестре в поселок. Помог в ремонте дома. Заработок нормальный, хватает на жизнь, деньги высылаю бывшей жене не каждый месяц, а через раз, покупаю одежду детям. Хочу, чтобы дети получили высшее образование». Нашел работу на Ямале потому, что там работал двоюродный брат. В Москве — через земляков по поселку. Решение о миграции принимали с женой.

7. Респондент А. (женщина, 41 год). Районный центр, Республика Калмыкия. Образование среднее специальное. Четверо детей. Сейчас живет в г. Элисте, работает медсестрой. Развод в миграции. Алименты получает. Заработанные деньги ушли на решение проблем со здоровьем брата. Работала в г. Санкт-Петербурге, г. Москве. За детьми смотрела мама и сестра. Старший сын также имеет опыт работы в Москве, без высшего образования: «бросил [сын] обучение в Калмыцком государственном университете после армии, сейчас работает в Элисте в „Красное и Белое“». Планирует дать высшее образование только одному ребенку, считает его способным: «он отличник в школе, никто ему не помогает с уроками, на кружки не водим». Работа у нее посменная, нарушен режим: «часто работаю в две смены, всегда есть подработка, зарплата хорошая, но все уходит на семью». В 2019 г. впервые за все время вывезла троих младших детей на море в г. Анапу. Связь с селом слабая. Решение о миграции принимала самостоятельно. Практически все родственники отговаривали, поскольку дети были маленькие.

8. Респондент М. (женщина, 37 лет). Маленький поселок, Республика Калмыкия. Работает консультантом-продавцом в магазине косметики в Москве. Детей родила от киргиза, с которым там и познакомилась. Жили в гражданском браке несколько лет. Ездил в Киргизию к мужу. Родители мужа ее не приняли, плохо к ней относились. Дети учатся и живут с ее родителями в поселке в Калмыкии. «Я стараюсь их полностью обеспечивать, хочу, чтобы они получили высшее образование». Решение о миграции принимала самостоятельно: «Сначала приехала работать в г. Элисту, работала в ателье, в Москве тоже начинала работать в ателье». Не видит перспективы для своих детей в поселке.

9. Респондент Н. (мужчина, 43 года). Маленький поселок, Республика Калмыкия. Образование среднее специальное, высшее (заочно). «Учился в училище на сварщика, потом забрали в армию, после армии поступил на работу в ППС, потом работал во вневедомственной охране. После реформы полиции потерял работу». Поехал сначала один на работу в Чукотский автономный округ. На тот момент у него было двое де-

тей. Затем забрал семью, там родились еще трое детей. Работает участковым: «Учился заочно, в 2016 г. получил диплом юриста в Современной гуманитарной академии». Приезжает в Калмыкию редко, после возвращения хочет заниматься сельским хозяйством, «купить точку». Жена не работает. Собственности нет, купили только автомобиль в кредит. Автомобиль стоит у родственников в гараже. Связь с селом сильная.

10. Респондент Т. (женщина, 64 г.). Районный центр, Республика Калмыкия. После продажи дома в своем селе купила двухкомнатную квартиру в г. Элисте. С мужем развелась, трое детей. Старший сын жил с отцом в квартире свекрови, которая тоже переехала в город. Более 13 лет работала сиделкой и швеей в Москве. Сначала работала сиделкой с проживанием. Смотрела в основном за пожилыми женщинами. Меняла работу после смерти хозяев. Работу находила через родственниц и знакомых. Однако примерно после 6–7 лет такой работы, поняла, что самой становится тяжело работать: «ухудшается зрение, поднимается давление», «нет больше сил тягать этих пожилых женщин». «Жила в съемной комнате в двухкомнатной квартире, которую сдавала землячка». Заработок отправляла сыновьям на содержание их семей, «всегда отправляла денежку внукам». Оплатила свадьбу среднему сыну. С 2016 по 2018 гг. жила с сестрой в однокомнатной квартире, сестра приехала после потери работы: «выгнали как пенсионерку». Помогала землячкам, занимала деньги, однако некоторые затем ей не возвращали долги. По приезде домой оплачивала долги по коммунальным услугам в своей квартире, в которой жил один из сыновей, раз в несколько лет делала косметический ремонт в квартире. Ее пенсию получал младший сын, который тратил ее по своему усмотрению. Вернулась в 2018 г., живет в своей квартире, средний сын уехал на заработки на Север. Невестка с внуками то уезжают в село к ее родителям, то здесь живут. Связи с селом нет, живет в г. Элисте.

Комментарий

На основе изложенного выше материала можно сделать некоторые выводы. В первую очередь о влиянии образования на «престижность работы» в трудовой миграции. Анализ результатов проведенных

глубинных интервью показал, что уровень образования и квалификации влияет на финансовое положение респондентов. У респондентов с высшим образованием финансовое положение оценивается ими как стабильное. У большинства респондентов со средне-специальным образованием финансовое положение оценивается как сложное. Также отметим, что в исследовании важно было выявить, как принималось решение о миграции: самостоятельно или нет. В большинстве рассмотренных случаев решение о миграции принималось и обсуждалось с женой или мужем, близкими родственниками.

Только пара рассмотренных случаев показывает относительно положительный экономический эффект. В большинстве же рассмотренных историй миграция оказывает временный экономический эффект. Только у двоих респондентов есть желание жить в своем родном селе или поселке, у одного — желание заниматься сельским хозяйством. У большинства мигрантов утеряны связи с родным селом или поселком, полностью отсутствует желание вернуться туда.

Практически все опрошенные респонденты проходили два этапа миграции: переезд из сельского поселения в столицу республики, а затем миграция за пределы республики. При этом трудовая миграция за пределы республики и продажа дома в своем поселке или селе позволила многим из опрошенных в дальнейшем приобрести жилье в столице республики, делая невозможным возвращение к жизни в сельской местности.

Некоторые примеры показывают, как миграция становится семейной стратегией. Либо дети наших респондентов уже уехали, либо респондент предполагает, что, получив образование, его дети уедут на заработки в другие регионы.

Любопытно отметить, что на миграцию некоторых респондентов повлияла Реформа МВД России, начатая в 2011 г., в результате которой численность сотрудников в стране сократилась на 20 % [Евсейчук 2013].

Обсуждение

Глубоко причины миграции в проведенном исследовании мы не рассматривали, поскольку очевидно: в основе принятия решения о трудовой миграции — экономические причины. Одним из таких факторов, характерных для опрошенных респондентов

тов, является необходимость оплачивать ипотеку или потребительские кредиты.

На большинстве респондентов лежит ответственность за благополучие домочадцев. При этом важно отметить, что миграционные циклы тесно соотносятся с важнейшими этапами жизненного цикла — женитьбой, разводом, рождением детей, женитьбой сыновей или выдачей замуж дочерей. Для части респондентов решение о миграции связано с определенными этапами взросления детей. Н. Н. Жидкевич отмечает, что очень часто первый отъезд семейного отходника на заработки связан с переломными моментами в жизни детей: рождение — начало обучения в школе — поступление в институт — вступление в брак. Высшее образование требует от семей, дети в которых достигли соответствующего возраста, крупных финансовых вложений [Жидкевич 2016: 78].

Для всех респондентов миграция была вынужденной мерой, они терпят большое количество неудобств: социально-бытовые (жизнь в съемных квартирах, комнатах, строительных временных сооружениях, холодных недостроенных объектах; много времени тратят на дорогу на работу); физические (изматывающий график работы, тяжелый физический труд в сфере строительства, при уходе за пожилыми и больными); психологические (регулярный отрыв от семьи, потеря прежнего, возможно, более «престижного» социального статуса, переживания за больных родственников, пожилых родителей, чувство вины за неучастие в жизни детей и др.).

Следует отметить, что миграции формируют новый контекст семейно-брачных отношений: браки приобретают признаки «гостевого брака», в семье меняются гендерные роли, например, когда на заработки уезжает женщина. Согласимся с мнением С. Д. Джанызаковой, что понимание гендера в миграционном процессе, при котором женщинам отводилась роль хранительниц

очага, а мужчинам — добывание средств к существованию, в том числе и путем миграции, уходит в прошлое и смещается к «переносу» роли и обязанностей мужчин на плечи женщин. Они занимают положение трудоспособных участников рабочей миграции, наравне с мужчинами входят на рынок труда [Джанызакова 2017: 217]. Трансформируется или подменяется роль бабушек или дедушек, зачастую выполняющих функции выехавшего родителя. При этом миграции могут быть толчком к ухудшению отношений и разводу. В то же время есть случаи, когда сложные семейно-брачные отношения или развод приводят к миграции.

Значительное влияние приобретают горизонтальные социальные сети: на решение о миграции влияют родственники или знакомые, имеющие опыт миграции; земляческие и родственные отношения помогают с поиском жилья и работы; оказывают финансовую поддержку в случае потери работы (занимают деньги в долг, делятся продуктами).

Заключение

К сожалению, отмечаем, что миграция для сельских жителей республики стала повседневностью. Комплекс миграционных решений представляется гибкой семейной стратегией. Опыт работы на выезде становится инструментом экономической стратегии и мобильности — люди покупают жильё в городе, заработанные деньги используются для помощи в реализации жизненных планов детей. Миграция родителей становится ориентиром для будущих миграций их детей. Однако важно отметить, что полученные результаты позволяют фиксировать в социальном профиле сельских трудовых мигрантов активных личностей, высоко мотивированных к труду, сочетающих стремление к достойному уровню жизни с умением приспосабливаться к напряженным условиям труда и быта в отрыве от дома и семьи.

Литература

Блинова 2011 — Блинова М. С. Миграции населения: подход социологов Чикагской школы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 4. 2011. С. 172–190.

Голенкова, Сушко 2016 — Голенкова З. Т., Сушко П. Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104.

Джанызакова 2017 — Джанызакова С. Д. «Жить

- или прожить?»): индивидуальные миграционные стратегии женщин-мигранток в Томске // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения: сб. материалов XIII Всерос. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и мол. ученых (г. Томск, 24–26 апр. 2017 г.). Вып. 13, т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 211–217.
- Жидкевич 2016 — Жидкевич Н. Н. Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1. С. 73–89.
- Евсейчук 2013 — Евсейчук Д. Милицейская реформа: работа над ошибками [электронный ресурс] // Томские новости. 25.07.2013 г. URL: <http://tomsk-novosti.ru/militsejskaya-reforma-rabota-nad-oshibkami/> (дата обращения: 08.05.2020).
- Соснина 2012 — Соснина И. В. Социальные аспекты интеграции трудовых мигрантов [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6441> (дата обращения: 08.05.2020).
- novosti.ru/militsejskaya-reforma-rabota-nad-oshibkami/ (accessed: May 8, 2020). (In Russ.)
- Golenkova Z. T., Sushko P. E. Social mobility in the context of migration biographies of Russia. *Sociological Studies (Socis)*. 2016. No. 12. Pp. 95–104. (In Russ.)
- Sosnina I. V. Social aspects of integration of labor migrants. *Modern Problems of Science and Education*. 2012. No. 3. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6441> (accessed: May 8, 2020). (In Russ.)
- Zhidkevich N. N. Domestic temporary labor migrants in Russia: a social portrait. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. No. 1. Pp. 73–89. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 696–713, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696–713
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696-713

Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами»)

Анна Владимировна Дыбо¹, Лидия Фатиховна Абубакирова², Зухра Казимовна Айбазова³, Марк Михайлович Зимин⁴, Евгения Владимировна Коровина⁵, Вера Сергеевна Мальцева⁶, Олег Алексеевич Мудрак⁷, Евгения Алексеевна Ренковская⁸, Александр Владиславович Савельев⁹, Олег Ришатович Хисамов¹⁰, Александр Владимирович Шаров¹¹, Александра Валерьевна Шеймович¹²

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет, лаборатория лингвистической антропологии (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
 член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом урало-алтайских языков

 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Томский государственный университет, лаборатория лингвистической антропологии (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник

 0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru

³ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0002-3621-0654. E-mail: zuhra@iling-ran.ru

⁴ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
 лаборант-исследователь

 0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com

⁵ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru

⁶ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет, лаборатория лингвистической антропологии

(д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

⁷ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-8553-7063. E-mail: omudrak@iling-ran.ru

⁸ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-1944-0746. E-mail: erenkovskaya@iling-ran.ru

⁹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

¹⁰ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (д. 12, ул. Карла Маркса, 420111 Казань, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, зам. директора

 0000-0002-3776-8035. E-mail: ohisamov@mail.ru

¹¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

лаборант-исследователь

 0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

¹² Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-6363-114X. E-mail: asheimovich@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Коровина Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов О. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В. 2020

Аннотация. Цель статьи — продемонстрировать некоторые новые результаты, полученные при работе над составлением Диалектологического атласа тюркских языков России. При подготовке атласа авторский коллектив, кроме уже имеющихся опубликованных и архивных источников, использует целенаправленный полевой сбор материала по специально составленным анкетам, ориентированным на известные факты из истории тюркских языков. Материал собирается в виде звуковых файлов, которые затем обрабатываются и обращаются в электронные звуковые словари, доступные в сети Internet. Фонетические материалы анализируются при помощи аудирования, программ акустического фонетического анализа и связываются с электронной этимологической базой данных по тюркским языкам. Оказывается, что сбор материалов, основанный на исторически ориентированных диалектологических анкетах, помогает получить данные, опираясь на которые можно уточнить научные представления о генеалогической классификации диалектов, путях их расхождения и конвергенции, архаических и инновационных явлениях в обследуемых ареалах. На примере трех тюркских ареалов демонстрируются диалекто-дифференцирующие явления в среднеязычных консонантизмах. Для хакасско-шорско-чулымского ареала выясняется последовательность действия правил, определивших расхождение этих идиомов. Оказалось, в частности, что два среднечулымских говора, мелетский и тутальский, не восходят к общему пра-идиому, тутальский говор представляет собой архаический вариант мрасско-шорского, а мелетский непосредственно связан с кызыльским диалектом хакасского языка. Выделен также еще один хакасский диалект, не имеющий специфической близости с другими. Для карачаево-балкарского ареала окончательно доказана вторичность «дзюкания» по отношению к более существенной изоглоссе потери

смычки начальной аффрикатой. Для татарско-башкирского ареала определены три основных диалекто-дифференцирующих типа рефлексации *j- и предполагается хронология их распределения в ареале.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, хакасский язык, шорский язык, чулымско-тюркский язык, карачаево-балкарский язык, татарский язык, башкирский язык, ареалогия, сравнительно-историческая фонетика

Благодарность. Работа выполнена по проекту РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России». Авторы выражают благодарность также всем информантам и коллегам, помогавшим при сборе диалектологического материала.

Для цитирования: Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Коровина Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов О. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В. Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 696–713. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696-713

UDC 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696-713

Some New Results in the Genealogical Classification of Turkic Dialects: ‘Cases of Affricates’

*Anna V. Dybo*¹, *Lidia F. Abubakirova*², *Zukhra K. Aibazova*³, *Oleg R. Hisamov*⁴, *Evgeniya V. Korovina*⁵, *Vera S. Maltseva*⁶, *Oleg A. Mudrak*⁷, *Evgeniya A. Renkovskaya*⁸, *Alexander V. Savelyev*⁹, *Aleksandr V. Sharov*¹⁰, *Alexandra V. Sheymovich*¹¹, *Mark M. Zimin*¹²

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation); Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation); Tomsk State University, Laboratory of Linguistic Anthropology (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation) Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Ural-Altai Department
 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Tomsk State University, Laboratory of Linguistic Anthropology (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Research Associate
 0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru

³ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation) Junior Research Associate
 0000-0002-3621-0654. E-mail: zuhra@iling-ran.ru

⁴ Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts (12, Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Deputy Director
 0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com

⁵ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation) Junior Research Associate
 0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru

⁶ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation); Tomsk State University, Laboratory of Linguistic Anthropology (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation) Junior Research Associate
 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

⁷ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-8553-7063. E-mail: omudrak@iling-ran.ru

⁸ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-1944-0746. E-mail: erenkovskaya@iling-ran.ru

⁹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

¹⁰ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant

 0000-0002-3776-8035. E-mail: ohisamov@mail.ru

¹¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

¹² Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant

 0000-0001-6363-114X. E-mail: asheimovich@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Malceva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheimovich A. V., Zimin M. M., 2020

Abstract. *Introduction.* As is well known, the three Turkic dialectal continua — Tatar-Bashkir, Shor-Khakass-Chulym, and Karachay-Balkar ones — have developed quite distinctive reflexes of proto-Turkic palatal *j- and *č-, *č(-). While compiling the Dialectological Atlas of Russia's Turkic Languages, the authors were able to compose exact isoglosses of *j- and *č change in members of the mentioned continua, which made it also possible to partially reevaluate genetic clusterization on the basis of this data. *Materials and Methods.* Apart from the available publications and archival sources on the three areas in question, the analysis is based on the authors' extensive field work that involves the use of a set of lexical questionnaires compiled in accordance with known aspects of the Turkic linguistic history. The source recordings for every speaker were turned into idiolectal audio-dictionaries and are linked to an electronic etymological database of the Turkic languages, each elicitation analyzed both with the comprehension method and the software for experimental phonetics. *Results.* As it turns out, this methodology of field work and post-analysis provides information crucial for detailed linguistic clusterization of dialectal continua in particular and any dialectal system in general. Traditionally, subtle problems of divergence and convergence, problems of archaic and innovative phenomena receive their solutions. The results are as follows. Palatal *j- and *č in the languages of the Khakass-Shor-Chulym group have changed by a strict series of rules none of which could be simultaneous, nor could follow each other in a different order. Thus, the two Middle Chulym dialects — Melet and Tatal ones — prove to lack an immediate linguistic ancestor, the Tatal 'dialect' is an archaic version of Mrassu Shor, while Melet is closely related to Kyzyl Khakass. Reflexes of *j- and *č are also principal isoglosses for a previously undocumented Khakass dialect, which does not have any specific affinity with Saghai, Kyzyl and Kachin dialects. Areal analysis of Karachay-Balkar shows that dz < proto-Turkic *j- is a secondary development, while, on the other hand, it is finally proven that reflexes *j- > dz~dz and *j- > z~z form a more significant isogloss. And for the Tatar-Bashkir dialectal continuum, there were identified three main types of proto-Turkic *j-reflexation; a chronology for these three types intermixing during the early period of the continuum is also proposed.

Keywords: Turkic languages, dialectology, Khakass language, Shor language, Chulym-Turkic language, Karachay-Balkar language, Tatar language, Bashkir language, areal linguistics, dialectal continuum, historical phonetics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00501 'Digital Dialectological Atlas of Russia's Turkic Languages'. The authors are also grateful to all informants and colleagues who assisted in collecting dialectological materials.

For citation: Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Maltseva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheimovich A. V., Zimin M. M. Some New Results in the Genealogical Classification of Turkic Dialects: ‘Cases of Affricates’. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 696–713. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696-713

Введение

В процессе составления тома Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков «Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] стало очевидно, что, во-первых, подробная и тщательная реконструкция пратюркского состояния, наследующих ему дочерних состояний и происходивших в них изменений, приведших к современной картине и/или отраженных в письменных памятниках тюркских языков, невозможно без обращения к диалектным данным. Во-вторых, выяснилось, что, хотя тюркская диалектология является хорошо развитой дисциплиной, имеющей большую научную традицию, все же состояние собранных и проанализированных материалов далеко от полноты и системности. По ряду важнейших для истории языков параметров у нас просто отсутствуют данные. Поэтому в течение 15 лет наша исследовательская группа занимается, так сказать, ревитализацией проекта диалектологического атласа тюркских языков, амбициозной задачей, некогда поставленной Советским Комитетом тюркологов, приведшей к созданию нескольких региональных атласов, но в целом и так и не завершенной. Сейчас эта работа проводится на обновленных методологических основаниях; подробнее историю вопроса и теоретические предпосылки работы см. в [Дыбо и др. 2020a].

Из уже полученных к настоящему моменту результатов наиболее интересны обнаруженные локальные изменения в генеалогической и ареальной классификации внутри отдельных групп тюркских языков. Ниже мы рассматриваем три примера, связанных с уточнением в группах реконструкций в системе консонантизма, в зоне аффрикат и фрикативных.

1. Генеалогическое членение и ареальные отношения в диалектной системе тюркских з-языков Южной Сибири, то есть хакасского, мрасского диалекта шор-

ского и среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Здесь не обсуждаются з-языки Китая, фуюйско-киргизский и сарыг-югурский, поскольку по ним у нас отсутствуют фонетические материалы.

К. Шёниг классифицировал эти идиомы как часть «Border Turkic group» (пограничной тюркской группы), ошибочно исключив из «енисейско-тюркских» чулымский, шорский диалект хакасского и мрасский диалект шорского [Schönig 1997: 124]¹.

В действительности ситуация такова: так называемый нижний диалект чулымского определенно отражает $*-\delta- > j$, а так называемый средний диалект чулымского — $*-\delta- > z$; так называемые шорский диалект хакасского и мрасский диалект шорского также демонстрируют $*-\delta- > z$, а так называемый кондомский диалект шорского отражает $*-\delta- > j$, принадлежа в реальности к алтайской группе идиомов. В [СИГТЯ 2002: 476–599] перечисленные выше з-идиомы правильно объединены и включены в «кыргызскую» группу тюркских языков. Как уже понятно из изложенного, границы генеалогических групп в случае этих языков не соответствуют общепринятым и социолингвистически обоснованным границам между «диалектными группами языков».

В настоящее время ряд идиомов, ранее описанных и классифицированных диалектологами, доступен наблюдению только в остаточном состоянии — у небольшого количества лиц старшей возрастной группы. Дру-

¹ О мрасском диалекте шорского ср. также [Waibel 2006]; надо сказать, что не все параметры, по которым там рассматриваются отношения шорского диалекта хакасского с «хакасским», выделены точно, поскольку хакасский берется только как письменный литературный язык, вне связи с реальным произношением и диалектными вариантами. Более подробно об инновационных и архаических изоглоссах, выделяющих шорский диалект хакасского, см. в готовящемся томе [Дыбо и др. 2020b].

гие носители владеют локальными вариантами языка в слабой степени, переходя либо на литературный хакасский (в Хакасии), либо на русский. Тем не менее и их речь позволяет обнаружить — в отклонениях от нормы, которые в этом случае должны квалифицироваться как переключение или смешение кодов — ряд важных для восстановления картины генеалогических отношений между диалектами особенностей, часть из которых ранее в классификации не учитывалась.

В 2011–2019 гг. нами предпринят был ряд экспедиций к носителям идиомов данной группы в Южной Сибири². Обследовано 108 населенных пунктов. Материал записей — звуковые файлы в формате .wav, они постепенно нарезаются, транскрибируются в фонетической транскрипции, приближенной к IPA, снабжаются спектрограммами, сделанными в программе PRAAT, переводами и тюркскими праформами в системе TURCBET (пояснения к пратюркской реконструкции, использованной в ней, см. в [Дыбо 2007: 13–63]) и загружаются в систему Lingvodoc (<http://lingvodoc.ispras.ru/>)³.

Наиболее заметный признак, выделяющий рассматриваемую группу языков, это совпадение в их общем праязыке трех общетюркских (Common Turkic, т. е. ветвь тюркских языков, разделившуюся после отделения болгарской ветви) фонем: $*-\delta(-) > *-\zeta(-)$, $*s > *s$, $*-\check{r}(-) > *-\zeta(-)$ все совпали в одну фонему s/ζ (с позиционным распределением, т. е. звонким аллофоном, выступающим в интервокальной позиции). ПТ $*-\lambda(-) > \text{OT } *-\check{s}(-)$ в общем праязыке z -группы сохраняется как $\check{s}/\check{z}$: Ср.:

ПТ $*adak$ ‘нога’ > ср.-чулым. мелет., тугал., шор. Мр. *azáq*, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *azáq*, верхне-июс. кач. *azáq*;

² В основной массе представленный ниже среднечулымский материал собран В. М. Лемской и А. В. Савельевым, мрасский шорский — А. В. Дыбо, Г. В. Косточаковым, В. С. Мальцевой, Д. М. Токмашевым, А. В. Шеймович; материал с территории Хакасии — А. В. Дыбо, Е. В. Коровиной, А. С. Крыловой, В. С. Мальцевой, С. Л. Николаевым, Е. А. Ренковской, Э. В. Султрековой, Е. Б. Чекменевова, А. В. Шеймович.

³ Материалы полевых диалектологических записей, использованные в статье, выложены на сайтах: <http://lingvodoc.ispras.ru/>; <https://dialects.altai.ru/>.

ПТ $*sal-$ ‘класть’ > ср.-чулым. мелет., тугал., шор. Мр., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., верхне-июс. кач. *sal* ‘положи!’;

ПТ $*bas-$ ‘давить’ > ср.-чулым. мелет., тугал., шор. Мр., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., верхне-июс. кач. *pas* ‘дави!’; *páz-íp* ‘давить-Conv’;

ПТ $*ar$ ‘мало’ > OT $*az$ > ср.-чулым. мелет., тугал., шор. Мр. *as* ‘мало’; *az-óq* ‘мало-Ass’, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *as* ‘мало’; *az-óχ* ‘мало-Ass’, верхне-июс. кач. *as* ‘мало’; *az-óq* ‘мало-Ass’;

OT $*as$ > ср.-чулым. тугал., шор. Мр., хак. шор. (Матур) *af* ‘ячмень’, *áz-i* ‘его/ее ячмень’; ср.-чулым. мелет., саг., кыз., кач., верхне-июс. кач. *as* ‘зерно’; *áz-i* ‘его/ее зерно’.

Как известно, для успешного построения генеалогического древа группы идиомов и выяснения их распределения по подгруппам (subgrouping) необходимо рассмотреть не просто объединяющие часть этих идиомов общие инновации. Надежный узел генеалогического древа мы получаем в следующем случае: во всех языках-потомках рассматриваемой группы представлен ряд единиц-потомков праязыковых единиц, которые подверглись сначала одинаковому действию одной группы диахронических процессов, а потом разнонаправленному действию другой группы исторических процессов. В случае рассмотрения фонетических процессов это должны быть морфемы-потомки праязыковых морфем, звуковые оболочки которых показывают результаты воздействия минимум двух правил звуковых переходов, из которых одно правило воздействовало на звуковые оболочки морфем всех языков-потомков, а другое воздействовало на звуковые оболочки морфем только части языков-потомков. В этом случае мы вынуждены будем ввести узел генеалогического древа, в котором праязык разделяется на два праязыка более низкого уровня; из одного произошли те языки, где второе правило действовало, из другого — где не действовало. См. [Дыбо 2007: 12; Ringe & Eska 2013: 259–262]. Таким образом, для классификации идиомов имеет смысл рассмотреть группу правил, в которой можно выявить относительную хронологию процессов.

Пучок фонетических переходов, который хорошо демонстрирует относительную

хронологию процессов, в рассматриваемой группе: процессы изменения среднеязычных согласных (*j-, *č, *-š(-)).

Пример установления относительной хронологии на этой группе правил:

если в современном языке мы видим, что:

А. *č- перешел в s-,

Б. *j- перешел в č-,

то совершенно определено А произошло раньше Б,

поскольку иначе результат Б совпал бы с *č-, и на него бы подействовал А,

и в языке-потомке рефлекс *č- не отличались бы от рефлексов *j-.

Рассмотрим материал.

1. Тутальский говор среднечулымского языка — идиом с минимумом переходов от общего состояния системы пра-3-языка. Тутальский говор рассмотрен на материале словарных списков (два 110-словных списка с контекстами, от двух разных информантов, <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/226/3/perspective/226/4/view> и <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/220/4/perspective/220/5/view>).

Звуковые переходы:

*č- > j-: *čom- ‘нырять’ > šómtur ‘плывет’, *čik- ‘выходить’ > šiq ‘выходи’;

*č > (t)ε/dz: *agač ‘дерево’ > авá(t)ε (VMG), аfá(t)ε, Poss3 аfádzі (VDT); *ič- ‘to drink’ > *i(t)ε ‘пей’; *uč- ‘to fly’ > utε ‘лети’; *kičük-geč > kεté:te ‘маленький’; *jič-ge > teiekε, teiekεdzík ‘тонкий (о плоских объектах)’.

Ассимиляция начального фрикативного перед *č: *sa:č ‘волосы’ > teae, Poss3 teá:dzі, *čo:čka ‘свинья’ > теоэка́. Очевидно, этот переход произошел после перехода *č- > j-.

*j- > te-: *jer ‘земля’ > teεr, *jej ‘ешь’ > tei, *jol ‘дорога’ > teo:l, *jadag ‘пеший’ > teazák, *jüz ‘100’ > teys.

*š > j/z: *baš ‘голова’ > paʃ, Poss3 pá:zi; *diš ‘зуб’ > tiʃ, *kuš ‘птица’ > quʃ, *jakiš-i ‘хороший’ > teaxʃí.

2. Мрасский диалект шорского языка и шорский диалект хакасского языка по этому параметру представляют единство:

*č > j/z: *čom- ‘нырять’ > som-, *agač ‘дерево’ > авлʃ, Poss3 авлʃэ; *čo:čka ‘свинья’ > šofqá.

Ассимиляция: *sa:č ‘волосы’ > ʃʌʃ, Poss3 ʃáʒэ.

*j- > tʃ-: *jo:l ‘дорога’ > tʃol, *jer ‘земля’ > tʃer; *jadag ‘пеший’ > tʃʌʒag.

*š > j/z: *baš ‘голова’ > paʃ, Poss3 pá:zi; *e:šik ‘дверь’ > εʒεk.

3. Кызыльский диалект хакасского языка распространен сейчас в нескольких населенных пунктах на севере Хакасии; обследован также один населенный пункт в Красноярском крае. Кроме того, кызыльский материал известен по публикации [Joki 1953]⁴. В этой работе А. Йоки опубликовал небольшой словарик, собранный от неназванного им военнопленного-кызыльца. Когда мы работали с информантами по кызыльскому языку, мы собрали, в частности, три реплики словарика А. Йоки. Обсуждение упомянутых у А. Йоки кызыльских топонимов с нашим информантом, знатком кызыльской микропонимики М. М. Табаткиным позволяет локализовать говор информанта А. Йоки неподалеку от Саралы (скорее всего, с. Агаскыр, ныне нежилое, но у нас было несколько информантов, родившихся и живших там, а позднее переселившихся в другие сёла). Рефлексы в словаре А. Йоки также совпадают с этим говором кызыльского диалекта.

*č- > s-; j- / ʃ (*čik- ‘выходить’ > siχ-; *čo:čka ‘свинья’ > šofqá).

*č(-) > j/z (*abuč > o:ʃ ‘ладонь’, Poss3 o:zi).

Ассимиляция: *s- > jʃ- / *č > jʃ: *sa:č ‘волосы’ > <šáš> (J), ʃʌʃ (MP) Poss3 eezi (T), ʃʌʒi (Y), <šyžin> ‘твои волосы’ (AT), *sanč- ‘протыкать’ > <šā:š> (J), ʃʌʃ (Y, MP), eezege (T), <šyžipsem> ‘проткнула’ (AT), *sač- ‘разбрасывать, сеять’ > <šā:š> (J), ʃʌʃ (T, MP). Очевидно, здесь мы имеем дело со сложным переходом, а) спонтанным развитием *č > jʃ, б) ассимиляцией начального s-; и в) опереждением гласной между двумя

⁴ Другие имеющиеся публикации кызыльского материала [Доможаков 1948; Патачакова 1995; Сунчугашев, Чебокакова 2013] демонстрируют, по видимости, несколько отличающуюся картину, но, поскольку они не используют общезначимых способов записи фонетики, а наши собственные материалы примерно с той же территории, они не показывают значимых отличий от записей А. Йоки, выполненных в чрезвычайно точной традиционной финно-угроведческой транскрипции, то мы относим различия на счет условности кириллических транскрипций этих авторов.

палатализованными согласными. Ср. аналогичное развитие *seš- ‘развязывать’ > ʃeʃ (Т), которое может объясняться тем, что в переднерядном контексте выступил палатализованный аллофон ʃ, поэтому начальный s- дал также палатализованный фрикативный, и на такое сочетание не действовало правило перехода *š > s.

При этом *ja:-čAk ‘лук’ (общее для ареала образование с уменьшительным суффиксом), включающий морфемную границу, упреждения гласного не дает: <ša:žax> (J), ʃazvɛx (Т, ББ).

*j- > ʃ- (*jil ‘год’ > ʃil; *jo:l ‘дорога’ > ʃol);

*š > s/z (*baš ‘голова’ > pas, Poss3 pazi; *e:šük > ézik ‘ворота’).

Новый ассимилятивный процесс, дающий у А. Йоки слегка беспорядочные рефлексивы, у наших информантов четкое распределение: š- любого происхождения > s- / _s/z любого происхождения, если между ними узкий гласный:

А. Йоки:

с ассимиляцией *ja:z-KI > <sayi> ‘весна’, *jazuk > <szix> ‘грех’, *jidlek > <sestak> ‘ягода’, *jid > <sis> ‘запах’;

без ассимиляции *jatzuk > <šastix> ‘подушка’, *jazi > <šazi> ‘дикий’, *jazuk-I > <šaziyi> ‘мучение’, *jüz-dUK > <šüstük> ‘перстень’, *ja:š > <šas> ‘мокрый’, *ja:š-IIIk > <šastiy> ‘возрастной’; ср. *jak-Iš-I > <jaɣsi/šaxsi> ‘хороший’.

Современные информанты:

с ассимиляцией sʲysʲtuk (Т), sʲysʲtyk (МР) ‘перстень’, *jüz > sʲys (Т) ‘100’; sʲistek (МР), sʲisʲtik (Т) ‘ягода’, suš ‘запах’ (Т), <сыс-та-п> ‘чуёт’ (АТ), *jiš- > <сыс> (АТ) ‘тереть’;

без ассимиляции ʃasɯʃ, ‘весна’ (Т), ʃazɯʃ ‘грех, беда’ (Т), ʃasɯ ‘грех’ (МР), ʃzstuɣ (Т), <шастых> (АТ) ‘подушка’, ʃazɯʃ (Т) ‘степь’, *jadag > шазаг (АТ) ‘пешком’, ʃas (Т), ʃas (У, АТ) ‘мокрый’, ʃastɯʃ (Т), ʃastiy (У, АТ) ‘возрастной’.

Вероятно, результат такой же ассимиляции при узком гласном: *s- > s / _*š > s/z: *si:š- > sis- (Joki), <sis paɣan> ‘распухла’ (АТ).

4. Мелетский говор среднечулымского языка

*č- > s-; tɛ- / _ (t)ɛ (*čik- ‘выходить’ > sɛq-, *čom- ‘нырять’ > som-; *čo:čka ‘свинья’ > teoɛqá ~ teoɛxá).

*-č(-) > ɛ/z (*ič- ‘пить’ > ie-).

Ассимиляция, аналогичная кызыльской: *s- > (t)ɛ- / _*č > ɛ/z: *sa:č ‘волосы’ > (t)ɛɛ, Poss3 teazə; *sanč- ‘протыкать’ > ɛa:ɛ-, *sač- ‘разбрасывать, сеять’ > ɛa:ɛ, ср. *seš- ‘развязывать’ > tee:ɛ-).

*j- > (t)ɛ- (*jadag ‘пеший’ > teazáv; *jiltiz ‘звезда’ > (t)ɛoltəs, *jüz ‘100’ > (t)ɛüs);

*š > s/z (*baš ‘голова’ > pas, Poss3 pazi, *siš ‘чирей’ > sis).

5. Качинский диалект хакасского языка

*č- > s- (*čik- ‘выходить’ > siɣ-, *čom- ‘нырять’ > som-; *čo:čka ‘свинья’ > sosɣa);

*-č(-) > s/z; ɛ/_I (*agač ‘дерево’ > авас, Poss1 аваем; *sa:č ‘волосы’ > sas, Poss1 ɛɛɛ-im; *ič- ‘пить’ > is ‘пей’, Conv ie-ip). Ср. ассимиляцию начального *s- в ɛɛɛ-im.

*j- > ɛ- (*jel ‘ветер’ > eil; *jer ‘земля’ > eir; *jo:l ‘дорога’ > eol);

*š > s/z (*baš ‘голова’ > pas, Poss3 pazi).

6. Староинюсский говор качинского диалекта отличается в данном случае от более южных качинских говоров сохранением аффрикатного характера мягкой аффрикаты, переходящей южнее в фрикативный:

*č- > s- (*čik- ‘выходить’ > siq-, *čom- ‘нырять’ > som-; *čo:čka ‘свинья’ > sosqa);

*-č(-) > s; tɛ/_I (*agač ‘дерево’ > авас, Poss3 аваем; *sa:č ‘волосы’ > sas, Poss3 teɛɛim; *ič- ‘пить’ > is ‘пей’, Conv ite-ip).

*j- > tɛ- (*jel ‘ветер’ > teil j; *jer ‘земля’ > teir; *jo:l ‘дорога’ > teol);

*š > s/z (*baš ‘голова’ > pas, Poss3 pazi).

7. Сагайский диалект хакасского языка

*č > s/z (*čik- ‘выходить’ > sɛɣ-, *čom- ‘нырять’ > som-; *čo:čka ‘свинья’ > sosɣa; *agač ‘дерево’ > авас, Poss1 авазэм; *sa:č ‘волосы’ > sas, Poss1 sazэм; *ič- ‘пить’ > ɛs ‘пей’, ɛzɛр деепр.);

*j- > ɛ- (*jel ‘ветер’ > eil; *jer ‘земля’ > eir; *jo:l ‘дорога’ > eol);

*š > s/z (*baš ‘голова’ > pas, Poss3 pazə).

8. Бельтирский говор сагайского диалекта отличается в данном случае сохранением аффрикатного характера мягкой аффрикаты, северо-восточнее перешедшей в фрикативный:

*č > s/z (*čik- ‘выходить’ > sɛɣ-, *čom- ‘нырять’ > som-; *čo:čka ‘свинья’ > sosɣa; *agač ‘дерево’ > авас, Poss1 авазэм; *sa:č ‘волосы’ > sas, Poss1 sazэм; *ič- ‘пить’ > ɛs ‘пей’, ɛzɛр деепр.);

*j -> te- (*jel 'ветер' > teil j ; *jer 'земля' > teir; *jo:l 'дорога' > teol);
*š > s/z (*baš 'голова' > pas, Poss3 pazə).

9. Таштыпский диалект, или «диалект малых деревень». Это идиом, который мы обнаружили в 2016 г., когда работали в поселениях, которые традиционно относятся к шорскому диалекту хакасского языка. В некоторых из них (Верхние Сиры, Малая Сея, Сигиртуп, Шепчул) наблюдается последовательный переход ОТ *č > s, при сохранении ОТ *š. Хакасские диалектологи считают эти говоры «шокающими», принимая сдвиг *č > s за влияние соседнего бельтирского говора. Но строгие соответствия пратюркскому показывают, что это не так:

*č > s/z (*čik- 'выходить' > səχ-, *čom- 'нырять' > som-; *čo:čka 'свинья' > sosχá; *agač 'дерево' > avas, Poss1 avazəm; *sa:č 'волосы' > sas, Poss1 sazəm; *ič- 'пить' > əs 'пей', Conv əzəp);

*j -> te- (*jel 'ветер' > teel; *jer 'земля' > teer; *jo:l 'дорога' > teol);

*š > s/z (*baš 'голова' > paš, Poss3 pazə, *e:šik 'дверь' > izək).

Сопоставив все процессы, наблюдаемые в рассмотренных диалектах и говорах, можно выделить следующие генеалогические узлы на их родословном древе (см. схему 1 в приложении):

Мрасский шорский и тутальский среднечулымский (*č- > ʃ-, *š > ʃ; начальный *č- и *š совпали в одну фонему ʃ);

Кызыльский и мелетский среднечулымский (*č- > s-, ʃ- /_ʃ // te- /__(t)ε; *-č(-) > ʃ/ʒ // ε/z; *š > s);

Сагайский и бельтирский (*č > s, *š > s. Все *č и *š совпали с *s в s);

Все «хакасские» диалекты, включая мелетский среднечулымский (*č- > s-).

Кроме того, наблюдается периферийный архаизм хакасского ареала: кызыльский и таштыпский диалекты сохранили оппозицию *č vs *š.

Соответственно, первый распад общего предка — на две ветви, «шорскую» и «хакасскую»; пра-хакасский разделяется на кызыльско-мелетскую ветвь, таштыпский диалект и пра-сагайско-качинскую ветвь, которая потом делится на пракачинский (включающий более архаичный староиносский) и прасагайский (включающий более архаичный бельтирский). Прашорский распадается на собственно шорский мрасский

и несколько более архаичный тутальский чулымский. Существенно, что мелетский и тутальский говоры среднечулымского не образуют общего генеалогического узла, что предполагает заселение нынешней территории их проживания с двух сторон — через спуск сверху по Чулыму и через спуск по Мрассу до Томи, оттуда до устья Чулыма и подъем по нему. Географическое распределение диалектов см. на карте 1 в приложении.

2. Тюркские языки Северного Кавказа: диалекты карачаево-балкарского языка

В августе 2018 г. наша группа, при содействии Кабардино-Балкарского научного центра РАН, собирала данные по специализированным опросникам в населенных пунктах Кабардино-Балкарии⁵. Впоследствии работа была распространена З. К. Айбазовой на Карачаево-Черкесию. Проведенная обработка данных демонстрирует, что можно считать окончательно доказанным, что малкарский говор является результатом осетинского субстратного воздействия на говор хуламо-безенгийского типа (вопреки традиционному мнению, что хуламо-безенгийский представляет собой результат интерференции малкарского и баксано-чегемского).

Рассмотрим распределение рефлексов пратюркского начального *j- в карачаево-балкарских диалектах и их говорах. По классической схеме описания диалектов, к «джокающим» (*j- > dz) относятся два говора — карачаевский и баксанский, к «жокающим» (*j- > z) — чегемский и промежуточный хуламо-безенгийский (см., например: [Алиев 1960]). Вместе эти четыре говора составляют опорный диалект, на основе которого разработаны две литературные нормы карачаево-балкарского языка: одна функционирует в Карачаево-Черкесской республике и является «джокающей», другая — в Кабардино-Балкарской республике и является «жокающей». Отметим, что «джокающий» баксанский говор функционирует на территории с «жокающей» литературной нормой, преподающейся в школе. «Жокающий» (*j- > z-) диалект представлен преимущественно

⁵ Основные участники экспедиции: З. К. Айбазова, А. В. Дыбо, Е. В. Коровина, З. К. Кочакаева, И. А. Невская, А. В. Шеймович.

но Черекским ущельем и небольшими селами в Лескенском районе Кабардино-Балкарской республики.

Наши данные:

ПТю *j- регулярно дает карач. (все говоры) dz-, баксан. dz-. В баксанских анкетах имеется несколько (около 5 из приблизительно 200 случаев) употреблений твердого z- в анлауте (только в заднерядных словах). По-видимому, это — результат влияния литературной нормы «балкарского» типа. Регулярное школьное преподавание «балкарской нормы» вкупе с хорошим владением русским языком и совпадением нормативного обозначения балкарского z- с русским z в жс, по-видимому, приводит к «орфографической интерференции» того типа, которую уже приходилось отмечать в разных регионах проживания тюрков в России, а именно, в говорах, функционирующих на территории «жокающей» балкарской нормы, стремление сказать «на литературном» приводит к произношению z-. Современное радиовещание на балкарском языке совершенно регулярно использует для рефлекса ПТю *j- твердое z- и в заднерядных, и в переднерядных словах.

В хуламо-безенгийском говоре, вопреки данным [Алиев 1960; Филоненко 1940; Аппаев 1960], инициальная z- (которая могла бы связать его как смешанный с «зокающим» малкарским диалектом) нам ни разу не встретилась, обычный рефлекс *j- это z-. По рассказам местных жителей, в средней части Хуламо-Безенгийского ущелья до войны имелось несколько селений переселенцев из Черекского ущелья, сохранявших зокающий говор, но впоследствии ассимилированных (одно из них — Усхур; возможно, наследием этого говора, соответственно, следом интерференции хуламо-безенгийского с малкарским в отдельном подговоре хуламо-безенгийского является наличие здесь нехарактерного для остальных хуламо-безенгийцев сдвига переднерядных огубленных гласных в средний ряд).

В чегемском говоре также обычный рефлекс *j- это z-.

В обоих говорах в заднерядных словах примерно в 38 % случаев (196 на 516) встречен твердый вариант z-, причем в старшей возрастной группе он встречается в единичных случаях. В переднерядных словах

произношение z- ни разу не встретилось. По-видимому, это следствие влияния «нормы» в исполнении радиовещания и орфографии.

В обоих «жокающих» говорах достаточно регулярно наблюдается аффрикатный позиционный вариант z-, dz- после согласных во фразовой позиции. В хуламо-безенгийском этот вариант практически регулярно выступает после -n предшествующей словоформы:

Ala tilekⁱ etedile zawun dzawar ytey (лит. Ала тилек этедиле жауун жауар ючюн) 'Они молятся о ниспослании дождя'; Ma zariq zanjan dzulduz (лит. Ма жарыкъ жанган жулдуз) 'Вон яркая звезда'.

В чегемском имеются примеры, где в одном ряду одно и то же слово идет с позиционным z-/ dz- чередованием (аффриката выступает практически регулярно после -n, менее регулярно — после -l, -t, -q):

- Men dzuyjme zolda (лит. Мен жюриюме жолда) 'Я шагаю по дороге';
- zalin. Ozaq dzalinnan tolbandi. (лит. Жалын. Ожакъ жалындан толгъанды) 'Сажа. В трубе собралось много сажи';
- Ma bu zijriq dzafil'di. (лит. Ма бу жыйрыкъ жашилди) 'Вот это платье зеленое';
- Ani zumufaq dzyregi. (лит. Аны жумушакъ жюреги) 'У него доброе сердце'.

Кроме того, в чегемских и хуламо-безенгийских записях регулярно встречается небольшой набор слов, начинающихся на dz- в независимой позиции. В основном это арабские и персидские заимствования: dzanuwar 'зверь', dzur 'косуля', dzin 'бес' (араб.), dzuma 'пятница'; но есть и несколько тюркских: dzyrekⁱ 'сердце', dzer 'земля', dzastiq 'подушка', dzyzyk 'кольцо', dzafil 'зеленый'. Кажется, опционально действует диссимиляционное правило сохранения аффрикаты перед фрикативным, но так объясняются не все слова. Заимствования из «джокающего» говора?

В «зокающем» (малкарском, черекском) диалекте обычный рефлекс *j- — это z-, слегка палатализирующееся в переднерядных словах. Результат влияния радиовещания и графики — примерно 15 % случаев произношения z- твердого и в заднерядных, и в переднерядных словах.

В «жокающем» диалекте регулярно наблюдается аффрикатный позиционный вариант *z-*, *dz-* после *-n* предшествующей словоформы:

- *Men dzilik'ni syjeme* (лит. Мен жилик-ни сюеме) 'Я люблю костный мозг';
- *Sen dzumurtxa syjemse?* (лит. Сен жумуртха сюемсе?) 'Ты любишь яйца?'
- Но у той же информантки: *Tawuq zumurtxa tapxandi* (лит. Тауукъ жумуртха тапханды) 'Курица снесла яйцо'.

Абсолютно тот же набор слов, который встречается с начальной аффрикатой в независимой позиции в хуламо-безенгийских анкетах, здесь присутствует также с аффрикатой, но свистящей, в виде *dzylrekj*, *dzer*, *dzanuwar*, *dzastiq* и т. д. Удивительным образом, в традиционных работах по диалектологии для этих слов в малкарском отмечается «жокающее» произношение, которого мы не обнаружили; правда, в начале Черекского ущелья есть поселения с «жокающим» говором, переселенцы из Хулама.

Такое распределение рефлексов указывает на вторичный характер «жокающего» произношения по отношению к «жокающему». Уже описанное ранее и подтверждаемое нашими материалами распределение «цоканья», т. е. отражения в малкарском ПТ *č, также говорит о вторичности «цокания»: в позиции сандхи перед согласным, как внешних, так и внутренних, старый *č не теряет шипящести, но теряет смычку, переходя в *f*: *yts + litr* 'три литра' > *yf litr*, *kyts + -IU* 'сильный' > *kyfly*, *kyts + zoxtu* 'нет сил' > *kyf zoxtu*, *yts + -tsIk* 'троечка' > *yfkyk*. Отметим, что наш материал подтверждает точку зрения Ш. Х. Акбаева [Акбаев 1999], в малкарском в сочетании *fts*, независимо от его происхождения, второй элемент приобретает шипящую окраску: *yfkyk* 'троечка' (*yts + -tsIk*), *befstik* 'пятерочка' (*bef + -tsIk*), в противоположность мнению Ж. М. Гузеева [Гузеев 1974] (что второй элемент в этих случаях — *ts*). Объяснение вторичным воздействием осетинского субстрата здесь самое простое.

Потеря смычки начальной звонкой аффрикатой, наоборот, не кажется субстратной и может указывать на существенную общность малкарского, хуламо-безенгий-

ского и чегемского говоров. Однако, если посмотреть на географическое распространение этой изоглоссы, мы видим, что это инновационный центральный ареал, в то время как карачаевские и баксанский говоры представляют периферийный подковообразный архаизм (см. карту 2 в приложении). Вопрос о древесном членении карачаево-балкарской общности пока остается открытым.

3. Тюркские языки Урало-Поволжья: татарские и башкирские диалекты

Для этого региона уже созданы диалектологические атласы [АТНГ 2015; ДАБЯ 2005], рассматриваемому здесь материалу соответствуют карты № 33 из [АТНГ 2015]; № 45–46 из [ДАБЯ 2005]. Кроме опубликованных работ татарских и башкирских диалектологов, ниже использован материал диалектологических опросов, предпринятых в 2017–2020 гг. в основном силами Л. Ф. Абубакировой; по сибирско-татарским диалектам использованы также материалы А. В. Дыбо, В. М. Лемской, Д. М. Токмашева и О. Р. Хисамова. На основании значительного архивного и полевого материала по волгоуральским кыпчакским языкам выясняются новые возможности классификации говоров, границы которой проходят относительно независимо от традиционных социолингвистических границ между языками региона. Оказывается, что не только между диалектами разных волгоуральских языков, но и между диалектами одного языка существует значительная разница в рефлексации начального *j. Традиционное мнение — что различные рефлексы *j- распределены в говорах «беспорядочно» — см., например: [Berta 1989: 197–224]. Реально в материале наблюдается три разных типа «жоканья»: «полное жоканье» (*j- дает шумный согласный при любом последующем контексте), «полное йоканье» (*j- дает глайд при любом последующем контексте) и распределение глайдовых и шумных рефлексов в зависимости от следующего контекста. Разумеется, в полевого материале мы имеем дело также и с различными сдвигами этих систем под влиянием принятых в соответствующих регионах литературных языков, башкирского и татарского.

Последний тип (далее «татарское распределение») представлен, например, в татарском литературном языке. Это отображение начального *j- как шумного (аффрикаты или фрикатива, условно изображаемого ниже обобщенно как ž) только в позиции перед старыми неогубленными передними гласными верхнего и среднего подъёма (*i, *e, *e): žilem ‘клей’, žig ‘земля’, žim ‘корм’, žil ‘ветер’, žil- ‘мчатся’, žiŋ ‘рукав’, žiŋæ ‘жена старшего брата’, žik ‘злой’, žimeš ‘фрукт’, žide ‘семь’, žiz ‘медь’, žit- ‘достигать’, žiŋel ‘легкий’, žimeŋ- ‘разрушать’, žigæŋ ‘рыжий’, žiznæ ‘зять’, žilæk ‘ягода’, žik- ‘запрягать’, žigæŋ- ‘брезговать’, žiŋ- ‘побеждать’, žilen ‘вымя’, žete ‘острый, самый’, žebe- ‘мокнуть’, žek ‘щель’, žer ‘нитка»; исключения jegeŋme ‘двадцать’, jeget ‘молодец’ (оба — сложные случаи со специфическим шумным рефлексом среднего -*g- в соседстве с *i в неразложимых основах на пракыпчакском уровне, см. [СИГТЯ 2006: 93, 96]); нерегулярно перед *ш: žilim ‘сеть’, žil ‘теплый’, žig ‘песня’ vs jil- ‘ползти’, jilan ‘змея’ (*ji:l-), jil ‘год’ (*jil), jila- ‘плакать’ (*ji:g-la-), jilqi ‘табунная лошадь’ (*jilk), jiq- ‘сбрасывать’ (*jik-); регулярное отображение *j- как глайда перед всеми другими гласными (jæš ‘молодой’, jul ‘путь’, joldiz ‘звезда’ и т. д.), кроме регулярного же типа исключений: позиция диссимиляции при наличии следующего -j- любого происхождения (в частности, пракыпчакского j из *-g-): žuj- ‘разрушать’ (*jod-), žæjen ‘сом’ (*ja:δ-), žoj ‘шов’ (*jib), žij- ‘собирать’ (*jig-), žæj- ‘расстилать’ (*ja:δ-), žæj- ‘лето’ (*ja:j), žijen ‘племянник’ (*jegen).

К сожалению, до сих пор это позиционное распределение не было замечено исследователями, и потому на соответствующих диалектологических картах татарского и башкирского атласов оно отражено весьма опосредованно, хотя, зная о нем, можно по этим картам сделать некоторые выводы о его распространении. Две карты [ДАБЯ 2005], № 45 и 46, построены на распространении *жете/жете* ‘7’ и *йыйын/жыйын* ‘сом’. Таким образом, они позволяют отличить ситуацию «полного йоканья» от «полного жоканья» и «татарского распределения», но не позволяют различить эти две последних ситуации, так как оба картографированных

слова как раз подпадают под условия «жоканья» в этом распределении. Карта № 33, «Ж-оканье в начале собственно татарских слов», в [АТНГ 2015] различает типы 1) «й: йул ‘дорога’, йир ‘земля’...», 2) «ж: жул, жир...», и 3) «й//ж в начале некоторых слов перед гласными э, е, и» (остальные различия на карте, видимо, представляют собой сбой в отражении *j- и не должны учитываться при анализе). Очевидно, третий тип относится в основном к вышеописанному распределению, если учитывать такие случаи, как žæjen ‘сом’, žæj- ‘расстилать’, žæj- ‘лето’.

Изогlossen «татарского распределения» объединяет некоторые мишарские диалекты, литературный и казанский татарский, красноуфимский татарский и айский и аргаяшский диалекты башкирского. Это, по-видимому, результат процесса, проходившего до развития правосточнокыпчакского *æ (ср. отсутствие перехода *j- > ž перед æ), но после пракыпчакского разбиения рефлексов *-g-. Ареал, охваченный этой изоглоссой, подковообразен, что соответствует по ареалогическим представлениям архаической периферии инновативного процесса. В описании [Максютова 1976: 40–42] утверждается, что «жоканье в айском говоре носит бессистемный характер», но приведенные на стр. 40 и 98 айские и аргаяшские примеры и систематический анализ унаследованной от праторкского лексикона в наших материалах указывают на описанное распределение. Отметим, что при данном типе рефлексации *j- во всех засвидетельствованных случаях как шумный отражается начальный ž- заимствованной арабской и персидской лексикой (žan ‘душа’, žomga ‘пятница’ и под.)⁶.

«Полное йоканье», рефлексация *j- в виде глайда в любой позиции — это наиболее распространенное явление, свойственное всем без исключения сибирско-татарским диалектам (см.: [Алишина

⁶ В истории татарской письменности подобную систему могут отражать отступления от стандартной орфографии у Мавля Коля (середина XVIII в., предположительно Заказанье; ср. *жйле, жуй-, жумарт* (из перс. *жәвәнмәрд* [Ахметьянов 2015, 2: 522]) и, возможно, листовки Пугачева, см. [Хисамова 2015: 385–386]; остальные упоминаемые там памятники скорее допускали отступления под влиянием систем полного жоканья.

2019: 16, 26], эуштинскому, чатскому⁷, барабинскому, тюменскому, тобольскому, вагайскому говорам); части мишарских говоров. Сплошное отражение начального *j- как глайда характеризует также южные и частично восточные (по нашим материалам — миасский и кызыльский) башкирские диалекты. При этом персидские и арабские заимствования на ж-, как и русские заимствования на ж-, в случае адаптации развивают также начальный глайд (башк. йән ‘душа’ из перс. жән [Ахметьянов 2015, 1: 259] и под.).

Третье явление — переход всех начальных *j- в шумный согласный. Эта черта характеризует собственно среднее наречие татарского (кроме говоров, легших в основу литературного языка), если смотреть на основной ареал его распространения [АТНГ 2015: карта 33]; представлена лишь в нескольких мишарских диалектах, контактирующих с казанско-татарскими. В нашей выборке это явление затрагивает мензелинский и (частично) заказанский диалекты. По всей видимости, этот тип «жоканья» — недавняя волго-уральская инновация, на что указывает судьба русских заимствований. Так, в мензелинском рус. jama > жрм [ТТЗДС 2009: 179].

Лексикографические данные указывают, что аналогичный тип «жоканья» встречается в бардымском, мамадышском, нагорном, тарханском, нижнекамском камско-устыинском, лаишевском, стерлитамакском говорах; он свойствен всем кряшенским этнолектам (и отражается в орфографии православных богослужебных текстов на татарском языке, см. [Нуриева 2015: 71]), из контактирующих со средним наречием мишарских диалектов — в дрожжановском и этнолекте каратаев [ТТЗДС 2009: 177–182, 190–193].

⁷ Для калмакского — языка телеутов, перешедших на сибирско-татарский чатский и привнесших в него ряд собственных фонетических особенностей — ср. губной сингармонизм на широких гласных, — формально нельзя определить, был ли в исходном татарском говоре *j- или *ж-, так как в настоящее время там представлен (по крайней мере в части записей) характерный для телеутского и других южно-алтайских диалектов среднеязычный звонкий взрывной [ɟ]. Но остальные чатские говоры показывают сплошное йоканье.

Из описания, изложенного в [Миржанова 1991: 153], нижнебельско-ыкский говор⁸ также характеризуется «полным жоканьем»; наши экспедиционные данные, видимо, подтверждают это, хотя к настоящему времени носители говоров подвергаются сильному воздействию башкирского литературного языка⁹.

К настоящему времени мы располагаем недостаточными собственными полевыми материалами по проблеме географического распределения типов; к тому же влияние изучаемых в школе и распространяемых СМИ литературных языков за вторую половину XX – начало XXI вв. должно было смазать и, по нашим наблюдениям, несколько смазало картину распределения рефлексов у отдельных носителей идиомов. Тем не менее, сопоставляя построенную по полевым материалам карту (см. карту 3 в приложении) и основанные на более старых (и поэтому, вероятно, менее подвергшихся позднейшим сдвигам) материалах карты [ДАБЯ 2005] и [АТНГ 2015] при учете предложенных выше поправок, можно предположить приблизительно следующую картину.

Для пракыпчакского языкового состояния на месте пратюркского *j- должен восстанавливаться начальный глайд, хотя бы в некоторых позициях (иначе не объясняется позиция диссимилятивного сохранения *-g- при начальном *j-, см. [СИГТЯ 2006: 93, 96]). Но целая картина скорее заставляет предполагать начальную фонему, отличную от глайда, с несколькими позиционными вариантами при разных гласных, дающими впоследствии разнообразные развития. Следы этого разнообразия мы видим, например, в кумыкском (западно-кыпчакском) языке, где наблюдаются пока неясным образом распределенные варианты рефлексов *j- — [j] и [dʒ]. На общем фоне татаро-башкирского «йоканья» в западной части татаро-башкирской зоны выделяется подковообразный ареал «распределенного йоканья ~ джоканья», который выглядит как архаичный по отношению к продвинувшемуся с

⁸ По классификации, принятой в татарской диалектологии — мензелинский говор татарского языка.

⁹ По мнению Д. Б. Рамазановой, также нарушения «жоканья» могут быть связаны с влиянием «йоканьющих» мишарских диалектов [Рамазанова 2020: 94].

юга по Волге ареалу «полного джоканья», вероятно, связанному с ранними ногайскими контактами.

Выводы

Итак, как нам удалось продемонстрировать на рассмотренных примерах, сбор диалектного материала по единообразным

Сокращения

баксан. — баксанский диалект карачаево-балкарского языка
 верхне-инос. — верхнеиносский говор качинского диалекта хакасского языка
 карач. — карачаевский диалект карачаево-балкарского языка
 кач. — качинский диалект хакасского языка
 кыз. — кызыльский диалект хакасского языка
 мелет. — мелетский говор среднего диалекта

Литература

Акбаев 1999 — *Акбаев Ш. Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск: Карачаево-Черкес. гос. пед. ун-т, 1999. 257 с.
 Алиев 1960 — *Алиев У. Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Третье региональное координационное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов. Баку: АН АзССР, 1960. 125 с.
 Алишина 2019 — *Алишина Х. Ч.* Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень: тип. «Печатник», 2019. 198 с.
 Аппаев 1960 — *Аппаев А. М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к литературному балкарскому языку. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1960. 74 с.
 АТНГ 2015 — Атлас татарских народных говоров. Изд. 2-е / *Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хайрутдинова* (отв. ред.). Казань: ИЯЛИ, 2015. 632 с.
 Ахметьянов 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге (= Этимологический словарь татарского языка). В 2 т. Казань: Мәгариф – Вақыт, 2015. 543 с.
 ДАБЯ 2005 — Диалектологический атлас башкирского языка / отв. ред. *Ф. Г. Хисамитдинова*. Уфа: Гилем, 2005. 232 с.
 Доможаков 1948 — *Доможаков Н. Г.* Описание кызыльского диалекта хакасского языка: дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 1948. 180 с.
 Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд.

ориентированным на исторический принцип анкетам, с учетом минимальных социолингвистических данных, позволяет сильно уточнить распределение языковых явлений на географической карте и поставить вопросы о соотношении генеалогических и ареальных явлений в истории языка.

чулымского языка

ОТ — общетюркский язык
 ПТ — пратюркский язык
 саг. — сагайский диалект хакасского языка
 ср.-чулым. — средний диалект чулымско-тюркского языка
 тутал. — тутальский говор среднего диалекта чулымского языка
 хак. шор. — шорский диалект хакасского языка
 шор. Мр. — мрасский диалект шорского языка

Пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 222 с.

Дыбо и др. 2020а — *Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В.* Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)» // Родной язык. 2020. № 1. С. 86–119. DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-86-119
 Дыбо и др. 2020б — *Дыбо А. В., Кольчикова А. В., Коровина Е. В., Крылова А. С., Лемская В. М., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Ренковская Е. А., Султрекова Э. В., Токмашев Д. М., Шеймович А. В.* Историческая диалектология тюркских языков “з-группы” (Южная Сибирь). Томск, изд-во ТГУ. 2020 (в печати).
 Гузеев 1974 — *Гузеев Ж. М.* Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 62–66.
 Максютлова 1976 — *Максютлова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.
 Миржанова 1991 — *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 296 с.
 Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015. № 2. С. 67–73.
 Патачакова 1995 — *Патачакова Д. Ф.* Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк): пособ. для учителя. Абакан: ХакНИ-ИЯЛИ, 1995. 55 с.

- Рамазанова 2020 — *Рамазанова Д. Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань: ИЯЛИ, 2020. 208 с.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пра-тюркский язык-основа. Картина мира пра-тюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
- Сунчугашев, Чебоचाкова 2013 — *Сунчугашев Р. Д., Чебоचाкова И. М.* Об особенностях кызыльского диалекта хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 338–340.
- ТГЗДС 2009 — Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (= Большой диалектологический словарь татарского языка) / Ф. Баязитова, Д. Рамазанова, З. Сайдыкова, Т. Хәйретдинова. Казань: Мәгариф, 2009. 839 с.
- Филоненко 1940 — *Филоненко В. И.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик: Кабардино-Балкарское гос. изд-во, 1940. 88 с.
- Хисамова 2015 — *Хисамова Ф. М.* (ред.) Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) (= История татарского литературного языка (XIII – нач. XX вв.)) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова. 1 т. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Кол-во стр
- Berta 1989 — *Berta Á.* Lautgeschichte der Tatarischen Dialekte // *Studia Uralo-Altaica*. Vol. 31. Szeged: John Benjamins Pub Co., 1989. 304 S.
- Joki 1953 — *Joki J. Aulis.* Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache (*Studia Orientalia*, XIX:1.) Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1953. 50 S.
- Ringe & Eska 2013 — *Ringe D., Eska J. F.* Historical Linguistics: Toward a Twenty-First Century Reintegration (*Cambridge Textbooks in Linguistics*). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 325 p.
- Schönig 1997 — *Schönig K.* A new attempt to classify the Turkic languages (1) // *Turkic languages*, 1997, 1, 117–133.
- Waibel 2006 — *Zinaida Waibel und Andreas Waibel.* Der Schor-Dialekt des Chakassischen: Chakassisch oder Schorisch? // In: Marcel Erdal, Irina Nevskaya (eds.) *Exploring the Eastern Frontiers of Turkic*. Frankfurt: Otto Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 251–264.
- Berta Á. Lautgeschichte der Tatarischen Dialekte. Ser.: *Studia Uralo-Altaica*. Vol. 31. Szeged: John Benjamins Pub Co., 1989. 304 p. (In Germ.)
- Domozhakov N. G. A Description of Kyzyl Khakass. Cand. Sc. (philology) thesis. Abakan, 1948. 180 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. Linguistic Contacts of Early Turks. Vocabulary. Proto-Turkic Period. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 222 p. (In Russ.)
- Dybo A. V., Kolchikova A. V., Korovina E. V., Krylova A. S., Lemskaya V. M., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Renkovskaya E. A., Sultrekova E. V., Tokmashev D. M., Sheymovich A. V. *Turkic Languages of the ‘Z’-Group (Southern Siberia): Historical Dialectology*. Tomsk: Tomsk State University, 2020 (in press). (In Russ.)
- Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovich A. V. A dialectological questionnaire for a pilot study on isoglosses in the Turkic “Z” group spoken in the Khakas-Shor-Chulym area. *Rodnoy Yazyk*. 2020. No. 1. Pp. 86–119. (In Russ.) DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-86-119
- Filonenko V. I. *Balkar Grammar: Phonetics and Morphology*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State Publ. House, 1940. 88 p. (In Russ.)

References

- Akbaev Sh. Kh. *Karachay-Balkar Dialects: Structural Genetic and Areal Perspectives*. Karachayevsk: Karachay-Cherkess State Pedagogical University, 1999. 257 p. (In Russ.)
- Akhmetyanov R. G. *Etymological Dictionary of the Tatar Language*. Vols. 1–2. Kazan: Mägarif – Vakyt, 2015. 543 p. (In Tat.)
- Aliev U. B. Dialectal segmentation of Karachay-Balkar. In: *Turkic Dialectal Studies. Third Regional Coordination Meeting. Theses*. Baku: Azerbaijan SSR Academy of Sciences, 1960. 125 p. (In Russ.)
- Alishina Kh. Ch. *Language of Siberian (Tobol-Irtysh) Tatars*. Tyumen: Pechatnik, 2019. 198 p. (In Russ.)
- Appaev A. M. *Literary Balkar and Its Dialects: A Comparative Perspective*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publ., 1960. 74 p. (In Russ.)
- Aulis J. J. *Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache*. Ser.: *Studia Orientalia*. Vol. XIX(1). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1953. 50 p. (In Germ.)
- Bayazitova F., Ramazanova D., Saydykova Z., Khayretdinova T. *Unabridged Dialectal Dictionary of the Tatar Language*. Kazan: Mägarif, 2009. 839 p. (In Tat.)

- Guzeev Zh. M. Malkar dialect of Karachay-Balkar: phonetic features. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1974. No. 5. Pp. 62–66. (In Russ.)
- Khisamova F. M. (ed.) History of Literary Tatar: 13th – Early 20th Centuries. I. Bashirova, F. Nurieva, E. Kadiyova. Vol. I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2015. (In Tat.)
- Maksyutova N. Kh. Eastern Dialect of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 1976. 292 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.). Dialectal Atlas of the Bashkir Language. Ufa: Gilem, 2005. 232 p. (In Bash.)
- Mirzhanova S. F. Northwestern Dialect of the Bashkir Language: Origins and Current State. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991. 296 p. (In Russ.)
- Nurieva F. Sh. The dialectal base of the books written in ‘Christened Tatar’ in the latter half of the 19th century. *Ural-Altai Studies*. 2015. No. 2. Pp. 67–73. (In Russ.)
- Patachakova D. F. Kyzyl Khakass: A Brief Essay. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1995. 55 p. (In Russ.)
- Ramazanova D. B. The Shaping of Tatar Dialects in Southwest Bashkiria. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2020. 208 p. (In Russ.)
- Ramazanova D. B., Khayrutdinova T. Kh. (eds.) Atlas of Tatar Folk Dialects. 2nd ed. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2015. 632 p. (In Tat. and Russ.)
- Ringe D., Eska J. F. Historical Linguistics: Toward a Twenty-First Century Reintegration (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 325 p. (In Eng.)
- Schönig K. A new attempt to classify the Turkic languages (1). *Turkic Languages*. 1997. No. 1. Pp. 117–133. (In Eng.)
- Sunchugashev R. D., Chebochakova I. M. About peculiarities of the Kyzyl dialect of the Khakass language. *The World of Science, Culture and Education*. 2013. No. 5 (42). Pp. 338–340. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Regional Reconstructions. Moscow: Nauka, 2002. 767 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Proto-Turkic (Ancestor) Language. Worldview of Proto-Turks as Evidenced by Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 912 p. (In Russ.)
- Waibel Z, Waibel A. Der Schor-Dialekt des Chakassischen: Chakassisch oder Schorisch? In: Erdal M., Nevskaya I. (eds.) Exploring the Eastern Frontiers of Turkic. Frankfurt: Otto Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 251–264. (In Eng.)

Приложение

Генеалогическое древо z-языков Южной Сибири

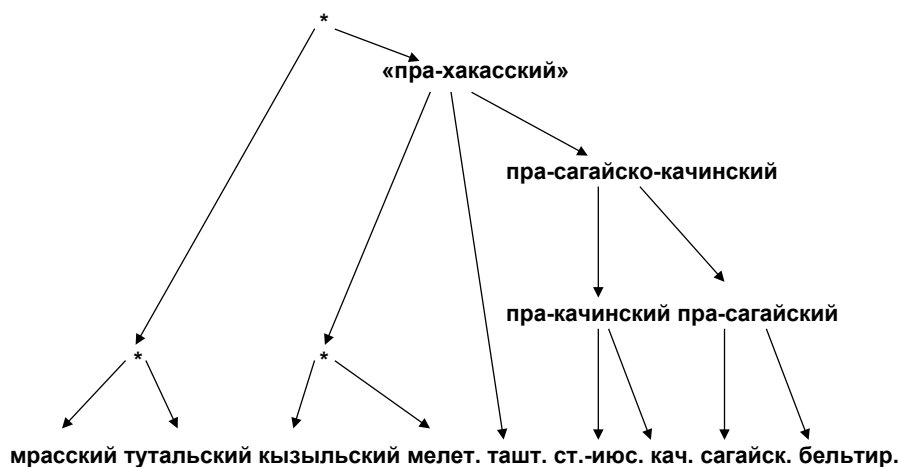

Рис. 1. Генеалогическое древо тюркских z-языков Южной Сибири
 [Fig. 1. Genealogical tree of Turkic Z-languages in Southern Siberia]

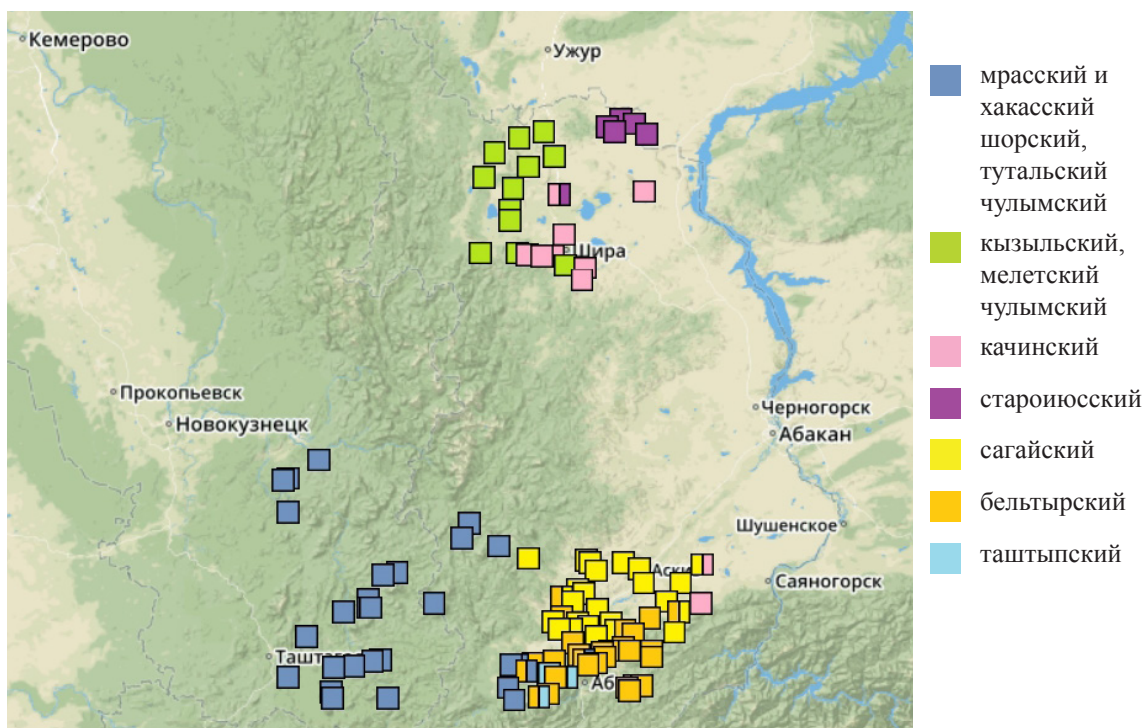

Рис. 2. Карта хакасских и мрасских шорских говоров по данным «аффрикат»
 [Fig. 2. Map of Khakass, Mrassu Shor and Middle Chulym sub-dialects according to 'affricate reflexes']

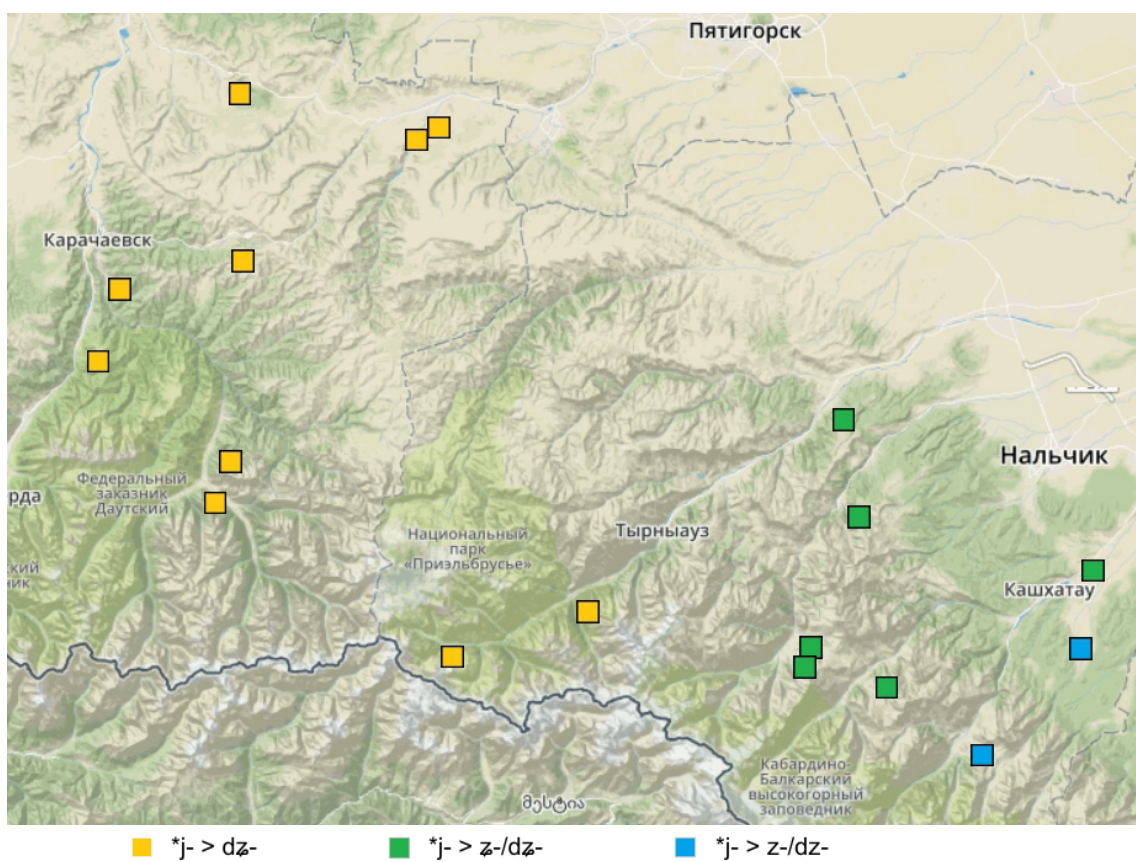

Рис 3. Распространение рефлексов начального *j- в диалектах карачаево-балкарского языка
 [Fig. 3. Distribution map of reflexes of the initial *j- in Karachay-Balkar dialects]

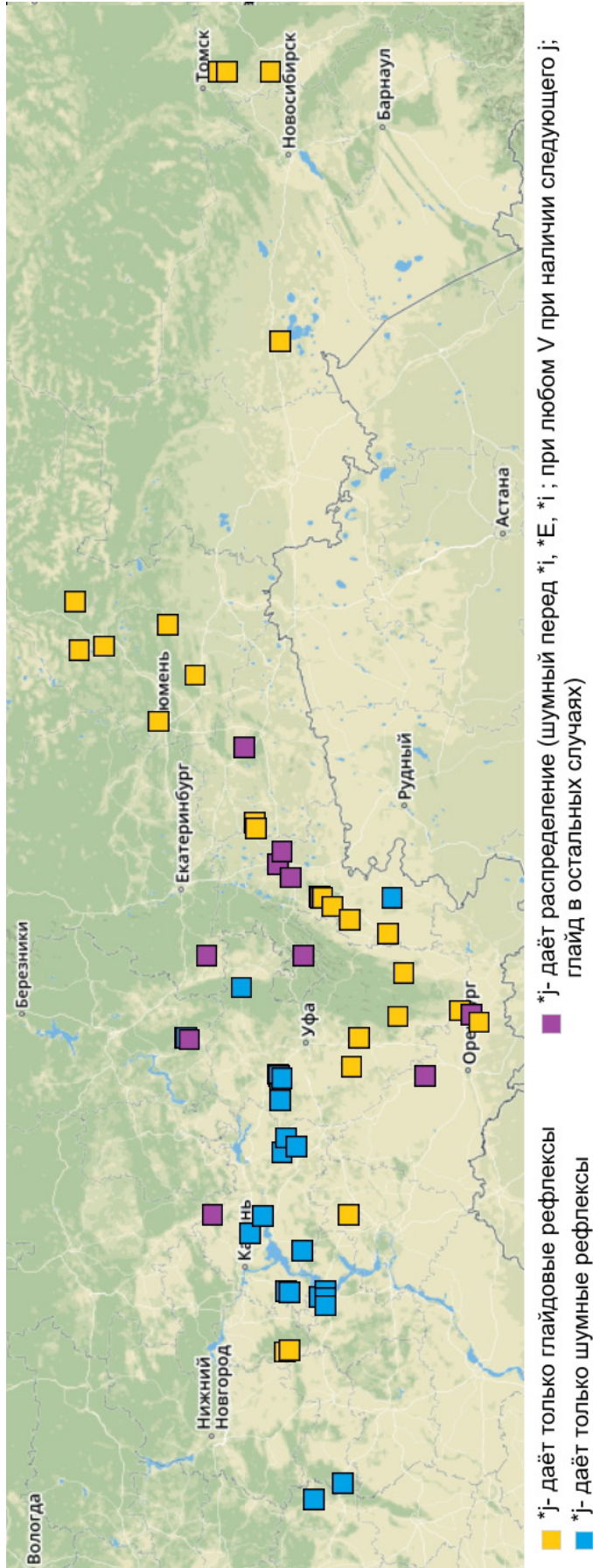

Рис. 4. Распространение типов рефлексии начального *j- в татарских и башкирских диалектах
 [Fig. 4. Distribution map of different reflexion types of the initial *j- in Tatar and Bashkir dialects]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 714–727, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714–727
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.1'37(09)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714–727

Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в тюркских языках

Римма Талгатовна Муратова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Муратова Р. Т., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в тюркских языках. *Цели и задачи.* Целью исследования является рассмотрение лексемы в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах. Задачи исследования заключаются в обзоре и анализе гипотез по этимологии слова, выявлении функционирования лексемы в древних и современных языках, определении особенностей употребления значений слова в конкретных тюркских языках, установлении общетюркских и специфических (относящихся к отдельной подгруппе) тенденций в развитии лексемы *al*. *Материалы и методы.* Решение поставленных задач осуществляется применением теоретической и источниковой базы по тюркским языкам: в изучении происхождения слова внимание уделяется фундаментальным научным трудам по тюркской и алтайской этимологиям, выявление особенностей значений слова в древних и современных языках проводится по древнетюркским, средневековым письменным памятникам, лексикографическим трудам конкретных тюркских языков. Актуальность темы обуславливается отсутствием комплексного исследования по происхождению, развитию и функционированию данной лексемы в тюркских языках. *Результаты.* В ходе исследования выявлено, что лексема *al* характеризуется своим древним происхождением: учеными восстановлены ее пратюркская (*Āl) и праалтайская (*ɣiōle) формы, а также отмечено ее ностратическое происхождение. Слово с высокой частотностью встречается в письменных источниках тюрков, начиная с самых ранних памятников. Лексема *al* зафиксирована в словарях большинства тюркских языков, кроме чувашского, алтайского, тувинского, карачаево-балкарского, каракалпакского. В якутском и хакасском лексема *ālaj* — не исконное слово, а обратное заимствование из русского языка. Лексема *al* получила широкое употребление в западных тюркских языках, что позволяет предположить его огузско-кыпчакский характер. В древних и современных тюркских языках наблюдаются следующие значения слова *al*: цветные — ‘алый, розовый, румяный’, ‘оранжевый’, ‘желтый’, ‘карий’, ‘рыжий, гнедой (о масти

лошади); метафорические — ‘молодой’, ‘благородный’, ‘волшебный’, ‘чудесный’, ‘яркий, пестрый’; субстантиваты — ‘печать, грамота ханов’, ‘румяна’, ‘женский головной убор’. *Выводы*. Тюркское цветообозначение *al*, характеризующееся своей древностью, получило распространение не во всех тюркских языках. Широкое, но неравномерное употребление слова и дальнейшее развитие его семантики приходится на кыпчакские и огузские языки, в которых лексема *al* имеет ряд дополнительных коннотативных и метафорических значений.

Ключевые слова: цветообозначение, алый, розовый, тюркские языки, сравнительно-историческое исследование, лексико-семантическая характеристика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках мегагранта Правительства РФ «Языки Южной Сибири в синхронии, диахронии и взаимодействии».

Для цитирования: Муратова Р. Т. Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 714–727. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714–727

UDC 811.512.1'37(09)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714–727

Color Term *al* ‘Scarlet, Pink’ in Turkic Languages: Historical and Lexical-Semantic Development Revisited

Rimma T. Muratova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Muratova R. T., 2020

Abstract. Introduction. The article examines the color term *al* ‘pink; scarlet’ in Turkic languages. *Goals.* The study aims at considering the lexeme in comparative historical and lexical-semantic perspectives. This involves a number of objectives, such as to review and analyze hypotheses on etymology of the word, identify the functioning of the lexeme in ancient and modern languages, determine characteristics of use of the word’s meanings in certain Turkic languages, delineate common Turkic and specific (belonging to a separate subgroup) development trends of the lexeme *al*. *Materials and Methods.* To facilitate the latter, an extensive theoretical and source base on Turkic languages is employed: when it comes to origins of the word, special attention is paid to fundamental scientific works on Turkic and Altai etymologies; ancient Turkic, medieval written monuments, lexicographic works on particular Turkic languages are examined to reveal semantic features of the word in ancient and modern languages. In general, the work proves topical due to the absence of any comprehensive study dealing with etymology, development and functioning of the token in Turkic languages. *Results.* The study reveals that the *al* lexeme is essentially ancient: scholars have restored its Pre-Turkic (**Āl*) and Pre-Altai (**ŋiōle*) forms, with its Nostratic origin identified. The word is frequently traced in written sources of the Turks from earliest monuments. The token *al* is integral to most Turkic languages, except for the Chuvash, Altai, Tuva, Karachay-Balkar, and Karakalpak ones. In Yakut and Khakass, the lexeme *ālaj* is perceived as a loanword. Thus, the gloss *al* was widely used mainly in Western Turkic languages. In ancient and modern Turkic languages, the word *al* has meanings as follows: ‘scarlet, pink, ruddy’, ‘orange’, ‘brown’, ‘red, bay (horse coat color)’, ‘young’, ‘yellow’, ‘noble’, ‘magical’, ‘bright, motley’, and some substantives — ‘seal, credential issued by Khans’, ‘rouge’, ‘woman’s headwear’. *Conclusions.* The ancient Turkic colour term *al* is (was) not universally distributed in all Turkic languages. The wide (though uneven) use of the word and further development of its semantics occurs in the Kipchak and Oghuz languages where the gloss *al* has a number of additional connotative and metaphorical meanings.

Keywords: color term, scarlet, pink, Turkic languages, comparative-historical research, lexical and semantic characteristics

Acknowledgements. The reported study was granted by the Government of the Russian Federation, project no. 14.Y26.31.0014 ‘Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures’.

For citation: Muratova R. T. Color Term *al* ‘Scarlet, Pink’ in Turkic Languages: Historical and Lexical-Semantic Development Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 714–727. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-714–727

Введение

В современной лингвистике изучение цветообозначений проводится в различных аспектах и направлениях: лексико-семантическом, историческом, сравнительном, этнолингвистическом, психолингвистическом, когнитивном и др. Несмотря на множество исследований по этой проблеме, выполненных учеными еще в предыдущее столетие, изучение цветообозначений не теряет своей актуальности и сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные лингвистические работы за последние годы [Евтушевская 2016; Лопатина 2016; Оцомиева-Тагирова, Баширова 2017; Сапига, Репина, Жукова 2016; Сидорова, Федулова 2019; Сувандии 2019; Худобина и др. 2019; Шиянова 2018; Щитова, Щитов, Кай 2018; и др.].

Не менее актуальным является рассмотрение названий цвета в историческом и лексико-семантическом планах: цветообозначения являются одной из самых древних групп лексики любого языка, поэтому изучение данного пласта лексики может пролить свет на многие вопросы, связанные с историей конкретного языка или языковой семьи в целом. К примеру, автором данной статьи были рассмотрены некоторые базовые цветообозначения башкирского языка, в результате чего выявлено, что в тюркских языках наименования для белого, черного, красного, желтого, синего цветов относятся к самому глубокому протоязыковому состоянию [Muratova 2018a; Muratova 2018b; Хисамитдинова и др. 2019]. И это неудивительно, так как они являются основными цветами, которые по своим физическим свойствам привлекают внимание человека в первую очередь.

Тем не менее есть лексемы, которые называют не основные цвета, а их оттенки, но вместе с тем характеризуются своим древним происхождением. Одним из таких

цветообозначений является тюркское *al*, которое в современных языках употребляется в значениях ‘алый’, ‘розовый’. К тому же, небезынтересным является тот факт, что *al* может обозначать два оттенка красного цвета: алый (который считается самым ярким оттенком) и розовый (который, наоборот, называет ненасыщенный красный цвет).

Наличие этих и других особенностей данного цветообозначения требует более детального и глубокого изучения и анализа его происхождения и семантики, что обуславливает актуальность исследования. В связи с этим цель данной статьи — изучить генезис и эволюцию цветообозначения *al*, проследить развитие значений слова в тюркских языках, выявить особенности семантики в том или ином языке. Новизна исследования заключается в том, что, во-первых, лексема *al* впервые рассматривается как в сравнительно-историческом аспекте, так и в плане синхронии с выявлением особенностей ее употребления в тюркских языках; во-вторых, формирование, развитие и семантика цветообозначения изучаются с привлечением текстов письменных источников, начиная с древнетюркских памятников и заканчивая словарями современных тюркских языков.

Материалы и методы

Для изучения цветообозначения *al* в диасхронии, синхронии и лексико-семантическом аспекте привлекались исследования и материалы ученых-лингвистов по тюркским языкам, которые являются фундаментальными и базовыми в тюркологической науке. Сведения о происхождении слова приведены из этимологических трудов по тюркологии и алтаистике [Clauson 1972; EDAL 2003; Vambery 1878; ССТМЯ 1975; ЭСТЯ 1974; и др.]. Для изучения наличия значений слова в тот или иной период рассматривались письменные источники, в которых зафиксирова-

но слово: древнетюркские памятники, средневековые источники, лексикографические труды нового времени [Будагов 1869; Радлов 1893; Малов 1951; Малов 1952; Курьшжанов 1970; Наджип 1979; Гаркавец 2006; Кашгари 2010; и др.]. Современные значения слов приведены по словарям тюркских языков, которые отличаются по степени полноты освещения разных значений слова, тем не менее во многих из них представлены не только основные, но и дополнительные значения слова [АРС 1941; АСБЯ 2011; Бектаев 1995; ГРМС 1973; КРПС 1974; КРС 1969; КРТС 1968; Курпешко-Таннагашева, Апонькин 1993; Марганова 2019; НРС 1963; РАС 1964; РКБС 1965; РКС 1967; РТС 1980; РУС 1956; Скворцов, Скворцова 2002; ТРС 1968; ТРС 1977; ТРС 2007; УРС 1989; Усеинов 2007; ХРС 2006; Юдахин 1965; ЯРС 1972].

Основная часть

1. Об этимологии слова

В языкознании, в том числе и тюркологии, вопрос происхождения слова *al* рассматривался довольно подробно. Сведения по этимологии слова можно найти в источниках как по тюркологии, так и алтаистике. Его формы в праалтайском и рефлекс в языках алтайской языковой семьи представлены в «Этимологическом словаре алтайских языков» [EDAL 2003: 1032].

Пратюркская форма лексемы *al* восстанавливается как **Āl* ‘красный, алый’, которая восходит к праалтайскому **ñiðle* ‘красный, розовый, желтый’ [EDAL 2003: 1032]. В других языках алтайской семьи семантика ПА **ñiðle* развилась следующим образом:

– монгольских: ПМо. **öle* ‘пестрый, с серыми пятнами’, бур. *üle(n)* ‘сивый, сизый’, калм. *öl burl* ‘сизый, сивый’, орд. *ölö* ‘серый’;

– тунгусо-маньчжурских: ПТМ **ñule-* ‘алый, румяный, розовый’, эвен. *ñule-ñe* ‘алый’;

– японской: ПЯп. **mùrà-sáki* ‘фиолетовый; *Lithospermum erythrorhizon*, фиолетовый цветок’, яп. *mùràsáki* ‘фиолетовый, фиолетовый цветок’;

– корейской: ПКор. **nùrí-* ‘желтый’, кор. *nurí-, nori-* ‘желтый’ [EDAL 2003: 1032; ССТМЯ 1975: 666; КРС 1977: 413].

Что касается значения слова *al* в тюркских языках, то можно рассуждать, что в них ПА **ñiðle* ‘красный, розовый, жел-

тый’ сохранило значение оттенков (светлого и яркого) красного цвета — алого или розового. Как известно, для обозначения красно-оранжевой части спектра существовала лексема *qizil*, производное от глагола *qiz-* ‘краснеть, раскаляться’, семантика которой определяется цветом раскаленного металла) [Муратова 2018б: 121; Кормушин 2001: 603].

Происхождение тюркского *al* рассматривалось в работах Г. Вамбери, Э. В. Севортяна, Дж. Клосома и др. [ЭСТЯ 1974; Clauson 1972; Vambery 1878]. Например, основываясь на значении ‘сияющий, блестящий’, Г. Вамбери *al* связывал с *jal-* ‘блестеть, сиять’ [Vambery 1878: 11]. Корень *al* в тех же атрибутивных значениях известен также в монгольских языках: так, Г. Й. Рамстедт приводит в пример устаревшее слово из калмыцкого языка — *al* ‘светло-красный’ (по: [ЭСТЯ 1974: 126]).

По рассуждениям немецкого иранолога и востоковеда Й. А. Фуллерса тюркское *al* вошло в персидский язык (*al* ‘государева печать’, ‘печать правителя’). По другой его гипотезе, персидское слово произошло от индийского *al* ‘название дерева, из которого изготавливают красную краску для чернил, лекарств...’ [Vullers 1855: 47]. По этому поводу Э. В. Севортян рассуждает, что тюркский корень *al* формально и семантически совпадает с индо-европейским *al-, ol-, el-* — «корнем для обозначения цвета со значением ‘красный’, ‘коричневый’». К этим данным он приводит сведения из персидских словарей, напр. *al* ‘красновато-желтый цвет, телесный цвет, красноватый’. Исходя из вышеизложенного, Э. В. Севортян предполагает встречу (или совпадение) алтайского и индоевропейского корней [ЭСТЯ 1974: 126].

Исследования ученых также показали, что лексико-семантические соответствия существуют, помимо тюркских и индоевропейских, еще и в картвельских, дравидийских, уральских и чукотско-камчатских языках¹. Это говорит о том, что происхождение слова восходит к ностратике.

¹ См.: Вавилонская башня [электронный ресурс] // Проект этимологической базы данных. URL: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=%2fdata%2fnost%2fnostret&ext_number=+515&root=config. (дата обращения: 22.12.2019).

Как известно, тюркское слово вошло и в русский язык в период Золотой Орды: рус. *алый*. Как отмечает М. Фасмер, др.-рус. *аль* встречается в грамотах — в письменных указах золотоордынских ханов с XIV в. в значении ‘ярко-красный’ [Фасмер 1986: 73].

Таким образом, подытоживая точки зрения исследователей относительно происхождения слова *al*, можно сказать следующее:

– слово является древним, учеными отмечен его ностратический характер;

– восстановленная праалтайская форма — *ɲiōle ‘красный, розовый, желтый’. Ее рефлексы сохранились в других языках алтайской семьи. Значение ‘алый’ наблюдается в современных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках;

– в тюркском слово закрепилось за светлыми и яркими оттенками красного цвета — алого или розового.

2. Слово в тюркоязычных письменных памятниках

Самая ранняя фиксация слова *al* приходится на орхоно-енисейские надписи тюрков, написанные руническим письмом, в которых оно употребляется в значении ‘алый’: *kört al qan al(p) uruŋu* ‘красивое алое знамя государства’ (Памятник с Элегеша, VII–VIII вв.) [Малов 1952: 26].

В текстах из Турфана (Восточный Туркестан), составленных уйгурским письмом в VIII–XI вв., слово, кроме использования в значении ‘алый’, употребляется в составе аналитического цветообозначения для выражения оранжевого цвета: *al [kedinin] kedip* ‘надев алую [мантию]’, *al sariy* ‘оранжевый (о планете, букв. красно-желтый)’ [ДТС 1969: 31–32].

В словаре «Дивану лугат ат-турк» («Свод тюркских слов», XI в.) Махмуда Кашгари слово *al* встречается в составе сложного названия: *al čüvüt* ‘сурик, розовая краска’. Там же дается другая лексема с долгим звуком *ā*: *āl* ‘материя оранжевого цвета, которая используется для [изготовления] знамен ханов и покрывал для седел их приближенных’. Также отмечается, что ‘оранжевый цвет’ называют *āl* [ДТС 1969: 32; Кашгари 2010: 114]. Заметим, что в некоторых случаях, возможно, словом *al* обозначался не только алый или розовый оттенок красного цвета, но и оранжевый.

В этико-дидактической поэме «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), написанной Ю. Баласагуни в XI в., *al* встречается в значении цвета одежды (материи), цветка, румян для лица: *qurumiš jiyāčlar tonandı jašil bezāndi jepün al sariy kök qizil* ‘сухие деревья оделись зеленым и украсились светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным’; *jašil kök sariy al ayi ton kedip* ‘надев зеленые, голубые, желтый и алые шелковые халаты’; *eligkä bitig ber jüzüm qılma al* ‘отдай письмо правителю, не стыди меня (т. е. не заставляй краснеть мое лицо)’ [ДТС 1969: 31–32, 257].

В другой дидактической поэме — «Хибат ал-Хакаик» («Подарок истин») Ахмеда Югнеки (XII в.) слово *al* употреблено как определяющее слово окраски цветка (*gül*): *ja bustan teg ol hilm käräm al gül ol* ‘кротость похожа на сад, а великодушие — алая роза [в нем]’ [Ahmed 1951: 342].

В арабско-мамлюкско-кыпчакском словаре, составленном в Египте в 1245 г., значение слова *al* представлено как ‘алый, совершенно красный’ [Курышжанов 1970: 83].

В памятнике эпического содержания XIII в. — «Легенде об Огуз-кагане» предполагается значение ‘карий (о глазах)’ лексемы *al*: *közlari al sačlari qašlari qara erdilär erdi* ‘его глаза были карими, волосы и брови — черными’ [Bang, Rachmati 1932: 1].

В произведении религиозно-дидактического характера — «Киссас ал-Анбия» («История пророков») Рабгузи (XIV вв.) слово *al* употребляется в качестве эпитета цветка: *baḡ qubardim tal jiyāčliq jaš jiburyaq al čäčäk* ‘я вырастил сад из деревьев и кустарниковой растительности, из зеленых листьев и ярких (алых) цветов’ [Малов 1951: 330].

В загадке из кыпчакского памятника — «Кодекса Куманикуса» (XIII–XIV вв.) словом *al* обозначается цвет шелковой материи: *Altun ajiryān tura tüšer, al torḡam yayili tüšer. (Ol, biye qulunlayan-din)* ‘Золото, отделившись, падает стоймя, алый шёлк падает развёрнутым. (Это ожеребилась кобыла)’ [Гаркавец 2006: 17].

Исследуя язык тюркоязычного дастана золотордынской эпохи «Хосрау и Ширин» (XIV в.), Э. Н. Наджип отмечает значения ‘розовый’, ‘бледно-красный’, ‘незрелый’, ‘молодой’ слова *al* и приводит следующие

примеры его употребления: *al ton* ‘розовая одежда’, *al qan* ‘бледно-красная кровь’, *čečäk teg soldı ketti eñdä ali* ‘как цветок завял розовый цвет ее лица’, *qılurlar kök jäš üzrä al süsün nuş* ‘на зеленой лужайке пьют розовое вино’, *qoluyı qonmıš erdi al lačın* ‘на мою руку сел молодой сокол’ [Наджип 1979: 224]. Как видим из примеров, в древних и средневековых источниках словом *al* описывается цвет одежды, материи, крови, лица (румянец), вина, а также оно имеет значение ‘молодой’ (возможно, это является результатом метафорического переноса: с алым, румяным лицом → молодой).

В лексикографических работах конца XIX – нач. XX в., кроме форм и значений, встречающихся в древних и средневековых текстах, появляются новые: даются формы уменьшительной степени и представлены такие значения слова *al*, как ‘рыжая (масть лошади)’, ‘красная печать ханов’, ‘грамота, указ хана’. Например, в словарях Л. З. Будагова и В. В. Радлова зафиксированы следующие слова и словосочетания: *al* ‘алый, красный цвет’, *alsıma, alsu* ‘аловатый’, *al at* ‘рыжая лошадь (масть лошади с красноватой гривой и таким же хвостом)’, *al qızıl* ‘пунцовый’, *al tamıya* ‘большая четырехугольная красная печать монгольских и ордынских ханов’; ‘грамота, указ или приговор хана’ [Будагов 1869: 76], *al* ‘алый, светло-розовый’, *eki betiñ al qızıl* ‘твои щеки алые’, *al tamıya* ‘красная печать ханов’, ‘документ с такой печатью’, *al qızıl rāngı* ‘пунцовый’, *al at* ‘Fuchspferd (лошадь рыжей масти)’ [Радлов 1893: 349–350].

Таким образом, по древним и средневековым источникам можно выявить широкое применение цветообозначения *al* у тюрков. В письменных памятниках встречаются следующие значения слова *al* — ‘алый’, ‘розовый’, ‘румяный’, ‘оранжевый’, ‘карий’. Заметим, что в самых ранних памятниках словом *al*, главным образом, называется цвет шелка / материи (следовательно, одежды, знамени). Со временем к этим значениям добавляются определение цвета лица, цветка, краски (розовой), планеты, глаз, вина, крови, масти лошади. Отмечен также метафорический перенос: с алым, румяным лицом → молодой. Субстантивация слова наблюдается в памятнике золотоордынского периода: печать монгольских и ордынских ханов ввиду красного / алого цвета приобрела название *al*.

3. Функционирование цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в современных тюркских языках

Рефлексы ПТю. *Al встречаются в следующих тюркских языках:

– кыпчакских: башк., тат., сиб.-тат., кум., ног., ктат., кар. — *al* ‘алый, розовый, румяный, ярко-красный’, каз. — в составе слова *alqızıl* ‘алый, румяный’ (досл. ало-красный), кирг. — в составе слова *albırdıu* ‘румяный, краснощекий’ [АСБЯ 2011: 221; Бектаев 1995: 43; КРПС 1974: 61; КРС 1969: 36; Марганова 2019: 18; НРС 1963: 36; ТРС 2007: 73–74; Юдахин 1965: 46–47];

– огузских: туркм. — *āl*, тур., гаг., аз. — *al*, ‘алый, розовый, румяный, ярко-красный’ [АРС 1941: 13; ГРМС 1973: 38; ТРС 1968: 38; ТРС 1977: 41; Усеинов 2007: 326];

– карлукских: уйг. *al* ‘алый’ [РУС 1956: 18];

– уйгуро-огузских: хак., як. *ālaj* ‘алый, розовый, ярко-красный’ (обратное заимствование из русского *алый* < тюрк. *al*) [ХРС 2006: 17; ЯРС 1972: 24].

В словарях вышеперечисленных языков цветообозначения *алый, розовый* также приведены лексемой *qızıl* ‘красный’ в сочетании со словами, обозначающими яркость или световой тон:

– башк. *asıq qıdıl* (досл. ‘ярко-красный’) [АСБЯ 2011: 348];

– туркм. *ačik gızıl, gızgıl* (досл. ‘ярко-красный’, ‘красноватый’) [КРТС 1968: 19, 401];

– уйг. *qip-qızıl* (досл. ‘очень красный, совершенно красный’) [РУС 1956: 18].

Это же явление наблюдается и в других тюркских языках, в которых, судя по словарям, не зафиксирован рефлекс ПТю. *Al и нет отдельной лексемы для алого и розового:

– ккалп. *ašiq qızıl* ‘алый’ (досл. ярко-красный) [PKC 1967: 25];

– кбалк. *qip-qızıl* (досл. совершенно красный), *ačı qızıl* ‘алый’ (досл. ярко-красный) [PKBC 1967: 25];

– алт. *kubakaj kizil* ‘алый’ (досл. бледно-красный) [PAC 1964: 7];

– шор. *qipqızıl* ‘алый’ (досл. совершенно красный), *qisqiltim* ‘розовый’ (досл. красноватый) [Курпешко-Таннагашева, Апонькин 1993: 75, 129];

– тув. *ak-kizil* ‘розовый’ (досл. светло-красный), *čidig kizil* ‘алый’ (досл. ярко-красный) [PTC 1980: 29, 511];

– чув. *šupka xěrlě* ‘светло-розовый’ (досл. бледно-красный), *jām-xěrlě* ‘алый’ (досл. густо-красный) [Скворцов, Скворцова 2002: 12, 390].

В тувинском языке есть также слово *jagān-kizil* ‘розовый’ (досл. розово-красный), который имеет компонент-монголизм: *jagān* ‘розовый’ [РТС 1980: 511]. В чувашском языке для обозначения розового цвета функционирует лексема *kěren* (от ПТю. *küren, который в других тюркских языках обозначает ‘бурый, коричневый’) [Скворцов, Скворцова 2002: 390]; а в узбекском языке — арабское заимствование *alvon* ‘алый’ [УРС 1989: 18].

Следует также отметить лексему *ālaj* в хакасском и якутском языках, которая учеными считается обратным (возвратным) русским заимствованием (*al* < рус. *алый* < тюрк. *al*). По словам А. Е. Аникина, облик этого слова противоречит рассмотрению его как рефлекса ПТю. *Āl [Аникин 2003: 66], и поэтому можно рассуждать, что оно приняло облик русского *ālaj*. Но необходимо учитывать тот факт, что есть данные о существовании формы *al* в хакасском языке: например, Т. Н. Тугужекова утверждает, что она встречается в разговорной речи и составе сложных слов [Тугужекова 2016: 67–73].

Итак, слово *al* существует не во всех современных тюркских языках. Оно не зафиксировано в словарях чувашского, тувинского, алтайского, узбекского, карачаево-балкарского, каракалпакского языков, а в якутском и хакасском считается обратным заимствованием.

Как видим, исконное слово отсутствует в болгарской подгруппе, сибирских тюркских языках, а также в узбекском, который относится к карлукской подгруппе.

Отсутствие лексемы в чувашском и наличие ее в орхонских и древнеуйгурских текстах дает основание полагать, что слово *al* получило применение в древнетюркском языке после отделения болгар (предков чувашей) от общей массы тюрков. Но в силу каких-то причин оно не сохранилось в современных восточных тюркских, особенно в сибирских, языках, лишь некоторые факты (например, существование в разговорном хакасском) подтверждают былое функционирование в них данной лексемы. Отсутствие тюркского *al* в узбекском, кото-

рый относится к карлукской подгруппе, как и уйгурский, в котором есть это слово, можно объяснить его вытеснением арабским заимствованием *alvon*.

А в кыпчакских и огузских подгруппах тюркских языков слово *al*, наоборот, получило широкое применение и произошло дальнейшее развитие его семантики. Оно существует во всех огузских языках. В карачаево-балкарском и каракалпакском, которые являются кыпчакскими, судя по словарям, слово не функционирует, а в казахском и киргизском языках той же подгруппы *al* встречается только в составе сложных слов. Эти данные свидетельствуют о неравномерном распространении лексемы *al* в кыпчакских языках.

4. Значения слова *al* в современных тюркских языках

4.1. В том или ином языке основное значение слова — это обозначение оттенков красного цвета: алый, красный, ярко-красный, светло-красный, розовый, светло-розовый, малиновый, румяный:

– кыпчакские языки:

- башк. *al jawliq* ‘розовый платок’, *al säskä* ‘алый цветок’, *al tañ* ‘алая заря’, *al bittär* ‘румяные щечки’ [АСБЯ 2011: 221],
- тат. *al šäfäq* ‘малиновая (алая) заря’ [ТРС 2007: 73–74],
- ктат. *al bajrak* ‘алый флаг’, *al jañaq* ‘румяные щеки’ [Усеинов 2007: 326],
- кар. *al janakli* ‘краснощекий’ [КРПС 1974: 61],
- кирг. *albirduu* ‘румяный, краснощекий’ [Юдахин 1965: 47],
- каз. *alkizil bet* ‘румяное лицо’, *alkizil dolana* ‘красный боярышник’, *alkizil oramal* ‘алый платок’ [Бектаев 1995: 43];

– огузские языки:

- гаг. *al duak* ‘алый платок (вуаль невесты)’ [ГРМС 1973: 38],
- туркм. *āl bajdak* ‘алый флаг’, *āl šerap* ‘розовое вино’, *albaj* ‘красный кусок материи (которым размахивают перед ловчей птицей, приучая ее к охоте)’ [ТРС 1968: 38],
- тур. *al çuha* ‘красное сукно’ [ТРС 1977: 41];

– уйгуро-огузские языки:

- хак. *ālaj kögenek* ‘розовое платье’, *ālaj torγi* ‘шелк розового цвета’ [ХРС 2006: 17],
- як. *ālaj sarial* ‘алая заря’ [ЯРС 1972: 24].

4.2. Кроме этого, в словарях казахского, крымско-татарского, гагаузского, турецкого языков представлено обозначение масти лошади словом *al*: в кыпчакских (казахском и крымскотатарском) в качестве компонента сложного названия, а в огузских (гагаузском и турецком) — как самостоятельная лексема:

– кыпчакские:

- каз. *alküreñ* ‘масть лошади’ (от *al* и *küreñ* ‘темно-рыжий, бурый’) [Бектаев 1995: 43],
- ктат. *al toru* ‘рыжий, мухортый’ (от *al* и *toru* ‘гнедой’) [Усеинов 2007: 326];
- огузские:
- гаг. *al beegir* ‘гнедая (рыжая) лошадь’ [ГРМС 1973: 38],
- тур. *al at* ‘гнедая лошадь’, *alza at* ‘светло-розовая лошадь’ [ТПС 1977: 41].

4.3. В сочетании с другими цветообозначениями, а также словом ‘цветок’ (*gül*) *al* передает значение ‘красивый, цветастый, пестрый, разноцветный’:

– кыпчакские языки:

- башк. *alli-göllö* ‘красивый, цветастый, разноцветный, пестрый’ [АСБЯ 2011: 221],
- тат. *alli-gölle* ‘красивый, цветастый, разноцветный, пестрый’ [ТПС 2007: 73–74],
- кум. *alli-güllü* ‘разноцветный, пестрый, узорчатый’ [КРС 1969: 36],
- сиб.-тат. *alli-köllö* ‘пестрый, с разноцветными цветами, яркий’, *alli-köllö tawar* ‘разноцветный товар’ [Марганова 2019: 18];

– огузские языки:

- аз. *al-älvan* ‘разноцветный, яркий, красочный’, *alli-küllü* ‘расписанный красными узорами, красивый, расписной’, *baxaçag allı-küllü bostanım* ‘будет смотреть на мой красивый огород’, *al-jaşıl* ‘разноцветный, красный с зеленым’, *al-jaşıl meşdan* ‘цветущий луг’ [АРС 1941: 13],
- тур. *alli-güllü* ‘разодетый в яркие цвета, разукрашенный’, *alli jeşilli* ‘разно-

цветный, яркий, броский’ [ТПС 1977: 41].

Как следует из примеров, такое выражение употребляется относительно узора материи, платья, цветущего поля, сада и др.

Кроме вышеперечисленных, в словарях того или иного языка встречаются следующие значения:

– благородный: тат. *al keş* ‘благородный соболь’, *al täxet* ‘высокий трон’ (на наш взгляд, здесь возможен метафорический перенос *цвет печати монгольских и ордынских ханов* → *благородный* — выдвинутую гипотезу усиливает употребление *al* со словом *täxet* ‘трон’) [ТПС 2007: 73];

– волшебный, чудесный: тат. *al baldak* ‘чудесное кольцо’, *al közge* ‘волшебное зеркало’, *al bişek* ‘волшебная колыбель’ (здесь также предполагается дальнейшее развитие семантики: *благородный* → *чудесный, волшебный*) [ТПС 2007: 73];

– прекрасный: башк. *al da göl* ‘все хорошо, прекрасно’ (< *alli-göllö* ‘красивый, цветастый, разноцветный, пестрый’) [АСБЯ 2011: 235];

– румяна для лица: тур. *al* ‘румяна для лица, румянец, краснота’ (субстантиват) [ТПС 1977: 41];

– название обрядового или национального женского головного убора алого цвета: тур. *al* ‘красный платок, надеваемый женихом на шею во время свадьбы’, ‘шелковая повязка с зеленым и красным, которой женщины повязывают себе лоб’, ‘длинное красное покрывало, которым покрывают голову невесты’ (субстантиват) [ЭСТЯ 1974: 126];

– желтый; русский, рыжий (о человеке): кирг. *albajı* (возможно, является рефлексом ПА **ñiöle* ‘красный, розовый, желтый’) [Юдахин 1965: 46–47].

Таким образом, в тюркских языках можно проследить следующие особенности значений слова *al*: основное немотивированное значение слова — ‘алый, розовый, румяный’, которым преимущественно характеризовался цвет лица, цветка и материи. В некоторых языках (огузских и кыпчакских) слово употребляется в обозначении рыжей, гнедой масти лошади. Значение ‘желтый’, которое встречается в киргизском, возможно, является рефлексом ПА **ñiöle*. В ряде языков произошел метафорический перенос ‘алый’ → ‘яркий, пестрый’. Также отмечено

ны значения ‘благородный’, ‘волшебный’, ‘прекрасный’, появившиеся в результате метафорического переноса, ‘румяна’, ‘женский головной убор’ — в результате субстантивации. Как видим, семантические процессы, характеризующиеся появлением дополнительных метафорических значений, происходили в основном в кыпчакской и огузской подгруппах тюркских языков, что еще раз подтверждает то, что употребление слова *al*, прежде всего, огузско-кыпчакское явление.

Заключение

Проведенное исследование тюркского цветообозначения *al* ‘алый, розовый’ в сравнительно-историческом и семантическом планах позволяет сделать следующие выводы.

Учеными восстановлены пратюркская и праалтайская формы цветообозначения: ПТю. *Āl ‘красный, алый’ < ПА *ñiōle ‘красный, розовый, желтый’. Рефлексы ПА *ñiōle сохранились во всех языковых семьях алтайской группы, в том числе в значении ‘алый’ — в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. Значение ‘желтый’ наблюдается в киргизском языке. Также отмечен ностратический характер слова — лексико-семантические соответствия наблюдаются в индо-европейских, картвельских, дравидийских, уральских и чукотско-камчатских языках. Это говорит о том, что слово имеет древнее происхождение.

Слово *al* с высокой частотностью встречается в письменных источниках тюрков, начиная с самых ранних: оно наблюдается в орхоно-енисейских, древнейугурских, караханидско-уйгурских, среднеуйгурских, среднекыпчакских, золотоордынских и др. памятниках.

Лексема *al* зафиксирована в большинстве современных тюркских языков, кроме чувашского, алтайского, тувинского, карачаево-балкарского, каракалпакского, узбекского. В якутском и хакасском *ālaj* воспринимается как заимствование. Возможно, что слово *al* в древнетюркском языке стало употребляться после отделения булгар (предков чувашей) от общей массы тюрков. Но в силу каких-то причин оно не закрепилось в современных восточных тюркских,

особенно в сибирских, языках. В узбекском, который относится к карлукской подгруппе, как и уйгурский, в котором есть это слово, возможно, вытеснено арабским заимствованием *alvon*.

Можно рассуждать, что слово *al* получило широкое употребление преимущественно в западных тюркских языках, а именно в огузских и кыпчакских, в которых произошло дальнейшее развитие его семантики. Отсутствие слова в словарях карачаево-балкарского и каракалпакского языков и его наличие в казахском и киргизском только в составе сложных слов свидетельствует о неравномерном распространении лексемы *al* в кыпчакских языках.

В древних и современных тюркских языках можно проследить следующие особенности значений слова *al*: основное немотивированное значение слова — ‘алый, розовый, румяный’, которым в основном обозначался цвет лица, цветка и материи (следовательно, одежды, знамени). К нему добавляются цвет вина, крови. В некоторых памятниках и языках слово употребляется в значениях ‘оранжевый’, ‘карий’, ‘рыжий, гнедой (о масти лошади)’, ‘молодой’ (в результате метафорического переноса: с алым, румяным лицом → молодой), ‘желтый’ (возможно, сохранилось праалтайское значение), ‘благородный’, ‘волшебный’, ‘чудесный’ (в результате метафорического переноса цвет печати монгольских и ордынских ханов → благородный → чудесный, волшебный). В ряде языков произошел метафорический перенос ‘алый’ → ‘яркий, пестрый’. В некоторых тюркских языках образовались субстантиваты слова для обозначения печати, грамот ханов, румян для лица, женского головного убора, которые, разумеется, были алого цвета.

Подытоживая результаты, отметим, что тюркское цветообозначение *al*, характеризующееся своей древностью, получило распространение не во всех тюркских языках. Широкое, но неравномерное употребление слова и дальнейшее развитие его семантики приходится на кыпчакские и огузские языки, в которых лексема *al* имеет ряд дополнительных коннотативных и метафорических значений.

Сокращения

аз. — азербайджанский, алт. — алтайский, башк. — башкирский, бур. — бурятский, гаг. — гагаузский, др.-рус. — древнерусский, каз. — казахский, калм. — калмыцкий, кар. — карайский, кбалк. — карачаево-балкарский, кирг. — киргизский, ккалп. — каракалпакский, кор. — корейский, ктат. — крымскотатарский, кум. — кумыкский, ног. — ногайский, орд. — ордосский, ПА — праалтайский, ПКор. — пракорей-

ский, ПМо. — прамонгольский, ПТМ — пратунгусо-маньчжурский, ПТю. — пратюркский, ПЯп. — праяпонский, рус. — русский, сиб.-тат. — сибирско-татарский, тат. — татарский, тув. — тувинский, тур. — турецкий, туркм. — туркменский, узб. — узбекский, уйг. — уйгурский, хак. — хакасский, чув. — чувашский, шор. — шорский, эвен. — эвенский, як. — якутский, яп. — японский

Литература

- Аникин 2003 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.
- АРС 1941 — Азербайджанско-русский словарь / Г. Гусейнов. Баку: Изд-во АзФАН, 1941. 381 с.
- АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 1. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- Бектаев 1995 — *Бектаев К.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Алтын Қазына, 1995. 704 с.
- Будагов 1869 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. 810 с.
- Гаркавец 2006 — *Гаркавец А. Н.* Codex Sumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. М.: Русская деревня, 2006. 88 с.
- ГРМС 1973 — Гагаузско-русско-молдавский словарь / сост. Г. А. Гайдаржи и др.; под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1973. 664 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
- Евтушевская 2016 — *Евтушевская А. Е.* Модель учебного словаря цветоименований английского языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 78–84.
- Кашгари 2010 — *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) / под ред. И. В. Кормушина и др. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с.
- Кормушин 2001 — *Кормушин И. В.* Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. С. 592–608.
- КРПС 1974 — Караимско-русско-польский словарь / под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайонч-
- ковского, С. М. Шапшала. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
- КРС 1969 — *Магомедов А. Г.* Кумыкско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- КРТС 1968 — Краткий русско-туркменский словарь / С. Алтаев, К. Атаев, С. Атаев и др. Ашхабад: Ылым, 1968. 526 с.
- Курпешко-Таннагашева, Апонькин 1993 — *Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я.* Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. 147 с.
- Курышжанов 1970 — *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — Тюркско-арабского словаря. Алма-Ата: Наука, 1970. 234 с.
- Лопатина 2016 — *Лопатина Н. Р.* Структурно-семантические свойства объектных цветоименований и специфика их лексикографического представления в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С. 127–130.
- Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Малов 1952 — *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
- Марганова 2019 — *Марганова Ф. Ф.* Сибирско-татарско-русский словарь. Тюмень: Тюменский дом печати, 2019. 470 с.
- Муратова 2018а — *Муратова Р. Т.* Цветообозначение *һары* ‘желтый’ в башкирском языке // Урало-алтайские исследования. 2018. № 2. С. 53–70.
- Муратова 2018б — *Муратова Р. Т.* Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозна-

- чения *qıdıl* 'красный' в башкирском языке // *Oriental Studies*. 2018. № 5. С. 120–131. DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-120-131
- Наджип 1979 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М.: Наука, 1979. 478 с.
- НРС 1963 — *Калмыкова С. А.* Ногайско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 562 с.
- Оцомиева-Тагирова, Баширова 2017 — *Оцомиева-Тагирова З. М., Баширова Р. С.* Цветовые характеристики аварского топонимического пространства // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12. С. 154–156.
- Радлов 1893 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1893. 968 с.
- РАС 1964 — Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1964. 875 с.
- РКБС 1965 — Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбаева. М.: Советская энциклопедия, 1965. 744 с.
- РКС 1967 — Русско-каракалпакский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1124 с.
- РТС 1980 — Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. 564 с.
- РУС 1956 — Русско-уйгурский словарь / Т. Р. Рахимов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 1473 с.
- Сапига, Репина, Жукова 2016 — *Сапига Е. В., Репина М. В., Жукова С. В.* Цветовые обозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Том 8. № 2/2. С. 192–195.
- Сидорова, Федулова 2019 — *Сидорова Н. А., Федулова М. Н.* Вербализация категории цвета в английском языке (на материале публицистических текстов) // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2019. № 2. С. 180–193.
- Скворцов, Скворцова 2002 — *Скворцов М. И., Скворцова А. В.* Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 511 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- Сувандии 2019 — *Сувандии Н. Д.* Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // *Новые исследования Тувы*. 2019. № 4. С. 195–206.
- ТРС 1968 — Туркменско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 832 с.
- ТРС 1977 — Турецко-русский словарь / Э. М.-Э. Мустафаев и Л. Н. Старостов. М.: Русский язык, 1977. 966 с.
- ТРС 2007 — Татарско-русский словарь / Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев и др. Т. 1. Казань: Магариф, 2007. 431 с.
- Тугужекова 2016 — *Тугужекова Т. Н.* Семантико-структурные и функционально-прагматические особенности лексемы *ал* в хакасском языке // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2016. № 3. С. 67–73.
- УРС 1989 — Узбекско-русский словарь / О. Азизов, З. Ризаева. Ташкент: Укитувчи, 1989. 288 с.
- Усеинов 2007 — *Усеинов С. М.* Русско-крымско-татарский, крымскотатарско-русский словарь. Симферополь: Тезис, 2007. 640 с.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д). М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- Хисамитдинова и др. 2019 — *Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т., Ягафарова Г. Н., Валиева М. Р.* Цветовые обозначения в башкирской топонимии // *Вопросы ономастики*. 2019. № 1. С. 140–159.
- ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.
- Худобина и др. 2019 — *Худобина О. Ф., Андреева Л. А., Молданова Т. А., Мирюгина Н. А.* Цветовые обозначения в хантыйском фольклоре // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 4. С. 464–467.
- Шиянова 2018 — *Шиянова А. А.* Семантическая структура слов, обозначающих белый цвет в хантыйском языке // *Вестник угроведения*. 2018. № 8(4). С. 683–693.
- Щитова, Щитов, Кай 2018 — *Щитова О. Г., Щитов А. Г., Хуа Кай.* Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 6. С. 81–87.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и

- межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Юдахин 1965 — Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 976 с.
- ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 606 с.
- Bang, Rachmati 1932 — *Bang W und Rachmati G. R.* Die Legende von Oğuz Qayan. *SPAW*. 1932. Pp.1–44.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 988 p.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.
- Ahmed 1951 — *Edib Ahmed.* Mahmud Yükneki. Atebetü 'l-hakajık. Istanbul: Ateş Basımevi, 1951. 163 p.
- Vámbéry 1878 — *Vámbéry H.* Etymologisches Wörterbuch der Turko-Tatarischen Sprachen. Ein Versuch zur Darstellung des Familienverhältnisses des Turko-Tatarischen Wortschatzes. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1878. 256 p.
- Vullers 1855 — *Vullers J. A.* Lexicon persico-latinum etymologicum. Vol. 1. Bonnae ad Rhenum, 1855. 967 p.

References

- Altaev S. et al. Concise Russian-Turkmen Dictionary. Ashgabat: Ylym, 1968. 526 p. (In Russ. and Turk.)
- Anikin A. E. Etymological Dictionary of Russian Loanwords in Siberian Languages. Novosibirsk: Nauka, 2003. 788 p. (In Russ.)
- Asylgaraev Sh. N. et al. Tatar-Russian Dictionary. Vol. 1. Kazan: Magarif, 2007. 431 p. (In Tat. and Russ.)
- Azizov O., Rizaeva Z. Uzbek-Russian Dictionary. Tashkent: Ukituvchi, 1989. 288 p. (In Uzb. and Russ.)
- Bang W., Rachmati G. R. Die Legende von Oğuz Qayan. *SPAW*. 1932. Pp.1–44. (In Germ.)
- Baskakov N. A. (ed.) Russian-Altai Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 875 p. (In Russ. and Alt.)
- Baskakov N. A. (ed.) Russian-Karakalpak Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967. 1124 p. (In Russ. and Kar.)
- Baskakov N. A., Karryev B. A., Khamzaev M. Ya. (eds.) Turkmen-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 832 p. (In Turk. and Russ.)
- Baskakov N. A., Zayonchkovsky A., Shapshal S. M. (eds.) Karaim-Russian-Polish Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1974. 688 p. (In Kar., Russ. and Pol.)
- Bektaev K. Unabridged Kazakh-Russian, Russian-Kazakh Dictionary. Almaty: Altyn Qazyna, 1995. 704 p. (In Kaz. and Russ.)
- Budagov L. Z. A Comparative Dictionary of Tatar Turkish Dialects. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 810 p. (In Turk., Tat. and Russ.)
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 988 p. (In Turk. and Eng.)
- Edib Ahmed bin Mahmud Yükneki. Atebetü 'l-hakajık. Istanbul: Ateş Basımevi, 1951. 163 p. (In Turk.)
- Evtushevskaya A. E. Learner's dictionary model of English color names. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2016. No. 3. Pp. 78–84. (In Russ.)
- Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: А–Д. Moscow: Progress, 1986. 576 p. (In Russ.)
- Gaidarzi G. A. et al. (comps.), Baskakov N. A. (ed.) Gagauz-Russian-Moldovan Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. 664 p. (In Gag., Russ. and Mold.)
- Garkavets A. N. Codex Cumanicus: Polovtsian Prayers, Hymns, and Riddles. 13th–14th Centuries. Moscow: Russkaya Derevnnya, 2006. 88 p. (In Russ.)
- Guseinov G. Azerbaijani-Russian Dictionary. Baku: Azerbaijan Branch (USSR Academy of Sciences), 1941. 381 p. (In Azer. and Russ.)
- Kalmykova S. A. Nogai-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1963. 562 p. (In Russ. and Nog.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. Vol. 1. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash. and Russ.)
- Khisamitdinova F. G., Muratova R. T., Yagafarova G. N., Valieva M. R. Color terms in Bashkir toponymy. *Problems of Onomastics (Voprosy Onomastiki)*. 2019. No. 1. Pp. 140–159. (In Russ.)

- Khudobina O. F., Andreeva L. A., Moldanova T. A., Miryugina N. A. Color terms in the Khanty folklore. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No. 4. Pp. 464–467. (In Russ.)
- Kormushin I. V. Color terms. In: Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary*. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 592–608. (In Russ.)
- Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Aponkin F. Ya. *Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Book Publ., 1993. 147 p. (In Shor and Russ.)
- Kuryshzhanov A. K. *Turko-Arabic Dictionary: A Case Study of Lexemes Included in the 13th-Century Old Kipchak Written Monument*. Alma-Ata: Nauka, 1970. 234 p. (In Russ.)
- Lopatina N. R. Structural-semantic features of object color terms and specifics of their lexicographical representation in the English and Russian languages. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2016. No. 12. Pp. 127–130. (In Russ.)
- Magomedov A. G. *Kumyk-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. 408 p. (In Kum. and Russ.)
- Mahmud al-Kashgari. *Dīwān Lughāt al-Turk: Compendium of Languages of the Turks*. I. Kormushin et al. (eds.). Vol. 1. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 461 p. (In Russ.)
- Malov S. E. *Monuments of Old Turkic Script: Texts and Studies*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951. 451 p. (In Russ.)
- Malov S. E. *Yenisey Script of the Göktürks: Texts and Translations*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 116 p. (In Russ.)
- Marganova F. F. *Siberian Tatar-Russian Dictionary*. Tyumen: Tyumenskiy Dom Pechati, 2019. 470 p. (In Tat. and Russ.)
- Mongush D. A. (ed.) *Russian-Tuvan Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 564 p. (In Russ. and Tuv.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Muratova R. T. The Bashkir color term *кызыл / qyźyl* ('red'): genesis, evolution and lexical semantics. *Oriental Studies*. 2018. No. 5. Pp. 120–131. (In Russ.) DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-120-131
- Muratova R. T. The color term for 'yellow' in the Bashkir language: genesis, development and lexical-semantic characteristics. *Ural-Altai Studies*. 2018. No. 2. Pp. 53–70. (In Russ.)
- Mustafaev E. M.-E., Starostov L. N. *Turkish-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 966 p. (In Turk. and Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) *Dictionary of Old Turkic*. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)
- Nadzhip E. N. *Comparative Historical Dictionary of 14th-Century Turkic Languages: A Case Study of Khosrow and Shirin by Qutb*. Book I. Moscow: Nauka, 1979. 478 p. (In Russ.)
- Otsomieva-Tagirova Z. M., Bashirova R. S. Color characteristics of the Avar toponymical space. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2017. No. 12. Pp. 154–156. (In Russ.)
- Radlov V. V. *A Dictionary of Turkic Dialects*. Vol. 1. Part 1. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences, 1893. 968 p. (In Turk. and Russ.)
- Rakhimov T. R. *Russian-Uighur Dictionary*. Moscow: State Publishing House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1956. 1473 p. (In Russ. and Uig.)
- Sapiga E. V., Repina M. V., Zhukova S. V. Color terms in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. *Historical and Social-Educational Idea*. 2016. Vol. 8. No. 2/2. Pp. 192–195. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with Vowels*. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Turk. and Russ.)
- Shchitova O. G., Shchitov A. G., Hua Kai. Cognitive modelling of color naming in Russian and Chinese. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018. No. 6. Pp. 81–87. (In Russ.)
- Shiyanova A. A. Semantic structure of words designating white color in the Khanty language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018. No. 8(4). Pp. 683–693. (In Russ.)
- Sidorova N. A., Fedulova M. N. Verbalization of color category in the English language (on the publicistic texts material). *Bulletin of the Moscow State Region University*. 2019. No. 2. Pp. 180–193. (In Russ.)
- Skvortsov M. I., Skvortsova A. V. *Russian-Chuvash Dictionary*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 2002. 511 p. (In Russ. and Chuv.)
- Sleptsov P. A. (ed.) *Yakut-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1972. 606 p. (In Yak. and Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. (In Turk. and Eng.)

- Subrakova O. V. (ed.) *Khakas-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1111 p. (In Khak. and Russ.)
- Suvandii N. D. Place names of color designation in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 195–206. (In Russ.)
- Suyunchev Kh. I., Urusbaev I. Kh. (eds.) *Russian-Karachay-Balkar Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 744 p. (In Russ. and Kar.-Balk.)
- Tsintsius V. I. (ed.) *Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages*. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975. 672 p. (In Manchu and Russ.)
- Tuguzhekova T. N. Semantic-structural and functional-pragmatic peculiarities of lexical unit *al* in the Khakass language. *Sayan-Altai Scientific Review*. 2016. No. 3. Pp. 67–73. (In Russ.)
- Useinov S. M. *Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian Dictionary*. Simferopol: Tezis, 2007. 640 p. (In Russ. and Cr. Tat.)
- Vámbéry H. *Etymologisches Wörterbuch der Turko-Tatarischen Sprachen. Ein Versuch zur Darstellung des Familienverhältnisses des Turko-Tatarischen Wortschatzes*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1878. 256 p. (In Tat. and Germ.)
- Vullers J. A. *Lexicon Persico-Latinum Etymologicum*. Vol. 1. Bonnae ad Rhenum, 1855. 967 p. (In Pers. and Lat.)
- Yudakhin K. K. *Kirgiz-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 976 p. (In Kirg. and Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 728–742, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-728-742
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.142

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-728-742

Дифференциальные и интегрирующие особенности лексемы *ола/ала* в тюркских языках (на материале узбекского и карачаево-балкарского языков)

Махти Зейтунович Улаков¹, Борис Абдулкеримович Мусуков²

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0002-5972-8472. E-mail: maxtti@mail.ru

² Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-1765-0176. E-mail: kbigi@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Улаков М. З., Мусуков Б. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена комплексному исследованию свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, парно-повторных и сложных конструкций, образованных с помощью показателя пестрого цветообозначения, терминообразующего ономастического компонента слова *ола/ала* ‘пестрый; пятнистый, рябой; пегий (о масти животных); в разноцветную полоску, полосатый; разноцветный’, участвующего в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства. В статье выявляются их отличительные и интегрирующие особенности с точки зрения различных языковых уровней и лексикографической интерпретации. *Цель* исследования — рассмотреть и проанализировать сочетание атрибутивного компонента *ола/ала* с денотативными именами существительными и асемантическими компонентами в определительных словосочетаниях описательного типа, выражающих в зависимости от контекстуального окружения и обстоятельственный признак и относящихся к разряду «переходящих» слов. *Материалы и методы.* Работа выполнена на материале узбекского и карачаево-балкарского языков. Для выявления дифференциальных и интегрирующих особенностей лексемы *ола/ала* авторы анализируют лексико-семантические, лексико-грамматические, словообразовательные свойства синтаксических единиц вторичной номинации, образованных в результате выборочного сочетания с некоторыми инвентарными единицами морфологии, их функционально-стилистические особенности в плане стилистиче-

ской организации текста. Основными методами исследования являются описательный и сравнительно-сопоставительный, а также метод контекстуального анализа. *Результаты и выводы.* В результате рассмотрения вопросов, связанных с формированием и развитием лексико-семантической структуры парно-повторных конструкций, образованных по модели полного повтора, употребляемых в номинативно-нарицательном значении, выявлено, что повторяемый компонент, являющийся фонетически измененным вариантом опорного слова, лишь частично влияет на формирование смыслового содержания «сдвоенных наименований», усиливая их семантическую структуру в определенной степени.

Ключевые слова: «переходящие» слова, асемантический аналог, вторичная номинация, стилистическая организация текста, лингвоцветовое пространство, лексикографическая интерпретация

Для цитирования: Улаков М. З., Мусуков Б. А. Дифференциальные и интегрирующие особенности лексем *ола/ала* в тюркских языках (на материале узбекского и карачаево-балкарского языков) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 728–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-728-742

UDC 811.512.142

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-728-742

Differential and Integrating Features of the Lexeme *ola / ala* in Turkic Languages: a Case Study of the Uzbek and Karachay-Balkar Languages

Makhti Z. Ulakov¹, Boris A. Musukov²

¹ Humanities Research Institute, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18, Pushkin St., Nalchik 360000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0002-5972-8472. E-mail: maxtti@mail.ru

² Humanities Research Institute, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18, Pushkin St., Nalchik 360000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1765-0176. E-mail: kbigi@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ulakov M. Z., Musukov B. A., 2020

Abstract. Introduction. The article provides a comprehensive study of free and lexicalized phrases, idioms of phraseological type, paired-repeated and complex constructions formed using the indicator designating variegated color, the term-forming onomastic component of the word *ola / ala* — ‘variegated’; ‘spotted’, ‘pockmarked’; ‘piebald’ (about animal coat colors); ‘multicolor stripped’, ‘striped’; ‘multicolored’ — participating in the categorization of mixed segments of the linguo-color space. It identifies certain distinctive and integrating features thereof in terms of different language levels and lexicographic interpretation. **Goals.** The work seeks to examine combinations of the attributive component *ola / ala* with denotative nouns and non-semantic components in descriptive phrases, expressing (depending on respective contextual environments) both an adverbial feature and words referred to as ‘transitional’. **Materials and Methods.** The work analyzes materials of the Uzbek and Karachay-Balkar languages. To identify the differential and integrating features of the lexeme *ola / ala*, the paper analyzes the lexical-semantic, lexical-grammatical, word-formation properties of secondary nomination syntactic units formed as a result of selective combination with some inventory units of morphology, their functional and stylistic features in terms of stylistic structures of examined texts. The main research methods are descriptive and comparative ones, as well as that of contextual

analysis. *Results.* The insight into issues related to the formation and development of the lexical-semantic structure of paired-repeated constructions formed according to the full repetition model used in the common nominative sense reveals that the repeated component — which is a phonetically modified version of the reference word — only partially affects the formation of the semantic content of ‘doubled names’, strengthening their semantic structure to a certain extent.

Keywords: transition words, non-semantic analogue, secondary nomination, stylistic structure of texts, linguo-color space, lexicographical interpretation

For citation: Ulakov M. Z., Musukov B. A. Differential and Integrating Features of the Lexeme *ola / ala* in Turkic Languages: a Case Study of the Uzbek and Karachay-Balkar Languages. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 728–742. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-728-742

Введение

В последнее время в тюркологических работах, посвященных актуальным проблемам лексики, грамматики и синтаксиса, рассматриваются вопросы, связанные с употреблением свободных и лексикализованных словосочетаний, парно-повторных и сложных конструкций, образованных с помощью одного из показателей пестрого цветообозначения *ола/ала* ‘пестрый; пятнистый, рябой; пегий (о масти животных); в разноцветную полоску, полосатый; разноцветный, светлый’; анализируются отличительные особенности сложных конструкций в некоторых современных тюркских языках в сравнительном аспекте с материалами средневековых историко-лингвистических, этнографических памятников; изучаются особенности сочетания атрибутивно-обстоятельного компонента *ола/ала* с денотативными именами существительными, с редуцирующими компонентами в форме асемантического аналога, фонетически измененного варианта опорного слова без лексического значения.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что сложные языковые единицы, образованные от атрибутивного слова *ола/ала*, участвуют и в словообразовательных процессах, выражая как компонентное, так и нерасчлененное значение, оторвавшись от своих первоначальных значений [Мусуков 2008: 325]. Создание свободных, лексикализованных словосочетаний, редуцированных основ, сложных слов следует рассматривать как систему моделирования синтаксических единиц вторичной номинации.

Если, с одной стороны, в свободных словосочетаниях, отдельных парно-повторных конструкциях отмечается лексическая и грамматическая сочетаемость компонентов и функционирует определенный тип синтаксической связи, то, с другой стороны, в сложных словах, идиомах фразеологического типа, лексикализованных словосочетаниях, в которых не просматривается значение компонентов, являющихся терминологическими названиями животных, растений, птиц, рыб, выявляющих устойчивый семантический характер отдельной части парно-повторных сочетаний, нет этой сочетаемости и типа синтаксической связи [Мусуков 2008: 326].

Если в некоторых тюркских языках слово *ола/ала* образует парно-повторные конструкции, сочетающие в себе конкретизаторы «основного» и «оттеночного» цветообозначений, участвующих в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства, то в рассматриваемых языках подобные сочетания не зафиксированы.

В статье отдельно рассматриваются словообразовательные особенности производных единиц вторичной репрезентации, образованных с помощью некоторых инвентарных единиц морфологии, а также выборочное сочетание производящей основы и факультативного компонента, анализируются их функционально-стилистические особенности.

Актуальность работы заключается в том, что на основе исследования лексикографических материалов узбекского и карачаево-балкарского языков, связанных с участием показателя пестрого цветообо-

значения *ола/ала* в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, парно-повторных и сложных конструкций в результате сочетания с предметными именами существительными, асемантическими компонентами показывается функционирование «переходящих» слов; обращается внимание на лексикографическую интерпретацию сложных синтаксических единиц; анализируются особенности формирования лексико-семантической структуры идиом фразеологического типа; рассматриваются особенности функционирования парно-повторных конструкций как самостоятельно, так и контекстуально в номинативном и переносном значениях; изучаются функционально-стилистические особенности компонента *ола/ала* в плане стилистической организации текста.

Практическая значимость статьи заключается в том, что в ней исследуются различные типы словосочетаний, образованные с помощью идентификатора *ола/ала*, морфологизированные конструкции — с помощью словообразовательных и словоизменительных аффиксов, обращается внимание на особенности образования линейных единиц вторичной номинации в процессе использования метода трансформированного повтора.

Целью работы является исследование свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, парно-повторных и сложных конструкций в узбекском и карачаево-балкарском языках на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях; рассмотрение возможного сочетания «сдвоенных наименований» со словообразовательными и словоизменительными морфемами; формирование их лексико-семантической структуры; рассмотрение различных вариантов словосочетаний с точки зрения лексикографической интерпретации.

Научная новизна статьи заключается в том, что сложные лексические единицы и свободные словосочетания изучаются в отмеченных языках в сопоставительном плане, с выявлением их дифференциальных и интегрирующих особенностей. В ней рассматриваются особенности сочетания парно-повторных конструкций с инвентарными единицами морфологии, участие факультативных компонентов в формировании лексико-семантической структуры словосочетаний.

Синтаксические конструкции отмеченных языков изучаются не только с точки зрения сочетаемости морфологических компонентов, но и с лексико-семантической. В статье рассматривается возможное сочетание словосложительных моделей со словообразовательными и словоизменительными морфемами в процессе их дальнейшей морфологизации.

Материалы и методы

В статье на основе анализа узбекско-русского словаря и толкового словаря карачаево-балкарского языка применяются новые подходы и современные методы лингвистических исследований с точки зрения функционирования свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, удвоенных и сложных конструкций, образованных с участием интегрирующего общетюркского самостоятельного компонента *ола/ала*, употребляемого в различных фонетических вариантах в зависимости от лексико-грамматических особенностей того или иного языка. Рассматриваются лексико-грамматические, словообразовательные, синтагматические особенности определительных словосочетаний «переходящего» типа, выражающих в зависимости от контекстуального окружения и обстоятельный признак. Обращается внимание на особенности перевода отмеченных конструкций на русский язык; их соответствие смысловому содержанию, языковым нормам; анализируется тип синтаксической связи между компонентами конструкций; уточняются синтаксические функции на основе употребления лексико-грамматического приема удвоения основы или на основе применения примыкания как типа синтаксической связи; исследуются особенности лексикографической интерпретации приведенных словосочетаний, согласна которой компоненты одних и тех же словосочетаний в разных языках пишутся по-разному: то слитно, то раздельно.

В работе обращается внимание на то, что некоторые словосочетания в узбекском и карачаево-балкарском языках, образованные от опорного слова *ола/ала*, употребляются в нескольких значениях, в то время как другие — только в одном значении.

В статье применяются следующие методы:

- 1) описательный — исследование сложных моделей различных конструкций, словосочетаний в двух аспектах: а) синхроническом — современном состоянии анализируемого разряда лексических единиц; б) диахроническом — с точки зрения исторического функционирования свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, удвоенных и сложных конструкций;
- 2) сравнительный — рассмотрение в сравнительном плане свободных и устойчивых словосочетаний, парно-повторных конструкций узбекского и карачаево-балкарского языков, образованных от имени прилагательного *ола/ала*; сопоставление их особенностей на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, включая и лексикографическую интерпретацию «сдвоенных наименований»;
- 3) функциональный — анализ особенностей функционирования в системе языка приведенных основ, их стилистические особенности.

Дифференциальные и интегрирующие особенности лексики *ола/ала* в тюркских языках

В современном узбекском языке так же, как и в материалах историко-лингвистических, этнографических памятников средневековья, эксплицитный лексико-семантический выразитель пёстрого цветообозначения — общетюркское *ала*, в фонетическом варианте — *ола*, появившийся в этом языке, скорее всего, под влиянием таджикского языка-соседа, обозначает квалифицированные значения и выступает атрибутивным конкретизатором, уточнителем при семантически дифференцированных ядерных словах. Большой частью данная лексема встречается в составе свободных словосочетаний, значительная часть которых в процессе языкового и исторического развития, потеряв первоначальное значение, перешла в разряд лексикализованных.

Если в остальных тюркских языках лексема *ола/ала* выступает только в одном значении — значении цветообозначения, выражая пёстрые сегменты лингвоцветового пространства на поверхности физико-географических объектов, то в узбекском

языке употребляется в четырёх значениях. Первым и основным является значение цветообозначения, свойственное как живым, так и неживым объектам природы. С помощью лексемы *ола* обозначаются расцветки лингвоцветовых объектов: ‘пестрый; пятнистый, рябой; пегий (о масти животных); в разноцветную полоску, полосатый’, например, *ола товук* ‘рябая курица’; *ола қоп* ‘полосатый мешок’; *ола байроқ* ‘полосатый флаг’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

Цветообозначающий компонент *ола* встречается не только в составе свободных словосочетаний, но и лексикализованных, особенностью которых является то, что цветовой признак, обозначаемый отмеченной лексемой, в них не сохраняется и не ассоциируется. В лексикализованных словосочетаниях, помимо отсутствия атрибутивного признака, отсутствуют значения имен существительных — как денотативных, так и абстрактных. Особенностью употребления свободных словосочетаний в узбекском языке так же, как и в других тюркских языках, является то, что «каждая из двух составляющих частей выполняет определенные функции: атрибутивный компонент указывает на какой-нибудь дифференциальный признак предмета, в данном случае на цветообозначающий, субстантивный компонент обозначает предмет либо денотативно, либо абстрактно» [Мусуков 2008: 325].

Главной особенностью свободных словосочетаний, обозначающих пёстрые сегменты лингвоцветового пространства с помощью слова *ола*, является то, что их значения выводятся непосредственно из лексических значений составляющих компонентов. В составе синтаксических конструкций, осложненных атрибутивным компонентом *ола*, активное участие, наряду с предметным, принимает и ассоциативное значение, образованное на основе индивидуального восприятия объективной действительности.

Слово *ола* в узбекском языке — как исторически, так и в современном его состоянии — имеет четыре близких друг другу самостоятельных лексических значений, которые могут употребляться как автономно, так и контекстуально, выявляя в отдельных случаях и скрытые оттеночные значения, устанавливаемые на основе ассоциативной связи. Семантическая структура слова *ола*

в узбекском языке характеризуется присутствием в ней отчетливо выраженных семантических стержней [Узбекско-русский словарь 1959: 300–301]. Метонимические и метафорические значения, образованные в результате различных лексико-семантических трансформаций, имеют неизменно устойчивый семантический характер.

В узбекском языке среди терминов бытовой лексики встречается свободное словосочетание *ола байроқ*, употребляемое в двух основных значениях: 1. ‘большой полосатый воздушный змей’; 2. ‘полосатый длинный и широкий (о халате)’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

В орфографировании данного словосочетания существуют две точки зрения, заключающиеся в том, что в одном случае его компоненты пишутся раздельно, в другом — слитно.

В узбекском языке функционируют и другие свободные словосочетания, в которых отмечается наличие компонентного значения: атрибутивный компонент употребляется в препозиции, а субстантивный — в постпозиции, например, *олабаргак*: *оқ уй* ‘роскошный дом’, *ола бузоқ* ‘пегий теленок’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300], *ола от* ‘пегая лошадь’, *ола шақшақ* зоол. ‘дрозд пёстрый, дрозд каменный’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300], *ола пар* ‘пестрая шкура’ (*масть и кличка собаки*), *ола пўчок* бот. сорт дыни (букв. ‘пёстрая корка’), *ола қарга* зоол. ‘ворона серая’ [Узбекско-русский словарь 1959: 301].

С другой стороны, в узбекском языке встречается немало терминов, которые являются лексикализованными названиями физико-географических объектов, не сохраняющими компонентное значение, например, *олабуга* зоол. ‘окунь’, *олабужи* ‘бука, страшилище’, *олабута* бот. ‘марь’, *олакузан* зоол. ‘хорек’, *олапопушак* обл. ‘удод’, *олатўгонок* зоол. ‘жулан’, *олақанот* зоол. ‘шилоклювка’ (вид дикой утки) [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

Лексикализованные словосочетания не выражают значений, содержащихся в их компонентах. В этих конструкциях отмечаются значения, отсутствующие в их составляющих частях. Появление переносного значения, несмотря на то, что оно не выражает значений, заложенных в компонентах, следует рассматривать результатом вну-

тренних словообразовательных процессов, преобразований. Переносное значение возникло в процессе семантического развития структуры свободных словосочетаний: в данном случае в процессе десемантизации, т. е. потери компонентного значения и приобретения нового.

Многие лексикализованные языковые единицы не соотносятся со свободными словосочетаниями, являющимися соединением двух знаменательных слов, служащих для выражения расчлененного понятия или представления. Если свободные словосочетания состоят из полнозначных слов, то в идиомах фразеологического типа компонентное значение остается за пределами общего значения. Другими словами, значения лексикализованных единиц не расчленяются на значения составных частей, так как «они настолько „оторвались“ от своих первоначальных конкретных значений, что в синхронном плане не чувствуется участие их в образовании общего значения идиом» [Современный карачаево-балкарский язык 2016: 207].

Можно предположить, что лексикализованные слова могут соотноситься со свободными словосочетаниями лишь генетически, то есть с точки зрения компонентного состава. Идиомы фразеологического типа, в которых присутствует значение атрибутивного компонента *ола*, возникают в результате скрытого преобразования значений компонентов свободных словосочетаний.

Свободные словосочетания, в отличие от лексикализованных, употребляются в другой речевой ситуации и, выступая в переносном значении, находятся на стадии перехода в разряд идиом фразеологического типа, являясь лексико-семантической базой для синтаксических конструкций более высокого уровня. Они характеризуются четкой воспроизводимостью, располагаясь в определенной последовательности и устанавливая необходимый тип синтаксической связи. «...Свободные словосочетания обладают признаками членности формы и членности содержания» [Современный карачаево-балкарский язык 2016: 207].

Помимо членности общего содержания на содержание компонентов, свободные словосочетания обладают и другими признаками, т. е. в них отмечается лексическая сочетаемость компонентов.

Создание свободных и лексикализованных словосочетаний с помощью идентификатора *ола/ала* в узбекском и других тюркских языках следует рассматривать как «систему моделирования вторичных единиц» [Кубрякова 1981: 21].

При исследовании свободных и лексикализованных словосочетаний, образованных с участием лексемы *ола/ала*, необходимо разрешение следующих вопросов:

- 1) какие синтагматические отношения существуют между атрибутивным и субстантивным компонентами или каким образом формируется значение словосочетания, и какое при этом участие принимают отмеченные структурные части?
- 2) как формируется лексико-семантическая структура атрибутивных конструкций?

Атрибутивный компонент *ола/ала* обозначает некий признак, заложенный в предмете. Различие между компонентами является не только лексико-семантическим, но и грамматическим. Тип лексического значения составляющих компонентов (представление о признаке, свойстве) определяет общее направление в образовании словосочетаний.

Значения составляющих компонентов всегда содержат представления, обусловленные их принадлежностью к той или иной части речи, т. е. в их состав входят понятия предметности, признака. В результате появления в языке нового наименования в виде свободного, лексикализованного словосочетания, парно-повторной конструкции, сложного слова, содержащего новый элемент значения, может отмечаться переход значения из одной лексико-грамматической категории в другую, т. е. выявляется абсолютный лингвоцветовой признак: *ала-чола* — I. ‘поверхностный, неглубокий’; II. ‘поверхностно, кое-как, тяп-ляп’ [Толковый словарь 1996: 118].

Особенностью употребления сложных конструкций в тюркских языках является то, что в результате внутренних трансформаций в некоторых из них разрушается прямое значение и появляется переносное или лексикализованное. Другой особенностью тюркских языков является то, что компоненты атрибутивных словосочетаний в одном случае пишутся отдельно, обозначая признак предмета (ударение падает на первый

компонент), в другом — слитно (ударение падает на второй компонент): *алакёз* ‘светлоглазый’ [Толковый словарь 1996: 117]; *ола кўз* 1) ‘выпученные глаза, глаза навыкате’; 2) ‘пучеглазый’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

Слитное орфографирование продиктовано двумя факторами: 1) наличием ударения на втором компоненте; 2) наличием лексикализованного значения всего словосочетания. Одни и те же синтаксические конструкции, встречающиеся во многих тюркских языках и являющиеся интегрирующими, общетюркскими, в некоторых из них употребляются отдельно, а в других — слитно, например, *ала бота* и *алабота*. И в том, и в другом случаях они функционируют не в компонентном значении, а выражают единое понятие. Таким образом, существует скрытая зависимость между значениями словосочетания и его компонентов, в одних случаях выражающаяся, а в других — нет.

Если компоненты узбекских словосочетаний на *ола* имеют значения орудия, названия процесса, признака, то в производной конструкции появляются те же самые значения, т. е. семантика производной единицы рассматривается как своеобразное развитие, дальнейшее продолжение, уточнение значений, употребляемых в мотивирующей основе.

Атрибутивные конструкции в узбекском языке так же, как и в других тюркских языках, образованы по трем моделям: 1) по словосложительной модели, в результате чего появляются как свободные словосочетания, так и сложные слова; 2) по модели лексикализации, т. е. в результате потери этимологического значения; 3) по модели полной дупликации, когда к атрибутивному компоненту присоединяется асемантический аналог в виде повторения первого слога опорного слова.

При взаимодействии атрибутивного компонента и именного корня в семантике конструкции происходит сложный процесс, т. е. в результате такого семантического явления получает развитие основное, первичное значение — значения компонентов. Последующие значения конструкции представляют собой развитие или продолжение предыдущего — основного. Иногда, наоборот, компоненты словосочетаний, или один из компонентов, могут быть многозначными, а

основное значение конструкции сужается, и оно несколько уже, чем значение составляющих частей. Оказывается, причина такого семантического процесса кроется в том, что не все значения компонентов отражаются в общем значении, а лишь те, которые необходимы в языковом употреблении. «Когда слово имеет несколько значений, этимологией будет, как правило, собственное и первичное значение: остальные значения являются производными, т. е. фигуральными или переносными» [Арутюнова 1961: 16].

Атрибутивные словосочетания, сложные слова и редуцированные конструкции с *ола* в узбекском языке по семантическому объему характеризуются тем, что их развитие происходило в отдельных случаях независимо от семантического развития производящих компонентов: имен прилагательных и имен существительных.

С другой стороны, конструкции с *ола*, не проявляющие многозначности, имеют тесную семантическую связь с производящими компонентами, определяющими большинство их значений. В сфере употребления различных словосочетаний с *ола* существуют некоторые исключения, когда общее лексическое значение конструкции и их исходных основ не соответствует друг другу в полной мере. Значения атрибутивных и субстантивных компонентов находят свое выражение в производной конструкции в трансформированном виде, т. е. в ней совмещаются различные значения. В структуре атрибутивных конструкций появляются новые, неизвестные до этого, лексические значения как результат семантических преобразований [Мусуков 2008: 330].

Если в некоторых тюркских языках встречаются конструкции, образованные в результате сочетания прилагательного *ола* 'пестрый, пегий' и прилагательных «основного» цветообозначения, участвующих в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства, то в узбекском языке и его средневековых историко-лингвистических памятниках такое сочетание не отмечается. Отмечаются только конструкции, в которых компонент *ола* сочетается с асемантическим аналогом, факультативным идентификатором, звуковым комплексом *була*, не имеющим лексического значения, к которому в составе конструкции *ола-була* 'пегий' в дальнейшем присоединяется сло-

вообразовательный аффикс *-лик*, меняющий частеречную принадлежность конструкции, например, *ола-булалик* 'пестрота; разноцветность' [Узбекско-русский словарь 1959: 300]. В этом языке в результате присоединения к парно-повторной конструкции *ола-була* общетюркского аффикса *-лик* образуется имя существительное *ола-була+лик* с отвлеченным значением.

Аффикс *-лик* присоединяется только ко второй части редуцированной конструкции, относится ко всему сочетанию одинаково, подвергая производящую основу лексико-семантическим трансформациям. Сочетание *ола-булалик* можно рассматривать как разновидность сложного слова, имеющего самостоятельное лексическое значение, в котором не все компоненты выражают смысловое содержание. В результате присоединения аффикса *-лик* конструкция приобретает обобщенно-собирающее значение. Переход парно-повторной конструкции в разряд сложных слов осуществляется только за счет словообразовательного процесса. Данное словосочетание, подвергаясь субстантивации, становится сложным словом и выражает нерасчлененное понятие благодаря тому, что второй компонент является асемантическим аналогом, звуковым комплексом, не имеющим лексического значения. Эту конструкцию можно рассматривать как разновидность устойчивых словосочетаний, в которых выражается ослабление прямых синтаксических связей сочетающихся частей.

В узбекском языке аффикс *-лик* присоединяется не только ко второй части редуцированной конструкции *ола-була*, но и к самой основе *ола*, например, *олалик* 1) 'пестрота, разноцветность'; 2) *перен.* 'разношерстность'; 3) *перен.* 'противоречия, разлад; вражда'. Повторную конструкцию *ола-булалик* можно отнести на основе формального сходства компонентов к нетождественным повторам, где отмечается обязательная морфологизация второго компонента, т. е. аффиксом *-лик* наращивается, осложняется только второй компонент.

В данном случае наблюдается непараллельная морфологизация второго компонента. Лексической базой для образования удвоений с наращением во втором компоненте служит асемантический аналог *була* в силу высокой грамматикализации.

Переход редуцированного прилагательного в имя существительное связан с потерей признакового значения. Подобный переход не ведет в свою очередь к утрате характерных для имени прилагательного морфологических признаков, а именно: грамматических категорий числа, падежа, принадлежности. Образование удвоенных редуцированных прилагательных типа рассматриваемых выше, по мнению Р. А. Аганина, «...как правило, выполняет формообразующую функцию и, следовательно, не приводит к образованию лексических единиц с принципиально новой лексико-грамматической характеристикой» [Аганин 1959: 39].

Терминообразующий компонент *ола* в производной основе *олалик* употребляется в двух значениях: 1) в цветовом значении и 2) нецветовом, выражающем переносное значение. По своей лексической и синтаксической сочетаемости производное слово *олалик* отличается от производящей основы *ола* тем, что семантика производного слова зависит от того, каким образом производящее слово участвует в мотивированном суждении.

Аффикс *-лик* относится к межкатегориальным морфемам, так как с точки зрения лексико-семантических особенностей основы *ола* участвует в переводе семантики производящей единицы в семантику производной основы в пределах разных частей речи. Рассматривая синтагматическую связь основы *ола* и словообразовательного аффикса *-лик*, следует отметить, что корневая морфема относится к аффиксальной «как определена к определяемому» [Баскаков 1979: 87].

Кроме того, в узбекском языке встречается редуцированная конструкция *ола-кура* со значениями 1) ‘пёстрый’; 2) *перен.* ‘беспорядочный, путанный, смешанный’ [Узбекско-русский словарь 1959: 300], в которой компонент *кура* выступает в функции асемантического аналога, не имеющего лексического значения.

В словосочетании *ола-кура* отмечается трансформированный повтор, являющийся разновидностью полного повтора, оно отличается от производящей основы *ола* качеством редуцирующего компонента, употребляемого в функции ритмического отзвука.

Особенностью парно-повторной конструкции *ола-кура*, употребляемого в двух значениях — цветовом и нецветовом, является то, что в них семантически многозначное слово, выступающее в качестве лексической основы редупликации, в большей степени теряет свою многозначность и, как правило, ограничивается определенным значением. Повторная конструкция *ола-кура* имеет широкое применение как структурный тип в составе свободных и лексикализованных словосочетаний, предложений, фразеологических единиц, отличается ясной лексико-семантической характеристикой.

Несмотря на отсутствие соответствующего морфологического оформления «сдвоенных наименований», отмечается морфологическая дифференцированность и соотносительность с определенной частью речи. Конструкции типа *ола-кура* примыкают к идиомам фразеологического типа. Сочетания *ола-кура*, *ола-була* обозначают не только имя прилагательное с признаковой характеристикой, но и приобретают также более обобщенное, абстрактное значение, выражая последовательность в проявлении отмеченной особенности. В результате удвоения слов, морфологического осложнения образуются новые лексические единицы в виде парно-повторных конструкций. Приведённые повторные образования, употребляемые в узбекском языке в качестве лексических основ, не осложненных морфологическими показателями, восходят к свободным словосочетаниям. Эти конструкции можно считать словообразовательными моделями, образованными в результате грамматической абстракции и обобщения конкретных компонентов лексико-грамматических единиц вторичной номинации.

Словосочетания *ола-кура* и *ола-була* не подвергаются лексико-семантической изоляции и не переходят в разряд сложных слов, так как они образованы по определенным словосложительным моделям.

Повторные образования *ола-кура* и *ола-була*, объединяемые определенными словообразовательными моделями, различаются разными степенями обособления и изоляции от подобных синтаксических конструкций.

Отмеченные модели повторных конструкций не утратили связи со свободными

синтаксическими конструкциями и могут быть, с другой стороны, отнесены к области словообразования.

Морфологизированное повторное образование *ола-булалик*, служащее для образования имени существительного с собирательным значением, является продуктивной формой синтаксических словосочетаний. Повторная форма *ола-булалик* является синтаксической конструкцией, представляющей собой разновидность лексикализованных словосочетаний, и характеризуется тем, что в синтаксическом отношении выступает в функции одного члена предложения. В данном случае — в функции подлежащего.

Эти лексические словосочетания, образованные в результате лексикализации, могут иметь определенный тип синтаксической связи с другими членами предложения на правах одного (единого) члена предложения. Повторные конструкции подобного типа в современном узбекском языке образованы с помощью морфолого-синтаксического способа словообразования, т. е. в результате сочетания двух основ: полнозначного слова *ола* плюс асемантического аналога *була* и функционального идентификатора *-лик*.

В примерах *ола-кура*, *ола-була*, *ола-булалик* не отмечается лексико-семантическое переосмысление и отрыв общего значения от значений сочетающихся компонентов *кура* и *була*, и поэтому не образуются атрибутивные конструкции с идиоматизированным содержанием. Особенностью парно-повторных конструкций является то, что редупликат не является производным словом.

Редулицированные конструкции *ола-кура*, *ола-була*, *ола-булалик* в узбекском языке представляют собой сложные языковые единицы, состоящие из двух слов, объединенных в разложимые лексические основы, в которых сохраняется модифицированное значение лексически значимого компонента *ола* с оттенками собирательности, обобщения.

Слово *ола*, входящее в состав усилительных конструкций с асемантическим компонентом, сохраняет свое основное значение — значение качественного прилагательного, выявляя в то же время новые дополнительные семантические оттенки.

Усилительные конструкции, образованные по модели полной редупликации, так же как и по модели частичной редупликации, обозначают односложное понятие, имеющее собирательное значение.

Такие нетождественные повторные конструкции из карачаево-балкарского языка, как *ола-кьула* 1) 'пёстрый, разноцветный, пегий'; 2) 'аляповатый'; *ола-чола* 'поверхностный, неглубокий'; *ола-чола* 'поверхностно, кое-как, тьяп-ляп' выражают определенные синтаксические отношения между членами предложения и употребляются в качестве модели для морфолого-синтаксического способа словообразования. Общее значение конструкций зависит от смыслового содержания компонентов.

Следует отметить, что образование удвоенных конструкций дифференцируется не только с точки зрения лексико-семантических оттенков, но и с точки зрения грамматических отношений. В этой связи интересно обратить внимание на конструкции *ола-чола* (прилагательное) и *ола-чола* (наречие), разница между которыми заключается не столько в семантических оттенках, проявляемых обычно при удвоении, сколько в лексико-грамматическом отличии первого от второго.

Прием полной редупликации распространяется на исконно узбекские и карачаево-балкарские слова, заимствованные слова в этом процессе не участвуют. В этих языках встречаются разные повторы с одним и тем же словом-компонентом, употребляемым в препозиции. В каждом типе повтора употребляются разные значения за счет лексико-семантической структуры постпозиционного компонента, который может быть как полнозначным словом, так и функциональным идентификатором. Примеры: *олакёз* 'светлоглазый' (к.-балк.); *олакъаиш* 'седобровый' (к.-балк.); *олабаиш* 'белоголовый'; *олабота* 'лебеда' (к.-балк.); *олақанот* зоол. 'шилоклювка' (вид дикой утки) (узб.); *олакўз* (правильно *ола кўз*): 1) 'выпученные глаза, глаза навывкате'; 2) 'пучеглазый' (узб.); *олабайроқ*: 1) 'большой полосатый воздушный змей'; 2) 'полосатый, длинный и широкий (о халате)'; *олақарға* зоол. 'ворона серая'; *ола товуж* 'рябая курица'.

Отмеченные словосочетания узбекского языка в карачаево-балкарском языке не встречаются, несмотря на то, что семантика

их компонентов прозрачна. С точки зрения интегрирующей лексики тюркских языков можно было бы предложить специалистам, занимающимся лексикографическими работами в карачаево-балкарском языке, внедрить слова узбекского языка в его лексический состав на основе окказионального функционирования.

Особенностью карачаево-балкарского и узбекского языков с точки зрения употребления показателя пестрого цветообозначения *ола/ала* является то, что одни и те же синтаксические конструкции с тождественными компонентами имеют разные значения, например, *алакёз* 'светлоглазый' (к.-балк.) и *ола кўз* 1) 'выпученные глаза, глаза навывкате'; 2) 'пучеглазый' (узб.). В случае с узбекским словосочетанием, видимо, произошла лексикализация первоначального значения, не сохранившегося в этом языке в процессе внутренних лексико-семантических трансформаций. Карачаево-балкарское *алакёз* употребляется в значении компонентов и за его пределы в сторону расширения не выходит.

Лексикографической особенностью приведенных словосочетаний является то, что в карачаево-балкарском языке компоненты конструкции *алакёз* пишутся слитно за счет того, что ударение находится во втором компоненте, в узбекском языке компоненты словосочетания *олакўз* пишутся двояко: в одном случае слитно, в другом — раздельно, употребляясь за пределами лексикографических правил.

Некоторые словосочетания, употребляемые в узбекском и карачаево-балкарском языках, образованные с помощью слова *ола/ала*, могут быть многозначными, другие функционируют только в одном значении. Все значения распределяются в иерархической последовательности: одни употребляются больше и выступают в начале списка активности-пассивности, продуктивности/непродуктивности, другие употребляются меньше. Критерием семантического распределения значений является возрастание интенсивности значения. В отдельных случаях распределение значений является процессом чисто условным, так как эти значения настолько близки, что невозможно оторвать их друг от друга.

Лексические значения свободных и лексикализованных словосочетаний, сложных

слов и удвоенных конструкций на *ола/ала* образуются независимо от ситуативного или эксплицитного контекста.

Д. Н. Шмелев пишет: «Если слова не имеют собственно лексического значения, их объединение в тексте может быть только случайным с точки зрения того, что они обозначают, а, следовательно, не способно и выявить в них вообще какое-то лексическое содержание» [Шмелёв 1973: 57].

Свободные словосочетания выражают свободные значения, показывая широкое и независимое сочетание синтагматических связей слов, диктуемых самой системой языка. Таким образом, «свободным является то значение слова, в котором оно встречается часто и в сочетании со многими словами, которое определяется предметно-логически и которое, прежде всего, возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста» [Шмелёв 1990: 382].

Атрибутивные словосочетания на *ола/ала* имеют и другие значения, ограниченные в своем употреблении и выявляемые в зависимости от ограниченной сочетаемости, синтаксической позиции и грамматического оформления. К несвободным значениям относятся значения фразеологически связанных конструкций, приобретаемые только в составе фразеологической единицы или в составе других устойчивых сочетаний. Употребление словосочетаний с такими значениями обусловлено закономерностями функционирования самой лексико-семантической системы. В этих единицах фразеологически связанное значение выражается в сочетании двух слов.

В узбекском языке некоторые устойчивые сочетания фразеологического типа, образованные с участием слова *ола*, могут находиться между собой в синонимических отношениях, например, *олакўз* 'выпученные глаза, глаза навывкате', *ола-кула* 'пучеглазый' [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

В некоторых теоретических источниках отмечается, что «общее значение синонимического ряда выражается таким словом, которое обладает минимальной экспрессией и, как правило, стилистической нейтральностью» [Современный карачаево-балкарский язык 2016: 165].

Члены синонимической пары не имеют ни смысловых, ни функциональных разли-

чий, они дифференцируются только стилистически. Однако *олакўз* употребляется чаще, чем *ола-кула*, что подтверждается материалами толкового словаря узбекского языка [Узбекско-русский словарь 1959: 300].

Данные синонимы, не являющиеся однокоренными и не совпадающие полностью в морфологической структуре, отличаются частотой (или широтой) употребления. Эти синонимы, имеющие семантическую и функциональную тождественность, не всегда могут заменить друг друга в силу привычности, традиции употребления в этом значении только одного из них. Они могут заменить друг друга в определенных контекстах, где обычно функционируют в одной лексической и одинаковой стилистической среде. При семантической взаимозаменяемости членов синонимического ряда сохраняются эмоционально-экспрессивные, стилистические и функциональные различия.

Различные типы сложных конструкций, образованные с помощью *ола/ала*, употребляются в прямом и переносном значениях. Нет никакого основания считать, что прямые значения сочетающихся конструкций более употребительны, чем их переносные значения. Структура сложных конструкций на *ола/ала* имеет немаловажное значение для их осмысления. Однако на этой основе не всегда можно определить истинное значение словосочетаний, отличающихся по объему (широте употребления), у одних он шире, у других — уже. Многие свободные словосочетания употребляются в прямом значении, то есть значении компонентов, а в переносном, то есть лексикализованном — словосочетания, обозначающие названия растений, животных, птиц, рыб.

Можно установить прямую зависимость в развитии значений слов, что считается надежным критерием, согласно которому основным является то значение, на базе которого возникают остальные значения словосочетаний.

Иногда нелегко бывает различать разные типы значений, т. е. прямые, номинативные значения слов *ола* и *ала* от их производно-номинативных значений, так как в тех и в других своих значениях эти слова выражают признаковые особенности. Однако в отличие от прямых, номинативных

значений производно-номинативные выражают признак в составе атрибутивных конструкций более обобщенно, собирательно. Отличительной их особенностью является то, что они не зависимы от контекста.

Атрибутивные, лексикализованные, парно-повторные и сложные конструкции широкоупотребительны как в литературном языке, так и в разговорной речи, и порядок расположения их компонентов не зависит от определенной эмоциональной окраски речи. Оба компонента не могут взаимно перемещаться: атрибутивный компонент употребляется традиционно в препозиции, а денотативный и факультативный компоненты — в постпозиции.

Употребление в языке свободных, лексикализованных словосочетаний, сложных слов, парно-повторных конструкций, образованных сочетанием прилагательного *ола/ала* с предметными именами существительными и факультативными словами, исторически могло быть вызвано чисто синтаксическими целями — необходимостью дифференциации атрибутивных функций в разряде слов, входящих в единую лексико-грамматическую категорию. За каждой конструкцией закрепляется определенная синтаксическая функция. Самостоятельные лексические единицы появляются как результат сочетания атрибутивных и денотативных компонентов, которые примыкают друг к другу грамматически и лексически. Атрибутивные конструкции относятся к разряду «переходящих» слов, так как они при соответствующем контекстуальном окружении могут выполнять и обстоятельственные функции.

Одним из средств выделения наречий из разряда «переходящих» слов является употребление лексико-грамматического приема повтора, в результате чего эти конструкции выступают в обстоятельном значении, то есть в качестве наречий, например, *ала-чола* ‘поверхностный, неглубокий’; *ала-чола* ‘поверхностно, кое-как, тая-ляп, через пень колоду’ (к.-балк.). В процессе такого перехода какие-либо существенные изменения не наблюдаются, т. е. исключается возможность смешения обстоятельства с определением.

Отмеченные «переходящие» слова подвергнуты адъективации и включают в себя номинативное значение. Удвоенная форма

используется в роли обстоятельства, что не обязательно при выполнении им других синтаксических функций. С точки зрения семантической характеристики удвоенные формы в современном карачаево-балкарском языке в составе обстоятельственного словосочетания выступают в качестве эллипсиса. В этом плане повторная конструкция по отношению к атрибутивному компоненту *ола/ала* может выражать более интенсифицированное значение.

Лексико-грамматический прием удвоения основы *ола/ала* употребляется также для уточнения той или иной синтаксической функции редуцированных конструкций.

Анализ рассмотренных конструкций свидетельствует о том, что, как правило, они встречаются в синтаксических функциях определения и обстоятельства, например, *ала-кьула кьозучукь* 'пегий ягненок' (к.-балк., определение); *байракь ала-кьула кёрюндю* 'знамя показалось разноцветно' (к.-балк., обстоятельство образа действия) [Толковый словарь 1996: 117]; *ол ала-чола хапарлагьа ийнанмай турду* 'он не поверил поверхностным разговорам' (к.-балк., определение); *ол ишни ала-чола тамамлады* 'он выполнил работу поверхностно' (к.-балк., обстоятельство образа действия) [Толковый словарь 1996: 118].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что между редуцированной конструкцией *ала-чола*, выступающей в позиции обстоятельства образа действия, и следующим за ним словом отсутствует пауза и устанавливается ритмическое единство. С одной стороны, за конструкцией *ала-чола* четко закрепляется функция обстоятельства образа действия, с другой — немаловажное значение имеют и лексико-грамматические особенности глагола, с которым сочетается удвоенное слово.

Следует отметить, что глаголы, следующие за удвоенным словом *ала-чола*, допускают возможность обозначения обстоятельственного признака не удвоенным словом *ала*, несмотря на то, что оно является «переходящим», например, *байракь мени кёзюме ала кёрюндю* 'знамя показалось мне пестрым'. Слово *ала* в карачаево-балкарском языке может быть передано таким образом, что будет в предложении выступать как в роли определения, так и обстоятельства. В роли обстоятельства так же, как и

в роли определения, могут выступать как удвоенные слова, так и не удвоенные.

Удвоение слова *ала* в функции обстоятельства образа действия, вызванное семантическими причинами, факультативно.

Слово *ала* в карачаево-балкарском языке участвует в образовании парно-повторной конструкции, сочетаясь с прилагательным «основного» цветообозначения *кьызыл* 'красный, цвета крови; румяный', употребляясь в постпозиции, например, *кьызыл ала* 'пестрый, состоящий из красных и белых полос, пятен'.

Редуцированные конструкции, образованные с помощью цветового показателя *ола/ала* и употребляемые в составе того или иного предложения, самостоятельно, без участия морфологических показателей, служат для уточнения грамматической формы словосочетаний, для выражения смысловой и грамматической связи между компонентами, для определения их значений и конкретизации синтаксических функций.

Повторы имен прилагательных, представляющие собой обстоятельственные наречия образа действия, употребляются в предложении в обстоятельственной функции и относятся к разряду определительных наречий. Выполняя, как и другие наречия, обстоятельственную функцию, они могут сочетаться с глаголами, выступающими в предложении в качестве сказуемого.

В повторе, выполняющем функцию определения или наречия, оформляется наречеобразующим аффиксом только второй компонент, являющийся асемантическим аналогом. Если редуцированная конструкция осложняется словоизменительным аффиксом падежа, то она выступает в предложении в функции косвенного дополнения, например, *ала-чоланы* 'поверхностного' (родительный падеж), *ала-чолагьа* 'к поверхностному' (дательный падеж), *ала-чоланы* 'поверхностного' (винительный падеж), *ала-чолада* 'у поверхностного' (местный падеж), *ала-чоладан* 'от поверхностного' (исходный падеж).

Особенностью определительных словосочетаний *ала-чола*, *ала-кьула* является то, что они выражают и обстоятельственный признак при соответствующем контекстуальном окружении, обозначая признак признака. Подобные повторы на русский язык переводятся одинаково, то есть обстоятель-

ство в значении определения. Поэтому при описании существа редуцированных явлений было бы неверно исходить только из перевода, так как «не всегда в двух идентичных по смыслу фразах (турецкой и русской) русскому наречию будет соответствовать турецкое наречие...» [Дмитриев 1951: 154] и наоборот.

Особенностью синтаксической связи по способу примыкания в узбекском и карачаево-балкарском языках является то, что в большинстве случаев отсутствуют морфологические показатели наращения.

Выводы

Анализ словарей различного типа по узбекскому и карачаево-балкарскому языкам свидетельствует о том, что атрибутивные конструкции парно-повторного разряда словосочетаний, образованные от конкретизатора пёстрого цветообозначения *ола/ала*, участвующего в категоризации смешанных сегментов лингвоцветового пространства, являются выразителями нарицательных наименований и относятся в тюркских языках к разряду «переходящих» слов, так как в зависимости от поля употребления выполняют и обстоятельственные функции.

Редуцированные конструкции, образованные на базе сочетания атрибутивного компонента *ола/ала* с асемантическим аналогом, не имеющим лексического значения и повторяющим второй слог опорного слова, участвуют в образовании синтаксических единиц фразеологического типа с единым лексикализованным значением.

Лексико-грамматической особенностью удвоенных конструкций, образованных способом полной редукации, выражающих смысловую и грамматическую связь между компонентами, является то, что постпозиционное слово осложняется формантом и тем самым усиливается его служебная функция.

Свободные, лексикализованные, парно-повторные и сложные конструкции в уз-

бекском и карачаево-балкарском языках, образованные с помощью *ола/ала*, употребляются как в номинативном, так и переносном значениях, выражая как определительные, так и обстоятельственные признаки в зависимости от контекстуального функционирования. Удвоенные и сложные конструкции выражают производно-номинативное значение в составе атрибутивно-обстоятельственных словосочетаний более обобщенно, собирательно, чем в составе атрибутивного компонента.

Атрибутивные, парно-повторные и сложные конструкции в узбекском и карачаево-балкарском языках могут быть как многозначными, так и употребительными только в одном значении, распределяясь в определенной иерархической последовательности.

Лексикографической особенностью словосочетаний различного типа, парно-повторных и сложных конструкций, образованных с помощью атрибутивного компонента *ола/ала* в узбекском и карачаево-балкарском языках так же, как и в других тюркских языках, является то, что компоненты одних и тех же конструкций пишутся двойко: в одном случае слитно, в другом — раздельно в зависимости от расположения фразового ударения.

Анализ толковых словарей узбекского и карачаево-балкарского языков свидетельствует о том, что слово *ола/ала* как морфологический показатель пёстрого цветообозначения естественно сочетающихся сегментов окружающей действительности участвует в категоризации лингвоцветового пространства, выступает как в номинативно-нарицательном значении, так и терминообразующем, а также выступает, с одной стороны, как выразитель лексических значений, с другой — словообразовательных, с третьей — грамматических, образует схемы формально-семантических соотношений между разновидностями лексем.

Литература

- Аганин 1959 — Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М.: Вост. лит., 1959. 144 с.
 Арутюнова 1961 — Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 151 с.

Баскаков 1979 — Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 275 с.

Дмитриев 1951 — Дмитриев Н. К. Наречие места в турецком языке // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Сб. ст. Л.: ЛГУ, 1951. С. 152–154.

- Кубрякова 1981 — *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Мусуков 2008 — *Мусуков Б. А.* «Сдвоенные наименования» с цветовыми компонентами в тюркских языках // Профессор Н. К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии: Мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 324–330.
- Современный карачаево-балкарский язык 2016 — Современный карачаево-балкарский язык / в 2 ч. Ч. 1. Нальчик: Печатный двор, 2016. 448 с.
- Толковый словарь 1996 — Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. / под ред. Ж. М. Гузеева. Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с.
- Узбекско-русский словарь 1959 — Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Акабиров, З. М. Магруфова, А. Т. Ходжаханова; гл. ред. А. К. Боровков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. 839 с.
- Шмелёв 1973 — *Шмелёв Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
- Шмелёв 1990 — *Шмелёв Д. Н.* Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 210–300.
- Karachay-Balkar Language. In 3 vols. Vol. 1: A–Ж. Nalchik: El-Fa, 1996. 1016 p. (In Kar-Balk. and Russ.)
- Guzeev Zh. M. et al. Modern Karachay-Balkar Language. In 2 vols. Vol. 1. Nalchik: Pechatnyi Dvor, 2016. 448 p. (In Russ.)
- Kubryakova E. S. Types of Linguistic Meanings: Semantics of Derived Word. Moscow: Nauka, 1981. 200 p. (In Russ.)
- Musukov B. A. 'Paired nominative units' with color components in Turkic languages. In: Professor N. K. Dmitriev and Topical Issues of Turkology. Ufa: Bashkir State University, 2008. Pp. 324–330. (In Russ.)
- Shmelev D. N. Homonymy. In: Yartseva V. N. (ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. Pp. 210–300. (In Russ.)
- Shmelev D. N. Problems of Lexical Semantic Analysis: A Case Study of the Russian Language. Moscow: Nauka, 1973. 280 p. (In Russ.)

References

- Aganin R. A. Modern Turkish: Repetitions and Coordinate Paired Word Combinations. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 144 p. (In Russ.)
- Akabirov S. F., Magrufov Z. M., Khodzhaخانov A. T. (eds.) Uzbek-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and Soviet National Dictionaries, 1959. 839 p. (In Uzb. and Russ.)
- Arutyunova N. D. Word Formation in Modern Spanish: Essays. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. 151 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. Turkic Languages: Historical-Typological Morphology. Moscow: Nauka, 1979. 275 p. (In Russ.)
- Dmitriev N. K. Adverb of place in the Turkish language. In: Commemorating Acad. Lev V. Shcherba. Collected Papers. Leningrad: Leningrad State University, 1951. Pp. 152–154. (In Russ.)
- Guzeev Zh. M. (ed.) Explanatory Dictionary of the

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 3, pp. 743–765, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.511.143

DOI: 0.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765

Мансийские исследования: от истоков к современности

Наталья Андреевна Кошелюк¹.

¹ Томский государственный университет (д. 36, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация);
Институт систем программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. Александра
Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)

аспирантка, младший научный сотрудник

младший научный сотрудник

 0000-0002-5833-7971. E-mail: NKoshelyuk@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Кошелюк Н. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья представляет собой экскурс в историю изучения мансийского языка европейскими и российскими (советскими) лингвистами. *Целью* исследования является комплексное описание истории исследования мансийского языка и его диалектов. *Методы:* описательный, хронологический, сравнительно-исторический. *Обсуждение и результаты.* Приводится информация о территории распространения манси, классификации диалектов и современном положении мансийского языка. Пристальное внимание в статье уделяется освещению основных вех в его изучении, также отмечаются особые достижения исследователей в этой области. Обзор представлен в хронологическом порядке: от первых лингвистических экспедиций и до наших дней. Так, согласно имеющимся сведениям, первые данные о мансийском языке зафиксированы в источниках, датируемых XVI–XVII вв. До нас дошли мансийские словари, составленные путешественниками и миссионерами: И. Куредовым, Симеоном Черкаловым, Петром Симоном Палласом и др. Только с середины XIX в. мансийский язык стал предметом лингвистического исследования. Точкой отсчета принято считать экспедиции финских и венгерских ученых: Антала Регули, Августа Альквиста, Берната Мункачи, Артуру Каннисто. Вклад в изучение мансийского языка и его диалектов в разные годы XX в. также внесли следующие европейские ученые: В. Штейниц, Л. Хонти, М. Бакро-Надь, М. Кишпаль, К. Редей, М. Силаши и др. В России начало исследования мансийского языка было положено советскими учеными в 30-е гг. XX в. Особое место в развитии этого направления отведено В. Н. Чернецову и А. Н. Баландину. Во второй половине XX в. зарождается экспериментальное исследование фонетики мансийского языка, составляются словари на основании полевых данных; комплексным изучением мансийского языка занимаются А. И. Сайнахова, Е. И. Ромбандеева и др. В XXI в. мансийские исследования в России и Европе выходят на новый уровень: создаются виртуальные исследовательские лаборатории и лингвистические платформы, по-

звolyающие на новом уровне исследовать мансийский язык, а также уточнять и перепроверять материалы ученых прошлых лет.

Ключевые слова: урaлистика, мансийский язык, история изучения, хронология, первые исследования, европейские лингвисты, российские лингвисты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

Для цитирования: Кошелюк Н. А. Мансийские исследования: от истоков к современности // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 743-765. DOI: 0.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765

UDC 811.511.143

DOI: 0.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765

Mansi Studies: from Origins to the Present

*Natalia A. Koshelyuk*¹

¹ Tomsk State University (36, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation); Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Solzhenitsyn St., Moscow 109004, Russian Federation)

Postgraduate Student, Junior Research Associate

Junior Research Associate

 0000-0002-5833-7971. E-mail: NKoshelyuk@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Koshelyuk N. A., 2020

Abstract. *Introduction.* The article reviews background studies on the Mansi language and its dialects performed by European and Russian (Soviet) linguists. *Goals.* The paper seeks to provide a comprehensive historical description of Mansi language research. *Methods.* The descriptive and comparative-historical methods have been employed thereto. *Results.* The work arranges the studies chronologically — from earliest research activities to contemporary ones — highlighting most essential achievements. Mansi is one of the least studied languages with earliest written accounts dating to the 16th-17th centuries. The earliest Mansi dictionaries were compiled by explorers and missionaries (I. Kuroedov, S. Cherkalov, P. S. Pallas, etc.) in the 18th century. In the 19th century, the Mansi language officially became a subject of scientific research, and expeditions by Finnish and Hungarian linguists (Antal Reguly, August Engelbrekt Ahlqvist, Bernát Munkácsi, Artturi Kannisto) proved the first field studies. In the 20th century, quite a number of European scientists have contributed to Mansi language research, namely: W. Steinitz, L. Honti, K. F. Karjalainen, M. Bakró-Nagy, K. Rédei, M. Szilasi, and others. In Russia, the first Mansi studies were initiated by Soviet scholars in the 1930s (V. Chernetsov, A. Balandin). Studies in spoken Mansi evolved into a national Cyrillic alphabet, and for the first time ever there were published comprehensive works dealing with Mansi studies, textbooks on Mansi phonetics, morphology, and grammar. Experimental phonetic explorations emerged in the mid-to-late 20th century resulting in new Mansi dictionaries (A. Sainakhova, T. Frank-Kamenetskaya, E. Rombandeeva, and others). Mansi studies in the 21st century in Russia and Europe have reached a brand new level: there appeared online research laboratories and linguistic platforms which make it possible to further investigate the Mansi language and verify up-to-date materials.

Keywords: Uralic studies, Mansi language, scientific history, chronology, first studies, European linguists, Russian linguists

Acknowledgements: The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 20-18-00403 ‘Digital Description of Uralic Languages on the Basis of Big Data’.

For citation: Koshelyuk N. A. Mansi Studies: from Origins to the Present. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 743-765. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765

Введение

Целью настоящей статьи является комплексное освещение истории изучения мансийского языка, начиная от первых миссионерских словников XVII–XVIII вв. до создания современных лингвистических лабораторий и виртуальных платформ, позволяющих вывести исследования этого исчезающего языка на совершенно новый уровень.

Общие сведения

Мансийский язык принадлежит к одному из двух языков обско-угорской подгруппы угорской группы финно-угорской ветви уральской языковой семьи. В генетическом плане к мансийскому языку наиболее близким является хантыйский. Носители мансийского языка — манси — коренной малочисленный народ, проживающий небольшими группами на обширной территории Северо-Западной Сибири. Ближайшими соседями манси на севере являются ненцы, на западе — коми, на востоке — ханты, на юге — татары. По всей территории своего расселения манси близко соприкасаются с русскими.

Слово *манси* (*māńśi*) является самоназванием этого народа и имеет значение ‘человек’. Установлено, что оно восходит к праугорскому слову **mańśz* ‘мужчина, человек’ [Rédei 1988: 866–867]. До 30-х гг. XX в. манси именовались *вогулами*. Как отмечает З. П. Соколова, «данный этноним начинает употребляться в русских документах с XIV в. (Софийская летопись, 1396 г.) прежде всего по отношению к манси, которые жили на западных склонах Урала; позднее (XVI–XVIII вв.) вогулами называли мансийское население Конды, Туры, Тавды, Пелыма, Сосьвы, Чусовой, Тагила, Уфы» (где начальная кавычка?) [Соколова]. Это название могло происходить от названия рек, протекавших на территории Пелымского княжества (северо-мансийское *воль-я* и северо-хантыйское *вогаль-ёган* ‘река с плёсами’).

В текущих условиях стремительного сокращения численности носителей мансийского языка территория их проживания сужается. Сегодня мансийский язык распространен преимущественно по нижнему тече-

нию р. Оби и к востоку от Уральских гор: в Ханты-Мансийском автономном округе (далее — ХМАО), по левобережью р. Оби и ее притокам (р. Сосьве, Ляпину), а также по р. Лозьве, небольшое число носителей мансийского языка также проживает в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области, Свердловской области (рис. 1).

Локализация манси

Известно, что места обитания манси с течением времени претерпели изменения. Ранее локализация этого народа определялась значительно западнее и южнее современной территории. Согласно данным топонимики [Соколова], до XVI в. манси проживали на среднем Урале и к западу от него, в Пермском Прикамье, на притоках р. Камы Вишере и Чусовой, а также в верхнем и среднем течении р. Печоры, на юге их территория ограничивалась верховьями р. Уфы и низовьями рр. Туры, Тавды, Сосьвы, Пелыма и Лозьвы. Также существует гипотеза [Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012], что еще в XVII–XVIII вв. манси заселяли всю полосу западных предгорий Урала от верховьев Печоры на севере до верхнего течения р. Уфы на юге.

В исторической справке З. П. Соколовой [Соколова] сообщается, что еще в русских документах XVI в. манси упоминаются по рр. Чусовая, Тагил, Нейва, Кокуй, Баранча, Вишера, Печора, Лозьва, Сосьва, Ляля, Конда. Однако уже к XVII в. эта зона значительно сократилась до Вишеры на западе, средней Лозьвы на севере, среднего и нижнего течения Пелыма и Сосьвы на востоке и верховья Туры и среднего течения Тавды на юге. Спустя два столетия, ввиду появления манси на Северной Сосьве и Ляпине и их исчезновения с территории Туры и Тавды, эти границы были сдвинуты к востоку и северу страны. К началу XX в. небольшие поселения манси оставались на Вишере, по Пелыму, Сосьве и Ивделю.

Сведения З. П. Соколовой относительно изначальной локализации манси к югу и западу от Уральских гор соотносятся с данными Арттури Каннисто. Исследователь уверен, что область их проживания еще в середине XVIII в. распространялась на этой

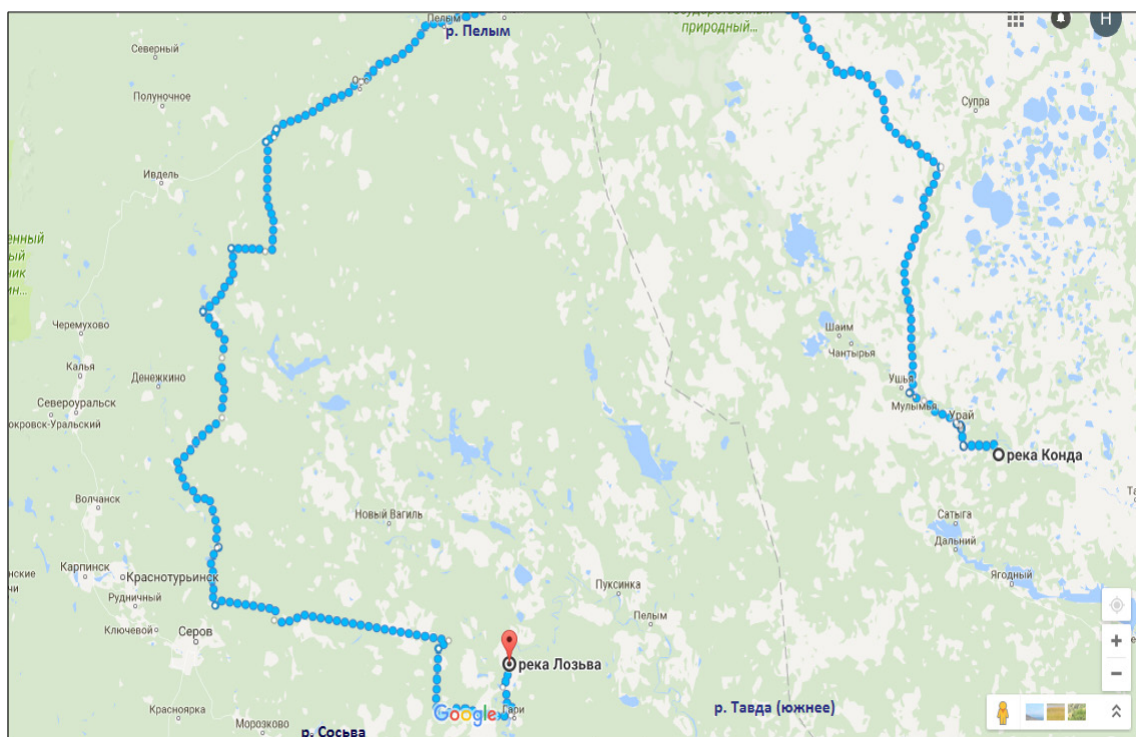

Рис. 1. Область расселения манси. Современное положение
 [Fig. 1. Mansi-inhabited territories. Current situation]

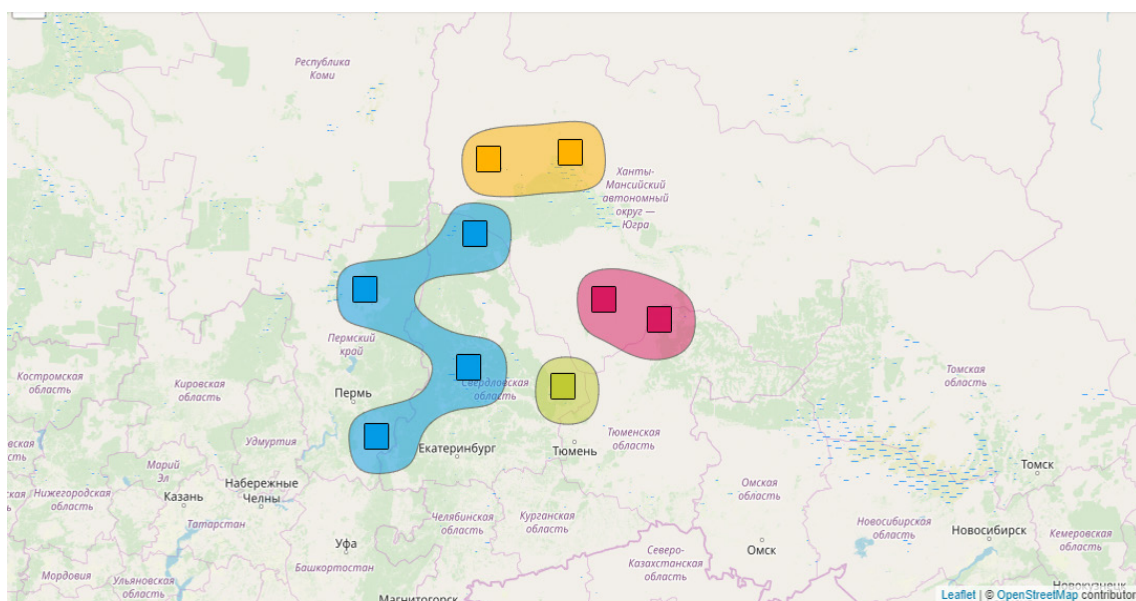

Рис. 2. Карта мансийских диалектов, согласно области расселения манси в конце XVIII – начале XIX вв. (оранжевая зона — северные диалекты, синяя зона — западные диалекты, зеленая зона — южные диалекты, красная зона — восточные диалекты)

[Fig. 2. Map of Mansi dialects according to data on Mansi settlements, late 18th – early 19th centuries (orange zone — Northern dialects, blue zone — Western dialects, green zone — Southern dialect, red zone — Eastern dialects)]

территории, в районах рр. Печоры и Ижмы (рис. 2), но впоследствии занятой другими народами [Kannisto 1927: 57–74]. В пользу этого, по мнению А. Каннисто, свидетельствуют обнаруженные многочисленные деревни, чье население по официальным данным на начало XX в. причислялось к манси, несмотря на полное слияние в языковом плане с соседствующим русским и татарским населением.

Существует также историческое свидетельство священника Питирима (XV в.) о проживании манси у притоков Печоры. Об этом же свидетельствует ряд словарей верхотурского, чердынского и кунгурского диалектов мансийского языка, записанных П. С. Палласом в конце XVIII в. [Паллас 1787; Паллас 1789].

Другим доказательством того, что места обитания манси были ранее гораздо более протяженными, чем в настоящее время, являются топонимы, встреченные исследователем за пределами установленных мест проживания манси и объясняемые с точки зрения их языка или указывающие на них. Согласно А. Каннисто [Kannisto 1927: 73], об этом могут свидетельствовать топонимы, обнаруженные исследователем у рр. Сысола, Вымы в низовье Вычегды (рис. 3). Действительно, исток р. Сысола находится вблизи места проживания манси у истоков Камы. Некоторое количество мансийских топонимов встречается в районе северного устья канала, протекающего от р. Камы до Вычегды (например, топонимы 16 — Larja, 19 — Vol' (Loβōl'), 103 — Lorja, 104 — Pešja)¹, а также у северной Кельтмы и в других местах.

Классификация и современное состояние мансийских диалектов

Подобная территориальная разобщенность населения послужила причиной сильной диалектной раздробленности мансийского языка. По классификации Б. Мункачи [Munkácsi 1894], предложенной им в конце XIX в., выделяется четыре диалектные группы, различие между которыми, в большей или меньшей степени, охватывает все уровни языка: северная, западная, восточная и южная (см. также [Steinitz 1955]). Название этих групп соответствует границам расселения манси. К настоящему времени сохрани-

¹ С полным списком топонимов можно ознакомиться в статье: [Kannisto 1927].

лась лишь часть диалектов. Наиболее полно представлена северная группа.

Северная диалектная группа состоит из сыгвинского (ляпинского) говора, чьи носители обнаружены в дер. Щекурья, с. Саранпауль, пос. Хошлог, дер. Хурумпауль, с. Ломбовож Березовского района ХМАО, верхнелозьвинского, обского (дер. Верхние и Нижние Нарыкары, дер. Вижакары Октябрьского района ХМАО) и сосьвинского диалекта, лежащего в основе современного литературного мансийского языка (пос. Кимкьясуй, дер. Патрасуй, дер. Сарынья Березовского района ХМАО, дер. Анева, пгт. Игрим, пос. Ванзетур Березовского района ХМАО).

Восточная группа представлена ранее существовавшими верхнекондинскими, среднекондинскими и нижнекондинскими диалектами (бассейн р. Конды), юкондинским диалектом, распространившимся когда-то по левому притоку р. Конды, р. Юконде (н. п. Левдым, Кашат, Шугур, Карым Кондинского района ХМАО) [Язык и общество 2016: 261].

Согласно данным П. Хайду, восточные диалекты еще в первой трети XX в. по численности носителей уступали только северной группе [Хайду 1985: 38].

В 2013 г. во время полевой экспедиции в дер. Шугур Кондинского района ХМАО, где около 60 % населения — манси, М. К. Амелиной было обнаружено только два носителя юкондинского диалекта мансийского языка, способных на нем разговаривать: Максим Семенович Шивторов (1939 г. р.) и Елизавета (Анна) Ивановна Селиванова (1923 г. р.). Посещение близлежащих сел в ходе этой же экспедиции показало, что ни один из проживающих там манси не знает своего языка [Язык и общество 2016: 264]. Спустя два дня после отъезда исследователя из Шугура не стало Елизаветы Ивановны. Последний носитель восточного юкондинского диалекта, М. С. Шивторов, умер в 2018 г.²

² Сведения предоставлены Ю. В. Норманской, доктором филологических наук, главным научным сотрудником, зав. лабораторией «Лингвистические платформы» Института системного программирования РАН, ведущим научным сотрудником отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

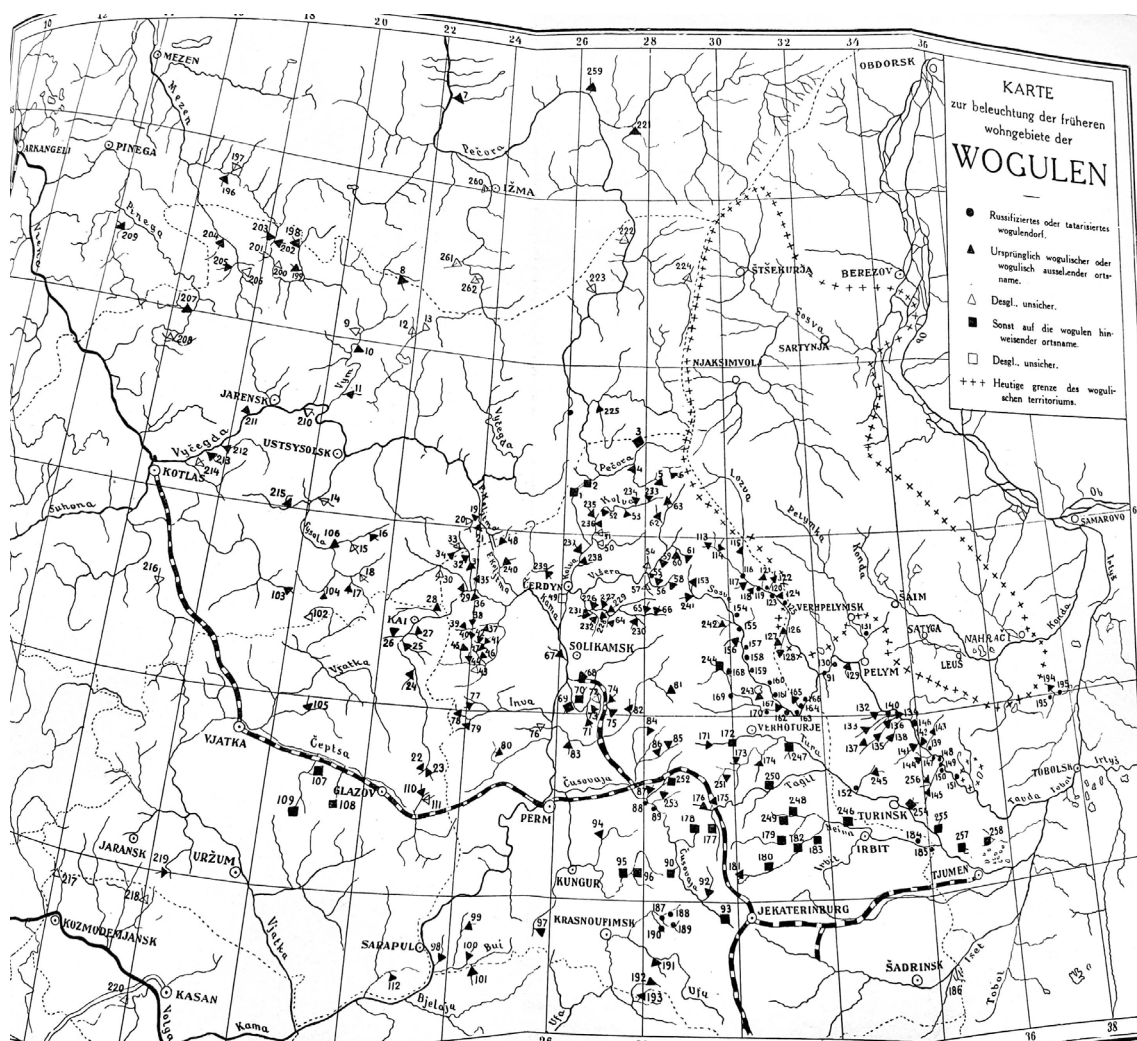

Рис. 3. Карта мансийских топонимов А. Каннисто (▲ — топонимы мансийского происхождения)

[Fig. 3. A. Kannisto's map of Mansi toponyms (▲ — toponyms of Mansi origin)]

Диалекты западной группы практически не сохранились: к ним относятся средне-лозьвинский, нижне-лозьвинский, пелымский и вагильский говоры.

Южный мансийский диалект, распространенный по р. Конде, до недавнего времени был признан полностью исчезнувшим. К началу XX в. его носителей оставалось не более 300 человек. Не так давно были обнаружены носители лозьвинского говора в дер. Ушма, Лепля, Юрте Пакина в Ивдельском районе Свердловской области, а также на озере Турват в Березовском районе ХМАО. Это единственный диалект, на котором еще говорят дети и молодежь; дети учатся в пос. Полуночное. В сумме носителей этого диалекта насчитывается около 100 человек. Стоит также отметить,

что в 2016 г. Татьяной Бахтияровой был составлен словарь этого диалекта «Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект)» [Бахтиярова 2016]. Издание включает наиболее часто употребляемую лексику верхне-лозьвинского диалекта.

Согласно ежегодному мониторингу Обско-угорского института прикладных исследований и разработок [Мониторинг 2010–2019], носителей мансийского языка, владеющих языком в той или иной степени хорошо, в настоящее время не больше 1 000 человек. В основном это люди среднего и старшего возраста.

Лучше всего мансийский язык сохранился в Березовском районе ХМАО – Югры, т. е. в северной части территории своего распространения. Вероятно, это свя-

зано с тем, что северный сосвинский диалект является основой литературного языка манси. На территории ХМАО мансийский язык используется в сфере повседневно-бытового общения. Как пишут М. К. Амелина и Е. У. Акбаш, здесь «до определенной степени сохраняется естественная передача языка от родителей к детям, которая утрачена в остальных регионах расселения манси» [[Язык и общество 2016: 264](#)].

По данным ежегодного мониторинга на 2019 г., из 158 манси Березовского района только 57 человек оценивают свой уровень владения языком как «свободный» (умеют выражать свои мысли, бегло говорят). В Кондинском районе в 2019 г. из 89 манси только 1 человек определил свой уровень владения как «самостоятельный» (понимаю речь других, говорю бегло). В Сургутском районе манси не зафиксированы. В Белоярском и Нижневартовском районах, по данным на 2019 г., обнаружено 4 и 5 манси соответственно, но ни один из них не владеет родным языком.

К XX в. на сохранность мансийского языка негативное влияние оказали отсутствие этнической гомогенности, дисперсное расселение, тесные и продолжительные контакты с русским населением, хантами и коми, урбанизация и социально-политические процессы, коренным образом изменившие традиционный уклад жизни манси. К 1989 г. только 36,7 % манси считали мансийский язык родным. В настоящее время мансийский язык включен ЮНЕСКО в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» [[Moseley 2010](#)]. Он считается одним из самых малоизученных языков мира.

Первые письменные памятники

Наиболее ранние отдельные фиксации мансийских слов или небольших словариков, включающих названия некоторых предметов, датированы XVI–XVII вв. Начиная с XVIII в. в рукописном или печатном виде до нас дошли словари, содержащие диалектную лексику: «Словарь вогульского языка» (1736 г.) из 60 слов на разных диалектах, составленный И. Куроедовым; «Латинско-вогульско-остяцкий словарь», состоящий из 286 слов; «Краткий вогульский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный, города

Соликамска и Свято-Троицкого собора Симеоном Черкаловым 1783 года» включает в себя список из 611 слов на разную тематику; «Словарь латинско-вогульский» фонда Аделунга (1775 г.) [[Вдовин 1962: 155–157](#)], включающий 600 мансийских слов; мансийский раздел в труде П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы», датированный 1787 г. [[Основы 1976: 233](#)]. Для записи мансийских слов в этих работах использовался кириллический алфавит, иногда латинский. Стоит отметить, что материалы XVIII в. в основном были собраны и составлены путешественниками и миссионерами, оказавшимися в разное время среди манси и не имевших задачи специального исследования мансийского языка. Несмотря на это, в словарях представлен ценный материал, позволяющий исследовать мансийский язык с позиции исторического языкознания. Например, оказалось, что словари П. С. Палласа (конец XVIII в.), в настоящее время хранящиеся в архиве А. М. Шёгрена в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, содержат записи никем ранее не зафиксированных и не описанных мансийских диалектов. Сейчас эти материалы оцифрованы и постепенно вводятся в научный оборот [[Норманская, Кошелюк 2020](#)].

Становление научного освоения мансийского языка в Европе

Предметом лингвистического исследования мансийский язык становится с середины XIX в. Точкой отсчета принято считать экспедиции финских и венгерских ученых. Первым из них стал Антал Регули (1819–1858), венгерский лингвист и этнограф, проживший среди манси более года и сумевший собрать богатый лингвистический и этнографический материал. Экспедиция состоялась в 1843–1845 гг. и охватила территорию от Перми до берегов Карского моря [[Распопов 2018](#)]. Главными точками экспедиции стали следующие города и поселения: Пермь, Соликамск, Усолье, Ирбит, Тобольск, Верхний Пелым, Березов (рис. 4).

В начале октября Антал Регули выехал из Москвы на Урал, к середине ноября он достиг Перми и Соликамска, откуда по исторической Верхотурской дороге вдоль восточного склона Уральских гор направился к р. Сосьве, в район с. Всеволодо-Бо-

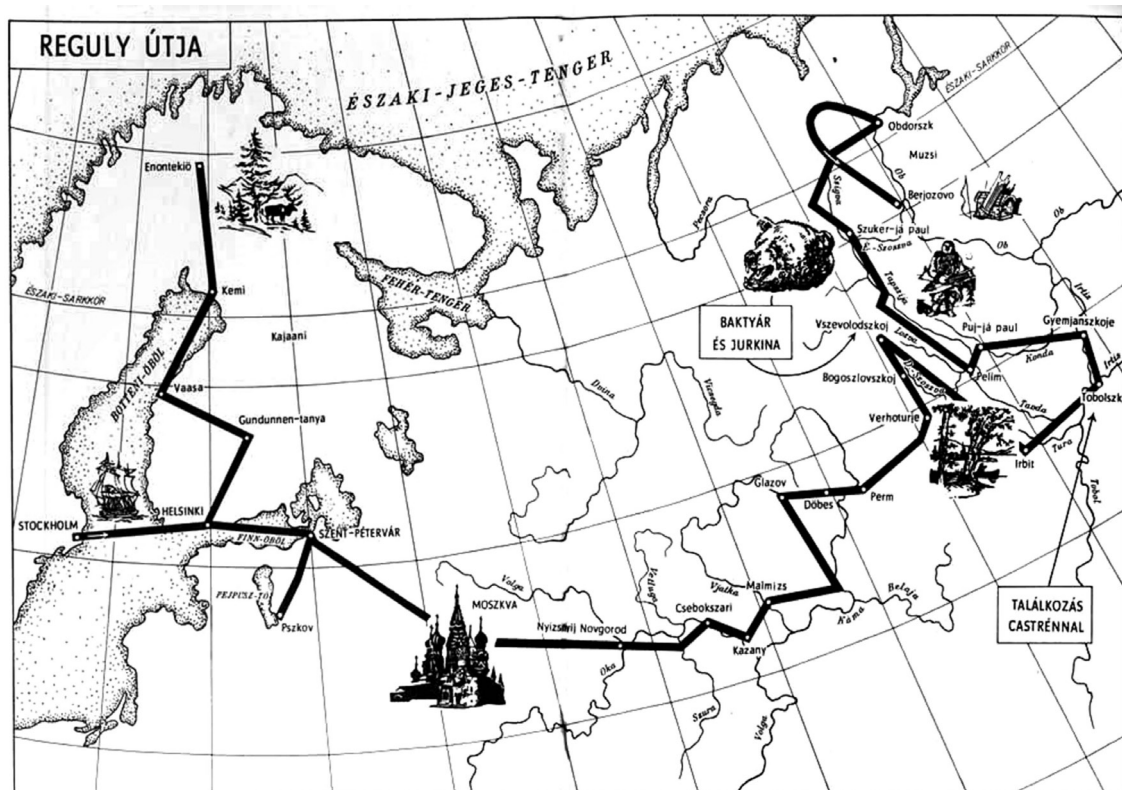

Рис. 4. Карта мансийской экспедиции А. Регули в 1843–1845 гг.

[Fig. 4. Map of A. Reguli's 1843–1845 Mansi expedition map]

гатырское, где прожил среди манси около трех месяцев. Далее маршрут поездки ученого пролегал на юг, через г. Верхотурье, Ирбит и Тобольск. С марта и до июня 1844 г. он исследовал западных манси, остановившись в с. Пелым. В начале лета, поднявшись вверх по р. Пелым до ее верховья и перебравшись через р. Тапсуй, Антал Регули прибыл в Северную Сосьву. К середине августа исследователь оказался в с. Щекурьинском, где обнаружил носителей ляпинского диалекта мансийского языка. К концу сентября, на оленьих упряжках, он сумел пересечь Северный полярный круг и прибыл в пос. Обдорск (ныне Салехард). К концу октября Регули добрался до северных пределов Уральских гор, достигнув побережья Карского моря у пролива Югорский Шар. Добравшись до самой северной точки, по Лаготинскому переходу ученый двинулся на юг страны. Его путь пролегал вдоль Оби, через село Мужы, к местам обитания манси — г. Березово. Здесь Антал Регули задержался до начала марта 1845 г., когда, почувствовав сильное недомогание, принял решение завершить экспедицию и через

Екатеринбург в конце августа возвратился в Санкт-Петербург.

В результате экспедиции ученому удалось собрать сведения об укладе жизни, быте, фольклоре, языке манси (и хантов). По просьбе Русского географического общества А. Регули также составил подробную карту Урала и его горных хребтов, согласно местам расселения манси, в которых успел побывать. Как отмечают Н. П. Архипова и Е. В. Ястребов, «основная ценность карты состояла в том, что на ней географические объекты имели мансийские названия, которые в большинстве своем дошли и до наших дней (особенно в названиях гор) ... На ней впервые были нанесены этнические границы расселения коренных жителей Урала — вогулов, остяков, самоедов и зырян. Сравнение карты Регули с современными этнографическими картами свидетельствует, что эти границы были показаны весьма точно» [Архипова, Ястребов 1990]. Карта была издана в Санкт-Петербурге в 1846 г. (рис. 5).

На основании собранного за время путешествия материала Антал Регули сумел

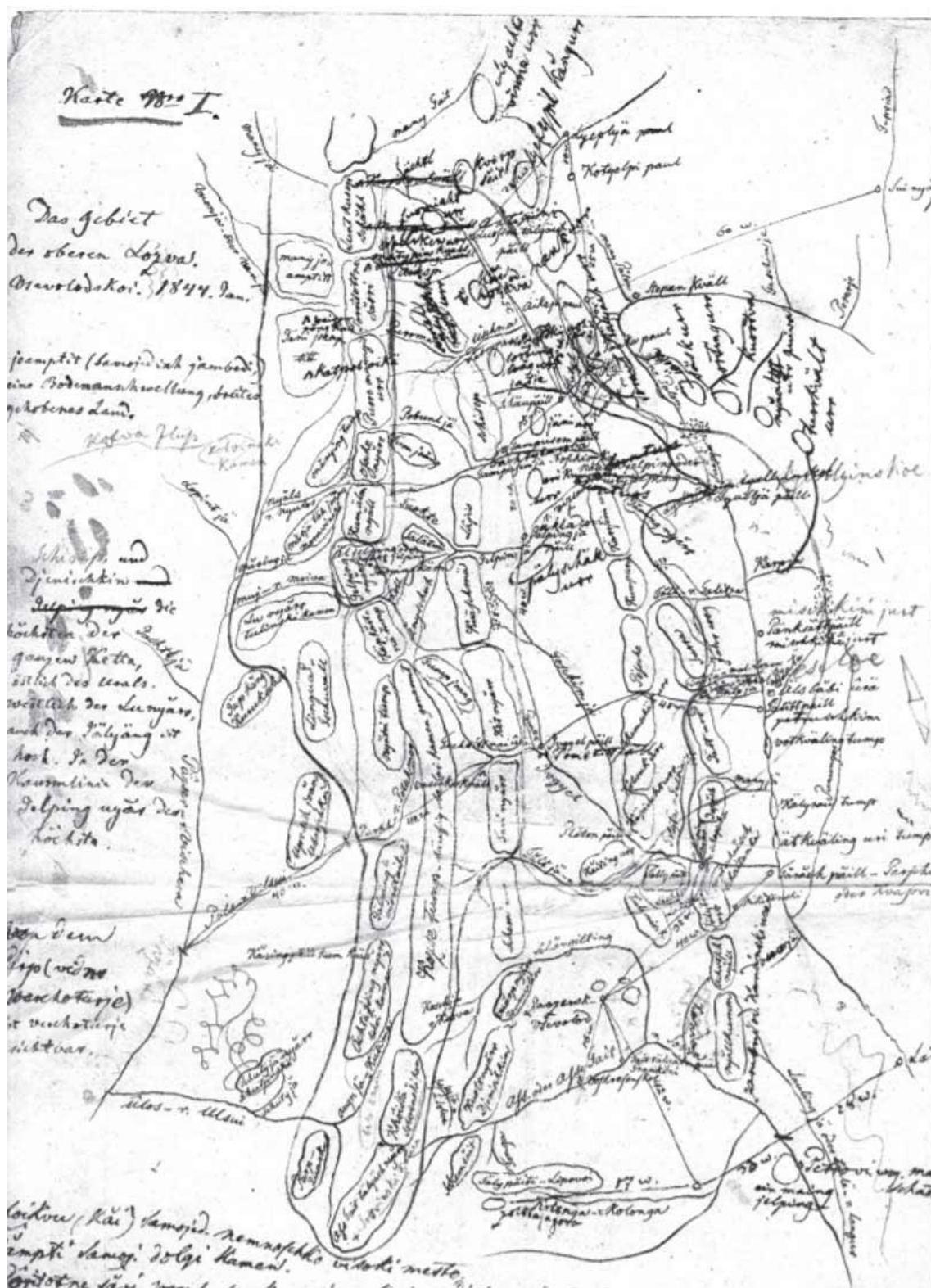

Рис. 5. Этнографическо-географическая карта области Северного Урала, составленная Анталом Регули во время экспедиции 1843–1845 гг.

[Fig. 5. Ethnographic/geographic map of the Northern Urals created by A. Reguli during his expedition of 1843–1845]

впервые доказать генетическую связь финно-угорских языков. Привезенный с Урала материал он обрабатывал на протяжении всей жизни и подготовил набросок большого исследовательского труда — «Вогульская жизнь и ее обитатели». При жизни А. Регули не успел опубликовать свою работу, она была завершена другими венгерскими исследователями — П. Хунфальви и Ф. Торенцом. Книга вышла в свет в 1864 г. в Будапеште [Hunfalvy 1864].

Во второй половине XIX в. несколько лингво-этнографических экспедиций по территории России были проведены финским исследователем Августом Альквистом. В разные годы (1854–1859, 1877–1880 гг.) с целью изучения языка и культуры аборигенов он посетил многие населенные пункты центральной и западной Сибири, охватив в том числе и обской север — регион проживания манси. Результатом исследования стало создание первого описания грамматического строя нескольких мансийских диалектов, преимущественно кондинского [Ahlqvist 1890; Ahlqvist 1891; Ahlqvist 1894]. Также А. Альквистом был составлен комбинированный из разных мансийских диалектов словарь [Мониторинг 2010–2019].

В конце XIX в. для сбора дополнительных лингвистических и этнографических данных маршрут экспедиции Антала Регули был повторен венгерскими учеными Йожефом Папайем и Бернатом Мункачи.

Зарубежные исследования мансийского языка в XIX–XX вв.

Экспедиция Берната Мункачи в 1888–1889 гг. в Западную Сибирь к обским уграм стала следующим важным этапом в исследовании манси, их языка и культуры [Munkacsi, Noemi 1943].

Главной целью поездки была расшифровка и проверка лингвистических материалов экспедиции Антала Регули. Рекомендательное письмо, полученное при содействии академика В. В. Радлова, гарантировало ему всестороннюю поддержку со стороны местных властей. Первых манси ученый повстречал на западе Урала в Никито-Ивдельском селе (в 1924 г. переименовано в с. Ивдель) [Егоров, Загребин 2018: 69–70].

Маршрут передвижений Б. Мункачи был проложен по р. Лозьве, Конде, Тавде, Пельму (рис. 6). Плотная исследовательская работа Б. Мункачи началась в дер.

Торек-Паул, где он в течение нескольких недель при содействии носителей расшифровывал фольклорные тексты А. Регули [Kalmán 1961: 384].

Перемещаясь из одного населенного пункта в другой по направлению течения р. Лозьвы, Б. Мункачи сумел собрать богатые языковые, этнографические и фольклорные данные тавдинских, кондинских и пельмских манси. В деревне близ р. Сигва ученый обнаружил уникальный материал по устному народному творчеству: много новых сюжетов героического эпоса и песни медвежьего обряда [Хоппал 2015: 122–123].

В январе 1889 г. Бернат Б. Мункачи приезжает в Березово, где в течение нескольких месяцев проводит систематизацию и обработку собранных материалов. В апреле через Тобольск и Пермь исследователь возвращается в Казань и продолжает работу.

Результатом поездки Берната Мункачи по маршруту А. Регули стала расшифровка и перевод большей части его фольклорных текстов, запись нового материала и перевод мансийских текстов [Kalman 1981]. Все материалы, полученные Б. Мункачи в ходе экспедиции, были изложены в 4-томном издании (с авторскими комментариями лингвистического и этнографического характера таких томов получилось семь) мансийских фольклорных текстов [Munkácsi 1894; и др. его работы]. В этих изданиях содержится несколько карт, уточняющих территорию проживания манси, упоминается 131 мансийская деревня. К двум последним томам после смерти исследователя были добавлены комментарии другого венгерского ученого — Бельи Кальмана [Kálmán 1961; Kálmán 1963; и др. его работы]. Важным достижением стало составление и публикация мансийского словаря [Munkácsi, Kálmán 1986].

К концу XIX в. относятся две экспедиции в Западную Сибирь финского исследователя Ууно Таави Сирелиуса. Во время второй поездки (1899–1900 гг.) ученый посетил северных манси. На основании собственных полевых исследований и уже имеющихся сведений он изучал материальную и духовную культуру манси [Профессор Сирелиус 2000].

Большим прорывом в изучении мансийского языка стала исследовательская

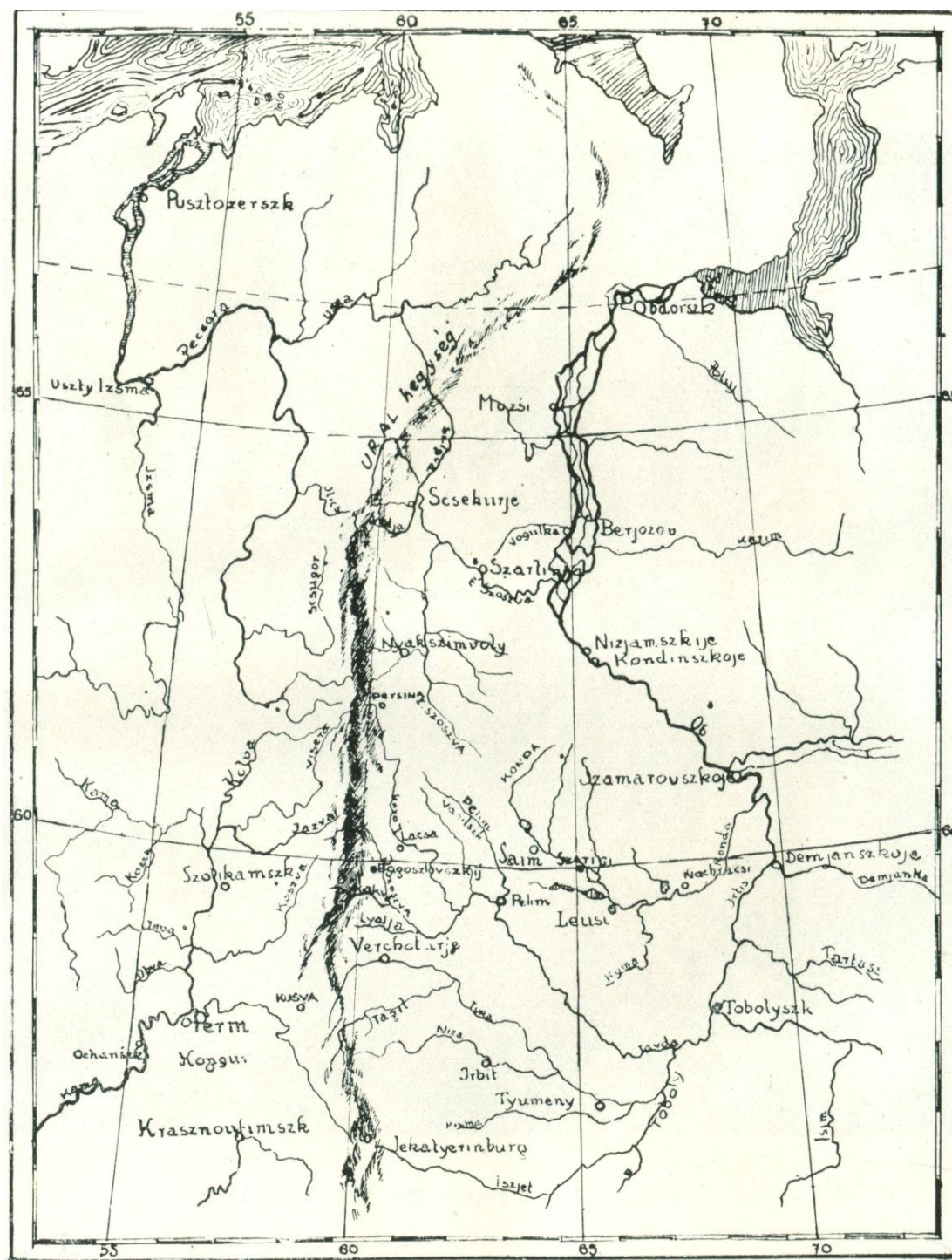

Рис. 6. Карта мансийской экспедиции Б. Мункачи в 1888–1889 гг.

[Fig. 6. Map of B. Munkachi's 1888–1889 Mansi expedition]

деятельность финского лингвиста Артура Каннисто (1874–1943). Масштабная экспедиция, осуществленная А. Каннисто в 1901–1906 гг., (см. рис. 7) позволила существенно расширить имеющиеся знания о фольклоре, культуре и быте манси, грамматике и фо-

нетике мансийских диалектов, топонимике [Kannisto 1914; Kannisto 1919].

Экспедиция ученого началась 1 сентября 1901 г. Первым мансийским селом, посещенным А. Каннисто, стало с. Пелым, где проводилась работа по сбору лексического

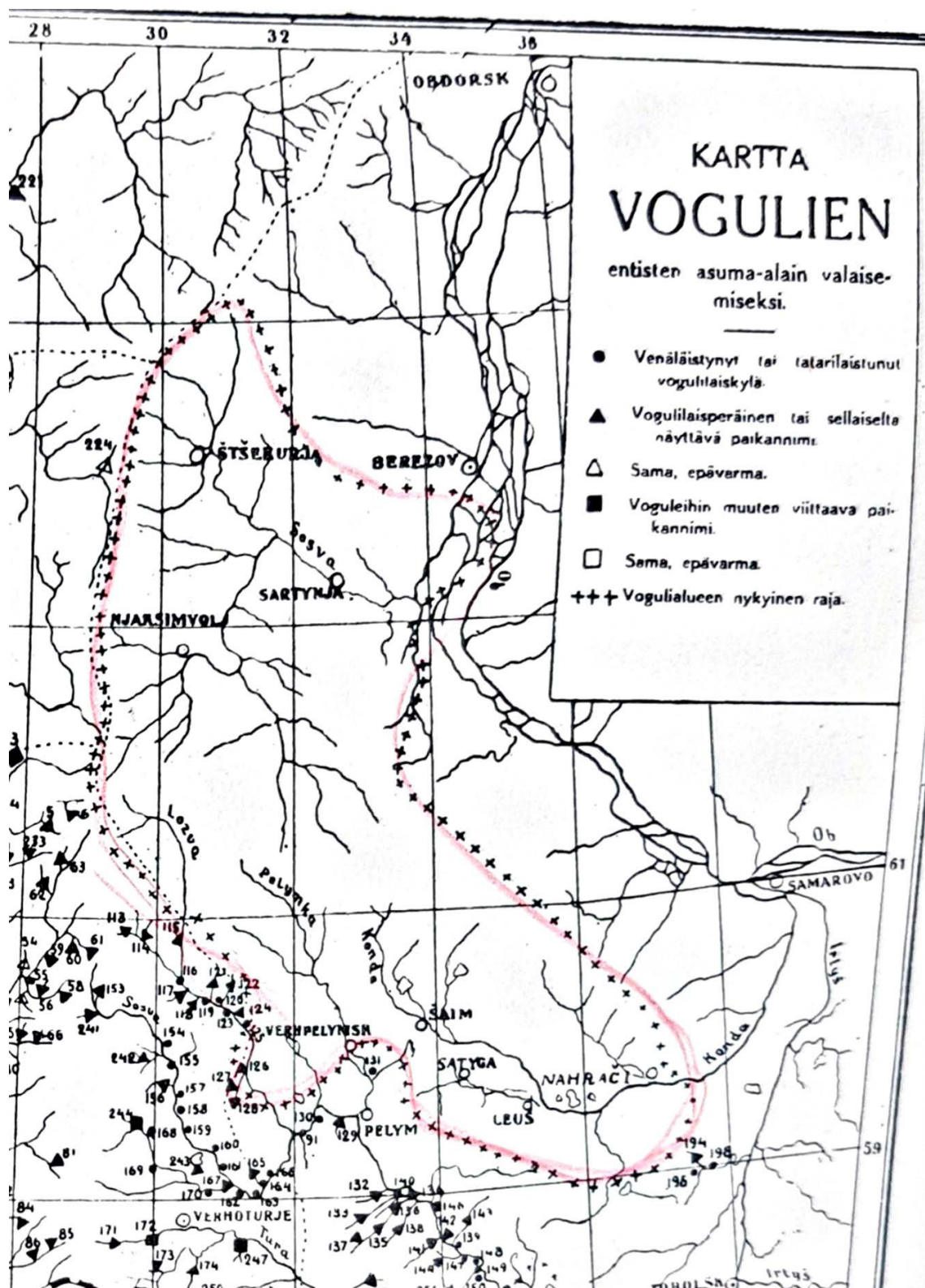

Рис. 7. Экспедиция А. Каннисто по территории локализации манси (1901–1906 гг.)

[Fig. 7. Expedition led by A. Kannisto across Mansi-inhabited territories, 1901–1906]

материала. К концу года исследователь перебрался в пос. Верх-Пельмск, где провел два месяца, изучая письменные источники мансийского языка XVII–XIX вв., добытые им из церковного архива. С марта по июнь 1902 г. А. Каннисто перемещался внутри пельмского района, записывая разговоры дер. Массавы, Вотпы, Заречная. Следующим пунктом экспедиции ученого были более западные районы: г. Вагильск и окружающие его деревни Сотниково (здесь он отметил сильное влияние соседствующего русскоязычного населения), Заозерное, Кама, Ушпина, Осье. В своих дневниках А. Каннисто отмечал, что работа над записью мансийских диалектов этого района продвигалась достаточно сложно. В конце августа 1902 г. ученый отправился к манси, локализующимся на территории Нижней Лозьвы. Здесь он исследовал деревни Таньшина, Кузино, пробыв несколько месяцев и записывая лексический материал [Liimola 1965: 299–300].

С конца декабря по август 1903 г. путь А. Каннисто пролегал через территорию верхней Лозьвы к средней, в г. Николо-Ивдель, дер. Першино. Далее он продвигался вверх по Лозьве, исследуя местные диалекты и разговоры. Здесь ему удалось собрать обширный лексический и фольклорный материал и значительно продвинуться в своих исследованиях. В августе А. Каннисто отправился к южным манси, в дер. Тавда, где он обнаружил, что местное население сильно обрусело. В марте 1904 г. лингвист добрался до территории проживания западных манси, где в течение некоторого времени изучал западные разговоры дер. Конда (сохранность и разнообразие мансийского языка здесь была существенно выше, чем в Пельмке, Вагильке, Нижней Лозьве и Тавде) [Liimola 1965: 300–302].

С сентября 1904 по январь 1905 гг. для изучения диалекта средней Конды он пребывал в дер. Леуш, после чего исследователь провел около месяца в дер. Сатыга, расположенной западнее дер. Леуш, где собирал статистические данные о численности и лексике манси. После этого он совершил еще одну большую поездку к манси, проживающим по притокам р. Конда, чтобы собрать этнографический материал. Далее, после недолгого пребывания в Венгрии, в конце июля 1905 г. Артуру Каннисто продолжил свою экспедицию по Сибири,

направившись к березовским манси. Здесь, помимо записи диалектов, ему удалось зафиксировать 113 мансийских мелодий и обогатить данные по мифологии и обрядовой культуре. С января по февраль 1906 г. А. Каннисто исследовал сосвинских манси, где также собрал данные по их диалекту, этнографические сведения и статистические материалы [Liimola 1965: 302].

После изучения всех мансийских диалектов исследователь переместился в Туринский округ для проверки своих материалов, собранных в начале экспедиции (1901–1902 гг.). Здесь ему удалось собрать новый материал и записать еще 20 мелодий. На этом исследование мансийских диалектов было завершено.

В результате экспедиции А. Каннисто был собран лингвистический материал одиннадцати мансийских диалектов, в большей или меньшей степени отличных друг от друга. Помимо лексической формы, исследователем были приведены формы склонения, примеры употребления, значения слов. Кроме того, были расширены сведения о духовной и материальной жизни манси (их обычаях, нравах, одежде, жилище, экономических и социальных отношениях, культовой практике и т. д.); созданы списки численности манси и их соотношение относительно носителей языка к русифицированным манси; сделано более 200 снимков и приобретено около 650 этнографических предметов [Liimola 1965: 305–306].

При жизни Артура Каннисто не успел завершить обработку и издание материалов экспедиции. Работа над его полевыми записями была продолжена Матти Лиимолой (при содействии ряда других зарубежных исследователей), и впоследствии обработанные данные были переведены на немецкий язык и изданы в 6 томах [Kannisto, Liimola 1951; Kannisto, Liimola 1955; Kannisto, Liimola 1956; Kannisto, Liimola 1958; Kannisto, Liimola 1959; Kannisto, Liimola 1963].

Также им был создан труд по исторической морфологии мансийского языка на немецком [Liimola 1963] и ряд статей по этимологии отдельных слов.

На основе собственных исследований и записей фольклорных текстов Б. Мункачи и А. Каннисто, а также других научных работ, например [Hazay 1907], Вольфгангом Штей-

ницей (1905–1967) была проделана большая работа по изучению фонетики мансийского языка. Особую ценность в этом направлении исследования представляет его работа по истории мансийского вокализма [Steinitz 1955].

В середине XX в. венгерским ученым Дьёрдем Лако после нескольких научных командировок в СССР был опубликован очерк грамматики северомансийского диалекта [Lako 1956], где он описал его фонетические особенности.

В 1960-х гг. исследованием мансийских рукописных памятников XVII в. активно занимался венгерский исследователь Янош Гуя. Результатом его научных изысканий стал ряд статей и защищенная диссертация [Gulya 1958; Gulya 1964; и др. его работы].

В это же время профессором Дебреценского университета Бела Кальманом было выпущено несколько мансийских монографий и ряд других значимых работ [Kálmán 1961; Kálmán 1963; Kálmán 1981; и др. его работы].

Венгерский ученый Ласло Хонти на основе фольклорных текстов, собранных Б. Мункачи и А. Каннисто, и собственных исследований детально изучил фонетику мансийского языка и составил грамматику вымершего тавдинского диалекта [Honti 1975; Honti 1982; Honti 1993].

По мнению Е. И. Ромбандеевой, «уже в работах первых исследователей мансийского языка (В. Штейница, Д. Лако, Б. Кальмана, Л. Хонти) представлен фонемный состав мансийского языка (в синхроническом и в диахроническом аспектах), мансийские тексты записаны очень точно, читаются и воспринимаются легко» [Ромбандеева 2017: 12–13].

Вклад в изучение мансийского языка и его диалектов в разные годы XX в. также внесли [Beke 1905; Fokos 1936; Szilasi 1962; Kispál 1966; Veenker 1969; Veenker 1971; Pirotti 1972; Bakró-Nagy 1979; Rédei 1988] и другие.

Становление и развитие мансийских исследований в России

Начало исследования мансийского языка в России было положено советскими учеными в 30-е гг. XX в. В результате исследования живой речи носителей, проведенного сотрудниками Института народов Севера (г. Ленинград), был разработан мансийский

алфавит на кириллической основе, составлены первые очерки грамматики и первые учебники. Особая роль в развитии отечественных исследований мансийского языка принадлежит В. Н. Чернецову, И. Я. Чернецовой, А. Н. Баландину.

В 1936 г. В. Н. Чернецовым и И. Я. Чернецовой был издан вогульско-русский словарь, включающий грамматический очерк мансийского языка [Чернецов, Чернецова 1936]; под редакцией Г. Н. Прокофьева в 1937 г. вышла коллективная монография «Языки и письменность народов Севера» [Языки и письменность 1937], где было опубликовано полновесное исследование мансийского языка В. Н. Чернецова с детальным рассмотрением письменности, фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

В послевоенное время изучение мансийского языка было продолжено А. А. Баландиным и М. П. Вахрушевой. А. А. Баландиным было опубликовано несколько учебников [Баландин 1959; Баландин 1960], позднее в соавторстве с М. П. Вахрушевой им также были разработаны буквари и первые учебные пособия [Баландин, Вахрушева 1957].

Во второй половине XX в. стали появляться первые кандидаты наук, защитившие диссертационное исследование по мансийской тематике. Лингвист А. И. Картина успешно исследовала именное словообразование в современном мансийском языке [Картина 1955], Е. А. Кузакова защитила диссертацию по кондинскому диалекту «Южно-мансийский (кондинский) диалект» [Кузакова 1963], Е. И. Ромбандеевой была присвоена степень кандидата наук за исследование каузативных глаголов в мансийском языке [Ромбандеева 1964а], а в 1998 г. ею успешно защищена докторская диссертация на тему «Структура современного мансийского (вогульского) языка» [Ромбандеева 1998].

В 1965 г. М. П. Вахрушева защитила диссертационное исследование, посвященное формированию сложных слов мансийского языка [Вахрушева 1965]. А. И. Сайнаховой было присвоено звание кандидата наук за изучение служебных слов в мансийском языке [Сайнахова 1966], Д. В. Герасимова защитила диссертацию на тему «Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом в мансийском языке» [Гераси-

мова 1988]. Н. А. Лыскова занималась исследованием синтаксиса мансийского языка [Лыскова 1988; Лыскова 1998].

Необходимо упомянуть и другие работы отечественных исследователей: ряд публикаций А. И. Сайнаховой, посвященные изучению послелогов в мансийском [Сайнахова, Игушев 2012; Сайнахова 2012], исследования тавдинского (южного) диалекта Т. Д. Франк-Каменецкой [Франк-Каменецкая 1964; Франк-Каменецкая 1965], комплексное изучение мансийского языка Е. И. Ромбандеевой [Ромбандеева 1964б; Ромбандеева 1973; Ромбандеева 1979; Ромбандеева 1982; и др.].

Важной вехой в изучении мансийского языка стало начало экспериментального исследования фонетики советскими лингвистами. В своей монографии «Современный мансийский язык» Е. И. Ромбандеева говорит о том, что уже начиная с 60–70-х гг. XX в. в разные годы под руководством в А. А. Жданова, Л. В. Бондарко, М. И. Матусевича, В. М. Надеяева проводились уникальные фонетические эксперименты с применением рентгенографии [Ромбандеева 2017: 15].

В XX в. исследователями был собран и богатый лексический материал, нашедший отражение в словарях Е. И. Ромбандеевой: «Русско-мансийский словарь» [Ромбандеева 1954; Ромбандеева 2005], «Мансийско-русский и русско-мансийский словарь» [Ромбандеева, Кузакова 1982], а также в словарях других исследователей: «Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южномансийского (кондинского) диалекта» А. Н. Баландина и М. П. Вахрушевой [Баландин, Вахрушева 1958], «Мансийско-русский тематический словарь» Н. В. Сайнаховой [Сайнахова 2002], «Русско-мансийско-коми тематический словарь» [Афанасьева, Игушев 2011] и др.

Исследование мансийского языка на современном этапе

В XXI в. изучение мансийского языка и его диалектов продолжают Институт языкознания РАН (г. Москва), Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), лаборатория лингвистической антропологии Томского

государственного университета (г. Томск), кафедры финно-угорских исследований Сегедского университета (г. Сегед), Тартуского университета (г. Тарту), университета Дрездена (г. Дрезден), Хельсинкский университет (г. Хельсинки) и др.

В настоящее время мансийские исследования в России и Европе выходят на новый уровень: создаются виртуальные исследовательские лаборатории, специальные программы и платформы, позволяющие обрабатывать лингвистический материал более совершенным способом (например, фонетические программы Praat и Elan). Так, в 2009 г. в Германии был запущен проект по изучению родственных хантыйского и мансийского языков «Ob-Ugriclanguages: conceptualstructures, lexicon, constructions, categories» (OUL), а в 2014 г. — проект «Ob-UgricDatabase: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects» (OUIDB). За несколько лет лингвистам из Германии (Е. К. Скрибник), Австрии (Т. Риз), Финляндии и Венгрии удалось организовать виртуальную исследовательскую среду, до недавних пор не имеющую мировых аналогов.

Задачей проекта было создание инновационного описательного ресурса (включая базы данных, мультимедийные библиотеки, ссылки на всевозможные ресурсы и опции) и лингвистического анализа, основанного на базе корпуса современных полевых данных и данных экспедиций Б. Мункачи, А. Каннисто и других исследователей³.

В России стоит отметить создание в 2015 г. виртуальной лаборатории Lingvodoc⁴. Основной задачей программы является составление этимологических диалектных аудиословарей по всем уральским языкам. На сегодняшний день томскими и московскими учеными на базе Lingvodoc'a создан корпус мансийского языка, включающий несколько десятков архивных словарей. Необходимо отметить, что большинство этих источников были обнаружены лишь недавно в различных архивах мира, и ранее ни один из них не был введен в научный оборот. Анализ этих словарей позволил существенно обогатить имеющиеся знания

³ См.: <http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome&navi=introduction>

⁴ См.: <http://lingvodoc.ispras.ru/>

о языке, а также выяснить, насколько точной является запись диалектов в словарях А. Каннисто и Б. Мункачи [Норманская, Кошелюк 2017; Kosheliuk, Normanskaya 2018; Kosheliuk 2018; Кошелюк 2018]. Кроме того, на базе платформы стало возможным с максимальной точностью обрабатывать большие массивы современных полевых и архивных лингвистических данных.

Среди европейских и российских исследователей XXI в., продолжающих традиции изучения мансийского языка и его диалектов, можно отметить следующие имена: М. К. Амелина, Т. П. Бахтиярова, Д. В. Герасимова, М. А. Живлов, Д. О. Жорник, М. С. Маслакова, Ю. В. Норманская, К. Ю. Решетников, Т. Риз, Е. К. Скрибник, А. Ю. Урманчиева, Р. П. Хозумова, Л. Хонти, К. Шипец.

Заключение

История изучения мансийского языка занимает относительно небольшой временной промежуток. Однако за это время, всего несколько столетий, мансийские исследования прошли через несколько важных этапов. Так, начиная с XVIII в. до нас дошли первые мансийские словари, составленные путешественниками и миссионерами: И. Куроедовым, С. Черкаловым, П. С. Палласом и др. Только с середины XIX в. мансийский язык стал предметом лингвистического исследования. Точкой отсчета принято считать экспедиции фин-

ских и венгерских ученых: Антала Регули, Августа Альквиста, Берната Мункачи, Арттури Каннисто. Исследователям удалось собрать много ценного материала по мансийским диалектам, большинство из которых к настоящему времени уже исчезли. Вклад в изучение мансийского языка и его диалектов в разные годы XX в. также внесли следующие европейские ученые: В. Штейниц, Л. Хонти, К. Ф. Карьялайнен, М. Бакро-Надь, М. Кишпаль, К. Редей, М. Силаши и др. Лингвистами была проведена большая работа по фонетике, морфологии, грамматике, лексике. Большинство из этих исследований остаются актуальными и в наши дни. В России начало исследования мансийского языка было положено советскими учеными в 30-е гг. XX в. Особое место в развитии этого направления отведено В. Н. Чернецову и А. Н. Баландину. Во второй половине XX в. зарождается экспериментальное исследование фонетики мансийского языка, составляются словари на основании полевых данных, комплексным изучением мансийского языка занимаются А. И. Сайнахова, Е. И. Ромбандеева и др.

В XXI в. мансийские исследования в России и Европе выходят на новый уровень: создаются виртуальные исследовательские лаборатории и лингвистические платформы, позволяющие на новом уровне исследовать мансийский язык, а также уточнять и перепроверять материалы ученых прошлых лет.

Литература

- Архипова, Ястребов 1990 — *Архипова Н. П., Ястребов Е. В.* Как были открыты Уральские горы. Очерки по истории открытия и изучения природы Урала [электронный ресурс] // Глава 17. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 224 с. URL: <http://urbibl.ru/Knigi/kak-otkriti-uralskie-gori/41.htm> (дата обращения: 12.06.2020).
- Афанасьева, Игушев 2011 — *Афанасьева К. В., Игушев Е. А.* Школьный этимологический словарь мансийского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ, 2011. 114 с.
- Баландин 1959 — *Баландин А. Н.* Основные правила произношения и правописания мансийского языка. Л.: Учпедгиз, Просвещение, 1959. 120 с.
- Баландин 1960 — *Баландин А. Н.* Самоучитель мансийского языка. Л.: Учпедгиз, 1960. 247 с.
- Баландин, Вахрушева 1957 — *Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийский язык. Уч. пособ. для педагог. училищ. Л.: Учпедгиз, 1957. 275 с.
- Баландин, Вахрушева 1958 — *Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 227 с.
- Бахтиярова 2016 — *Бахтиярова Т. П.* Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект) / Т. П. Бахтиярова, С. С. Динисламова. Тюмень: Формат, 2016. 140 с.
- Вахрушева 1965 — *Вахрушева М. П.* Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики (на материале кондинского диалекта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 20 с.
- Вдовин 1962 — *Вдовин И. С.* История изучения палеоазиатских языков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 163 с.

- Герасимова 1988 — *Герасимова Д. В.* Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом, в мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 16 с.
- Егоров, Загребин 2018 — *Егоров А. В., Загребин А. В.* Бернат Мункачи, война, мир, и финно-угорские исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2018. Т. 12. № 4. С. 69–70.
- Картина 1955 — *Картина А. И.* Именное словообразование в мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 15 с.
- Кошелюк 2018 — *Кошелюк Н. А.* Графико-фонетический анализ архивного словаря пельмского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 218–227.
- Кузакова 1963 — *Кузакова Е. А.* Южно-мансийский (кондинский) диалект (в сопоставлении с северо-мансийским диалектом): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 18 с.
- Лыскова 1988 — *Лыскова Н. А.* Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988. 18 с.
- Лыскова 1998 — *Лыскова Н. А.* Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках (семантический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 48 с.
- Норманская, Кошелюк 2017 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Архивный пельмско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 151–161.
- Норманская, Кошелюк 2020 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92–101.
- Мониторинг 2010–2019 — Мониторинг состояния уровня владения родным языком КМНС [электронный ресурс] // Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок URL: <https://ouipiir.ru/content/%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 10.05.2020).
- Основы 1976 — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, К. Редди. М.: Наука, 1976. 233 с.
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій. Ч. I. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 411 с.
- Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій. Ч. II. СПб.: Тип. Шнора, 1789. 496 с.
- Профессор Сирелиус 2000 — Профессор Ууно Таави Сирелиус [электронный ресурс] // Этнография народов России. 2000. URL: <http://www.ethnology.ru/biobib/RMain.php?funcB=41> (дата обращения: 13.06.2020).
- Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012 — *Пудовкин С. И., Пудовкина А. С., Долгорукова Е. Ю.* Вогульские древности // Тезисы Всеросс. науч.-практ. конф. «Х Зырянские чтения» (Курган, 6–7 декабря 2012 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. 316 с.
- Распопов 2018 — *Распопов П.* Антал Регули. Экспедиция венгерского этнографа по Уралу [электронный ресурс] // Ураловед. 24.10.2018. URL: <https://uraloved.ru/ludi-urala/antal-reguli> (дата обращения: 12.05.2020).
- Ромбандеева 1954 — *Ромбандеева Е. И.* Русско-мансийский словарь для мансийской школы / под ред., с грамматич. приложением и послесловием А. Н. Баландина. Л.: Учпедгиз, 1954. 392 с.
- Ромбандеева 1964a — *Ромбандеева Е. И.* Каузативные глаголы в современном мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 14 с.
- Ромбандеева 1964б — *Ромбандеева Е. И.* Фонетические особенности в диалектах северных манси // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 51–58.
- Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.
- Ромбандеева 1979 — *Ромбандеева Е. И.* Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М.: Наука, 1979. 175 с.
- Ромбандеева 1982 — *Ромбандеева Е. И.* К вопросу об усовершенствовании алфавита, графики и орфографии // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 176–181.
- Ромбандеева 1998 — *Ромбандеева Е. И.* Структура современного мансийского (вогульского) языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 61 с.

- Ромбандеева 2005 — *Ромбандеева Е. И.* Русско-мансийский словарь: учеб. для учащихся 5–9 классов / Е. И. Ромбандеева. СПб.: Миралл, 2005. 360 с.
- Ромбандеева 2017 — *Ромбандеева Е. И.* Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование: монография / Е. И. Ромбандеева. 2-е изд. Тюмень: Формат, 2017. С. 12–13.
- Ромбандеева, Кузакова 1982 — *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Мансийско-русский и русско-мансийский словарь / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.
- Сайнахова 1966 — *Сайнахова А. И.* Служебные слова в мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 20 с.
- Сайнахова 2002 — *Сайнахова Н. В.* Мансийско-русский тематический словарь. СПб.: Просвещение, 2002. 37 с.
- Сайнахова 2012 — *Сайнахова А. И.* Диалектология мансийского языка: учеб. пособие. Ханты-Мансийск: Доминус, 2012. 104 с.
- Сайнахова, Игушев 2012 — *Сайнахова А. И., Игушев Е. А.* Деривационные форманты мансийского языка (происхождение, дистрибуция, стилистика) в сопоставлении с соответствующими морфемами родственных финно-угорских языков. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 249 с.
- Соколова — *Соколова З. П.* Манси. Историческая справка [электронный ресурс] // Сектор археологии ГКУ ЯНАО. Научный центр изучения Арктики. Археология Ямала. URL: <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php/texts/ethnograph/23-mansi/282-mansi-istoricheskaya-spravka-z-p-sokolova> (дата обращения: 10.05.2020).
- Франк-Каменецкая 1964 — *Франк-Каменецкая Т. Д.* Экспедиция к тавдинским манси в 1963 г. // Известия СО АН СССР. № 5. Новосибирск, 1964. С. 126–128.
- Франк-Каменецкая 1965 — *Франк-Каменецкая Т. Д.* К вопросу о лексике тавдинского диалекта мансийского языка // Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск: СО АН СССР, 1965. С. 184–201.
- Хайду 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Хоппал 2015 — *Хоппал М.* Жизнь и творчество Берната Мункачи (1860–1937) // Шамамы – культуры – знаки. Тарту: ЭЛМ, 2015. С. 122–123.
- Чернецов, Чернецова 1936 — *Чернецов В. Н., Чернецова И. Я.* Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 115 с.
- Язык и общество 2016 — Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. С. 261.
- Языки и письменность 1937 — Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. 232 с.; Ч. 2. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. 232 с.
- Ahlqvist 1890 — *Ahlqvist A.* Über die Kulturwörter der obischugrighen Sprachen // JSFOu. VIII. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa, 1890. 174 p.
- Ahlqvist 1891 — *Ahlqvist A.* Wogulisches Wörterverzeichnis // MSFOu. II. Helsingissä: Suomalais-ugrilainen seura, 1891. 107 p.
- Ahlqvist 1894 — *Ahlqvist A.* Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik // MSFOu. VII. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa. 1894. 246 p.
- Bakró-Nagy 1979 — *Bakró-Nagy M.* Die Sprache des Bärenkultes im Obugrighen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 140 p.
- Beke 1905 — *Beke Ö.* A Vogul határozók (= ДETERМИНАНТЫ в вогульском языке). Budapest: Athenaeum, 1905. 64 p. (На венг. яз.)
- Fokos 1936 — *Fokos D.* Edy vogul-oszták “névutó” (= Мансийско-хантыйское “местоимение”) // Különnyomat a nyelvtudományi közlemények. 1936. № 1. Budapest: [б. и.], 1936. Pp. 88–107. (На венг. яз.)
- Gulya 1958 — *Gulya J.* Egy 1776-ból származó manysi nyelvemlék (= Памятник мансийского языка 1776 г.) // Különnyomat a Nyelvtudományi Közlemények, LX évf. 1958. 186 p. (На венг. яз.)
- Gulya 1964 — *Gulya J.* A fonémarendszer változásának mennyiségi összetevői (= Количественные изменения в фонетической системе) // NyK, LXVI. Budapest: Akadémiai Nyomda, 1964. Pp. 303–314. (На венг. яз.)
- Hazay 1907 — *Hazay O.* A vogul nyelvjárások első szotagbelyi magánhangzói qualitative szempntből (= Гласные первого слога в вогульских диалектах). Budapest: Hornyánszky Viktor cs. és Kir. Uvd. Könyvnyomdája, 1907. 54 p. (На венг. яз.)
- Honti 1975 — *Honti L.* System der Paradigmatischen suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. 161 p.

- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p.
- Honti 1993 — *Honti L.* Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. 356 p.
- Hunfalvy 1864 — *Hunfalvy P.* Reguli Antal Haguomayai, Vogul fold es nep. (= Регули Антал...). Pest: Magyar tudományos akadémia, 1894. 481 p. (На венг. яз.)
- Kalmán 1961 — *Kalmán B.* Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. 327 p.
- Kalmán 1963 — *Kalmán B.* Chrestomathia Vogulica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1963. 124 p.
- Kalmán 1981 — *Kalman B.* Munkácsi Bernát (A múlt magyar tudósai) (= Бернат Мункачи. Венгерские ученые прошлого). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981. 180 p. (На венг. яз.)
- Kannisto 1914 — *Kannisto A.* Die Vokalharmonie im Wogulischen // FUF, XIV. Helsinki. 1914. Pp. 41–81.
- Kannisto 1919 — *Kannisto A.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt // MSFOu. XLVI. Helsinki, 1919. 236 p.
- Kannisto 1927 — *Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der Vogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. XVII, 1927. Pp. 57–76.
- Kannisto, Liimola 1951 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 1016 I. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1951. 483 p.
- Kannisto, Liimola 1955 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 109, II. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 831 p.
- Kannisto, Liimola 1956 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 111, III A. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1956. 262 p.
- Kannisto, Liimola 1958 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 114 IV. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1958. 443 p.
- Kannisto, Liimola 1959 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 116, V. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1959. 362 p.
- Kannisto, Liimola 1963 — *Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung // MSFOu. № 134, VI. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1963. 334 p.
- Kispál 1966 — *Kispál M.* A vogul igeny mondatana (= Особенности согласования в вогульском предложении). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966. 352 p. (На венг. яз.)
- Kosheliuk, Normanskaya 2018 — *Kosheliuk N. A., Normanskaya Yu. V.* Graphic features of the archival Mansi language dictionary, compiled by archpriest Simeon Cherkalov (1783). Proceedings of NORDSCI Conference on Social Sciences, Helsinki, Finland, 17–19 July, 2018. Vol. 1. Pp. 293–301.
- Koshelyuk 2018 — *Kosheliuk N. A.* Archival Pelym dictionaries of the Mansi language and their value for the verification of accuracy of Kannisto and Munkachi dictionaries. Proceedings of SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts, Vienna, Austria, 19–21 March, 2018. Vol. 5. Pp. 27–35.
- Lako 1956 — *Lako D.* Eszaki – manysi nyelvtanulmányok (= Северо-мансийское языковедение). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 61 p. (На венг. яз.)
- Liimola 1963 — *Liimola M.* Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1963. 246 p.
- Liimola 1965 — *Liimola M.* Munkácsi & Kálmán Manysi (Vogul) Népköltési Gyűjtemény. Zsirai M. hagyatékából közzétési Fokos Dávid (= Сборник мансийской (вогульской) народной поэзии Мункачи и Кальмана. Публикация Давида Фокоша материалов из фонда М. Жирая) // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. XXXV, Heft 1–2. Helsinki: Redaction der Zeitschrift. 1965. Pp. 299–306. (На венг. яз.)
- Moseley 2010 — *Moseley Ch.* Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing, 2010. 63 p.
- Munkácsi 1894 — *Munkácsi B.* A vogul nyelv-járások (= Вогульские диалекты) // NyK, XXV. Budapest: Kiadja a Magyar tudományos akadémia, 1894. 297 p. (На венг. яз.)
- Munkácsi, Noemi 1943 — *Munkácsi B., Noemi.* Egy nagy magyar nyelvező Munkácsi Bernát élete (= Жизнь Берната Мункачи, великого венгерского лингвиста) / N. Munkácsi. Budapest: I. M. I. T. Kiadása, [1943?]. 262 c. (На венг. яз.)
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p.
- Pirotti 1972 — *Pirotti G.* Grammatica vogula: (con scelta di poesie vogule) (= Вогульская грам-

- матика: (с приложением вогульских стихотворений). Parma: Associazione culturale italo-ungherese Taddeo Ugoletto da Parma, 1972. 290 p. (На итал. яз.)
- Rédei 1988 — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / Bd 1. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 p.
- Steinitz 1955 — Steinitz N. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 366 p.
- Szilasi 1962 — Szilasi M. Vogul szójegyzék (= Глоссарий вогульского языка) / Finnouogor jegyzetek 9. Budapest, 1962. 159 p. (На венг. яз.)
- Veenker 1969 — Veenker W. Vogul suffixes and pronouns: an index a tergo. Bloomington: Indiana University, 1969. 65 p.
- Veenker 1971 — Veenker W. Rückläufiges Wörterbuch der vogulischen Schriftsprache. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1971. 94 p.
- References**
- Afanasieva K. V., Igushev E. A. Mansi Etymological Dictionary for Secondary School Students. Khanty-Mansiysk: IITs, 2011. 114 p. (In Mansi and Russ.)
- Ahlqvist A. Über die Kulturwörter der obischugrisher Sprachen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. VIII. Helsinki: Finnish Literary Society, 1890. 174 p. (In Germ.)
- Ahlqvist A. Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. VII. Helsinki: Finnish Literary Society, 1894. 246 p. (In Germ.)
- Ahlqvist A. Wogulisches Wörterverzeichnis. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. II. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1891. 107 p. (In Germ.)
- Arkhipova N. P., Yastrebov E. V. From the banks of the Danube to the Northern Urals (Chapter 17). In: Arkhipova N. P., Yastrebov E. V. How the Ural Mountains Were Discovered. Nature of the Urals: Historical Essays on the Discovery and Exploration. Sverdlovsk: Middle Urals Book Publ., 1990. 224. Available at: <http://ur-bibl.ru/Knigi/kak-otkriti-uralskie-gori/41.htm> (accessed: June 12, 2020). (In Russ.)
- Bakhtiyarova T. P., Dinislamova S. S. Mansi-Russian Dictionary: Upper Lozva Dialect. Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development. Tyumen: Format, 2016. 140 p. (In Mansi and Russ.)
- Bakró-Nagy M. Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 140 p. (In Germ.)
- Balandin A. N. Mansi Language: Key Pronunciation and Spelling Rules. Leningrad: Uchpedgiz, Prosveshchenie, 1959. 120 p. (In Russ.)
- Balandin A. N. Mansi Self Taught. Leningrad: Uchpedgiz, 1960. 247 p. (In Russ. and Mansi)
- Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. Mansi Language: A Textbook for Pre-Service Teachers. Leningrad: Uchpedgiz, 1957. 275 p. (In Russ.)
- Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. Mansi-Russian Dictionary. Leningrad: Uchpedgiz, 1958. 227 p. (In Mansi and Russ.)
- Beke Ö. A Determinants in the Vogul Language. Budapest: Athenaeum, 1905. 64 p. (In Hung.)
- Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya. A Concise Mansi-Russian Dictionary Supplemented with a Grammar Essay. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936. 115 p. (In Mansi and Russ.)
- Egorov A. V., Zagrebin A. V. Bernát Munkácsi, war, peace, and the Finno-Ugric studies. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2018. Vol. 12. No. 4. Pp. 69–70. (In Russ.)
- Fokos D. Mansi-Khanty 'Pronoun'. In: Különnyomat a nyelvtudományi közlemények. Vol. 1. Budapest, 1936. Pp. 88–107. (In Hung.)
- Frank-Kamenetskaya T. D. Tavda dialect of the Mansi language: vocabulary revisited. In: Language and Folklore Studies. Vol. 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1965. Pp. 184–201. (In Russ.)
- Frank-Kamenetskaya T. D. The 1963 expedition to Tavda Mansi. *Izvestiya SO AN SSSR*. 1964. No. 5. Pp. 126–128. (In Russ.)
- Gerasimova D. V. Mansi Language: Hunting and Fishing Vocabulary. Cand. Sc (philology) thesis abstract. Leningrad, 1988. 16 p. (In Russ.)
- Gulya J. 1776 Mansi-language manuscript. *Nyelvtudományi Közlemények*. No. LX, 1958. 186 p. (In Hung.)
- Gulya J. Quantitative changes in the phonetic system. *Nyelvtudományi Közlemények*. Vol. LXVI. Budapest: Akadémiai Nyomda, 1964. Pp. 303–314. (In Hung.)
- Hajdú P. Uralic Languages and Peoples. Moscow: Progress, 1985. 430 p. (In Russ.)

- Hazay O. Vowels of the First Syllable in Vogul Dialects. Budapest: Hornyánszky Viktor, 1907. 54 p. (In Hung.)
- Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. 356 p. (In Germ.)
- Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p. (In Germ.)
- Honti L. System der Paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. 161 p. (In Germ.)
- Hoppál M. Life and works of Bernát Munkácsi (1860–1937). In: Hoppál M. Shamans – Cultures – Symbols. Tartu: ELM, 2015. Pp. 122–123. (In Russ.)
- Hunfalvy P. Reguly Antal ... . Pest: Hungarian Academy of Sciences, 1894. 481 p. (In Hung.)
- Indigenous small-numbered peoples of Russia's North: monitoring of native language skills. On: Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (website). Available at: <https://ouipiir.ru/content/%D0%B0%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (accessed: May 10, 2020). (In Russ.)
- Kalmán B. Chrestomathia Vogulica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1963. 124 p. (In Vogul)
- Kalmán B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. 327 p. (In Germ.)
- Kalman B. Hungarian Researchers of the Past: Munkácsi Bernát. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981. 180 p. (In Hung.)
- Kannisto A. Die Vokalharmonie im Wogulischen. *Finnisch-Ugrischen Forschungen*. Vol. XIV. Helsinki, 1914. Pp. 41–81. (In Germ.)
- Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Vogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Vol. XVII. 1927. Pp. 57–76. (In Germ.)
- Kannisto A. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. XLVI. Helsinki, 1919. 236 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 101b I. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1951. 483 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 109b II. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1955. 831 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 111, III A. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1956. 262 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 114 IV. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1958. 443 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 116, V. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1959. 362 p. (In Germ.)
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 134, VI. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1963. 334 p. (In Germ.)
- Kartina A. I. Mansi Noun Formation. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1955. 15 p. (In Russ.)
- Kispál M. Features of Agreement in the Vogul Sentence. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966. 352 p. (In Hung.)
- Kosheliuk N. A. Archival Pelym dictionaries of the Mansi language and their value for the verification of accuracy of Kannisto and Munkachi dictionaries. In: Proceedings of SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts (Vienna; March 19–21, 2018). Vol. 5. Pp. 27–35. (In Eng.)
- Kosheliuk N. A., Normanskaya Yu. V. Graphic features of the archival Mansi language dictionary, compiled by archpriest Simeon Cherkalov (1783). In: Proceedings of NORDSCI Conference on Social Sciences (Helsinki; July 17–19, 2018). Vol. 1. Pp. 293–301. (In Eng.)
- Koshelyuk N. A. General characteristics of the Grammar book by Hieronymus Megiser. *Ural-Altai Studies*. 2018. No. 4 (31). Pp. 218–227. (In Russ.)
- Kuzakova E. A. Southern (Konda) and Northern Mansi Dialects: A Comparative Study. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1963. 18 p. (In Russ.)
- Lako D. Northern Mansi Linguistics. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 61 p. (In Hung.)
- Liimola M. Munkácsi & Kálmán's collection of Vogul folk poetry. M. Zsirai's archives. Publ. by Dávid Fokos. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Vol. XXXV. Part 1–2. Helsinki: Redaction der Zeitschrift, 1965. Pp. 299–306. (In Hung.)
- Liimola M. Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1963. 246 p. (In Germ.)
- Lyskova N. A. Khanty and Mansi Languages: Sub-

- ject and Predicate Revisited. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Tartu, 1988. 18 p. (In Russ.)
- Lyskova N. A. Syntax of Nouns in Ob-Ugric Languages: Semantic Aspect. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Yoshkar-Ola, 1998. 48 p. (In Russ.)
- Lytkin V. I., Maytinskaya K. E., Redei K. Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Mari, Permian, and Ugric Languages. Moscow: Nauka, 1976. 233 p. (In Russ.)
- Mikhalchenko V. Yu. (ed.) Language and Society. Encyclopedia. Moscow: Azbukovnik, 2016. 872 p. (In Russ.)
- Moseley Ch. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010. 63 p. (In Eng.)
- Munkácsi B. Vogul dialects. *Nyelvtudományi Közlemények*. Vol. XXV. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 1894. 297 p. (In Hung.)
- Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p. (In Vogul and Germ.)
- Munkacsi N. The Life of Munkacsi Bernat, the Great Hungarian Linguist. Budapest: I. M. I. T. Kiadása, 1943. 262 p. (In Hung.)
- Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. Archival Pelym-Russian dictionary compiled by the Russian priest, Father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi. *Ural-Altaiic Studies*. 2017. No. 3 (26). Pp. 151–161. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect? *Ural-Altaiic Studies*. 2020. No. 1 (36). Pp. 92–101. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All languages and Dialects. Part I. St. Petersburg: Schnor, 1787. 411 p. (In Russ., Latin, Germ., etc.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All languages and Dialects. Part II. St. Petersburg: Schnor, 1789. 496 p. (In Russ., Latin, Germ., etc.)
- Pirotti G. Vogul Grammar: Supplemented with Texts of Vogul Poems. Parma: Italian-Hungarian Cultural Association of Taddeo Ugoletto from Parma, 1972. 290 p. (In Ital.)
- Professor Uuno Taavi Sirelius. On: Ethnography of Russia's Peoples. 2000. Available at: <http://www.ethnology.ru/biobib/RMain.php?fnCB=41> (accessed: June 13, 2020). (In Russ.)
- Prokofiev G. N. (ed.) Peoples of the North: Languages and Scripts. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. 1937. 232 p.; Vol. 2, 232 p. (In Russ.)
- Pudovkin S. I., Pudovkina A. S., Dolgorukova E. Yu. Vogul antiquities. In: Bykova N. M., Arefyeva O. G. (eds.) 10th Zyryanov Readings. Conference Proceedings (Kurgan; December 6–7, 2012). Kurgan: Kurgan State University, 2012. Pp. 26–30. (In Russ.)
- Raspopov P. Antal Reguly: expedition of the Hungarian ethnographer across the Urals. On: Uraloved. Posted on October 24, 2018. Available at: <https://uraloved.ru/ludi-urala/antal-reguly> (accessed: May 12, 2020). (In Russ.)
- Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Vol. 1: Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 905 p. (In Germ.)
- Rombandeeva E. I. (comp.), Balandin A. N. (ed.) Russian-Mansi Dictionary for Mansi Secondary School Students. A. Balandin (grammatical appendix, afterword). Leningrad: Uchpedgiz, 1954. 392 p. (In Russ. and Mansi)
- Rombandeeva E. I. Causative Verbs in the Modern Mansi Language. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1964. 14 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Improvements of alphabet, graphics, and orthography revisited. In: Musaeov K. M. (ed.) Soviet Peoples and Languages. Experiences in Improving Alphabets and Orthographies. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 176–181. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Mansi (Vogul) Language. Moscow: Nauka, 1973. 208 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Mansi (Vogul) Syntax. Moscow: Nauka, 1979. 175 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Modern Mansi: Vocabulary, Phonetics, Graphics, Orthography, Morphology, Word Formation. Monograph. 2nd ed. Tyumen: Format, 2017. 318 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Northern Mansi dialects: distinctive phonetic features. In: Questions of Finno-Ugric Linguistics. Moscow, Leningrad, 1964. Pp. 51–58. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Russian-Mansi Dictionary. For 5th–9th Grade Pupils. St. Petersburg: Mirall, 2005. 360 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I. Structure of the Modern Mansi (Vogul) Language. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Yoshkar-Ola, 1998. 61 p. (In Russ.)
- Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A. Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary. Leningrad: Prosveshchenie, 1982. 360 p. (In Mansi and

- Russ.)
- Saynakhova A. I. Mansi Dialectology. Khanty-Mansiysk: Dominus, 2012. 104 p. (In Russ.)
- Saynakhova A. I. Mansi Function Words. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1966. 20 p. (In Russ.)
- Saynakhova A. I., Iigushev E. A. Origins, Distribution, and Stylistics of Mansi and Other Finno-Ugric Derivational Formants: A Comparative Study. Khanty-Mansiysk: Yugrafika, 2012. 249 p. (In Russ.)
- Saynakhova N. V. Mansi-Russian Topical Dictionary. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 37 p. (In Mansi and Russ.)
- Sokolova Z. P. The Mansi: a historical review. On: Archaeology of Yamal (website). Department of Archaeology, Arctic Research Center. Available at: <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php/texts/etnograph/23-mansi/282-mansi-istoricheskaya-spravka-z-p-sokolova> (accessed: May 10, 2020). (In Russ.)
- Steinitz N. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 366 p. (In Germ.)
- Szilasi M. Glossary of the Vogul Language. Budapest, 1962. 159 p. (In Hung.)
- Vakhrusheva M. P. Forming Compound Mansi Words on the Basis of Somatic Vocabulary: A Case Study of the Konda Dialect. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1965. 20 p. (In Russ.)
- Vdovin I. S. Exploration History of Paleosiberian Languages. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1962. 163 p. (In Russ.)
- Veenker W. Rückläufiges Wörterbuch der vogulischen Schriftsprache. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Vol. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1971. 94 p. (In Germ.)
- Veenker W. Vogul Suffixes and Pronouns: An Index a Tergo. Bloomington: Indiana University, 1969. 65 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 766-778, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'373

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Репрезентация гендера в лексической системе башкирского языка

Линара Камилловна Ишкильдина¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2020

© Ишкильдина Л. К., 2020

Аннотация. *Введение.* В башкирском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует категория грамматического рода, которая эксплицитно связана с гендерной характеристикой одушевленных существительных. Существуют только лексические средства обозначения принадлежности к тому или иному полу. *Цель* исследования — анализ лексических средств, участвующих в репрезентации пола (гендера) в башкирском языке. *Материалы и методы.* Для изучения специфики гендера в башкирском языке были применены методы: сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, статистического анализа. *Результаты.* В ходе лингвистического анализа было выявлено, что значение пола (гендера) в башкирском языке раскрывается лексико-семантическим (гендерно маркированными лексемами, с помощью слов-определителей) и деривационным способами. Семантика мужского и женского пола в башкирском языке раскрывается в таких лексико-семантических группах, как термины родства, семейные отношения, наименования профессий, антропонимы. Мужской и женский пол в башкирском языке репрезентируются в основном отдельными разнокорневыми лексемами. Однако существуют и некоторые термины родства и антропонимы, обозначающие лиц женского пола, которые образованы от мужских наименований. Такое же явление наблюдается и в заимствованных названиях профессий, когда женская специальность образуется от мужской формы с помощью аффикса -ә. В исконной лексике половая дифференциация по профессиональной принадлежности отсутствует. Здесь для конкретизации пола человека употребляются слова-определители, содержащие гендерную семантику: *катын* 'женщина', *ир* 'мужчина', *анай* 'сестра, тетя', *кыз* 'девушка' и др. *Выводы.* В результате проведенного исследования было выявлено, что в башкирском языке имеются явные гендерные асимметрии, так как слов, раскрывающих понятие «мужчина» и «мужской», гораздо больше, чем лексем, раскрывающих понятие «женщина» и «женский». Это говорит об андроцентричности башкирского языка.

Ключевые слова: гендерная лексика, башкирский язык, антропонимы, профессия, семейный статус, возраст, андроцентричность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-323.2020.6 «Этнокультурная специфика гендерной лексики (на примере сравнительно-сопоставительного анализа русского и башкирского языков)».

Для цитирования: Ишкильдина Л. К. Репрезентация гендера в лексической системе башкирского языка // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 766-778. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

UDC 81'373

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Lexical System of the Bashkir Language: Representing Gender

*Linara K. Ishkildina*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ishkildina L. K., 2020

Abstract. Introduction. The Bashkir language — like other Turkic languages — contains no category of grammatical gender explicitly associated with the gender of animate nouns. There are only lexical means of gender designation. *Goals.* In this regard, the article attempts to study features of the lexical means employed to represent sex (gender) in the Bashkir language. *Materials and Methods.* The insight into specifics of gender in the Bashkir language includes the use of certain research methods, such as the method of continuous sampling, the comparative one, and that of statistical analysis. *Results.* The linguistic analysis reveals that the meaning of sex (gender) in the Bashkir language is manifested by lexical-semantic (gender-marked lexemes, with qualifier words) and derivational means. Semantics of male and female gender in Bashkir discourse is to be traced in such lexical and semantic groups as terms of kinship, family relations, names of professions, anthroponyms. Basically, gender in the Bashkir language is represented by separate multi-root lexemes. However, there are also some kinship terms and anthroponyms denoting females which are derived from masculine names. The same phenomenon is observed in borrowed names of professions when a female specialty term derives from a masculine form with the aid of the affix *-ə*. In the original vocabulary, there is no gender differentiation according to professional affiliation. Here, to concretize a person's gender qualifier words that contain gender semantics — *qatyn* 'woman', *ir* 'man', *apaj* 'sister, aunt', *qyδ* 'girl', and others — are used. The study emphasizes there are obvious gender asymmetries in the Bashkir language since resulting from the prevalence of words to express the concepts 'man' and 'masculine', and the lack of lexemes representing the concepts 'woman' and 'feminine'. This attests to androcentricity of the Bashkir language.

Keywords: gender vocabulary, Bashkir language, anthroponyms, profession, marital status, age, androcentricity

Acknowledgments. The reported study was granted by the President of the Russian Federation (Young Scientists Support Program), project no. MK-323.2020.6 'Ethnocultural Specifics of Gender Vocabulary: Comparative Analysis of Russian and Bashkir Languages'.

For citation: Ishkildina L. K. Lexical System of the Bashkir Language: Representing Gender. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 766-778. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-766-778

Введение

В последние годы в российском языкознании активно развивается новая междисциплинарная область исследований, называемая «гендерная лингвистика» или «лингвистическая гендерология».

Категория *gender* была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. и использовалась сначала в истории, историографии, социологии и психологии, а затем была заимствована в лингвистику, оказавшись плодотворной для прагматики и антропоориентированного описания в целом [Кирилина 1999: 5].

В современных гуманитарных исследованиях термин *гендер* означает «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская 2005: 112]. В отличие от физического (природного) понимания пола, где мужчина и женщина отличаются набором анатомических и физиологических признаков, понятие *гендер* включает в себя социокультурные, психические, поведенческие и другие особенности. Следовательно, в научной литературе разграничиваются понятия *биологический пол* и *социальный пол*. Если термин *пол* (*sexus*) включает в себя понятия «мужчина» и «женщина», то *гендер* имеет дело с понятиями «мужественность» («маскулинность») и «женственность» («фемининность»). Тем самым термин *гендер* в лингвистике понимается как языковая составляющая половой идентичности человека, его проявления в различных речевых дискурсах и т. д.

Наличие противопоставленных гендерных групп (мужчин и женщин), являющихся в обществе носителями характеристик «мужественности» и «женственности», иногда ошибочно обосновывается, с одной стороны, наличием соответствующих контрастных групп грамматической категории рода в языках (мужского и женского), а с другой стороны, наличием двух социальных групп — мужчин и женщин, выделяемых на основании их роли в воспроизведении и воспитании потомства [Васильева 2013: 40]. Иными словами, в индоевропейских

языках, где существует категория рода, разграничиваются понятия биологического пола (*sexus*), грамматического рода (*genus*) и гендера (*gender*). Дихотомия «мужской/женский» не соотносится с грамматической категорией рода, так как к мужскому и женскому роду могут относиться существительные, которые и вовсе не имеют пола (ж. р. *ложка, вилка* — м. р. *нож, стол*), а также одушевленные существительные, у которых половые различия не обозначены (ж. р. *змея, куница* — м. р. *жираф, крокодил*) и т. д.

С. А. Крылов для разделения понятия «пол» от грамматической категории рода применяет термин «семантический род»: «Существует так называемый „пол“, который представляет собой противопоставление двух „лексико-грамматических“ или „деривационных“ подклассов существительных (*авт. т. е.* оппозиция „мужской“ и „женский“»)» [Крылов 2010: 341]. Таким образом, категория рода, основными функциями которой являются выражение синтаксических связей и классификация существительных, не эквивалентна семантической категории пола, хотя мужской и женский род одушевленных существительных в своем большинстве относится к соответствующему полу.

В последние годы в башкирском языкознании также начали обращать внимание на проблему языка и пола (гендера). В отдельных статьях были рассмотрены следующие вопросы: гендерный аспект возрастных категорий [Фатыхова 2001]; гендерные особенности башкирских антропонимов [Ягафарова 2009], вербализация концептов «мужчина» и «женщина» в башкирских народных песнях [Хакимьянова 2015], отражение гендерных стереотипов в башкирских пословицах и поговорках [Бускунбаева 2019].

Актуальность изучения гендерного фактора в башкирском языке определяется актуальностью самого гендерного направления в языкознании, а также недостаточной разработанностью общетеоретических основ предмета, отсутствием системных гендерных исследований в башкирском языкознании.

В тех языках, где отсутствует грамматическая категория рода, является особо важным изучение способов реализации семантической категории пола.

Значимость вышеописанной проблемы обозначила *цель* данной статьи — исследование способов репрезентации гендера в лексической системе башкирского языка с привлечением материала русского языка для раскрытия общелингвистических и специфических явлений.

Для анализа гендерной лексики башкирского языка были использованы: метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный, а также статистический.

Материалом для исследования «мужской» и «женской» лексики выступили лексикографические источники башкирского и русского языков: «Башкирско-русский словарь» (1996), «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах (2011–2018), «Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий» Р. А. Сулеймановой, словарь «Башкирские имена» Т. Х. Кусимовой и С. А. Биккуловой, «Справочник личных имен народов РСФСР», «Словарь русских личных имен» А. В. Суперанской и др. [АСБЯ 2011; БРС 1996; Сулейманова 2013; Кусимова, Биккулова 2000; Справочник 1987; Суперанская 1998].

Гендер в разных языках

Как известно, семантическая категория пола имеет непосредственную связь с грамматической категорией рода в некоторых языках. «Необходимо учитывать ... ту спаянность, которая существует в языковой деятельности между родом и отношением к полу. Фактически показатель женского рода у одушевленных существительных в большинстве случаев является вместе с тем сигналом значения принадлежности к женскому полу, а показатель мужского рода у одушевленных существительных связан либо с указанием на мужской пол, либо с возможностью предметной отнесенности как к мужскому, так и к женскому полу» [Бондарко 1976: 37].

Традиционные названия трех родов в классических индоевропейских языках — «мужской», «женский» и «средний» — отражают отношения, сложившиеся в традиционной грамматике между полом и родом [Гришина 1996: 5]. Средний род — это чи-

сто грамматическая категория, которая не соотносится семантически с половой принадлежностью лица, как у одушевленных имен существительных мужского и женского рода (*отец, дядя – мама, тетя*). В основном к среднему роду относятся неодушевленные имена существительные, у которых начальная форма в именительном падеже в единственном числе имеет окончания *-о* или *-е*: *молоко, озеро, счастье, море* и др.

Грамматическая категория рода в индоевропейских языках выполняет «три основные функции: семантико-символическую, морфологическую (оформление имени и разные типы склонения) и синтаксическую (согласовательную)» [Словарь гендерных терминов 2002: 67]. При персонификации грамматический род слова осмысливается как пол человека. В реализации гендера участвуют семантико-символическая (лексическая) и синтаксическая функции.

В русском языке «пол» или, как называет его С. А. Крылов, «семантический род» выражается: 1) *лексически*: а) лексико-семантически в предметном слове (*дочь, сын, отец, мать ...*); б) семантически в предикатном слове (*беременна, ожидает ребенка, в декретном отпуске ...*); в) семантически сочетаемостью предикатного слова (*хорошенькая*); 2) *грамматически*: а) согласовательно: выраженный атрибутивным согласованием (*бедный строта vs. бедная сирота; одаренный юноша*); выраженный предикатным согласованием (*сирота шел vs. сирота шла; юноша шел*); выраженный анафорическим согласованием (*Коваленко ... он vs. Коваленко ... она*); выраженный деклинационно (*Иванов vs. Иванова*); выраженный деривационно (*полячка*) (см.: [Крылов 2010: 342–343]).

В тюркских языках, в число которых входит башкирский язык, грамматическая категория рода отсутствует. Однако это не говорит о несуществовании семантической категории пола в данных языках (см.: [ГСБЛЯ 1981: 100–101]).

«Следует отметить, что понятие пола является свойством, присущим внутренней структуре всех человеческих языков, однако не все языки обладают грамматической категорией рода» [Гришина 1996: 5]. Если в русском языке наличие категории грамматического рода позволяет выражать пол человека в первом, втором и третьем лице, то в

башкирском языке номинация лиц по половому признаку не находит грамматического проявления как в тексте, так и в ситуативной речи. Например: рус. *Я сделал* (м.) или *Я сделала* (ж.) — башк. *Мин эшләнем*; рус. *Он сказал* (м.) и *Она сказала* (ж.) — башк. *Ул әйтте* и т. д. В башкирском языке о гендерной принадлежности автора текста можно узнать только по имени — при условии, что оно указано в самом тексте или догадаться по смыслу текста при анонимности. В устной речи осуществляется визуальная (мы видим, кто перед нами) или аудиальная (по голосу) идентификация личности. Если речь идет о третьем лице, то определение личности (в том числе и ее пола) происходит только лексически: *Азалия килде* ‘Азалия пришла’ — *Азат килде* ‘Азат пришел’, *әсәй әйтте* ‘мама сказала’ — *атай әйтте* ‘отец сказал’ и т. п.

Категория пола

Категория пола в башкирском языке выражается:

1) *лексико-семантически*, с помощью гендерно маркированных лексем: *кыз* ‘девушка’ — *егет* ‘парень’, *ир* ‘мужчина’ — *катын* ‘женщина’, *әбей* ‘бабушка’ — *бабай* ‘дедушка’, *һарык* ‘овца’ — *тәкә* ‘баран; название самцов мелкого рогатого скота’, *һыйыр* ‘корова’ — *үгез* ‘бык’, *тауык* ‘курица’ — *этәс* ‘петух’ и т. д. Данный способ аналогичен русскому языку, где также существуют пары слов, определяющих пол у одушевленных имен: *мальчик* — *девочка*, *бабушка* — *дедушка*, *курица* — *петух*, *корова* — *бык*, *тигр* — *тигрица* и др.;

2) *аналитически*, с помощью слов-определителей: *катын кеше* ‘женщина’ — *ир кеше* ‘мужчина’, *укыусы кыз* ‘школьница, ученица’ — *укыусы малай* ‘школьник, ученик’, *укытыусы апай* ‘учительница (досл. ‘тетя учитель’)’ — *укытыусы агай* ‘учитель (досл. ‘дядя учитель’)’ и т. д. В большинстве случаев названия живых существ не имеют разделения по половому признаку (*күян* ‘заяц’, *тейен* ‘белка’, *айыу* ‘медведь’, *күгәрсен* ‘голубь’ и т. д.), и для конкретизации пола одушевленных существ используются такие определяющие слова, как *инә* ‘самка’, *ата* ‘самец’. Примеры: *инә каз* ‘гусыня’ — *ата каз* ‘гусак’, *инә корт* ‘пчела-матка’ — *ата корт* ‘трутень’ и т. д. В русском языке также имеется «ряд

существительных, обозначающих животных, у которых различие самки и самца не обозначено: *муравей*, *дельфин*, *леопард* — существительные мужского рода, *белка*, *куница*, *змея* — существительные женского рода. Чтобы указать на пол живого существа, в подобных случаях используют описательную конструкцию, включающую слово, где грамматическая категория рода и семантическая категория пола совпадают, например: *самка леопарда*, *самец белки*» [Беляева 2002: 11].

3) *деривационно*, т. е. с помощью присоединения аффиксов: *ейән* ‘внук’ — *ейәнсәр* ‘внучка’, *коза* ‘кум’ — *козағый* ‘кума’, *ғалим* ‘ученый’ — *ғалимә* ‘ученая’. Разграничение мужского и женского пола деривационным способом характерно и для некоторых антропонимов: *Ғәлим* — *Ғәлимә*, *Илнар* — *Илнара*, *Наил* — *Наилә* (данный способ подробнее описан в следующих подразделах).

Термины родства

Наиболее гендерно детерминированной группой лексем в системе любого языка, на наш взгляд, является терминология, выражающая родственные отношения.

В башкирском языке термины родства могут быть этимологически разнокорневыми: *әсәй* — *атай* ‘мать — отец’, *кыз* — *ул* ‘дочь — сын’, *өләсәй* — *олапай* ‘бабушка — дедушка’, *катын* — *ир* ‘жена — муж’ и др.

Существуют и однокорневые термины, когда женский пол образуется путем присоединения специальных аффиксов к лексемам мужского пола: а) аффикс *-са*, *-сә*: *коза* ‘сват’ — *козаса* ‘сваха (молодая)’, *бей* ‘бей’ — *бисә* ‘жена, женщина’; б) аффикс *-ым*, *-әм*: *хан* ‘хан’ — *ханым* ‘ханша’, *бик*, *бәк* ‘бек’ — *бикәм* ‘старшие сестры мужа (по отношению к невесте, снохе)’; в) аффикс *-сар*, *-сәр*: *ейән* ‘внук’ — *ейәнсәр* ‘внучка’, *бүлә* ‘правнук’ — *бүләсәр* ‘правнучка’, *тыуа* ‘праправнук’ — *тыуасар* ‘праправнучка’; г) аффикс *-ғый* в единичном случае: *коза* ‘сват’ — *козағый* ‘сватья, сваха (мать невестки, зятя, а также жёны других сватов по отношению друг к другу)’. Следует отметить, что данные аффиксы являются малопродуктивными.

Для русского языка также характерно образование терминов родства женского

пола от мужского: *сват* — *сваха*, *кум* — *кума*, *внук* — *внучка*, *тесть* — *теща*, *свекор* — *свекровь*, *свояк* — *свояченица* и др.

Образование лица женского пола может осуществляться еще и путем словосложения, когда к форме мужского пола присоединяется лексема *бикә* 'уст. госпожа, барыня': *кайны* 'тесть, свекор' — *кәйенбикә* 'старшая свояченица; старшая золовка'; *ошта* 'мастер, умелец' — *оштабикә* 'уст. жена муллы'; *хан* 'хан' — *ханбикә* 'ханша', *хужа* 'хозяин' — *хужабикә* 'хозяйка', *бай* 'богач' — *байбикә* 'уст. жена бая'.

Наименования профессий

Если в современном русском языке названия профессий в большинстве случаев имеют и мужскую, и женскую форму¹, то в башкирском языке они не имеют половой соотнесенности: рус. *учитель* (м.) / *учительница* (ж.) — башк. *уҡытыусы*, рус. *продавец* (м.) / *продащица* (ж.) — башк. *һатыусы*, рус. *художник* (м.) / *художница* (ж.) — башк. *рәссам*, рус. *ученик* (м.) / *ученица* (ж.) — башк. *уҡыусы*, рус. *ткач* (м.) / *ткачиха* (ж.) — башк. *туҡыусы* и т. д. Для половой дифференциации в башкирском языке используются гендерно маркированные слова-определители: *уҡытыусы апай* 'учительница, досл. тетя учитель', *уҡытыусы ағай* 'учитель, досл. дядя учитель', *эшсе катындар* 'женщины-рабочие', *языусы катын* 'писательница' и др.

Исторически названия женских форм профессий в русском языке произошли от мужских форм: *артист* — *артистка*, *акушер* — *акушерка*, *буфетчик* — *буфетчица*, *повар* — *повариха* и др. Данное явление связано с реалиями жизни, так как в профессиональной деятельности мужчинам принадлежало и принадлежит неоспоримое первенство. «Тематическая группа наименований лица по профессии или роду деятельности подразумевает в качестве денотата мужчину (например: *врач*, *критик*, *менеджер*). Однако, обозначая лиц женского пола, эти существительные легко сочетаются с фор-

мами женского рода прошедшего времени глаголов, например: *врач пришла*, *директор сказала*, *менеджер решила*. Они также легко заменяются местоимением *она*» [Беляева 2002: 12].

Как отмечает А. А. Брагина, в таких случаях, где лица женского пола по специальности обозначаются в мужском роде, акцент в речи или тексте делается не на роде-поле как таковом, а на информации о профессии. «Однако когда ситуативно необходимо выделить, что действующее лицо — женщина, язык находит и лексические, и грамматические средства дифференциации» [Брагина 1981: 70].

Тем самым функционирование наименований профессий большей частью в мужском роде, а также образование женских форм от мужских, говорит об андроцентричности данной группы лексем в русском языке, в отличие от башкирского языка, где названия профессий имеют нейтральный статус.

Исключение в башкирском языке составляют лексемы арабского происхождения, в которых название женской профессии образуется от мужского с помощью аффикса *-ә*: *табиб* 'врач' — *табибә* 'женщина-врач', *ғалим* 'ученый' — *ғалимә* 'ученая', *мәғаллим* 'уст. обучающий; учитель, преподаватель' — *мәғаллимә* 'уст. обучающая, учительница', *талип* 'студент' — *талибә* 'студентка', *шағир* 'поэт' — *шағирә* 'поэтесса', *әзип* 'писатель, литератор' — *әзипә* 'писательница' и др.

В наименованиях профессий, заимствованных из русского языка, гендерные показатели отсутствуют, т. е. употребляется только одна форма слова по отношению к обоим полам: рус. *артист* / *артистка* — башк. *артист*, рус. *аппаратчик* / *аппаратчица* — башк. *аппаратсы*, рус. *буфетчик* / *буфетчица* — башк. *буфетсы*, рус. *летчик* / *летчица* — башк. *летчик*, рус. *манекеник* / *манекеница* — башк. *манекенсы* и др. Здесь также для конкретизации пола могут употребляться слова-определители — *ир* 'мужчина', *катын* 'женщина', *кыз* 'девушка' и др.: *артист ир* 'артист', *артист катын* 'артистка', *аппаратсы катын* 'аппаратчица', *буфетсы ағай* 'буфетчик', *журналист кыз* 'девушка-журналист' и т. д.

В собственно башкирской лексике гендерная детерминированность профессий

¹ Здесь мы не углубляемся в проблему номинаций мужского и женского полов по профессиональной принадлежности в русском языке, так как эта проблема достаточно глубоко изучена в русском языкознании. Например: [Богословский 1913; Моисеев 1967; Закупра 1973; Васильева 1971; Воронцова 1982; Яковлева 2009; и др.].

осуществляется **ассоциативно**, т. е. когда определенный вид деятельности приписывается мужчинам или женщинам по стереотипным суждениям. Иначе говоря, когда в обществе принято считать, что представителем того или иного рода деятельности может выступать только один пол — мужской или женский, хотя они также грамматически не выделяются. Это так называемая «мужская» или «женская» профессия или род занятий, которым могут заниматься представители определенного пола.

К лексическим единицам, обозначающим только женщин по роду деятельности в башкирском языке, относятся следующие: *бәйләүсе* 'вязальщица', *сигеүсе* 'вышивальщица', *һауынсы* 'доярка', *тегенсе* 'ткачиха', *кендек инәйе (әбейе)* 'повитуха', *тәрбиәсе* 'воспитательница', *бала караусы* 'няня, нянька', *йыйыштырыусы* 'уборщица', *өй хужабикәһе* 'домохозяйка'. Данные виды деятельности относятся к «чисто женским» в ассоциативном плане, как и в русском языке.

Лексемы, характеризующие только мужчин по роду деятельности в башкирском языке: *айыусы* 'медвежатник', *аусы* 'охотник, рыбовод', *атыусы* 'стрелок', *балтасы* 'плотник', *балыксы* 'рыбак', *диңгезсе* 'моряк', *көтөүсе* 'пастух', *итексе* 'сапожник', *(йөк) тейәүсе* 'грузчик', *карауылсы* 'охранник, сторож', *кыуғынсы* 'погонщик; сплавщик; гуртовщик', *танкист* 'танкист', *ташсы* 'каменщик', *күнсә* 'кожевник', *тире эшкәртеүсе* 'скорняк; овчинник', *тимерсе* 'кузнец', *тиресе* 'кожевник; сборщик шкур', *тирмәнсе* 'мельник', *төзөүсе* 'строитель', *умартасы* 'пчеловод, пасечник', *һаксы* 'охранник', *һунары* 'охотник', *һалдат* 'солдат', *хәрби кеше (хезмәткәр)* 'военный' и др. Не все перечисленные профессии актуальны в наше время. Большинство из них представляет собой устаревший род занятий, который был связан с бытом и образом жизни древних башкир, а именно с охотой, скотоводством, сплавом деревьев, кожевенным ремеслом и т. д.

Профессии, связанные с вождением какого-либо транспорта, традиционно считаются мужскими как в башкирской, так и в русской культуре: *тракторсы* 'тракторист', *комбайнсы* 'комбайнер', *машинист* 'машинист', *экскаваторсы* 'экскаваторщик' и др. Здесь мы имеем в виду именно внутрен-

нюю семантику мужских профессий, а не их практическую реализацию. Так как в советское время, особенно в годы войны, женщины работали трактористками, комбайнерами и др., что было вызвано требованием времени. В современной жизни данные профессии вновь стали «мужскими».

В башкирском языке существуют *специфические* наименования рода деятельности, являющиеся наследием тюркского мира и сохраняющиеся по сей день: *өзләүсе* 'человек, владеющий горловым пением', *курайсы* 'кураист', *кумызсы* 'кобызист', *бешкәксе* 'человек, который взбивает кумыс', *кымызсы* 'кумысодел'.

Как показывает лингвистический анализ, мужской профессией в башкирском языке считается деятельность, требующая физической силы, выносливости, точности, меткости и т. д. В количественном отношении названия мужских профессий преобладают над женскими, что связано с традиционным разделением труда по половому признаку. Сферой мужской деятельности является разнообразная и многочисленная «внедомашняя» работа. Женская жизнедеятельность издревле была связана с домашними обязанностями: содержанием дома, огорода, рождением и воспитанием детей и др.

Таким образом, в башкирском языке наименования профессий проявляют количественную асимметрию в пользу мужского пола.

Семейный статус

Гендерная детерминированность проявляется также в лексике, определяющей лиц пола по семейному статусу.

В башкирском языке функционируют следующие слова, обозначающие женщин по семейному статусу: *кыз* 'дочь', *анай* 'сестра', *кәләш* 'невеста; молодая жена', *килен* 'невестка', *козаса* 'сватья (младшая сестра, родственница невестки или зятя)', *козагы* 'сватья, сваха (мать невестки, зятя)', *кәйенһеңле* 'золовка (младшая сестра мужа)', *әсәй* 'мама', *өләсәй* 'бабушка', *инәй* 'тетя', *балдыз* 'младшая свояченица', *бисә* 'жена', *хатын* 'женщина, жена', *тол (катын)* 'вдова', *кәйнә* 'свекровь; теща', *кәйенбикә* 'старшая свояченица; старшая золовка', *үгәй әсәй* 'мачеха', *апалы-һеңле* 'собир. сестры'.

Лексические единицы, характеризующие мужчин по семейному статусу: *ул* 'сын', *агай* 'брат', *ир* 'мужчина, муж', *кусты*, *эне* 'младший брат', *буйзак* 'неженатый мужчина, холостяк', *кейәү* 'жених; зять; молодой муж', *атай* 'отец', *үгәй ата* 'отчим', *апа* 'дядя', *олатай* 'дедушка', *коза* 'сват (отец невестки, зять или их родственники)', *кәйнеш* 'деверь', *бажа* 'свояк (муж сестры жены)', *тол ир* 'вдовец', *кайны* 'свекор; тесть', *кайнага* 'старший брат мужа или жены по отношению к жене или мужу', *олатай*, *картатай* 'дедушка', *агай-эне* 'собр. родственники, родня мужского пола'.

В отличие от русского языка, в башкирском языке понятия *свекровь* и *теща*, а также *свекор* и *тесть* не разграничиваются, а обозначаются одним словом — *кәйнә* и *кайны* соответственно, хотя в говорах они могут различаться.

В русском языке нет отдельного наименования *старшего* и *младшего брата*, а также *старшей* и *младшей сестры*: они конкретизируются с помощью прилагательных *старший(ая)*, *младший(ая)* или уменьшительных суффиксов: *братишка*, *сестренка*. В башкирском языке братья и сестры по старшинству имеют отдельные обозначения: старший брат — *агай*, младший брат — *кусты*, *эне* или *туган*; старшая сестра — *апай*, младшая — *һеңле*, *һылыу*, *кыз туган*, *карындаш*.

Пол и возраст

В башкирском языке находят отражение и биосоциальные ритмы жизни мужчин и женщин, которые по-разному репрезентируются в языке.

Как отметила этнолог Ф. Ф. Фатыхова, «Соответственно устойчивым культурным стереотипам в башкирской традиционной культуре четко выделяются гендерные различия в периодизации жизненного цикла человека» [Фатыхова 2001: 347]. Она пишет, что категоризация женщины в башкирском языке имеет большую социально-возрастную дифференциацию, чем мужчины. Так, в обозначении девушки применяются описательные слова, в которых закладываются значения возраста, социального статуса, репродуктивные функции. В начале совершеннолетия девушку называют *үскән кыз* 'подростая девушка', в пике совершенно-

летия — *еткән кыз* 'созревшая девушка' и *кейәүгә бирерлек кыз* 'девушка на выданье'. В конце совершеннолетия, если девушка не выходила замуж, ее относили к категориям *карт кыз* 'старая дева', *ултырган кыз* 'засидевшаяся девушка'. После заключения брака для обозначения зрелости использовалось слово *катын* 'женщина, жена', а категория «старость», подразумевавшая неспособность женщины рожать, обозначалась словами *әбей* и *карсык* [Фатыхова 2001: 347–351].

У мужского пола нет такой детальной возрастной дифференциации в языке, связанной с периодом полового созревания и женитьбой. В малом возрасте они обозначаются лексемой *малай* 'мальчик', в подростковом возрасте — *үсмер* 'подросток', *үсмер малай* 'мальчик-подросток', в юном и молодом возрасте — *егет* 'юноша, молодой человек'. Женатый мужчина — *ир*, *кейәү*.

Для сравнения мы приводим более подробное возрастное деление мужского и женского пола в башкирском языке.

1. Лексические единицы, репрезентирующие женский пол по возрасту:

– младший возраст: *кыз* 'девочка', *кыз бала* 'девочка'.

– девичество или юный возраст, т. е. период до замужества, а также состояние девушки, не вступавшей в брачные отношения: *кыз* 'девушка', *йәш кыз* 'юная девушка', *үсмер кыз* 'подросток', *еткән (етек) кыз* 'взрослая (совершеннолетняя) девушка', *кейәүгә бирерлек кыз* 'девушка на выданье', *карт кыз* 'старая дева', *ултырган кыз* 'засидевшаяся девушка, старая дева'.

– молодой возраст, связанный с замужеством и репродуктивной функцией: *кәләш* 'молодая жена', *йәш катын* 'молодая женщина, жена', *катын* 'женщина, жена';

– пожилой возраст, когда репродуктивный возраст окончен: *оло катын* 'старая женщина'; *әбей*, *карсык* 'старуха'.

В детальной периодизации возраста девушки (*кыз*) отразилось особое отношение народа к периоду ее созревания и вступления в брак, так как с ее основной жизненной функцией — ролью жены и матери — связано будущее народа. Значимость именно юного (репродуктивного) возраста девушки фиксируется и в паремиологических единицах: *һуқыр булһа ла*, *кыз якшы* 'хоть и сле-

пая, но лучше девушка (чем женщина)’, *йәш кыз алыу йәшәртә* ‘молодая жена молодит (своего мужа)’, *катын алмак — кыз алмак* ‘если жениться, то на молодой девушке’ [БНТ 1980] и др.

2. Лексические единицы, обозначающие мужской пол по возрасту:

– младший возраст: *ир бала, малай* ‘мальчик’;

– юный и молодой возраст: *үсмер, йәш үсмер* ‘подросток’, *егет, йәш егет* ‘юноша, молодой парень’;

– молодой возраст, связанный с женитьбой: *кейәү* ‘жених; зять; молодой муж в первые годы брака’, *ир* ‘мужчина, муж’, *йәш ир* ‘молодой мужчина, молодой муж’;

– пожилой возраст: *оло ир* ‘пожилой мужчина’, *бабай, карт* ‘старик’.

Интересно отметить то, что младенческий возраст ребенка не имеет половой дифференциации в башкирском языке: *сабый* ‘младенец, дитя’, *бәпәй / бәпес* ‘ребёнок, дитя; малыш’, *бала* ‘ребенок, дитя’, *тәнәй* ‘малютка, младенец’, *нараси* ‘уст. книжн. ребёнок, младенец’. Данное явление характерно и для русского языка: *малыш, малютка, младенец, дитя, ребенок*.

Антропонимы

Исследование башкирских антропонимов проводилось многими башкирскими лингвистами, которые отмечали различия в семантике, структуре и компонентах женских и мужских имен [Кусимова, Биккулова 2000; Сулейманова 2006; Раемгужина 2009; и др.]

Антропонимика как отдельный раздел ономастики нацелена на определение специфики функционирования имен в человеческой речи, где гендерные различия проявляются, прежде всего, в разграничении антропонимических единиц по признаку *masculine* (англ. ‘мужской’) и *feminine* (англ. ‘женский’) [Сысоева, Чечина 2017: 68].

Особенностью антропонимии является то, что, в отличие от других лексико-семантических групп, в антропонимах наблюдается классификация по родовым (половым) признакам. Для личных имен существует номенклатура мужских и женских имен [Ягафарова 2009: 196].

Мужские и женские имена в башкирском языке разграничиваются как по семантике, так и структуре (морфологии).

В этимологии башкирских женских имен представлены в основном значения красоты, нежности, хрупкости, изящества и т. д. В большинстве случаев в их основе лежат названия цветов. В качестве компонентов чаще выступают апеллятивы *сибәр, гүзәл, һылыу* ‘красивая’, названия небесных тел: *ай* ‘луна’, *кояш, көн* ‘солнце’ и т. д. Примеры: *Айгөл, Азалия, Вәсилә, Вилиә, Гөлзифа, Гөлсибәр, Гөлсинә, Гөлсәм, Гөлнара, Гүзәл, Гәлсәр, Лилиә, Ләйсән, Нәфисә, Фатима, Фаягөл* и т. д.

В основе мужских имен лежат понятия силы, храбрости, выносливости и т. д., что связано со стереотипным мышлением народа, которое выделяет в мужчинах физическую и духовную силу, свободолюбие, материальное благосостояние и т. п. Поэтому в мужских именах присутствуют такие компоненты, как *тимер* ‘железо’, *булат* ‘булат’, *бай* ‘богатый’: *Айбулат, Айгизәр, Азат, Азамат, Байбулат, Батыр, Баязит, Биктимер, Сынтимер, Тимербулат* и т. д. Особым компонентом мужских антропонимов являются термины власти *хан* ‘хан’, *солтан* ‘султан’: *Нурсолтан, Тимерхан, Хантимер, Солтанбай* и т. д. «Раньше, имена с компонентами *хан, султан* давались потомкам знатных людей. Однако позже они все перемешались и потеряли статус социальности» [Сулейманова 2006: 27].

Основные гендерные различия антропонимов в башкирском языке выражаются фонетически: мужские имена оканчиваются в основном на согласные, а женские — на гласные звуки *-а, -ә* или компонент *-иә* (в орфоэпии *-ийә*). Ср.: м. — *Айзар, Айнур, Булат, Илгиз, Кәрим, Морат, Марат*; ж. — *Альфира, Миңзифа, Эльвира, Зилә, Әлиә, Лилиә, Вилиә, Зөлфиә* и т. д. Однако существуют исключения, когда мужские имена заканчиваются на гласный, а женские — на согласный звук, например: (м.) *Абдулла, Файса, Кинйә, Әхмәзулла, Сәғизулла* — (ж.) *Айһылыу, Гөлдәр, Гөлназ, Гөлийемеш, Гөлсирен, Дилбәр, Зөбәржәт* и др.

Аналогичное явление характерно и для русского языка: полные формы мужских имен оканчиваются на согласный, а женские — на *-а, -ия*: *Андрей, Егор, Виктор, Федор, Иван* — *Александра, Мария, Анастасия, Людмила* и т. д.

В башкирском языке существуют так называемые «парные имена», когда жен-

ская форма имени образуется от мужского с помощью окончания *-а* или *-ә*: *Айгиз — Айгизә, Наил — Наилә, Рәсим — Рәсимә, Камил — Камилә, Илнар — Илнара, Илгиз — Илгизә, Сәлим — Сәлимә, Сабир — Сабира, Флорид — Флорида, Фәтих — Фәтихә* и т. д.

Парные имена употребляются и в русском языке: *Александр — Александра, Евгений — Евгения, Валерий — Валерия, Виктор — Виктория, Валентин — Валентина* и др. [Петровский 2017].

В башкирском языке в порядке исключения функционируют также гендерно не маркированные антропонимы, которые являются общими для женского и мужского пола: *Айназ, Алтынай, Аҡйондоз, Баян, Сулпан, Фирзәүес*. Что примечательно, эти имена имеют форму «маскулинности», так как оканчиваются на согласный и выступают в твердоярдной форме (кроме *Фирзәүес*). В русском языке такую унифицирующую функцию выполняют краткие формы некоторых имен: *Александр, Александра — Саша, Шура; Евгений, Евгения — Женя; Валентин, Валентина, Валерий, Валерия — Валя; Николай, Никита, Вероника, Моника — Ника* и др. [Петровский 2017: 11]. Со-кращенные имена в русском языке имеют признак «феминности»: оканчиваются на гласные.

В статистическом плане проявляется тенденция к *андроцентричности* антропонимов, поскольку мужских имен больше, чем женских как в башкирском, так и в русском языках. Например, в словаре «Башкирские имена» Т. Х. Кусимовой и С. А. Биккуловой [Кусимова, Биккулова 2000] насчитывается 3 000 мужских и 1 000 женских имен, в «Башкирско-русском словаре-справочнике личных имен и фамилий» Р. А. Сулеймановой [Сулейманова 2013] представлено около 3 600 мужских и 1 200 женских имен.

В русском языке мужские имена в количественном плане также преобладают: в «Справочнике личных имен народов РСФСР» [Справочник 1987] насчитываются 316 мужских и 180 — женских, в «Словаре русских личных имен» А. В. Суперанской [Суперанская 1998] — около 2 500 мужских и 1 500 женских имен.

Заключение

Исследование гендерно обусловленной лексики в башкирском языке позволило сделать следующие выводы:

1) в башкирском языке, как и в других тюркских языках, имена существительные не имеют категории грамматического рода, следовательно, в языке отсутствуют и грамматические признаки, выражающие данную категорию. Семантика пола передается в лексическом значении слова;

2) в башкирском языке существуют отдельные средства выражения пола (гендера), основными из которых являются лексико-семантический (гендерно маркированные лексемы) и аналитический (с помощью слов-определителей, содержащих семантику гендера) способы. Также для башкирского языка характерен деривационный (аффиксальный) путь образования лиц женского пола от наименований мужских форм в некоторых группах лексем;

3) семантика мужского и женского пола в башкирском языке раскрывается в таких лексико-семантических группах, как термины родства, семейные отношения, наименования профессий, антропонимы;

4) названия профессий в башкирском языке не имеют половой дифференциации, кроме арабских заимствований. Чтобы выделить половую принадлежность лица по профессиональной деятельности употребляются гендерно маркированные лексемы (аналитический способ). В башкирском языке так же, как и в русском языке, количество названий мужских профессий больше женских;

5) в башкирском языке различаются социально-возрастные дифференциации мужского и женского пола: для женского пола характерна более детальная конкретизация по возрасту, связанная с культурными стереотипами;

6) гендерно обусловленной группой лексем являются также антропонимы. Женские и мужские имена имеют свои семантические, словообразовательные и фонетические особенности. Антропонимы в башкирском языке имеют явные признаки «маскулинности» и «феминности»: мужские имена чаще оканчиваются на согласный звук, а женские — на гласный. Существуют также гендерно нейтральные

имена (хотя они имеют явный признак маскулинности — оканчиваются на согласный звук). В башкирской антропонимии количество мужских имен превышает женские;

Литература

- АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Т. 1. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- Беляева 2002 — *Беляева А. Ю.* Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 177 с.
- БНТ 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1980. 472 с. (На башк.)
- Богословский 1913 — *Богословский С. М.* Система профессиональной классификации. М.: Моск. губ. земство, 1913. 747 с.
- Бондарко 1976 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
- Брагина 1981 — *Брагина А. А.* Наблюдения над категорией рода в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 68–78.
- БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / отв. ред. З. Г. Ураксин. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 884 с.
- Бускунбаева 2019 — *Бускунбаева Л. А.* Отражение гендерных стереотипов в башкирских пословицах и поговорках // 2. Uluslararasi Nevruz Zirvesi: докл. межд. симпозиума (г. Анталия, 20–23 марта 2019 г.). Antalya: Iksad Yayinevi, 2019. С. 75–78. (На башк.)
- Васильева 1971 — *Васильева Л. И.* Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 28 с.
- Васильева 2013 — *Васильева И. Б.* К вопросу о соотношенности биологического пола, грамматического рода и гендера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 39–44.
- Воронцова 1982 — *Воронцова В. Л.* Наименования лиц по профессии // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 254–271.
- Гришина 1996 — *Гришина Н. А.* Категориальный признак рода в языковой семантике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1996. 16 с.
- 7) лингвистический анализ вышеназванных тематических групп лексем в башкирском языке показал значительную асимметрию в пользу мужского пола, что говорит об андроцентричности языка.
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. А. А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Закупра 1973 — *Закупра Ж. А.* Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI вв. (строительное дело и ремесло): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973. 28 с.
- Кирилина 1999 — *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
- Кирилина, Томская 2005 — *Кирилина А. В., Томская М. В.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 112–132.
- Крылов 2010 — *Крылов С. А.* Категория рода в семантическом аспекте // Труды ИЛИ РАН. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 341–357.
- Кусимова, Биккулова 2000 — *Кусимова Т. Х., Биккулова С. А.* Башкирские имена. Уфа: Китап, 2000. 176 с. (На башк.)
- Моисеев 1967 — *Моисеев А. И.* Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований) // Вестник Ленинградского государственного университета. 1967. С. 138–139.
- Петровский 2017 — *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. (6-е изд.). М.: Русские словари, Астрель, 2000. 480 с.
- Раемгужина 2009 — *Раемгужина З. М.* Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: дис. ... д-ра фил. наук. Уфа, 2009. 300 с.
- Словарь гендерных терминов 2002 — Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Справочник 1987 — Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. М.: Русский язык, 1987. 656 с.
- Сулейманова 2006 — *Сулейманова Р. А.* Антропонимы в современном башкирском языке и тенденции их развития. Уфа: Гилем, 2006. 161 с. (На башк.)
- Сулейманова 2013 — *Сулейманова Р. А.* Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 364 с.

- Суперанская 1998 — *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М.; Назрань: АСТ, 1998. 521 с.
- Сысоева, Чечина 2017 — *Сысоева Е. С., Чечина И. В.* Особенности репрезентации гендера в ономастических исследованиях // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. Т. 13. Вып. 3 (37). С. 64–73.
- Фатыхова 2001 — *Фатыхова Ф. Ф.* Гендерный аспект возрастных категорий в башкирском языке // *Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: докл. Первой межд. конф. (г. Москва, 26–25 ноября 1999 г.)*. М.: МГЛУ, 2001. С. 347–351.
- Хакимьянова 2015 — *Хакимьянова А. М.* Гендерное исследование концептов «мужчина» и «женщина» в башкирских народных лирических песнях // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6–2 (48). С. 180–184.
- Ягафарова 2009 — *Ягафарова Г. Н.* Гендерные особенности башкирских антропонимов // *Чувашская ономастика: проблемы и перспективы*. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 196–200.
- Яковлева 2009 — *Яковлева А. В.* Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: семантические особенности и пути формирования: дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2009. 238 с.
- References**
- Belyaeva A. Yu. Men and Women. Essentials of Speech Behavior: A Case Study of Spoken Russian. Cand. Sc. (philology) thesis. Saratov, 2002. 177 p. (In Russ.)
- Bogoslovsky S. M. Professional Classification System. Moscow: Moscow Governorate Zemstvo, 1913. 747 p. (In Russ.)
- Bondarko A. V. Theory of Morphological Categories. Leningrad: Nauka, 1976. 255 p. (In Russ.)
- Bragina A. A. Russian language: observing the category of gender. *Voprosy Jazykoznanija*. 1981. No. 5. Pp. 68–78. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A. Gender stereotypes in Bashkir proverbs and sayings revisited. In: *Uluslararası Nevruz Zirvesi. Symposium Proceedings (Antalya; March 20–23, 2019)*. Antalya: Iksad Yayınevi, 2019. Pp. 75–78. (In Bash.)
- Denisova A. A. (ed.) Dictionary of Gender Terms. Moscow: Informatsiya XXI Vek, 2002. 256 p. (In Russ.)
- Fatykhova F. F. Gender aspect of age categories in the Bashkir language. In: *Gender: Language, Culture, Communication. Conference Proceedings (Moscow; November 26–25, 1999)*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2001. Pp. 347–351. (In Eng.)
- Grishina N. A. Category Feature of Gender in Language Semantics. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Voronezh, 1996. 16 p. (In Russ.)
- Khakimyanova A. M. Gender research of the concepts ‘man’ and ‘woman’ in the Bashkir folk lyrical songs. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2015. No. 6–2 (48). Pp. 180–184. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. Vol. I. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash.)
- Kirilina A. V. Gender: Linguistic Aspects. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 1999. 189 p. (In Russ.)
- Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Linguistic gender studies. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 2 (23). Pp. 112–132. (In Russ.)
- Krylov S. A. Category of gender in the semantic perspective. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. VI. No. 2. Pp. 341–357. (In Russ.)
- Kusimova T. Kh., Bikkulova S. A. Bashkir Names. Ufa: Kitap, 2000. 176 p. (In Bash.)
- Moiseev A. I. Naming individuals by profession: semantic essentials. *Vestnik LGU*. 1967. Pp. 138–139. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folk Culture. Proverbs and Sayings. Ufa: Bashkir Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash.)
- Petrovsky N. A. Dictionary of Russian Personal Names. 6th ed. Moscow: Russkie Slovarei, Astrel, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Raemguzhina Z. M. Bashkir Anthroponymicon: A Perspective from the Linguistic World-Image. Dr.Sc. (philology) thesis. Ufa, 2009. 300 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. A. Bashkir-Russian Reference Dictionary of Personal Names. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2013. 364 p. (In Bash. and Russ.)
- Suleymanova R. A. Modern Bashkir Anthroponyms and Their Development Trends. Ufa: Gilem, 2006. (In Bash.)
- Superanskaya A. V., Gusev Yu. M. (ed.) Peoples of the RSFSR: A Reference Book of Personal

- Names. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 656 p. (In Russ.)
- Superanskaya A. V. Reference Book of Russian Personal Names. Moscow; Nazran: AST, 1998. 521 p. (In Russ.)
- Sysoeva E. S., Chechina I. V. Peculiarities of gender representation in onomastics studies. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. Vol. 13. No. 3 (37). Pp. 64–73. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. (ed.) Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: Digora, Russkiy Yazyk, 1996. 884 p. (In Bash. and Russ.)
- Vasilieva I. B. On question of relatedness of biological sex, grammatical gender and gender. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice (Philology. Theory & Practice)*. 2013. No. 10. Pp. 39–44. (In Russ.)
- Vasilieva L. I. Denoting Individuals by Profession: Suffixal Word Formation in Russian and Ukrainian Languages. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1971. 28 p. (In Russ.)
- Vorontsova V. L. Denoting individuals by profession. In: Shmelev D. N. et al. Naming Means in Modern Russian. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 254–271. (In Russ.)
- Yagafarova G. N. Gender peculiarities of Bashkir anthroponyms. In: Petrov L. P. (ed., comp.) Chuvash Onomastics: Problems and Perspectives. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2009. Pp. 196–200. (In Russ.)
- Yakovleva A. V. Denoting Individuals by Profession in Modern Russian: Semantic Essentials and Formation Paradigms. Cand. Sc. (philology) thesis. Yaroslavl, 2009. 238 p. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. (ed.) Grammar of the Modern Bashkir Literary Language. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Zakupra Zh. A. Naming Individuals by Profession: A Case Study of 14th-16th Century Russian Written Monuments. Construction and Related Crafts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kiev, 1973. 28 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 779-789, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-789
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.2:821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-789

Мотив «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосах монгольских народов

Евдокия Эрендженевна Хабунова¹, Людмила Санжибоевна Дампилова², Алимаа Аюушжавийин³

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

³ Институт языка и литературы, Академия наук Монголии (д. 68, ул. Жукова, 13330 Улан-Батор, Монголия)

доктор наук (Ph. D), заведующая отделом фольклора

 0000-0002-3533-2000. E-mail: alimaa_mgl@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., А. Алимаа, 2020

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования заключается в том, что в статье исследуется вариативное разнообразие мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)» как один из важных сегментов эпического сюжета, на основе сравнительного анализа ядерной основы мотива и его вариативного списка формируется структурно-содержательная модель мотива-инварианта эпоса монгольских народов, содержащего описание воинских коллизий. В таком аспекте данная проблема рассматривается впервые. *Цель исследования* — определить вариативное разнообразие мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)» в национальных эпосах бурят, калмыков, монголов, ойратов. *Материалы.* Вариативный ряд извлекается из эпосов монгольских народов: бурятские улигеры «Абай Гэсэр» (унгинский вариант П. Петрова), «Абай Гэсэр-хүбүүн» (эхирит-булагатский вариант М. Эмегенова), малодербетовский цикл и эпический цикл Ээлян Овла калмыцкого эпоса «Джангар», синьцзян-ойратская версия эпоса «Джангар», ойрат-монгольские туули «Дайни Кюрюль», «Хан Харангуй», халхаский тууль «Агийин Улан хаан». *Методы исследования.* Для выявления типологии и вариативных разнотчений данного мотива в исследовании применяются элементы сравнительно-типологического, сравнительно-исторического методов. Мотивная модель «богатырский поединок (сражение)» рассматривается как элемент, который гипотетически может быть самым важным рычагом механизма сложения сюжета, эволюциони-

руя от мотива — «простейшей повествовательной единицы» до сюжета и, наоборот, свертываясь от сюжета до мотива. При выделении мотива учитывается его дуалистическая природа, многообразие его свойств и признаков, отмеченных российскими и зарубежными учеными. *Результаты.* Сравнительное изучение мотива «богатырский поединок (сражение)» позволило выделить мотив как существенный конструктивный и содержательный элемент сюжета, увидеть степень продуктивности и мобильности мотива в генетически родственных, стадийно различных эпосах, а также в эпосах различных сказительских традиций, рассмотреть набор ситуаций, характерных для сюжета о богатырском противостоянии в эпосе монгольских народов. *Выводы.* Исследование подводит к выводу, что мотивы-инварианты формируют сюжетную основу, а мотивы-варианты передают особенности (стадийные, национальные, локальные) эпической традиции.

Ключевые слова: эпос, мотив, богатырский поединок, сражение, мотив-инвариант, вариант мотива, структурно-содержательная модель, монгольские народы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта «18-512-94006 МОКНМ_а».

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., А. Алимая. Мотив «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосах монгольских народов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 779–789. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-789

UDC 398.2:821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-789

The Motif of Heroic Duel (Combat) and Its Variation Row in Mongolic Epic Traditions

*Evdokia E. Khabunova*¹, *Ludmila S. Dampilova*², *Alimaa Ayuushzhaviyin*³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

³ Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (68, Zhukov St., Ulaanbaatar 13330, Mongolia)

PhD (Cultural Studies), Head of Folklore Department

 0000-0002-3533-2000. E-mail: alimaa_mgl@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2020

© Khabunova Ye. E., Dampilova L. S., A. Alimaa, 2020

Abstract. *Introduction.* The article examines the motif of heroic duel (combat) as an important segment of the epic plot, and our comparative analysis of the nuclear basis of the motif and its variation list proves instrumental in delineating a structural-meaningful model motif invariant inherent to the epic of Mongolic peoples and depicting military conflicts. The issue has never been dealt with in this perspective. *Goals.* The work seeks to determine a variation row of the invariant motif in national epic traditions of Buryats, Kalmyks, Mongols, and Oirats. *Materials.* The variation row to be extracted from Mongolic epic narratives, namely: Buryat uligers of *Abai Geser* (Ungin version of P. Petrov) and *Abai Geser Khubun* (Ekhirit-Bulagat version of M. Emegenov), Baga Dorbet and Eelyan Ovla's cycles of the Kalmyk *Epic of Jangar*, Xinjiang Oirat version of the *Jangar*, Oirat Mongolian tuuli texts titled *Daini Kyurel* and *Khan Kharangui*, and a Khalkha tuuli titled *Agiyin Ulan Khan*. *Methods.*

To identify the typology and variable interpretations of the motif, the study uses elements of the comparative-typological and comparative-historical methods. The ‘heroic duel (combat)’ motif model is viewed as an element that hypothetically can act as the most important lever within the plot development mechanism, e.g., evolving from a motif — a ‘simplest narrative unit’ — to a plot, and vice versa. When it comes to identify the motif, its dualistic nature, variety of its properties and features noted by Russian and foreign scientists are taken into account. *Results.* The comparative insight into the motif of heroic duel (combat) makes it possible to single out the motif as an essential constructive and meaningful element of the plot, examine the degree of productivity and mobility of the motif in genetically related though stadially differing epics, as well as in ones belonging to various taletelling traditions, observe heroic confrontation patterns in epics of Mongolic peoples. *Conclusions.* The study concludes that motif invariants tend to form a plot basis, while motif variants express certain features (stadial, national, local) of each epic tradition.

Key words: epic, motif, heroic duel, battle, motif invariant, motif variant, structural-meaningful model, Mongolic peoples

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project no. 18-512-94006 МОКНМ_a ‘The Epic of Mongolic Peoples: An Annotated Catalogue of Traditional Motifs’.

For citation: Khabunova E. E., Dampilova L. S., A. Alimaa. The Motif of Heroic Duel (Combat) and Its Variation Row in Mongolic Epic Traditions. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 779–789. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-789

Введение

Описание боевых сражений и воинских доблестей представляет собой ключевой сегмент сюжета как героического эпоса монгольских народов, так и целого ряда мировых эпических традиций. Военные коллизии в эпосах изображаются по-разному как в содержательном плане, так и в структурном, текстовом воплощении, что находит отражение на мотивном уровне. Вполне возможно, что этот элемент является самым важным рычагом механизма сложения сюжета, эволюционируя от мотива — «простейшей повествовательной единицы» [Веселовский 1940: 500] до сюжета и, наоборот, свертываясь от сюжета до мотива.

Эпос монгольских народов — явление разностадиальное, это подтверждают образцы эпических повествований бурят, монголов, калмыков, синьцзянских ойратов, демонстрирующих различные варианты эволюционного развития устной эпической традиции и на уровне мотива. В этом контексте представляется актуальным выявление и сравнительное изучение вариативного разнообразия одного мотива — в данном случае мотива «богатырский поединок (сражение)», который в национальных эпосах монгольских народов находит разную структурно-содержательную манифестацию.

На основе анализа ряда эпосов о воинских коллизиях — бурятских улигерах «Абай Гэсэр» (унгинский вариант П. Петрова) [Абай Гэсэр 1960], «Абай Гэсэр-хүбүүн» (эхирит-булагатский вариант М. Эмегенова) [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961], малодербетовского цикла и эпического цикла Ээлян Овла калмыцкого эпоса «Джангар» [Джангар 1999; Джангар 1990], синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» [Джангар 2005], ойрат-монгольских туули «Дайни Кюрюль» [Дань хүрэл тууль 1986], «Хан Харангуй» [Хан Харангуйн тууль 2016], халхаского туули «Агийн Улан хаан» [Агийн Улаан хаан 1991]) — моделируется вариативный перечень мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)». В таком аспекте данная проблема рассматривается впервые.

Методы исследования

Оперируя понятием «мотив», прежде всего, мы берем во внимание его дуалистическую природу, выраженную через его структурно-содержательную самостоятельность. Учитывается также его «связь с событием», привязанность к формульным образованиям, к опорным словам, к предикату [Веселовский 1940; Пропп 2001; Дандес 2003; Мелетинский 1963; Неклюдов 1996; Путилов 1975; Силантьев 2002; Гацак 2000; и др.]. Такой подход, учитывающий

многообразии свойств и признаков мотива, позволяет выделить мотив как существенный конструктивный и содержательный элемент сюжета в эпосах различной стадийной формации, разных традиций (национальной, региональной, сказительской). Для выявления типологии и вариативных различий эпического мотива «богатырский поединок (сражение)», в исследовании применяются элементы сравнительно-типологического, сравнительно-исторического, структурного методов анализа [Пропп 2001; Путилов 1976; Мелетинский 1974; и др.].

Цель исследования — изучить мотив как существенный конструктивный и содержательный элемент эпического сюжета, определить характер вариативности мотива в генетически родственных, стадийно различных эпосах монгольских народов; определить структурно-содержательную модель мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)» на основе анализа его вариативных манифестаций в эпосах бурят, калмыков, ойрат-монголов, халха-монголов и синьцзянских ойратов.

Мотив-инвариант «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосе монгольских народов

Мотивы, характерные для общемонгольской эпической традиции, для героического эпоса в целом рассмотрены как мотивы-инварианты. В исследовании показано, как они моделируют основную канву сюжета эпических повествований: бурятских улигеров «Абай Гэсэр» (унгинский вариант П. Петрова) [Абай Гэсэр 1960], «Абай Гэсэр-хүбүүн» (эхирит-булагатский вариант М. Эмегенова) [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961], малодербетовского цикла и эпического цикла Ээлян Овла калмыцкого эпоса «Джангар» [Джангар 1999; Джангар 1990], синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» [Джангар 2005], ойрат-монгольских туули «Дайни Кюрюль» [Дань хүрэл тууль 1986], «Хан Харангуй» [Хан Харангуйн тууль 2016], халхаского туули «Агийин Улан хаан» [Агийин Улаан хаан 1991]).

Являясь «целостной» и относительно самостоятельной единицей сюжета, мотив обладает способностью к трансформации и перекодировке, что обеспечивает его вариативность. Отслеживание этих изменений

в виде мотивов-вариантов может быть полезным для поиска и обнаружения инвариантного начала эпоса монгольских народов. Через призму мотивов-вариантов исследован набор ситуаций, характерных эпическому сюжету о богатырском поединке и сражении.

Варианты мотива «богатырский поединок (сражение)» в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

В качестве отправного образца выбрана структура мотива «богатырский поединок (сражение)» главы «О Победе Алого Шовшура Славного над свирепым Шаром Гюргем, мангасовым ханом» калмыцкой версии героического эпоса «Джангар» [Джангар 1999], запечатлевшей древний пласт архаического эпоса, передающей картину эпических коллизий эпоса классической формации и во многом сохранившей «исконные, джунгарские черты, «несмотря на адаптацию в новой среде» [Кичиков 1997: 167].

Мотив-инвариант «поединок (сражение) богатыря (героя) с антагонистом, с врагами». Мотивы-варианты:

1. Сражался семь дней, отсекая головы врагов 50 полков, раз за разом выпуская стрелы [Джангар 1999: 180];
2. Сражался ещё три недели, отсекая головы врагов 80 полков, раз за разом выпуская стрелы [Джангар 1999: 180];
3. У богатыря возбудились семьсот тысяч отваг [Джангар 1999: 186];
4. Богатырь рубил самым длинным булатом сайдов и обычных, рубил лучников [Джангар 1999: 186];
5. Богатырь колет и нанизывает врагов на копье до упора и затем его выдергивает [Джангар 1999: 210];
6. Богатырь срубил 82 бархатных стяга врагов и отбросил назад [Джангар 1999: 186];
7. Богатырь разломал 82 бархатных знамени врагов, 42 их знамени разломал, 44 границы нарушил [Джангар 1999: 210];
8. Богатырь нанес мечом 61 удар по шишаку противника [Джангар 1999: 186];
9. Богатырю вонзились в ребра 8 тысяч крюков с одного бока и 6 тысяч — с другого бока, на темя обрушилось 6 тысяч острых мечей, в низ живота вонзилось 72 острия [Джангар 1999: 186];
10. Богатырь зашатался от 8 тысяч смертельных ран, светлый ум затуманился [Джангар 1999: 186];

11. Богатырь схватил противника мертвой хваткой, к небесам подбросил и на лету разрубил [Джангар 1999: 240];

12. Богатырь закрепил аркан из человеческих жил и с кличем «ура!» кинулся на врага [Джангар 1999: 240];

13. Богатыри рубились, утоляя жажду обильной черной кровью, свою белую кожу превратив в кольчугу-панцирь [Джангар 1999: 210];

14. Противник приковал богатыря к железной арбе стальной цепью толщиной в туловище человека и бросил восьми тысячам бесов [Джангар 1999: 186];

15. Восемь тысяч бесов ежедневно восемь тысяч раз пронзали богатыря каленым железом [Джангар 1999: 186, 220];

16. Богатырь разрубил бесовку надвое, нижняя ее часть вниз ушла, верхняя часть вверх поднялась [Джангар 1999: 186, 226];

17. Богатырь противнику справа пощечину вlepил, правая щека его вздулась, слева пощечину вlepил, левая щека пнем вздулась [Джангар 1999: 186, 230];

18. Богатырь нанес 72 удара своей тонкой белой голенью по его бокам, бросил на песок животом вниз, протащил и придавил, ударил мечом [Джангар 1999: 186; 230];

19. Богатыря уволокли вниз в жуткую багровую пропасть, бросили в седьмую преисподнюю свирепого красного моря на 72 года, подвергали каждый миг мукам дюжины адов [Джангар 1999: 186];

20. Богатырь мертвой хваткой схватил противника за щелочковый кушак, обрушил на землю с болтающимися сверху ногами, бил, пока скала в щебень не превратилась [Джангар 1999: 214];

21. Богатырь бил противника так, что четыре моря всколыхнулись, светлый ум затуманился, сандаловая голова закружилась [Джангар 1999: 214];

22. Богатырь бил, пока противник не растянулся до ста восьми сажений [Джангар 1999: 214];

23. Богатырь бросил противника на землю вниз животом, голову его вогнал в землю на семь локтей [Джангар 1999: 216];

24. Богатырь схватил, кинул перед собой двадцать миллионов раз, позади себя 10 миллионов раз кинул, прокатил лбом по земле четыре тысячи раз [Джангар 1999: 216];

25. Богатырь связал ступни раскоряченных ног противника на его спине, на уступ скалы положил [Джангар 1999: 216];

26. Богатырь схватил врага за запястье, ударил о землю миллион раз перед собой, ударил 100 тысяч раз, кинул, протащил его холмоподобным белым лбом по земле 4 тысячи раз [Джангар 1999: 230];

27. Богатырь вспорол ножом левый и правый бока бесенка, сердце с предсердьем разорвал [Джангар 1999: 230];

Приведенный перечень демонстрирует достаточно широкий диапазон вариативности мотива-инварианта «богатырское сражение». Его присутствие в эпическом сюжете эпоса «Джангар» (Малодербетовский список, 1864 г.) [Джангар 1999] обеспечило возникновение 27 вариантов, которые в разной вербальной сочетаемости появляются и в других нарративах. Это подтверждает закономерность их определения как мотивов-вариантов, обеспечивающих подвижность и продуктивность мотива-инварианта. Мотив-инвариант может быть более или менее разнообразен, но он всегда присутствует в сюжете, и его вариативность делает сюжет неповторимым, отличным от других.

Так, в главе калмыцкой версии «Джангара» из репертуара сказителя Ээлян Овла «О победе Алого Хонгора над Мангна-ханом и подчинение его Джангару» (1908 г.) поединок двух богатырей проиллюстрирован девятью вариантами мотива.

1. Богатырь ударил противника сзади бердышем так, что 72 застежки разлетелись и острое бердыша вонзилось в мышцы [Джангар 1990: 72];

2. Богатырь ударил врага, придавил к луке седла, крепко связал и швырнул на вершину горы [Джангар 1990: 72];

3. Богатырь связал и бросил на вершину горы 42 вражеских богатыря за три месяца [Джангар 1990: 73];

4. Богатырь ударил противника по лбу бердышем так, что искры посыпались, что от лезвия отломился кусок [Джангар 1990: 74];

5. Богатырь выстрелил вслед из лука величиной с дверной косяк, стрела вонзилась в аорту противника [Джангар 1990: 74];

6. Богатырь ударил бердышем так, что огонь взметнулся в небо, и 12 лезвий разлетелись на куски [Джангар 1990: 75];

7. Богатырь ударил врага бердышем по шейным позвонкам, раздробил врагу лопатки [Джангар 1990: 75];

8. Богатырь поднял врага на золоченое желто-пестрое копьё, он дернулся, и копьё разломалось на 12 частей [Джангар 1990: 76];

9. Богатырь закричал так, что земля содрогнулась, лопнул желчный пузырь у барса, лежащего в степи [Джангар 1990: 76];

Мотивный ряд эпоса «Джангар» варианта Ээлян Овла (1908) показывает, что сказитель детально обрисовал лишь один вид богатырского поединка с применением трех разновидностей оружия: в ближнем бою используется бердыш, на расстоянии — стрела, на исходе — копьё.

В более раннем Малодербетовском цикле «Джангара» (1864) неизвестный джангарчи передал атмосферу длительного и многоэтапного противостояния богатыря разным противникам (полчища врагов, богатыри, сайды, лучники хана-антагониста, бесовка, бесенок) [Джангар 1999: 166–244].

Изображение поединка отличается детализацией всех условий сражения: продолжительность битвы, количество и статус противника, физическое и моральное состояние сражающихся, виды оружия, способы и результат его применения (подбросил вверх) и разрубил на лету; жажду утоляя кровью, пока кожа не превратилась в кольчугу, бил, пока скалы не превратились в щебень (мелкие камни); бил, пока враг не растянулся в 108 сажений; ударил миллион раз перед собой, сто тысяч раз кинул, четыре тысячи раз по земле протаскил лицом вниз; вспорол бока, вынул и разорвал сердце и т. д.).

Такая конкретизация самого процесса поединка и физической расправы богатыря с врагом передает в большей степени стремление богатыря искоренить зло в лице противника, нежели демонстрацию его воинской доблести, как в эпосе более поздней фиксации.

Мотив «богатырский поединок (сражение)» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»

Выстраивание вариативной модели эпических мотивов высвечивает особенности как различных локальных (сказительских) традиций, так и национальных версий одного и того же эпического произведения. К

примеру, структурно-содержательная модель и тематическое разнообразие мотива «богатырское сражение» в главе «О том, как богатырь Алып Хонгор Львиноподобный покорил трех братьев-мангасов» синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» ограничено 13 вариантами, среди которых следует обратить внимание на мотивы, характерные для сказочной традиции: боевой конь подсказывает Хонгору: когда достигнем границ владений мангасов, налетят беркуты Харчин и Барчин; с двух сторон набросятся собаки Хасыр и Басыр; далее находится жена черного Мангаса с трехмесячным ребенком в утробе, если его не уничтожить, не сносить нам головы; в северной стороне владений Мангаса живут два богатыря: Кюнде Хара и Догшин Хара [Джангар 2005: 265]; богатырь Хонгор прибывает в страну Мангасов, уничтожает беркутов Харчин и Барчин из лука с расстояния видимости [Джангар 2005: 267–268]; богатырь Хонгор своей граненой черной плетью разбивает лбы собакам Хасыр и Басыр так, что глаза повывлетали из глазниц, а туши их разбросал, сделав из них приманки для ловли зверей [Джангар 2005: 268]; богатырь Хонгор рассекает тело ханши Шигтин Улан, из чрева которой выпадает мальчик с тянувшейся за ним пуповиной [Джангар 2005: 269].

Мотивы-варианты, выявленные из эпического нарратива, позволяют увидеть одну из особенностей синьцзян-ойратской эпической традиции — пестроту персонажного состава противников богатыря: мангасы, собаки Хасыр и Басыр, жена мангаса, ребенок мангаса, беркуты.

Вариативная модель мотива «богатырский поединок (сражение)» в бурятских улигерах

Сопоставление различных моделей мотива «богатырский поединок (сражение)» позволяет определить характер варьирования одного мотива не только в разных эпических, локальных, но и сказительских традициях. Обратимся к анализу различных вариантов бурятского улигера «Абай Гэсэр» (унгинский вариант П. Петрова) и «Абай Гэсэр-хүбүүн» (эхирит-булагатский вариант М. Эмегенова).

Вариативный перечень унгинского варианта эпоса «Абай Гэсэр» сказителя П. Петрова демонстрирует достаточно высокую амплитуду варьирования мотива «богатырский поединок» (30):

1. Если взвалить на верблюда, они одинаковы, если бросить на коня — они равны [Абай Гэсэр 1960: 35–36];
  2. Когда поскакал Абай Гэсэр хан, то громко крикнул — крики восьмидесяти драконов соединил [Абай Гэсэр 1960: 80];
  3. Абай Гэсэр хан, не сворачивая, рысью влетел вместе с вещим гнедым конем в пасть чудовища [Абай Гэсэр 1960: 80];
  4. Абай Гэсэр хан взял свое острое черное копьё, которое в битве кровавой на тысячу сажений растягивается, Орголи — белого чудовища пасть поперек подперев, дальше вошел [Абай Гэсэр 1960: 80];
  5. Буйдэ Улан батор разрубил из подмышечных восемнадцати прожилок чудовища самую жизненную прожилку [Абай Гэсэр 1960: 80];
  6. Абай Гэсэр хан, взяв копьё, с тридцатью тремя баторами, на вещем гнедом коне на него скачет издалека, из двадцати семи голов змея самую жизненную голову насквозь протыкает [Абай Гэсэр 1960: 85];
  7. Громадный змей, развернув тридцать три хвоста, ударяет Абай Гэсэра [Абай Гэсэр 1960: 85];
  8. С каждым ударом огромный змей все больше слабеет [Абай Гэсэр 1960: 85];
  9. Лучиночная стрела в зрачок правого глаза Абарга Сэсэн мангадхая занозой воткнулась, исчезла [Абай Гэсэр 1960: 108];
  10. Одной стрелой тысячу воинов сразив, тысячу коней пригнал [Абай Гэсэр 1960: 119];
  11. Все девять сражались, девять стрел выпустили, девять тысяч воинов сразили, девять тысяч коней пригнали [Абай Гэсэр 1960: 121];
  12. Гал Дулмэ хан вскочил и желтым булатным кортиком перерубил Абай Гэсэр хана от правой ключицы до левой пятки — самое сердце пронзил [Абай Гэсэр 1960: 186];
  13. Абай Гэсэр хан, словно белый камень, звонко соединился, словно черный камень, крепко соединился [Абай Гэсэр 1960: 186];
  14. Желтым булатным кортиком перерубил Гал Дулмэ хана от правой ключицы до левой пятки — самое сердце пронзил [Абай Гэсэр 1960: 186];
  15. Гал Дулмэ хан, словно белый камень, звонко соединился, словно черный камень, крепко соединился [Абай Гэсэр 1960: 186];
  16. Из костей выросли горы, из крови ручьи потекли [Абай Гэсэр 1960: 187];
  17. Абай Гэсэр хан с Гал Дулмэ ханом снова схватились. Гал Дулмэ хан стал тянуть и тянуть — вот-вот под колени согнет [Абай Гэсэр 1960: 189];
  18. Желтый булатный кортик Абай Гэсэр хана, воинов Гал Дулмэ хана начисто истребив, в ножны вернулся [Абай Гэсэр 1960: 189];
  19. Тридцать три его батора в зеркально-стеклянной ограде закрыты [Абай Гэсэр 1960: 191];
  20. Стрела Заса Мэргэна вонзилась и скрылась в зрачке заглавного белого глаза из наспинных ста тысяч глаз Гал Дулмэ хана [Абай Гэсэр 1960: 192];
  21. Хангайскую черную стрелу приложил к тетиве славного желтого лука, стал натягивать свой лук до головки стрелы и пустил стрелу в семимесячного малыша [Абай Гэсэр 1960: 197];
  22. Мясо его со спины десятью пальцами раздирал, мясо его с груди острием оружия перерезал [Абай Гэсэр 1960: 238];
  24. Головы прострелили, тела разрубили, языки вырезали [Абай Гэсэр 1960: 238];
  25. Могучая (хангайская) черная стрела в дьявола с чугунным кнутом попала, но, не пробив, отскочила [Абай Гэсэр 1960: 250];
  26. Карающее черное копьё в дьявола с чугунным кнутом метнул. Карающее черное копьё, не пробив, соскользнуло [Абай Гэсэр 1960: 250];
  27. Дьявол с чугунным кнутом стал чугунным кнутом стегать [Абай Гэсэр 1960: 250];
  28. Абай Гэсэр хан его за обе руки поймал и схватил [Абай Гэсэр 1960: 250];
  29. Абай Гэсэр хан желтый булатный кортик берет и рубит, но дьявола с чугунным кнутом не может разрубить [Абай Гэсэр 1960: 250–251];
  30. Шерстобитным прутом Манзан Гурмэ бабушки стал бить и стегать [дьявола] [Абай Гэсэр 1960: 250–259].
- Составление реестра мотивов-вариантов «богатырский поединок (сражение)» улигера «Абай Гэсэр-хүбүүн» (эхирит-булагатский вариант М. Эмегенова) показало меньшее количество вариантов — их оказалось 11 [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961].
- Как и в случае с калмыцкой традицией «Джангара», модель мотива «богатырский

поединок (сражение)» и в этом случае высвечивает локальные (сказительские) различия одного и того же эпоса. В унгинском варианте бурятского улигера «Абай Гэсэр-хүбүүн» П. Петрова она передает накал, продолжительность поединка богатыря-воина с разного рода противниками (чудовище, дракон, змея, хан-антагонист) с использованием различных видов оружия (копье, стрела, кортик, кнут, шерстобитный прут). В эхирит-булагатском варианте этого же улигера сказитель М. Эмегенов посредством мотивов-вариантов показывает тонкости поединка богатырей-силачей, одного из трех видов мужских состязаний, изображаемых часто в сказочном фольклоре, в архаическом эпосе монгольских и других народов: сразимся мы мощью плеча? Иль сразимся мы силою пальцев больших, остротой наших стрел, быстротой коней? [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 156]; подобно изюбрям, друг друга подбрасывали, и, подобно быкам, они бились, бодеясь [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 57]; на месте, где бились, такая клубилась пыль, что как будто топтались, лягались стада [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 170]; подбирались друг к другу, и правой рукою, схватившись за шею, стали дергать друг друга [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 41]; со спины (мангадхая Гэсэр) всеми пальцами сильных (рук) вырывал его мясо, бросал, а зубами передними белыми мясо грудной стороны вырывал и бросал [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 57–58]; его кровь он бурливым ручьем проливал, его мясо громадным холмом громоздил [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 57–58]; из легких старшего (того) мангадхая, из голых подмышек тянул его белые бронхи [Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 1, 57–58].

Реализация мотива «богатырский поединок (сражение)» в эпосе ойрат-монголов

Выборка мотивов-вариантов «богатырский поединок (сражение)» из монголо-ойратских эпосов «Дайни Кюрюль», «Хан Харангуй» дает основание полагать, что эти мотивы передают черты архаического эпоса, повествующего о борьбе богатыря в большей части с многоголовыми демоническими существами (мангасами, лусами), перечень видов оружия противоборства не отличается большим разнообразием: бо-

гатырь Дайни Кюрюль, увидев посланника восьми лусов, выпускает в него грозные и стремительные стрелы, вобравшие в себя тысячу сил [Дань хүрэл тууль 1986: 50–51]; выпускает заговоренную стрелу в сторону дымового отверстия жилища противника [Дань хүрэл тууль 1986: 50–51]; богатырь советует четверем братьям не попасть под стрелы, отступить в безвыходной ситуации, чтобы избежать поражения [Дань хүрэл тууль 1986: 52]; уничтожил семидесятиголового мангаса и его стотысячное войско, превратил их кости в трупную муку, кости коней превратил в гравий [Дань хүрэл тууль 1986: 52].

Вариативный ряд мотива-инварианта «богатырское сражение (поединок)» другого монголо-ойратского эпоса («Хан Харангуй») свидетельствует, что богатырь против своих врагов выступает вместе со своими братьями Хэргис Сайн Буйдар и Уладай Мэргэн. Причиной столкновений богатыря Хан Харангуя и его противников служит месть: тенгрии желают наказать богатыря за прошлые грехи, богатырь уничтожает своих врагов за убиенных братьев. В описании поединка часто упоминается использование богатырями и их противниками заговоренной стрелы: при поддержке богатырей Хэргис Сайн Буйдар и Уладай Мэргэн Хан Харангуй сражается десять суток, не утоляя ни жажды, ни голода, оставляя лишь незначительную часть из тьмы врагов [Хан Харангуйн тууль 2016: 71]; тенгрии мстят Хан Харангую за то, что он забрал невесту и убил после этого трех борцов, переломал ноги двум бесовкам-шулмускам Ягаан и Цагаан (в обличье двух скакунов) и лишил коней скорости тысячи ветров [Хан Харангуйн тууль 2016: 73]; тенгрии направили письмо-жалобу из трех частей Эрлик номин хану, хану Мангасов, хану шулмусов с обещанием, что победившему Хан Харангуя будут переданы правление страной и религия [Хан Харангуйн тууль 2016: 73]; Хан Харангуй со слезами прижал голову мертвого Уладай Мергена к своей груди и сказал (покаялся): если найдутся силы, убьем черного мангаса и на нем устроим наше ложе, если не хватит сил, половину (войска) уничтожим. Так он сказал и снова начал рубиться мечом [Хан Харангуйн тууль 2016: 74].

Мотив «богатырский поединок (сражение)» в халхаском эпосе

При исследовании мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)» и его вариативного разнообразия в халхаском эпосе «Агийн Улан хаан» обнаруживаются мотивы-варианты, отмеченные нами в других эпосах монгольских народов (богатыри встречаются на рубежной горе ранним утром; выбирают способ поединка; поочередно выпускают друг в друга стрелы, богатырь-протагонист разрывает жизненную аорту богатыря-антагониста и т. д.) [Агийн Улаан хаан 1991].

Вместе с тем в халхаском эпосе «Агийн Улан хаан» отмечен способ многократного протыкания противника в живот (брюхо мангаса), что не было замечено в вариативном ряде мотива-инварианта «богатырский поединок (сражение)» в других эпосах.

Также многообразием отличается перечень животных, реагирующих на поединок богатыря с мангасом (верблюды, антилопы, рыси, олени, оленята, дзерен, кулан, сайга, беркут, косули-самки, косули-самцы, детеныши косулей, лисица, волк, змеи, ежи и даже сорока). Эти и другие отличия халхаского эпоса «Агийн Улан хаан» можно проследить в вариативном списке «богатырский поединок (сражение)»: встретились для единоборства на восходе солнца на горе Борзатын Бор толгой и бились, пока гора не превратилась в равнину, а равнина не стала подобна адской пропасти, безводное место наполнилось водой, а водное место осушилось [Агийн Улан хаан 1991: 27]; богатырь разорвал жизненную аорту мангаса, бросил так, что земля содрогнулась, проткнул его брюхо раз десять [Агийн Улан хаан 1991: 27]; весь

животный мир (верблюды, антилопы, рыси, олени, оленята, дзерен, кулан, сайга, беркут, косули-самки, косули-самцы, детеныш косули, лисица, волк, змеи, ежи и даже сорока) вышел посмотреть на схватку богатыря и мангаса [Агийн Улан хаан 1991: 27].

Мотивный ряд также презентует поэтические формулы, характерные для устной традиции монгольских народов. «Формулы богатырского поединка могут быть показательны в плане изучения архаики» эпоса монгольских народов [Хабунова 2006: 121]. К примеру, метафорическая формула «силою плеч или крепостью больших пальцев» (борьба и стрельба из лука), «силой, полученной от родителей, или оружием, данным ханом» (единоборство или битва с применением оружия), передающая готовность противников ко всем видам богатырской схватки, встречается в разных интерпретациях во всех рассмотренных эпических нарративах.

Заключение

Мотивы-инварианты формируют сюжетную основу, а мотивы-варианты передают особенности (стадиальные, национальные, локальные) эпической традиции. Как правило, тематический состав мотивов-вариантов архаического эпоса менее разнообразен в плане изображения воинской доблести главного героя, чем в эпосе, сложившемся в более позднее время на фоне многочисленных героических событий, имевших место в истории монгольских народов.

Мотивы-варианты отражают специфику национального эпоса, передают особенности описания богатырских коллизий в эпосах калмыков, ойрат-монголов, халха-монголов, синьцзянских ойратов.

Литература

Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
 Абай Гэсэр-хүбүүн 1961 — Абай Гэсэр-хүбүүн 1961. Эпопея (эхирит-булагатский вариант) / подгот. текста, перев. и прим. М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ: СО АН СССР; Бурят. комплекс. НИИ, 1961. 230 с.
 Агийн Улаан хаан 1991 — Агийн Улаан хаан // Халх ардын тууль. Эмхэтгэсэн Р. Наран-

туяа, редактор: А. Лувсандэндэв, Ц. Дамдинсүрэн, П. Хорлоо (= Агийн Улан хаан. Халхаский эпос. Сост. Р. Нарантуяа, ред.: А. Лувсандэндэв, Ц. Дамдинсүрэн, П. Хорлоо). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1991. X. 25–29.
 Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / ред., вступ. ст. «Ист. поэтика А. Н. Веселовского»-и прим. В. М. Жирмунского; Ин-т лит. АН СССР. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
 Гацак 2000 — *Гацак В. М.* Фольклор — память традиции: уровни и формы этнопоэтической

- константности // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2000. № 8. С. 94–103.
- Дандес 2003 — *Дандес А.* От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок / пер. с англ. А. В. Козьмина, коммент. А. В. Козьмина, А. С. Архиповой // Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. ст. / пер. с англ., сост. А. С. Архипова. М.: Вост. лит., 2003. С. 14–29.
- Дань хүрэл тууль 1986 — Дань хүрэл тууль. Хэвлэлд бэлтгэсэн Б. Катую. Ред. Х. Сампилдэндэв. Улаанбаатар: БНМАУ Ардын боловсролын яамны сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцийн газар, 1986. 174 х. (= Эпос «Дайни кюрел»). Подгот. к публ. Б. Катую. Ред. Х. Сампилдэндэв. Улан-Батор: Объед. редакц. бюро учебников и журналов Мин. нар. образ. МНР, 1986. 174 с.).
- Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калмыцком языке / в 3-х т. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.
- Джангар 1999 — Джангар. Малодербетовская версия. Свод. текст, перев., вступ. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: АПП «Джангар». 1999. 270 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калм. и рус. яз. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. 3-е. изд. репр.. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.
- Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Вост. лит., 1963. 459 с.
- Мелетинский 1974 — *Мелетинский Е. М.* Структурная типология и фольклор // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, 1974. С. 329–346.
- Неклюдов 1996 — *Неклюдов С. Ю.* Варьирование как механизм фольклорной коммуникации // 100 лет Р. О. Якобсону: мат. между. конгр. (г. Москва, 18–23 дек. 1996 г.). М.: РГГУ, 1996. С. 230–232.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141–156.
- Путилов 1976 — *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, ЛО, 1976. 242 с.
- Силантьев 2002 — *Силантьев И. В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Науч. изд. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СК НЦ ВШ, ЮФУ, 2006. 256 с.
- Хан Харангуйн тууль 2016 — Хан Харангуйн тууль. Удиртгал бичиж, үгийн тайлбар хийн орчин цагийн монгол хэлээр хөрвүүлж хэвэлд бэлдсэн Б. Түвшинтөгс (= Хан Харангуйн эпос. Авт. предисл., коммент., перевода на совр. монг. яз. и подгот. к печати Б. Түвшинтөгс). Ред. И. В. Кульганек. Улаанбаатар; СПб.: Изд-во: Соёмбо принтинг, 2016. 209 х.

References

- Abai Geser Khubuun: Ekhirit-Bulagat Version. M. Khomonov (prep., transl., etc.). Vol. I. Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (Sib. Branch, USSR Academy of Sciences), 1961. 230 p. (In Bur. and Russ.)
- Abai Geser: Text Recorded from P. Petrov by I. Madason. A. Ulanov (foreword, prep., etc.). Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (Sib. Branch, USSR Academy of Sciences), 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)
- Agjyn Ulaan Khaan. In: Narantuyaa R. (comp.), Luvsandendev A., Damdinsüren Ts., Khorloo P. (eds.) Epic of the Khalkha (Mongols). Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1991. Pp. 25–29. (In Mong.)
- Daini Kyurel Tuuli. B. Katuu (prep.), Kh. Sampildendev (ed.). Ulaanbaatar: United Editorial Bureau of Textbooks and Journals (MPR's Ministry of Education), 1986. 174 p. (In Mong.)
- Dundes A. From Etic to Emic Units in the Structural Study of Folktales. A. Kozmin (transl.), A. Arkhipova (comments). In: Arkhipova A. S. (comp.) Folklore: Semiotics and / or Psychoanalysis. Collected Papers. Moscow:

- Vostochnaya Literatura, 2003. Pp. 14–29. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Folklore — memory of the tradition: levels and forms of ethnopoetic constancy. *Herald of the Daghestan Scientific Center*. 2000. No. 8. Pp. 94–103. (In Russ.)
- Jangar: Baga Dorbet Version. A. Kichikov (text, transl., etc.). Elista: Dzhangar, 1999. 270 p. (In Kalm. and Russ.)
- Jangar: Heroic Epic of Kalmyks. Moscow: Nauka, 1990. 475 p. (In Kalm. and Russ.)
- Jangar: Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2005. 856 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle. A Comparative Study of Ethnic Versions. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for Universities (Southern Federal University), 2006. 256 p. (In Russ.)
- Khan Kharangui Tuuli. B. Tüvshintögs (foreword, comments, translit., etc.). I. Kulganek (ed.). Ulaanbaatar; St. Petersburg: Soembo Printing, 2016. 209 p. (In Mong.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study. 3rd ed. Reprint. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 319 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Origins of Heroic Epic. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 459 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Structural typology and folklore. In: *The Context. Studies in Literary Theory*. Moscow: Gorky Institute of World Literature (USSR Academy of Sciences), 1974. Pp. 329–346. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Variation as a form of folklore communication. In: Roman O. Jakobson. *Celebrating the 100th Anniversary of Birth. Congress Proceedings* (Moscow; December 18–23, 1996). Moscow: Russian State University for the Humanities, 1996. Pp. 230–232. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Morphology of Magic Folktales. I. Peshkov (ed., comments). Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Comparative Historical Research of Folklore: Methodology. Leningrad: Nauka, 1976. 242 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Motif as a plot forming element. In: Meletinsky E. M., Neklyudov S. Yu. (comps.) *Commemorating Vladimir Ya. Propp. Collected Typological Studies in Folklore*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 141–156. (In Russ.)
- Silantiev I. V. Theory of Motif in Russian Literary and Folklore Studies: A Historiographic Essay. Novosibirsk: IDMI, 1999. 104 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. (ed.) *Historical Poetics*. A. Veselovsky (foreword), V. Zhirmunsky (comments). Leningrad: Goslitizdat, 1940. 648 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 790-803, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.61

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803

О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова)

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мирзаева С. В., 2020

Аннотация. Цель статьи — описание бытового фона функционирования загадок среди донских калмыков конца XIX в. по материалам известного собирателя калмыцкого фольклора И. И. Попова. *Материалы.* Одна из девяти рукописных тетрадей, составляющих его научное наследие и лишь частично введенных в научный оборот, посвящена загадкам и, помимо фольклорных текстов на «ясном письме» и в переводе на русский язык, включает предисловие автора, в котором он дает краткую характеристику этого жанра и воссоздает игровую ситуацию, наглядно демонстрирующую функционирование загадок в народной среде. *Результаты.* Мы предполагаем, что при написании предисловия И. И. Попов опирался на труд М. А. Кастрена «Опыт перевода бурятского языка», шестнадцать загадок из которого он включил в свою работу, поскольку финский монголовед приводит аналогичные сведения по селенгинским бурятам. По описанию И. И. Попова, игра в загадки у калмыцких детей командная, из индивидуальных участников исследователь выделяет двух *толгачи* — руководителей партий, на которые делятся участники, и *тульчи* — знатока загадок, которого стремится заполнить к себе каждая из партий. Важный элемент игры составляет осмеяние проигравших, которое встречается у многих народов как одна из форм наказания. Исследователь приводит пример игры, в ходе которой партии задают друг другу числовые загадки, относящиеся к первому десятку чисел. Сравнение с традициями других тюрко-монгольских народов, а именно бурят и алтайцев, показывает, что калмыцкая традиция бытования загадок имеет как схожие черты (связь с зимним периодом, наказание как обязательный элемент игры), так и свои особенности. В первую очередь у калмыков и бурят это коллективная игра, в то время как у алтайцев участники могут не объединяться в команды, а играть индивидуально. Второе важное отличие заключается в возрастных категориях участников игры: у калмыков это дети, у бурят — молодые супружеские пары, а у алтайцев — старшие по возрасту люди. В приложении приводится факсимиле предисловия И. И. Попова к труду «Загадки донских калмыков».

Ключевые слова: загадки, донские калмыки, И. И. Попов, инедиты, бытовой фон

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00287 «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова». **Для цитирования:** Мирзаева С. В. О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 790-803. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803

UDC 398.61

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803

Don Kalmyks: the Folk Tradition of Riddle-Telling Revisited (a Case Study of I. Popov's Materials)

*Saglara V. Mirzaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-8542-0260. E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mirzaeva S. V., 2020

Abstract. *Goals.* The article aims to describe common riddle-telling patterns of the Don Kalmyks as of the late 19th century traced in works by I. Popov, a famous collector of Kalmyk folklore samples. *Materials.* One of the nine handwritten books constituting his academic heritage which is only partially introduced to researchers is titled 'Riddles of the Don Kalmyks'. It includes 367 Clear Script texts accompanied by Russian translations and the author's foreword which provides a brief description of the genre and reconstructs standard game situations explicitly demonstrating the functioning of riddles in the folk tradition. *Results.* Our hypothesis is that here I. Popov was following M. Castrén's 'Attempted Essay on the Buryat Language' (sixteen riddles from the latter included in Popov's book) because the ethnologist gives similar information on the Selenga Buryats. *Results.* According to I. Popov's description, riddle-telling among Kalmyk children was a team game. As for individual players, there were *tolgachi*, i.e. leaders of two teams participants were divided into, and *tuulchi* — a master of riddles highly esteemed by other players. An important component of the game is mockery of losers, which can be found in many cultures as a form of punishment. I. Popov gives an example of one game where two teams ask numerical riddles (related to figures from one to ten) to each other. Comparison with traditions of other Turko-Mongols, such as Buryats and Altaians, shows that the Kalmyk tradition of riddle-telling shares similar features, e.g. connection of riddle-telling with the winter period, punishment as a compulsory element of the game. Still, it has some specific features. Firstly, for Kalmyks and Buryats this is a collective game, while in the Altaian tradition participants can play individually. The second important distinctive feature is the difference of age categories of players: in the Kalmyk tradition those are children, in the Buryat — young married couples, and in the Altaian — adults. The Appendix provides a facsimile of the I. Popov's foreword to his 'Riddles of the Don Kalmyks'.

Keywords: riddles, Don Kalmyks, I. Popov, inédites, folk tradition

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00287 'Inédites of Kalmyk Folklore from I. Popov's Archives'.

For citation: Mirzaeva S. V. Don Kalmyks: the Folk Tradition of Riddle-Telling Revisited (a Case Study of I. Popov's Materials). *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 790-803. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-790-803

Введение

Одним из известных собирателей калмыцкого фольклора, чей вклад в сохранение культурного наследия калмыков сложно переоценить, можно назвать И. И. Попова. В его записях, сохранившихся в виде девяти рукописных книг, представлен богатейший материал по эпосу, сказкам, преданиям и другим видам народного творчества калмыков. О самом исследователе известно лишь, что он закончил Санкт-Петербургский и Лейпцигский университеты и в конце XIX в. поселился на Дону, в балке Средняя Аюла, где и занимался изучением и фиксацией культуры донских калмыков вплоть до своей кончины (приблизительно в середине 20-х гг. XX в.¹) [Алексеева 2010: 77–79].

Анализ его материалов позволяет утверждать, что он в совершенстве владел как ойратским «ясным письмом», так и разговорным калмыцким языком, а также обладал широким исследовательским кругозором и доступом к академическим трудам по востоковедению. Тем не менее большая часть его трудов до сих пор не опубликована: в качестве исключения можно назвать исследовательскую статью Д. В. Убушиевой, в которой были введены в оборот образцы кумулятивных сказок, записанные И. И. Поповым [Убушиева 2017].

В рамках исследовательского проекта «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова» мы планируем ввести в научный оборот записанные им образцы фольклора донских калмыков, в частности загадки, составляющие одну из тетрадей. Цель данной статьи — дать описание бытового фона функционирования загадок у донских калмыков конца XIX в. по материалам И. И. Попова.

Материалы

Состоящая из шестидесяти девяти листов, тетрадь озаглавлена как «Загадки донских калмыков²» (ойр. *Buzabai*

¹ Во вступительной части к изданию записанного И. И. Поповым «Джангара» 1940 г. В. А. Закруткин пишет, что он умер «лет пятнадцать тому назад» [Калмыцкий эпос 1940: 254].

² В оригинальном написании — «Загадки донских калмык».

xalimaуuudiyin tayilyatai tuulisiyin bičiq)³ и датирована 1892 г. [ГАРО].

Тексты трехсот шестидесяти семи загадок приводятся в написании на «ясном письме» и переложении на современный автору калмыцкий язык и сопровождаются переводом на русский язык. В данной статье мы анализируем предисловие автора, содержащее интересные сведения о бытовом фоне загадывания загадок, который зачастую остается вне поля зрения фольклористов. Вначале приведем его краткую характеристику. Предисловие, объем которого составляет 6 страниц рукописного текста по 27–28 строк на странице⁴, начинается с краткого определения загадки как одной из игр, распространенных среди калмыцкой молодежи. Далее И. И. Попов дает описание ее основных правил и конкретной игровой ситуации, когда участники делятся на две группы и состязаются в загадывании загадок. Листы 4–6 рукописи содержат рассуждения автора об этом жанре как особой форме поэтического творчества народа, специфике калмыцкой загадки и ее образной системы. В конце И. И. Попов отмечает отсутствие литературы по этому жанру ввиду нежелания калмыков записывать произведения своей национальной поэзии, тем самым обосновывая актуальность своего труда. Завершается предисловие указанием даты и места его составления — 29 марта 1892 г. (Вербное воскресенье), Балка Средняя Аюла.

О некоторых особенностях загадок

Загадки представляют собой «международный», т. е. общий для многих культурных традиций, жанр фольклора. Различные аспекты этого жанра на калмыцком

³ На титульном листе также указано: «В длинном тексте и перевод. Собрал и записал И. И. Попов» (ойр. *ivan ivanoviči popov bičibei bi*).

⁴ Пагинация страниц двойная: нумерация страниц с использованием римских цифр представлена, вероятно, автором в верхней части листа по центру; кроме того, в верхнем правом углу представлена сквозная нумерация, относящаяся ко всей тетради и проставленная арабскими цифрами.

материале рассматривались в публикациях И. С. Устиевой [Устиева 2010], Т. Г. Басанговой (Борджановой) и А. А. Бурыкина [Басангова 2009; Бурыкин, Басангова 2009], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013] и др.

Многие исследователи сходятся во мнении, что на раннем этапе своего развития загадка была тесно связана с ритуалом⁵, но впоследствии эта связь была утрачена и загадка перешла в игровой фольклор. Н. А. Лавонен пишет, что загадка имеет двухчастную структуру — саму загадку и отгадку, которые не могут существовать по отдельности⁶ [Лавонен 1977: 84].

В калмыцком названии жанра загадки также присутствует указание на ее двухкомпонентность: *тээлһэтэ (тээлвртэ) тууль* букв. 'сказка с пояснением'. Термин *сказка* в данном случае, по нашему мнению, подтверждает связь этих двух жанров, обнаруживаемую во многих фольклорных традициях мира [Лавонен 1977: 22]. И. И. Попов считает, что второй компонент *тууль* в значении 'сказка, басня' свидетельствует о том, что «калмыки и смотрят на загадку именно как на поэтическое произведение» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 5].

Калмыцкая загадка имеет в первую очередь педагогическую и развлекательную функции, однако в ней сохранились и реликты производственно-магической и обрядовой функций, что подтверждается данными об игровом процессе загадывания загадок, приводимыми И. И. Поповым в предисловии. Автор начинает описание следующим образом: «Загадки, называемые по-калмыцки *тайльгатай* (по выговору *тэльгэтэ) туулис*, т. е. сказки (смысл которых надо разузнать), — есть одна из игр калмыцкой молодежи. Мальчики и девочки собираются, преимущественно в зимнее время, в одну кибитку, разделяются на две партии и начинают предлагать друг другу загадки» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 2].

⁵ В этой связи интересно отметить, что загадка (*дэу*) в широком смысле как тайный, символический, язык была одним из символов государственности у древних тибетцев (см.: [Намкай Норбу 1997]).

⁶ В фольклоре монгольских народов числовые загадки при разрушении структуры (т. е. без отгадки) могут продолжать свое функционирование в афористической поэзии в виде трех- и четырехстиший.

Н. П. Дыренкова и В. П. Худяков указывают, что у шорцев и бурят загадки загадываются зимой [Дыренкова 1940: X; цит. по: Лавонен 1977: 17]. Связь с зимним периодом можно расценить как архаический элемент древней магии.

Порядок игры с загадыванием загадок в описании И. И. Попова

Вначале дети выбирают руководителей двух партий — *толгачи* (ойр. *toloyoyiçi*) — из старших, если же все участники одного возраста, то *толгачи* выбираются по желанию. Их обязанность, в первую очередь, заключается в том, чтобы «разделить играющих на две партии и подобрать в состав каждой партии играющих так, чтобы не было споров». Если при разделении остается один лишний участник, *толгачи* состязаются друг с другом на пряжке, бечевке или палке. Участник попадает в ту группу, руководитель которой побеждает в соревновании. Таким же способом выбираются в ту или иную группу участники, называемые *туульчи*, или мастера загадывать загадки, которые очень ценятся в этой игре⁷. После формирования двух групп, или, как их называет И. И. Попов, партий начинается игра, очередность в которой также определяют *толгачи* с помощью состязания. Загадывает загадку любой из участников, включая руководителя, если желающих несколько, порядок загадывающих определяет *толгачи*. Если партия В не может отгадать загадку, она начинает сама предлагать загадки до тех пор, пока партия А не окажется в таком же положении, т. е. не сможет отгадать предложенную загадку. В таком случае партия В спрашивает разгадку прежде не отгаданной загадки, партия А дает ответ и снова начинает предлагать загадки, пока их запас не иссякнет. Максимальное количество ответов, которые может дать партия, — три: если загадка отгадана с четвертой попытки, ответ не принимается в расчет.

И. И. Попов дает реконструкцию игровой ситуации, в которой одиннадцать детей

⁷ И. И. Попов отмечает, что калмыки, считая загадывание загадок одной из форм творческой деятельности, «ценят больше того, кто умеет составлять загадки, а не разрешать их».

делятся на две группы по пять и шесть человек соответственно и загадывают числовые загадки. Приведем описание ниже⁸:

Итак, приведем пример игры: играющих собралось одиннадцать человек: 1) Күгүльчэ; 2) Бйвэ; 3) Мүшка; 4) Сангаджи; 5) Шарко; 6) Дорджи; 7) Лиджи; 8) Пүтя; 9) Унджу; 10) Аюда; 11) Нану. *Толгачи* первой партии, состоящей из шести человек, — Күгүльчэ, *толгачи* второй из остальных пяти — Лиджи. (нрзб.) Начинает партия Лиджи: «Нэгинь — ола»⁹, — предлагает вопросы она. «Нэг юзсюнь күгэн тавгий-чи»¹⁰ (т. е. вопрос: один — разгадай — ответ: разве не угадают раз виденного человека). Партия Күгүльчи следовательно отгадала. (нрзб.) Тогда партия Лиджи снова спрашивает: «Хојир»¹¹ (два). Партия Күгүльчи отвечает: «Хојир гартан бэрсэн тавхичи?»¹² (Разве упустит то, что держит обеими руками). Снова партия Лиджи говорит: «Гурвун»¹³ (три). Партия Күгүльчи не может отгадать. Тогда начинает спрашивать уже партия Күгүльчи: «Дөрвөн»¹⁴ (четыре). Партия Лиджи отвечает: «Юкуурин дөрвөн көкөл»¹⁵ (Четыре соска у коровы). Партия Күгүльчи снова спрашивает: «Тавун»¹⁶. Партия Лиджи отвечает: «Гарин тавун хургун»¹⁷ (Пять пальцев на руке). Партия Күгүльчи спрашивает: «Зурган»¹⁸ (шесть). Партия Лиджи не знает отгадки. Тогда его партия должна сказать отгадку на «гурбан» (три), которую не знала партия Күгүльчи «Гурван көлини чидырлесэн мөрин хāран одхвинэ?»¹⁹ (Куда уйдет конь, у которого спутаны три ноги). А дальше снова начинает давать загадки партия Күгүльчи: «Долан» (семь). Партия Күгүльчи говорит: «Одон долон бурхан»²⁰ (Семь звезд Большой Медведицы). Партия Лиджи продолжает: «Найман» (восемь). Партия Күгүльчи говорит: «Найман көкөдэ өлбгчин кичигүдэн эсэ

тэджэджи чадху-вий?»²¹ (Разве не может прокормить своих щенят сучка, когда у ней 8 сосков). Партия Лиджи спрашивает: «Јэсүн»²² (девять). Партия Күгүльчи не знает отгадки. Партия Лиджи спрашивает отгадку «зурган» (шесть) «Зурган юкюрян саасан эмэгэн өвөгөн хојор айрак чигэ эсэ кэджи үджи чадху билү?»²³ (Разве не могут сделать и пить вдоволь айраку и кумысу бабка и дед, которые доят шесть коров). Дальше же партия Күгүльчи не знает загадки. Тогда *толгачи* партии Лиджи говорит: «Шулугар кэлэ, эсэ кэлэхлэ-чинь, чамайги јандагалнава»²⁴ (Говори скорей, если не скажешь, я назначу над тобой посмеяние). Партия Күгүльчи все-таки не говорит новой загадки. Тогда *толгачи* Лиджи начинает спрашивать у кого-либо из своей партии, например Пүтя: «Јандак јундак југини абунай-чи?»²⁵ (Јандак, јундак, что возьмешь). Пүтя отвечает: «Толгајни авна-ва»²⁶ (Возьму голову). Лиджи: «Тэрююгээр ју кэнэ-чи?»²⁷ (Что с ней будешь делать). «Шāвур кэнэ-вэ»²⁸, — говорит Пүти. Лиджи: «Шāврар ју кэнэ-чи?»²⁹ (Что будешь делать той колотушкой). Пути отвечает: «Гаса цокна-ви»³⁰ (Забью прикол). Тогда *толгачи* Лиджи спрашивает у другого члена своей партии, например, Унджу: «Јандак јундак југини абунай-чи»³¹ (Что возьмешь?). Унджу: «Гарини авна-ва»³² (Возьму руки). Лиджи: «Гараарэн ју кэнэ-чи?»³³ (Что будешь делать с руками). Унджу: «Гаса кэнэ-ви»³⁴ (Сделаю прикол). Лиджи: «Гасаар ју кэнэ-чи?»³⁵ (Что будешь делать с этим приколом). «Гэрдэн чикидху (нрзб.) авна-ви»³⁶ (Привяжу к нему арканами кибитку [во время сильного ветра]). Затем *толгачи* Лиджи спрашивает у третьего члена своей партии, например Аюды: «Јандак јундак југини авна-чи?»³⁷

²¹ *Нэамн көктэ өлгчн кичгүдэн эс тежэжэ чадхви?*

²² *Јисн.*

²³ *Зурхан үкрэн саасн эмгн өвгн хојр дэрг чигэ эс кеж уујэ чадх билү?*

²⁴ *Шулугар кел, эс келхлэчнь, чамаг јандгалнав.*

²⁵ *Јандг јондг јуһинь авнач?*

²⁶ *Толһань авнав.*

²⁷ *Терүһэр ју кенэч?*

²⁸ *Шāавр кенэв.*

²⁹ *Шāаврар ју кенэч?*

³⁰ *Гас цокнав.*

³¹ *Јандг јондг јуһинь авнач?*

³² *Гаринь авнав.*

³³ *Гарарн ју кенэч?*

³⁴ *Гас кенэв.*

³⁵ *Гасар ју кенэч?*

³⁶ *Гертэн чикдх (нрзб.) авнав.*

³⁷ *Јандг јондг јуһинь авнач?*

⁸ Текст оформлен согласно правилам современной орфографии и пунктуации. В сносках к калмыцким фразам, приводимым И. И. Поповым, дается современное калмыцкое написание.

⁹ *Негнь ол.*

¹⁰ *Нег үзсн күүһан тэвхийч?*

¹¹ *Хојр.*

¹² *Хојр хартан бэрсэн тэвхийч?*

¹³ *Гурвн.*

¹⁴ *Дөрвн.*

¹⁵ *Укрин дөрвн көкл.*

¹⁶ *Тавн.*

¹⁷ *Гарин тавн хурһн.*

¹⁸ *Зурхан.*

¹⁹ *Гурвн көлнь чөдрлсн мөрн хама одхвинь?*

²⁰ *Одн долан бурхн.*

(Что возьмешь). Аюда: «Кёлини авна-ви»³⁸ (Возьму его ноги). Лиджи: «Кёлээрэн юу кэнэ-чи?»³⁹ (Что будешь делать с его ногами). Аюда: «Кёшү кэнэ-би»⁴⁰ (Сделаю подпорку [для кибитки во время ветра]). Лиджи: «Кёшүгээр юу кэнэ-чи?»⁴¹ (Что будешь делать с подпоркой). Аюда: «Гэрэн салькин бойхолайги тулна-би»⁴² (Когда будет ветер, подопру кибитку) и так дальше по числу играющих [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 3–4].

Обсуждение

В игровой ситуации, описываемой И. И. Поповым, участники загадывают друг другу так называемые «числовые» загадки, «суть которых заключается в умении выявить содержание чисел от одного до десяти» [Селеева 2013: 72]. Эти загадки также составляют основу другого вида устного творчества монгольских народов, характеризуемого А. В. Бурдуковым как состязание в мудрости между подростками, носившее дидактический характер (цит. по: [Селеева 2013: 72])⁴³. Загадки из предисловия И. И. Попова относятся к первому десятку чисел (от единицы до восьми). В целом они соотносятся с аналогичными монголоязычными образцами, подробно рассмотренными в статье Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013], однако имеют свои особенности:

1. *Нег* 'один'. *Нег үзсн күүһан тэвхийч?* 'Разве не угадают раз виденного человека?'
2. *Хойр* 'два'. *Хойр хартан бэрсэн тэвхийч?* 'Разве упустит то, что держит обеими руками?'
3. *Гурвн* 'три'. *Гурвн көһнь чөдрлсн мөрн хама одхвинь?* 'Куда уйдет конь, у которого спутаны три ноги?'
4. *Дөрвн* 'четыре'. *Укрин дөрвн көкл* 'Четыре соска у коровы'.
5. *Тавн* 'пять'. *Гарин тавн хурһн* 'Пять пальцев на руке'.
6. *Зурһан* 'шесть'. *Зурһан үкрэн саасн эмгн өвгн хойр дэрг чигэ эс кеж ууж чадх билу?* 'Разве не могут сделать и пить вдоволь айраку и кумысу бабка и

дед, которые доят шесть коров?'

7. *Долан* 'семь'. *Одн долан бурхн* 'Семь звезд Большой Медведицы'.
8. *Нээмн* 'восемь'. *Нээмн көктэ өлгчн кичгүдэн эс тэжэж чадхви* 'Разве не может прокормить своих щенят сучка, когда у ней восемь сосков?'

Анализ этнографических данных по древнему сезонному календарю монгольских народов позволяет предположить, что в поджанре числовых загадок сохранилась архаичная система счета зимнего времени по «девятидневкам» [Бакаева 2016]. Таким образом, процесс игры в загадки (борьба коллективов / борьба природных сил) можно интерпретировать как символический акт «преодоления» тяжелого периода времени через девятиричный счет.

Важным элементом игры, в которой также можно усмотреть пережиток ранней обрядовой функции загадки, является описываемое И. И. Поповым высмеивание проигравших: «... есть уже одна загадка, не разгаданная ей, то противная партия начинает посмеиваться над ней за то, во-первых, что она не отгадала загадки, и за то, во-вторых, что не может предложить загадки» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 2об–3]. Как пишет Н. А. Лавонен, осмеяние было одной из древних и сильных форм общественного осуждения, в данном случае — наказания за неумение отгадывать [Лавонен 1977: 33]. И. И. Попов называет осмеяние *жангак* и указывает, что побежденные осмеиваются «за свою неспособность, за свою посредственность, за то, что они не поэты, а такие же люди, как и все» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 5].

В рамках данной статьи также представляется интересным привести аналогичное описание игрового процесса загадывания загадок у селенгинских бурят середины XIX в., содержащееся в труде финского лингвиста и этнографа М. А. Кастрена «Опыт грамматики бурятского языка» (нем. *Versuch Einer Burjätischen Sprachlehre*) (1857 г.)⁴⁴ [Castren 1857], поскольку И. И. Попов ссылается на него. Он указывает в тетради, что получил эту книгу в 1900 г., и приводит шестнадцать загадок из

⁴⁴ Шестьдесят загадок селенгинских бурят были записаны со слов Галсана Гомбоева. О вкладе М. А. Кастрена в монголоведение см.: [Жаргалова 2016].

³⁸ *Көһинь авнав.*

³⁹ *Көһэрнь ю кенэч?*

⁴⁰ *Көшэ кенэв.*

⁴¹ *Көшэдэр ю кенэч?*

⁴² *Герэн салькин болхлаг тулнав.*

⁴³ Интересно отметить, что аналогичные загадки-вопросы в традиции финно-угорских народов использовались в процессе гадания [Лавонен 1977: 25].

нее. Можно предположить, что И. И. Попов включил информацию по бытовому фону загадывания загадок в предисловие, ориентируясь на труд М. А. Кастрена.

Итак, ученый пишет, что у забайкальских бурят существует традиция, когда молодые супружеские пары собираются вместе зимними вечерами и играют в загадки. Загадывание в любой другой период, кроме зимы, строго табуировано: как указывает М. А. Кастрен, нарушение этого запрета может привести к выкидышам или рождению увечного потомства у крупного рогатого скота. Присутствующие делятся поровну на две группы, независимо от пола, и договариваются, сколько попыток дается на отгадку ответа. Если одна из групп не может разгадать предложенную загадку, она вынуждена уступить одного из своих участников другой группе, которая также получает право снова загадать загадку. Далее победившая группа предлагает соперникам «выкупить» своего участника с помощью специальных стихотворных прибауток [Castren 1857: 228–229].

«Продажа» участника, подробно описанная К. Е. Укачиной на материале алтайского фольклора [Укачина 1984: 22], очевидно, является наказанием за неотгадывание загадки. В традиции донских калмыков эту функцию, по описанию И. И. Попова, выполняло осмеяние, которое по структуре аналогично «продаже» участника проигравшей стороны соперникам. Ведущий победившей стороны задает своим участникам вопросы о том, что (какую часть тела) они готовы взять и что будут с ней делать: например, диалог Лиджи и Пути:

- Яндак, юндак, что возьмешь?
- Возьму голову
- Что с ней будешь делать?
- Сделаю колотушку.
- Что будешь делать той колотушкой?
- Забью прикол.

К. Е. Укачина приводит пример игры у алтайцев, в которой концепция «продажи» проигравшего получила развитие таким образом, что его «продают» старикам, лентяям или неполноценным в жизни людям:

- Дьядан (дедушка)! Что Вам нужно? Для воротника рыжую лисицу или возьмете неразгадавшую загадку краснощекую Дьалку? Старик, постукивая посохом, говорит:

— Зачем мне, старику, рыжую лисицу для воротника? Возьму-ка краснощекую Дьалку. Из головы ее сделаю котел, из глаз — чугунок, из ушей — «туткуш» (держалку для вытаскивания с огня горячего казана), из рук — кожемялку, из ног — костыли, из ребер — крышку для казана, внутренним жиром покрою аил, из желудка — «кожаный сосуд», из печени — подушку, из тонких кишок сделаю аркан и т. д. и т. п.

[Укачина 1984: 22].

Заключение

Сравнение с аналогичными описаниями на материале бурят и алтайцев показывает общее и особенное в калмыцкой традиции бытования загадок. К общим чертам можно отнести связь с зимним периодом (загадывание числовых загадок от одного до девяти как ускоренное проживание зимних «девятидневок», зимнего времени) и концепцию наказания проигравших, которая, несмотря на разные названия (у калмыков — осмеяние, у бурят и алтайцев — «продажа»), имеет одинаковую семантику выкупа частей тела проигравшего и трансформации их в различные предметы. Основное различие между указанными традициями составляют возрастные категории участников игры: у донских калмыков — это дети, молодежь, у селенгинских бурят — молодые супружеские пары, а у алтайцев, наоборот, — старшие по возрасту люди [Укачина 1984: 23].

Кроме того, И. И. Попов описывает эту игру как коллективную деятельность: «..как в загадках, так и отгадках партия рассматривается как корпорация, так что важен успех не отдельных личностей, а всей их совокупности» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Л. 2об.], что соотносится с данными М. А. Кастрена, согласно которым участники также делятся на группы. В культуре алтайцев, напротив, отсутствует обязательное условие «коллективности» игры: участниками могут выступать индивидуальные игроки [Укачина 1984: 21–22].

Труд И. И. Попова «Загадки донских калмыков», несомненно, представляет значительную научную ценность для исследователей как с точки зрения собранного фольклорного материала, так и с точки зрения зафиксированной ученым живой традиции бытования этого жанра среди калмыков.

Источники

ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13807.

Литература

Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* Иван Попов — собиратель калмыцкого фольклора // О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 77–79.

Бакаева 2016 — *Бакаева Э. П.* Об одной традиции монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 107–122.

Басангова 2009 — *Басангова Т. Г.* Детский фольклор калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 72 с.

Бурькин, Басангова 2009 — *Бурькин А. А., Басангова Т. Г.* Типология калмыцкого фольклора. Элиста: НПП «Джангар», 2014. 212 с.

Дыренкова 1940 — *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Жаргалова 2016 — *Жаргалова Р. Д.* Уникальное издание грамматики бурятского языка середины XIX века // Библиопанорама. 2016. № 2 (16). С. 58–61.

Калмыцкий эпос 1940 — Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст., примеч. В. А. Закруткина. Ростов н/Д: Ростиздат, 1940. 272 с.

Лавонен 1977 — *Лавонен Н. А.* Карельская народная загадка. Ленинград: Наука, ЛО, 1977. 133 с.

References

Alekseeva P. E. Ivan Popov — a collector of Kalmyk folklore. In: Alekseeva P. E. About People and Time. Collected Articles. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. Pp. 77–79. (In Russ.)

Bakaeva E. P. On a Tradition of Mongolian Peoples. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. Pp. 107–122. (In Russ.)

Basangova T. G. Kalmyk Childlore. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2009. 72 p. (In Russ. and Kalm.)

Burykin A. A., Basangova T. G. Typology of Kalmyk Folklore. Elista: Dzhangar, 2014. 212 p. (In Russ.)

Castren M. A. M. Alexander Castren’s Versuch Einer Burjätischen Sprachlehre: Nebst Kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1857. 244 p. (In Germ.)

Dyrenkova N. P. Shor Folklore. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 448 p. (In Russ.)

Kalmyk Epic of Jangar. V. Zakrutkina (ed., foreword, comments). Rostov-on-Don: Rostizdat, 1940. 272 p. (In Russ.)

Lavonen N. A. The Karelian Folk Riddle. Lenin-

Sources

State Archive of Rostov Oblast. Coll. 55. Cat. 1. File. no. 13807. (In Kalm. and Russ.)

Намкай Норбу 1997 — *Намкай Норбу.* Друнг, Дэу и Бон: традиции преданий, языка символов и бон в древнем Тибете. М.: Либлис, 1997. 368 с.

Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* О калмыцких загадках: к проблеме сравнительно-типологической вариативности числовых загадок в фольклоре монгольских народов // Монголоведение. 2013. № 6. С. 71–93.

Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 139–151. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-139-151

Укачина 1984 — *Укачина К. Е.* Алтайские народные загадки. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. отд. Алтайск. кн. изд-ва, 1984. 101 с.

Устиева 2010 — *Устиева И. С.* Жанровая специфика калмыцких народных загадок // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 55–58.

Castren 1857 — *Castren M. A.* M. Alexander Castren’s Versuch Einer Burjätischen Sprachlehre: Nebst Kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857. 244 s.

grad: Nauka, 1977. 133 p. (In Russ.)

Namkhai Norbu. Drung, Deu, and Bön: Narrations, Symbolic Languages, and the Bön Traditions in Ancient Tibet. Moscow: Libris, 1997. 368 p. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. Kalmyk riddles revisited: comparative typological variations of numerical riddles in Mongolic folklore traditions. In: Mongolian Studies. Vol. 6. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2013. Pp. 71–93. (In Russ.)

Ubushieva D. V. Cumulative fairy tales from I. I. Popov’s collection. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 3. Pp. 139–151. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-31-3-139-151

Ukachina K. E. Altaian Folk Riddles. Gorno-Altaysk: Altaian Book Publ., 1984. 101 p. (In Russ.)

Ustieva I. S. Genre specifics of Kalmyk folk riddles. *The Bulletin of the Adyghe State University, the Series ‘Philology and the Arts’*. 2010. No. 3. Pp. 55–58. (In Russ.)

Zhargalova R. D. A unique mid-19th-century essay on Buryat grammar. *Bibliopanorama*. 2016. No. 2 (16). Pp. 58–61. (In Russ.)

Приложение. Факсимиле предисловия И. И. Попова
к труду «Загадки донских калмыков»

[Appendix. Facsimile of I. Popov's Foreword to 'Riddles of the Don Kalmyks']

2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Загадки, называемые по калмыцки табь-гара (по калмыцки табь-гара) / табь-гара, ~~табь-гара~~ т.е. сказки, (сказки, загадки, народная мудрость) являются — есть одна из форм калмыцкой народной культуры. Калмыцкие и чужие сказки, загадки, предания в течение времени, в одну минуту, разделились на две партии и каждая партия приняла свою другую загадку.

Условие и партия загадки являются следующие: сначала загадка является (только в равной мере) из двух частей, как похвала и проклятие. Если же все предположительно одно и то же, то по отношению к каждой из них своим образом — то и или другим. Обязательство только в своей части, причем в свою часть загадка является на две партии и подпадает в состав как той партии и другая часть так, чтобы не было смещения. Если и другая часть является — они являются по равной на каждую партию. Если же является одна из них, то 2 то и сами являются между собой на предель, в своей или части, что состав как той партии до конца похвалы и проклятия. Тогда доказывается верная часть — в эту партию и похвалы являются. Вандиш являются являются доверительно похвалы в состав той или другой партии. Выводы являются двумя, что часть является таковой, т.е. является является частью. Каждая часть, которую предположительно является — в своей только частью является частью — является

V.

спросил всеох у нас у другого члена своей партии нарф. Угрозил:
 "Там даке, јидраке јидрама-ти"? (что допрашивает?) Нарф: "говори
 а виа-ва (говори руку) Нарф: "Тарта брств ја кона-ти"? (что
 вудеиш а виа т се рукама)? Угрозил: "Таса кона-ди" (срочно
 артавент) Нарф: "Таса брств ја кона-ти"? (что вудеиш а виа т
 се сати ма при конима?) "Тарта брств ја кона-ди" (говори руку
 во пишу артавенту куду ку [по криво селено вудеиш]) Нарф
 та иста ти Нарф спраши востр у инверти во мене елати нарф
 нарф. Нарф: "Там даке, јидраке јидрама-ти" (что допрашивает)
 Нарф: "То'иш а виа-ва" (говори се пишу) Нарф и то'иш
 ја кона-ти" (что вудеиш а виа т се рукама) Нарф: "То'иш
 кона-ди" (срочно артавенту [говори руку во востр вудеиш])
 Нарф: "То'иш тарта ја кона-ти"? (что вудеиш а виа т се
 артавент?) Нарф: "Тарта брств ја кона-ди" (говори руку
 во пишу артавенту куду ку) и така да востр
 мо ти су и спраши, нарф востр у все ушо на таса при
 чина востр у ма или при не артавенту востр селта. Нарф
 на тарта востр артавенту востр востр, конечно, нарф востр
 нарф востр — это свое рече селта и шара.
 При востр востр конечно востр на ма и селта.
 Востр нарф востр се востр у востр востр востр нарф востр
 нарф востр. Нарф востр востр у востр, востр
 се во востр востр востр, нарф востр востр и востр, востр
 селта, нарф востр на востр востр востр востр, востр
 востр востр востр, нарф востр востр востр востр востр,
 востр востр востр, нарф востр востр востр востр востр,
 конечно востр востр востр. Нарф востр: нарф востр востр
 востр востр востр востр востр востр, нарф востр

Ж.

Разъясню вам кое о явлении суваго дубина дубина окули-
 чаби шарв анки и Котка з нами на дву дну или два дачки.
 Тосму ошр му чур Вучовна на или му кара дубина окули, сабра-
 варка во заболу или видуть передр заболу или на дубина
 се на шар Кукла.

Н. Тонков

1892 года 29 марта

Велкое Воскресение

Там же (Без названия)

Оглавление.

1. Календарный указ
2. Русский перевод
3. Примечания

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 3, pp. 804-821, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-804-821
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47) 084.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-804-821

Периодические издания калмыцкой эмиграции (на примере журнала «Мана зянгэ» 1946–1947 годов)

Делгир Юрьевна Топалова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Топалова Д. Ю., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу издательского дела калмыцкой эмиграции на примере журнала «Мана зянгэ» за 1946–1947 гг. *Цель* исследования — представить обзорный анализ печатной деятельности калмыцкой эмиграции конца 1940-х гг. Основным источником послужили публицистические статьи и литературные произведения, изданные калмыками-эмигрантами в журнале «Мана зянгэ». *Материалы и методы.* В работе применялись структурно-описательный и сопоставительный методы. Материалом исследования послужило периодическое издание калмыцкого зарубежья «Мана зянгэ», издаваемое в конце 1940-х гг. В ходе анализа внимание акцентируется на калмыцком материале, опубликованном в номерах журнала и составляющем малую часть всего печатного материала, учитывая, что превалирует публицистика с актуальным на тот период обзором последних событий и известий Европы. Немаловажное место в этом контексте занимает обозрение новостей из мира русского искусства, а также литературные произведения представителей казачьей и русской литературы. *Результаты.* Обзорный анализ материалов, содержащихся на страницах журнала «Мана зянгэ», показал, что развитие печатного дела калмыцкой эмиграции в конце 1940-х гг. было связано с сохранением национальных традиций, литературы и фольклора, а также с духовным обогащением читателей посредством знакомства с культурно-литературной жизнью зарубежья. Таким образом, журнал нес просветительскую функцию. Как свидетельствуют другие зарубежные печатные издания, это направление для калмыцкой эмиграции всегда имело большое значение и являлось приоритетным. *Выводы.* Основная роль издания «Мана зянгэ» заключалась в поддержке общественной деятельности калмыцкого представительства в Западной Европе, в развитии демократических идей и национальной общественной мысли. Кроме того, издание служило связующим и объединяющим началом для всего калмыцкого зарубежья, учитывая рассеянность калмыцкой эмиграции по странам Европы. Калмыки-эмигранты были в курсе всех политических и культурных событий, происходящих не только в Европе, но и в России, и

в Калмыкии. Впрочем, эта, на первый взгляд, невидимая связь с Отечеством, заочное участие во всех событиях, происходивших на родине, имели место практически с самого начала их пребывания за рубежом.

Ключевые слова: эмиграция, издательская деятельность, пресса, калмыцкие журналы, публицистика, традиции, фольклор

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монголоязычных народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. Периодические издания калмыцкой эмиграции (на примере журнала «Мана зэнге» 1946–1947 годов) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 804–821. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-804-821

UDC 94 (47) 084.6

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-804-821

Periodicals of Émigré Kalmyks: a Case Study of *Mana Zänge* Journal, 1946–1947

*Delgir Yu. Topalova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-1932-6452. E-mail: delya.top@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Topalova D. Yu., 2020

Abstract. The paper examines *Mana Zänge* (Kalm. *Мана зэнге*, 1946–1947) journal and analyzes publishing activities of émigré Kalmyks. **Goals.** The work provides a general analysis of Kalmyk émigré publishing efforts in the late 1940s. **Materials and Methods.** The study focuses on journal articles and literary compositions published by *Mana Zänge*, describes the latter in detail, analyzes materials available, and draws conclusions. Special attention is paid to minor Kalmyk-language texts, which was due to that the periodical was primarily engaged in political journalism and related latest European news and events. In this context, news reviews of Russian arts and literary works by Russian Cossack writers would hold a special place in the journal's narrative. **Conclusions.** *Mana Zänge* proved efficient enough in supporting social activities of émigré Kalmyks in Western Europe, developing democratic ideas and ethnic social thought. Moreover, the publication served as a meeting point for the whole of Kalmyk expatriate community vastly scattered across different European countries. So, émigré Kalmyks stayed aware of all political and cultural events that were taking place not only in Europe but also in Kalmykia and Russia at large. Though it must be said superficially invisible ties to Motherland and indirect participation in all meaningful events had been part of their lives virtually since the earliest days abroad.

Keywords: émigré, publishing activities, print media, Kalmyk journals, journalism, traditions, folklore

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Yu. Periodicals of Emigre Kalmyks: a Case Study of *Mana Zänge* Journal, 1946–1947. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(3): 804–821. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-804-821

Введение

Возникновение калмыцкой диаспоры за рубежом связано с трагическими событиями Великой российской революции. В ходе боевых действий тысячи донских калмыков (остатки белогвардейских войск и мирные жители) совершили вынужденный исход вместе с представителями донского казачества. Это была трагедия народа.

Оказавшись в зарубежье, калмыки мечтали вернуться домой. Многие из них воспринимали эмиграцию как временное явление, однако после 1931 г., когда калмыки-репатрианты подверглись на родине массовым расстрелам и репрессиям со стороны советской власти, люди, понимая, что о возвращении не может быть и речи, вынуждены были приспособляться к тяжелым условиям жизни на чужбине, обживать в разных странах Западной Европы (Болгария, Сербия, Чехословакия, Югославия, Франция). Находясь в условиях изгнания, рассеянные по разным странам, калмыки тем не менее стремились сохранить свою идентичность, свои национальные традиции и самобытную культуру. Дети калмыцких беженцев учились в местных и русских гимназиях, в специализированных школах. Впоследствии многим из них удалось поступить в высшие учебные заведения.

Под руководством Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР)¹, образованной в 1923 г. в Праге, были изданы пять выпусков хрестоматии «Хонхо», напечатан ряд журналов, переиздана «Калмыц-

¹ Председателем КККР был Бадьма Наранович Уланов (1880–1969). Он окончил Санкт-Петербургский университет, был юрисконсультом калмыцких станиц. Принадлежал к группе казачьей интеллигенции. В 1912 г. был избран депутатом несостоявшегося Всероссийского учредительного собрания. В 1918 г. был избран представителем станицы Новоалексеевской на Большом войсковом круге Всевеликого войска Донского. При атамане А. П. Богаевском был назначен депутатом Донского правительства (см. [Дронов 2019: 95]). В эмиграции продолжил общественную деятельность. Был председателем КККР, редактором журнала «Улан Залат», сотрудником многих казачьих печатных изданий.

кая грамматика» В. Л. Котвича [Алексеева 2010: 142–146].

К началу 1930-х гг. деятельность КККР была прекращена. Под руководством лидеров калмыцкой эмиграции, ярких общественных деятелей С. Балыкова и Ш. Балинова была создана общественно-политическая организация «Хальмг Тангачин туг» (ХТТ). Тогда же ими был открыт новый печатный орган — «Ковыльные волны» («Цаган өвсни дольган») на калмыцком и русском языках. Издание носило национально-политический и решительно антибольшевистский характер. В целом с 1930 г. по 1937 г. в печать вышло 16 номеров.

В начале 1940-х гг. положение калмыков за рубежом стало тяжелым. Многих мобилизовали на военную, охранную, обозную службу. В 1945 г. местом сбора всех калмыков-беженцев оказались DP-лагеря (см. [Алексеева 2009б: 21–22]). Так, первый лагерь, куда попали беженцы из Югославии, СССР, пленные из лагерей, восточные рабочие, угнанные немцами, был расположен в г. Шонгау, в Баварии. Со временем из Шонгау калмыков перевели в лагерь Альтенштадт², оттуда — в лагерь «Пфаффенхофен» и «Фраймен-Мюнхен», последний из которых был смешанным. Здесь находились русские, сербы, поляки, прибалты, калмыки и другие (цит. по: [Алексеева 2010: 146]).

Все лагеря находились в ведении Управления Организации Объединенных наций по оказанию помощи и реабилитации (ЮНРРА)³. Самая большая группа калмыков жила также в северной Германии, в Баварии, близ города Крумбах, в красивом замке XI в. Нидерраунау (Niederraunau). Там располагалась калмыцкая гимназия, основная школа, детский сад и хурул.

Организация лагерной жизни калмыков не особо отличалась от других лагерей для перемещенных. Люди жили в бараках (за исключением Нидерраунау), построенных немцами, работали. Дети учились в школах, обучение в которых проходило на русском языке. Некоторые уроки проводили калмыцкие учителя. Так, И. С. Теврюков вел

² В статье 2010 г.: Аленштадт.

³ United Nations Relief and Rehabilitation Administration, сокращенно: UNRRA, или ЮНРРА).

русский язык и литературу, инженер-архитектор Содман Далантинов — черчение, Б. Степанов — математику, Ч. Хулхачинов преподавал географию, историю России, Д. Баянова — старокалмыцкую письменность и калмыцкий язык [Алексеева 2009а; Гучинова 2004: 136]. Д. Баянова в соавторстве с Санджа-Ракба Меньковым написала калмыцкий букварь⁴, по которому обучались дети в лагере Пфаффенхофен [Гучинова 2004: 136; Баянова 2019: 79].

При лагере Пфаффенхофен были образованы волейбольная сборная, куда входили девушки, и футбольная команда «Джангар». И та, и другая команды регулярно участвовали в соревнованиях. В футбольную команду входили: С. Баянов, П. Переборов, Ц. Джеготинов, У. Кутинов, М. Абушинов, Б. Басанов, С. Иванчуков, Н. Уляшкин, М. Пагинов, У. Переборов и М. Пшетоцкий [Большая победа 1946: 21]. Команда «Джангар» всегда играла уверенно и продуктивно, показывая хорошие результаты на встречах с футбольными составами из Мюнхена, Крумбаха и других городов Европы и США.

В Пфаффенхофене был также организован лагерный театр, в котором была задействована калмыцкая молодежь. В дни празднования «Цаган сар» театральная группа регулярно представляла на суд зрителя свои постановки и инсценировки.

Выпуск периодических изданий в лагере было неплохо налажен. Так, в Пфаффенхофене под редакцией С. Цагадинова вышло два номера журнала «Теегин очн» («Степная искра»), а с 1947 по 1948 гг. там же выходил журнал «Мана зянгэ» («Мана зянге» — «Наши известия») (1948 г.) и основанная Арашем Борманжиновым⁵ ежене-

⁴ Более подробно о калмыцком букваре см. статью А. Т. Баяновой «Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции» [Баянова 2019].

⁵ Араш Борманжинов (1922–2011), уроженец Платовской станицы, жил с родителями в Болгарии. Отец работал на шахте, мать — швей. Учился в кадетском корпусе. Переехал в США. Работал на фабрике, после лаборантом на кафедре микробиологии ветеринарного факультета Пенсильванского университета. Защитил докторскую диссертацию. А. Борманжинов — член Американского лингвистического общества, Урало-Алтайского общества, Финского общества эпосоведов, Нью-Йоркской Академии наук [Дронов 2019: 101; Памяти Араша Борманжинова 2012: 5].

дельная газета «Обозрение» под редакцией Эрдне Николаева⁶ и издательства лагеря.

Отметим, что в 1940-е гг. в Германии выходили и другие калмыцкие издания. Например, в 1943 г. под руководством Калмыцкого Национального Комитета⁷ начал выходить народный калмыцкий ежемесячный журнал «Хальмаг» («Калмык»). Редактором был Шамба Нюделич Балинов (1894–1959). Отделение редакции находилось в Берлине, в помещении ведомства немецкого политика Альфреда Розенберга.

Цель исследования — анализ издательской деятельности калмыцкой эмиграции конца 1940-х гг. на примере журнала «Мана зянгэ».

«Мана зянгэ» — журнал калмыцкой эмиграции

Структура и содержание периодического издания «Мана зянгэ»

В фонде научной библиотеки КалмНЦ РАН, благодаря стараниям главного библиографа П. Э. Алексеевой (1924–2020), имеются одиннадцать выпусков журнала «Мана зянгэ»: восемь номеров за 1946 г. (№№ 7–10, 11, 12, 13, 16) и три номера (№ 1, 2, 3) за 1947 г., которые П. Э. Алексеева, по всей видимости, привезла в начале 1990-х гг. из поездки в США. Всего же было выпущено двадцать номеров.

Характерно, что выпуски 1946 г. были изданы в лагере «Фраймен-Мюнхен» (г. Мюнхен), в то время как журналы 1947 г., начиная со второго номера, были изданы в лагере «Пфаффенхофен» в связи с реорганизацией издательства и переездом редакции на новое место жительства (г. Пфаффенхофен). Печатались издания 1947 г. в г. Регенсбурге, в типографии «Братья Хаббель».

⁶ Эрдне Николаев, уроженец Платовской станицы, жил в Чехословакии, Сербии, Германии, США. Окончил Карлов университет в Праге, философский факультет со степенью доктора философии. Преподавал в калмыцкой гимназии в Праге, возглавлял калмыцкую колонию, редактировал газету «Обозрение». Умер в США [Дронов 2019: 101].

⁷ Калмыцкий Национальный Комитет, председателем которого был Шамба Балинов, был образован на базе ранее созданной общественно-политической организации «Хальмаг Тангачин Туг», в которую входило 400 эмигрантов-калмыков, находившихся в Берлине.

Обложка журнала «Мана зяңгэ» (1946 г.)
Front cover of *Mana Zänge* journal (1946)

После проведения съезда российских писателей и журналистов в Шлейсгейме, в августе 1946 г., калмыцкое издательство вошло в число тех, работа которых была разрешена Военным Департаментом Баварии. Журналы печатались типографским способом.

Журнал 1946 г. «Мана зяңгэ», издаваемый калмыцкой молодежью, выходил на калмыцком и русском языках два раза

в неделю. Что касается оформления и художественного лица журнала, то издание было книжного формата — 25/30, иллюстрации в целом отсутствовали, за исключением изображения шахматных задач (раздел «Досуг») и редких фотоиллюстраций в форме фотозаписей, а также просто с оформительской целью для привлечения внимания читателя.

В первый год издания (1946) обложка журнала имела оформительское решение в черно-белом исполнении. На ней изображен удаляющийся вдаль всадник верхом на коне, в правой руке его калмыцкая плеть (маля)⁸. В центре, в верхней части обложки — изображение буддийской ваджры⁹. Учитывая, что журнал нес просветительскую функцию, связанную в первую очередь с сохранением национальных традиций и культуры, и, кроме того, выступал объединяющим началом для всех калмыков, находящихся в эмиграции, ее изображение было вполне символическим. Оно представлено на черном фоне, при этом сама ваджра выполнена в белом цвете, и лишь ее тонкие крайние очертания исполнены черной краской. Оттого, что ее изображение оттеняет черный цвет, создается впечатление, что от ваджры исходит белый свет. Название издания написано заглавными прописными буквами на старокалмыцком. В левом верхнем углу на английском языке значится: «Printed with permission of UNRRA Team 107», т. е. «Печатается с разрешения УНРРА Группы 107». Внизу по центру заглавными буквами указано: «Орган калмыцких студентов». На обложке указывалась дата выпуска. Слева — номер издания. На последней странице издания — сообщение издательства о том, что журнал «редактирует — редакционная коллегия», и тираж (500 экземпляров). На первой странице указаны стоимость журнала («6 марок»), регулярность выхода («5-го и 20-го числа каждого месяца») и дата. В некоторых номерах издания, например, в шестнадцатом, имеется информация о подписке, указывается цена с пересылкой. На последней странице редколлегией уточняется, что «гонорары за принятые к печатанию материалы выплачиваются по соглашению с редакцией»; указан адрес редакции и издательства (например, в изданиях 1946 г. — Мюнхен, 45).

Журнал был рассчитан на широкую читательскую аудиторию. Содержание каждого номера включает в себе рубрикатор тем, все материалы издания были строго структурированы. Так, в первом разделе представлена публикация материалов ана-

⁸ Маля — кожаная плеть, кнут, используемый калмыками-скотоводами.

⁹ Ваджра (в переводе с санскрита ‘молния, алмаз’) — ритуальный буддийский предмет, полисемантический символ.

литического характера, в частности работы социально-политического направления. Во втором — обзор мировой прессы, событий, происходящих в Европе, в том числе в среде эмиграции. Третий — «Наука и техника», четвертый раздел — «Литературный», пятый — «Театр, музыка и фильм» (или же «Литература, музыка, искусство»), шестой — «Литература и искусство», седьмой — разное, восьмой — «Спорт», девятый — «Шахматы», десятый имеет название «На досуге», куда относятся кроссворды (крестословицы), задачи-шутки, загадки. Учитывая, что наполняемость номеров была разной, некоторые вышеперечисленные рубрики были непостоянными. Например, таких разделов, как «Театр, музыка и фильм», «Литература и искусство», «Спорт» в некоторых номерах нет, вероятно, ввиду отсутствия печатного материала по тому или иному тематическому спектру. Оглавление в журналах также не всегда имеет место. При желании автора статьи его материал, который принимался в двух экземплярах, возвращался ему, если в этом была необходимость. Допускались псевдонимы, но лишь при полном извещении редакции о точной фамилии и адресе автора, при этом полная секретность автору была гарантирована (на это указывала редакция в каждом номере). Гонорар за принятые к публикации материалы выплачивался по соглашению с редакцией. Некоторые известия были перепечатаны из немецких и американских печатных изданий «Нойе Цюрихер цайтунг», «Швабише цайтунг», «Нью-Йорк Геральд Трибюн»¹⁰, при этом источник был всегда указан. Каждый номер заканчивался разного рода объявлениями, розысками родных и друзей, подборкой афоризмов, соболезнованиями (в крайне редких случаях). С 1947 г. в журнале стали выходить объявления, в которых принимались предварительные заказы на новые отечественные издания, появившиеся в печати в России (например, «Русские народные сказки» А. Н. Афанасьева).

Как уже отмечалось, представители калмыцкой прогрессивной молодежи, будучи

¹⁰ Здесь и далее при написании названий всех изданий и цитировании опубликованных в них текстов, отдельных имен и наименований на русском и калмыцком языках сохраняется орфография источника.

издателями журнала, старались представить своему читателю обзор всех событий, которые происходили в жизни того или иного государства и в Европе в целом.

Так, двоянный номер журнала (девять и десять) начинается с подборки новостей Европы и США («К 170-летию независимости США», «Перемены политического устройства Европы», «Перемены в правительстве» и др.). В разделе «Наука и техника» изложены научные новости и факты, «Литература и искусство» представляет вниманию читателя сообщения о неопубликованных произведениях Лейбница в сорок томов, о премиях в литературе, учрежденных Французской Академией наук, о новом романе Ильи Эренбурга «Буря». Рубрика «Театр. Музыка. Фильм» рассказывает о выступлениях театральной труппы В. И. Бастунова «Прометей», о выступлении Баварского государственного оперного театра и скрипичного квартета Дмитрия Шостаковича.

Литературный отдел открывает продолжение¹¹ литературной зарисовки «Калмыцкая старина» Данары Нарановны Баяновой под псевдонимом Дон-Ара-Ши, а также небольшое произведение в жанре фельетона «Курсы», автор — Тум. Говоря о первом авторе, отметим, что Д. Баянова была уроженкой станицы Новониколаевская Сальского округа. В 1920 г. вместе со своей семьей эмигрировала в Европу. До этого времени успела закончить высшие Бестужевские курсы¹² (1914), Донской университет (1918), некоторое время работала врачом-акушером [Баянова 2019: 80].

Оказавшись в эмиграции, Д. Н. Баянова занималась просветительской деятельностью: работала учителем калмыцкого языка, русской грамматики, преподавала старокалмыцкую письменность. Как выше отмечалось, в соавторстве с С.-Р. Меньковым, багши буддийского молельного дома в Пфаф-

фенхофоне, издала калмыцкий букварь¹³. Кроме того, Данара Нарановна была профессиональным переводчиком. Занималась переводом русской классики на калмыцкий язык, а также перевела одну из песен калмыцкого героического эпоса «Джангар», изданную во втором выпуске «Хонхо», а позже в одном из номеров журнала «Улан Залат». В четвертом выпуске вышеназванной калмыцкой хрестоматии была опубликована в ее переводе на калмыцкий язык повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Позже ею были переведены еще некоторые произведения русского поэта: пьеса «Скупой рыцарь» из цикла «маленьких трагедий», роман «Дубровский», а также произведения других классиков: «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Недоросль» Д. И. Фонвизина. Все перечисленные переводы планировалось напечатать в отдельных выпусках хрестоматии «Хонхо», однако издание прекратило свое существование в силу организационных и материальных проблем.

Кроме занятий переводами и преподавания, Д. Н. Баянова писала небольшие художественные произведения. В связи с тем, что архив калмыцкой эмиграции сохранился не полностью и определенная часть документов и изданий находится в настоящее время за рубежом, перечислить и назвать все литературные творения Д. Н. Баяновой не представляется возможным. Произведение автора «Калмыцкая старина», изданное в разных номерах журнала «Мана зянгэ», — это своеобразная историко-этнографическая хроника жизни калмыцкого народа. Акцентируя внимание на обрядовых традициях, ярко и реалистично автор воссоздает уклад жизни, а также вековые устои предков, прибегая при этом к элементам поэтики устного народного творчества. Остановим свое внимание на более интересных моментах произведения.

Согласно сюжету, табунщик Эренцин, отец большого семейства, празднует свадьбу старшего сына. Свадьба у калмыков, согласно традициям, должна быть «обильной», отмечает Д. Н. Баянова, описывая картину предсвадебной суеты в кибитке отца жениха. Здесь все уже подготовлено к поездке за невестой: кожаные тулумы, бит-

¹¹ Начало произведения было напечатано в предыдущих номерах издания. В нашем распоряжении находится только одна его часть, изданная в номерах девятом-десятом журнала «Мана зянгэ».

¹² Среди донских калмыков высшее образование получить могли лишь дети тех семей, которые могли себе позволить обучение за свой счет. Кроме Данары Нарановны Баяновой, в те годы успел также получить образование Бадьма Наранович Уланов.

¹³ Более подробно см. статью: [Баянова 2019: 76–80].

ком набитые борчиками (жареные в масле пышки); несколько пудов кирпичного чая для раздачи родным; бурдюки (бөрвэ¹⁴) с аракой — молочной водкой; ящики с пряниками и конфетами и, наконец, самое ценное из подарков — мануфактура в кусках для «омскюл»¹⁵ [Баянова 1946: 13].

Приезд делегации, которую возглавляет «хөрмин толһа¹⁶», в кибитку к родителям невесты сопровождается следующими моментами: официальное приветствие, принятие гостей родственниками невесты, обращение к старшим, разрешение войти в дом со стороны жениха, произнесение благопожеланий, передача подарков, после чего начинается застолье. «Свадьба — сплошная еда, — подмечает автор. — Мясо в кусках, мясо крошеное, горячее, холодное, крепкий темный бульон с густо плавающим жиром. Ответственные родственники берутся за раздачу подарков. <...> Шелковые, шерстяные и ситцевые халаты или просто куски через плечо составляют главный интерес: это знаки оказанной чести и уважения. Народ пьянеет, омскюли развешаются, балалайка издает свой монотонный звук, песни, крики, шум...» [Баянова 1946: 16].

В своем повествовании о калмыцкой свадьбе Д. Н. Баянова приводит описание образа шестнадцатилетней девушки-калмычки, невесты, отличающейся особой скромностью и кротостью по сравнению, к примеру, с европейскими красавицами: «Но где же главные действующие лица, жених и невеста? Европа желает их видеть сидящими рядышком и даже целующимися при криках: „горько!“ О нет! Наша Намча — девушка слишком утонченного воспитания, послушная дочь и скромнейшее существо. Она видела жениха два раза на „надн“ и не промолвила с ним ни единого слова. Она чуть не сгорела со стыда, когда он, по требованию обычая, подсел к ней, чтоб отнять у нее законное кольцо в день „хулд“ (предшествующий свадьбе). Она сразу отдала, чтобы он скорее ушел <...>» [Баянова 1946: 16].

¹⁴ Бөрвэ 'кожаный сосуд'.

¹⁵ Умскюл 'подарок в виде наплечной одежды или ткани, достаточной для шитья такой одежды'.

¹⁶ Хурмин толһач 'главный распорядитель на свадьбе'.

По традиции, после гулянья сваты выносят приданое невесты — несколько сундуков. По требованию обычая, у двери становятся родственники невесты с плетьюми, чтобы бить родню жениха, выносящую приданое невесты. Плачущую молодую невесту, которую увозят из родного дома, подводят помолиться к матери, которая одевает ей на шею «бу», т. е. талисман-молитву, затем сопровождают к лошади и отправляются в путь.

Обращаясь к народным поэтическим традициям, Д. Н. Баянова отмечает, что вся свадебная процессия калмыков всегда сопровождалась песенным исполнением. Например, протяжные песни, которые традиционно исполняет «полудикая степнячка, не знающая ни правил пения, ни техники, не блистающая ничем. Она поет только лишь полуоткрытым ртом и только лишь горлом, при свободном дыхании. Характерность старинных песен — это бесстрастность. Эпические песни — песни истории, песни жалобы, не требующие ничего не от кого» [Баянова 1946: 13–14]. О чем же пели калмычки в своих протяжных песнях? Здесь Д. Н. Баянова приводит слова и историю создания песни «Загалм Бору», в которой поется о Лузанг-Шуну, сыне джунгарского хана Цеван-Рабтана и дочери хана Аюки Сетерджаб. В тексте повествования упоминаются и две другие известные в народе песни: первая песня («Төгряш») — «чисто-житейская» [Баянова 1946: 14] о бедной юной круглолицей Төгряш, которую выдают замуж за седого старика, вторая — «Хар келн тоһрун». Автор приводит отрывки куплетов песенных произведений и их перевод.

Жизнь человека базируется на национальных ценностях, — утверждает Д. Н. Баянова. Бесценный клад воспоминаний остался навсегда в ее душе, несмотря на то, что она находилась далеко от родины. Эти воспоминания воплощаются в прекрасные национально-этнические этюды, зарисовки, в которых за каждым штрихом обозначается национальный характер и образ калмыцкого национального мира.

Одиннадцатый номер журнала начинается со статьи «Как возникают законы в США», в которой освещается система рассмотрения законопроектов в парламенте этой страны. Далее представлены новости радио Болгарии, США о проблемах и жизни беженцев в лагерях Германии, Австрии. Отдельным разделом в журнале представлены

выдержки из речей участников Международного судебного процесса против руководителей гитлеровского режима, получившего название Нюрнбергский процесс, длившегося с 1945 по 1946 гг.

Литературный отдел в номере открывает калмыцкая народная сказка «Старик и старуха» на следующий сюжет: главный герой, глупый старик, пошел за дровами в лес и нашел там иголку. Обрадовавшись, что принес подарок жене, он положил ее в хворост. Придя домой, он начал ее искать, однако игла затерялась в хворосте. Старуха сказала ему, что надо было воткнуть иголку в шапку, она бы не потерялась. Старик в другой раз отправился за дровами и увидел на дороге топор. Вспомнив совет старухи, он, сняв шапку, решил зацепить за нее топор, однако ничего не получилось. От злости он порубил шапку и пошел домой. Старуха, услышав рассказ старика, спокойно сказала, что топор надо было повесить на пояс. На следующий день старик нашел щенка и повесил его за пояс, — щенок задохнулся; и т. д. Сказка «Старик и старуха» соответствует сюжетному типу 1696, на котором основана калмыцкая бытовая сказка «Глупый старик» ('Эргү өвгн') [Надбитова 2016: 119], которая по своему сюжетно-тематическому составу относится к группе сказок «О глупцах». Сказка «Глупый старик» заканчивается тем, что бедный глупец был съеден волками. В сказке «Старик и старуха» конец остается открытым. Встретив на пути мужика, старик, молитвенно сложив рук, стал ему кланяться, как велела ему старуха в случае встречи с гелюнгами. В ответ мужик поколотил его так, что тот насилу домой дошел. Возможно, подобный финал — один из вариантов указанного сюжетного типа сказки, либо его сокращенная версия.

Раздел литературы также вмещает в себя и другие произведения — небольшие рассказы «Брат», «На Марс», «Дружок», «Загадочное число 33» (авторы не указаны), известное стихотворение Н. С. Гумилева «Он поклялся в строгом храме...» и одно стихотворение на калмыцком языке — «Дүнгэсн сарин герелдэнь»¹⁷ ('При свете величавой луны'), автор которого Лижи Веслингиев (Камиков):

¹⁷ Дүнгэсн сарин герелд 'При свете величавой луны'.

Модна орагарн аадад
Мбнгэн сар гарвэ,
Мануртсэн сөбгин агу
Мандэлджэх олдэцэävэ.

Номгэн салькна дольган
Ногана толга кбндävэ,
Садин үйн бүчэрмуд
Сäähн дбланар ганхвэ.

Унтэджэ-үргэлсэн богшэргу
Ўргэджэ серад джиргэвэ,
Дүнгэсн сарин герел
Дахуцад хяру токтнэвэ.

Джбблкэн цаган гаринь
«Джиргэл» гиджэ бärүвэ,
Булгин усна экендэ
Бульгэлсэн зуркэм токтнэв.

Сенр-цевр агчарта
Сäähн орчэлн тунвэ,
Сäähн теегин снь
Сäджелин байр дүүргавэ.

Сар улмар мандэлжэ
Сäähн герлән асхэвэ,
Мана хойр седкелдэ
Мбнкэ джиргал делгэвэ.

Приведем прекрасный подстрочный перевод этого произведения, автором которого является педагог, журналист, переводчик Эрдни Потаевич Канкаев:

С верхушками деревьев играя,
Серебряный месяц взошел.
Синеющий ночной простор
Приветствовал, далеко засиял.

Спокойного ветра волна
Головки трав качает,
Деревьев гибкие ветви
Прелестно, спокойно колышет.

Заснувший-вздремнувший воробей,
Проснувшись, с испугу защебетал,
При свете величавой луны
Согревшись, вновь успокоился.

Мягкий белый свет
«Счастьем» признал, ухватил.
У истока воды родниковой
Трепещущее сердце успокоил.

Месяц, взойдя ещё выше,
Красивый свет излучает.
Моей и твоей душе
Вечную жизнь обещает.

(Подстрочный перевод: Эрдни Канкаев,
19.04.2020).

Рубрика «Наука и техника» в номере по традиции включает в себя познавательные статьи о научных разработках, достижениях и изобретениях, сделанных в России и за рубежом: «Радар для слепых» (о разработанной Морским министерством США радар-пластинке для слепых), «Триумф врача» (об успехе врача, профессора Корчица, который, сделав удачную операцию на сердце за две минуты, доказал, что кардиологические хирургические манипуляции в скором будущем будут совершенствоваться) и др.

В небольшом по содержанию разделе «Литература, музыка и искусство» размещены три статьи, посвященные русскому искусству. В первой — «Русская литература за границей» рассказывается о переводах конца 1940-х гг. русской классики на немецкий язык, приобретающей большую известность за рубежом (например, классические произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, а также Н. С. Лескова). Вторая статья — о профессоре Федоре Степуне, русско-немецком философе, социологе, литературном критике. В работе «Современная русская музыка» повествуется о звездах музыкального неба России (М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, И. Ф. Стравинский, Н. А. Римский-Корсаков, Д. Д. Шостакович, С. С. Прокофьев). Рубрика «Театр и фильм» вновь рассказывает читателю о новостях русской культуры, в частности о театральных постановках в Москве, Берлине и Гамбурге (пьесы «Кремлевские колокола» советского драматурга Н. Погодина, «Чайка» Ю. Завадского, опера С. Прокофьева «Война и мир» и др.).

Сдвоенный номер журнала (двенадцать и тринадцать) вышел из печати 20 августа 1946 г. Новостная лента в номере начинается со статьи, посвященной памяти бакши Денисовского хурула Санжи (Джамьянг) Умальдинова (1882–1945). В работе представлены краткие биографические сведения

о жизни и деятельности буддийского учителя¹⁸, а также информация о торжественном открытии памятника бакше. Он был открыт в г. Крумбах (Швабия).

Развитие печатного дела калмыцкой эмиграции после издательской реформы 1946 г.

Выход вышеуказанных изданий за 1946 г. совпал со съездом российских писателей и журналистов в г. Шлейсгейме, который имел в определенном смысле судьбоносное значение и для калмыцкой редакции. Этому событию в журнале посвящена целая полоса. Участие в работе принимали делегаты печатных органов, находящиеся в американской зоне оккупации Германии. В официальный состав Президиума, помимо многих членов съезда, был избран и редактор издательства «Мана зянгэ» Эрдне Николаев. Семнадцатого августа того же года состоялось деловое совещание редакторов русских периодических изданий в американской зоне. Местом встречи был лагерь «Менхегоф» (около г. Касселя, Германия). Из лагеря «Фрайман» были приглашены редакторы всех изданий, в том числе калмыцкого журнала [*Съезд российских 1946*: 3].

Реформа издательского дела 1946 г., предложенная на большом съезде офице-

¹⁸ Санжи Умальдинов — уроженец Денисовской станицы. В статье «Освящение памятника» в № 12–13 журнала «Мана зянгэ» о нем рассказывается так: «... родился 7.12.1882 г. В раннем детстве он был отдан родителями в хурул того же аймака в качестве ученика. Ему было дано духовное имя Джамьянг. Начальную школу он успешно кончил на тибетском языке, после чего был переведен в среднюю, где также резко выделялся среди своих школьных товарищей своими необыкновенными способностями. На двадцать втором году жизни стал гелюнгом и поступил в высшую духовную школу, где был одним из любимейших учеников Ламы калмыцких хурулов, покойного Борманжинова. В 1911 г. Джамьянг получил научную командировку в Монголию, а по возвращении был назначен бакшой хурула <...> Находясь в эмиграции, он неустанно проповедовал среди калмыцкого народа великое учение Будды. В 1929 г., по инициативе и настоянию Джамьянга-Бакши и с разрешением местных властей, был выстроен в Белграде буддийский храм, единственный духовно-культурный центр калмыков в эмиграции» [*Освящение памятника 1946*: 2].

ром Главной Квартиры ЮНРРА Хайдом, была связана с недостатком бумаги, некорректным политическим тоном некоторых статей и множеством однотипных изданий. С этого года все периодические издания, выходившие в издательствах лагерей, прекратили свое существование. В печать имели право выходить лишь те органы, которые получают разрешение Военного Департамента Баварии [*Съезд российских 1946: 4*]. Калмыцкий журнал вошел в эту группу изданий.

Кроме того, для каждой национально-языковой группы было допущено не больше четырех изданий на всю американскую зону, разделенную на четыре дистрикта: Мюнхен, Штутгарт, Висбаден и Регенсбург. Таким образом, на один округ было разрешено только одно издание. Бумага выдавалась строго: из расчета еженедельной газеты, объем которой составлял 12 страниц по берлинскому формату. Издания предназначались только для американской зоны. Церковные ведомости с этого момента не разрешались, но каждый журнал мог содержать религиозную рубрику. Цензура была отменена, однако все номера проверялись соответствующими властями. Ответственность за содержание каждого журнала нес редактор, он же был и лицензиатом [*Съезд российских 1946: 4*].

Из имеющихся у нас номеров калмыцкого журнала можно увидеть, что изменения, связанные с реформой издательской деятельности 1946 г., проявились в шестнадцатом номере. С этого времени издание носило уже не информационно-литературный и научный, а литературно-публицистический характер. Содержание, соответственно, также претерпело незначительные изменения. Рубрики в журнале отныне не выделялись, за исключением раздела «Литература». Статьи структурированы следующим образом: 1) статьи информационного характера; 2) литературные работы (произведения литераторов); 3) материалы на экономические, популярно-философские, исторические и социальные темы. Таким образом, в обновленной версии журнала превалировал все же публицистический материал. Его объем составлял не двенадцать страниц, согласно берлинскому формату, объявленному офицером Хайдом на съезде писателей и журналистов, а немного больше — шестнадцать-семнадцать страниц.

В содержании номеров двенадцать и тринадцать «Мана зянгэ» за 1946 г. чувствуется острое постоянное внимание журналистов ко всем событиям, происходящим в Европе, при этом, безусловно, все обсуждаемые сведения являлись насущными и интересными для всех эмигрантских центров. В соответствии с этим моментом формируются тематические блоки новостей. Так, отдельные материалы посвящаются политической силе христианства в Европе, населению Баварии после войны, годовщине капитуляции Японии, военно-политической Арденнской операции Гитлера (1944–1945) и др. Отдельная статья в номере вновь посвящается Нюрнбергскому процессу, в частности, были опубликованы выдержки речи представителей обвинения США, Великобритании и Франции.

В рубрике «Проблемы ДР» размещены 2 статьи: «Проблема евреев и Д. П.» (о переселении евреев из Польши и других зон в американскую) и работа «Вопрос УНРРА» (о закрытии УНРРА в 1947 г.).

Литературный отдел номера вмещает в себя десять литературных произведений. Это два прозаических произведения: небольшой рассказ о первой любви М. Вельской «Зайцев переулоч № 9», быль о доброте и сострадании для детей и взрослых Вл. Гриненко «Папа-мохнатик» (1943), одно произведение калмыцкого фольклора — народная сказка о добром старике-буддисте «Старик Алцангуш» и семь стихотворных произведений. Авторы всех произведений (за исключением сказки), скорее всего, были «дипийцы». Известно, что басня «Кукушкин прием» и стихотворение «Комета» написаны поэтессой Ниной Ермолович. Три стихотворных произведения принадлежат калмыцким поэтам: «Күсэл¹⁹» — автор Дула-Теегин-Дүүран, «Мана седкэл²⁰» — автор под псевдонимом С.-Р., «Хальмг тег²¹» — автор Бадмин Дорджэ.

Как правило, свои литературные псевдонимы авторы использовали без указания настоящего имени. Некоторые «литературные маски» были весьма интересны, например, Дулан-Теегин-Дүүран, что переводится как «Ласковое степное эхо». Об этих авторах в

¹⁹ *Күсл* — ‘мечта, стремление, цель’.

²⁰ *Мана седкл* — ‘наша душа’.

²¹ *Хальмг тег* — ‘калмыцкая степь’.

настоящее время ничего неизвестно, многие из них были, по всей видимости, начинающими. Приведем перевод стихотворения «Мана седкэл» («Наша душа») Дулан-Теегин-Дууран:

Вместе с восходом солнца
Соперничая, встав, помолимся.
От океана вселенских страданий
Избавимся навсегда.

Будде Просветленному — драгоценности
Беспрекословно будем верить,
Ложных учений приверженцев
К ученью Будды приведем.

Ученью буддийскому — драгоценности
Пробужденное сердце вознесем,
Суеты, неразумности корень
Солнечным мечом разрубим.

Хувракам — буддизма драгоценности
Зла не причиним.
Врагов и агрессоров всяких
К ногам своим преклоним.

Устами не изглаголить слов,
Благодетельных отца и мать,
На ладони держа,
Всячески будем радовать.

Предками утвержденную
Счастливую власть,
Ввысь и вширь развивая,
Никогда не дадим свергнуть.

Религиозными ламами установленную
Духовную власть,
В сердце своем держа,
Расторопно развивать будем.

Сирых, убогих, страждущих
От щедрой души снабдим,
Больных, занемогших людей
Сострадающим сердцем встретим.

Иной стране, любопытствуя,
Себя не посвятим,
Иные лучшие профессии
Полностью переняв, освоим.
За всемирными мастерами
Следуя, обучимся.
Вечного врага — противника
Раздавим и крепче будем.

От мороза, зноя страдая,
Не сломимся, не устанем.
Врага, неприятеля всякого
Сами всегда победим.

(Подстрочный перевод
Эрдни Канкаева, 19.04.2020)

Народная сказка «Старик Алцангуш» относится к жанру бытовых сказок. Краткое содержание сказки: добрый, благодарный старик-буддист Алцангуш никогда не отпускал человека, что-нибудь не подарив, если тот его уважит. Бродил по всему свету с этим добром. По дороге ему встречается всадник, который обращается к нему со словами приветствия. Старик, изумленный почтением незнакомца, дарит ему свою лошадь. Молодой человек, отъехав за бугор, снова подъезжает к старику с приветствием. Алцангуш отдает ему свой котел. В третий раз — всю провизию. Увидев дорогу, которая вдруг раздвоилась, старик, чтоб не обидеть ни одну из них, пошел по обеим. Так и умер Алцангуш, упав в изнеможении. Сюжетный тип сказки «Старик Алцангуш» находит свое соответствие в тексте сказки «Алг цоохр маштгта өвгн» («Низкорослого пегого имевший старик»), опубликованной в первом томе калмыцкого сборника сказок «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [Хальмг туульс 1961]. Более полный ее вариант под названием «Ухр өвгн» («Старик Ухр») был опубликован в первой книге «Kalmückische Sprachproben» [Ramstedt 1909].

Из содержания шестнадцатого номера за 1946 г. несложно понять, что в издательстве «Мана зянгэ» наступил кризисный период. Журнал был издан типографским способом, однако цена на подписку, как и продажная цена, была снижена. Редколлегия надеялась, что таким образом издание найдет больший круг читателей. Обложка номера с этого момента имеет лишь изображение ваджры, расположенной в центре. На обороте титульной страницы имеется оглавление.

Пласт публицистики в номере представляет читателю международный обзор: о социально-политическом положении Монголии и Китая, старой русской эмиграции, разногласиях между Россией и США, арестах русских в Бельгии, «чистке», происходившей в Советском Союзе, военном

обучении молодежи в СССР и судьбе Ди-Пи (D. P.). Интерес представляет статья Д. Н. Баяновой по этнографии «Традиционное воспитание у калмыков». В конце журнала представлены фотографии погребения багши Санжи Умальдинова в г. Крумбахе.

В литературном отделе были напечатаны продолжение стихотворения Дула-Тегин-Дууран «Кюсл»²² и калмыцкая сказка «Ханский указ» С. Б. Балыкова. Последняя имеет соответствие со сказкой о неверной жене «Собсид», опубликованной во втором томе «Хальмг туульс» [Хальмг туульс 1968].

Согласно содержанию калмыцкой народной сказки «Собсид»²³, давным-давно жил хан Собсид. Отрыгивал он золотом, кашлял золотом, когда потели руки, выходили жемчуг и кораллы. Взяв в жены красавицу, хан был счастлив. Однажды от богатого хана Бурула ему пришло письмо с просьбой прибыть к нему. Когда Собсид хан собрался в дорогу, ханша, плача, не отпускала его. Хан остался. Спустя время пришла снова весточка от Бурула. Собсид, уехав, оставил ханше свою фотографию²⁴.

В народной сказке по пути встретилось хану большое дерево, на гнезде которого были два неоперившихся птенца. Сидевший возле них желто-пестрый балабан наврал хану, что прикрывает их от солнца. Сам же, завидя, что хан отъехал, съел их. Похожий эпизод есть и в произведении С. Б. Балыкова.

В сказке «Собсид» главного героя окружает сплошной обман. Обманул его ехавший навстречу мужчина, который оказался любовником его жены. Обидела и Собсида, и хана Бурула супруга последнего, изменив на глазах у Собсида супругу своему со старшим чабаном. Оба хана, разозлившись, задумали убить всех женщин, не оставив ни одной.

В сказке Санжи Балыкова, встретив любовника жены, хан, вернувшись домой, всю ночь думал. Наутро, позвав кузнеца, заказал жене железные штаны с замком. Однако, как рассказал ему любовник ханши при второй

встрече, ханша, сдувая живот, снимает их. Хан, сильно удивившись женской хитрости, выезжая на охоту, поставил двух часовых у кибитки, чтобы те никого не пускали. Повстречав снова любовника жены, он узнал, что из соседней балки в ханскую кибитку отныне имеется подземный ход, через который молодец и попадает прямо в объятия ханши. Хан, рассвирепев, застрелил парня и отрубил супруге голову шашкой, а утром приказал всех подданных женского пола истребить.

В народной сказке в ханстве Собсида жила шестидесятилетняя женщина, у которой был семидесятилетний слепой муж. С целью спасти свою старуху старик положил ее в ящик, взвалил на спину и, опираясь на костыли, пустился в путь. Та же, заведя в ящик толстого черного гецеда, развлекалась. Встретившиеся по дороге Бурхан Багши и Зеленая Тара, узнав об этом, решили вернуть старику зрение. Прозрев, он рассердился на старуху, на что та ему ответила: «Если бы я так не поступила, разве Вы стали бы зрячим?». Так, благодаря семидесятилетнему старику Собсид перестал убивать женщин.

Калмыцкий писатель также включает подобный эпизод в свою сказку. Однако действующими лицами являются прекрасная женщина и молодой человек, и если в первой сказке зрение слепцу возвращают бурханы, то у С. Б. Балыкова хан произносит мольбу к богу о том, чтобы муж увидел коварство жены, и его желание исполняется. Хитрая жена заявляет мужу, что если бы не ее поступок, то зрение ему боги не вернули, на что мужчина соглашается. Суровый хан, убедившись, что все женщины одинаковы, а мужчины — нет (одни благодарят за измену, вторые хотят казнить), отменил свой приказ.

Таким образом, в сказке С. Б. Балыкова «Ханский указ» наблюдаются все элементы сюжетной канвы калмыцкой народной сказки. В целом писатель сохраняет поэтику, конфликтную коллизию, метафоричный народный язык, привнося в текст лишь некоторые художественные нюансы.

С 1947 г. издание «Мана зэнгэ» являлось уже не «Органом калмыцких студентов», а «Органом калмыцкой общественности за рубежом». Ответственным редактором журнала с этого года стал Эрдне Николаев,

²² Название стихотворения в разных номерах дается по-разному: «Күсэл» и «Кюсл».

²³ Перевела сказку И. М. Болдырева, младший научный сотрудник научной библиотеки и архива им. П. Э. Алексеевой КалмНЦ РАН.

²⁴ Так в источнике.

он же был лицензиатом. Состав редакции журнала был реорганизован. В отборе статей главным и единственным критерием редакционного отдела было их качество, а также соответствие заявленным темам.

Первый номер, изданный 5 февраля 1947 г., традиционно открывается известиями о событиях в Европе. В небольших заметках в номере рассказывается о недостатке продовольствия в СССР (в частности, на Украине и в Белоруссии).

В рубрике «Литература» представлены рассказы М. Вельской («2000 крон»), Вильяма Сарояна²⁵ («Драгоценное сокровище»), басня Н. Ермоловича («Дружба»), стихотворения К. Приморского («Калмыцкие степи»), И. Аносова («Чужая весна», «Хан-Тенгри»), И. Елагина («Млечный путь»). Открывает литературный раздел рассказ «Сильнее власти» Санжи Балыкова.

Рассказ калмыцкого писателя был впервые издан в 1934 г. в девятом номере журнала «Ковыльные волны». В 1976 г. это произведение было вновь напечатано в Мюнхене в одноименном сборнике («Сильнее власти»), составителем которого выступила его супруга Доржима Бадмаевна Бембетова (Шавелькина). Увлекательный сюжет небольшого, но емкого по содержанию произведения передает читателю историю, в которой главными героями выступают нойон Бамбур и восемнадцатилетняя супруга его сына, красавица Сяхиндя. Старый тесть влюбился в младшую невестку, последствия этого события вызвали в степи «великий раздор»²⁶ [Балыков 1947: 10]. Национальное мышление писателя отражено в рассказе в зеркале этических категорий. Основная коммуникативная цель автора сводится к мысли о том, что неуважение к традициям и обычаям народа, игнорирование нравственно-этического кодекса и его осквернение — плохая примета, за которой может последовать большая трагедия и для каждого народа, и для всего человечества [Топалова 2016: 268].

²⁵ Под именем и фамилией Вильям Сароян подразумевается американский писатель армянского происхождения Уильям Сароян (1908–1981). Возможно, в журнале «Мана зэнгэ» допущен вариант написания имени автора.

²⁶ Подробнее см.: [Топалова 2016].

Второй номер «Мана зэнгэ» вышел в канун калмыцкого праздника Цаган сар 20 февраля 1947 г. В предисловии к номеру главный редактор журнала Эрдне Николаев, говоря о его национальном и религиозном значении, поясняет читателям, что праздник Цаган сар для калмыков, несмотря на то, что они находятся на чужбине, «остается единственным большим национальным праздником, а потому приготовление к его встрече всегда происходит необыкновенно тщательно, как с материальной стороны, так и с религиозно-бытовой» [Николаев 1947б: 1].

Редакционное и издательское поздравление со светлым национальным праздником содержит следующее обращение: «Стойко и терпеливо переносим мы лишения и невзгоды зарубежья и сознательно страдаем, веруя, что осуществляются наши заветные мечты и родится новая, счастливая и более справедливая жизнь, в которой все калмыки, как в старину, будут в братском единении и в братской любви» [С Цаганом 1947: 2].

Международное обозрение о положении всех стран после Второй мировой войны и исчезающей военной угрозе представлено в статье Кольдонга Соднома. Актуальные новости из мира политики разных стран представлены также и в других статьях, одна из которых («Фарс и обман») перепечатана из американской газеты «Нью-Йорк Геральд Трибьюн», а две другие анонимные. Из двух последних внимание привлекает отличающаяся от всех других публикаций небольшая статья под названием «Кровавый подсчет», в которой представлена часть отчета Международной комиссии по европейским вопросам²⁷ относительно количества человеческих потерь противоборствующих сторон в самой кровопролитной Второй мировой войне. Необходимо отметить, что проблема оценки потерь разных стран в период Второй мировой войны до настоящего времени является весьма сложной и дискутируемой

²⁷ Речь идет о Европейской консультативной комиссии, созданной странами — членами антигитлеровской коалиции для выработки совместных решений. Комиссия начала работу в декабре 1943 г. в Лондоне и была распущена в августе 1945 г. после Потсдамской конференции.

[Еременко 2015]. Потери, информация о которых представлена в указанной статье, не соответствуют цифрам, опубликованным в более позднее время, что может быть объяснимо дальнейшими уточнениями и исследовательской работой по изучению вопроса. Однако и констатация заниженной цифры количества человеческих потерь в СССР — семь миллионов — в содержании статьи представлена пренебрежительно, чувствуется отношение автора к советскому государству: «... 7 миллионов — огромная цифра даже для двухсотмиллионного населения. Но эта цифра распределяется на 4 года войны, а средний прирост населения в СССР — 1,5 миллиона человека в год. Следовательно, эти потери не столь опасны для столь большого государства <...>» [Кровавый подсчет 1947: 4].

С одной стороны, подобная позиция может быть объяснена желанием оценить размах трагедии в масштабах демографической ситуации. С другой стороны, столь холодное рассуждение неизвестного автора, подготовившего данную статью о многомиллионных потерях не может не быть соотнесено с его неприятием советской власти. И в этом аспекте данные рассуждения довольно противоречиво выглядят в свете задач литературно-публицистического журнала, выполнявшего, помимо обзоров новостей политики, культурно-просветительскую функцию.

Литературный раздел представляют рассказы М. Вельской «Статуэтка Танагри», С. Савинова «Первая лисица», стихотворение А. Савиновой «Моя душа» и два произведения Н. Ермолович — стихотворное произведение «Ожиданье» и басня «Медведица и птенцы».

Третий номер снова открывается статьей главного редактора Эрдне Николаева. Главный редактор отмечает: «Наш журнал вступил в новую жизнь. <...> Кроме приобретения кадра опытных и взаимно друг к другу питающих доверие сотрудников, необходимо преодолеть ряд больших организационных и финансовых затруднений. В наших условиях эти стороны дела являются чуть не главными препятствиями правильной постановки и развития всякого печатного дела. В редакцию журнала уже

стали поступать отзывы о его недочетах и достоинствах. Среди отзывов имеются похвальные и правдивые указания, но также есть замечания поспешные и необъективные. В общем же многое верно, и мы всего этого ожидали. <...> Мы очень далеки от мысли считать наш журнал каким-то совершенством искусства, а теперешних сотрудников людьми с исключительными дарованиями. Также далеки от того, что при неполной удаче первых двух номеров впасть в уныние и продолжать почивать в состоянии ничегонеделанья. <...> Вполне сознаем, что наши силы скромны, возможности ограничены, и что в начальной стадии нашего журнала имеются некоторые недочеты. Сознаем также, что без сочувствия и широкой общественной поддержки наше благое начинание может в зародыше зачахнуть» [Николаев 1947а: 1].

В статье «Праздник Цаган» С. Галданов, представитель газеты «Обзорение», пишет о религиозном значении калмыцкого праздника, связанного с торжеством учения Будды, проникнутого «идеей постоянного нравственного самоусовершенствования человека путем отречения от всех соблазнов и искушений материального мира, и бесконечного милосердия не только к людям, но и ко всем живым существам» [Галданов 1947: 2], а также о значении «... общественно-нравственного порядка, начало которого уходит в далекое мифическое прошлое» [Галданов 1947: 2].

В конце 1940-х гг. среди калмыцкой эмиграции главным и актуальным вопросом был вопрос о переселении калмыков в США. В этом смысле перед эмигрантами возникало много вопросов. Джаб Наминов-Бурхинов, будучи основателем Калмыцкого Объединения Нового Поколения, в обращении к калмыкам говорил, что как духовный руководитель «К. Об. Н. П» он объявляет о вхождении всех калмыков в состав Общекалмыцкого Объединения. «Все, что есть у нас умного, честного и благородного, имеющего искру любви к своему народу, должно сгруппироваться вокруг этой организации и содействовать в достижении поставленных ею задач. Вопрос иммиграции нашего народа из Западной Европы в одну из наиболее подходящих стран — Америку является трудным и сложным делом. К нему надо подойти вдумчиво и, в первую

очередь, сообща и организованно»²⁸ [Нямин Джаб 1947: 7]. К калмыцкому празднику «Цаган сар» раздел литературы открывает рассказ Санжи Балыкова «На Цагане». К данному разделу также относятся стихи поэта (или поэтессы) под псевдонимом «Д»: «Курган», «Как тяжело идти с непосильной ношей...», стихотворение Анны Савиновой «Корабль» и др.

Выводы

В культурно-литературной деятельности калмыцкой эмиграции в конце 1940-х гг. выпуск периодических изданий являлся одним из приоритетных направлений. Исходя из названий рубрик «Мана зянгэ» 1946 г., можно сказать, что основная цель журнала калмыцких студентов заключалась в том, чтобы, во-первых, оптимально представить читателю хронику всех интересных с точки зрения эмигрантов политических и культурных событий, происходящих в мире в целом, тем самым воспитывая и настраивая читателя на восприятие событий широкого охвата. Во-вторых, журнал нес, как уже отмечалось, просветительскую функцию. В этом смысле целевая направленность издания была связана с духовным обогащением читателей посредством знакомства с новыми литературными произведениями, с культурно-литературной жизнью зарубежья, популяризацией устного народного творчества, сохранением национальных традиций, литературы и фольклора. Как свидетельствуют зарубежные печатные издания, это направление для калмыцкой эмиграции всегда имело большое значение и являлось приоритетным. Например, одна из главных целей другого, сугубо, на первый взгляд, военно-политического антибольшевистского издания «Хальмаг» была,

²⁸ Напомним, что до этого времени лидеры калмыцкой эмиграции подавали заявки на иммиграцию в правительства семнадцати стран мира, однако везде был получен отказ. Лишь в начале 1950-х гг., благодаря супругам Самсоне и Доржи Ремилевым, а также Толстовскому фонду вопрос переселения калмыцких эмигрантов в Америку был разрешен. В 1951 г. Конгресс США принял решение о том, что калмыки могут переехать в США как выходцы из европейского региона (так как в то время имелся запрет на гражданство США выходцам из Азии) [Гучинова 2004: 144].

прежде всего, направлена на «поддержку менталитета людей своей культуры, традиций» [Ильин 2009: 4]. Так, раздел литературы имел место в каждом номере. Стихотворения, рассказы, повести на русском и калмыцком языках, калмыцкие народные песни и сказки постоянно выходили на страницах газеты и выполняли смыслообразующую функцию в структуре всех номеров. Этот же момент в издательской деятельности калмыцкой эмиграции относится и к газете «Обозрение».

Консолидирующая роль изданий, начиная с 1947 г., заключалась в том, чтобы поддерживать все мероприятия калмыцкого представительства в Западной Европе, направленные на улучшение условий жизни калмыков в изгнании, объективно выражать общественное мнение и проводить демократические идеи в духе западно-европейских традиций, с которыми калмыцкие эмигранты близко познакомились за время своего пребывания в изгнании [Николаев 1947а: 1]. Все это способствовало развитию национальной общественной и патриотической мысли. Кроме того, учитывая, что международная жизнь после Второй Мировой войны менялась, словно в калейдоскопе, и многие государства сохраняли оборонительную политику военного времени, перед людьми в эмиграции возникало много спорных вопросов. В этом смысле журнал «Мана зянгэ» был своего рода компасом, который помогал калмыкам не просто быть в курсе всех известий, но и суметь сориентироваться, разобраться в той или иной проблеме, понять идеологию того тяжелого времени, а также почувствовать национальную «соборность», поддержку, учитывая рассеянность калмыцкой эмиграции по странам Европы. Издание «Мана зянгэ» служило связующим и объединяющим началом для всего калмыцкого зарубежья.

Находясь за рубежом, калмыки всегда были в курсе всех политических и культурных событий, происходящих не только в Европе, но и в России и, конечно, в Калмыкии. Не пропуская ни одного политического события, пристально наблюдая за всеми свежими новостями в мире русского искусства и литературы, интеллигенция калмыцкого зарубежья всегда в широком масштабе и с большим интересом обсуждала те или иные вопросы. Об этом свидетельствует содержание эмигрантских изданий. Такой «невиди-

мый мост» с родиной ощущался весь период существования калмыцкой эмиграции в Европе, начиная с 1920-х до конца 1940-х гг.,

что является доказательством факта: калмыцкие эмигранты никогда не жили лишь в своей, замкнутой сфере.

Литература

- Алексеева 2009а — *Алексеева П. Э.* Из истории калмыцкой эмиграции за рубежом // Я сердцем тянулся к вам... (к 70-летию Джиджи Андреева) / сост. П. А. Алексеева, А. Т. Баянова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 16–22.
- Алексеева 2009б — *Алексеева П. Э.* Пребывание калмыков в лагерях Германии // Я сердцем тянулся к вам... (к 70-летию Джиджи Андреева) / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 22–25.
- Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Балыков 1946 — *Балыков С. Б.* Сильнее власти // Мана зэнгэ. 1947. № 1. С. 8–10.
- Баянова 1946 — *Баянова Д.* Калмыцкая старина // Мана зэнгэ. 1946. № 9–10. С. 13–18.
- Баянова 2019 — *Баянова А. Т.* Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции // Монголоведение. 2019. № 1. С. 76–88. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89.
- Большая победа 1946 — Большая победа С. К. «Джангара». С. К. «Джангар» — С. К. Крумбаха 7:2 (4:0) // Мана зэнгэ. 1946. № 11. С. 21.
- Галданов 1947 — *Галданов С.* Праздник Цаган // Мана зэнгэ. 1947. № 3. С. 2–3.
- Гучинова 2004 — *Гучинова Э.-Б. М.* Улица Kalmuk Road: История, культура идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Дронов 2019 — *Дронов В. А.* Бузавы. Очерки истории донских калмыков. Ростов н/Д: ИП Ютишев А. С. 2019. 240 с.
- Еременко 2015 — *Еременко С. Б.* К вопросу о потерях противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: правда и вымысел [электронный ресурс] // Минобороны РФ. Ход войны. 70 лет. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11359251@cmsArticle (дата обращения: 01.03.2020).
- Ильин 2009 — *Ильин И. В.* Военная пресса калмыков (журнал «Калмык»). М.: МГОУ, 2009. 55 с.

References

- A great victory of Jangar: Jangar Sports Club — Krumbach Sports Club 7:2 (4:0). Mana Zänge. 1946. No. 11. P. 21. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. About People and Time. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 176 p. (In Russ.)

- Кржавый подсчет — *Кржавый подсчет* // Мана зэнгэ. 1947. № 2. С. 4.
- Мана зэнгэ — Мана зэнгэ. 1947. № 1. С. 8–10.
- Надбитова 2016 — *Надбитова И. С.* Сюжетный состав калмыцких бытовых сказок // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2016. Т. 10. № 4. С. 116–121.
- Николаев 1947а — *Николаев Э.* Беседа с читателями // Мана зэнгэ. 1947. № 3. С. 1.
- Николаев 1947б — *Николаев Э.* К празднику «Цаган-сар» // Мана зэнгэ. 1947. № 2. С. 1.
- Нямин Джаб 1947 — *Нямин Джаб.* Обращение Калмыцкого Объединения Нового Поколения к калмыкам // Мана зэнгэ. № 3. 1947. С. 7.
- Освящение памятника 1946 — Освящение памятника Бакши С. У. // Мана зэнгэ. 1946. № 12–13. С. 2.
- Памяти Араша Борманжинова 2012 — Памяти Араша Борманжинова // Хальмг үнн. 2012. 11 января. (№ 1). С. 5.
- С Цаганом 1947 — С Цаганом! // Мана зэнгэ. 1947. № 2. С. 2.
- Съезд российских... 1946 — Съезд российских писателей и журналистов в Шлейсгейме // Мана зэнгэ. 1946. № 12–13. С. 2–4.
- Топалова 2016 — *Топалова Д. Ю.* Проблемы сохранения национальных традиций и этических представлений в рассказе С. Балыкова // Oriental Studies. 2016. № 1. С. 262–270. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-262-270.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. I боть (= Калмыцкие сказки. Т. I). Элст: Хальмг дегтр һарһач. 1961. 264 х.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. II боть (= Калмыцкие сказки. Т. II). Элст: Хальмг дегтр һарһач. 1968. 264 х.
- Ramstedt 1909 — *Ramstedt G. J.* Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und Hrsg. von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.

- Alekseeva P. E. Kalmyk expatriate community: glimpses of history. In: Alekseeva P. E., Bayanova A. T. (comps.) 'In My Heart I Was with You...': Celebrating the 70th Anniversary of Dzhidzhya Andreev's Birth. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 16–22. (In Russ.)

- Alekseeva P. E. Kalmyks in DP camps of Germany. In: Alekseeva P. E., Bayanova A. T. (comps.) 'In My Heart I Was with You...': Celebrating the 70th Anniversary of Dzhidzhya Andreev's Birth. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 22–25. (In Russ.)
- Balykov S. B. Stronger Than Power. *Mana Zänge*. 1946. No. 9–10. Pp. 8–10. (In Russ.)
- Bayanova A. T. Revisiting the history of one manuscript book issued by emigrant Kalmyks in 1947. *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 76–89. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89
- Bayanova D. The good old days of Kalmykia. *Mana Zänge*. 1946. No. 9–10. Pp. 13–18. (In Russ.)
- Bloody numbers. *Mana Zänge*. 1947. No. 2. P. 4. (In Russ.)
- Commemorating Arash Bormanzhinov. *Khal'mg Ünn*. 2012, January 11. (No. 1). P. 5. (In Russ.)
- Congress of Russian writers and journalists in Schleißheim. *Mana Zänge*. 1946. No. 12–13. Pp. 2–4. (In Russ.)
- Consecration of monument to Bakshi S. U. *Mana Zänge*. No. 12–13. 1946. P. 2. (In Russ.)
- Dronov V. A. The Buzavs: Historical Essays on Don Kalmyks. Rostov-on-Don: A. Yutishev, 2019. 240 p. (In Russ.)
- Eremenko S. B. Soviet-German battles of the Great Patriotic War: the issue of actual casualty numbers revisited. Truth and lies. At: Ministry of Defense of the Russian Federation (website), 'Course of War – 70th Anniversary (of the Victory)'. Available at: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11359251@cmsArticle (accessed: March 1, 2020). (In Russ.)
- Galdanov S. The Feast of Tsagan (Sar). *Mana Zänge*. 1947. No. 3. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Kalmuk Road: History and Cultural Identity in U.S. Kalmyk Community. St. Petersburg: Aletheia, 2004. 340 p. (In Russ.)
- Ilyin I. V. Military Print Media of the Kalmyks: Kalmyk Journal. Moscow: Moscow Region State University, 2009. 55 p. (In Russ.)
- Kalmyk Tales. Vol. I. Elista: Kalmyk Book Publ., 1961. 264 p. (In Kalm.)
- Kalmyk Tales. Vol. II. Elista: Kalmyk Book Publ., 1968. 264 p. (In Kalm.)
- Merry Tsagan (Sar)! *Mana Zänge*. 1947. No. 2. P. 2. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. The scene composition of the Kalmyk social fairy tales. *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 116–121. (In Russ.)
- Nikolaev E. Anticipating the feast of Tsagan Sar. *Mana Zänge*. 1947. No. 2. P. 1. (In Russ.)
- Nikolaev E. Conversation with readers. *Mana Zänge*. 1947. No. 3. P. 1. (In Russ.)
- Nyamin Dzh. Address of Kalmyk New Generation Association to the Kalmyks. *Mana Zänge*. 1947. No. 3. P. 7. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmyk Speech Patterns. Collected and Published by G. J. Ramstedt. Vol. 1: Kalmyk Tales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Kalm. and Germ.)
- Topalova D. Yu. The Problems of preservation of national traditions and ethical views in S. Balykov's story 'Stronger Than the Power'. *Oriental Studies*. 2016. Pp. 262–270. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-262-270

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2020. N. 13. № 3

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 24.12.2020.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 40,92.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 11-20.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)